

# История Греции, том 02 (из 12)

Джордж Гроут

## HISTORY OF GREECE

I. Legendary Greece.

II. Grecian History to the Reign of  
Peisistratus at Athens.

BY

GEORGE GROTE, Esq.

VOL. II.

## The Project Gutenberg eBook of История Греции, том 02 (из 12).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте [www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

**Название:** История Греции, том 02 (из 12)

**Автор:** Джордж Гроут

**Дата выхода:** 12 мая 2018 [eBook #57143]

**Язык:** Английский

**Credits:** Продюсеры: Генри Флауэр, Адриан Мастронарди, Рамон Пахарес Боксом и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных Интернет-архивом/Американскими Libraries).

\*\*\* НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTORY OF GREECE, VOLUME 02 (OF 12) \*\*\*

---

[Примечание транскриптора](#)

[Оглавление](#)

---

## ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

I. Легендарная Греция.

II. Греческая история до правления Писистрата в Афинах.

GEORGE GROTE, Esq.

VOL. II.

ПЕРЕПЕЧАТАНО СО ВТОРОГО ЛОНДОНСКОГО ИЗДАНИЯ.

NEW YORK:

ХАРПЕР И БРАТЯ, ИЗДАТЕЛИ,

329 И 331 PEARL STREET.

1877.

---

## СОДЕРЖАНИЕ.

### VOL. II.

---

#### ЧАСТЬ I.

#### ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ ГРЕЦИИ.

---

#### ГЛАВА XVIII.

#### ЗАВЕРШАЮЩИЕ СОБЫТИЯ ЛЕГЕНДАРНОЙ ГРЕЦИИ. - ПЕРИОД ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ТЬМЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ РАССВЕТУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

##### Раздел I. - *Возвращение Гераклидов в Пелопоннес.*

Изгнание и низкое состояние Гераклидов. - Их новое появление в качестве мощной силы вместе с дорийцами. - Мифический рассказ об этом союзе, а также о трех племенах дорийцев. - Тесмен, Кресфонтес и Аристодем вторгаются в Пелопоннес через Коринфский залив. - Пророк Карнус убит Гиппотесом. - Оксил выбран проводником. - Раздел земель Пелопоннеса между захватчиками. - Объяснительное значение этих легендарных событий. - Мифическое название Пелопоннеса у дорийцев. - Платон придумывает другой титул для той же цели. - Другие легенды об ахейцах и Тисамене. - Захват дорийцами Аргоса, Спарты и Мессении. - Дорийцы в Коринфе - Алетес. - Оксил и элейцы в Элисе. - Право элейцев руководить Олимпийскими играми. - Семья Тевмена и Кресфонтеса - низшая в ряду сюжетов для героической драмы. - Выдача исторических спартанских царей за ахейцев. - Эмиграция из Пелопоннеса в результате дорийской оккупации. - Эпейцы, пилийцы, ахейцы, ионийцы. - Ионийцы на севере Пелопоннеса - не признаны Гомером. - Дата возвращения Гераклидов, установленная Фукидидом.

*стр. 1-14*

##### Раздел II. - *Миграция фессалийцев и беотийцев.*

Фессалийцы переселяются из Феспратиса в Фессалию. - Неэллинский характер фессалийцев. - Беотийцы - их переселение из Фессалии в Беотию. - Распространенные легенды о беотийцах. - Сходство между Беотией и Фессалией. - Переход от мифической к исторической Беотии.

*14-19*

##### Раздел III - *Эмиграция из Греции в Азию и на острова Эгейды.*

##### 1. Эолийская эмиграция.

Отделение мифических рас Греции. - Эмиграция эолийцев при Пелопидах.

*19-21*

##### 2. Ионическая эмиграция.

Ионическая эмиграция - ответвление от легендарной истории Афин. - Фесей и Менестей. - Восстановление сыновей Фесея в царстве их отца. - Их вытесняют Нелеиды. - Меланф и Кодр. - Преданность и смерть Кодруса. - В Афинах больше нет царей. - Ссора сыновей Кодруса и эмиграция Нелея. - Разные расы, из которых состояли эмигранты в Ионию.

21-25

3. Дорийская эмиграция.

Дорийские колонии в Азии. - Тхера. - Легенда о минийцах с Лемноса. - Минийцы в Трифилии. - Переселение дорийцев в Креты. - История Андрона. - Альтæменес, основатель Родоса. - Кос, Книд и Карпат.

25-31

Промежуточный пробел между легендой и историей. - Трудность объяснения этого пробела при гипотезе непрерывной традиции. - Такой промежуток существенно связан с генезисом легенды.

31-34

ГЛАВА XIX.

ПРИМЕНЕНИЕ ХРОНОЛОГИИ К ГРЕЧЕСКОЙ ЛЕГЕНДЕ.

Различные схемы хронологии, предложенные для мифических событий. - Данные, необходимые для определения хронологии, здесь отсутствуют. - Современные хронологи берутся за ту же проблему, что и древние, но с другим каноном убеждений. - Мнение мистера Клинтона о вычислениях даты Троянской войны. - Ценность хронологических вычислений зависит от достоверности генеалогий. - Оправдание генеалогий г-ном Клинтон - его доказательства. - 1. надписи - ни одной с доказанной древностью. - Генеалогии - многочисленны и имеют неопределенную дату. - 2. Ранние поэты. - Разделение генеалогических лиц на реальных и баснословных: принципы, на которых оно основано. - Замечания по поводу его мнения. - Его уступки частичны и непоследовательны, но достаточны, чтобы сделать генеалогии неприменимыми для хронологии. - Позиции г-на Клинтона в отношении исторических свидетельств. - В какой степени презумпция может свидетельствовать в пользу ранних поэтов. - Правдоподобный вымысел удовлетворяет условиям, установленным г-ном Клинтон - не отличим от истины без помощи доказательств. - Кадмус, Данаус, Хиллус и т. д. - все это эпонимы, подпадающие под определение вымышленных лиц, данное г-ном Клинтон. - То, что реально в генеалогиях, невозможно отличить от того, что выдуманно. - В какое время поэты начали создавать непрерывные генеалогии, от мифического к реальному миру? - Свидетельство умственного прогресса, когда люди методологизируют прошлое, даже на основе вымышленных принципов.

34-57

ГЛАВА XX.

СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА И НРАВОВ, ПОКАЗАННОЕ В ГРЕЧЕСКИХ ЛЕГЕНДАХ.

Легендарные поэмы Греции - ценные изображения реальных нравов, хотя и не дают исторических фактов. - Это воспоминания о первом состоянии греческого общества - отправной точке греческой истории. - Сравнение легендарной и исторической Греции -

правительство последней - первой. - Царь - в легендарной Греции. - Его главенствующее личное превосходство. - Трудность, с которой Аристотель столкнулся при объяснении добровольного повиновения ранним царям. - Буле - агора: их ограниченное вмешательство и подчинение царю. - Агора - средство обнародования намерений царя. - Агора, созванная Телемахом в Итаке. - Агора во второй книге "Илиады" - картина покорности, которую она представляет. - Поведение Одиссея с народом и вождями. - Правосудие, осуществляемое на агоре царем или вождями. - Жалобы Гесиода на несправедливое решение суда в его собственном случае. - Царь среди людей - аналог Зевса среди богов. - Совет и собрание, первоначально служившие средством, через которое действовал царь, становятся в исторической Греции главными хранителями власти. - Спартанские цари - исключение из общего правила - их ограниченные полномочия. - Использование ораторского искусства в качестве двигателя власти - неизменно с древнейших времен. - Его влияние на стимулирование интеллектуального развития. - Моральное и социальное чувство в легендарной Греции. - Всемогущество личных чувств по отношению к богам, царю или отдельным людям. - Влияние специальных церемоний. - Контраст с чувствами в исторических Афинах. - Сила семейных уз. - Брак - уважение к жене. Братья и родственники. - Гостеприимство. - Прием незнакомца и просителя. - Личные симпатии - самая ранняя форма социальности. - Свирепые и агрессивные страсти необузданны. - Картина, данная Гесиодом, еще мрачнее. - Контраст между героической и исторической Грецией. - Сироты. - Калечение мертвых тел. - Способ борьбы с убийством. - Умиротворение путем выплаты ценной компенсации (ποινή) родственникам убитого. - Наказывалось в исторической Греции как преступление против общества. - Положение, занятия и профессии гомеровских греков. - Рабы. - Феты. - Ограниченность торговли и мореплавания у гомеровских греков. - Кретаны, тафии, финикийцы. - Характер торговли финикийцев по Гомеру. - Оружие и способ ведения боя гомеровских греков. - Контраст с военным строем исторической Греции. - Аналогичные изменения - в военном строе и в гражданском обществе. - Укрепление городов. - Древнейшие резиденции греков - холмистые поселения, возвышенные и труднодоступные. - Гомеровское общество признает обнесенные стенами города, индивидуальную собственность и сильные местные привязанности. - Средства обороны превосходят средства нападения. - Привычное пиратство. - Расширение географических знаний в гесиодовских поэмах по сравнению с Гомером. - Астрономия и физика. - Монетные деньги, письменность, искусство. - Эпическая поэзия. - Ее огромное и постоянное влияние на греческий ум.

57-118

## ГЛАВА XXI.

### ГРЕЧЕСКАЯ ЭПИКА. ГОМЕРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ.

Два класса эпической поэзии - гомеровская - гесиодовская. - Дидактическая и мистическая поэзия гекзаметра - более поздний род, чем эпос. - Утраченные эпические поэмы. - Эпические поэты и их вероятные даты. - Эпический цикл. - Что такое эпический цикл - расположение поэм в соответствии с непрерывностью повествования. - Отношение эпического цикла к Гомеру. - Какие поэмы вошли в цикл. - Илиада и Одиссея - единственные сохранившиеся поэмы цикла. - Любопытство, которое вызывают эти две поэмы - нет данных для его удовлетворения. - Различные поэмы, приписываемые Гомеру. - Ничего не известно, и бесконечное разнообразие мнений относительно личности и даты создания Гомера. - Поэтический род Гомеридов. - Гомер, сверхчеловеческий эпоним и отец этого рода. - Каковы могут быть даты написания "Илиады" и "Одиссеи". - Наиболее вероятная дата, установленная Геродотом. - Вероятная дата создания Илиады и Одиссеи между 850 и 776 гг.

до н. э. - Эпические поэмы читались перед собравшимися компаниями, а не читались отдельными людьми. - Лирическая и хорическая поэзия, предназначенная для слуха. - Важность сословия рапсодов, певцов и чтецов. - Рапсоды, незаслуженно осужденные философами-сократиками. - Разновидности способа декламации древнего эпоса. - В какое время начали создаваться гомеровские поэмы. - Прологомены Вольфа - поставили новые вопросы относительно гомеровского текста - связали единство авторства с поэмами, написанными с самого начала. - Эти два вопроса не обязательно связаны между собой, хотя обычно обсуждаются вместе. - Немногочисленные следы письменности, оставшиеся после гомеровской эпохи. - Барды или рапсоды с достаточной памятью, менее несовместимые с условиями эпохи, чем длинные MSS - слепые барды. - Возможность сохранения поэм по памяти, так же точно, как они сохранялись на самом деле. - Аргумент из утраченного письма Дигаммы. - Когда начали писать гомеровские поэмы? - Доводы в пользу предположения, что они были впервые написаны около середины седьмого века до н. э. - Состояние "Илиады" и "Одиссеи" вплоть до правления Писистрата. - Теория Вольфа. - Авторитеты, приведенные в ее пользу. - Возражения против нее. - Другие длинные эпические поэмы, кроме "Илиады" и "Одиссеи". - Каталог в "Илиаде" - по сути, часть длинной поэмы - ее ранний авторитет. - Илиада и Одиссея были целыми поэмами задолго до Писистрата, независимо от того, были ли они первоначально составлены как целые или нет. - В гомеровских поэмах нет следов идей или обычаев, относящихся к эпохе Писистрата. - Гомеровские поэмы. 1. Созданы одним автором или несколькими. 2. Относятся ли они к одной дате и схеме. - Вопрос, поднятый Вольфом - Sagen-roesie. - Новый стандарт, применяемый к гомеровским поэмам. - Гомеровское единство - в целом отвергнутое немецкими критиками в прошлом поколении - теперь снова частично возрождается. - Скудные свидетельства - трудность формирования какого-либо убедительного мнения. - Метод изучения вопроса о гомеровском единстве. - Одиссея должна быть изучена первой, как имеющая более простую и понятную структуру, чем Илиада - Одиссея - свидетельство единого замысла во всей ее структуре. - В ней очень мало признаков бессвязности или противоречий. - Хронологический отсчет в "Одиссее" неточен в одном случае. - Отсюда ошибочно делается вывод, что части поэмы изначально были раздельными. - Двойное начало и двойное течение событий, в конечном итоге сведенных в "Одиссее". - Мастерство, проявленное поэтом в этом вопросе. - Сложность представить себе Одиссею разбитой на множество существующих поэм или песен. - Структура "Одиссеи" - по сути, единая - не может быть собрана из уже существовавших эпосов. - Аналогия с "Одиссеей" показывает, что длительное и обдуманное сочинение эпоса соответствует возможностям раннего греческого разума. - Илиада - гораздо менее связная и единая, чем Одиссея. - Бессвязность преобладает только в отдельных частях поэмы - в других частях наблюдается явная связность. - Вольфианская теория объясняет первое, но не второе. - Теория Велькера, Ланге и Ницша. - Эпоха Эпоса предшествует эпохе Эпопеи. - Илиада, по сути, организованная поэма - но первоначальная схема не охватывает всю поэму. - Илиада - первоначально ахиллесова поэма, построенная по более узкому плану, затем расширенная. - Части, составляющие первобытную ахиллею, демонстрируют связную последовательность событий. - Агамемнон, Одиссей и Диомедес были выведены из строя в битве одиннадцатой книги. - В первой книге внимание сосредоточено на Ахилле и на бедствиях, которые должны понести греки из-за нанесенного ему оскорбления. - До восьмой книги ничего не происходит для реализации этих ожиданий. - Примитивная Ахиллесова книга включает книги i, viii, xi - xii. - Девятая книга является неуместным дополнением. - Переход от "Ахиллеса" к "Илиаде" в начале второй книги. - Переход от "Илиады" обратно к "Ахиллесу" в конце седьмой книги. - Укрепление греческого лагеря. - Зевс в четвертой книге "Илиады" отличается от Зевса в первой и восьмой книгах "Ахиллеса". - Непрерывная Ахиллея - с одиннадцатой книги и далее. - Предположение о расширенной Ахиллеиде наиболее

созвучно всем частям поэмы в ее нынешнем виде. - Вопрос об одном или многих авторах - трудно решить. - Одиссея написана одним автором, Илиада, вероятно, нет. - Разница в стиле в последних шести книгах - может быть объяснена без предположения о разнице в авторстве. - Последние две книги - вероятно, не части оригинального "Ахиллеса". - Книги с ii. по vii. включительно. - Книга х. - Одиссея - вероятно, написана другим автором, чем Илиада, но, возможно, того же возраста. - Настоящий характер гомеровских поэм - по существу народный. - Обращенные к непросвещенным умам, но затрагивающие те чувства, которые присущи всем людям. - Никакой дидактической цели у Гомера нет.

118-209

## ЧАСТЬ II.

### ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ.

---

#### ГЛАВА I.

##### ОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ И ПРЕДЕЛЫ ГРЕЦИИ.

Северная граница Греции - Олимп. - Скардус и Пинд - их распространение и распространение по южной Греции и Пелопоннесу. - Осса и Пелион - до Кикладских островов. - Геологические особенности. - Неравномерность греческих вод - реки пересыхают летом. - Частые болота и озера. - Подземное течение рек, выход из замкнутых бассейнов. - Сложность сухопутного сообщения и транспорта в Греции. - Изгибы в линии побережья - всеобщая доступность по морю. - Морское сообщение, необходимое для островов и колоний. - Взгляды античных философов на влияние морских привычек и торговли. - Различие между сухопутными и морскими государствами в Греции. - Влияние конфигурации Греции на политические отношения жителей. - Влияние на их интеллектуальное развитие. - Пределы Греции. - Ее основные продукты. - Климат - лучше и здоровее в древние времена, чем сейчас. - Большая разница между одной частью Греции и другой. - Эпироты, македонцы и т. д. - острова в Эгейском море. - Греки на побережье Малой Азии.

211-236

#### ГЛАВА II.

##### ЭЛЛИНСКИЙ НАРОД В ЦЕЛОМ В РАННИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА.

Эллины вообще. - Варвары - слово, используемое как противопоставление эллинам. - Эллинская совокупность - то, что держится вместе. 1. Братство по крови. 2. Общий язык. - Греческий язык по сути один с множеством диалектов. 3. Общие религиозные чувства, местности и жертвоприношения. - Олимпийские и другие священные игры. - Привычка к общим жертвоприношениям - ранняя черта эллинского сознания - начиналась с малых масштабов. - Амфикинии - исключительные религиозные товарищества. - Их благотворное влияние на формирование симпатий. - Так называемый Амфикинический совет. - Двенадцать его членов и их взаимное положение. - Древность Совета - простота старой клятвы. - Собрание амфикиоников первоначально проходило в Фермопиле. - Ценное влияние этих амфикиний и фестивалей на развитие эллинского союза. - Амфикинии осуществляли надзор за храмом в Дельфах. - Но их вмешательство в греческие дела было

лишь редким и эпизодическим. - Многие эллинские государства не принимали в них никакого участия. - Храм в Дельфах. - Оракулы вообще - привычка греческого ума обращаться к ним. - Общая аналогия нравов у греков. - Политический суверенитет, закрепленный за каждым отдельным городом - существенный для эллинского ума. - Каждый город стоял по отношению к остальным в международных отношениях. - Но городское управление необходимо - деревенская жизнь рассматривается как низший уровень жизни. - Деревенские жители - многочисленные в ранней Греции - многие из них объединились в города. - Спарта даже на пике своего могущества сохранила старую деревенскую укладку. - Эллинская совокупность принимается как первичный факт - ее предсуществующие элементы не прослеживаются. - Древние пеласги не известны. - Исторические пеласги - говорили на варварском языке. - Исторические лелеги - варвары и по языку. - Заявления хороших свидетелей об исторических пеласгах и лелегах должны быть приняты, - независимо от того, соответствуют они легендарным пеласгам и лелегам или нет. - Предполагаемые доэллинские колонии из Финикии и Египта - не поддаются проверке и не вероятны. - Древнейшая Эллада - Грæци.

236-269

### ГЛАВА III.

#### ЧЛЕНЫ ЭЛЛИНСКОЙ СОВОКУПНОСТИ, ВЗЯТЫЕ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ. - ГРЕКИ К СЕВЕРУ ОТ ПЕЛОПОННЕСА.

Амфикионийские расы. - Неамфикионийские расы. - Первый период греческой истории - с 776-560 гг. до н. э. - Второй период - с 560-300 гг. до н. э. - Важные различия между ними - первый период подготовительный и очень малоизвестный. - Внепелопоннесские греки (к северу от Аттики) в первый период вообще не известны. - Общий очерк о них. - Греки к северу от Фермопил. - Фессалийцы и зависимые от них народы. - Фессалийский характер. - Состояние населения Фессалии - холопская раса - пенестеи. - Кем были пенестийцы - сомнительно. - Четырехкратное деление Фессалии. - Беспорядочное объединение фессалийских городов. - Великая сила Фессалии, когда она находилась в состоянии единодушия. - Ахейцы, перрæби, магнеты, малийцы, долопы и т.д., все притоки фессалийцев, но все амфикионийские расы. - Азиатские магнаты. - Малийцы. - Cætæi. - Иниане. - Локрийцы, фокийцы, дорийцы. - Фокийцы. - Дорис - Дриопис. - Исторические дриопы. - Этолийцы. - Акарнанцы. - Озолийские локрийцы, этолийцы и акарнанцы были самыми грубыми из всех греков. - Беотийцы. - Орхомен. - Города Беотии. - Конфедерация Беотии. - Раннее законодательство Фив. - Филолай и Диоклис.

269-298

### ГЛАВА IV.

#### РАННИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕЛОПОННЕСЕ. ДОРИЙЦЫ В АРГОСЕ И СОСЕДНИХ ГОРОДАХ.

Распространение Пелопоннеса около 450 г. до н. э. - Непрерывные дорийские государства. - Западный Пелопоннес. - Северный Пелопоннес - Ахайя. - Центральный регион - Аркадия. - Разница между этим распределением и распределением 776 года до н. э. - Часть населения, которая считалась коренными аркадянами, кинурийцами. ахейцы. - Эмигранты - дорийцы, этоло-элейцы, дриопы, трифиляне. - Легендарный рассказ о дорийской эмиграции. - Александрийская хронология от возвращения Гераклидов до первой Олимпиады. - Спартанские цари. - Гераклиды - цари Коринфа. - Аргос и соседние дорийцы больше Спарты



в 770 г. до н. э. - Ранние поселения дорийцев в Аргосе и Коринфе - Теменион - холм Солигея. - Дорийские поселенцы прибыли морем. - Ранние дорийцы в Крете. - Дриопийцы - их поселения образовались на море. - Дорийские поселения в Аргосе, совершенно отличные от поселений в Спарте и Мессении. - Раннее положение Аргоса - метрополии соседних дорийских городов. - Фидон Теменид - царь Аргоса. - Его притязания и проекты как представителя Гераклеи. - Он претендует на право председательствовать на Олимпийских играх. - Отношения Пизы с Фидоном и Спарты с Элидой. - Конфликт между Фидоном и спартанцами, примерно на 8-й Олимпиаде, 747 г. до н. э. - Фидон - самый ранний грек, который чеканил деньги и определил веса. - Совпадение эгинейских весов с вавилонскими. - Аргос в это время - первое государство в Пелопоннесе. - Ее последующий упадок, связанный с ослаблением конфедерации городов. - Дорийцы на Аргоническом полуострове - их ранняя торговля с Дорийскими островами в Эгейском море. - Отсюда возникла чеканка денег и т. д., осуществленная Фидоном. - Фейдоновская чеканка и статические веса - первоначально принадлежат Аргосу, а не Эгине.

298-325

## ГЛАВА V.

### ЭМИГРАЦИЯ ЭТОЛО-ДОРИЙЦЕВ В ПЕЛОПОННЕС. - ЭЛИДА, ЛАКОНИЯ И МЕССЕНИЯ.

Эмиграция этоло-дорийцев в Пелопоннес. - Дорийцы из Спарты и Стениклера - сопровождение или следование за ними через Коринфский залив. - Поселение в Спарте, возникшее в результате похода по долинам Алфея и Евротаса. - Причины, благоприятствовавшие поселению - Поселения сначала ограничивались Спартой и Стенеклером. - Первый взгляд на историческую Спарту. - Мессенские цари. - Аналогичные представления о ранних процессах как спартанцев, так и мессенцев. - Цари Стениклера не владели всей Мессенией. - Олимпийский фестиваль - ранний момент объединения спартанцев, мессенцев и элейцев. - Прежние жители южного Пелопоннеса - насколько они отличались от дорийцев. - Дорийский и эолийский диалекты.

325-337

## ГЛАВА VI.

### ЗАКОНЫ И ДИСЦИПЛИНА ЛИКУРГА В СПАРТЕ.

Ликург - авторитет Плутарха в отношении него. - Неясности в его генеалогии. - Вероятная дата рождения Ликурга. - Мнение О. Мюллера (о том, что Спарта - идеальный тип дорийского характера и наклонностей) ошибочно. - Особенность Спарты. - Ранняя дата Ликурга. - Взгляд Геродота на Ликурга. - Мало сказано о Ликурге у ранних авторов. - Подробные сведения Плутарха. - Регентство Ликурга - его долгое отсутствие в Спарте. - Он послан дельфийским оракулом для реформирования государства. - Приписываемые ему учреждения - сенат и народное собрание - эфоры. - Конституция, приписываемая Ликургу, согласуется с той, которую мы находим у Гомера. - Пара царей в Спарте - их постоянные раздоры - гарантия государства от деспотизма. - Идея Клеомена Третьего о первом назначении эфоров. - Народное происхождение коллегии эфоров - клятва между ними и царями. - Подчинение царей и верховенство эфоров в исторические времена. - Положение и привилегии царей. - Власть эфоров. - Общественное собрание. - Сенат. - Спартанская конституция - тесная олигархия. - Длительное существование конституции без формальных изменений - одна из причин уважения в Греции и гордости за самих спартанцев. - Дорийцы делились на три племена, - гилеи, памфилы и диманы. - Местные различия, известные среди спартанцев. -

Население Лаконии - 1. спартанцы. - 2. периэки. - Особое значение слова "периэки" в Лаконии. - Заявление Исократеса о происхождении периэков. - Утверждение Эфора - отличное от Исократеса, но не полностью непримиримое. - Спартанцы и периэки - в исторические времена между ними не было расового различия. - 3. гелоты - по сути, сельские жители. - Они были крепостными - *adscripti glebæ* - их состояние и обращение. - Храбрость и энергия гелотов - страх и жестокость спартанцев. - Свидетельства о характере спартанского правительства. - Криптия. - Манумитированные гелоты. - Экономические и социальные постановления, приписываемые Ликургу. - Раздел земель. - Сиссития, или общественный обед. - Общественное обучение или дисциплина. - Нравы и воспитание спартанских женщин - мнение Аристотеля. - Высказывания Ксенофонта и Плутарха. - Количество богатых женщин во времена Аристотеля - вероятно, они добились освобождения от общего обучения. - Искренний и возвышенный патриотизм спартанских женщин. - Ликург - воспитатель воинского братства, а не создатель политической конституции. - Его цель исключительно воинственна - его средства исключительно суровы. - Высказывания Плутарха о Ликурге - в них много романтики. - Новый раздел земель - ранние авторы вплоть до Аристотеля не приписывали Ликургу такой меры. - Представление о Ликурге как о равном разделителе земель относится к веку Агиса и Клеомена. - Обстоятельства жизни Спарты до правления Агиса. - Уменьшение числа граждан и деградация Спарты в царствование Агиса. - Его горячее желание восстановить достоинство государства. - Из этого чувства выросла историческая фантазия Ликурга как равного разделителя земель. - Раздел, предложенный Агисом. - Мнение, что Ликург предлагал некоторое аграрное вмешательство, но не полный передел, необоснованно и неправдоподобно. - Заявление Плутарха лучше всего объясняется, если считать его вымыслом времен Агиса. - Признается трудность понимания того, какими средствами поддерживалось фиксированное число и целостность жребиев. - Рассказ Плутарха об эфоре Эпитадее. - Земельная собственность в Спарте всегда делилась неравномерно. - Не было и законов, направленных на его уравнивание. - Мнения Аристотеля. - Ошибочные предположения относительно спартанского права и практики наследования. - Ликургова система - первоначально применявшаяся только в Спарте - вводила равную строгость дисциплины, а не равенство имущества. - Первоначальный дорийский надел земли в Спарте неизвестен - вероятно, он не был равным. - Постепенное завоевание Лаконии, результат новой силы, привнесенной ликургской дисциплиной. - Завоевание Амиклеи, Фариса и Геронтры царем Телеклом. - Гелус завоеван Алкаменесом. - Постепенное усиление Спарты.

[337-421](#)

## ГЛАВА VII.

### ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ МЕССЕНСКИЕ ВОЙНЫ.

Авторитеты для истории мессенских войн. - В основном относятся ко времени после основания Мессены Эпаминондом. - Отсутствие реальных или античных традиций относительно этих войн: противоречия относительно мессенского героя Аристоменеса. - Даты первых войн - 743-724 гг. до н. э. - Причины, предполагаемые спартанцами. - Спартанский царь Телекл, убитый мессенцами в храме Артемиды Лимнатис. - Первая Мессенская война. - Мессенские цари Эвфес и Аристодем. - Мессенцы сосредотачиваются на горе Итоме - после долгой осады они полностью покорены. - Суровое обращение и гелотизм покоренных мессенцев под властью Спарты. - Восстание мессенцев против Спарты - вторая Мессенская война - Аристоменес. - Его рыцарские подвиги и спасение - конец второй войны. - Мессенцы вновь покорены. - Рассказ Павсания, заимствованный у поэта Риана, не заслуживает доверия. - Поэт Тиртеус, союзник Спарты - его огромная

работоспособность и влияние на спартанские умы. - Музыкальная восприимчивость спартанцев. - Мощное этическое воздействие старой греческой музыки. - Страдания спартанцев во второй Мессенской войне. - Дата второй войны, 648-631 гг. до н. э. - Наказание предателя Аристократа, царя аркадского Орхомена. - Спартанцы приобретают страну к западу от Тайгета. - Мессенские дорийцы не имели значительных укрепленных мест - жили небольшими поселками и деревнями. - Отношения Пизы и Элиды. - Борьба пизанцев и трифилийцев за автономию - последние в последующие времена поддерживались политическими интересами Спарты.

421-440

## ГЛАВА VIII.

### ЗАВОЕВАНИЯ СПАРТЫ В АРКАДИИ И АРГОЛИДЕ.

Государство Аркадия. - Тегея и Мантинея - самые могущественные аркадские города до строительства Мегалополя. - Посягательства Спарты на южную границу Аркадии. - Безуспешные попытки спартанцев захватить Тегею. - Оракул велит им привезти в Спарту кости героя Орестеза. - Их операции против Тегеи становятся все более успешными, однако Тегея сохраняет свою независимость. - Границы Спарты с Аргосом - завоевание Спартой Тиреатиса. - Битва трехсот отборных чемпионов между Спартой и Аргосом за обладание Тиреатисом - доблесть Отриадеса. - Тиреатис переходит во владение Спарты - усилия аргейцев вернуть его. - Изменение мнения греков относительно практики решения споров избранными чемпионами. - Кинурийцы в Арголиде, как говорят, ионийской расы, но дорисованы. - Полное овладение южной частью Пелопоннеса, от моря до моря, спартанцами до 540 года до н. э. - Большая сравнительная мощь Спарты в то раннее время. - Тщательная личная подготовка спартанцев в то время, когда в других государствах ее вообще не было. - Военные институты Спарты. - Особые и мелкие военные подразделения, отличные от гражданских эномотий и т. д. - Тщательное обучение эномотии. - В других греческих городах не было особых военных подразделений, отличных от гражданских. - Признание превосходства Спарты - часть ранних греческих настроений - совпадало с растущей тенденцией к увеличению общинности. - Гомеровский способ ведения боевых действий - вероятно, принадлежал Азии, а не Греции. - Аргос - ее борьба за восстановление главенства в Греции. - Завоевание Микенэ, Тирина и Клеонэ. - Немейские игры. - Ахайя - двенадцать автономных городов, возможно, больше - малоизвестна.

441-466

---

## ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

---

### ЧАСТЬ I.

### ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ ГРЕЦИИ.

---

## ГЛАВА XVIII.

# ЗАВЕРШАЮЩИЕ СОБЫТИЯ ЛЕГЕНДАРНОЙ ГРЕЦИИ. ПЕРИОД ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ТЬМЫ ПЕРЕД РАССВЕТОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

## РАЗДЕЛ I. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРАКЛИДОВ В ПЕЛОПОННЕС.

В одной из предыдущих глав мы проследили нисходящий ряд двух наиболее выдающихся мифических семейств Пелопоннеса - Персеидов и Пелопидов: первых мы проследили до Гераклеи и его сына Хилла, а вторых - до Орестека, сына Агамемнона, который остался на полуострове и получил для своего отца главное командование в Троянской войне. Гераклиды, или сыновья Геракла, напротив, - изгнанные беглецы, зависящие от чужой помощи или защиты: Хиллус погиб в единоборстве с Эхемом из Тегеи (связанным с Пелопидами узами брака с Тимандрой, сестрой Клитемнестры<sup>[1]</sup>), и в качестве предварительного условия этого поединка был заключен торжественный договор о том, что в течение ста лет его семья не будет предпринимать подобных попыток вторжения на полуостров. По истечении оговоренного срока попытка была возобновлена, причем с полным успехом, но ее успех был обусловлен не столько доблестью захватчиков, сколько наличием мощного корпуса новых союзников. Гераклиды вновь появляются в качестве вождей и спутников дорийцев - северной части греческого племени, которое теперь впервые приобретает важное значение, - правда, бедное мифической славой, поскольку они никогда не упоминаются в "Илиаде" и лишь однажды случайно упоминаются в "Одиссее", как фракция среди многоречивых жителей Крета, - но им суждено сформировать один из великих и преобладающих элементов на протяжении всей карьеры исторической Эллады.

Сын Гилея - Клеодэй, а также его внук Аристомах уже умерли, и род Гераклеса представляли три сына последнего - Тесмен, Кресфонтеc и Аристодам, и под их руководством дорийцы проникли на полуостров. В мифах этот тесный союз между Гераклидами и дорийцами восходит к предыдущей войне, в которой сам Гераклес оказал неоценимую помощь дорийскому царю Эгимию, когда тот был сильно потеснен в поединке с лапифами. Геракл победил лапитов и убил их царя Коронуса, за что Эгимий уступил своему избавителю третью часть всей своей территории и усыновил Хилла своим сыном. Геракл пожелал, чтобы переданная ему территория оставалась в резерве до тех пор, пока не наступит время, когда его потомки будут нуждаться в ней; и это время действительно наступило, после смерти Хилла (см. гл. V). Некоторые из Гераклидов нашли убежище в Трикорите в Аттике, но остальные, повернувшись к Эгимию, попросили у него землю, которая была обещана их доблестному прародителю. Эгимий принял их в соответствии со своим обещанием и выделил им оговоренную третью часть своей территории:<sup>[2]</sup> и с этого момента Гераклиды и дорийцы тесно объединились в одну социальную общность. Памфил и Димас, сыновья Эгимия, сопровождали Темена и двух его братьев в их вторжении в Пелопоннес.

Таков мифический инцидент, призванный объяснить происхождение тех трех племен, на которые обычно делились все дорийские общины, - гиллов, памфилов и димов, причем первое из них включало в себя некоторые отдельные семьи, например, царей Спарты, носивших особое имя Гераклидов. Хиллус, Памфил и Димас - одноименные герои трех дорийских племен.

Тесмен и два его брата решили напасть на Пелопоннес не сухопутным маршем вдоль перешейки, как это было в случае с убитым ранее Хиллом, а морским путем, через узкую бухту между мысами Риум и Антир, с которой начинается Коринфский залив. Согласно одной

из историй, которая, однако, не была известна Геродоту, они выбрали эту линию похода по прямому указанию дельфийского бога, который поручился объяснить им оракул, переданный Хилусу в обычной двусмысленной фразеологии. И озолийские локрийцы, и этолийцы, жители северного побережья Коринфского залива, благосклонно отнеслись к этому предприятию, и первые предоставили им порт для постройки кораблей, от чего этот памятный порт впоследствии носил название Наупакта. Здесь Аристоклеме поразила молния, и он умер, оставив сыновей-близнецов Эврисфена и Проклеса; но его оставшиеся братья продолжали с готовностью продолжать экспедицию.

В это время в лагере появился акарнанский пророк по имени Карнус[3], вдохновленный Аполлоном, и произнес различные предсказания. Однако он был настолько заподозрен в вероломном сговоре с пелопоннесцами, что Гиппотес, правнук Гераклеи через Филаса и Антиоха, убил его. Его смерть навлекла на войско гнев Аполлона, который уничтожил их корабли и наказал голодом. Тесмен в своей беде, вновь обратившись к дельфийскому богу за поддержкой и советом, узнал причину стольких страданий и получил указание изгнать Гиппотеза на десять лет, принести искупительную жертву за смерть Карна и искать в качестве проводника войска человека с тремя глазами.[4] Возвращаясь в Наупактус, он встретил этолийца Оксила, сына Андрæмона, возвращавшегося в свою страну после временного изгнания в Элисе, понесенного за убийство: Оксил лишился одного глаза, но так как он сидел на коне, то человек и конь вместе составляли три глаза, и он был принят в качестве проводника, предписанного оракулом.[5] Проводив его, они переоборудовали свои корабли, высадились на противоположном берегу Ахайи и отправились в поход, чтобы напасть на Тисамена, сына Орестека, тогда великого властителя полуострова. Состоялась решающая битва, в которой последний был побежден и убит, а Памфил и Димас также погибли. Эта битва сделала дорийцев полными хозяевами Пелопоннеса, и они приступили к распределению территории между собой. Плодородные земли Элиды были зарезервированы за Оксилом в качестве вознаграждения за его услуги в качестве проводника, и было решено, что три Гераклиды - Тесмена, Кресфонтес и младенцы-сыновья Аристоклема - должны бросить жребий на Аргос, Спарту и Мессену. Аргос достался Темону, Спарта - сыновьям Аристоклема, а Мессенка - Кресфонтесу; последний обеспечил себе этот приз, самую плодородную территорию из трех, обманом, положив в сосуд, из которого вытягивали жребий, кусок глины вместо камня, и таким образом жребий его братьев был вытянут, а его собственный остался внутри. По этому жребию каждый приносил торжественные жертвы, но когда они приступали к церемонии, на алтаре каждого из братьев появлялось чудесное знамение: жаба соответствовала Аргосу, змея - Спарте, а лисица - Мессене. Пророки, с которыми посоветовались, объяснили значение этих таинственных знаков: жаба, как животное медлительное и неподвижное, свидетельствовала о том, что владелец Аргоса не преуспеет в предприятиях за пределами своего города; змея обозначала агрессивное и грозное будущее Спарты; лиса предсказывала мессенцу карьеру хитрости и обмана.

Таков краткий рассказ Аполлодора о возвращении Гераклидов, и в этот момент мы, словно по мановению волшебной палочки, переходим из мифической Греции в историческую. Повествование носит на себе печать не истории, а легенды, - сокращенное с сайта одним или несколькими генеалогическими поэтами[6] и представляющее собой такой отчет, который они сочли удовлетворительным, о первом образовании великих дорийских учреждений в Пелопоннесе, а также о полуэтолийской Элиде. События в нем изложены таким образом, чтобы иметь объяснительное значение для дорийских институтов, - о тройном делении племен, характерном для дорийцев, - о происхождении великого праздника Карнея в Спарте, который якобы отмечался в память об убийстве Карнуса,-о



различных нравах и характерах дорийских государств между собой, - о раннем союзе дорийцев с Элидой, который способствовал возвышению и распространению Олимпийских игр, - о благоговейной зависимости дорийцев от дельфийского оракула, - и, наконец, об этимологии имени Наупакта. Если бы мы ознакомились с повествованием более подробно, то, вероятно, нашли бы еще много примеров того, как цвет легендарного прошлого подходит к обстоятельствам исторического настоящего.

Прежде всего, в этой легенде в пользу дорийцев и их царей выдвигается мифический титул их пелопоннесских владений; Аргос, Спарта и Мессена представлены как принадлежащие по праву и восстановленные справедливым возмездием детям Геракла. Именно им Зевс специально отдал территорию Спарты; дорийцы пришли туда как их подданные и помощники.<sup>[7]</sup> Платон дает совсем другую версию легенды, но мы видим, что и он поворачивает историю таким образом, чтобы воплотить в ней правовое утверждение завоевателей. По его словам, ахейцы, вернувшись после взятия Трои, обнаружили, что их сограждане на родине - род, выросший за время их отсутствия, - не желают их принимать: после бесплодных попыток восстановить свои права они были наконец изгнаны, но не без борьбы и кровопролития. Вождь по имени Дорий собрал всех изгнанников в одно тело, и от него они получили название дорийцев вместо ахейцев; затем, вернувшись под предводительством Гераклидов в Пелопоннес, они силой вернули себе владения, от которых были отторгнуты, и образовали три дорийские династии под началом братьев Гераклидов в Аргосе, Спарте и Мессене. Эти три братские династии были основаны на схеме тесного союза и клятвенного союза друг с другом, чтобы противостоять любому нападению, которое может быть предпринято на них из Азии<sup>[8]</sup> либо оставшимися троянцами, либо их союзниками. Такова история, какой ее считал Платон; существенно отличающиеся происшествия, но схожие по мифическому чувству и воплощающие в себе идею законного завоевания. Более того, оба рассказа сходятся в том, что все завоевание и тройной раздел дорийского Пелопоннеса начинаются и завершаются в одном и том же предприятии, составляя единое событие, которое Платон, вероятно, назвал бы Возвращением ахейцев, но которое обычно известно как Возвращение Гераклидов. Хотя это и недопустимо, и не согласуется с другими утверждениями, приближенными к историческим временам, тем не менее, оно имеет все признаки примитивного взгляда, первоначально представленного генеалогическими поэтами: широкий способ, которым инциденты сгруппированы вместе, был одновременно и легким для воображения, и впечатляющим для чувств.

Существование одного легендарного рассказа никогда не должно пониматься как исключение вероятности существования других рассказов, существовавших в то же время, но не согласующихся с ним: а таких было много в отношении первого основания пелопоннесских дорийцев. В приведенном мною рассказе Аполлодора, задуманном, очевидно, под влиянием дорийских чувств, говорится, что Тисамен был убит во время вторжения. Но согласно другому рассказу, который, по-видимому, нашел поддержку у исторических ахейцев на северном побережье Пелопоннеса, Тисамен, хотя и был изгнан захватчиками из своего царства в Спарте или Аргосе, не был убит: ему было позволено уйти по соглашению вместе с определенной частью его подданных, и он направил свои шаги к побережью Пелопоннеса к югу от Коринфского залива, которое в то время занимали ионийцы. Поскольку между ионийцами и ахейцами существовали не только дружеские, но и родственные отношения (одноименные герои Ион и Ахей - братья, оба сыновья Ксута), Тисамен попросил ионийцев пропустить его и его товарищей-беглецов на их территорию. Ведущие ионийцы отклонили эту просьбу, опасаясь, что Тисамен может быть избран государем всей страны, и он добился своего силой. После ожесточенной борьбы ионийцы были побеждены и обращены в бегство, и Тисамен таким образом получил во владение

Гелику, а также северное побережье полуострова к западу от Сикиона; это побережье продолжало оставаться занятым ахейцами и получило от них свое название на протяжении всех исторических времен. Ионийцы удалились в Аттику, многие из них приняли участие в так называемой ионийской эмиграции на побережье Малой Азии, которая последовала вскоре после этого. Павсаний, правда, рассказывает, что Тисамен, одержав решительную победу над ионийцами, пал в бою[9] и сам не дожид до того, чтобы занять страну, хозяином которой оставались его войска. Но эта история о смерти Тисамена, похоже, возникла из-за желания Павсания соединить в одном повествовании две противоречивые легенды; по крайней мере, исторические ахейцы в более поздние времена продолжали считать самого Тисамена жившим и правившим на их территории и оставившим царскую династию, продолжавшуюся до Оигеса,[10] после которого она была заменена народным правлением[11].

Завоевание Темена, старшего из трех Гераклидов, первоначально охватывало только Аргос и его окрестности; именно оттуда Трезен, Эпидавр, Эгина, Сикион и Флий были успешно захвачены дорийцами, сыновья и зятья Темена - Дейфонтеc, Фалькес и Кейсус - были лидерами, под руководством которых это было сделано.[12] В Спарте успех дорийцев укрепился благодаря измене человека по имени Филоном, который получил в качестве вознаграждения соседний город и территорию Амиклаэ.[13] Мессения, как говорят, без сопротивления подчинилась владычеству Гераклида Кресфонтеcа, который основал свою резиденцию в Стениклере: пилиец Меланф, тогдашний правитель страны и представитель великого мифического рода Нелея и Нестора, удалился с своими домашними богами и частью своих подданных в Аттику[14].

Единственное дорийское поселение на полуострове, не связанное напрямую с тройным разделом, - это Коринф, который, как говорят, был доризирован несколько позже и при другом вожде, хотя все еще Гераклиде. Гиппотес, потомок Гераклеи в четвертом поколении, но не через Хилла, был виновен (как уже говорилось) в убийстве пророка Карна в лагере Наупакта, за что был изгнан и находился в изгнании десять лет; его сын получил имя Алекез от долгих скитаний, которые пережил отец. Во главе дорийцев Алетес напал на Коринф: он разбил свой лагерь на Солигейской возвышенности недалеко от города и изводил жителей постоянными войнами, пока не вынудил их сдаться. Даже во время Пелопоннесской войны коринфяне утверждали, что опознали холм, на котором был разбит лагерь этих нападавших. Великая мифическая династия Сизифидов была изгнана, и Алетес стал правителем и СЕкистом дорийского города; многие жители, эолийцы или ионийцы, покинули его[15].

Поселение Оксила и его эфолйцев в Элисе, как утверждают некоторые, прошло без особого сопротивления; вождь исповедовал себя потомком Эфола, который в предыдущую эпоху был изгнан из Элиса в Эфолию, а два народа, эпейцы и эфолйцы, признавали родство одного с другим.[16] Сначала, по словам Эфора, эпейцы выступили с оружием в руках, решив отразить вторжение, но в конце концов обе стороны согласились решить вопрос в одиночном бою. Дегмен, чемпион эпейцев, полагался на дальний выстрел из своего лука и стрелы; но этолиец Пирæхмес пришел с пращой - оружием, тогда еще неизвестным и недавно изобретенным этолийцами, - дальность полета которой была все же больше, чем у лука его врага: таким образом он убил Дегмена и обеспечил победу Оксилу и его последователям. По одним данным, эпейцы были изгнаны; по другим - они дружески побратались с новоприбывшими: какой бы ни была правда в этом вопросе, несомненно, что с этого момента их имя потеряно и они никогда больше не появятся среди исторических элементов Греции:[17] с этого времени мы слышим только об элейцах, которые, как говорят, были этолийского происхождения[18].

Одна из важнейших привилегий была связана с владением элейской территорией Оксиллом, а также с его претензиями на благодарность дорийских царей. Элейцы получили управление храмом в Олимпии, которым, как говорят, до них владели ахейцы; и в связи с этой священной функцией, которая впоследствии переросла в празднование великих Олимпийских игр, их территория была торжественно объявлена неприкосновенной. Таково утверждение Эфора:[19] в этом случае, как и во многих других, мы видим, что возвращение Ираклидов служит легендарной основой для исторического положения дел в Пелопоннесе.

Великие аттические трагики, за редким исключением, выбирали сюжеты для своих произведений из героического или легендарного мира, и Еврипид сочинил три драмы, ныне утраченные, о приключениях Тесмена с его дочерью Гирнето и зятем Деифонтесом, - о семейных несчастьях Кресфонтеса и Меровы, - и об успешной доблести Архелая, сына Тесмена, в Македонии, где он якобы положил начало династии царей Теменидов. Из этих сюжетов первый и второй были в высшей степени трагическими, а третий, касающийся Архелая, был, по-видимому, предпринят Еврипидом в качестве комплимента его современному государю и покровителю, Архелаю, царю Македонии: нам даже говорят, что те подвиги, которые в обычной версии легенды приписываются Темону, в драме Еврипида были совершены Архелаем, его сыном.[20] Из всех героев, затронутых тремя аттическими трагиками, эти дорийские Гераклиды стоят ниже всех в нисходящем генеалогическом ряду - один знак среди прочих, что мы приближаемся к почве подлинной истории.

Хотя название "ахейцы", обозначающее народ, отныне относится только к северопелопоннесской территории, называемой Ахайей, и к жителям Ахейи, Фтиотиды, расположенной к северу от горы Сета, и хотя великие пелопоннесские государства, похоже, всегда гордились своим титулом дорийцев, - но мы видим, что цари Спарты даже в историческую эпоху старались присвоить себе мифическую славу ахейцев и выставить себя представителями Агамемнона и Орестеза. Спартанский царь Клеоменес даже пошел на то, чтобы формально отрицать свое дорийское происхождение; когда жрица в Афинах отказалась разрешить ему принести жертву в храме Афины, сославшись на то, что он императивно закрыт для всех дорийцев, он ответил "Я не дориец, а ахейец". "Мало того, что спартанский посланник перед Гелоном Сиракузским связал неоспоримый титул своей страны на верховное командование греческими военными силами с древним именем и высокими прерогативами Агамемнона,[22] - но, следуя тому же чувству, спартанцы, как говорят, перевезли в Спарту кости Орестека из Теги и Тисамена из Гелики, [23] - по предписанию дельфийского оракула. Существует также история о том, что Оксилус в Элисе получил указание от того же оракула пригласить в свою страну ахейца, как Сестис в сочетании с ним себя; и что он призвал Агория, правнука Орестеза, из Гелики, с небольшим количеством ахейцев, которые присоединились к нему.[24] Сами дорийцы, будучи необычайно бедными родными легендами, стремились, не естественно, украсить себя теми легендарными украшениями, которыми ахейцы обладали в изобилии.

Вследствие дорийских поселений в Пелопоннесе происходит несколько миграций прежних жителей. 1. Эпейцы из Элиса либо изгнаны, либо слились с новыми жителями под Оксиллом и потеряли свое отдельное имя. 2. Пилийцы вместе с великой героической семьей Нелея и его сына Нестора, которые возглавляли их, уступают место дорийскому народу Мессении и удаляются в Афины, где их вождь Меланф становится царем: значительная часть их принимает участие в последующей ионической эмиграции. 3. Часть ахейцев под предводительством Пентилия и других потомков Орестеза покидает Пелопоннес и образует так называемую эолийскую эмиграцию на Lesbos, Troas и в Адрамитский залив: название "эолийцы", неизвестное Гомеру и, похоже, никогда не применявшееся к какому-либо



отдельному племени, было введено для обозначения большей части эллинов, частично в самой Греции, частично в Азии. 4. Другая часть ахейцев изгоняет ионийцев из Ахайи, правильно называемой так, на севере Пелопоннеса; ионийцы уходят в Аттику.

Гомеровские поэмы описывают ахейцев, пилийцев и эпейцев в Пелопоннесе, но не упоминают ионийцев в северном районе Ахайи: напротив, каталог в "Илиаде" четко включает эту территорию во владения Агамемнона. Хотя "Каталог" Гомера не следует рассматривать как исторический документ, пригодный для доказательства фактического состояния Пелопоннеса в какое-либо предшествующее время, он, безусловно, является лучшим авторитетом, чем утверждения Геродота и других авторов о занятии северного Пелопоннеса ионийцами и их изгнании из него Тисаменом. Насколько можно доверять Каталогу, он отрицает идею ионийцев в Гелике и поддерживает то, что само по себе кажется более естественным предположением, - что исторические ахейцы в северной части Пелопоннеса являются небольшим нетронутым остатком мощного ахейского населения, некогда распространенного по всему полуострову, пока оно не было разбито и частично изгнано дорийцами.

Гомеровские легенды, несомненно, самые древние из тех, которыми мы располагаем, адаптированы к населению ахейцев, данайцев и аргейцев, казалось бы, без каких-либо специальных и признанных названий, как совокупных, так и разделенных, кроме названия каждого отдельного племени или царства. Послегомеровские легенды приспособлены к населению, классифицированному совершенно иначе, - эллинам, разделенным на дорийцев, ионийцев и эолийцев. Если бы мы знали больше о времени и обстоятельствах, в которых росли эти различные легенды, мы, вероятно, смогли бы объяснить их несоответствие; но в нашем нынешнем неведении мы можем только констатировать факт.

Какие бы трудности ни обнаруживала современная критика в отношении события, названного "Возвращение Гераклидов", в нем не сомневаются даже лучшие историки древности. Фукидид принимает его как единое и буквальное событие, имеющее определенную дату и несущее в себе одним ударом приобретение Пелопоннеса. Дату его он определяет как восемьдесят лет после взятия Трои. Был ли он оригиналом, определяющим эту эпоху, или скопировал ее у какого-то предыдущего автора, мы не знаем. Должно быть, она была установлена в соответствии с каким-то подсчетом поколений, поскольку других способов не было, - вероятно, с помощью рода Гераклидов, который, как принадлежащий царям Спарты, представлял собой наиболее публичную и заметную нить связи между греческим реальным и мифическим миром и измерял промежуток между самой осадой Трои и первой записанной Олимпиадой. Сам Геракл представляет поколение, предшествующее осаде, а его сын Тлеподем сражается в осаждающей армии. Если считать, что первое поколение после Геракла начинается с началом осады, то четвертое поколение после него совпадет с девяностым годом после той же эпохи; следовательно, вычитая десять лет на продолжительность борьбы, оно совпадет с восьмидесятым годом после взятия города;<sup>[25]</sup> тридцать лет считаются за поколение. Таким образом, дата, назначенная Фукидидом, согласуется с расстоянием, на которое Тесмена, Кресфонтес и Аристоклм удалены от Гераклеи. Интервал в восемьдесят лет между взятием Трои и возвращением Гераклидов, похоже, был признан Аполлодором и Эратосфеном, а также некоторыми другими признанными хронологами древности: но были и другие подсчеты, которые также находили большую или меньшую поддержку.

---

## РАЗДЕЛ II. МИГРАЦИЯ ФЕССАЛИЙЦЕВ И БЕОТИЙЦЕВ.

В том же отрывке, где Фукидид говорит о возвращении Гераклидов, он также отмечает дату другого события, произошедшего немного раньше, которое, как утверждается, сильно повлияло на состояние Северной Греции. "Через шестьдесят лет после взятия Трои (рассказывает он) бейотийцы были изгнаны фессалийцами из Арне и переселились в землю, называвшуюся тогда Кадмекисом, а теперь Беотией, где ранее проживала часть их рода, которая участвовала в Троянской войне".

Упомянутое здесь изгнание бейотийцев из Арне "фессалийцами" с большой долей вероятности истолковывается как переселение фессалийцев, как их правильно называть, из Феспратиды в Эпире в Фессалию. О том, что фессалийцы переселились в Фессалию из Феспратиды, сообщает Геродот,<sup>[26]</sup> хотя он ничего не говорит о времени и обстоятельствах. Антиф и Фидипп фигурируют в гомеровском каталоге как командиры греческого контингента с островов Кос и Карпат на юго-восточном побережье Малой Азии: они сыновья Фессала, который сам является сыном Гераклеса. По легенде, эти два вождя во время рассеяния, последовавшего после победы, были загнаны бурей в Ионический залив и выброшены на побережье Эпира, где они высадились и поселились в Эфире в Феспратиде.<sup>[27]</sup> Именно Тесалус, внук Фидиппа, по преданию, провел феспратийцев через перевалы Пинда в Фессалию, завоевал плодородную центральную равнину этой страны и навязал ей свое имя вместо прежнего названия Эолис.<sup>[28]</sup>

Что бы мы ни думали об этой легенде в ее нынешнем виде, состояние Фессалии в исторические века делает весьма вероятным, что фессалийцы, как их правильно называть, были завоевателями-иммигрантами. Они всегда представляются как грубая, воинственная, жестокая и нецивилизованная раса, отличная от своих соседей ахейцев, магнетов и перребиев и держащая всех троих в зависимости: эти три племена находятся с ними в отношениях, аналогичных отношениям лакедемонских перизков к Спарте, а пенесты, которые возделывали их земли, являются почти точной параллелью гелотов. Более того, низкий уровень вкуса и интеллекта фессалийцев, а также некоторые особенности их костюма, скорее, роднит их с македонцами или эпиротами, чем с эллинами.<sup>[29]</sup> Их положение в Фессалии во многом аналогично положению спартанских дорийцев в Пелопоннесе, и есть все основания заключить, что первые, как и вторые, изначально были победоносными захватчиками, хотя мы не можем претендовать на определение времени, в которое произошло вторжение. Великий род Алеуадов<sup>[30]</sup> и, вероятно, другие фессалийские семьи, как и цари Спарты, были потомками Гераклея.

В случае с предполагаемой миграцией бейотийцев из Фессалии в Беотию нет аналогичных исторических оснований, чтобы оправдать веру в главный факт легенды, и различные легендарные истории не согласуются одна с другой. В то время как гомеровский эпос признает бейотийцев в Беотии, но не в Фессалии, Фукидид записывает найденное им утверждение об их переселении из последней в первую; но, чтобы избежать необходимости категорически противоречить Гомеру, он вставляет скобку, что во время Троянской войны в Беотии была еще одна фракция бейотийцев,<sup>[31]</sup> из которой были взяты войска, служившие Агамемнону. Тем не менее, расхождение с "Илиадой", хотя и менее очевидное, не устраняется, поскольку "Каталог" необычайно подробно перечисляет контингенты из Фессалии, ни разу не упоминая бейотийцев. Гомер отличает Орхомен от Беотии, а Феб он специально не упоминает в Каталоге: в остальном его перечисление городов довольно хорошо совпадает с исторически известной впоследствии территорией под названием Беотия.

Павсаний дает нам краткий очерк событий, которые, по его мнению, произошли в этой части Греции между осадой Трои и возвращением Гераклидов. Пенелеос, предводитель беотийцев во время осады, был убит Эврипилом, сыном Телефа, а Тисамен, сын Терсандра и внук Полиникеса, исполнял обязанности их командира как во время осады, так и после возвращения. Аутесион, его сын и преемник, подвергся гневу мстительных эриний Лая и Эдипа: оракул велел ему изгнаться, и он присоединился к дорийцам. Вместо него царем беотийцев стал Дамасихтон, сын Офельтаса и внук Пенелеоса: его сменил Птолемей, за которым последовал Ксанф. В это время началась война между афинянами и беотийцами, и Ксанф вступил в единоборство с Меланфом, сыном Андропомпа, чемпионом Аттики, и погиб благодаря хитрости своего противника. После смерти Ксанта беотийцы перешли от царского правления к народному. <sup>32</sup> Поскольку Мелант происходил из рода Нелеидов и переселился из Пилуса в Афины в связи с успешным утверждением дорийцев в Мессении, поединок с Ксанфом, разумеется, должен был состояться после возвращения Гераклидов.

Итак, перед нами краткое изложение предполагаемой истории Беотии между осадой Трои и возвращением Гераклидов, в котором не упоминается об иммиграции массы беотийцев из Фессалии и, похоже, не остается никакой возможности вписать в него столь великое и важное событие. Легенды, которых придерживается Павсаний, расходятся с теми, которые принял Фукидид, но они гораздо лучше гармонируют с Гомером.

Авторитет Фукидида настолько заслуженно высок, что миграция, о которой он отчетливо сообщает, обычно рассматривается как достоверная дата, как исторически, так и хронологически. Но в данном случае можно показать, что он следовал лишь одной из множества противоречивых легенд, ни одну из которых невозможно было проверить.

Павсаний признавал переселение беотийцев из Фессалии в ранние времена до Троянской войны;<sup>[33]</sup> а рассказ Эфора, приведенный Страбоном, утверждал, что в стране произошел ряд изменений в составе населения: Сначала неэллинские Аоны и Теммики, Лелеги и Гианты; затем Кадмеи, которые после второй осады Феб эпигонами были изгнаны фракийцами и пеласгами и удалились в Фессалию, где вступили в общение с жителями Арне, - вся эта совокупность называлась беотийцами. После Троянской войны, примерно во время эмиграции эолийцев, эти беотийцы вернулись из Фессалии и вновь завоевали Беотию, изгнав фракийцев и пеласгов, - первые ушли на Парнас, вторые - в Аттику. Именно по этому случаю (по его словам) были покорены орхоменские минийцы и насильственно присоединены к беотийцам. Эфор, по-видимому, в основном придерживался того же повествования, что и Фукидид, о движении беотийцев из Фессалии; однако он дополнил его несколькими подробностями, актуальными для объяснения пословиц и обычаев<sup>[34]</sup>.

Единственный факт, который мы можем установить независимо от этих легенд, заключается в том, что между некоторыми частями Беотии и Фессалии существовали определенные омонимы и определенная близость религиозных культов, которые, по-видимому, указывают на родственные расы. Город под названием Арне,<sup>[35]</sup> похожий по названию на Фессалию, был указан в бёотском каталоге Гомера, и антиквары отождествляли его то с историческим городом Хереронеей,<sup>[36]</sup> то с Акрæфиумом. Кроме того, вблизи бётийской Коронэи протекала река Куарий, или Коралий, и находился почтенный храм, посвященный итонскому Афине, на священной земле которого проходил Памбётия, или общественный совет бётийского имени; храм и река подобного названия были также в Фессалии, вблизи города Итон, или Итон.<sup>[37]</sup> Исходя из этих обстоятельств, можно предположить, что между населением этих регионов существовало некое древнее родство, и такого обстоятельства

достаточно, чтобы объяснить возникновение легенд, описывающих миграции взад и вперед, независимо от того, правдивы они или нет на самом деле.

Самое важное, что следует отметить, - это то, что истории Фукидида и Эфора выводят нас из мифической в историческую Беотию. Орхомен бёотизирован, и мы больше не слышим о некогда могущественных Миниях: нет больше ни кадмеев в Фебах, ни бёотийцев в Фессалии. Минийцы и Кадмеи исчезают в ионийской эмиграции, о которой мы еще будем говорить. Историческая Беотия в настоящее время состоит, по-видимому, в своей федеративной лиге под председательством Феба, как и во времена персидских и пелопоннесских войн.

---

### РАЗДЕЛ III.- ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ГРЕЦИИ В АЗИЮ И НА ОСТРОВА ЭГЕИДЫ.

#### 1. ЭОЛИЙСКАЯ.-2. ИОНИЙСКАЯ.-3. ДОРИЙСКАЯ.

Чтобы завершить переход Греции от мифического к историческому состоянию, за отделением рас, принадлежащих к первой, должно последовать появление тех, что принадлежат ко второй. Это достигается путем эолийских и ионийских миграций.

Вожди эолийской эмиграции - представители героического рода Пелопидов, ионийской эмиграции - Нелеиды, и даже в том, что называется дорийской эмиграцией к Фере, *Ækist* Ферас - не дориец, а кадмеец, законный потомок *Ædipus* и *Kadmus*.

Эолийская, ионийская и дорийская колонии располагались вдоль западного побережья Малой Азии, от берегов Пропонтиды на юг до Ликии (в следующей главе я расскажу об их границах более точно); эолийская занимала северную часть, вместе с островами Лесбос и Тенедос; дорийская - самую южную, вместе с соседними островами Родос и Кос; ионийская располагалась между ними, охватывая Хиос, Самос и Кикладские острова.

#### 1. ЭОЛИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ.

Эолийская эмиграция была осуществлена Пелопидами: первоначальная история, кажется, гласила, что сам Орестес был во главе первой партии колонистов, и эта версия события сохранилась у Пиндара и Элланика.[Но более современные повествования представляют потомков Ореста как вождей экспедиций в Эолис, - его незаконного сына Пентилия от Эригоны, дочери Эгиста,[39] вместе с Эхелатом и Грасом, сыном и внуком Пентилия, а также Клиусом и Малаусом, потомками Агамемнона по другой линии. Согласно рассказу Страбона, Орестес начал эмиграцию, но умер по пути в Аркадии; его сын Пентилий, взяв на себя руководство эмигрантами, провел их долгим сухопутным путем через Беотию и Фессалию во Фракию,[40] откуда Архелай, сын Пентилия, провел их через Геллеспонт и поселил в Даскилиуме на Пропонте. Грас, сын Архелая, переправился на Лесбос и овладел островом. Клевс и Малаус, ведя за собой еще одну группу ахейцев, были дольше в пути и задержались на значительное время у горы Фрикий, на территории Локриды; в конце концов, однако, они перешли морем в Азию и овладели Кимком, к югу от Адрамитского залива, самым значительным из всех эолийских городов на континенте.[41] От Лесбоса и Кима, как говорят, произошли и другие менее значительные эолийские города, раскинувшиеся в районе Иды и Трояды и охватывающие остров Тенедос.

Несмотря на многочисленные расхождения в деталях, рассказы сходятся в том, что эти эолийские поселения были образованы ахейцами, изгнанными из Лаконии под

руководством лишенных собственности пелопидов.[42] Нам говорят, что во время путешествия через Беотию они получили значительное подкрепление, а Страбон добавляет, что эмигранты отправились из Аулиса, порта, откуда Агамемнон отплыл в экспедицию против Трои. 43] Он также сообщает, что они сбились с курса и понесли много потерь из-за морского невежества, но мы не знаем, на какие именно случаи он ссылается. 44]

## 2. ИОНИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ.

Ионическая эмиграция описывается как исходящая от афинян и направляемая ими, и связана с предыдущей легендарной историей Афин, которую необходимо кратко пересказать.

Великий мифический герой Фесей, о воинской доблести и подвиге которого мы рассказывали в предыдущей главе, в глазах афинян был еще более памятен как внутренний политический реформатор. Считалось, что он оказал им неоценимую услугу, превратив Аттику из множества государств в одно. До его времени каждая дека, или, по крайней мере, многие из них, пользовались политической независимостью под управлением своих собственных магистратов и собраний, признавая лишь федеральный союз с остальными под председательством Афин: сочетанием примирения и силы Фесей сумел все эти отдельные правительства и привести их к объединению в одну политическую систему, централизованную в Афинах. Считается, что он установил конституционное правительство, сохранив за собой определенную власть царя или президента и распределив народ на три класса: Евпатриды, своего рода священная знать; Гефморя и Демиурги, земледельцы и ремесленники.[45] Приведя эти важные изменения в действие, он запомнил их для своих потомков, введя торжественные и соответствующие празднества. В подтверждение афинского господства над территорией Мегаридов он, как говорят, воздвиг столб на оконечности последней в сторону перешейка, обозначив границу между Пелопоннесом и Ифонией.

Но столь масштабная революция не могла не вызвать недовольства, и Менестей, соперник Фесея, - первый образец, как нам говорят, искусного демагога, - воспользовался этим чувством, чтобы напасть на него и подорвать его. Фесей покинул Аттику, чтобы сопровождать и помогать своему другу Пейрифою в его путешествии в подземный мир, чтобы похитить богиню Персефону, - или (как предпочитали рассказывать те, кто критически относился к легенде) в путешествии к резиденции Аидонея, царя молоссов в Эпире, чтобы похитить его дочь. В этом предприятии погиб Пейрифой, а Фесей был брошен в темницу, откуда его освободили только благодаря заступничеству Геракла. Именно во время его временного отсутствия тындариды Кастор и Поллукс вторглись в Аттику, чтобы вернуть свою сестру Елену, которую Фесей в свое время увез из Спарты и поселил в Афидне; а сторонники Менестея воспользовались отсутствием Фесея и бедствиями, которые его распушенность принесла стране, чтобы погубить его популярность в народе. Когда он вернулся, то обнаружил, что они больше не готовы терпеть его владычество или продолжать оказывать ему почести, которые они ранее оказывали из чувства благодарности. Поэтому, отдав своих сыновей под защиту Элефенора в Эвбее, он попросил убежища у Ликомедеса, принца Скироса, от которого, однако, не получил ничего, кроме коварного приема и предательской смерти[46].

Менестей, сменив героя-изгнанника, командовал афинскими войсками при осаде Трои. Но хотя он и выжил после захвата, в Афины он так и не вернулся - о месте, где он и его спутники поселились, рассказывают разные истории. За это время чувства афинян изменились, и они



восстановили сыновей Фесея, служивших в Трое под началом Элефенора и вернувшихся невредимыми, в должности и функциях их отца. Тесеи Демофон, Оксинтас, Афидас и Тиметес последовательно занимали этот пост в течение примерно шестидесяти лет,[47] когда дорийские захватчики Пелопоннеса (как уже говорилось) вынудили Меланфа и семью Нелеидов покинуть свое царство Пилус. Беженцы нашли убежище в Афинах, где удачное приключение вскоре возвело Меланфа на трон. Во время войны между афинянами и беотийцами за пограничный участок СЕпоё беотийский царь Ксанф вызвал Тиметеса на единоборство: тот отказался принять вызов, и Меланф не только выступил вместо него, но и применил хитроумную хитрость, чтобы убить своего противника. Его тут же избрали царем, а Тиметес был вынужден сложить с себя полномочия[48].

Меланф и его сын Кодр правили почти шестьдесят лет, и за это время афиняне приютили большое количество беглецов, спасавшихся от недавних захватчиков по всей Греции, так что Аттика стала достаточно многолюдной, чтобы вызвать тревогу и ревность пелопоннесских дорийцев. Мощный дорийский отряд под командованием Алетеса из Коринфа и Алфемена из Аргоса был отправлен для вторжения на афинскую территорию, где дельфийский оракул обещал им успех, если они воздержатся от нанесения вреда личности Кодру. Дорийскому войску был отдан строгий приказ сохранить Кодру невредимым; но оракул стал известен афинянам,[49] и великодушный царевич решил навлечь на себя смерть как средство спасения своей страны. Приняв обличье крестьянина, он намеренно спровоцировал ссору с некоторыми дорийскими войсками, которые убили его, не подозревая о его настоящем характере. Не успело это событие стать известным, как дорийские вожди, отчаявшись в успехе, отказались от своего предприятия и эвакуировались из страны. 50] Однако, уходя, они сохранили за собой Мегару, где поселили постоянных поселенцев, и которая с этого момента стала дорийской - сначала казалась зависимой от Коринфа, но затем обрела свободу и стала самостоятельной общиной.[Этот памятный акт преданного патриотизма, аналогичный поступкам дочерей Эрехтея в Афинах и Менекея в Фебах, позволил Кодру войти в число самых ярких персонажей греческой легенды.

Кодр считается последним афинским царем: его потомки назывались архонтами, но сохраняли это звание пожизненно - такая практика преобладала в течение долгих лет после этого. Медон и Нейлей, два его сына, поссорились из-за престолонаследия, и дельфийский оракул вынес решение в пользу первого; после чего последний, оскорбленный таким предпочтением, решил искать новый дом. 52] В этот момент в Аттике скопилось много лишенных собственности греков и склонных к авантюрам, которые стремились к поселениям за морем. Экспедиции, которые теперь отправились пересекать Эгейское море, в основном под руководством членов семьи Кодридов, составили памятную ионийскую эмиграцию, частью которой были ионийцы, недавно изгнанные из Пелопоннеса, но, как кажется, лишь небольшой частью; ведь мы слышим о многих совершенно разных расах, некоторые из которых известны в легендах, которые уходят из Греции среди этого скопления колонистов. Кадмеи, минийцы из Орхомена, абанты из Эвбеи, дриопы; молоссы, фокийцы, беотийцы, аркадские пеласги и даже дорийцы из Эпидавра - все они представлены как составляющие часть экипажей этих эмигрантских судов. 53] Результаты также не были недостойны столь могущественного слияния различных рас. Были основаны не только Кикладские острова в Эгейском море, но и большие острова Самос и Хиос у азиатского побережья, а также десять различных городов на побережье Малой Азии, от Милета на юге до Фокеи на севере, и все они приняли ионическое имя. Афины были метрополией или материнским городом для всех них: Андрокл и Нилей, эфесские и милетские СЕkists, а возможно, и другие СЕkists,



отправились из Пританея в Афины[54] с теми торжественными, религиозными и политическими мероприятиями, которыми обычно отмечается отплытие роя греческих колонистов.

Кроме героического рода Нелея и Нестора, представленного сыновьями Кодруса, в экспедиции принимали участие и другие мифические семьи. Геродот упоминает ликийских вождей, потомков Глаука, сына Гипполоха, а Павсаний рассказывает о Филоте, потомке Пенелеоса, который отправился во главе фиванского войска: и Глаук, и Пенелеос упоминаются в "Илиаде".[55] И это замечательный факт, упомянутый Павсанием (хотя мы не знаем, на каком основании), что жители Фокеи, которая была самым северным городом Ионы на границах Эолиды и одним из последних основанных, состоящим в основном из фокийских колонистов под руководством афинян Филогенеза и Демона, не были приняты в Пан-Ионическую Амфикионию, пока они не согласились выбрать себе вождей из рода Кодридов.[56] Прокл, вождь, который проводил ионийских эмигрантов из Эпидавра на Самос, по слухам, происходил из рода Иона, сына Ксута[57].

О двенадцати ионийских государствах, составлявших пан-ионийскую Амфикионию, - некоторые из них входили в число величайших городов Эллады, - я сейчас больше ничего не скажу, так как мне еще придется говорить о них, когда я перейду на историческую почву.

### 3. ДОРИЙСКИЕ ЭМИГРАЦИИ.

Таким образом, эолийская и ионийская эмиграции представляются нам прямыми следствиями события, названного "Возвращение Гераклидов", а также образования дорийского Гексаполиса в юго-западном углу Малой Азии: Коса, Книда, Галикарнаса и Родоса с тремя отдельными городами, а также дорийские поселения в Крте, Мелосе и Тере - все они более или менее непосредственно связаны с той же великой революцией.

Фера, в особенности, уходит корнями в легендарный мир. Ее СЕкистом был Тхерас, потомок героического рода СЕdipus и Kadmus, дядя по материнской линии молодых царей Спарты, Эврисфена и Проклеса, во время несовершеннолетия которых он осуществлял регентство. По достижении ими совершеннолетия его полномочия закончились, но, не выдержав частного положения, он решил встать во главе эмигрантов: многие присоединились к нему, и экспедиция была еще более усилена группой интервентов, принадлежавших к минийцам, от которых лакедемоняне стремились избавиться. Эти минийцы прибыли в Лаконию незадолго до этого с острова Лемнос, откуда их изгнали беглецы-пеласги из Аттики. Они высадились, не спросив разрешения, поселились и стали "зажигать свои костры" на горе Тайгет. Когда лакедемоняне послали спросить, кто они и зачем пришли, минийцы ответили, что они сыновья аргонавтов, высадившихся на Лемносе, и что, будучи изгнанными из родных мест, они считают себя вправе просить убежища на территории своих отцов; кроме того, они просили, чтобы их допустили к участию и в землях, и в почестях государства. Лакедемоняне удовлетворили просьбу, в основном на основании общего происхождения - их собственные великие герои, Тындалиды, были зачислены в экипаж Арго: тогда минийцы были введены как граждане в племена, получили участки земли и начали смешиваться с ранее существовавшими семьями. Однако прошло немного времени, и они стали дерзкими: потребовали долю в царстве (что являлось почитаемой привилегией Гераклидов) и так грубо вели себя в других отношениях, что лакедемоняне решили предать их смерти и начали с того, что бросили их в тюрьму. Пока минийцы находились в заключении, их жены, спартанки по происхождению, многие из которых были дочерьми главных мужчин, попросили разрешения войти и увидеть их: разрешение было получено, и они воспользовались беседой, чтобы переодеться вместе со своими мужьями, которые таким образом сбежали и снова скрылись

на горе Тайгет. Большая часть из них покинула Лаконию и отправилась в Трифилию, в западные области Пелопоннеса, откуда они изгнали парореатов и кауконов и основали шесть собственных городов, главным из которых был Лепреум. Некоторая часть, однако, по разрешению лакедемонян присоединилась к Ферасу и отправилась с ним на остров Каллист, которым тогда владели жители-финикийцы, происходившие от родственников и спутников Кадма, оставленных там этим принцем, когда он восемь поколений назад отправился на поиски Европы. Прибыв таким образом среди людей, родственников ему самому, Тхерас встретил братский прием, и остров получил от него название, под которым он исторически известен, - Тхра[58].

Такова легенда об основании Теры, в которую верят и лакедемоняне, и терцы, и которая интересна тем, что в ней характерно и ярко представлены личности и чувства мифического мира - аргонавты, их спутники - Тындалиды, их дети - Минийцы. В Лепреуме, как и в других городах Трифилии, в исторические времена, по-видимому, верили в происхождение от древних минийцев, и упоминание Гомером реки Миний в этих краях подтверждало это.[59] Но люди не были единодушны в отношении легенды, по которой следует вести это происхождение; в то время как одни принимали только что процитированную историю из Геродота, другие представляли, что Хлорис, пришедшая из минийского города Орхомена в качестве жены Нелея в Пилус, привела с собой тело своих соотечественников[60].

Эти минийцы с Лемноса и Имброса снова появляются в другом рассказе о заселении колонии Маклос. Уже упоминалось, что когда Ираклиды и дорийцы вторглись в Лаконию, ахейский Филоном вероломно предал им страну, за что получил в награду территорию Амиклеи. Говорят, что он заселил эту территорию отрядами минийцев с Лемноса и Имброса, которые в третьем поколении после возвращения Гераклидов стали настолько недовольны и мятежны, что лакедемоняне решили выслать их из страны как эмигрантов, под руководством своих вождей Полиса и Дельфа. Взяв направление на Крэт, они остановились на пути, чтобы высадить часть своих колонистов на острове Мелос, который на протяжении всех исторических времен оставался верной и привязанной колонией Лакедемонии. 61] Прибыв в Крэт, они, как говорят, поселились в городе Гортин. Кроме того, мы находим, что в Крте образовались и другие дорийские поселения, прибывшие из Лакедемана или Аргоса; в частности, Ликтос отмечается не только как колония Спарты, но и как отличающийся сходством своих законов и обычаев.[62] Говорят даже, что Крте сразу после Троянской войны был посещен гневом богов и опустошен голодом и мором; и что в третьем поколении после этого, настолько велик был приток эмигрантов, что все население острова возобновилось, за исключением этеократов в Полихне и Пресе. [63]

Во времена Одиссея в Крте жили дорийцы: Гомер упоминает разные языки и разные расы людей, этеократов, кидонов, дорийцев, ахейцев и пеласгов, как сосуществующих на острове, который он описывает как густонаселенный и содержащий девяносто городов. Легенда, приведенная Андроном, основанная, по-видимому, на утверждении Геродота, что Дорус, сын Эллина, поселился в Гистиеотисе, приписывает первое введение трех последних рас Тектафу, сыну Доруса, - который вывел из этой страны колонии дорийцев, ахейцев и пеласгов и высадился в Крте во время правления местного царя Креса.[64] Этот рассказ об Андроне настолько точно соответствует гомеровскому каталогу жителей Крита, что мы можем с полным основанием предположить, что он был специально составлен с учетом этого каталога, чтобы правдоподобно рассказать, в соответствии с принятой легендарной хронологией, о том, как появились дорийцы в Крте до Троянской войны, - дорийские колонии после возвращения Гераклидов, конечно, были давно отложены в предполагаемом порядке времени. Чтобы найти достаточно раннего лидера для своей гипотезы, Андрон обращается к

первобытному эпониму Дору, сыну которого Тектафу он приписывает появление на Крте смешанной колонии дорийцев, ахейцев и пеласгов: именно эти три расы перечислены в "Одиссее", а царь Крёз, который, как утверждает Андрон, царствовал тогда на острове, представляет этеократов и кидонов в списке Гомера. Эта история, по-видимому, нашла поддержку у местных критских историков, поскольку она, несомненно, служит для устранения того, что в противном случае было бы противоречием в легендарной хронологии[65].

Другая дорийская эмиграция из Пелопоннеса в Крэт, которая распространялась также на Родос и Кос, как говорят далее, была осуществлена Алтæменесом, который был одним из вождей в экспедиции против Аттики, в которой погиб Крокус. Этот принц, Гераклид, третий по происхождению от Тесмена, был вынужден покинуть страну из-за семейной ссоры и привел группу дорийских колонистов из Аргоса сначала в Крэт, где некоторые из них остались; но большая часть сопровождала его на Родос, на котором он, изгнав карийцев, основал три города - Линдус, Ялисус и Камейрус[66].

Здесь уместно добавить, что легенда родосских археологов об их кисти Алтæменесе, которому на острове поклонялись с героическими почестями, была совершенно иной, чем предыдущая. Алтæменес был критянином, сыном царя Катрея и внуком Миноса. Оракул предсказал ему, что однажды он убьет своего отца; желая избежать столь ужасной судьбы, он покинул Крэтэ и отправился колонией на Родос, где ему приписывают основание знаменитого храма атакийского Зевса на возвышенной вершине горы Атабирум, построенного так, чтобы с него открывался вид на Крэтэ. Он прожил на острове некоторое время, когда его отец Катрей, желая снова обнять своего единственного сына, последовал за ним из Крета: он приземлился на Родосе ночью, не будучи известным, и произошло случайное столкновение между его сопровождающими и островитянами. Алтæменес поспешил на берег, чтобы помочь отразить предполагаемых врагов, и в схватке имел несчастье убить своего престарелого отца[67].

Либо эмигранты, сопровождавшие Алтæменеса, либо некоторые другие дорийские колонисты впоследствии, как сообщается, поселились в Косе, Книде, Карпате и Галикарнасе. В последнем городе, однако, Антэс из Трезена назначен экистом: сопровождавшие его эмигранты, как говорят, принадлежали к племени диманцев, одному из трех племен, всегда встречающихся в дорийском государстве; а город, похоже, характеризовался как колония то Трезена, то Аргоса[68].

Таким образом, мы имеем эолийские, ионические и дорийские колонии в Азии, возникшие в легендарную эпоху, и все они прямо или косвенно являются следствием того, что называют возвращением Гераклидов или дорийским завоеванием Пелопоннеса. Согласно принятой хронологии, за ними следует период, который, как предполагается, составляет почти три столетия, что является почти полным пробелом, прежде чем мы достигнем подлинной хронологии и первой записанной Олимпиады, - и таким образом они образуют завершающие события мифического мира, из которого мы теперь переходим в историческую Грецию, такую, какой она является в последнюю упомянутую эпоху. Именно благодаря этим миграциям части эллинской совокупности распределяются по местам, которые они занимают на заре исторического дня, - дорийцы, аркадяне, этоло-элейцы и ахейцы, поровну разделившие между собой Пелопоннес, эолийцы, ионийцы и дорийцы, обосновавшиеся как на островах Эгейского моря, так и на побережье Малой Азии. Возвращение Гераклидов, а также три эмиграции - эолийская, ионийская и дорийская - представляют собой легендарное объяснение, соответствующее чувствам и верованиям народа, показывающее, как Греция перешла от героических рас, осаждавших Трою и Фёб,

управлявших отважным Арго и убивавших чудовищного вепря Калидона, к историческим расам, по-разному названным и классифицированным, которые обеспечивали победы на Олимпийских и Пифийских играх.

Терпеливый и ученый французский писатель Рауль Рошетт, который трактует все события героической эпохи, в общем, как настоящую историю, лишь делая поправку на ошибки и преувеличения поэтов, очень озадачен пробелами и перерывами, которые представляет этот якобы непрерывный ряд истории от возвращения Гераклидов до начала Олимпийских игр. Он не может объяснить себе столь длительный период абсолютного затишья после важных происшествий и ярких приключений героического века; и если за этот долгий период не произошло ничего достойного записи, - как он предполагает, исходя из того, что ничего не было передано, - он заключает, что это должно было произойти от состояния страдания и истощения, в котором предыдущие войны и революции оставили греков: длительный интервал полного бездействия необходим, чтобы залечить такие раны[69].

Если предположить, что взгляд М. Рошетта на героические века верен, и исходить из предположения, что приключения, приписываемые греческим героям, являются исторической реальностью, передаваемой традицией с периода времени за четыре века до записанных олимпиад и лишь приукрашенной поэтами-описателями, то пробел, на котором он здесь останавливается, является, по меньшей мере, неловким и необъяснимым. Странно, что поток традиции, если он когда-то начал течь, должен (подобно нескольким рекам в Греции) быть затоплен на два или три столетия, а затем снова появиться. Но если мы проведем, как мне кажется, правильное различие между легендой и историей, то увидим, что период пустого времени между ними вполне соответствует условиям, в которых возникает первая. Не непосредственное прошлое, а предполагаемое отдаленное прошлое формирует подходящую атмосферу мифического повествования, - прошлое, изначально совершенно неопределенное в отношении удаленности от настоящего, как мы видим в "Илиаде" и "Одиссее". И даже когда мы спускаемся к генеалогическим поэтам, которые стремятся дать определенную меру ушедшего времени и последовательность лиц, а также событий, все равно имена, которые они больше всего чтят и о подвигах которых они больше всего рассказывают, - это имена богов и героев предков племени и их предполагаемых современников; предков, отделенных длинной родословной от нынешнего слушателя. Боги и герои представлялись удаленными от него на несколько поколений, и легендарная материя, сгруппированная вокруг них, выглядела еще более внушительной, когда демонстрировалась на почтительном расстоянии, за пределами дней отца и деда, а также всех известных предшественников. Оды Пиндара ярко иллюстрируют эту тенденцию. Таким образом, мы видим, как получилось, что между временем, отведенным для героических приключений, и временем, вошедшим в историческую летопись, существовал промежуточный пробел, заполненный бесславными именами; И как среди того же общества, которое не заботилось о том, чтобы помнить дела отцов и дедов, циркулировало много популярных и достоверных рассказов о реальных или предполагаемых предках, давно прошедших и ушедших Туманные и бесплодные века, которые непосредственно предшествуют первой записанной Олимпиаде, образуют естественное разделение между легендарным возвращением Гераклидов и историческими войнами Спарты против Мессены, - между областью легенды, где факты (если таковые имеются) так тесно сочетаются с вымыслом, что их невозможно различить без помощи внешних доказательств, и областью истории, где некоторые факты могут быть установлены, и где проницательный критик может с пользой для себя попытаться пополнить их число.

# ГЛАВА XIX.

## ПРИМЕНЕНИЕ ХРОНОЛОГИИ К ГРЕЧЕСКОЙ ЛЕГЕНДЕ.

Мне нет нужды повторять то, что уже было достаточно изложено на предыдущих страницах: масса греческих происшествий до 776 года до н. э., как мне кажется, не поддается ни истории, ни хронологии, и любая хронологическая система, которая может быть применена к ней, должна быть по сути своей несертифицированной и иллюзорной. Тем не менее, она была хронологизирована в древние времена и продолжает хронологизироваться в современные; различные схемы, используемые для этой цели, можно найти в первом томе (последнем опубликованном) "Fasti Hellenici" мистера Файнса Клинтона. Среди греков были, да и среди современных ученых остаются, существенные разногласия по поводу дат основных событий:[70] Эратосфенес расходился как с Геродотом, так и с Фанием и Каллимахом, а Ларше и Рауль Рошетт (которые следуют Геродоту) противостоят О. Мюллеру и г-ну Клинтону. Чтобы читатель мог составить общее представление о порядке, в котором располагались эти легендарные события, я привожу из "Fasti Hellenica" двойную хронологическую таблицу, содержащуюся на с. 139, в которой даты расположены последовательно, от Форонея до Олимпиады Корэба в 776 г. до н. э., - в первой колонке по системе Эратосфена, во второй - по системе Каллимаха.

"Следующая таблица (говорит мистер Клинтон) предлагает краткий обзор ведущих периодов от Форонея до Олимпиады Коробуса и демонстрирует двойную серию дат; одна исходит из даты Эратосфена, другая - из даты, основанной на сокращенных расчетах Фания и Каллимаха, которые вычеркивают пятьдесят шесть лет из суммы Эратосфена. Фаний, как мы видели, опустил пятьдесят пять лет между Возвращением и зарегистрированной Олимпиадой; так мы можем понять этот счет: Каллимах - пятьдесят шесть лет между Олимпиадой Ифита и Олимпиадой, на которой победил Корибус[71].

"Первый столбец этой таблицы показывает *текущие* годы до и после падения Трои: во втором столбце дат выражены *полные* интервалы".

| Годы до падения Трои. |                                     | Годы промежуточные между различными событиями. | В. С. Эратосф. | В. С. Каллимах |
|-----------------------|-------------------------------------|------------------------------------------------|----------------|----------------|
| (570)[72]             | Phoroneus, p. 19                    | 287                                            | (1753)         | (1697)         |
| (283)                 | Daneus, p. 73<br>Пеласг В. стр. 13, | 33                                             | (1466)         | (1410)         |

|       |                                                  |                       |  |        |        |
|-------|--------------------------------------------------|-----------------------|--|--------|--------|
|       | 88                                               |                       |  |        |        |
| (250) | <i>Девкалион</i> , с. 42                         | 50                    |  | (1433) | (1377) |
| (200) | <i>Эрехтей</i><br><i>Дарданус</i> , стр. 88      | 50                    |  | (1383) | (1327) |
| (150) | <i>Азан</i> ,<br><i>Афида</i> ,<br><i>Элатус</i> | 20                    |  | (1333) | (1277) |
| 130   | <i>Кадмус</i> , стр. 85                          | 30                    |  | 1313   | 1257   |
| (100) | <i>Релорс</i>                                    | 22                    |  | (1283) | (1227) |
| 78    | Рождение <i>Геракла</i>                          | 36                    |  | 1261   | 1205   |
| (42)  | Аргонавты                                        | 12                    |  | (1225) | (1169) |
| 30    | Первая Фиванская война, р. 51, н.                | 4                     |  | 1213   | 1157   |
| 26    | Смерть <i>Геракла</i>                            | 2                     |  | 1209   | 1153   |
| 24    | Смерть <i>Эврисфея</i> , р. 106, х.              | 4                     |  | 1207   | 1151   |
| 20    | Смерть <i>Хилуса</i>                             | 2 <sup>(y) 9(m)</sup> |  | 1203   | 1147   |
| 18    | Вступление <i>Агамемнона</i> на престол          | 2                     |  | 1200   | 1144   |
| 16    | Вторая Фиванская война, стр. 87, 1               | 6                     |  | 1198   | 1142   |
| 10    | Троянская экспедиция (9 <sup>(y) 1(m)</sup> )    | 9                     |  | 1192   | 1136   |

Годы  
после  
падения  
Трои.



|     |                                                                                                                                                                                                       |    |      |      |
|-----|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|------|------|
|     | Трой взят                                                                                                                                                                                             | 7  | 1183 | 1127 |
| 8   | <i>Орест</i><br>воцаряет<br>ся в<br>Аргосе в<br>8-й год                                                                                                                                               | 52 | 1176 | 1120 |
| 60  | <i>Фессалий</i><br><i>цы</i><br>оккупиру<br>ют<br>Фессали<br>ю<br>Возвращ<br>ение<br><i>беотийц</i><br>ев в<br>Беотию в<br>60-е<br>годы.<br>Миграция<br>эолийцев<br>при<br><i>Пентили</i><br><i>и</i> | 20 | 1124 | 1068 |
| 80  | Возвращ<br>ение<br><i>Гераклид</i><br><i>ов</i> в 80-м<br>году                                                                                                                                        | 29 | 1104 | 1048 |
| 109 | <i>Алетс</i><br>правит в<br>Коринфе,<br>р. 130, т.                                                                                                                                                    | 1  | 1075 | 1019 |
| 110 | Миграция<br><i>Тераса</i>                                                                                                                                                                             | 21 | 1074 | 1018 |
| 131 | Лесбос<br>занят<br>через 130<br>лет после<br>æра                                                                                                                                                      | 8  | 1053 | 997  |
| 139 | Смерть<br><i>Кодруса</i>                                                                                                                                                                              | 1  | 1045 | 989  |
| 140 | Ионическ<br>ая<br>миграция<br>через 60<br>лет после                                                                                                                                                   | 11 | 1044 | 988  |

|            |                                                   |           |      |     |
|------------|---------------------------------------------------|-----------|------|-----|
|            | Возвращ<br>ения                                   |           |      |     |
| 151        | Сутê<br>основана<br>через 150<br>лет после<br>æга | 18        | 1033 | 977 |
| 169        | Смирна,<br>168 лет<br>после<br>æра, с.<br>105, т. | 131       | 1015 | 959 |
|            |                                                   | 299       |      |     |
| 300        | Олимпиа<br>да<br><i>Ифита</i>                     | 108<br>52 | 884  | 828 |
| 408<br>352 | Олимпиа<br>да<br><i>Coræbus</i>                   | ..        | 776  | 776 |

Везде, где возможна хронология, исследования, подобные исследованиям мистера Клинтона, которые внесли столь значительный вклад в лучшее понимание поздних времен Греции, заслуживают уважительного внимания. Но самый искусный хронолог ничего не добьется, если у него не будет определенной базы фактов, чистых и отличимых от вымысла, и подтвержденных свидетелями, знающими правду и готовыми заявить о ней. Обладая этим предварительным запасом, он может на его основе опровергать явные неправды и исправлять частичные ошибки: но если все представленные ему оригинальные заявления содержат правду (по крайней мере, там, где есть правда) в некоем химическом сочетании с вымыслом, который он не имеет возможности разложить, - он находится в состоянии того, кто пытается решить проблему без данных: он должен сначала построить свои собственные данные, а из них извлечь свои выводы. Высказывания эпических поэтов, наших единственных подлинных свидетелей в этом деле, соответствуют приведенному здесь описанию. Будь доля правды в них меньше или больше, она, во всяком случае, не поддается определению, - а постоянная и тесная примесь вымысла сама по себе бесспорна и, более того, необходима для целей и профессии тех, от кого исходят эти сказания. Такого характера все свидетели, даже если их рассказы сходятся; и именно из кучи таких рассказов, не сходящихся, но расходящихся в тысячу раз и не имеющих ни крупницы чистой достоверной правды, критик призван вывести методичный ряд исторических событий, украшенных хронологическими датами.

Если бы мы могли представить себе современного ученого-критика, перенесенного в Грецию во время Персидской войны, - с его нынешними привычками оценивать исторические свидетельства, не разделяя религиозных или патриотических чувств страны, - и приглашенного подготовить из огромного корпуса греческого эпоса, который тогда существовал, историю и хронологию Греции до 776 г. до н. э., обосновав как то, что он признает, так и то, что он отвергает, - я убежден, что он оценил бы это начинание не лучше, чем процесс гадания. Но современный критик обнаруживает, что не только Ферекидес и Элланик, но и Геродот и Фукидид либо пытались решить эту задачу, либо поддерживали веру в то, что она выполнима, - что совсем не удивительно, если учесть их узкий кругозор в

области исторических свидетельств и мощное влияние религии и патриотизма, предрасполагавших их к античной вере, - и поэтому он принимает проблему в том виде, в каком они ее завещали, добавляя свои собственные усилия, чтобы привести ее к удовлетворительному решению. Тем не менее, он не только следует за ними с некоторой долей сдержанности и беспокойства, но даже допускает важные различия, совершенно чуждые их привычкам мышления. Фукидид говорит о деяниях Эллина и его сыновей с такой же уверенностью, с какой мы сейчас говорим о Вильгельме Завоевателе: Мистер Клинтон признает Эллина с его сыновьями Дорусом, Эолом и Ксутом вымышленными личностями. Геродот перечисляет великие героические генеалогии, начиная с Кадма и Дана, с верой не менее полной в высших членов серии, чем в низших: но г-н Клинтон допускает радикальное различие в свидетельствах о событиях до и после первой записанной Олимпиады, или 776 года до н. э., - "первой даты в греческой хронологии (замечает он, стр. 123), которая может быть зафиксирована на основе *достоверных свидетельств*", - высшей точки, до которой может быть доведена греческая хронология, *считая вверх*. Об этой важной эпохе в греческом развитии - начале подлинной хронологической жизни - Геродот и Фукидид не знали и не принимали во внимание: более поздние хронологи, начиная с Тимея, отметили ее и сделали основой своих хронологических сравнений, насколько это было возможно: но ни Эратосфенес, ни Аполлодорус, кажется, не признавали (хотя Варро и Африкан признавали) заметную разницу в отношении определенности или подлинности между периодом до и периодом после.

В качестве дальнейшей иллюстрации мнения г-на Клинтона о том, что первая записанная Олимпиада является самой ранней датой, которая может быть установлена на основании достоверных свидетельств, мы имеем в р. 138 следующие справедливые замечания в отношении несогласных мнений Эратосфена, Фания и Каллимаха о дате Троянской войны: "Хронология Эратосфена (говорит он), основанная на тщательном сопоставлении обстоятельств и одобренная теми, кому были открыты те же источники информации, заслуживает нашего уважения. Но мы должны помнить, что предположительная дата никогда не может подняться до авторитета доказательства; что то, что принимается в качестве замены свидетельства, не является эквивалентом: только свидетели могут доказать дату, а в отсутствие таковых знание о ней явно недоступно. Если в отсутствие лучшего света мы ищем то, что вероятно, мы не должны забывать о различии между предположениями и доказательствами; между тем, что вероятно, и тем, что несомненно. Вычисление Эратосфена для войны за Трои открыто для исследования; и если мы находим его противоречащим мнениям многих предшествующих писателей, которые установили более низкую дату, и противоречащим признанной продолжительности поколений в наиболее достоверных династиях, нам позволено следовать другим проводникам, которые дают нам более низкую эпоху."

Здесь г-н Клинтон снова явно признает отсутствие доказательств и неустранимую неопределенность греческой хронологии до Олимпиады; и разумный вывод из его аргументации заключается не просто в том, что "вычисления Эратосфена были открыты для исследования" (что мало кто станет отрицать), а в том, что и Эратосфен, и Фаний высказали положительное мнение по вопросу, по которому не было достаточных доказательств, и поэтому ни один, ни другой не являются руководством, которому следует следовать.<sup>[73]</sup> Клинтон, правда, говорит о подлинных династиях до первой записанной Олимпиады, но если таковые и существуют, то они простираются от этого периода до предполагаемой точки, созвучной или предшествующей войне под Троей, - я не вижу веских причин для заметного различия, которое он проводит между хронологией до и хронологией после Олимпиады Корабуса, или для необходимости, которую он чувствует, приостанавливая свой восходящий

отсчет в последнюю упомянутую эпоху, и начиная другой процесс, называемый "нисходящим отсчетом", с более высокой эпохи (предполагаемой, чтобы быть как-то установленной без какого-либо восходящего отсчета) первого патриарха, от которого исходит такая подлинная династия.<sup>[74]</sup> Геродот и Фукидид вполне могли бы, исходя из этого предположения, спросить мистера Клинтона, почему он призвал их изменить свой метод работы в 776 году до н. э. и почему бы им не позволить продолжить свое "восходящее хронологическое летоисчисление", не прерываясь, от Леонида до Даная или от Писистрата до Эллина и Девкалиона, без каких-либо изменений в точке зрения. Аутентичные династии от Олимпиады до эпохи, превышающей Троянскую войну, позволили бы нам получить хронологическое доказательство последней даты, а не сводиться (как утверждает мистер Клинтон) к "предположениям" вместо доказательств.

Весь вопрос о ценности отсчета от Олимпиады до Форонея, на самом деле, зависит от этого момента: Являются ли эти генеалогии, которые претендуют на то, чтобы покрыть промежуток между этими двумя периодами, подлинными и заслуживающими доверия или нет? Мистер Клинтон, по-видимому, считает, что это не так, когда признает существенную разницу в характере свидетельств и необходимость изменения метода вычислений до и после первой записанной Олимпиады; однако в своем Предисловии он старается доказать, что они имеют историческую ценность и в основном правильно изложены: более того, что вымышленные лица, где бы они ни перемешались, могут быть обнаружены и устранены. Доказательства, на которые он опирается, таковы: 1. Надписи; 2. Ранние поэты.

1. Надпись, будучи не чем иным, как надписью на мраморе, имеет доказательную силу при тех же условиях, что и опубликованная надпись на бумаге. Если надписчик сообщает о современном факте, который он имел возможность узнать, и если нет причин подозревать его в искажении, мы верим его утверждению: с другой стороны, если он записывает факты, относящиеся к длительному периоду до его собственного времени, его авторитет мало что значит, за исключением той степени, в которой мы можем проверить и оценить его средства познания.

Поэтому, оценивая доказательную силу любой надписи, первым и самым необходимым моментом является определение ее даты. Среди всех государственных реестров и надписей, на которые ссылается г-н Клинтон, нет ни одной, которую можно было бы с уверенностью отнести к дате, предшествующей 776 г. до н. э. Квит Ифита, государственные реестры в Спарте, Коринфе и Элисе, список жриц Юноны в Аргосе - все они относятся к дате, которая совершенно не подтверждена. О. Мюллер, правда, соглашается с г-ном Клинтоном (хотя, на мой взгляд, без достаточных доказательств) в отнесении квоиты Ифита к возрасту, приписываемому этому принцу: и если мы даже согласимся с этим, у нас будет надпись, возраст которой (если принять определение г-на Клинтона о возрасте Ифита) составляет 828 г. до н.э. Но когда мистер Клинтон цитирует О. Мюллера, признающего реестры Спарты, Коринфа и Элиды, будет правильно добавить, что последний не гарантирует подлинность этих документов или возраст, в котором такие реестры начали вестись. Не стоит сомневаться, что существовали реестры царей Спарты вплоть до Гераклеи, а царей Элиды - от Оксила до Ифита; но вопрос в том, в какое время эти списки начали вестись непрерывно? Это вопрос, который мы не можем решить, как и не можем принять ничем не подкрепленные предположения мистера Клинтона, когда он говорит нам: "*Возможно, их начали писать еще в 1048 году до н. э. - вероятное время дорийского завоевания*". И снова он говорит нам: "В Аргосе сохранился реестр жриц Юноны, который *может* быть более древним, чем каталоги царей Спарты или Коринфа. Этот реестр, на основе которого Элланик составил свой труд, содержал жриц с древнейших времен до эпохи самого Элланика..... Но этот каталог *мог* быть

начат еще во время Троянской войны и даже раньше". (pp. x. xi.) Опять же, что касается надписей, процитированных Геродотом из храма именованного Аполлона в Фебах, в которых названы Амфитрион и Лаодамас, г-н Клинтон говорит: "Это были надписи из храма именованного Аполлона в Фебах. Клинтон говорит: "Они были древними во времена Геродота, что, возможно, относит их на 400 лет назад до его времени: в таком случае они *могли бы* приблизиться на 300 лет к Лаодамасу и на 400 лет к вероятному времени самого Кадма. Но в том, что они были древними, сомневаться не приходится" и т. д.

Время, когда Геродот увидел храм именованного Аполлона в Фебах, вряд ли могло быть раньше 450 года до н. э. Считая от этого времени до 776 года до н. э., мы имеем интервал в 326 лет: надписи, которые видел Геродот, вполне могли быть *древними*, не будучи ранее первой записанной Олимпиады. Мистер Клинтон, правда, говорит нам, что *древние* "возможно" могут быть истолкованы как 400 лет раньше Геродота. Но ни один внимательный читатель не позволит себе превратить такую голую возможность в основание для умозаключения и использовать ее, в сочетании с другими подобными возможностями, перечисленными ранее, для доказательства того, что в Греции действительно существовали надписи, датированные ранее 776 г. до н. э. Если мистер Клинтон не сможет этого сделать, он не сможет извлечь никакой пользы из надписей в своей попытке обосновать реальность мифических личностей или мифических событий.

Дело в том, что родословная спартанских царей, составленная Гераклидом (как уже отмечалось в предыдущей главе), - лишь одна из многочисленных божественных и героических генеалогий, которыми изобилует мир Гела<sup>[75]</sup> - класс документов, которые становятся историческими свидетельствами лишь настолько высоко в восходящем ряду, насколько составляющие их имена подтверждены современной или почти современной записью в книгу. В какой период началась эта практика занесения в списки, у нас нет сведений. Однако можно сделать два замечания, которые позволят приблизительно определить время начала регистрации: Во-первых, количество имен в родословной или продолжительность прошлого времени, которое она якобы охватывает, не дает оснований предполагать какую-либо большую древность времени регистрации: Во-вторых, учитывая признанную скудость и грубость греческой письменности вплоть до 60-й Олимпиады (540 г. до н. э.), отсутствие привычки к письму, а также низкую оценку его ценности, которую дает такое положение вещей, можно предположить, что письменная регистрация семейных генеалогий началась лишь спустя долгое время после 776 г. до н. э., и обязанность доказательства ложится на того, кто утверждает, что она началась раньше. И это второе замечание еще больше подтверждается, когда мы замечаем, что нет ни одного зарегистрированного списка, кроме списка олимпийских победителей, который бы доходил до 776 года до н. э. Следующий список, который приводят О. Мюллер и г-н Клинтон, - это список карнеоников, или победителей на Карнейском фестивале, который доходит только до 676 года до н. э.

Если господин Клинтон мало что делает из надписей, чтобы поддержать свой взгляд на греческую историю и хронологию до записанных олимпиад, давайте рассмотрим выводы, которые он делает из своего эфирного источника доказательств, - ранних поэтов. И здесь обнаружится, что, во-первых, для того чтобы поддержать доверие к этим свидетелям, он выдвигает позиции в отношении исторических доказательств, которые сами по себе необоснованны и особенно неприменимы к ранним временам Греции: Во-вторых, его рассуждения в то же время непоследовательны, поскольку включают в себя признания, которые, если их правильно понять и следовать им, показывают этих самых свидетелей как привычно, беспорядочно и бессознательно смешивающих правду и вымысел; и поэтому

мало пригодны для того, чтобы им верили на основании их одиночных и ничем не подкреплённых показаний.

Чтобы рассмотреть сначала второй пункт, он говорит: "Введение, с. ii-iii: "Авторитет даже генеалогий был поставлен под сомнение многими способными и учеными людьми, которые отвергают Данаю, Кадма, Геракла, Фесея и многих других как вымышленных личностей. Очевидно, что любой факт мог выйти из рук поэтов, приукрашенный множеством сказочных добавлений: и вымышленные генеалогии, несомненно, были составлены. Однако, поскольку некоторые генеалогии были вымышленными, мы не вправе заключать, что все они были сказочными..... Таким образом, оценивая историческую ценность генеалогий, переданных ранними поэтами, мы можем занять среднюю позицию; не отвергая их как полностью ложные, но и не принимая все как истинные. В генеалогиях *содержится много реальных лиц*, но они *объединены со многими вымышленными именами*. Однако в основе вымысла лежит истина: генеалогическое выражение может быть ложным, но связь, которую оно описывает, реальна. Даже для тех, кто отвергает все это как сказочное, экспозиция ранних времен, представленная в этом томе, все равно не может быть неприемлемой: ведь для правильного понимания древности необходимо, чтобы мнения греков о собственном происхождении были представлены перед нами, даже если это ошибочные мнения, и чтобы их история была рассказана так, как они сами ее рассказали. Имена, сохранившиеся в древних генеалогиях, могут быть трех видов: либо это название расы или клана, преобразованное в имя отдельного человека, либо они полностью вымышлены, либо, наконец, это реальные исторические имена. В четырех генеалогических таблицах, приведенных ниже, сделана попытка различить эти три класса имен..... Из тех, кто остался в третьем классе (*то есть настоящих*), все не имеют права оставаться там. Но я отнес к третьему классу только те имена, относительно которых не было особых сомнений. Остальные оставляю на усмотрение читателя".

Следуя этому принципу деления, мистер Клинтон приводит четыре генеалогические таблицы,<sup>[76]</sup> в которых имена людей, представляющих расы, напечатаны заглавными буквами, а имена чисто вымышленных лиц - курсивом. И эти таблицы являют собой любопытный образец интимного смешения вымысла с тем, что он называет правдой: реальный сын и мифический отец, реальный муж и мифическая жена, или *наоборот*.

О таблицах мистера Клинтона можно сказать следующее.

1. Имена, выделенные как вымышленные, не отличаются ни общим характером, ни каким-либо признаком, который можно было бы присвоить или защитить, от тех, которые оставлены как реальные. Например (стр. 40), почему Itônus первый указан как выдумка, в то время как Itônus второй, вместе с Phycus, Cynus, Salmôneus, Ormenus и т.д., на той же странице, сохранены как реальные, все они являются эпонимами городов в той же степени, что и Itônus?

2. Если мы должны отбросить Hellên, Dôrus, Æolus, Iôn и т. д., как не являющиеся реальными личностями, а выражающие олицетворенные расы, то почему мы должны сохранить Kadmus, Danaus, Hyllus и некоторые другие, которые являются такими же эпонимами рас и племен, как и четыре вышеупомянутых? Хиллус, Памфил и Димас - эпонимы трех дорийских племен,<sup>[77]</sup> так же как Гоплис и три других сына Иона - четырех аттических племен: Кадм и Данай находятся в таком же отношении к кадмейцам и данайцам, как Аргус и Ахей к аргейцам и ахейцам. Кроме того, существует множество других имен, действительно являющихся эпонимами, которые мы сейчас не можем признать таковыми в силу нашего несовершенного знакомства с подразделениями эллинского населения, каждое из которых,



говоря в целом, имело своего бога или героя, к которому относился оригинал имени. Если же исключить из категории реальности одноименные имена, то мы обнаружим, что ряды настоящих мужчин поредели в гораздо большей степени, чем это следует из таблиц мистера Клинтона.

3. Хотя мистер Клинтон не проводит последовательно ни одну из своих квалификаций, лишаящих права голоса имена и лица из старых мифов, он, тем не менее, задвигает их достаточно далеко, чтобы вычеркнуть разумную долю от общего числа. Уступая во многом современному скептицизму, он отходит от точки зрения Элланика, Геродота и вообще древних историков; и необычно, что имена, которыми он охотнее всего жертвует, - это именно те, к которым они были наиболее привязаны и расставание с которыми было бы наиболее болезненным для их веры, - я имею в виду одноименных героев. Ни Геродот, ни Элланик, ни Эратосфенес, ни любой из хронологических летописцев древности не признали бы различия, которое проводит мистер Клинтон между реальными лицами. Клинтона между реальными и вымышленными лицами в старом мифическом мире, хотя, возможно, иногда, по особым причинам, они могли бы поставить под сомнение существование некоторых отдельных персонажей среди мифических предков Греции; но они никогда не мечтали о таком общем разделении на реальных и вымышленных лиц, которое составляет принцип "среднего хода" мистера Клинтона. Их хронологические вычисления для греческой древности предполагали, что все мифические персонажи, в их полной и цельной последовательности, были реальными лицами. Считая весь список реальным, они исчисляли количество поколений в столетии и таким образом определяли количество веков, отделявших их от богов, героев или автохтонных людей, составлявших, по их мнению, историческую точку отсчета. Но как только признается, что персонажи мифического мира делятся на два класса, частично реальные и частично вымышленные, целостность ряда нарушается, и он уже не может быть использован в качестве основы для хронологических расчетов. По подсчетам древних хронологов, три последовательных человека одной и той же линии - дед, отец и сын - составляют столетие; и это может быть грубым способом, пока вы полностью уверены, что все они реальные люди: но если в последовательности людей А, В, С вычеркнуть В как фикцию, непрерывность данных, необходимых для хронологических вычислений, исчезает. Теперь мистер Клинтон противоречит сам себе в том, что, отказываясь от не вызывающей подозрений исторической веры греческих хронологов, он, тем не менее, продолжает свои хронологические вычисления на основе данных этой древней веры, на основе предполагаемой реальности всех лиц, составляющих его доисторические поколения. Что, например, станет с генеалогией спартанских царей, составленной Гераклидом, если признать, что эпонимы должны быть отменены как вымысел; если учесть, что Гиллий, через которого эти цари вели свое происхождение от Гераклеи, самым отчетливым образом подпадает под эту категорию, так же как и Гоплис, сын Иона? Выяснится, что, когда мы перестаем верить в мифический мир как в непрерывную и неизменную череду реальных личностей, он становится непригодным для использования в качестве основы для хронологических вычислений, и что мистер Клинтон, сказав данные древних хронологов, должен был в то же время отказаться от их проблем как от неразрешимых. Генеалогии реальных лиц, в которые верили Геродот и Эратосфенес, представляют собой приемлемую основу для расчетов времени в определенных пределах погрешности: "Генеалогии, содержащие много реальных лиц, но включающие много вымышленных имен" (если воспользоваться формулировкой, только что приведенной г-ном Клинтоном), по сути, недоступны для такой цели.

Здесь уместно добавить, что я согласен с мнением мистера Клинтона относительно этих одноименных лиц: Я признаю вместе с ним, что "генеалогическое выражение часто может

быть ложным, когда связь, которую оно описывает, реальна". Так, например, усыновление Гилея Эгимием, отцом Памфила и Димаса, с привилегиями сына и третьей долей его территорий, может быть обоснованно истолковано как мифическое выражение братского союза трех дорийских племен, Гилея, Памфила и Димана: так же как и родство Иона и Ахея, Дора и Эола. Но если мы наложим эту конструкцию на имя Хилла, или Иона, или Ахея, мы не сможем в то же время использовать любого из этих людей в качестве единицы в хронологическом подсчете: несовместимо признавать их в совокупности как членов отдельного класса и в то же время зачислять их как реальных личностей при измерении продолжительности прошлого времени.

4. Мистер Клинтон, исповедуя желание рассказать историю греков так, как они сами ее рассказывали, похоже, не осознает, насколько капитально его точка зрения отличается от их. Различие, которое он проводит между реальными и вымышленными лицами, показалось бы Геродоту или Эратосфену неразумным, если не сказать оскорбительным. Несомненно, правильно, что ранняя история (если ее можно так назвать) греков должна быть рассказана так, как они сами ее рассказывали, и с этой целью я постарался в предыдущем повествовании, насколько мог, представить первобытные легенды в их первоначальном цвете и характере, указав в то же время на то, как они были преобразованы и переработаны в историю, пройдя через реторту поздних летописцев. Именно под легендой, преобразованной таким образом, мистер Клинтон, по-видимому, понимает историю, рассказанную самими греками, - что нельзя признать истинным, если специально не объяснить смысл этого выражения. Однако в своем общем разграничении реальных и вымышленных лиц мифического мира он существенно отходит от точки зрения даже поздних греков. И если бы он последовательно проводил это различие в своей конкретной критике, то обнаружил бы, что земля уходит у него из-под ног при восходящем марше даже к Трое, не говоря уже о ряде восемнадцати поколений дальше, к Форонею; но он не проводит его последовательно, и поэтому на практике он мало отклоняется от следов древних.

Было сказано достаточно, чтобы показать, что свидетели, на которых опирается мистер Клинтон, смешивают правду и вымысел привычно, без разбора и бессознательно, даже по его собственному признанию. Давайте теперь рассмотрим позиции, которые он занимает в отношении исторических свидетельств. Он говорит (Introduct. pp. vi-vii):-.

"Мы можем признать реальными личностями всех тех, кого нет оснований отвергать. Презумпция в пользу ранней традиции, если никакие аргументы не могут ее опровергнуть. Личности могут считаться реальными, если их описание созвучно состоянию страны в то время: если никакие национальные предрассудки или тщеславие не могли быть причастны к их изобретению: если традиция последовательная и общая: если соперничающие или враждебные племена сходятся в главных фактах: если действия, приписываемые человеку (лишенные их поэтического украшения), входят в политическую систему эпохи или формируют основу других сделок, которые попадают в известные исторические времена. Кадмус и Данай кажутся реальными лицами: ведь вполне соответствует состоянию человечества и вполне достоверно, что финикийские и египетские искатели приключений в эпоху, к которой приписываются эти лица, должны были добраться до берегов Греции; и у греков (как уже отмечалось) не было никаких мотивов из национального тщеславия симулировать эти поселения. Геракл был реальным человеком. Его деяния были записаны теми, кто не был дружен с дорийцами; ахейцами, эолийцами и ионийцами, у которых не было тщеславия прославлять героя враждебного и соперничающего народа. Его потомки во многих ветвях оставались во многих государствах вплоть до исторических времен. Его сын Тлеподем, его внук и правнук Клеод и Аристомах признаны (т.е. О. Мюллером) реальными

лицами: и нет никаких причин, которые можно было бы привести для их признания, которые не были бы столь же вескими для установления реальности и ее *cules* и *Hyllus*. Прежде всего, Геракл подтверждается свидетельствами как "Илиады", так и "Одиссеи".

Эти позиции кажутся мне несовместимыми с любыми здравыми взглядами на условия исторического свидетельства. Согласно изложенному здесь, мы обязаны признать реальными всех лиц, упомянутых Гомером, Арктином, Лешеком, гесиодовскими поэтами, Эвмелом, Асием и т. д., если только в каждом конкретном случае мы не сможем привести какие-либо позитивные основания для доказательства обратного. Если эта позиция верна, то большая часть истории Англии, начиная с троянца Брута и заканчивая Юлием Цезарем, должна быть сразу же признана достоверной и заслуживающей доверия. То, что мистер Клинтон называет *ранней традицией*, на самом деле является повествованием этих ранних поэтов. Слово "*традиция*" - двусмысленное слово и ставит весь вопрос; ведь если в своем очевидном и буквальном значении оно подразумевает только нечто передаваемое, будь то правда или вымысел, то под ним молчаливо подразумевается рассказ, описывающий некий реальный факт, возникший в то время, когда этот факт произошел, и изначально точный, но испорченный последующей устной передачей. Понимая, таким образом, под словами мистера Клинтона *раннюю традицию*, рассказы старых поэтов, мы найдем его позицию совершенно неприемлемой, - что мы обязаны признать личности или высказывания Гомера и Гесиода как реальные, если только мы не можем привести доводы в пользу обратного. Допустить это означало бы поставить их в один ряд с хорошими современными свидетелями; ведь даже Фукидид не может претендовать на большую привилегию, чем право верить его свидетельству, если только оно не опровергается на особых основаниях. Презумпция в пользу утверждающего свидетеля либо сильна, либо слаба, либо положительно ничтожна, в зависимости от сложного соотношения его средств познания, его моральных и интеллектуальных привычек, а также его мотива говорить правду. Так, например, когда Гесиод рассказывает нам, что его отец покинул эолийский Кимк и прибыл в Аскру в Беотии, мы можем полностью ему верить; Но когда он описывает нам битвы между олимпийскими богами и титанами, или между Гераклом и Цикном, - или когда Гомер изображает усилия Гектора, при поддержке Аполлона, по защите Трои, и борьбу Ахилла и Одиссея, при поддержке Геракла и Посейдона, за разрушение этого города, - события, которые, как утверждается, давно прошли и исчезли, - мы не можем считать ни одного из них достойным веры. Невозможно доказать, что они обладали какими-либо средствами познания, и уж точно у них не могло быть никаких мотивов для рассмотрения исторической правды: их целью было удовлетворить некритический аппетит к повествованию и заинтересовать эмоции своих слушателей. Мистер Клинтон утверждает, что "лица могут считаться реальными, если их описание соответствует состоянию страны в то время". Но он забыл, во-первых, что мы ничего не знаем о состоянии страны, кроме того, что рассказывают нам эти самые поэты; во-вторых, что вымышленные лица могут быть так же созвучны состоянию страны, как и реальные. Поэтому, с одной стороны, у нас нет никаких независимых доказательств, чтобы утверждать или отрицать, что Ахилл или Агамемнон соответствуют состоянию Греции или Малой Азии на определенную предполагаемую дату 1183 года до н. э., с другой стороны, даже если предположить, что такое соответствие будет установлено, это само по себе не докажет, что они были реальными людьми.

В рассуждениях мистера Клинтона совершенно не учитывается существование *правдоподобного вымысла* - вымышленных историй, которые прекрасно согласуются с общим ходом фактов и отличаются от фактов не каким-либо внутренним характером, а тем обстоятельством, что у факта есть компетентный и хорошо информированный свидетель, подтверждающий его подлинность либо прямо, либо путем законного умозаключения.

Вымысел может быть, и часто бывает, экстравагантным и невероятным; но он также может быть правдоподобным и умозрительным, и в этом случае ничто, кроме отсутствия свидетельства, не отличает его от правды. Теперь все тесты, которые мистер Клинтон предлагает в качестве гарантии реальности гомеровских личностей, будут так же хорошо удовлетворены правдоподобным вымыслом, как и реальным фактом: правдоподобность вымысла заключается в том, что он удовлетворяет этим и другим подобным условиям. В большинстве случаев сказания поэтов *действительно совпадали* с существующим течением чувств в их аудитории: "предрассудки и тщеславие" - не единственные чувства, но, несомненно, к предрассудкам и тщеславию часто апеллировали, и именно благодаря такой гармонии чувств они завладевали убеждениями людей. Несомненно, "Илиада" сильнее всего апеллировала к почитанию богов и героев предков среди азиатских колонистов, впервые услышавших ее: соблазн рассказать интересную историю - вполне достаточный стимул для выдумки поэта, а правдоподобность истории - достаточный залог веры слушателей. Мистер Клинтон говорит о "последовательной и общей традиции". Но то, что сказка поэта, однажды рассказанная эффектно и красиво, приобрела всеобщую веру, не является доказательством того, что она основана на фактах: иначе, что мы должны сказать о божественных легендах и о значительной части гомеровского повествования, которую сам мистер Клинтон отбрасывает как недостоверную, под названием "поэтический орнамент?" Когда мифическое происшествие записывается как "основа" какого-то известного исторического факта или события, - как, например, удачная хитрость, с помощью которой Меланф убил Ксанфа в битве на границе, о которой рассказывалось в моей последней главе, - мы можем принять одну из двух точек зрения; Мы можем либо рассматривать этот инцидент как реальный и как действительно давший повод для того, что описано как его эффект, - либо мы можем рассматривать этот инцидент как легенду, выдуманную для того, чтобы приписать реальности какое-то правдоподобное происхождение, - "Aut ex re nomen, aut ex vocabulo fabula."<sup>[78]</sup> В случаях, когда легендарное происшествие относится ко времени, давно предшествующему каким-либо записям, - как это обычно бывает, - второй способ действий представляется мне гораздо более созвучным разуму и вероятности, чем первый. Следует помнить, что все люди и факты, защищаемые здесь мистером Клинтоном в качестве реальной истории, относятся к эпохе, задолго предшествовавшей первому началу записей.

Я уже отмечал, что мистер Клинтон уклоняется от своего собственного правила, рассматривая Кадмуса и Даная как реальных людей, поскольку они являются такими же эпонимами племен или рас, как Дорус и Эллин. И если он может признать Геракла реальным человеком, то я не вижу, на каком основании он может последовательно отвергать любого из мифических персонажей, ибо нет ни одного, чьи подвиги более разительно расходились бы со стандартом исторической вероятности. Мистер Клинтон основывается на предположении, что "Геркулес был *дорийским* героем": но он был ахейцем и кадмеем, а также дорийцем, хотя легенды о нем отличаются во всех трех характерах. Относятся ли его сын Тлеполем и внук Клеодэй к категории исторических людей, я не берусь утверждать, хотя О. Мюллер (по моему мнению, без всяких гарантий), похоже, признает это; но Гиллий, конечно, не настоящий человек, если верить канонам самого г-на Клинтона относительно эпонимов. "Потомки Геркулеса (замечает мистер Клинтон) оставались во многих государствах вплоть до исторических времен". Так же как и потомки Зевса и Аполлона, и того бога, которого историк Гекатей признал своим прародителем в шестнадцатом поколении; титулованные цари Эфеса в исторические времена, а также Пейсистрат, деспот Афин, прослеживали свое происхождение до Эола и Эллина, однако мистер Клинтон без колебаний отвергает Эола и Эллина как вымышленные личности. Я оспариваю правомерность цитирования "Илиады" и "Одиссеи" (как это делает г-н Клинтон) в качестве доказательства исторической личности Геракла. Ведь даже в отношении обычных людей,

фигурирующих в этих поэмах, у нас нет возможности отличить реальных от вымышленных; в то время как гомеровский Геракл несомненно больше, чем обычный человек, - он любимый сын Зевса, с самого рождения предопределенный к жизни в труде и рабстве в качестве подготовки к славному бессмертию. Без сомнения, сам поэт верил в реальность Геркулеса, но это была реальность, облеченная в сверхчеловеческие атрибуты.

Мистер Клинтон замечает (Introd. p. ii.), что "поскольку некоторые генеалогии были вымышленными, мы не вправе заключать, что все они были сказочными". Нам ни в коем случае не нужно придерживаться столь широкой позиции: достаточно того, что все они сказочны в том, что касается богов и героев, - *некоторые* сказочны полностью, - и ни одна не является достоверной для периода, предшествующего записанным олимпиадам. Насколько, или какие именно части, могут быть правдивыми, никто не может сказать. Боги и герои, с нашей точки зрения, по сути, вымышлены; но с греческой точки зрения они были самыми реальными (если можно так выразиться, *то есть* с самой сильной верой) из всех членов серии. Они не только составляли часть генеалогии в ее первоначальном виде, но и сами по себе были главной причиной, по которой она была задумана, - как золотая цепь, соединяющая живого человека с божественным предком. Таким образом, генеалогия, взятая в целом (а ее ценность заключается в том, что она взята в целом), с самого начала была вымыслом; но имена отца и деда живого человека, в день которого она впервые появилась на свет, несомненно, принадлежали реальным людям. Поэтому там, где мы можем проверить дату генеалогии, относящейся к какому-либо живому человеку, мы можем с полным основанием предположить, что два низших члена также принадлежат реальным людям: но это не относится ко времени, предшествующему Олимпиаде, - тем более к притворным временам Троянской войны, Калидонской охоты на кабанов или потопа Девкалиона. Рассуждать (как это делает г-н Клинтон, Introd. p. vi.): "Поскольку Аристоммах был настоящим человеком, следовательно, его отец Клеодэй, его дед Хиллус и так далее и т. д. должны были быть настоящими людьми" - это недопустимое заключение. Историк Гекатэус был настоящим человеком, и, несомненно, его отец Гегесандр тоже, но было бы небезопасно подниматься по его генеалогической лестнице на пятнадцать ступеней, чтобы увидеть бога предков, которым он хвастался: верхние ступени лестницы окажутся сломанными и нереальными. Не говоря уже о том, что вывод, сделанный от реального сына к реальному отцу, не согласуется с признаниями в собственных генеалогических таблицах мистера Клинтона; ведь там он вставляет имена нескольких мифических отцов как породивших реальных исторических сыновей.

Общий авторитет книги мистера Клинтона и искреннее уважение, которое я питаю к его разъяснениям поздней хронологии, наложили на меня обязанность изложить те основания, по которым я не согласен с его выводами до первой записанной Олимпиады. Читатель, желающий ознакомиться с многочисленными и противоречивыми догадками (они не заслуживают лучшего названия) самих греков, пытавшихся хронологизировать свои мифические повествования, найдет их в обширных примечаниях, приложенных к первой половине первого тома. Поскольку я считаю все подобные исследования не только бесплодными с точки зрения достоверности результата, но и отвлекающими внимание от подлинной формы и реального иллюстративного характера греческой легенды, я не счел нужным повторять их в настоящей работе. Отличаясь, однако, от взглядов мистера Клинтона по этому вопросу, я согласен с ним в отрицании применения этимологии (Intr. pp. xi-xii.) в качестве общей схемы объяснения персонажей и событий греческой легенды. Среди множества причин, которые действовали как подсказки и стимулы для греческой фантазии при создании этих интересных историй, этимология, несомненно, имела свою долю; но она не может применяться (как Герман, прежде всего, пытался применить ее) для придания

предполагаемого смысла и системы общему корпусу мифических повествований. Я уже высказывался на эту тему в одной из предыдущих глав.

Было бы любопытно выяснить, в какое время или кем были составлены и сохранены самые ранние непрерывные генеалогии, связывающие существующих людей с предполагаемой предшествующей эпохой легенды. Ни Гомер, ни Гесиод не упоминали ни о каких достоверно *существующих* лицах или обстоятельствах: если бы они это сделали, возраст того или иного из них можно было бы определить на основании веских доказательств, что, как мы справедливо полагаем, было невозможно из-за бесконечных споров на эту тему среди древних писателей. В "Трудах и днях" Гесиода герои Трои и Феба даже представлены как вымершая раса,[79] радикально отличающаяся от современников поэта, которые представляют собой новую расу, слишком развращенную, чтобы можно было представить их как происходящих из чресл героев; так что мы вряд ли можем предположить, что Гесиод (хотя его отец был родом из эолийского Кима) признал родословную эолийских вождей, как предполагаемых потомков Агамемнона. Несомненно, что самые ранние поэты не пытались измерить или преодолеть предполагаемый промежуток между их эпохой и войной под Троей с помощью какого-либо определенного ряда отцов и сыновей: предпринимали ли такую попытку Эвмей или Асий, мы не можем сказать, но самые ранние непрерывные генеалогии, о которых мы находим упоминания, - это генеалогии Ферекидеса, Элланика и Геродота. Хорошо известно, что Геродот, вычисляя восходящую генеалогию спартанских царей, относит дату Троянской войны к периоду на 800 лет раньше себя, что соответствует 1270-1250 гг. до н. э.; в то время как последующие александрийские хронологи, Эратосфен и Аполлотор, помещают это событие в 1184 и 1183 гг. до н. э.; а Парийский мрамор относит его к промежуточной дате, отличной от обеих, - 1209 г. до н. э. Эфор, Фаний, Тимей, Клейтарх и Дурис, каждый из которых имел свою собственную предположительную дату; но вычисления александрийских хронологов были наиболее распространены среди тех, кто последовал за ними, и, кажется, перешли к современным временам в качестве принятой даты этого великого легендарного события, - хотя некоторые выдающиеся исследователи приняли эпоху Геродота, которую Ларчер попытался обосновать в подробной, но слабой диссертации.[80] Излишне говорить, что, на мой взгляд, исследование не имеет никакой другой ценности, кроме иллюстрации идей, которыми руководствовался греческий ум, и демонстрации его прогресса со времен Гомера до времен Геродота. Ведь это свидетельствует о значительном умственном прогрессе, когда люди начинают методизировать прошлое, даже если они делают это на выдуманных принципах, будучи еще не обеспеченными теми записями, которые только и могли бы направить их по лучшему пути. Гомеровский человек довольствовался тем, что чувствовал, воображал и верил в конкретные происшествия предполагаемого прошлого, не пытаясь выстроить линию связи между ними и собой: вводить вымышленные гипотезы и средства связи - дело последующего века, когда впервые ощущается стимул рационального любопытства, без каких-либо достоверных материалов для его обеспечения. Итак, мы имеем форму истории, действующую на материю легенды, - переходное состояние между легендой и историей; менее интересную, чем любая из них в отдельности, но необходимую как ступень между ними.

---



## ГЛАВА XX.

### СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА И НРАВОВ В ГРЕЧЕСКОЙ ЛЕГЕНДЕ.

Хотя конкретные лица и события, описанные в легендарных поэмах Греции, нельзя считать относящимися к области реальной истории, эти поэмы, тем не менее, полны поучительности как картины жизни и нравов; и те же самые обстоятельства, которые лишают их авторов всякого доверия как историков, делают их гораздо более ценными как бессознательных разоблачителей современного им общества. И хотя они якобы описывают неподтвержденное прошлое, их сочетания невольно заимствуются из окружающего настоящего: Ибо в сообществах, подобных первобытным грекам, без книг, без средств для дальних путешествий, без знакомства с иностранными языками и привычками, воображение даже высокоодаренных людей, естественно, было порабощено окружающими их обстоятельствами в гораздо большей степени, чем в более поздние времена Солона или Геродота; таким образом, персонажи, которые они задумывали, и сцены, которые они описывали, по этой причине имели более сильное родовое сходство с реалиями их собственного времени и местности. Поэзия той эпохи также не была адресована критическим авторам, бдительно следящим за плагиатом, пресыщенным простыми образами и требующим новизны и необычности в каждом новом произведении. Чтобы завладеть их эмоциями, достаточно было гениально и пылко изобразить наиболее очевидные проявления человеческих приключений или страданий и идеализировать тот тип общества, как частного, так и общественного, с которым слушатели были знакомы. Даже в описании богов, где можно было бы ожидать большой степени широты и отклонений,<sup>[81]</sup> мы видим, что Гомер переносит на Олимп страсти, капризы, любовь к власти и покровительству, чередование достоинства и слабости, которые одушевляли лоно обычного греческого вождя; И эта тенденция воспроизводить по существу социальные отношения, к которым он привык, будет действовать еще сильнее, когда ему придется описывать просто человеческие характеры - вождя и его людей, воина и его товарищей, мужа, жену, отца и сына - или несовершенные зачатки судебного и административного процесса. В том, что его повествование по всем этим пунктам, даже с вымышленными персонажами и событиями, представляет собой близкое приближение к общей реальности, нет никаких оснований сомневаться.<sup>[82]</sup> Необходимость, в которой он находился, черпая из запасов, в то время счастливо неистощимых, личного опыта и наблюдений, является одной из причин той свежести и живости описания, в которой ему нет равных, и которая составляла нетленное очарование Илиады и Одиссеи от начала и до конца греческой литературы.

Поэтому, отказавшись от идеи хронологизации или историзации событий греческой легенды, мы можем использовать их с пользой для себя как ценные памятники того состояния общества, чувств и интеллекта, которое должно быть для нас отправной точкой истории народа. Конечно, легендарный век, как и все последующие, имел свои предшествующие причины и определяющие условия; но о них мы ничего не знаем, и вынуждены принять его за первичный факт, чтобы проследить его последующие изменения. Представление об абсолютном начале или происхождении (как справедливо заметил Нибур) недоступно нашим способностям: мы не можем ни понять, ни проверить ничего, кроме прогресса, или развития, или упадка,<sup>[83]</sup> - изменения от одного набора обстоятельств к другому, управляемого определенной комбинацией физических или моральных законов. В случае с греками легендарный век, как самый ранний из всех известных нам, должен быть принят за исходное состояние, с которого начинается этот ряд изменений. Мы должны как можно лучше изобразить его выдающиеся черты и показать - частично как он служит для

подготовки, частично как он образует контраст для выделения - последующие эпохи Солона, Перикла и Демосфена.

1. Политическое состояние, которое повсеместно представляет нам греческая легенда, в своих основных чертах разительно отличается от того, которое стало повсеместно распространенным среди греков во времена Пелопоннесской войны. Историческая олигархия, как и демократия, сходились в том, что требовали определенной установленной системы управления, состоящей из трех элементов: специализированных функций, временных чиновников и конечной ответственности (в тех или иных формах) перед массой квалифицированных граждан - либо сенатом, либо эkkлeсией, либо и тем и другим. Разумеется, между одним правительством и другим существовало множество существенных различий, касающихся квалификации гражданина, атрибутов и эффективности общего собрания, допустимости власти и т. д.; и люди часто могли быть недовольны тем, как эти вопросы решались в их собственном городе. Но в сознании каждого человека некое определяющее правило или система - нечто вроде того, что в наше время называют *конституцией*, - были необходимы для любого правительства, имеющего право называться законным или способного вызвать в сознании грека чувство моральной обязанности подчиняться ему. Функционеры, осуществляющие власть в соответствии с ней, могли быть более или менее компетентными или популярными; но личные чувства к ним обычно терялись в привязанности или отвращении к общей системе. Если какой-нибудь энергичный человек мог наглостью или хитростью нарушить конституцию и стать постоянным правителем по своей воле и желанию, - даже если он мог управлять хорошо, он никогда не мог внушить народу чувства долга по отношению к нему. Его скипетр был незаконным с самого начала, и даже лишение его жизни, далеко не запрещенное тем нравственным чувством, которое осуждало пролитие крови в других случаях, считалось достойным. В языке он не мог упоминаться иначе, как под именем[84] (*tύραννος, деспот*), которое клеймило его как объект смешанного страха и неприязни.

Если мы вернемся от исторической к легендарной Греции, то увидим картину, обратную той, что была набросана здесь. Мы видим правительство, в котором практически нет ни схемы, ни системы, ни тем более идеи ответственности перед управляемыми, но в котором главная движущая сила повиновения со стороны народа заключается в его личных чувствах и почтении к вождю. Прежде всего, мы отмечаем короля: далее - ограниченное число подчиненных королей или вождей; затем - массу вооруженных свободных людей, крестьян, ремесленников, вольных разбойников и т. д.; ниже всего - свободных наемных рабочих и купленных рабов. Царь не отличается какой-либо широкой или непроходимой границей от других вождей, к каждому из которых применим титул *basileus*, так же как и к нему самому: его верховенство унаследовано от предков и переходит по наследству, как правило, к старшему сыну, будучи даровано семье как привилегия по милости Зевса. [На войне он является вождем, превосходящим всех в личной доблести и руководящим всеми военными движениями; в мире он является общим защитником обиженных и угнетенных; он также совершает общественные молитвы и жертвоприношения, призванные добиться для всего народа благосклонности богов. Обширные владения закреплены за ним как принадлежность его высокого положения, а продукты его полей и скота частично идут на обильное, хотя и грубое гостеприимство. Кроме того, он часто получает подарки, чтобы отвратить вражду, примирить его благосклонность[86] или откупиться от его поборов; а когда грабят врага, для него, помимо общей раздачи, резервируется большая доля, включающая, возможно, самую привлекательную пленницу[87].

Таково положение царя в героические времена Греции - единственного человека (если не считать глашатаев и жрецов, каждый из которых был как особым, так и подчиненным), который предстает перед нами как облеченный какой-либо индивидуальной властью, - человека, от которого зависят все исполнительные функции, тогда еще немногочисленные, которых требует общество, либо выполняются, либо направляются. Его личное превосходство, проистекающее из божественного лика, дарованного как ему самому, так и его расе, и, вероятно, из аккредитованного божественного происхождения, является главной особенностью картины. Народ прислушивается к его голосу, принимает его предложения и подчиняется его приказам: не только сопротивление, но даже критика его действий, как правило, выставляется в одиозном свете, и о ней, действительно, никогда не слышно, кроме как от одного или нескольких подчиненных принцев. Чтобы поддерживать и оправдывать подобные чувства в общественном сознании, король должен сам обладать различными достижениями, телесными и умственными, причем в высшей степени.[88] Он должен быть храбр в поле, мудр в совете и красноречив на агоре; он должен быть наделен телесной силой и активностью, превосходящей других людей, и должен быть искусен не только в использовании своего оружия, но и в тех атлетических упражнениях, которые с удовольствием наблюдает толпа. Даже самые обычные виды ручного труда дополняют его характер, например, ремесло плотника или корабельщика, прямая борозда пахаря или неутомимое упорство косаря без отдыха и передышки в течение всего длинного дня.[89] Условиями добровольного повиновения в греческие героические времена были семейное происхождение с личной силой и превосходством как душевным, так и телесным в вожде, в сочетании с благосклонностью богов: старый вождь, такой как Пелей и Лаэрт, не может сохранить свое положение.[90] Но, с другой стороны, там, где присутствуют эти элементы силы, допускается много насилия, капризов и хитрости: этические суждения не являются точными при рассмотрении поведения людей, наделенных столь высокими полномочиями. Как и в случае с богами, общие эпитеты "*добрый*", "*справедливый*" и т. д. применяются к ним как эвфемизмы, возникающие из покорности и страха, которые не только не предполагаются, но и зачастую прямо опровергаются их конкретными поступками. Эти слова означают человека родовитого, богатого, влиятельного и смелого, чья рука сильна, чтобы разрушить или защитить, каков бы ни был поворот его нравственных чувств; в то время как противоположный эпитет, *плохой*, обозначает бедных, ничтожных и слабых; от их нравов, будь они хоть сколько-нибудь добродетельны, обществу нечего надеяться или бояться.

Аристотель в своей общей теории правления[92] утверждает, что самые ранние источники послушания и власти среди людей - личные, проявляющиеся наиболее полно в типе отцовского верховенства; и что поэтому царское правление, как наиболее соответствующее этой стадии общественных настроений, стало, вероятно, первым, установленным повсюду. И в самом деле, в его время оно все еще продолжало преобладать среди неэллинских народов, непосредственно окружавших его; хотя финикийские города и Карфаген, наиболее цивилизованное из неэллинских государств, были республиками. Тем не менее, чувства к царской власти у современных ему греков настолько изменились, что ему трудно проникнуться добровольным послушанием, которое его предки оказывали своим ранним героическим вождям. Он не может объяснить себе, как один человек мог настолько превосходить окружающих его товарищей, чтобы поддерживать такое огромное личное превосходство: он подозревает, что в таких маленьких общинах большие заслуги были очень редки, так что у вождя было мало конкурентов.[93] Такие замечания ярко иллюстрируют революцию, которую претерпело греческое сознание за предыдущие столетия, в отношении внутренних оснований политического подчинения. Но связующее звено между гомеровской и республиканской схемами правления следует искать в двух дополнениях к гомеровской

царской власти, о которых сейчас пойдет речь, - буле, или совете вождей, и агоре, или общем собрании свободных людей.

Эти два собрания, созываемые более или менее часто и переплетенные с самыми ранними обычаями первобытных греческих общин, представлены в памятниках легендарной эпохи скорее как возможности для совета с царем и средства обнародования его намерений перед народом, нежели как ограничения его власти. Несомненно, на практике они должны были приводить как к последнему, так и к первому результату; но это не тот свет, в котором их описывают гомеровские поэмы. Вожди, цари, князья или геронты - ибо одно и то же слово в греческом языке обозначает и старика, и человека, занимающего видное положение, - составляют совет,[94] в котором, согласно изображениям в "Илиаде", единодушно преобладают решения Агамемнона с одной стороны и Гектора - с другой. Суровость и даже презрение, с которым Гектор относится к уважительному возражению своего древнего товарища Полидамаса, - унылый тон и сознание неполноценности последнего и единодушное согласие, которое получает первый, даже когда он совершенно не прав, - все это ясно представлено в поэме:[95] в то время как в греческом лагере мы видим Нестора, который самым покорным и деликатным образом дает свои советы Агамемнону, которые должны быть приняты или отвергнуты, как решит "царь людей".[Совет - это чисто совещательный орган, собранный не для того, чтобы императивно пресекать злонамеренные решения царя, а исключительно для его информирования и руководства. Сам он является председательствующим (boulephōrus, или) членом[97] совета; остальные, как в совокупности, так и по отдельности, являются его подчиненными.

Из совета мы переходим на агору: согласно принятому обычаю, царь, обсудив свои намерения с первым, переходит к объявлению их народу. Глашатаи заставляют толпу сесть по порядку[98] и принуждают к тишине: любому из вождей или советников - но, как кажется, никому другому[99] - разрешается обратиться к ним: царь сначала оглашает свои намерения, которые затем могут быть прокомментированы другими. Но на гомеровской агоре никогда не происходит ни разделения голосов на утвердительные и отрицательные, ни принятия какой-либо формальной резолюции. Ничтожность позитивной функции поражает нас в агоре еще больше, чем в совете. Это собрание для разговоров, общения и обсуждения, в определенной степени, вождями, в присутствии народа в качестве слушателей и сочувствующих, - часто для красноречия, а иногда для ссор, - но на этом его мнимые цели заканчиваются.

Агора в Итаке, во второй книге "Одиссеи", созывается юношей Телемахом по наущению Афонки не для того, чтобы внести какое-либо предложение, а для того, чтобы официально и публично уведомить женихов о необходимости прекратить их незаконное вторжение и грабеж его имущества и освободить себя перед богами и людьми от всех обязательств по отношению к ним, если они откажутся подчиниться. Ибо расправа над женихами в торжественной обстановке праздничного зала и пира (что и составляет катастрофу "Одиссеи") была делом, затрагивающим многое, что шокировало греческое чувство,[100] и потому должна была предваряться такими достаточными формальностями, которые оставили бы и самих провинившихся без тени оправдания, и их оставшихся в живых родственников без всяких претензий на обычное удовлетворение. Для этой особой цели Телемах велит глашатаям созвать агору, но больше всего его удивляет то, что со времени отъезда самого Одиссея - а это двадцать лет - ни одна агора не созывалась и не проводилась. "С тех пор как Одиссей отправился в плавание, среди нас не было ни одной агоры, ни одного заседания (говорит седобородый Эгипий, открывающий заседание), и вот, кто созвал нас? Какой человек, молодой или старый, почувствовал такую сильную

необходимость? Получил ли он известие от наших отсутствующих воинов, или у него есть другие общественные новости, которые он должен сообщить? Он наш добрый друг, раз так поступил: каковы бы ни были его замыслы, я молю Зевса даровать ему успех"[101]. Телемах, отвечая на этот призыв, сразу же сообщает собравшимся итакийцам, что у него нет никаких государственных новостей, а созвал он их по своим личным нуждам. Далее он патетически излагает злодеяния ухажеров, призывает их лично отказаться, а народ - сдержать их, и в заключение торжественно предупреждает их, что, будучи отныне свободным от всяких обязательств по отношению к ним, он призовет на помощь Зевса, чтобы "они были убиты в недрах его собственного дома, не навлекая на него никакого последующего наказания"[102].

Конечно, мы не должны считать гомеровское описание чем-то большим, чем *идеология*, приближенная к реальной действительности. Но, если допустить все, что может потребоваться для такого ограничения, оно представляет агору скорее как особое средство гласности и общения[103] между царем и народом, чем как включающее в себя какую-либо идею ответственности со стороны первого или сдерживающей силы со стороны второго, какими бы косвенными последствиями это ни было чревато. Первобытное греческое правительство по сути своей монархическое, опирающееся на личные чувства и божественное право: памятная сентенция из "Илиады" подтверждается всем, что мы слышим о реальной практике: "Правитель многих - это нехорошо: пусть у нас будет только один правитель, один царь, тот, кому Зевс дал скипетр и опекунские санкции"[104].

Вторая книга "Илиады", полная красоты и живости, не только подтверждает наше представление о пассивном, принимающем и слушающем характере агоры, но даже представляет отталкивающую картину деградации народных масс перед вождями. Агамемнон созывает агору для того, чтобы немедленно вооружить греческое войско, под полным впечатлением, что боги наконец-то решили немедленно увенчать его оружие полной победой. Такое впечатление было создано специальным визитом Онейруса (бога снов), посланного Зевсом во время сна, что, по сути, является намеренным обманом со стороны Зевса, хотя Агамемнон и не подозревает о его коварном характере. Именно в этот момент, когда можно предположить, что он более чем обычно стремится вывести свою армию на поле боя и вырвать приз, его охватывает безотчетная фантазия, и вместо того, чтобы предложить войскам сделать то, что он действительно хочет, и подбодрить их дух для этого последнего усилия, он принимает прямо противоположное решение: он испытывает их мужество, заявляя, что осада стала отчаянной и что нет другого выбора, кроме как отправиться на корабль и бежать. Объявив Нестору и Одиссею на предварительном совете о своем намерении применить этот странный язык, он в то же время говорит им, что рассчитывает на их противодействие и противодействие его воздействию на народ.[105] Вскоре собирается агора, и царь людей произносит речь, полную тревоги и отчаяния, заканчивая ее явным призывом ко всем присутствующим немедленно подняться на борт и вернуться домой. Немедленно все войско, как вожди, так и люди, распадается и приступает к исполнению его приказа: каждый бросается поднимать свой корабль на плаву, кроме Одиссея, который смотрит на это в скорбном молчании и изумлении. Войско быстро отправилось бы домой, если бы богини Хера и Афина не побудили Одиссея к немедленному вмешательству. Он спешит в рассеивающуюся толпу и отвлекает ее от цели отступления: к вождям он обращается с льстивыми словами, пытаясь пристыдить их мягкими увещеваниями; народ же он посещает суровыми выговорами и ударами своего скипетра,[106] тем самым загоняя их обратно на свои места в агоре.



Среди недовольной толпы, которую он невольно возвращает назад, дольше и громче всех звучит голос Терситека - человека безобразного, уродливого и неказистого, но бегло говорящего, особенно сурово и беззлобно порицающего вождей - Агамемнона, Ахилла и Одиссея. По этому случаю он обращается к народу с речью, в которой порицает Агамемнона за корыстные и жадные поборы вообще, но особенно за его недавнее жестокое обращение с Ахиллом, - и, кроме того, пытается побудить его упорствовать в своем замысле ухода. В ответ Одиссей не только резко упрекает Терситека за дерзость в оскорблении главнокомандующего, но и угрожает, что, если подобное поведение повторится, он разденет его догола и выпорет из собрания позорными ударами; в подтверждение этого он сразу же наносит ему сильный удар скипетром с шипами, оставляя болезненный след в виде кровавой борозды по всей спине. Терситес, испуганный и покоренный, садится на землю и плачет, а окружающая толпа высмеивает его и горячо одобряет Одиссея за то, что он силой заставил погромщика замолчать[107].

Затем Одиссей и Нестор обращаются к агоре, сочувствуя Агамемнону в связи с позором, которому должно подвергнуться отступление греков, и настойчиво убеждая всех присутствующих в необходимости упорствовать, пока осада не будет успешно завершена. Ни один из них не осуждает Агамемнона ни за его поведение по отношению к Ахиллу, ни за его детскую причуду испытать нрав армии[108].

Не может быть более четкого указания, чем это описание, столь наглядное в оригинальной поэме, на истинный характер гомеровской агоры. Народ, составляющий ее, слушает и соглашается, не часто колеблется и никогда не отказывается[109] от вождя. Судьба, которая ожидает самонадеянного критика, даже если его яростные упреки в значительной степени обоснованы, ясно показана в обращении с Терситеком; а о непопулярности такого персонажа свидетельствует даже большее, чем наказание Одиссея, чрезмерное старание Гомера нагромоздить на него отталкивающие личные уродства; он хромоу, лысый, с кривой спиной, неправильно сформированной головой и косоглазым зрением.

Но мы перестаем удивляться покорному характеру агоры, когда читаем действия Одиссея по отношению к самому народу; его изящные слова и лесть, обращенные к вождям, и его презрительные упреки и ручное насилие по отношению к простым людям, в тот момент, когда и те и другие делали в точности одно и то же, - выполняя прямое указание Агамемнона, которому Одиссей не дает ни единого комментария. Эта сцена, вызвавшая сильное недовольство демократов исторических Афин,[110] служит доказательством того, что чувство личного достоинства, о котором философские обозреватели Греции - Геродот, Ксенофонт, Гиппократ и Аристотель - хвастались, что оно отличает свободного греческого гражданина от рабского азиата, во времена Гомера было еще не развито. [Древний эпос обычно так наполнен личными приключениями вождей, а народ так постоянно изображается простым придатком к ним, что мы редко получаем представление об отношении к одним отдельно от других, такое, какое дает эта памятная гомеровская агора.

Остается еще одна точка зрения, с которой мы должны рассматривать агору первобытной Греции, - как сцену, на которой вершилось правосудие. О царе говорят как о Зевсе, великом судье общества: он получил от Зевса скипетр, а вместе с ним и полномочия повелевать и наказывать: народ подчиняется этим повелениям и налагает эти санкции, подчиняясь ему, обогащая его в то же время выгодными подарками и платежами.[112] Иногда царь отдельно, иногда цари или вожди или геронты во множественном числе, названы как решающие споры и присуждающие удовлетворение жалобщикам; всегда, однако, публично, посреди собравшейся агоры.[113] В одном из отделений щита Ахилла описаны детали судебной сцены. На агоре, заполненной возбужденной толпой, двое мужчин спорят о штрафе за



смерть убитого, один утверждает, другой отрицает, что штраф уже уплачен, и оба требуют дознания. Геронты расположились на каменных сиденьях[114] в священном круге, перед ними лежат два таланта золота, которые должны быть вручены тому из спорящих, кто изложит свое дело с удовлетворением. Глашатаи со своими скипетрами, подавляя горячие симпатии толпы в пользу той или иной стороны, обеспечивают поочередное слушание для обоих"[115]. Эта интересная картина полностью гармонирует с кратким намеком Гесиода на судебный процесс - несомненно, реальный - между ним и его братом Персеем. Братья поспорили об отцовском наследстве, и дело было передано на рассмотрение вождам на агоре; но Персес подкупил их и добился несправедливого вердикта для всех.[116] Так, по крайней мере, утверждает Гесиод в горечи своего сердца, убедительно увещевая брата не тратить драгоценное время, необходимое для необходимых трудов, на неприбыльное занятие свидетельства и пособничества тяжбам на агоре, - для чего (добавляет он) ни у кого нет досуга, если только его пропитание на год вперед надежно хранится в его амбарах.[117] Он не раз повторяет свои жалобы на кривые и порочные суды, в которых обычно были виновны цари; он говорит о злоупотреблении правосудием как о главном зле своего времени и предсказывает, а также призывает месть Зевса, чтобы подавить его. И Гомер приписывает огромную силу осенних бурь гневу Зевса на тех судей, которые позорят агору своими нечестивыми приговорами[118].

Хотя несомненно, что при любом состоянии общества чувства людей, собравшихся в толпе, привлекают определенное внимание, тем не менее, мы видим, что агора в судебных делах еще больше, чем в политических, служит лишь цели огласки. Именно царь является главным личным двигателем греческого героического общества.[119] На земле он является эквивалентом Зевса в агоре богов: верховный бог Олимпа имеет привычку осуществлять свое правление с частой оглаской, выслушивать некоторые несогласные мнения и позволять себе время от времени поддаваться на уговоры Афродиты или принуждать к соблюдению требований Геры: но его решение в конечном итоге является окончательным, подчиняясь только властному вмешательству Моегаэ, или Судьбы.[120] И общество богов, и различные общества людей, согласно представлениям греческой легенды, осуществляются под личным правлением законного государя, который не получает свой титул от специального назначения своих подданных, хотя и правит с их полного согласия. На самом деле, греческая легенда не представляет нам ничего другого, кроме этих великих личностей. Род, или нация, как бы вливается в князя: эпонимы, в особенности, не просто князя, а отцы и представительные единства, каждый из которых является эквивалентом той большей или меньшей совокупности, которой он дает имя.

Но хотя в первобытном греческом правительстве царь является как законным, так и реальным правителем, он всегда мыслится как действующий через совет и агору. И те, и другие - это установленные и необходимые средства, с помощью которых он воздействует на общество: отсутствие таких собраний является проверкой и признаком дикарей, как в случае с циклопами.[121] Соответственно, он должен обладать качествами, подходящими для того, чтобы эффективно действовать на этих двух собраниях: мудрым разумом для совета, хитрым красноречием для агоры. [Таков *идеал* героического правительства: царь, не только полный доблести и находчивости как солдат, но и достаточно превосходящий окружающих его людей, чтобы обеспечить как сознательное согласие вождей, так и сердечную приверженность масс.[123] То, что эта картина не во всех отдельных случаях воплощается в жизнь, не вызывает сомнений; но качества, столь часто приписываемые хорошим царям, показывают, что это был тип, который представлялся уму описывающего.[124] Ксенофонт в своей "Киропедии" изображает Кира как улучшенное издание гомеровского Агамемнона,

"хорошего царя и сильного воина", идеализируя таким образом совершенство личного правления.

Важно указать на эти фундаментальные представления о правительстве, заметные еще до рассвета греческой истории и отождествляемые с социальной жизнью народа. Это показывает нам, что греки в своих последующих революциях и политических экспериментах, которые представляли собой их бесчисленные автономные сообщества, работали с уже существующими материалами, развивая и возвышая элементы, которые сначала были подчиненными, и подавляя или переделывая по совершенно новому принципу те, которые изначально были преобладающими. Когда мы подходим к исторической Греции, то обнаруживаем, что (за исключением Спарты) первобытный наследственный, безответственный монарх, объединявший в себе все функции правления, перестал царствовать, а чувство легитимности, которое первоначально побуждало народ охотно ему подчиняться, сменилось отвращением к его характеру и титулу вообще. Многочисленные функции, которые он когда-то выполнял, были распределены между временными назначенцами. С другой стороны, совет, или сенат, и агора, которые первоначально были простыми посредниками, через которые действовал царь, превратились в постоянные и независимые источники власти, контролирующие и контролируемые различными специальными должностными лицами, на которых возлагались исполнительные обязанности того или иного рода. Указанный здесь общий принцип характерен как для олигархий, так и для демократий, выросших в исторической Греции: как бы ни отличались друг от друга эти два вида правления, как бы ни были разнообразны даже одна олигархия или демократия от другой, все они в равной степени противостояли принципу героического правления. Даже в Спарте, где наследственная царская власть продержалась долго, она сохранялась с блеском и влиянием, сильно уменьшенным,<sup>[125]</sup> и такое своевременное уменьшение ее власти, по-видимому, было одним из существенных условий ее сохранения.<sup>[126]</sup> Хотя спартанские цари имели наследственное командование военными силами, однако, даже во всех внешних походах, они обычно действовали, повинаясь приказам из дома; тогда как во внутренних делах превосходящая власть эфоров ощутимо затмевала их. Так что, если они не обладали более чем обычной силой характера, то, похоже, осуществляли свое главное влияние в качестве председателей сената.

Есть еще одна точка зрения, с которой мы должны обратить внимание на совет и агору как на неотъемлемые части легендарного правительства греческих общин. Таким образом, мы можем проследить использование публичных выступлений в качестве постоянного двигателя правительства и непосредственной причины повиновения, вплоть до социального младенчества нации. Сила речи в управлении общественными делами становится все более очевидной, развитой и неотразимой, по мере того как мы продвигаемся к кульминационному периоду греческой истории, столетию, предшествующему битве при Херонее. То, что его развитие было наибольшим среди наиболее просвещенных слоев греческого народа и наименьшим среди более тупых и неподвижных, является общеизвестным фактом; не менее верно и то, что распространенность этой привычки была одной из главных причин интеллектуального превосходства нации в целом. В то время, когда все страны вокруг были погружены в умственное оцепенение, не существовало достаточно мощного мотива, способного так замечательно умножить продуктивные умы Греции, за исключением тех, что возникали благодаря ораторскому искусству. Восприимчивость народа к такого рода наставлениям, привычка требовать и наслаждаться стимулом, который они давали, и открытое обсуждение, сочетающее регулярные формы со свободной оппозицией, практических вопросов, как политических, так и судебных, - вот те творческие причины, которые сформировали таких выдающихся адептов искусства убеждения. Не только

исповедующие ораторское искусство были произведены таким образом; дидактические способности были сформированы на заднем плане, а спекулятивные тенденции были снабжены интересными явлениями для наблюдения и комбинирования, в то время, когда истины физической науки были почти недоступны. Если первичным эффектом было ускорение силы выражения, то вторичным, но не менее определенным результатом, было развитие привычки к научному мышлению. Не только ораторское искусство Демосфена и Перикла, разговорная магия Сократа, но и философские рассуждения Платона, и система математической политики, риторики и логики Аристотеля, прослеживаются в тех же общих тенденциях в умах греческого народа: и мы находим зародыш этих экспансивных сил в сенате и агоре их легендарного правительства. Поэты, сначала эпические, а затем лирические, были предшественниками ораторов по своей силе воздействия на чувства собравшейся толпы; а гомеровские поэмы - общая учебная книга образованных греков - представляли собой сокровищницу прямого и живого выражения, полного конкретных форм и редкого использования абстракций, а потому лучше подходили для ораторской работы. Последующим критикам не составило труда выбрать из "Илиады" и "Одиссеи" образцы красноречия во всех его фазах и разновидностях.

В целом, общество, изображенное в древнегреческих поэмах, является свободным и неустроенным, в нем очень мало правовых ограничений и еще меньше правовой защиты, но такая политическая власть, как существует, сосредоточена в руках законного наследственного царя, чье превосходство над другими вождями является более или менее полным в зависимости от его личной силы и характера. Однако независимо от того, больше или меньше эта власть, масса народа в любом случае политически пассивна и малозначима. Хотя греческий свободный человек героической эпохи выше деградировавшего уровня галльского плебса, описанного Сезаром,<sup>[127]</sup> он далек от того, чтобы соперничать с яростной независимостью и чувством собственного достоинства в сочетании с индивидуальной силой, которые характеризовали германские племена до их вхождения в Римскую империю. Еще меньше его состояние или общество, в котором он живет, соответствует тем приятным мечтам о спонтанной правильности и невинности, которым Тацит и Сенека предаются в отношении первобытного человека<sup>[128]</sup>.

2. Состояние моральных и социальных чувств, преобладающих в легендарной Греции, демонстрирует сцену, гармонирующую с только что описанными рудиментарными политическими структурами. На протяжении всего длинного потока легендарных повествований, на которые греки оглядывались как на свою прошлую историю, более крупные социальные мотивы почти никогда не вступают в игру: перед нами либо индивидуальная доблесть и жестокость, либо личные привязанности и ссоры родственников и боевых товарищей, либо вражда личных врагов. Тогда не существовало чувства обязательства между человеком и человеком как таковым, и очень мало между каждым человеком и всем сообществом, членом которого он является; такие чувства не действуют ни в реальном мире, ни в воображении поэтов. Личные чувства, либо к богам, либо к королю, либо к какому-то близкому и известному человеку, заполняют всю грудь человека: из них проистекают все побуждения к благодеяниям и все внутренние ограничения насилия, антипатии или хищничества; для их существования необходимо особое общение, а также особые торжественные мероприятия. Церемония клятвы, такая внушительная, такая первостепенная и такая необходимая в те времена, ярко иллюстрирует этот принцип. И даже в случае с просителем-странником, - в котором проявляется явно спонтанное сочувствие, - помощь и доброта, проявленные к нему, обусловлены главным образом тем, что он прошел через освященные формальности прошения, например, сел в пепел у священного очага, получив таким образом своего рода привилегию святилища.<sup>[129]</sup> Эта церемония возвышает

его в нечто большее, чем просто страдающий человек, - она ставит его в непосредственное общение с хозяином дома, под опеку Зевса Хикетесиоса. Между одной формой прошения и другой существует большая разница; однако проситель в любой форме становится в большей или меньшей степени объектом особой симпатии.

Чувство обязательства перед богами проявляется отдельно в привычных актах поклонения, жертвоприношениях и возлияниях, или в вотивных подарках, таких как волосы Ахилла, которые он заложил речному богу Сперхею,[130] и в постоянных жертвоприношениях, которые люди, остро нуждающиеся в божественной помощи, сначала обещают, а затем выполняют. Но чувство к богам также проявляется, и не менее часто, как смешение с обязательствами по отношению к конкретной человеческой личности. Узы, связывающие человека с его отцом, родственником, гостем или любым другим человеком, которому он дал клятвенное обещание, представляются в сочетании с идеей Зевса как свидетеля и гаранта; а близость этой связи подтверждается фамилией или особым именем бога.[131] Такие личные чувства составляли все моральные влияния, которым был подвержен грек того времени, - состояние ума, которое мы можем лучше всего оценить, сравнив его с состоянием последующего гражданина исторических Афин. В представлении последнего, великий безличный авторитет, называемый "Законами", стоял отдельно, как руководство и санкция, отдельно от религиозного долга или частных симпатий: но эту дифференцированную концепцию позитивного закона и позитивной морали[132] можно обнаружить только в зародыше в гомеровских поэмах. Подходящее греческое слово для обозначения человеческих законов не встречается ни разу. Среди весьма неустойчивой фразеологии[133] мы можем обнаружить постепенный переход от примитивного представления о личной богине Фемиде, привязанной к Зевсу, сначала к его приговорам или приказам, называемым Фемистами, а затем, еще дальше, к различным установленным обычаям, которые эти приговоры, как считалось, освящают, - авторитет религии и авторитет обычая сливаются в одно неделимое обязательство.

Семейные отношения, как и следовало ожидать, представлены в наших картинах легендарного мира как великие источники прочного союза и преданной привязанности. Отцовский авторитет высоко почитается: сын, доживший до зрелых лет, оплачивает привязанностью к родителям за заботу о его содержании в младенчестве, которую язык отмечает особым словом; с другой стороны, Эриннис, чья мстительная рука приходит в движение от проклятия отца или матери, является объектом глубокого ужаса[134].

Что касается брака, мы видим, что жена занимает место с большим достоинством и влиянием, хотя муж должен был покупать ее путем ценных подарков ее родителям, - практика, широко распространенная среди ранних общин и рассматриваемая Аристотелем как свидетельство варварства. Даже кажется, что она живет менее уединенно и пользуется более широкой сферой деятельности, чем это было принято в исторической Греции.[135] Наложницы часто встречаются у вождей, и иногда ревность жены вырывается наружу в безрассудном порыве против мужа, как можно видеть в трагической истории Феникса. Особого внимания заслуживает непрерывность Лаэртеса, боявшегося вызвать недовольство своей жены Антиклеи.[136] Значительная часть романтического интереса, который внушает греческая легенда, связана с женщинами: Пенелопа, Андромеда, Елена, Клитемнестра, Эрифила, Иокаста, Гекаба и т. д., все они стоят на переднем плане картины, либо благодаря своим добродетелям, либо благодаря своей красоте, либо благодаря своим преступлениям или страданиям.

Не только братья, но и двоюродные, и более отдаленные кровные родственники и сородичи оказываются связанными между собой сильным чувством привязанности, разделяя всеобщее обязательство взаимной самозащиты и мести в случае нанесения вреда любому представителю рода. Законные братья делят между собой по жребии отцовское наследство, брат-бастард получает лишь небольшую долю; однако с ним обычно обращаются очень хорошо,<sup>[137]</sup> хотя убийство Фокуса Теламоном и Пелеем составляет вопиющее исключение. Тайная беременность молодых женщин, часто от бога, - один из наиболее часто повторяющихся инцидентов в легендарных повествованиях; и суровость, с которой отец, обнаружив этот факт, обычно проявляет себя. В качестве продолжения семейных связей мы читаем о более крупных союзах, называемых фратрия и племя, которые упоминаются с уважением, но не часто<sup>[138]</sup>.

Щедрая готовность, с которой гостеприимство оказывается незнакомцу, который просит о нем,<sup>[139]</sup> легкость, с которой ему разрешается вступить в особую связь гостя с хозяином, и постоянство, с которым эта связь, созданная приемом одной и той же пищи и обменом подарками, сохраняется даже в течение долгого периода разлуки и даже передается от отца к сыну - таковы одни из самых пленительных черт героического общества. Гомеровский вождь приветствует чужеземца, пришедшего просить приюта в его доме, сначала угощает его, а затем спрашивает его имя и цель путешествия.<sup>[140]</sup> Хотя он не склонен приглашать чужеземцев в свой дом, он не может отказать им, когда они спонтанно входят в него, желая получить ночлег.<sup>[141]</sup> Податель просьбы - тоже обычно чужак, но чужак в особых обстоятельствах; он объявляет о своем бедственном и унижительном положении и стремится поставить себя в отношение к вождю, которого он просит, нечто подобное тому, в котором люди находятся по отношению к богам. Какой бы обременительной ни была для него эта особая связь, вождь не может отказать от нее, если его просят в надлежащей форме: церемония прощения имеет обязательную силу, и эринни наказывают жестокосердного человека, который отказывается от нее. Покоренный враг может иногда броситься к ногам своего завоевателя и просить о пощаде, но он не может таким образом приобрести характер и претензии подателя, как его правильно называют: завоеватель может по своему усмотрению либо убить его, либо пощадить и принять выкуп<sup>[142]</sup>.

В легендарных повествованиях есть множество примеров людей, которые в отдельных поступках преступают даже самые святыя эти личные узы, но дикарь Циклоп - единственный человек, который описывается как человек, по сути, безразличный к ним и не заботящийся о санкции богов, которая, по греческим представлениям, сопровождает их всех.<sup>[143]</sup> На самом деле, трагический ужас, пронизывающий род Атамаса или Кадмуса, и приписываемый многим поступкам Геракла, Пелея и Теламона, Ясона и Медеи, Атрея и Тиестеса и т. д., основывается на глубоком чувстве и сочувствии к тем особым обязательствам, которые выдающиеся личности, под временным воздействием безумного Атека, вынуждены нарушать. В таком конфликте чувств, между общепринятыми обязательствами и исключительным отклонением в человеке, которым в остальном восхищаются, заключается пафос истории.

Эти чувства - взаимная преданность между родственниками и товарищами по оружию - щедрое гостеприимство по отношению к чужестранцу и защита поданного - являются светлыми пятнами в темный век. Мы находим их весьма распространенными среди сообществ, по сути своей грубых и варварских, - среди древних германцев, описанных Тацитом, друзов на Ливане,<sup>[144]</sup> арабских племен в пустыне и даже североамериканских индейцев.



Они - инстинктивные проявления человеческой социальности, стоящие поначалу особняком и по этой причине кажущиеся обладающими большей опекунской силой, чем им на самом деле принадлежит, - благотворной, правда, в высокой степени, применительно к своему собственному периоду, но служащей весьма несовершенной компенсацией за бессилие магистрата и за отсутствие какой-либо всепроникающей симпатии или чувства обязательства между человеком и человеком. Мы лучше всего понимаем их важность, когда сравниваем гомеровское общество с обществом таких варваров, как фракийцы, которые татуировали свое тело как знак щедрого рода, продавали своих детей на экспорт в качестве рабов, считали грабеж не просто одним из допустимых занятий среди других, а единственным почетным образом жизни; сельское хозяйство считалось презренным, и, прежде всего, радовались пролитию крови как роскоши. Такими были фракийцы во времена Геродота и Фукидида, и гомеровское общество представляет собой нечто среднее между тем, что эти два историка еще видели во Фракии, и тем, что они наблюдали среди своих собственных цивилизованных соотечественников"[145].

Однако когда мы выходим за пределы влияния вышеупомянутых частных связей, то обнаруживаем, что в гомеровском обществе почти не действуют никакие другие морализирующие силы. Поступки и приключения, о которых рассказывается, подразумевают сообщество, в котором не ощущается ни защиты, ни ограничений закона, а свирепость, насильственные действия и агрессивные наклонности в целом, похоже, сдерживаются никакими внутренними противовесами. Особенно часто происходят убийства, иногда путем открытого насилия, иногда обманом: изгнание за убийство - одно из самых постоянно повторяющихся действий в гомеровских поэмах, а дикие жестокости часто приписываются даже восхищенным героям с видимым безразличием. Ахилл приносит в жертву двенадцать троянских пленников на могиле Патрокла, а его сын Неоптолем не только убивает престарелого Приама, но и хватается за ногу ребенка Астианакса (сына убитого Гектора) и бросает его с одной из возвышенных башен Трои.[146] Более того, известность Автолика, деда Одиссея по материнской линии, в карьере оптового грабежа и лжесвидетельства, и богатство, которое он смог приобрести, описываются с таким же безусловным восхищением, как мудрость Нестора или сила Аякса. [147] Ахилл, Менелай, Одиссей лично грабят везде, где только могут найти возможность, используя силу и хитрость, чтобы преодолеть сопротивление.[148] Призвание пирата признано и почетно, так что хозяин, спрашивая гостя о цели его путешествия, перечисляет обогащение путем беспорядочного морского разбоя как один из тех проектов, которые могут естественно войти в его размышления.[Похищение скота, экспедиции для неспровоцированного разорения и возмездия между соседними племенами кажутся обычными явлениями,[150] а установленная неприкосновенность герольдов - единственным свидетельством какого-либо устоявшегося чувства обязательства между одной общиной и другой. Хотя дом и имущество Одиссея во время его долгого отсутствия не пользуются никакой общественной защитой,[151] те беспринципные вожди, которые потребляют его имущество, находят скорее сочувствие, чем осуждение среди жителей Итаки. Как правило, тот, кто не может защитить себя, не находит защиты в обществе: его родные и ближайшие соратники - единственные, к кому он может с уверенностью обратиться за поддержкой. И в этом отношении представление, данное Гесиодом, делает картину еще хуже. В своем резком обличении пятого века этот поэт сожалеет не только об отсутствии у его современников всякой социальной справедливости и чувства долга, но и об ослаблении семейных и гостеприимных уз.[152] В поэме "Труды и дни" есть следы язвительного преувеличения; однако автор утверждает, что описывает реальное положение вещей вокруг него, и черты его картины, как



бы мы их ни смягчали, все равно будут выглядеть мрачными и катастрофическими. Однако следует отметить, что он изображает мирное состояние, что составляет контраст с гомеровскими поэмами. В его обширном каталоге социальных бедствий почти не упоминается ответственность за грабеж со стороны чужеземного врага, и он не подсчитывает шансы хищнической агрессии как источника прибыли.

Есть две особые жилы благородных чувств, по которым может быть интересно сравнить героическую и историческую Грецию, и которые показывают последнюю как улучшение первой не только в чувствах, но и в интеллекте.

Афинский закон был особенно бдителен и предусмотрителен в отношении как личности, так и имущества несовершеннолетних сирот; а описание в "Илиаде" полной и безнадежной нужды мальчика-сироты, лишенного отцовского наследства и покинутого всеми друзьями отца, которых он настоятельно просит, но которые все грубо отбрасывают его, является одним из самых патетических во всей поэме.<sup>[153]</sup> В ссылке снова говорится об обращении с мертвым телом врага: все приближенные греческие вожди (не говоря уже о поведении самого Ахилла) пронзают копьями труп убитого Гектора, а некоторые из них даже отпускают в его адрес отвратительные насмешки. Из утраченных эпосов можно добавить, что Менелай изувечил мертвые тела Париса и Деифоба.<sup>154]</sup> Но во времена персидского нашествия считалось недостойным правоверного грека каким-либо образом издеваться над мертвым телом врага, даже если такой поступок мог показаться оправданным мотивом возмездия. После битвы при Платее спартанскому царю Павсанию было предложено отомстить мертвому телу Мардония за те оскорбления, которые Ксеркс обрушил на тело Леонида при Фермопилах. Он с негодованием отверг это предложение, не без сурового упрека или, скорее, полузадушенной угрозы в адрес того, кто его предложил: и сам Геродот от души соглашается с ним<sup>[155]</sup>.

Различное отношение к убийству представляет собой третье, возможно, более поразительное свидетельство изменений в чувствах и нравах греков за три столетия, предшествовавших персидскому вторжению. В гомеровские времена убийца должен был бояться не общественного преследования и наказания, а личной мести родственников и друзей убитого, которых побуждали острейшие побуждения чести и долга отомстить за содеянное, и которые рассматривались обществом как особо привилегированные для этого.<sup>[156]</sup> Чтобы избежать этой опасности, вынужден бежать из страны, если только ему не удастся уговорить разгневанных родственников принять ценную плату (во времена Гомера речь не шла о чеканных деньгах) в качестве компенсации за убитого товарища. Они могут, если захотят, отказаться от этого предложения и упорствовать в своем праве на месть; но если они согласятся, то обязаны оставить обидчика без присмотра, и он, соответственно, остается дома без дальнейших последствий. Вожди на агоре, похоже, не вмешиваются, разве что следят за выплатой оговоренной суммы.

Здесь мы снова видим характерный атрибут греческой героической эпохи - всемогущество частной силы, сдерживаемой и направляемой семейными симпатиями, и практическое ничтожество коллективного суверена, впоследствии названного *Городом*, который в исторической Греции становится центральным и первостепенным источником обязательств, но появляется пока только на заднем плане, как зародыш обещания на будущее. И то, как в случае с убийством этот зародыш превратился в мощную реальность, представляет собой интересное поле для сравнения с другими народами.

Ибо обозначенная здесь практика оставлять виновную в убийстве сторону на компромисс с родственниками покойного путем ценной оплаты, а также предоставлять последним

свободный выбор, примут ли они такой компромисс или будут отстаивать свое право на личную месть, - была отмечена во многих грубых сообществах, но особенно памятна среди ранних германских племен.<sup>[157]</sup> Среди многих отдельных тевтонских поселений, возникших на руинах Западной империи Рима, право и обязанность частной мести за личную травму или оскорбление, нанесенное любому члену семьи, и стремление предотвратить ее последствия с помощью денежной компенсации, взимаемой с обидчика, главным образом в качестве компенсации пострадавшей стороне, но частично и в качестве привилегии для короля, было принято в качестве основы их законодательства. Эта основополагающая идея была детально проработана в части оценки нанесенного ущерба, где одним из главных обстоятельств были ранг, состояние и власть пострадавшего. Задача законодателя состояла в том, чтобы оградить общество от постоянной вражды, но в то же время предоставить такое полное удовлетворение, которое побудило бы пострадавшего отказаться от признанного права на личную месть, - всю роскошь этой идеи, как она представлялась уму гомеровского грека, можно прочесть в нескольких отрывках "Илиады".<sup>[158]</sup> Человек Гер начинает с того, что пытается добиться принятия фиксированной денежной суммы как постоянного добровольного обычая, и в конце концов приступает к ее принудительному исполнению как императивной необходимости: идея общества сначала полностью подчинена, и его влияние лишь медленно переходит от дружеского арбитража к императивному контролю.

Гомеровское общество в отношении этого основного этапа развития человечества находится на одном уровне с германскими племенами, описанными Тацитом. Но дальнейшее развитие греческого законодательства идет в совершенно ином направлении, чем в германских кодексах: примитивное и признанное право частной мести (если только оно не откупается денежной платой), вместо того чтобы получить практическое применение, вытесняется более широкими взглядами на общественное зло, требующее государственного вмешательства, или религиозными опасениями по поводу посмертного гнева убитого. В исторических Афинах это право частной мести было сведено на нет и вытеснено из поля зрения еще в драконском законодательстве<sup>[159]</sup> и в конце концов ограничено несколькими особыми случаями; в то время как убийца стал рассматриваться, во-первых, как согрешивший против богов, во-вторых, как глубоко ранивший общество, и таким образом сразу же как требующий отпущения грехов и заслуживающий наказания. По первому из этих двух оснований ему запрещалось появляться на агоре и во всех святых местах, а также выполнять общественные функции, даже если он еще не был судим и просто подозревался; ведь если этого не сделать, гнев богов проявится в неурожайе и других бедствиях страны. На втором основании его судят перед советом Арейопага и, если признают виновным, приговаривают к смерти, а может быть, к лишению прав и изгнанию.<sup>160]</sup> Идея умиловительной выплаты родственникам умершего перестала вообще признаваться: защита общества диктует, а сила общества налагает наказание, рассчитанное на сдерживание в будущем.

3. Общество легендарной Греции включает в себя, кроме вождей, общую массу свободных людей (λαοί), среди которых выделяются особыми именами некоторые профессиональные люди, такие как плотник, кузнец, кожевник, пиявка, пророк, бард и рыбак.<sup>[161]</sup> Мы не имеем возможности оценить их положение. Хотя участки пахотной земли были выделены в особую собственность отдельным лицам, а границы тщательно обозначены и ревностно охранялись<sup>[162]</sup>, все же большая часть площади была отведена под пастбища. Скот составлял и главную статью расходов богатого человека, и главное средство платежа, и общую причину ссор, - хлеб и мясо в больших количествах были постоянной пищей каждого.<sup>163]</sup> Имения владельцев обрабатывались, а их скот содержался, в основном, купленными рабами, но в некоторой степени и бедными свободными людьми, называемыми тэтами,

работавшими по найму и в течение определенного времени. Главные рабы, которым поручался уход за большими стадами волов, свиней или коз, были людьми, заслуживающими доверия, поскольку их обязанности отдаляли их от непосредственного внимания хозяина. [164] У них в подчинении были другие рабы, и, судя по всему, с ними хорошо обращались: глубокая и непоколебимая привязанность свинопаса Эвмея и нетеру Филетия к семье и делам отсутствующего Одиссея - один из самых интересных моментов в древнем эпосе. Рабство было бедствием, которое в тот незащищенный период могло постигнуть любого: вождь, совершивший вольный поход, в случае успеха приводил с собой многочисленный отряд рабов, сколько мог захватить, [165] а в случае неудачи, скорее всего, сам становился рабом: так что раб часто по рождению был равен своему господину: Евмей сам был сыном вождя, в детстве вывезенным своей кормилицей и проданным финикийскими похитителями Лаэртесу. Раб с таким характером, если он хорошо себя вел, часто мог рассчитывать на то, что его хозяин даст ему право голоса и поместит в независимое владение [166].

В целом, рабство легендарной Греции не выглядит как существующее в особо суровой форме, особенно если учесть, что все классы общества тогда были на одном уровне с точки зрения вкусов, чувств и образования. [167] В отсутствие правовой защиты или эффективной социальной санкции, вероятно, положение раба у среднего хозяина могло быть таким же хорошим, как и у свободного фета. Класс рабов, чья участь, по-видимому, была наиболее плачевной, - это женщины, более многочисленные, чем мужчины, и выполнявшие основную работу по внутренней отделке дома. С ними не только обращались более жестоко, чем с мужчинами, но и поручали им самый тяжелый и изнурительный труд, которого требовало хозяйство греческого вождя: они приносили воду из источника и вручную вращали домашние мельницы, которые мололи большое количество муки, потребляемой его семьей. [168] Эту угнетающую работу обычно выполняли женщины-рабыни как в исторической, так и в легендарной Греции. [Прядение и ткачество были постоянным занятием женщин, свободных или рабынь, любого ранга и положения: вся одежда, которую носили мужчины и женщины, изготавливалась дома, и Елена, как и Пенелопа, искусна и усердна в этом занятии. [170] Дочери Келеоса в Элевсисе ходят к колодцу с тазами за водой, а Наусикаа, дочь Алкиноса, [171] вместе со своими рабынями стирает свои одежды в реке. Если мы вынуждены отметить свирепость и ненадежность раннего общества, мы можем в то же время с удовольствием отметить характерную для него простоту нравов: Ребекка, Рахиль и дочери Иофора в раннем Моисеевом повествовании, а также жена туземного македонского вождя (с которым теменид Пердикка, предок Филиппа и Александра, впервые поступил на службу, уйдя из Аргоса), пекущая свои лепешки на очаге, [172] демонстрируют в этом отношении параллель с гомеровскими картинами.

Мы не получили никаких сведений ни о простых свободных людях в целом, ни об их особом сословии, называемом фетами. Эти последние, нанятые для особых работ или во время сбора урожая и других напряженных сезонов полевых работ, по-видимому, отдавали свой труд в обмен на питание и одежду: они упоминаются в одном ряду с рабами [173] и были (как уже было замечено), вероятно, в целом немного лучше обеспечены. Положение бедного свободного человека в те времена, не имеющего собственного участка земли, перебивающегося с одной временной работы на другую, не имеющего ни влиятельной семьи, ни общественного авторитета, на который можно было бы опереться в поисках защиты, должно было быть достаточно жалким. Когда Эвмей тешил себя надеждой, что его хозяева отпустят его на волю, он в то же время думал, что они дадут ему жену, дом и участок земли рядом с собой; [174] без этих сопутствующих преимуществ простое отпущение на волю, возможно, не улучшило бы его положения. Быть фетом в услужении у очень бедного

крестьянина Ахилл считает максимумом человеческих трудностей: такой человек не мог дать своему фету такой же обильной пищи, хорошей обуви и одежды, как богатый вождь Эвримах, и при этом требовал более тяжелого труда.[175] Вероятно, именно среди таких мелких жильцов, которые не могли заплатить за рабов и были рады сэкономить на содержании, когда не нуждались в услугах, находили работу феты: хотя мы можем заключить, что храбрые и сильные среди этих бедных свободных людей предпочитали сопровождать какого-нибудь вождя и жить за счет награбленного.[176] Точный Гесиод советует своему фермеру, чью работу в основном выполняют рабы, нанять и содержать тхета в летнее время, но уволить его, как только урожай будет полностью собран, а затем взять в свой дом на зиму женщину "без ребенка", которая, конечно, будет более полезна, чем тхет, для внутренних занятий в этот сезон.[177]

В таком состоянии общества, как то, которое мы описываем, греческая торговля была неизбежно пустяковой и ограниченной. Гомеровские поэмы свидетельствуют либо о полном невежестве, либо о большой расплывчатости представлений обо всем, что находится за пределами побережья Греции и Малой Азии, а также островов между ними или примыкающих к ним. Предполагается, что Ливия и Египет настолько далеки, что известны лишь по именам и слухам: действительно, когда был основан город Кирена, через полтора века после первой Олимпиады, трудно было найти где-либо греческого мореплавателя, который когда-либо посещал побережье Ливии или мог служить проводником для колонистов.[178] Упоминание сикелов в "Одиссее"[179] позволяет нам сделать вывод, что Коркира, Италия и Сицилия не были полностью неизвестны поэту: среди мореплавателей греков знание последних подразумевало знание двух первых, поскольку привычный путь даже хорошо оснащенной афинской триремы во время Пелопоннесской войны от Пелопоннеса до Сицилии пролегал через Коркиру и Тарентумский залив. Первыми греками, исследовавшими Адриатическое или Тирренское море, были фокейцы, жившие много позже.[180] О Эвксинском море Гомер ничего не знает, как правило, представляя нам названия далеких регионов только в связи с романтическими или чудовищными аккомпанементами. Критяне, а еще больше тафийцы (которые, как предполагается, занимали западные острова у побережья Акарнании), упоминаются как искусные мореплаватели, а тафиец Ментес утверждает, что перевозит железо в Темезу, чтобы там обменять его на медь;[181] но и тафийцы, и критяне - скорее корсары, чем торговцы.[182] Сильное чувство опасности моря, выраженное поэтом Гесиодом, и несовершенная конструкция раннего греческого корабля, засвидетельствованная Фукидидом (который указывает на более позднюю дату усовершенствованного кораблестроения, преобладавшего в его время), свидетельствуют об узком диапазоне морского предпринимательства.[183]

Таково было состояние греков как торговцев в то время, когда Вавилон сочетал многолюдное и трудолюбивое население с обширной торговлей и когда финикийские торговые корабли посещали в одном направлении южное побережье Аравии, возможно, даже остров Цейлон, а в другом - Британские острова.

Финикиянин, родственник древнего еврея, демонстрирует тип характера, принадлежащий последнему, - с большей предприимчивостью и изобретательностью, с меньшей религиозной исключительностью, но все же отличающийся от характера греков и даже антипатичный им. В гомеровских поэмах он предстает как еврей Средневековья, хитрый торговец, обращающий в свою пользу насилие и хитрость других людей, - принося им орнаменты, украшения, самые лучшие и яркие изделия ткацкого станка, золото, серебро,

электрум, слоновую кость, олово и т. д, в обмен на которые он получал землю, шкуры, шерсть и рабов - единственные товары, которые мог предложить даже богатый греческий вождь тех ранних времен, - готовый в то же время к нечестной наживе любым способом, который случай может подбросить ему на пути.<sup>[184]</sup> Однако он действительно торговец, не предпринимающий экспедиций с преднамеренной целью внезапности и грабежа, и в этом отношении отличается от тирренского, критского или тафийского пирата. Олово, слоновая кость и электрум, о которых говорится в гомеровских поэмах, были плодами торговли финикийцев как с Западом, так и с Востоком<sup>[185]</sup>.

Фукидид рассказывает нам, что финикийцы и карийцы в очень ранние времена занимали многие острова Эгейского моря, и мы знаем, что по поразительным остаткам их горных работ, которые Геродот видел в Фасе у побережья Фракии, они когда-то добывали золото в горах этого острова, - правда, в очень далекие времена, поскольку их занятия должны были быть прекращены еще до поселения поэта Архилоха. [Однако лишь немногие из островов Эгейского моря были богаты столь ценными продуктами, и обычно финикийцы занимали острова, за исключением тех, где был прилегающий материк, с которым можно было вести торговлю. Движение этих активных мореплавателей не требовало постоянного поселения, но в качестве случайных гостей они были удобны, позволяя греческому вождю обратиться в бегство своих пленников, избавиться от рабов или бездомных фетов, которые доставляли беспокойство, и снабдить себя металлами, как драгоценными, так и полезными. [Залы Алки нуса и Менелая сверкают золотом, медью и электрумом; большие запасы еще незанятого металла - золота, меди и железа - хранятся в сокровищнице Одиссея и других вождей<sup>[188]</sup> Монетные деньги неизвестны гомеровскому веку, торговля ведется по бартеру. Что касается металлов, то следует отметить, что гомеровские описания повсеместно предполагают использование меди, а не железа, для изготовления оружия, как наступательного, так и оборонительного. Каким образом медь закалялась и упрочнялась, чтобы служить целям воина, мы не знаем;<sup>[189]</sup> но использование железа для этих целей относится к более позднему периоду, хотя в "Трудах и днях" Гесиода предполагается, что это изменение уже было введено<sup>[190]</sup>.

Способ ведения боя гомеровскими героями не менее отличается от исторических времен, чем материал, из которого состояло их оружие. Гоплиты, или тяжеловооруженная пехота исторической Греции, поддерживали тесный порядок и хорошо одетый строй, нападая на врага с копьями, выставленными на равном расстоянии, и вступая таким образом в ближний бой, не нарушая своего строя: существовали специальные отряды, лучники, пращники и т. д., вооруженные ракетами, но у гоплитов не было оружия, которое можно было бы использовать подобным образом. Герои "Илиады" и "Одиссеи", напротив, обычно используют копье в качестве ракеты, которую они запускают с огромной силой: каждый из них сидит в своей боевой колеснице, запряженной двумя лошадьми и рассчитанной на воина и его возницу; в качестве последнего иногда соглашается выступать друг или товарищ. Продвигаясь на своей колеснице на полной скорости, впереди своих солдат, он бросает копье в противника: иногда, правда, он сражается пешком и врукопашную, но колесница обычно находится рядом, чтобы принять его, если он захочет, или обеспечить его отступление. Масса греков и троянцев, выходящих вперед для атаки, без какого-либо регулярного шага или равномерной линии, атакуют одинаково, бросая копья. Каждый вождь носит длинный меч и короткий кинжал, кроме двух копий, которые он пускает вперед, - копье также используется, если есть возможность, как оружие для удара. Каждый мужчина защищен щитом, шлемом, нагрудником и поножами, но доспехи вождей значительно превосходят доспехи простых людей, а сами они сильнее и искуснее в обращении с



оружием. Есть несколько лучников, как редкое исключение, но общее снаряжение и порядок действий такие, как описано здесь.

Такой свободный строй, увековеченный в "Илиаде", знаком каждому; и контраст, который он представляет, с теми несгибаемыми рядами и тем неотразимым одновременным натиском, который снес персидскую толпу при Платее и Кунаксе, [191] является таким, чтобы убедительно проиллюстрировать общее различие между героической и исторической Грецией. Если в первой несколько великолепных фигур выступают вперед, рельефно выделяясь, а остальные представляют собой просто неорганизованную и неэффективную массу, то во второй эти части объединены в систему, в которой каждый человек, офицер и солдат, имеет свое место и долг, а победа, когда она одержана, является общим делом всех. Преобладание индивидуальной доблести действительно существенно сокращено, если не полностью исключено, - ни один человек не может сделать больше, чем сохранить свое место в строю: [192] но, с другой стороны, грандиозные цели, агрессивные или оборонительные, ради которых только и берут в руки оружие, становятся более уверенными и легкими, а дальновидные комбинации генерала впервые становятся осуществимыми, когда у него есть дисциплинированное тело людей, которые должны ему подчиняться. Проследив картину гражданского общества, мы должны отметить аналогичный переход: от Геракла, Фесея, Ясона, Ахилла к Солону, Пифагору и Периклу - от "пастыря своего народа" (если воспользоваться фразой, в которой Гомер изобразил хорошую сторону героического царя) к законодателю, который вводит и государственному деятелю, который поддерживает заранее согласованную систему, по которой граждане соглашались связывать себя обязательствами. Если не всегда можно найти выдающийся индивидуальный талант, то все сообщество обучается так, чтобы быть в состоянии поддерживать свой курс при низших лидерах; права и обязанности каждого гражданина predeterminedены в социальном порядке, в соответствии с принципами, более или менее мудро установленными. Контраст схож, а переход одинаково примечателен как в гражданской, так и в военной картине. Фактически, военная организация греческих республик является элементом величайшей важности в отношении той выдающейся роли, которую они сыграли в человеческих делах, - их превосходство над другими современными нациями в этом отношении едва ли менее поразительно, чем во многих других, как мы будем иметь возможность увидеть на последующем этапе этой истории.

Даже на самом передовом этапе своей тактики греки мало что могли сделать против города, обнесенного стеной, а героическое оружие и арсенал были еще менее доступны для такой задачи, как осада. Укрепления - особенность эпохи, заслуживающая особого внимания. Как нам рассказывают, было время, когда примитивные греческие города или деревни были надежно защищены не стенами, а просто возвышенными и труднодоступными местами. Они строились не прямо на берегу или вблизи удобного места для высадки, а на некотором расстоянии вглубь страны, на скале или возвышенности, к которой нельзя было подойти незаметно или взобраться без труда. В то время это считалось достаточным для защиты от пиратов или мародеров: но по мере того, как состояние общества становилось уверенным, - когда вероятность внезапного нападения сравнительно уменьшалась, а промышленность росла, - эти непривлекательные жилища менялись на более удобные места на равнине или склоне под ними; или часть последних была заключена в более широкие границы и присоединена к первоначальному фундаменту, который таким образом становился Акрополем нового города. Феб, Афины, Аргос и т. д. принадлежали к последнему классу городов; но во многих частях Греции были заброшенные места на вершинах холмов, сохранившие даже в исторические времена следы прежнего обитания, а некоторые из них



все еще носили название старых городов. Среди горных районов Крета, в Эгине и на Родосе, в частях горы Ида и Парнаса можно обнаружить подобные остатки[193].

Вероятно, в таких примитивных деревнях на холмах сплошной круг стены вряд ли был бы необходим в качестве дополнительного средства обороны, а зачастую это было бы очень сложно из-за пересеченной местности. Но Фукидид представляет самых ранних греков - тех, кого он считает предшественниками Троянской войны, - как живущих повсеместно в неукрепленных деревнях, главным образом из-за их бедности, грубости и полного безразличия к завтрашнему дню. Угнетенные и удерживаемые друг от друга вечным страхом, они еще не прониклись чувством постоянного места жительства: они не желали даже сажать фруктовые деревья из-за неопределенности сбора плодов, и всегда были готовы покинуть их, потому что оставаться было невыгодно, а пропитание можно было получить в любом месте. Он сравнивает их с горцами Этолии и Озолийского Локри в свое время, которые жили в своих неукрепленных горных деревнях, практически не общаясь между собой, всегда были вооружены и сражались, питаясь продуктами своего скота и леса,[194]- одетые в невыделанные шкуры и ели сырое мясо.

Картину, которую дает Фукидид об этих очень ранних и не зафиксированных временах, можно воспринимать только как предположение, - предположение, действительно, государственного деятеля и философа, - обобщенное отчасти на основе многих конкретных примеров раздоров и изгнания вождей, которые он нашел в старых легендарных поэмах. Гомеровские поэмы, однако, представляют нам иную картину. Они признают обнесенные стенами города, постоянные жилища, сильные местные привязанности, наследственную индивидуальную собственность на землю, посаженные и тщательно возделываемые виноградники, установленные храмы богов и великолепные дворцы вождей.[195] Описание Фукидида относится к более низкой форме общества и имеет больше сходства с той, которую сам поэт считает древней и варварской, - с дикими циклопами, живущими на вершинах гор, в полых пещерах, без плуга, без культуры винограда и фруктов, без искусств и инструментов, - или к первобытному поселению Дардана, сына Зевса, на возвышенности Иды, в то время как его потомки и преемники должны были основать священный Илиум на равнине.[196] Илиум или Троя представляет собой совершенство гомеровского общества. Это освященное место, где находятся храмы богов, а также дворец Приама, и окруженное стенами, которые являются творением богов; в то время как предшествующая форма более грубого общества, на которую поэт бросает беглый взгляд, является параллелью той, которую теория Фукидида приписывает его собственным ранним полуварварским предкам.

Обнесенные стенами города служат, таким образом, одним из доказательств того, что значительная часть населения Греции уже в гомеровские времена достигла уровня, более высокого, чем уровень этолийцев и локрийцев времен Фукидида. Останки Микен и Тирин демонстрируют массивный и циклопический стиль архитектуры, использовавшийся в те ранние времена: но мы можем заметить, что, в то время как современные наблюдатели склонны считать останки первого очень внушительными и свидетельствующими о великой княжеской семье, Фукидид, напротив, говорит о нем как о небольшом месте и трудится, чтобы избежать вывода, который можно было бы сделать из его незначительных размеров, в опровержение величия Агамемнона.[197] Такие укрепления обеспечивали средства защиты, несравненно превосходящие средства нападения. Ведь даже в исторической Греции после изобретения таранных орудий ни один город нельзя было взять иначе, как врасплох или блокадой, или разорив окружающую страну и лишив таким образом жителей средств к существованию. И в двух великих осадах легендарного времени, Трои и Феба, первая была

захвачена с помощью стратагемы деревянного коня, а вторую эвакуировали ее граждане, по предупреждению богов, после поражения в поле.

Это решительное превосходство средств защиты над средствами нападения в грубые века было одной из главных причин, способствовавших как росту гражданской жизни, так и общему движению человеческого совершенствования. Это позволило прогрессивным частям человечества не только сохранить свои приобретения против хищнических инстинктов более грубых и бедных и преодолеть трудности зарождающейся организации, но и в конечном итоге, когда их организация стала зрелой, приобрести преобладание и поддерживать его до тех пор, пока их собственные дисциплинированные привычки частично не перейдут к их врагам. Важная истина, изложенная здесь, иллюстрируется не только историей Древней Греции, но и историей современной Европы в Средние века. Гомеровский вождь, сочетающий высший ранг с высшей силой и готовый грабить при каждом удобном случае, очень напоминает феодального барона Средневековья, но обстоятельства легче вытягивают его в городскую жизнь и превращают независимого властителя в члена правящей аристократии.[198] Морские перевозки продолжали подвергаться опасности со стороны пиратов еще долго после того, как они стали достаточно безопасными на суше: "мокрые пути" всегда были последним прибежищем беззакония и насилия, и Эгейское море, в частности, во все времена страдало от этого бедствия больше, чем другие воды.

Агрессии такого рода, как здесь описаны, были, конечно, наиболее многочисленны в те ранние времена, когда Эгейское море еще не было эллинским и когда многие Киклады были заняты не греками, а карийцами, возможно, финикийцами: количество карийских гробниц, обнаруженных на священном острове Delos, кажется, свидетельствует о таком занятии как об историческом факте.[199] Согласно легендарному рассказу, поддерживаемому как Геродотом, так и Фукидидом, именно критянин Минос покорил эти острова и установил своих сыновей в качестве правителей на них; либо изгнав карийцев, либо обратив их в рабство и дань.[200] Фукидид предполагает, что он, конечно, должен был положить конец пиратству, чтобы можно было спокойно перечислять дань, как афиняне во времена своей гегемонии.[201] О легендарной талассократии Миноса я уже говорил в другом месте:[202] Здесь достаточно повторить, что в гомеровских поэмах (которые в нынешней хронологии давно следуют за Миносом) пиратство встречается часто и пользуется почетом, о чем нам красноречиво говорит сам Фукидид, отмечая, кроме того, что суда тех ранних времен были лишь полупалубными, построенными и оснащенными по пиратской моде,[203] на что мореплаватели его времени смотрели с презрением. Улучшенное и расширенное кораблестроение, а также трирема, или корабль с тремя банками весел, распространенный для военных целей во время персидского нашествия, началось только с ростом мастерства, активности и значимости коринфян, спустя три четверти века после первой Олимпиады.[204] Коринф даже в гомеровских поэмах отличается эпитетом "богатый", который он приобрел главным образом благодаря своему замечательному положению на перешейке и двум гаваням - Лехей и Кенхрей, одна на Коринфском, другая на Сароническом заливе. Таким образом, он обеспечивал удобное сообщение между Эпиром и Италией с одной стороны и Эгейским морем с другой, не навязывая неумелому и робкому мореплавателю тех дней необходимость обходить Пелопоннес.

О широте греческих перевозок и судоходства свидетельствует сравнение гомеровских и гесиодовских поэм; что касается знания мест и стран, то последние, вероятно, относятся к периоду между 740 и 640 гг. до н.э. У Гомера показано знакомство (точность этого знакомства, однако, преувеличена Страбоном и другими дружественными критиками) с континентальной Грецией и соседними островами, с Кркетом и главными островами

Эгейского моря, а также с Фракией, Троадой, Геллеспонтом и Малой Азией между Пафлагонией на север и Ликией на юг. Сикелы упоминаются в "Одиссее", а Сикания - в последней книге этой поэмы, но ничего не говорит о том, что они знакомы с Италией или реалиями западного мира. Ливия, Египет и Финикия известны по именам и смутным слухам, но Нил упоминается только как "река Египта", а Эвксинское море вообще не упоминается.[В поэмах Гесиода, напротив, Нил, Истер, Фазис и Эридан названы по имени;[206] также упоминаются гора Итна и остров Ортигия, расположенные недалеко от Сиракуз, тирренцы и лигурийцы на западе и скифы на севере.[207] Действительно, в течение сорока лет после первой Олимпиады из Коринфа были основаны города Коркира и Сиракузы - первые из многочисленной и мощной серии колоний, которым суждено было придать новый характер как югу Италии, так и Сицилии.

Что касается астрономии и физики гомеровского грека, то уже отмечалось, что он связывал воедино разумные явления, составляющие предмет этих наук, нитями религиозной и олицетворяющей фантазии, которой были подчинены реальные аналогии между ними; и что эти аналогии не начинали изучаться сами по себе, отдельно от религиозного элемента, которым они были сначала наложены, вплоть до эпохи Фалеса, - совпавшей, как это произошло, с расширением возможностей для посещения Египта и внутренних районов Азии. В обеих этих странах греки получили доступ к большому количеству астрономических наблюдений, к использованию гномона или солнечных часов[208] и к более точному определению продолжительности солнечного года[209], чем то, которое послужило основой для их различных лунных периодов. Утверждается, что Фалес был первым, кто предсказал затмение солнца - не совсем точно, но с большой погрешностью относительно времени его наступления, - и что он также обладал столь глубоким знанием метеорологических явлений и вероятностей, что смог предсказать обильный урожай оливок на будущий год и получить большую сумму денег за счет спекуляции оливами[210].

От Фалеса вниз мы прослеживаем череду астрономических и физических теорий, более или менее успешных, в которые я не намерен здесь вдаваться: сейчас достаточно сравнить отца ионической философии с предшествующими ему временами и отметить первое начало научного предсказания среди греков, пусть и несовершенное на начальном этапе, в отличие от вдохновенных диктовок пророков или оракулов и от тех особых знаков целей богов, на которые привычно полагался гомеровский человек.[Мы увидим, что эти два способа предвидения будущего, один из которых основан на философском, а другой - на религиозном восприятии природы, действуют одновременно на протяжении всей греческой истории и делят между собой в неравных долях империю греческого ума; первый приобретает как большее преобладание, так и более широкое применение среди интеллектуальных людей, и частично ограничивает, но никогда не отменяет спонтанное применение второго среди вульгарных.

Ни чеканные деньги, ни искусство письма,[212] ни живопись, ни скульптура, ни образная архитектура не относятся к гомеровским и гесиодовским временам. Такие зачатки искусств, которым суждено было в конце концов получить столь великое развитие в Греции, как те, что существовали в эти ранние времена, служили лишь своего рода ядром для фантазии поэта, чтобы сформировать для себя сказочные творения, приписываемые Гефесту или Дейдалу. Ни одна статуя богов, даже деревянная, не упоминается в гомеровских поэмах. Все многочисленные разновидности греческой музыки, поэзии и танцев - первые в основном заимствованы из Лидии и Фригии - относятся к периоду, значительно более позднему, чем первая Олимпиада: Терпандр, самый ранний музыкант, чья дата установлена, и изобретатель арфы с семью струнами вместо четырехструнной, появился не ранее 26-й

Олимпиады, или 676 года до н. э.: поэт Архилох почти того же времени. Ямбический и элегический метры - первые отклонения от первобытного эпического ритма и сюжета - появляются не ранее 700 года до нашей эры.

Именно эпическая поэзия является одновременно и несомненной прерогативой, и единственной жемчужиной самой ранней эпохи Греции. Из множества эпических поэм, существовавших в Греции в течение восьми веков до христианской эры, не сохранилось ни одной, кроме "Илиады" и "Одиссеи": "Эфиопис" Арктина, "Илиас Малый" Леша, "Кипрские стихи", "Взятие Эвхалии", "Возвращение героев из Трои", "Фебаи" и "Эпигоны" - некоторые из них в древности проходили под именем Гомера - все были утрачены. Но и тех двух, что остались, вполне достаточно, чтобы продемонстрировать у первобытных греков умственную организацию, не имеющую аналогов ни в одном другом народе, и способности к изобретению и выражению, которые подготовили, а также предвосхитили будущее выдающееся положение нации во всех различных областях, к которым могут быть применены мысль и язык. Как ни велика была впоследствии сила мысли греков, их сила выражения была еще больше: в первом случае другие народы опирались на их фундамент и превзошли их, а во втором они так и остались непревзойденными. Не будет лишним сказать, что этот гибкий, выразительный и прозрачный характер языка как инструмента общения, его прекрасная способность к повествованию и обсуждению, а также к возбуждению всех жилок человеческих эмоций без потери той простоты, которая приспосабливает его ко всем людям и всем временам, - может быть прослежен главным образом благодаря существованию и широкому влиянию "Илиады" и "Одиссеи". Для нас эти сочинения интересны как прекрасные поэмы, изображающие жизнь и нравы, раскрывающие определенные типы характера с предельной живостью и безыскусственностью: для их первоначального слушателя они обладали всеми этими источниками влияния, а также другими, более сильными, которые нам теперь чужды. На него они действовали со всей тяжестью и торжественностью истории и религии вместе взятых, а очарование поэзии было лишь вторичным и инструментальным. Поэт был тогда учителем и проповедником общины, а не просто развлечением в часы досуга: к нему обращались за откровениями о неизвестном прошлом, за разъяснениями атрибутов и расположения богов, так же как к пророку за привилегированным предвидением будущего. Древний эпос включал в себя множество различных поэтов и поэтических произведений, которые выполняли эту цель с большей или меньшей полнотой: но исключительная прерогатива Илиады и Одиссеи заключается в том, что после того, как умы людей перестали находиться в полной гармонии с их первоначальным замыслом, они все еще сохраняли свою империю благодаря одной лишь силе вторичного превосходства: в то время как остальные эпосы - хотя и служили пищей для любопытных и хранилищем для логографов, трагиков и художников - никогда, кажется, не приобретали широкой популярности даже среди интеллектуальных греков.

В следующей главе я расскажу об эпическом цикле, о его связи с гомеровскими поэмами и об общих свидетельствах, касающихся последних, как в отношении древности, так и авторства.

---

## ГЛАВА XXI.

### ГРЕЧЕСКИЙ ЭПОС И ГОМЕРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ.

Во главе некогда многочисленных эпических сочинений Греции, большинство из которых, к сожалению, утрачено, стоят "Илиада" и "Одиссея", с бессмертным именем Гомера, прикрепленным к каждой из них, охватывающие отдельные части всеобъемлющей легенды о Трое. Они образуют тип того, что можно назвать героическим эпосом греков, в отличие от генеалогического, в котором выделяются некоторые из гесиодовских поэм - Каталог женщин, Эои и Наупактии. Поэмы гомеровского характера (если их можно так назвать, хотя это выражение весьма неопределенно), приуроченные к одному из великих событий или великих личностей греческой легендарной древности и состоящие из ограниченного числа персонажей, все они были современниками, делали некоторые подходы, более или менее успешные, к определенному поэтическому единству; В то время как поэмы Гесиода, более тихие по своему духу и не ограниченные ни по времени, ни по лицам, соединяли отдельные события без какой-либо очевидной цели концентрации интереса, без законного начала или конца. [Между этими двумя крайностями было много градаций: биографические поэмы, такие как "Герakлея" или "Тезей", повествующие обо всех главных подвигах, совершенных одним героем, представляют характер, промежуточный между этими двумя, но более близкий к гесиодовскому. Даже гимны богам, которые проходят под именем Гомера, являются эпическими фрагментами, повествующими о конкретных подвигах или приключениях бога, которого поминают.

И дидактическая, и мистико-религиозная поэзия Греции начиналась гекзаметровым стихом - характерной и освященной мерой эпоса:[214] но они принадлежат к другому виду и вырываются из другой жилы греческого ума. Похоже, среди исторических греков было распространено мнение, что такие мистические излияния были более древними, чем повествовательные поэмы, и что Орфей, Мусей, Линус, Олен, Памф, и даже Гесиод и т. д. и т. п., предполагаемые композиторы первых, были более ранними, чем Гомер. Но нет никаких доказательств, подтверждающих это мнение, и все предположения говорят против него. Те сочинения, которые в шестом веке до христианской эры проходили под именем Орфея и Мусея, несомненно, были послегомеровскими, и мы даже не можем признать модифицированный вывод Германа, Ульрици и других, что мистическая поэзия как род (отбросив конкретные сочинения, ложно приписываемые Орфею и другим) предшествовала по времени повествованию[215].

Кроме "Илиады" и "Одиссеи", мы узнаем названия около тридцати утраченных эпических поэм, иногда с кратким намеком на их содержание.

Что касается легенды о Трое, то их было пять: "Кипрские стихи", "Эфиопис" и "Взятие Трои", приписываемые Арктину; меньшая "Илиада", приписываемая Лешеку; "Возвращение (героев из Трои)", к которому приписывается имя Агиаса из Трѐзена; и "Телегония" Эвгаммона, продолжение "Одиссеи". Две поэмы - "Фебы" и "Эпигоны" (возможно, две части одной и той же поэмы) - посвящены легенде о Фебах, о двух осадах этого города аргейцами. Другая поэма, называемая *Ædipodía*, посвящена трагической судьбе Эдипа и его семьи; и, возможно, та, что цитируется как *Eurôpía*, или стихи о Эропе, включала в себя рассказ о ее брате Кадмусе, мифическом основателе Фив[216].

Подвиги Герakлеса были воспеты в двух сочинениях, каждое из которых называлось *Hērakleia*, Кинетоном и Писандром, - возможно, и во многих других, память о которых не сохранилась. Взятие *Æchalía* Гераклом стало темой отдельного эпоса. Предполагается, что две другие поэмы, "Эгидий" и "Миний", были основаны на других достижениях этого героя:



действенной помощи, которую он оказал дорийскому царю Эгидию в борьбе с лапифами, его спуске в подземный мир для спасения плененного Фесея и завоевании города минийцев, могущественного Орхомена[217].

Другие эпические поэмы - "Форонис", "Даная", "Алкмæонис", "Аттис", "Амазония" - известны нам только по названиям, и мы можем лишь смутно догадываться об их содержании, насколько оно соответствует названию.[218] "Титаномахия", "Гигантомахия" и "Коринфия", три сочинения, приписываемые Эвмелу, дают возможность благодаря своим названиям получить более четкое представление о том, что в них содержится. Теогония, приписываемая Гесиоду, до сих пор существует, хотя частично испорчена и изуродована: но, похоже, были и другие поэмы, ныне утраченные, с аналогичным содержанием и названием.

Из стихотворений, написанных в гесиодовском стиле, с диффузными и полными генеалогическими подробностями, основными были "Каталог женщин" и "Великие зои"; последняя из них, действительно, кажется продолжением первой. Большое количество знаменитых женщин героической Греции были упомянуты в этих поэмах, одна за другой, без каких-либо иных, кроме произвольных, связей. Женитьба Кеикса, Меламподия и ряд басен под названием Астрономия также приписываются Гесиоду, а вышеупомянутая поэма под названием *Ægimius* также иногда связана с его именем, иногда с именем Керкопса. Наупактинские стихи (названные так, вероятно, по месту рождения их автора) и генеалогии Кинетона и Асия были сочинениями такого же бессвязного характера, насколько мы можем судить по сохранившимся скудным фрагментам.[219] Орхоменский эпический поэт Херсиас, от которого Павсаний сохранил только две строки, может быть с полным основанием отнесен к той же категории.[220]

Древнейшим из эпических поэтов, которому приписывается какая-либо дата, имеющая видимость авторитета, является Арктин Милетский, которого Евсевий относит к первой Олимпиаде, а Суидас - к девятой. Эвгаммон, автор "Телегонии" и самый поздний в каталоге, помещен в пятьдесят третью Олимпиаду, до 566 года. Между этими двумя мы находим Асия и Лешека, около тридцатой Олимпиады, - время, когда жила древнего эпоса пересыхала и когда другие формы поэзии - элегическая, ямбическая, лирическая и хорическая - либо уже возникли, либо находились на грани возникновения, чтобы конкурировать с ней[221].

В одной из предыдущих глав уже говорилось, что на заре прозаического творчества Гекатей, Ферекидес и другие логографы стремились извлечь из древних басен нечто вроде непрерывного повествования, выстроенного в хронологическом порядке. Именно по аналогичному принципу александрийские литераторы, примерно во втором веке до христианской эры,[222] собрали множество древних эпических поэтов в серию, основанную на предполагаемом порядке времени в описываемых событиях, - начиная с брака Урана и Геи и Теогонии и заканчивая смертью Одиссея от руки его сына Телегона. Это собрание получило название эпического цикла, а поэты, чьи сочинения вошли в него, были названы циклическими поэтами. Несомненно, эпические сокровища Александрийской библиотеки были больше, чем когда-либо прежде собирались вместе и представлялись на суд людей как образованных, так и свободных: поэтому множественность подобных сочинений в одном музее сделала целесообразным установить определенный порядок их прочтения и скопировать их в одном исправленном и единообразном издании.[223] Критикам было угодно определить первенство не древности и не по совершенству самих сочинений, но по предполагаемой последовательности повествования, чтобы все вместе взятое представляло собой удобочитаемую совокупность эпической древности.



В отношении этого эпического цикла существует много неясностей[224], и было высказано много различных мнений: Я рассматриваю его не как исключительный канон, а просто как всеобъемлющую классификацию, на основе которой будет создано новое издание. Он включает в себя все эпические поэмы в библиотеке старше Телегонии и пригодные для непрерывного повествования; он исключает только два класса, во-первых, недавних эпических поэтов, таких как Паниасис и Антимах; во-вторых, генеалогические и пустынные поэмы, такие как Каталог женщин, Эои и другие, которые не могут быть вписаны в какую-либо хронологическую последовательность событий.[225] И "Илиада", и "Одиссея" входили в цикл, так что название "циклический поэт" изначально или по замыслу не несло в себе никаких ассоциаций презрения. Но поскольку о великих и значительных поэмах говорили в основном сами по себе или под именем их отдельных авторов, общее название "*поэты цикла*" постепенно стало применяться только к худшим, а значит, подразумевать вульгарность или заурядность; тем более что многие из низших произведений, включенных в сборник, по-видимому, были анонимными, а их авторы, как следствие, могли быть описаны только под каким-то общим обозначением, как у циклических поэтов. Именно таким образом мы должны объяснить пренебрежительное отношение Горация и других авторов к идее циклического писателя, хотя в первоначальном значении эпического цикла такое отношение не подразумевалось.

Таким образом, поэмы цикла были упомянуты в контрасте и противопоставлении Гомеру,[226] хотя изначально к ним относились и "Илиада", и "Одиссея". Это изменение значения слова породило ошибку в отношении основной цели классификации, будто она была разработана специально для того, чтобы отделить низшие эпические произведения от Гомера. Но если некоторые критики склонны слишком резко отличать циклических поэтов от Гомера, то я считаю, что Велькер впадает в другую крайность и слишком тесно отождествляет Цикл с этим поэтом. Он трактует его как классификацию, намеренно созданную для того, чтобы включить в нее все различные произведения гомеровского эпоса, с его единством действия и сравнительной скудостью, как лиц, так и приключений, - в противоположность гесиодовскому эпосу, переполненному отдельными лицами и родословными, лишенному центрального действия, а также завершающей катастрофы. Это мнение действительно в значительной степени совпадает с фактом, поскольку немногие из гесиодовских эпосов были включены в Цикл: сказать, что *ни один из них не был включен*, было бы слишком, поскольку мы не можем решиться отбросить ни Теогонию, ни Эгимию; но мы можем прекрасно объяснить их отсутствие, не предполагая никакого замысла исключить их, поскольку очевидно, что их бессвязный характер (как и Метаморфозы Овидия) не позволял сплести их в какой-либо непрерывный ряд. Непрерывность в череде повествуемых событий в сочетании с определенной степенью древности поэм - принцип, на котором основывалось расположение, называемое эпическим циклом, - Гесиодовы поэмы в целом были исключены, но не по какому-то заранее продуманному намерению, а потому, что их нельзя было привести в гармонию с таким упорядоченным чтением.

Какие именно стихи в него вошли, мы сейчас не можем определить с точностью. Велькер расположил их следующим образом: Титаномахия, Даная, Амазония (или Аттис), Ædipodia, Фебаис (или экспедиция Амфиарая), Эпигония (или Алкмæонис), Миния (или Фокаис), Взятие Æchalia, Кипрские стихи, Илиада, Эфиопис, Малая Илиада, Илиуперсис или Взятие Трои, Возвращение героев, Одиссея и Телегония. Вюэльнер, Ланге и мистер Файнс Клинтон расширяют список циклических поэм еще больше.[227] Но все подобные реконструкции цикла носят предположительный характер и лишены авторитета: Единственные поэмы, которые мы можем с уверенностью утверждать, что они были включены в него, это, во-первых, серия о героях Трои, от Киприды до Телегонии, аргументы которой сохранил Прокл, и

которая включает в себя Илиаду и Одиссею, и, во-вторых, старый Фебаис, который прямо назван циклическим,<sup>[228]</sup> чтобы отличить его от одноименной поэмы, написанной Антимахом. Что касается других конкретных композиций, то у нас нет никаких свидетельств, которыми мы могли бы руководствоваться, признавая или исключая их, кроме наших общих взглядов на схему, по которой был составлен Цикл. Если мое представление об этой схеме верно, то александрийские критики поместили в нее все свои старые эпические сокровища, вплоть до Телегонии, - как хорошие, так и плохие; золото, серебро и железо, - при условии, что их можно будет соединить с повествовательным рядом. Но я не могу решиться включить, как это делает мистер Клинтон, "Eurôpia", "Phorônis" и другие поэмы, о которых нам известны только названия, потому что неизвестно, было ли их содержание таким, чтобы выполнить первичное условие: я также не могу согласиться с ним в том, что, если было две или более поэм с одинаковым названием и темой, одна из них обязательно должна была быть принята в Цикл, исключая другие. Могли быть две "Теогонии" или две "Гераклеи", обе включенные в цикл; цель была (как я уже отмечал) не в том, чтобы отсеять лучшее от худшего, а в том, чтобы определить некий фиксированный порядок, удобный для чтения и обращения среди множества разрозненных сочинений, как основу для нового, полного и исправленного издания.

Каким бы ни был принцип, по которому циклические поэмы были первоначально собраны вместе, все они теперь утрачены, за исключением этих двух непревзойденных бриллиантов, чей блеск, затмевая все остальные, один только и был достаточен, чтобы придать нетленную славу даже самой ранней фазе греческой жизни. С момента возникновения греческой филологии и до наших дней "Илиада" и "Одиссея" являются естественной привилегией, вызывающей сильное любопытство, которое, даже в исторические и литературные дни Греции, не было гарантированных фактов, чтобы удовлетворить. Эти сочинения - памятники эпохи, по сути своей религиозной и поэтической, но также и нефилософской, нерелексующей и незаписывающей: природа дела не позволяет нам иметь какие-либо достоверные передаваемые знания о таком периоде; и урок должен быть усвоен, хотя и тяжело и болезненно, что никакие мыслимые достижения критического чутья сами по себе не позволят нам отличить фантазию от реальности в отсутствие сносного запаса свидетельств. После многочисленных комментариев и яростных споров<sup>[229]</sup>, которые вызвали гомеровские поэмы, вряд ли можно сказать, что хоть один из вопросов, изначально вызывавших сомнения, получил такое решение, которое заслуживает всеобщего одобрения. Рассмотрение всех этих споров, пусть даже вкратце, далеко вышло бы за рамки данной работы; но самая сокращенная греческая история была бы неполной без некоторого исследования, касающегося *Поэта* (так греческие критики в своем почитании называли Гомера) и произведений, которые проходят сейчас или проходили раньше под его именем.

Кем или чем был Гомер? Какую дату следует отнести к нему? Каковы его сочинения?

Человек, задавший эти вопросы грекам разных городов и эпох, получил бы ответы, весьма разноречивые и противоречивые. Со времен бесценных трудов Аристарха и других александрийских критиков над текстом "Илиады" и "Одиссеи", действительно, принято считать эти два произведения (не считая "Гимнов" и нескольких других незначительных поэм) единственными подлинными гомеровскими сочинениями: А литераторы, называемые хоризонты, или разделители, во главе которых стояли Ксенон и Элланик, пытались еще больше сократить их число, разделив Илиаду и Одиссею и указав, что обе они не могут быть произведением одного автора. На протяжении всей греческой античности "Илиада", "Одиссея" и "Гимны" считались гомеровскими: Но если мы вернемся ко временам Геродота или еще раньше, то обнаружим, что Гомеру приписывались и некоторые другие эпосы, и не

было недостатка в критиках, которые считали весь эпический цикл, вместе с сатирической поэмой "Маргитэс", "Батрахомиамахией" и другими более мелкими произведениями, гомеровскими. Циклические "Фебаи" и "Эпигоны" (будь то две отдельные поэмы или вторая часть первой) в ранние времена приписывались Гомеру: так же обстояло дело и с "Кипрскими стихами": некоторые даже приписывали ему несколько других поэм,[231] "Взятие Эхалии", "Малую Илиаду", "Фокаиды" и "Амазонию". То, что поэма под названием "Фебаи" называется гомеровской, основывается на более древних свидетельствах, чем те, которые можно привести для подтверждения подлинности "Илиады" и "Одиссеи": ведь Каллинос, древний элегический поэт (до н. э. 640), назвал Гомера ее автором, и его мнение разделяли многие другие компетентные судьи.[232] Из примечательного описания, данного Геродотом, изгнания рапсодов из Сикиона деспотом Клейстенесом во времена Солона (около 580 г. до н. э.), мы можем составить представление о том, как они были изгнаны из Сикиона. [233] Из языка Геродота ясно, что в его время общее мнение приписывало Гомеру и Кипрские стихи, и Эпигоны, хотя сам он с этим не согласен.[234] Однако, несмотря на такое несогласие, этот историк, должно быть, считал имена Гомера и Гесиода почти созвучными всему древнему эпосу; иначе он вряд ли вынес бы свое памятное суждение, что они двое были основателями греческой теогонии.

Хорошо известно множество различных городов, претендовавших на рождение Гомера (семь - это, скорее, ниже истины, а Смирна и Хиос - самые известные из них), и большинство из них имели легенды о его романтическом происхождении, предполагаемой слепоте и жизни странствующего барда, знакомого с бедностью и печалью.[235] Не меньшего внимания заслуживают и расхождения в утверждениях о дате его предполагаемого существования; ведь из восьми различных эпох, приписываемых ему, самая древняя отличается от самой поздней на четыреста шестьдесят лет.

Столь противоречивыми были бы ответы, полученные в разных частях греческого мира на любые вопросы о личности Гомера. Но на ионическом острове Хиос существовал поэтический род (братство или гильдия), который, если бы этот вопрос был задан им, ответил бы по-другому. Для них Гомер был не просто предшественником, родственником им по природе, но божественным или полубожественным эпонимом и прародителем, которому они поклонялись в своих языческих жертвоприношениях и в чьем вознесенном имени и славе сливалась индивидуальность каждого члена рода. Сочинения каждого отдельного гомерида или совместные усилия многих из них были произведениями Гомера: имя отдельного барда погибает и его авторство забывается, но общий языческий отец живет и растет в славе, из поколения в поколение, благодаря гению своих самовозрождающихся сыновей.

Таково было представление о Гомере у поэтического рода, называвшегося *Homêridæ*, или *Homêrids*; и при общей неясности всего дела я склоняюсь к нему как к наиболее правдоподобной концепции. Гомер - не только предполагаемый автор различных сочинений, исходящих от язычников, но и получатель множества различных легенд и божественной генеалогии, которые их воображению угодно было ему приписать. Такое создание вымышленной личности и такое совершенное соединение сущностей религии и фантазии с реальным миром - процесс, знакомый и даже привычный для ретроспективного видения греков[236].

Следует отметить, что поэтический род, о котором здесь идет речь, - гомерида - имеет неоспоримую подлинность. Их существование и их взгляды сохранялись вплоть до исторических времен на острове Хиос.[237] Если гомерида были еще заметны, даже во времена Акусилая,

Пиндара, Элланника и Платона, когда их плодотворное изобретательство прекратилось, и когда они стали только хранителями и распространителями, совместно с другими, сокровищ, завещанных их предшественниками, - гораздо более возвышенным должно было быть их положение за три столетия до этого, когда они все еще были вдохновенными творцами эпической новизны и когда отсутствие письменности обеспечивало им бесспорную монополию на их собственные сочинения. [238]

Гомер, таким образом, не отдельный человек, а божественный или героический отец (идеи поклонения и происхождения объединяются, как это постоянно происходило в греческом сознании) язычников Гомеридов, и он является автором Фебаев, Эпигонов, Кипрских стихов, Прозы, или Гимны, и другие поэмы, в том же смысле, в каком он является автором Илиады и Одиссеи, - если предположить, что эти различные композиции исходят, как это возможно, от различных лиц, причисленных к Гомекридам. Но это отрицание исторической личности Гомера совершенно отлично от вопроса, с которым его часто путают: являются ли "Илиада" и "Одиссея" изначально цельными поэмами и написаны ли они одним автором или другим. Для нас имя Гомера означает эти две поэмы и мало что еще: мы хотим узнать как можно больше об их датировке, первоначальном составе, сохранности и способе донесения до публики. Все эти вопросы более или менее сложны один с другим.

Что касается даты создания поэм, у нас нет никакой другой информации, кроме различных утверждений относительно возраста Гомера, , которые отличаются друг от друга (как я уже отмечал) интервалом в четыреста шестьдесят лет, и которые в большинстве своем определяют дату Гомера, ссылаясь на какое-то другое событие, само по себе сказочное и неподтвержденное, - например, Троянскую войну, возвращение Гераклидов или ионийское переселение. Кратес поместил Гомера раньше возвращения Гераклидов и менее чем через восемьдесят лет после Троянской войны: Эратосфенес поместил его через сто лет после Троянской войны: Аристотель, Аристарх и Кастор относят его рождение к ионийскому переселению, а Аполлодор - к ста годам после этого события, или к двумстам сорока годам после взятия Трои. Фукидид назначает ему дату гораздо позже Троянской войны. [239] С другой стороны, Теопомп и Эвфорион относят его возраст к гораздо более позднему периоду правления лидийского царя Гигеса (Ол. 18-23, В. С. 708-688 гг.) и помещают его на пятьсот лет позже троянской эпохи. [240] Каковы были основания для этих различных предположений, мы не знаем; хотя по высказываниям Кратеса и Эратосфена мы можем довольно хорошо догадаться. Но самый древний из сохранившихся до нас предположений относительно даты Гомера, то есть даты создания "Илиады" и "Одиссеи", представляется мне одновременно и самым достоверным, и наиболее согласующимся с общей историей древнего эпоса. Геродот помещает Гомера за четыреста лет до себя, отталкиваясь не от какого-либо баснословного события, а от точки реального и достоверного времени. [241] Четыре века до Геродота - это период, начинающийся с 880 г. до н. э., так что создание гомеровских поэм попадает в промежуток между 850 и 800 гг. до н. э. Из языка Геродота можно понять, что это было его собственное суждение, противоположное существующему мнению, которое относило поэта к более ранней эпохе.

Отнесение "Илиады" и "Одиссеи" к периоду между 850 и 776 годами до н. э. представляется мне более вероятным, чем любое другое, представляется мне более вероятным, чем любая другая дата, более ранняя или более поздняя, - более вероятным, чем последняя, потому что мы имеем основания считать эти две поэмы более древними, чем Арктин, который появился вскоре после первой Олимпиады; более вероятным, чем первая, потому что, чем дальше мы отодвигаем поэмы назад, тем больше мы увеличиваем чудо их сохранности, уже достаточно большое, от такого возраста и общества до исторических времен.

Особого внимания заслуживает способ, которым эти поэмы, да и вообще все поэмы, как эпические, так и лирические, вплоть до эпохи (вероятно) Писистрата, распространялись и доводились до сведения публики. Их не читали в одиночку и отдельно, а пели или декламировали на праздниках или перед собравшимися компаниями. Это, похоже, один из немногих неоспоримых фактов в отношении великого поэта: ведь даже те, кто утверждает, что "Илиада" и "Одиссея" сохранились в письменном виде, редко спорят с тем, что их читали.

Оценивая воздействие поэм, мы всегда должны учитывать эту огромную разницу между ранней Грецией и нашими временами, - между собравшейся на торжественном празднике толпой, стимулированной общиной сочувствующих, слушающей размеренный и музыкальный речитатив из уст обученных бардов или рапсодов, чья материя, как предполагалось, была вдохновлена Музой, - и одиноким читателем, имеющим перед собой рукопись; Такая рукопись, вплоть до очень позднего периода греческой литературы, была написана безразлично, без разделения на части и без знаков препинания. Как и в случае с драматическими представлениями во все века, так и в случае с ранним греческим эпосом - очень большая часть его впечатляющего эффекта была обусловлена талантом чтеца и силой общего аккомпанемента, и при одиночном чтении она бы полностью исчезла. Изначально бард пел свое собственное эпическое повествование, начиная с проэмии или гимна одному из богов:[242] его профессия была отдельной и особенной, как у плотника, пиявки или пророка: его манера и произношение должны были требовать особой подготовки не меньше, чем способность к воображению. В "Одиссее" его характер предстает как весьма почитаемый, а в "Илиаде" даже Ахилл не гнушается прикасаться к лире своими руками и воспевать подвиги героев.[243] Не только "Илиада" и "Одиссея", но и поэмы, вошедшие в эпический цикл, произвели все свое впечатление и приобрели всю свою славу благодаря этому процессу устной передачи, но даже сменившие их лирические и хорические поэты были известны и восприняты широкой публикой таким же образом, даже после полного утверждения привычки к чтению среди людей с буквами. Если в эпосе декламация или пение были чрезвычайно простыми, а размер сравнительно мало разнообразным, без какого-либо другого аккомпанемента, кроме четырехструнной арфы, - все вариации, наложенные на первоначальный гекзаметр, начиная с пентаметра и ямба и постепенно переходя к сложным строфам Пиндара и трагических писателей, все же оставляли общий эффект поэзии в значительной степени зависящим от голоса и аккомпанемента и резко отличающимся от простого одиночного чтения слов. А в драматической поэзии, последней по времени, декламация и жесты говорящего актера чередовались с песнями и танцами хора, а также с инструментами музыкантов, причем все это дополнялось внушительными видимыми декорациями. В наше время и драматический эффект, и песня хорошо знакомы, и каждый человек знает разницу между чтением слов и их восприятием при соответствующих обстоятельствах: но поэзия, как таковая, является, и уже давно, настолько исключительным наслаждением при чтении, что требуется особое воспоминание, чтобы вернуть нас к тому времени, когда "Илиада" и "Одиссея" были обращены только к уху и чувствам неразборчивой и сочувствующей толпы. Читателей не было, по крайней мере, до века, предшествовавшего Солону и Писистрату: с этого времени их число и влияние постепенно росли, хотя, несомненно, даже в самый литературный период Греции они были невелики по сравнению с современным европейским обществом. Однако в том, что касается создания прекрасной эпической поэзии, избранный круг обученных читателей был менее мощным стимулом, чем необразованная и слушающая толпа более ранних периодов. Поэмы Херилуса и Антимаха, написанные к концу Пелопоннесской войны, хотя и вызывали восхищение у эрудитов, так и не приобрели популярности; а император Адриан потерпел неудачу в своей попытке ввести последнего поэта в моду за счет Гомера[244].

Из сказанного здесь становится ясно, что в античном мире, особенно в ранние периоды его развития, наибольшее значение имел класс людей, служивших средством связи между стихом и



ухом: барды и рапсоды - для эпоса, певцы - для лирики, актеры и певцы вместе с танцорами - для хора и драмы. Лирические и драматические поэты собственными устами учили произносить свои сочинения, и это дело обучения было так заметно для публики, что название "дидаскалия", которым обычно обозначали драматическую выставку, берет свое начало именно отсюда.

Среди рапсодов, посещавших праздники в те времена, когда греческие города были многочисленны и легкодоступны для декламации древнего эпоса, должны были быть, конечно, большие различия в мастерстве; но то, что более значительные представители этого класса были тщательно обучены и весьма искусны в своей профессии, мы можем считать несомненным. Но случается, что Сократ, а также два его ученика - Платон и Ксенофонт - презрительно отзываются об их достоинствах; и многие люди были склонны, несколько слишком охотно, признать этот приговор осуждения как окончательный, не принимая во внимание точку зрения, с которой он был произнесен.<sup>[245]</sup> Эти философы рассматривали Гомера и других поэтов с целью наставления, этической доктрины и добродетельной практики: они анализировали характеры, описанные поэтом, оценивали ценность передаваемых уроков и часто пытались обнаружить скрытый смысл, когда не одобряли явный. Когда они находили такого человека, как рапсод, который исповедовал внушение гомеровского повествования аудитории, но при этом либо вообще не занимался, либо занимался безуспешно, делом изложения, они относились к нему с презрением; более того, Сократ по тому же принципу обесценивает самих поэтов, как имеющих дело с вопросами, о которых они не могли дать рационального отчета.<sup>[246]</sup> Платон и Ксенофонт также имели обыкновение пренебрежительно отзываться о профессиональных усилиях таланта, направленных на добывание средств к существованию, противопоставляя их часто в нецензурной форме безвозмездному обучению и показной бедности своего учителя. Но мы не вправе судить рапсодов по такому стандарту. Хотя они не были философами или моралистами, их удел - и так было задолго до открытия философской точки зрения - донести своего поэта до груди и чувств собравшейся толпы, проникнуть в его смысл настолько, насколько это было уместно для этой цели, приспособив к нему соответствующие грации действия и интонации. В этой своей подлинной задаче они были ценными членами греческой общины и, похоже, обладали всеми качествами, необходимыми для успеха.

Эти рапсоды, преемники первобытных аэды, или бардов, по-видимому, отличались от них отказом от всякого музыкального сопровождения. Первоначально бард пел, оживляя песню случайными прикосновениями простой четырехструнной арфы: его преемник, рапсод, декламировал, держа в руке не что иное, как ветвь лавра, и полагаясь для достижения эффекта на голос и манеру, - вид музыкальной и ритмической декламации,<sup>[247]</sup> которая постепенно усиливалась акцентом и жестикულიацией, пока не приблизилась к тому, что делает драматический актер. В какое время произошла эта перемена и могли ли два разных способа изложения древнего эпоса в течение определенного периода продолжаться одновременно, мы не можем определить. Гесиод получает от муз ветвь лавра в знак своего посвящения в их служение, которое обозначает его как рапсода; в то время как древний бард со своей арфой все еще признается в гомеровском гимне Делийскому Аполлону, как эффективный и популярный на панионских фестивалях на острове Делос.<sup>[248]</sup> Возможно, усовершенствования арфы, к которой три струны, в дополнение к первоначальному четырем, были прикреплены Терпандером (до н. э.). 660), и растущее усложнение инструментальной музыки в целом, возможно, способствовало дискредитации примитивного аккомпанемента и, таким образом, развитию практики декламации: история о том, что Терпандр сам сочинял музыку не только к гекзаметрическим поэмам, но и к поэмам Гомера, кажется, указывает на то, что предшествующая ему музыка переставала находить поддержку.<sup>[249]</sup> Каким бы образом ни произошел переход от барда к рапсоду, несомненно, что до времени Солоуна последний был признанным и исключительным органом старого эпоса; иногда в



коротких фрагментах перед частными компаниями, одиночными рапсодами, - иногда несколькими рапсодами в непрерывной последовательности на общественном празднике.

Относительно способа, в котором гомеровские поэмы сохранялись в течение двух столетий (или, как некоторые думают, более длительного промежутка) между их первоначальным составлением и периодом, незадолго до Солоуна, - а также относительно их первоначального состава и последующих изменений - среди компетентных критиков существуют большие разногласия. Были ли они сохранены в написанном виде или без него? Была ли "Илиада" изначально написана как единая поэма, а "Одиссея" - аналогичным образом, или же каждая из них представляет собой совокупность частей, изначально существовавших самостоятельно и не связанных между собой? Было ли авторство каждой поэмы единоличным или многоличным?

Молчаливо или явно, эти вопросы обычно объединялись и обсуждались в связи друг с другом при исследовании гомеровских поэм; хотя достоинством "Прологомены" мистера Пэйна Найта является то, что они остаются отдельными. Полвека назад острые и ценные Prolegomena Ф. А. Вольфа, обратившись к венецианским схолиям, которые тогда были недавно опубликованы, впервые открыли философскую дискуссию об истории гомеровского текста. Значительная часть этой диссертации (хотя далеко не вся) посвящена обоснованию положения, ранее озвученного, в частности, Бентли, о том, что отдельные составные части "Илиады" и "Одиссеи" не были скреплены в какой-либо компактный корпус и неизменный порядок до времен Пейсистрата, в шестом веке до нашей эры. В качестве шага к этому выводу Вольф утверждал, что ни одна из поэм, как можно доказать, не существовала в более ранние времена, к которым относится их создание, и что без письменности ни идеальная симметрия столь сложного произведения не могла быть первоначально задумана ни одним поэтом, ни, если бы она была им реализована, передана с уверенностью потомкам. Отсутствие у ранних греков легкого и удобного письма, такого, какое непременно должно быть для длинных рукописей, было, таким образом, одним из аргументов Вольфа против первобытной целостности "Илиады" и "Одиссеи". Ницше и другими ведущими оппонентами Вольфа связь одного с другим, кажется, была принята в том виде, в каком он ее первоначально изложил; и считалось, что обязанность тех, кто защищал древний совокупный характер Илиады и Одиссеи, утверждать, что они были письменными поэмами с самого начала.

Мне кажется, что архитектурные функции, которые Вольф приписывает Пейсистрату и его соратникам в отношении гомеровских поэм, теперь неприемлемы. Но многое, несомненно, было бы выиграно в пользу такой точки зрения на вопрос, если бы можно было показать, что для ее опровержения мы были вынуждены признать существование длинных письменных поэм в девятом веке до христианской эры. Мало что, на мой взгляд, может быть более невероятным: и мистер Пейн Найт, как бы он ни выступал против вольфианской гипотезы, признает это не меньше, чем сам Вольф. [250] Следы письменности в Греции даже в седьмом веке до христианской эры крайне незначительны. У нас нет ни одной сохранившейся надписи ранее 40-й Олимпиады, а ранние надписи грубы и неумело выполнены: мы даже не можем убедиться, что Архилох, Симонидес Аморгусский, Каллинос, Тиртеус, Ксанф и другие ранние элегические и лирические поэты записывали свои сочинения, и в какое время практика такого письма стала общепринятой. Первое положительное основание, позволяющее нам предположить существование рукописи Гомера, содержится в знаменитом постановлении Солона в отношении рапсодов в Панафинеях; но сколько времени до этого существовали рукописи, мы не можем сказать.

Те, кто утверждает, что гомеровские поэмы были написаны с самого начала, опираются не на положительные доказательства, и не на существующие в обществе привычки в отношении поэзии, поскольку они признают, что "Илиаду" и "Одиссею" не читали, а декламировали и слушали, а на

предполагаемую необходимость существования рукописей[251] для обеспечения сохранности поэм, поскольку память декламаторов не является ни достаточной, ни надежной. Но здесь мы лишь избегаем меньшей трудности, наталкиваясь на большую; ведь существование обученных бардов, одаренных необыкновенной памятью, гораздо менее удивительно, чем существование длинных рукописей в эпоху, по сути не читающую и не пишущую, и когда даже подходящие инструменты и материалы для этого процесса не были очевидны. Более того, есть веские основания полагать, что у барда не было необходимости освежать свою память, обращаясь к рукописи. Ведь если бы это было так, то слепота стала бы препятствием для этой профессии, а мы знаем, что это не так; это видно и из примера Демодока в "Одиссее", и из примера слепого барда с Хиоса в гимне Делийскому Аполлону, которого Фукидид, как и в целом греческая легенда, отождествляет с самим Гомером.[252] Автор этого гимна, кто бы он ни был, никогда бы не описал слепого как достигшего высшего совершенства в своем искусстве, если бы он знал, что память барда сохранилась только благодаря постоянному обращению к рукописи в его груди.

В конце концов, также не будет установлено, что усилия памяти, требуемые бардами или рапсодами даже для самых длинных из этих старых эпических поэм, - хотя, несомненно, они были велики, - вообще были сверхчеловеческими. Если взять случай со всей Илиадой и Одиссеей, то мы знаем, что в Афинах были образованные джентльмены, которые могли повторить обе поэмы наизусть:[253] но в профессиональных декламациях мы не должны представлять, что один и тот же человек прошел через все: декламация была по существу совместным делом, и рапсоды, посещавшие фестиваль, естественно, понимали между собой, какая часть поэмы должна быть передана каждому конкретному человеку. В таких обстоятельствах и при таких средствах предварительной подготовки количество стихов, которые мог произнести рапсод, измерялось не столько истощением его памяти, сколько физической достаточностью его голоса, с учетом требуемого от него звучного, выразительного и ритмичного произношения[254].

Но какие у нас есть гарантии точной передачи текста на протяжении двух столетий простым устным способом? На это можно ответить, что устная передача передала бы текст так же точно, как в действительности он был передан. Великие строки каждой поэмы, - порядок частей, - жилка гомеровского чувства, общий стиль речи, и, по большей части, подлинные слова, - были бы сохранены: ведь профессиональная подготовка рапсоды, помимо точности его фактической памяти, будет иметь тенденцию к гомеризации его ума (если можно так выразиться), и удерживать его в пределах этого магического круга. С другой стороны, если говорить о деталях текста, то следует ожидать больших расхождений и многочисленных неточностей: и так оно и было на самом деле, о чем красноречиво свидетельствуют записи, содержащиеся в Схолиях, а также отрывки, цитируемые древними авторами, но отсутствующие в нашем гомеровском тексте[255].

Более того, состояние "Илиады" и "Одиссеи" в отношении буквы, называемой "дигамма", доказывает, что они читались в течение значительного периода времени, прежде чем были записаны на , причем устное произношение претерпело в этот период заметные изменения.[256] В то время, когда эти поэмы были написаны, дигамма была эффективной согласной и фигурировала как таковая в структуре стиха: в то время, когда они были записаны, она перестала произноситься, и поэтому никогда не находила места ни в одной из рукописей, - настолько, что александрийские критики, хотя они знали о ее существовании в гораздо более поздних поэмах Алкея и Сапфо, никогда не признавали ее у Гомера. Хиатус и различные недоразумения с метром, вызванные утратой дигаммы, были исправлены различными грамматическими хитростями. Но вся история этой утраченной буквы очень любопытна и становится понятной только при предположении, что "Илиада" и "Одиссея" в течение долгого времени принадлежали исключительно памяти, голосу и слуху.

В какой период впервые начали писать эти или любые другие греческие поэмы, остается только догадываться, хотя есть основания для уверенности, что это было до эпохи Солоуна. Если, в отсутствие доказательств, мы можем рискнуть назвать более определенный период, сразу же возникает вопрос: для каких целей на том этапе развития общества должна была предназначаться рукопись, впервые появившаяся на свет? Для кого была необходима письменная "Илиада"? Не для рапсодов; ведь у них она не только откладывалась в памяти, но и переплеталась с чувствами, задумывалась в сочетании со всеми теми флексами и интонациями голоса, паузами и другими устными приемами, которые требовались для выразительной передачи и которые голый манускрипт никогда не мог воспроизвести. Не для широкой публики - она привыкла принимать его в рапсодическом исполнении и в сопровождении торжественного и многолюдного праздника. Единственными людьми, для которых письменная Илиада могла бы подойти, были избранные; ученые и любопытные люди - класс читателей, способных анализировать сложные эмоции, которые они испытывали, будучи слушателями в толпе, и которые, читая написанные слова, могли бы в своем воображении реализовать осязаемую часть впечатления, переданного чтецом"[257].

Каким бы невероятным ни казалось это утверждение в эпоху, подобную нынешней, во всех ранних обществах, и в ранней Греции, было время, когда не существовало такого класса читателей. Если бы нам удалось выяснить, в какое время впервые начал формироваться такой класс, мы смогли бы предположить, когда старые эпические поэмы были впервые записаны. Теперь период, который с наибольшей вероятностью можно назвать первым свидетелем формирования даже самого узкого читательского класса в Греции, - это середина седьмого века до христианской эры (660-630 гг. до н. э.), эпоха Терпандра, Каллина, Архилоха, Симонида Аморгусского и т. д. Я основываю это предположение на изменениях, происходивших в то время в характере и тенденциях греческой поэзии и музыки, - элегические и ямбические меры были введены в качестве соперников примитивного гексаметра, а поэтические композиции были перенесены из эпического прошлого в дела настоящего и реальной жизни. Такое изменение было важно в то время, когда поэзия была единственным известным способом публикации (если использовать современное выражение, не совсем подходящее, но наиболее близкое по смыслу). Оно утверждало новый взгляд на старые эпические сокровища народа, а также жажду нового поэтического эффекта; и люди, которые выступили вперед в этом, вполне могут считаться желающими изучать и компетентными критиковать, с их собственной индивидуальной точки зрения, письменные слова гомеровских рапсодов, точно так же, как нам говорят, что Каллину и заметил, и восхвалял Фебаи как произведение Гомера. Поэтому есть основания предполагать, что (для использования этим новообразованным и важным, но очень узким классом) рукописи гомеровских поэм и других древних эпосов - Фебаи и Киприды, а также Илиады и Одиссеи - начали составляться в середине седьмого века до нашей эры. [258], а открытие Египта для греческой торговли, которое произошло примерно в тот же период, предоставило больше возможностей для получения папируса, необходимого для письма. Класс читателей, сформировавшись, несомненно, постепенно увеличился бы, а вместе с ним и количество рукописей; так что до времени Солоуна, через пятьдесят лет после него, и читатели, и рукописи, хотя их все еще было сравнительно немного, могли бы достичь определенного признанного авторитета и составить авторитетный трибунал, противостоящий небрежности отдельных рапсодов.

Мы можем, я думаю, считать, что Илиада и Одиссея сохранялись без помощи письменности в течение периода, близкого к двум столетиям. [259] Но верно ли, как полагал Вольф и как полагали другие способные критики, что отдельные части, из которых состоят эти две поэмы, первоначально были отдельными эпическими балладами, каждая из которых представляла собой

отдельное целое и предназначалась для отдельной декламации? Правда ли, что у них не только не было общего автора, но и изначально не было ни общей цели, ни определенного порядка, и что их первое постоянное расположение и объединение было отложено на три столетия и достигнуто наконец только вкусом Пейсистрата в союзе с различными друзьями-буквоедами?[260]

Эта гипотеза, которой впервые отдал должное гений Вольфа, но которая с тех пор была более подробно подтверждена другими, особенно Вильгельмом Мюллером и Лахманом, кажется мне не только не подкрепленной никакими достаточными свидетельствами, но и противоречащей другим свидетельствам, а также сильной силе внутренней вероятности. Авторитеты, цитируемые Вольфом, - это Иосиф, Цицерон и Павсаний:[261] Иосиф ничего не упоминает о Pei sistratus, а лишь утверждает (что мы можем принять за вероятный факт), что гомеровские поэмы первоначально были ненаписанными и сохранились только в песнях или декламациях, из которых в последующем были переписаны: отсюда многие несоответствия в тексте. С другой стороны, Цицерон и Павсаний идут дальше и утверждают, что Писистрат собрал и расположил в существующем порядке рапсодии Илиады и Одиссеи (подразумевается, что первоначально они были целыми поэмами, а впоследствии разбиты на части), которые он нашел частично сбитыми и частично изолированными друг от друга, - каждая часть тогда помнилась только в своей части греческого мира. Что касается Гиппарха, сына Пейсистрата, то в псевдоплатоническом диалоге, носящем его имя, нам сообщается, что он первым ввел в Аттике поэзию Гомера и предписал рапсодам декламировать части Панафинейского праздника в правильной последовательности[262].

Вольф и Вильгельм Мюллер иногда говорят так, как будто они признают нечто вроде Илиады и Одиссеи в качестве установленных совокупностей до Пейсистрата; но по большей части они представляют его или его соратников как первых, кто собрал вместе гомеровские поэмы, которые до этого были отдельными и самостоятельно существующими композициями. А Лахманн, недавний излагатель той же теории, еще более однозначно приписывает Пейсистрату эту оригинальную интеграцию частей в отношении "Илиады", распределяя первые двадцать две книги поэмы на шестнадцать отдельных песен и считая нелепым представлять, что объединение этих песен в такой порядок, как мы читаем сейчас, относится к какой-либо дате, более ранней, чем Пейсистрат.[263]

По этой теории мы можем заметить, во-первых, что она противоречит свидетельствам, существующим в отношении предписаний Солона; который, еще до времени Пейсистрата, навязал рапсодам "Илиады" на Панафинейском фестивале фиксированный порядок декламации; не только предписывая, чтобы они проходили рапсоды *последовательно*, без пропусков и искажений, но и устанавливая суфлера или цензора для обеспечения послушания,[264] - что подразумевает существование (в то же время провозглашая случайные нарушения) упорядоченной совокупности, а также рукописей, признанных полными. Далее, теория приписывает Пейсистрату характер, не только существенно отличающийся от того, на который указывают Цицерон и Павсаний, - которые представляют его не как собравшего вместе атомы, изначально отличные друг от друга, а как восстановителя древнего порядка, впоследствии утраченного, - но и сам по себе непонятный, не соответствующий греческим привычкам и чувствам. То, что Пейсистрат должен был позаботиться о том, чтобы подавить вольность или восполнить неверную память отдельных рапсодов, и облагородить Панафинейский фестиваль самым правильным пересказом великой и почтенной поэмы, в соответствии с стандартом, принятым среди лучших судей Греции, - это задача, подходящая для его положения и требующая только улучшенного пересказа, а также точного следования ему со стороны рапсодов. Но какой

мотив побудил его соединить несколько поэм, ранее известных только как отдельные, в одно новое целое? Какое чувство он мог удовлетворить, внося обширные изменения и переложения, предполагаемые Лахманом, с целью связать вместе шестнадцать песен, которые рапсоды, как предполагается, привыкли декламировать, а люди - слушать, каждая сама по себе? Пеисистрат был не поэтом, стремящимся заинтересовать общественное сознание новыми творениями и сочетаниями, а правителем, желающим придать торжественность великому религиозному празднику в своем родном городе. Этой цели можно было бы ответить, выбрав среди разнообразия рапсодов в разных частях Греции тот порядок текста, который разумные люди могли бы одобрить как возвращение к чистой и первозданной Илиаде; но она потерпела бы поражение, если бы он попытался привнести свои собственные нововведения и впервые выпустил новую Илиаду, смешав вместе, изменив и переложив множество старых и хорошо известных песен. Столь смелое нововведение скорее оскорбило бы, чем порадовало критиков и публику. А если бы оно даже и было введено в Афинах, то не было бы никакой вероятной причины, по которой все остальные города и все рапсоды по всей Греции должны были бы отказаться от своих прежних привычек в пользу этого, поскольку Афины в то время не имели такого политического превосходства, какое они приобрели в следующем столетии. В целом, как видно, характер и положение самого Писистрата далеко отрицают ту функцию, которую возлагают на него Вольф и Лахманн. Его вмешательство предполагает наличие некой заранее известной и древней совокупности, основные черты которой были знакомы греческой публике, хотя многие рапсоды в своей практике могли отклоняться от нее как путем пропусков, так и интерполяций. Исправляя афинские декламации в соответствии с таким понятным общим типом, он мог надеяться как добиться уважения к Афинам, так и установить моду для остальной Греции. Но этот шаг по "сбору разорванного тела священного Гомера" в целом отличается от сочинения новой "Илиады" из уже существующих песен. Первое так же легко, уместно и перспективно, как второе - насильственно и безвозмездно[265].

Чтобы подтвердить вывод о том, что Писистрат был первым архитектором "Илиады" и "Одиссеи", нужно, по крайней мере, доказать, что в предыдущие века не существовало других длинных и непрерывных поэм. Однако известно обратное. Эфиопис Арктина, содержащий девять тысяч сто стихов, датируется периодом более чем на два столетия раньше Пеисистрата: несколько других утраченных циклических эпосов, некоторые из них значительной длины, появляются в течение столетия, следующего за Арктином; и важно отметить, что три или четыре, по крайней мере, из этих поэм прошли в настоящее время под именем Гомера.[266] Нет большей внутренней трудности в том, чтобы предположить, что длинные эпосы начались с "Илиады" и "Одиссеи", чем с "Эфиопики": возвышение имени Гомера и подчиненное положение Арктина в истории ранней греческой поэзии, как правило, доказывают, что первое предпочтительнее второго.

Более того, мы находим отдельные части "Илиады", которые прямо заявляют о себе, по их собственным внутренним свидетельствам, как о принадлежности к большому целому, а не как об отдельных целых. Вряд ли можно представить себе Каталог во второй книге иначе, как дробную композицию, да еще и со ссылкой на ряд приближающихся подвигов; ведь само по себе такое бесплодное перечисление имен не могло бы возбудить ни фантазии поэта, ни внимания слушателей. Но гомеровский каталог приобрел своего рода канонический авторитет еще во времена Солона, настолько, что он интерполировал в него строку или был обвинен в этом, чтобы выиграть спорный момент против мегарян, которые, со своей стороны, излагали другую версию. [267] Не могло быть такого установленного почтения к этому документу, если бы в течение долгого времени до Пеисистрата не существовало привычки рассматривать и слушать "Илиаду" как непрерывную поэму. И когда философ Ксенофан, современник Писистрата, отметил Гомера как универсального учителя и осудил его как недостойного описателя богов, он, должно быть, связал это великое умонастроение не с рядом несвязных рапсодий, а с совокупностью Илиады и



Одиссеи; вероятно, с другими поэмами, также приписываемыми тому же автору, такими как Киприда, Эпигоны и Фебаи.

Правда, у разных авторов мы находим ссылки на части "Илиады", каждая из которых имеет свое отдельное название, например, "Тейхомахия", "Аристея" (предваряющая подвиги) Диомедека или Агамемнона, "Долонея", или "Ночная экспедиция" (Долона, как и Одиссея и Диомедека) и т. д., и отсюда делается вывод, что эти части первоначально существовали как отдельные поэмы, прежде чем их соединили в "Илиаду". Но такие ссылки ничего не доказывают; ведь до тех пор, пока Аристарх и его коллеги не разделили "Илиаду" на определенное число книг, или рапсодий, обозначенных сериями букв алфавита, не существовало способа привлечь внимание к какой-либо части поэмы, кроме как путем специального указания ее сюжета.<sup>[268]</sup> Авторы после Пеисистрата, такие как Геродот и Платон, которые, несомненно, представляли "Илиаду" как единое целое, цитируют отдельные ее части с помощью подобных обозначений.

Вышеизложенные замечания по поводу вольфианской гипотезы относительно текста "Илиады" имеют тенденцию разделять два момента, которые отнюдь не обязательно связаны между собой, хотя эта гипотеза, изложенная самим Вольфом, В. Мюллером и Лахманом, представляет их в совокупности. Во-первых, была ли "Илиада" изначально задумана и написана одним автором и как единая поэма, или же различные части были написаны отдельно и не связанными между собой авторами, а впоследствии сведены в единое целое? Во-вторых, если предположить, что внутренние свидетельства поэмы отрицают первое предположение и заставляют нас придерживаться второго, было ли создание всей поэмы отложено, и существовали ли части только в отдельном состоянии до периода, столь позднего, как правление Писистрата? Очевидно, что эти два вопроса по сути своей раздельны, и что человек может считать, что "Илиада" была собрана из уже существовавших песен, не признавая эпоху Писистрата периодом ее первого составления. Теперь, какими бы ни были этапы, через которые поэма прошла к своей окончательной целостности, есть достаточно оснований полагать, что они были пройдены задолго до этого периода: друзья Пеисистрата нашли Илиаду уже существующей и уже древней в их время, даже если допустить, что поэма не была изначально рождена в состоянии единства. Более того, александрийские критики, чьи замечания сохранились в "Схолиях", даже не заметили пеисистратовского переложения среди множества рукописей, которые были у них на руках: и мистер Пейн Найт справедливо заключает из их молчания, что либо они не обладали им, либо оно не имело в их глазах большого авторитета;<sup>[269]</sup> чего не могло быть, если бы оно было первоисточником гомеровского единства.

Аргументация, с помощью которой сторонники гипотезы Вольфа отрицают первобытное единство поэмы, заключается в выявлении пробелов, несоответствий, противоречий и т. д. между отдельными частями. Теперь, если, несмотря на все эти несоответствия, напоминающие о предшествующем состоянии разделения, составные части поэмы были объединены так тесно, что создавалось впечатление, будто они были единым целым с самого начала, мы можем лучше понять полный успех этой процедуры и всеобщую распространенность иллюзии, если предположим, что такое объединение произошло в очень ранний период, в дни продуктивной деятельности эпического гения и до развития чтения и критики. Чем дольше откладывалось объединение отдельных поэм, тем труднее было бы стереть в сознании людей прежнее состояние разделения и заставить их принять новую совокупность за изначальное единство. Барды или рапсоды, возможно, не испытывали особых трудностей, собирая воедино отдельные песни в девятом или восьмом веке до нашей эры; Но если мы предположим, что этот процесс был отложен до второй половины шестого века, - если мы представим, что Солоун, как и все его современники и предшественники, ничего не знал ни о какой совокупности "Илиады", а привык читать и слышать только те шестнадцать отдельных эпических произведений, на которые Лахманн



расчленил "Илиаду", каждый из которых носил отдельное имя, - и никакая компиляция, впервые сделанная тогда друзьями Пеисистрата, не смогла бы изжить устоявшуюся привычку и закрепиться в общем сознании Греции как первобытное гомеровское произведение. Если бы шестнадцать частей оставались разрозненными и индивидуальными до времен Пейсистрата, они, по всей вероятности, оставались бы таковыми и после него; не могли бы обширные изменения и переложения, которые (согласно теории Лахмана) требовались для того, чтобы переплавить их в нашу современную Илиаду, получить в тот поздний период всеобщее признание. Если предположить, что такие изменения и переложения действительно имели место, то они, по крайней мере, должны быть отнесены к периоду, значительно более раннему, чем Пейсистрат или Соломон.

Все содержание самих поэм подтверждает сказанное. Ни в "Илиаде", ни в "Одиссее" нет ничего, что напоминало бы *модернизм*, если применить этот термин к эпохе Пеисистрата; ничего, что привлекло бы наше внимание к изменениям, произошедшим за два столетия в греческом языке, чеканке денег, привычках писать и читать, деспотиях и республиканских правительствах, тесном военном строю, усовершенствованной конструкции кораблей, амфикионийских соборах, взаимном посещении религиозных праздников, восточных и египетских веяниях религии и т. д., знакомых последней эпохе. Эти изменения Ономакрит и другие литературные друзья Писистрата вряд ли могли не заметить даже без умысла, если бы они тогда впервые взялись за задачу собрать множество самостоятельно существующих эпосов в одну большую совокупность.<sup>[270]</sup> Все в двух великих гомеровских поэмах, как по содержанию, так и по языку, относится к эпохе на два-три века раньше Писистрата. В самом деле, даже интерполяции (или те отрывки, которые по самым веским основаниям считаются таковыми) не оставляют следов шестого века до Рождества Христова и вполне могли быть восприняты Архилохом и Каллином, - в некоторых случаях даже Арктином и Гесиодом, - как подлинно гомеровские. Насколько нам позволяют судить свидетельства по делу, как внутренние, так и внешние, мы, кажется, имеем основания полагать, что "Илиада" и "Одиссея" были пересказаны в том виде, в каком они существуют сейчас (с учетом частичных расхождений в тексте и интерполяций), в 776 году до н. э. - первой достоверной отметке греческого времени. И эта древняя дата, - добавим мы, - так как она является наиболее достоверным фактом, также является наиболее важным атрибутом гомеровских поэм, рассматриваемых в связи с греческой историей. Ведь таким образом они позволяют нам проникнуть в доисторический характер греков, проследить последующее движение нации вперед и увидеть поучительные контрасты между их прежним и более поздним состоянием.

Отвергая, таким образом, идею компиляции Пеисистратом и относя нынешнее состояние "Илиады" и "Одиссеи" к периоду более чем на два столетия раньше, все равно остается вопрос, каким путем или через чье агентство они достигли этого состояния? Является ли каждая поэма произведением одного автора или нескольких? Если последнее, то относятся ли все части к одной эпохе? Какие есть основания полагать, что некоторые или все эти части существовали ранее как отдельные поэмы и были приспособлены к тому месту, в котором они теперь появляются, путем более или менее систематических изменений?

Острые и ценные Prolegomena Вольфа, написанные полвека назад, убедительно обратили внимание ученых на необходимость рассматривать Илиаду и Одиссею с учетом эпохи и общества, в котором они возникли, и на существенные различия в этом отношении между Гомером и более поздними эпическими поэтами.<sup>[271]</sup> С тех пор было проведено тщательное исследование ранних проявлений поэзии (Sagen-poesie) у других народов; и особенно немецкие критики, среди которых это описание литератур было наиболее культивировано, выбрали его как единственную подходящую аналогию для гомеровских поэм. Такая поэзия, состоящая по большей части из коротких, бесхитростных излияний, с небольшим количеством обдуманных или дальновидных

комбинаций, была принята многими критиками за подходящий стандарт для измерения способностей гомеровского века; века исключительно ораторов, певцов и слушателей, а не читателей или писателей. Вместо беспредельного восхищения, которое испытывал Гомер не только как поэт деталей, но и как создатель длинного эпоса, в то время, когда Вольф писал свои "Пролегомены", тон критики перешел в противоположную крайность, и внимание было полностью приковано к дефектам в расположении "Илиады" и "Одиссеи". Все, что можно было найти в них симметрии или всеохватывающей системы, было объявлено явно постгомеровским. В соответствии с такими предвзятыми ожиданиями Гомер, по-видимому, в целом изучался в Германии в течение поколения, следующего за Вольфом, негативная часть теории которого обычно признавалась, хотя в отношении позитивной замены - того, какое объяснение должно было быть дано истории и нынешней структуре гомеровских поэм, - такого согласия отнюдь не было. В последние десять лет, однако, проявилась противоположная тенденция; вольфианская теория была переосмыслена и поколеблена Ницше, который, как и О. Мюллер, Велькер и другие ученые, возродил идею первоначального гомеровского единства с некоторыми изменениями. Изменение мнения Гёте, совпавшее с этим новым направлением, зафиксировано в одной из его последних работ.<sup>[272]</sup> С другой стороны, первоначальное мнение Вольфа также было воспроизведено в течение последних пяти лет и подкреплено несколькими новыми наблюдениями над текстом "Илиады" Лахмана.

Таким образом, этот вопрос до сих пор вызывает споры среди компетентных ученых, и, вероятно, ему суждено остаться таковым. Ибо, по правде говоря, наши средства познания настолько ограничены, что ни один человек не может привести достаточно убедительных аргументов, чтобы оспорить противоположные предубеждения; и это вызывает болезненное чувство неуверенности, когда мы читаем выражения равной и абсолютной убежденности, с которыми оба противоположных заключения были выдвинуты.<sup>[273]</sup> У нас нет ничего, что могло бы научить нас истории этих поэм, кроме самих поэм. Мы не только не располагаем никакой сопутствующей информацией о них или их авторах, но нам некому описать народ или эпоху, в которой они возникли; наши знания о современном гомеровском обществе собраны исключительно из самих гомеровских сочинений. Мы не знаем, предшествовали ли им какие-либо другие поэмы, или какие другие поэмы разделили с ними расположение публики; мы также не имеем ничего лучшего, чем предположения, чтобы определить обстоятельства, при которых они предстали перед слушателями, или условия, которым должен был удовлетворять бард того времени. Во всех этих вопросах, кроме того, эпоха Фукидида<sup>[274]</sup> и Платона, похоже, была осведомлена не лучше, чем мы, за исключением той степени, в которой они могли воспользоваться аналогиями циклических и других эпических поэм, которые, несомненно, во многих случаях оказали бы ценную помощь.

Тем не менее, ни один ученый-классик не может быть спокоен, не имея *определенного* мнения относительно авторства этих бессмертных поэм. И чем более скудными доказательствами мы располагаем, тем более важно, чтобы все эти доказательства были собраны в самом четком порядке, а их отношение к спорным моментам было ясно понято заранее. Оба эти условия, похоже, часто игнорировались в ходе длительной гомеровской дискуссии.

Проиллюстрируем первый пункт: Поскольку в проблему, которую необходимо решить, включены две поэмы, естественным процессом было бы сначала изучить более простую из них, а затем применить полученные выводы как средство объяснения другой. Так, "Одиссея", если рассматривать ее совокупный характер, несравненно более проста для понимания, чем "Илиада". И все же большинство гомеровских критиков сразу и в первую очередь применяют микроскоп к "Илиаде".

Для иллюстрации второго пункта: Каких доказательств достаточно, чтобы опровергнуть предположение о том, что "Илиада" или "Одиссея" - это изначально и намеренно единая поэма? Не просто отдельные пробелы и противоречия, пусть даже грубые и многочисленные; но преобладание этих доказательств простого неподготовленного слияния над другими доказательствами продуманного приспособления, разбросанными по всей поэме. Ведь поэт (или поэты-соавторы, если их несколько), возможно, намеревался составить гармоничное целое, но реализовал свое намерение неполностью, оставив частичные недочеты; или, возможно, противоречивые строки могли проникнуть в поэму через испорченный текст. Для решения этого вопроса необходимо исследовать всю поэму; и эта необходимость тоже не всегда учитывалась.

Если бы случилось так, что до нас дошла только "Одиссея", без "Илиады", думаю, спор о гомеровском единстве никогда бы не возник. Ибо первая, по моему мнению, почти от начала до конца пронизана следами продуманной адаптации; а особые недостатки, которые Вольф, В. Мюллер и Б. Тирш[275] выделили для опровержения такого единства намерений, так немногочисленны и так малозначительны, что их можно было бы считать простыми случаями поспешности или неумелости поэта, если бы они не были подкреплены гораздо более мощной батареей, открытой против "Илиады". Эти критики, изложив свои общие предположения против древности длинной эпопеи, иллюстрируют свои принципы, раскрывая многочисленные недостатки и трещины в "Илиаде", а затем считают достаточным, если они могут показать несколько подобных недостатков в "Одиссее", - как будто разрушение гомеровского единства в первой естественно влечет за собой аналогичную необходимость в отношении второй; и их метод работы, вопреки вышеизложенному правилу, ставит более сложную проблему на передний план, как средство решения для более легкой. Однако мы не можем удивляться тому, что они применили свои наблюдения в первую очередь к "Илиаде", поскольку в глазах каждого человека она является более яркой, поразительной и впечатляющей поэмой из двух, и характер Гомера более тесно связан с ней, чем с "Одиссеей". Это может служить объяснением выбранного курса; но как бы то ни было в отношении сравнительных поэтических достоинств, не менее верно и то, что, как совокупность, "Одиссея" более проста и понятна, и, следовательно, должна быть первой в порядке анализа.

Теперь, если взглянуть на "Одиссею" саму по себе, доказательства единства замысла кажутся однозначными и повсеместными. Продуманная структура и концентрация интереса на одном главном герое при четко определенных обстоятельствах прослеживаются с первой по двадцать третью книгу. Одиссей всегда прямо или косвенно предстает перед читателем как воин, возвращающийся из Трои в полной славе, подвергающийся во время возвращения домой многообразным и длительным бедствиям, на которые так падка вся его душа, что он отказывается даже от бессмертия, предложенного Калипсо; - Более того, даже после возвращения он становится жертвой смешанных обид и оскорблений со стороны женихов, которые долго грабили его имущество и бесчестили его дом; но в конце концов, благодаря соединению доблести и хитрости, ему удастся отомстить и вернуть все, что он потерял. Все лица и все события в поэме связаны с этим основным сюжетом, а божественное влияние, необходимое для удовлетворения чувств гомеровского человека, оказывают Посейдон и Атен, в обоих случаях из предрасположенности, непосредственно касающейся Одиссея. Чтобы оценить единство "Одиссеи", достаточно ознакомиться с возражениями против этого "Илиады", особенно в связи с долгим уходом Ахилла не только со сцены, но и из памяти, а также с самостоятельным выделением Аякса, Диомеда и других героев. Насколько мы вправе на основании этого делать вывод о недостатке преднамеренного единства в "Илиаде", мы рассмотрим далее; но несомненно, что структура "Одиссеи" в этом отношении повсеместно демонстрирует наличие такого единства. Каким бы ни

был интерес к Пенелопе, Телемаху или Эвмею, мы никогда не отрываем их от связи с Одиссеем. Сейчас не место для сбора многочисленных признаков художественной структуры, рассеянных по всей поэме; Но, возможно, стоит отметить, что финальная катастрофа, реализованная в двадцать второй книге, - убийство женихов в том самом доме, который они оскверняли, - четко и ясно обозначена в первой и второй книгах, обещана Тейресиасом в одиннадцатой, Афонькой в тринадцатой и Еленой в пятнадцатой, и постепенно созревает благодаря ряду подходящих прелюдий, на протяжении восьми книг, предшествующих ее появлению.<sup>[276]</sup> Действительно, что в основном очевидно и что часто отмечалось в "Одиссее", так это равномерное течение как повествования, так и событий; отсутствие того подъема и спада интереса, который достаточно заметен в "Илиаде".

В противовес этим свидетельствам единства должны быть, по крайней мере, приведены убедительные примеры случайных несоответствий или противоречий. Но примечательно, как мало таких контрдоказательств можно найти, хотя аргументы Вольфа, В. Мюллера и Б. Тирша так в них нуждаются. Они обнаружили только один случай неоспоримого несоответствия частей - количество дней, занятых отсутствием Телемаха в Пиле и Спарте. Этот молодой принц, хотя и представлен как спешащий уехать и отказывающийся от настоятельных приглашений продлить свое пребывание, должен, тем не менее, считаться тридцатидневным гостем Менелая, чтобы привести его действия в хронологическую гармонию с действиями Одиссея и объяснить первую встречу отца и сына в свином стаде Эвмея. Это, несомненно, неточность (так к ней относится Ницш, и я думаю, справедливо) со стороны поэта, который не предвидел и не испытывал в древности столь строгой проверки; неточность, конечно, совсем не замечательная; удивительно то, что она стоит почти одна, и что других в поэме нет.

Это один из основных пунктов, на котором В. Мюллер и Б. Тирш основывают свою теорию, объясняя хронологическую путаницу предположением, что путешествие Телемаха в Пилус и Спарту было предметом эпоса, изначально отдельного (включающего первые четыре книги и часть пятнадцатой), и включенного в остальную поэму вторично. И они считают, что это мнение еще больше подтверждается двойным собранием богов (в начале первой книги, а также пятой), которое они рассматривают как неловкое повторение, такое, которое не могло быть частью первичной схемы любого эпического поэта. Но здесь они лишь избегают небольшой трудности, наталкиваясь на другую, более серьезную. Ибо невозможно понять, как первые четыре книги и часть пятнадцатой могли когда-либо составлять отдельный эпос; поскольку приключения Телемаха не имеют удовлетворительного завершения, кроме как в точке слияния с приключениями его отца, когда неожиданная встреча и признание происходят под крышей Эвмея, - и ни одна эпическая поэма никогда не могла описать эту встречу и признание, не дав некоторого отчета о том, как Одиссей пришел туда. Более того, первые две книги "Одиссеи" отчетливо закладывают основу и несут в себе ожидание финальной катастрофы поэмы, рассматривая Телемаха как подчиненную личность, а его экспедицию - как лишь временное мероприятие, направленное на достижение конечного результата. Я также не могу согласиться с В. Мюллером, что настоящая "Одиссея" вполне может начинаться с пятой книги. Напротив, экспозиция женихов и Итакийской агоры, представленная нам во второй книге, абсолютно необходима для полного понимания книг, следующих за тринадцатой. Ухажеры - слишком важные персонажи поэмы, чтобы допустить, что они впервые представлены в столь неформальной манере, как мы читаем в шестнадцатой книге: действительно, мимолетные упоминания Афоньки (xiii. 310, 375) и Эвмея (xiv. 41, 81) об ухажерах предполагают, что слушатель знает о них.

Наконец, двойное обсуждение богов в начале первой и пятой книг и двойное вмешательство Athênê, отнюдь не являющееся ненужным повторением, может быть показано как вполне

соответствующее как подлинным эпическим условиям, так и единству поэмы.<sup>[278]</sup> Ибо, хотя окончательное завершение и организация мер против женихов должны были быть осуществлены Одиссеем и Телемахом совместно, поход и приключения обоих до момента их встречи в жилище Эвмея были принципиально различными. Но, согласно религиозным представлениям старого эпоса, для безопасности и успеха обоих было необходимо руководство Athênê. Первое ее вмешательство пробуждает и вдохновляет сына, второе - приводит к освобождению отца, образуя точку соединения и общего зарождения двух линий приключений, в обеих из которых она проявляет искренний интерес, но которые обязательно на какое-то время отдаляются друг от друга, чтобы совпасть в нужный момент.

Таким образом, окажется, что дважды повторенная агора богов в "Одиссее", доносящая до одного и того же божественного агента то двойное начало, которое необходимо для схемы поэмы, лучше согласуется с предположением о преднамеренном единстве, чем с предположением об отдельных самосуществующих частях. И, несомненно, то, как Телемах и Одиссей, идущие разными дорогами, встречаются и соединяются в жилище Эвмея, не просто придумано, но очень искусно придумано. Нет нужды упоминать об интереснейшем характере Эвмея, который служит, хотя и по-разному, точкой опоры и для отца, и для сына, помимо той симпатии, которую он сам вызывает.

Если "Одиссея" не является оригинальным единством, то из каких самосуществующих частей мы можем ее представить? На этот вопрос трудно дать удовлетворительный ответ: ведь предположение, что Телемах и его приключения могли когда-то составлять предмет отдельного эпоса, помимо Одиссея, представляется несовместимым со всем характером этого юноши, как он представлен в поэме, и с событиями, в которых он принимает участие. Мы могли бы лучше представить себе распределение приключений самого Одиссея на две части, одна из которых содержит его странствия и возвращение, а другая - его жестокое обращение с женихами и его окончательный триумф. Но хотя любой из этих двух сюжетов мог бы послужить основой для отдельной поэмы, тем не менее, несомненно, что в том виде, в каком они представлены в "Одиссее", первый не может быть отделен от второго. Простое возвращение Одиссея, как оно представлено в поэме, не может никого удовлетворить в качестве окончательного завершения, пока ухажеры остаются в его доме и запрещают ему воссоединиться с женой. Любая поэма, которая рассматривала бы его странствия и возвращение отдельно, должна была бы представить его воссоединение с Пенелопой и возвращение в свой дом как естественное продолжение после его прибытия в Итаку, - таким образом, почти не обращая внимания на женихов. Но это было бы грубым искажением фактического эпического повествования, в котором женихи на родине рассматриваются как неотъемлемая часть судьбы многострадального героя, не меньшая, чем кораблекрушения и испытания на море. Его возвращение (отдельно взятое) предreshено, согласно проклятию Полифема, исполненному Посейдоном, быть долго отложенным, несчастным, одиноким и закончиться гибелью в его доме, чтобы приветствовать его;<sup>[279]</sup> и, таким образом, в самом рассказе о его странствиях заложена основа для новой серии событий, которые должны произойти с ним после прибытия в Итаку. Между отплытием Одиссея из Трои и его окончательным возвращением в дом и к жене нет никакой возможной остановки. Расстояние между этими двумя событиями, конечно, может увеличиваться, накапливая новые беды и препятствия, но любая отдельная его часть не может рассматриваться иначе, чем часть целого. Начало и конец являются здесь данными в отношении эпического генезиса, хотя промежуточные события могут быть задуманы как переменные, более или менее многочисленные: так что концепция целого, можно сказать, без неуместности и предшествует, и управляет концепцией составных частей.



Общий результат изучения "Одиссеи" можно сформулировать следующим образом: 1. Поэма в ее нынешнем виде однозначно демонстрирует адаптацию частей и непрерывность структуры, созданные одной или несколькими соглашательскими руками: возможно, это вторичное образование из существовавшей ранее Одиссеи меньших размеров; но если это так, то части меньшего целого должны были быть настолько переделаны, чтобы сделать их подходящими членами большего, и теперь они не узнаваемы нами. 2. Сюжет поэмы не только не способствует, но и исключает возможность гипотезы Вольфа. События в ней не могут быть расположены таким образом, чтобы составить несколько предшествующих содержательных эпосов, впоследствии объединенных в настоящую совокупность. Его авторы не могли быть простыми компиляторами уже существовавших материалов, такими как Пейсистрат и его друзья: они должны были быть поэтами, способными переработать найденную ими материю в новый и расширенный собственный замысел. Эпоха, в которую была создана эта длинная поэма, состоящая из многих тысяч строк, не может быть отделена от древней, плодотворной, вдохновенной эпохи греческого эпоса.

Придя к таким выводам на основании внутренних свидетельств "Одиссеи", [280] мы можем применить их по аналогии с "Илиадой". Мы узнаем кое-что о характере и способностях той ранней эпохи, которая не оставила никаких других воспоминаний, кроме этих двух поэм. Длинные непрерывные эпосы (замечают те, кто поддерживает взгляды Вольфа) с художественной структурой несовместимы с возможностями грубого и бесписьменного века. Такие эпосы (ответим мы) *не противоречат* раннему возрасту греков, и Одиссея является тому подтверждением; ведь в этой поэме объединение целого и составление частей должно было происходить одновременно. Аналогия с "Одиссеей" позволяет нам опровергнуть то предубеждение, с которым многие изобретательные критики садятся за изучение "Илиады" и которое побуждает их объяснять все несоответствия последней дроблением на мелкие части, как будто короткие эпосы - единственное проявление поэтической силы, которое допускала эпоха. Не следует неохотно признавать наличие руководящей схемы и преднамеренного единства частей, если сами части указывают на такой вывод.

С тем, что "Илиада" не является таким же цельным произведением, как "Одиссея", согласны все. В ней гораздо больше событий и, что еще важнее, больше выдающихся личностей: само неопределенное название, которое она носит, в отличие от особого названия "*Одиссея*", сразу же указывает на разницу. Части более заметно выделяются из целого, и их легче почувствовать и оценить при отстраненном чтении. Можно также добавить, что она выполнена более неравномерно, чем "Одиссея", - часто поднимается на гораздо более высокий уровень величия, но иногда бывает и более тихой: история не движется непрерывно; происшествия случаются без правдоподобных мотивов, и мы не можем закрыть глаза на свидетельства бессвязности и противоречий.

В определенной степени "Илиада" открыта для всех этих замечаний, хотя Вольф и Вильгельм Мюллер, и прежде всего Лахманн, преувеличивают дело в степени. Отсюда была выведена гипотеза, которая рассматривает части в их первоначальном состоянии как отдельные целые, независимые и не связанные друг с другом, и вынужденные к единству только в результате послемыслия последующей эпохи; или иногда даже не как сами целые, а как совокупности, сгруппированные из фрагментов еще меньшего размера, - короткие эпосы, образовавшиеся в результате слияния еще более коротких песен. В этих рассуждениях есть определенное правдоподобие, если рассматривать расхождения в целом. Но на самом деле это не все: ведь не менее верно и то, что в "Илиаде" есть значительные части, которые представляют собой положительные и неоспоримые свидетельства связности предшествующего и последующего, хотя



время от времени мы бываем озадачены несоответствиями в деталях. Разбираться с ними - одна из обязанностей критика. Но он не должен относиться к "Илиаде" так, как если бы несогласованность преобладала во всех ее частях; ведь согласованность частей - симметричное предшествование и следствие - прослеживается на протяжении большей половины поэмы.

Теперь вольфианская теория объясняет пробелы и противоречия во всем повествовании, но не объясняет ничего другого. Если (как считает Лахманн) Илиада первоначально состояла из шестнадцати песен, или небольших содержательных эпосов (шестнадцать песен Лахманна охватывают пространство только до 22-й книги, или смерти Гектора, и еще две песни должны быть допущены для 23-й и 24-й книг), - не только сочиненных разными авторами, но каждым из [них](#) без всякой связи с остальными, - мы тогда не вправе ожидать какой-либо внутренней преемственности между ними; И вся та преемственность, которую мы сейчас находим, должна быть постороннего происхождения. Где же нам искать это происхождение? Лахманн вслед за Вольфом приписывает весь конструктивный процесс Пейсистрату и его соратникам в период, когда творческий эпический талант, по общему признанию, угас. Но при таком предположении Пейсистрат (или его помощники) должен был сделать гораздо больше, чем просто опускать, переносить и интерполировать то тут, то там; он должен был пойти далеко, чтобы переписать всю поэму. Великий поэт мог бы переделать существовавшие ранее отдельные песни в единое целое, но ни один простой аранжировщик или компилятор не был бы компетентен сделать это: и мы остаемся без каких-либо средств учета той степени непрерывности и последовательности, которая проходит через столь большую часть "Илиады", хотя и не через всю ее целиком. Мысль о том, что поэма, как мы ее читаем, выросла из атомов, изначально не предназначенных для тех мест, которые они сейчас занимают, вовлекает нас в новые и неразрешимые трудности, когда мы пытаемся прояснить либо способ объединения, либо степень существующего единства"[\[282\]](#).

Признавая, что преднамеренная адаптация частей в определенной степени существенна для "Илиады", мы все же можем спросить, была ли она создана вся сразу или постепенно расширялась, - одним ли автором или несколькими; и, если части имеют разный возраст, что является первобытным ядром, а что - дополнениями.

Велькер, Ланге и Ницш[\[283\]](#) рассматривают гомеровские поэмы как второй шаг вперед в развитии народной поэзии. Сначала наступает эпоха коротких повествовательных песен; затем, когда их становится много, появляются конструктивные умы, которые переделывают и соединяют многие из них в более крупную совокупность, задуманную по какой-то собственной схеме. Век эпоса сменяется веком эпопеи - коротких, спонтанных излияний, подготавливающих путь и материалы для архитектурного гения поэта. Далее вышеупомянутые авторы предполагают, что догомеровский эпос включал в себя огромное количество таких небольших песен - факт, не требующий доказательств, но подтверждаемый некоторыми отрывками из Гомера и сам по себе не являющийся чем-то невероятным. Но переход от таких песен, если предположить, что они были столь многочисленны, к объединенной и непрерывной поэме, составляет эпоху в интеллектуальной истории народа, подразумевая умственные качества более высокого порядка, чем те, от которых зависят сами песни. Не следует также думать, что материалы переходят неизменными из первого состояния изоляции во второе состояние комбинации. Они должны быть обязательно переделаны и пройти процесс адаптации, в котором заключается гений поэта-организатора; и мы не можем надеяться, что, просто зная их в том виде, в каком они существуют на второй стадии, мы сможем понять, какими они были на первой. Такова, по моему мнению, правильная концепция гомеровской эпохи, - организующий поэтический ум, сохраняющий ту свежесть наблюдений и живость деталей, которая составляет очарование баллады.

Ничто не выигрывает от изучения "Илиады" как сплетения фрагментов, некогда независимых друг от друга: ни одна часть поэмы не может быть показана как таковая, и такое предположение

создает трудности большие, чем те, которые оно устраняет. Но нет необходимости утверждать, что вся поэма в том виде, в каком мы читаем ее сейчас, соответствовала первоначальному и заранее продуманному плану.<sup>[284]</sup> В этом отношении "Илиада" производит на мой взгляд совершенно иное впечатление, чем "Одиссея". В последней поэме персонажей и происшествий меньше, и весь сюжет представляется единым, от начала и до смерти женихов: ни одна из частей не выглядит так, как будто они были сочинены отдельно и вставлены в виде дополнения в уже существовавшую меньшую поэму. Напротив, "Илиада" производит впечатление дома, построенного на сравнительно узком плане и впоследствии расширенного за счет последовательных пристроек. Первая книга, вместе с восьмой, и книги с одиннадцатой по двадцать вторую включительно, кажется, образуют первичную организацию поэмы, которая в то время была собственно Ахиллесом: двадцать третья и двадцать четвертая книги являются, возможно, дополнениями в хвосте этой примитивной поэмы, которые все еще оставляют ее не более чем расширенным Ахиллесом. Но книги со второй по седьмую включительно, вместе с десятой, имеют более широкий и всеобъемлющий характер, и превращают поэму из Ахиллеса в Илиаду.<sup>[285]</sup> Первобытный фронтиспис, на котором начертан гнев Ахилла и его прямые последствия, все еще остается, после того как он перестал быть созвучным поэме. Добавленные части, однако, не обязательно уступают по достоинству оригинальной поэме: так далеко это не так, что среди них встречаются одни из самых благородных произведений греческого эпоса. Они также не являются более поздними по дате, чем оригинал; строго говоря, они должны быть немного более поздними, но они принадлежат к тому же поколению и состоянию общества, что и первобытные ахиллесиды. Эти оговорки необходимы для того, чтобы развести разные вопросы, которые при обсуждении гомеровской критики слишком часто смешиваются.

Если мы возьмем те части поэмы, которые, по моему мнению, составляли первоначальную Ахиллею, то обнаружим, что последовательность событий в них более быстрая, более непрерывная и более тесно связанная в причинно-следственных связях, чем в других книгах. Хейн и Лахманн, а также другие критики, возражающие против этого, жалуются на то, что действие в них слишком скомкано и торопливо, поскольку один день длится от начала одиннадцатой книги до середины восемнадцатой, без какой-либо ощутимой остановки в движении на протяжении столь значительной части пути. Лахманн также признает, что те отдельные песни, на которые, по его мнению, может быть расчленена вся Илиада, не могут быть разделены с той же резкостью в книгах, следующих за одиннадцатой, как и в предшествующих ей.<sup>[286]</sup> Есть только одна реальная точка остановки от одиннадцатой книги до двадцать второй, смерть Патрокла; и это никогда не может быть воспринято как конец отдельной поэмы, <sup>[287]</sup> хотя это большой шаг в развитии Ахиллеса, и приводит к той полной революции в нравах Ахилла, которая была необходима для цели поэта. Было бы ошибкой полагать, что когда-либо могла существовать отдельная поэма под названием "Патроклея", хотя часть "Илиады" была обозначена этим именем. Ведь Патрокл не занимает никакой существенной позиции: он - закадычный друг и секундант Ахилла, но не более того, - находясь с ним в отношениях зависимости, напоминающих отношения Телемаха и Одиссея. И то, как Патрокл поступает с Илиадой, является (по моему мнению) самым ловким и артистичным приемом в поэме, который ближе всего подходит к аккуратной ткани Одиссеи<sup>[288]</sup>.

Великое и главное несчастье, которое подрывает силы греков и делает их неспособными защищаться без Ахилла, - это выведение из строя ранами Агамемнона, Диомеда и Одиссея, так что оборона стены и кораблей остается только за героями второй величины (за исключением Аякса), такими как Идомей, Леонтей, Полип, Мерионес, Менелай и т. д. Примечательно, что все эти три первоклассных вождя находятся в полной силе в начале одиннадцатой книги: все трое ранены в битве, которую описывает эта книга, и в начале которой Агамемнон полон духа и мужества.

Ничто не может быть более поразительным, чем то, как Гомер концентрирует наше внимание в первой книге на Ахилле как герое, его ссоре с Агамемноном и бедствиях для греков, которые, как утверждается, должны произойти в результате этого, благодаря заступничеству Фетиды перед Зевсом. Но события, о которых рассказывается с начала второй книги и до битвы Гектора и Аякса в седьмой, как бы оживленны и интересны они ни были, ничего не дают для реализации этого обещания. Они представляют собой великолепную картину Троянской войны в целом и очень подходят для того большого названия, под которым поэма была увековечена, - но последствия гнева Ахилла проявляются только в восьмой книге. Десятая книга, или Долония, также является частью "Илиады", но не "Ахиллеса", а девятая книга представляется мне последующим дополнением, несколько не гармонирующим с тем основным потоком "Ахиллеса", который течет от одиннадцатой книги до двадцать второй. Восьмую книгу следует читать в непосредственной связи с одиннадцатой, чтобы увидеть структуру того, что кажется первобытной Ахиллеидой; Ибо в одиннадцатой и последующих книгах есть несколько отрывков, которые доказывают, что поэт, сочинивший их, не мог иметь в виду главное событие девятой книги - излияние глубокого унижения греков, и особенно Агамемнона, перед Ахиллом, соединенное с официальным предложением восстановить Брисеис и выплатить самую большую компенсацию за прошлые обиды. [289] Слова Ахилла (не в меньшей степени, чем слова Патрокла и Нестора) в одиннадцатой и последующих книгах явно подразумевают, что унижение греков перед ним, которого он жаждет, пока еще является будущим и условным; что ни пленарное извинение еще не принесено, ни предложение о восстановлении Брисеиса; В то время как Нестор и Патрокл, при всем своем желании склонить его к оружию, не обращают внимания на предлагаемое искупление и возмещение, а рассматривают его как человека, чья причина ссоры остается той же, что и в начале. Более того, если мы посмотрим на первую книгу - начало "Ахиллеса", - то увидим, что это преклонение Агамемнона и главных греческих героев перед Ахиллом действительно является завершением всей поэмы; ведь Ахилл больше ничего не просит у Фетиды, а Фетида - у Зевса, кроме того, чтобы Агамемнон и греки осознали, какую обиду они причинили своему главному воину, и смирились в пыли в знак оправдания. Мы можем добавить, что ужас, в котором Агамемнон предстает в девятой книге, когда он посылает мольбу Ахиллу, как не объясняется адекватно степени бедствия, которое пережили греки в предыдущей (восьмой) книге, так и не согласуется с галантностью и высоким духом, которыми он сияет в начале одиннадцатой. [Положение греков становится отчаянным только тогда, когда три великих вождя, Агамемнон, Одиссей и Диомедес, становятся инвалидами от ран; [291] это непоправимое бедствие, которое обрушивается на Патрокла, а через него и на Ахилла. Девятая книга в ее нынешнем виде представляется мне дополнением, сделанным другой рукой, к оригинальной "Ахиллесовой", составленным так, чтобы и предотвратить, и испортить девятнадцатую книгу, которая является настоящим примирением двух враждующих героев: я осмелюсь добавить, что она выводит гордость и эгоизм Ахилла за рамки даже самых больших требований оскорбленной чести и шокирует то чувство Немезиды, которое так глубоко укоренилось в греческом уме. Мы прощаем излишнюю ярость против троянцев и Гектора после смерти Патрокла; но то, что его не трогают ни реституция, ни униженные мольбы, ни самые богатые искупительные подарки, предложенные греками, указывает на такую непримиримость, какую не передают ни первая книга, ни книги между одиннадцатой и семнадцатой.

Именно с греческой агоры, в начале второй книги, начинается "Илиада" (в отличие от "Ахиллеса"), продолжающаяся Каталогом, сбором двух армий, одиночным боем Менелая и Париса, возобновлением беспорядочной битвы, вызванной стрелой Пандара, (Επιρὴλῆσις, или) личный обход Агамемнона вокруг армии, Αριστεία, или блестящие подвиги Диомеда, посещение Гектором Трои с целью жертвоприношения, его беседа с Андромахой и бой с Аяксом - вплоть до седьмой книги. Все это прекрасная поэзия, представляющая нам Троянскую войну в целом и ее выдающихся личностей с разных точек зрения, но не оставляющая в сознании читателя места для

мысли об Ахиллесе. Итак, трудность для поэта-расширителя заключалась в том, чтобы перейти от "Ахиллеса" в первой книге к "Илиаде" во второй, и, соответственно, обнаруживается, что здесь есть неловкость в структуре поэмы, которую советы от имени поэта (древние или современные) не могут удовлетворительно объяснить.

В первой книге Зевс обещает Фетиде, что накажет греков за зло, причиненное Ахиллу: в начале второй книги он обдумывает, как выполнить обещание, и посылает для этого "озорного Онейра" (бога снов), чтобы тот посетил Агамемнона во сне, уверил его, что боги теперь единодушно согласились отдать Трои в его руки, и увещевал его немедленно собрать войско для нападения. Древние комментаторы были озадачены тем обстоятельством, что Зевс вкладывает ложь в уста Онейра. Но, похоже, объяснить это не сложнее, чем в повествовании книги 1 Царств (гл. xxii. 20), где говорится, что Иегова вложил лживый дух в уста пророков Ахава, - настоящая неловкость заключается в том, что Онейр и его лживость не произвели никакого эффекта. Ибо, во-первых, Агамемнон делает шаг, совершенно отличный от того, который рекомендовал ему сон, - и, во-вторых, когда греческая армия наконец вооружается и выходит на битву, она не терпит поражения (что было бы, если бы увещевания Онейра действительно оказались ложными), а ведет успешную дневную битву, в основном благодаря героизму Диомедеса. Вместо того чтобы сразу же вооружить греков, Агамемнон созывает сначала совет вождей, а затем агору войска. И хотя сам он находился в состоянии душевного подъема, вызванного обманчивыми заверениями Онейра, он намеренно принимает язык отчаяния, обращаясь к войскам, предварительно подготовив к этому Нестора и Одиссея, - только для того, чтобы испытать мужество людей, и с официальными инструкциями, данными этим двум другим вождям, что они должны выступить против него. Это вмешательство Зевса и Онейра, крайне неудовлетворительное в сочетании с последующими инцидентами и заставляющее Зевса казаться, но только казаться, выполнить свое обещание оказать честь Ахиллу, а также навредить грекам, - как раз и является точкой пересечения "Ахиллеса" и "Илиады"[292].

Причуда, которую Агамемнон разыгрывает над нравом своего войска, хотя сама по себе детская, служит достаточной цели, не только потому, что представляет особый интерес для греков, но и потому, что вызывает великолепное описание, столь изобилующее живыми деталями, внезапного распада собрания после проповеди Агамемнона и решительного вмешательства Одиссея, чтобы вернуть людей, а также усмирить Терситека. Эта картина греков на агоре, выводящих двух главных говорящих и советующих героев, была настолько важной частью общей Троянской войны, что поэт позволил себе ввести ее, предположив необъяснимую глупость Агамемнона; Точно так же, как он ввел другую прекрасную сцену в третьей книге, - тейхоскопию, или разговор, между Приамом и Еленой на стенах Трои, - допустив предположение, что старый царь на десятом году войны не знал личностей Агамемнона и других греческих вождей. Это может служить объяснением заблуждения Агамемнона по отношению к собравшемуся воинству, но никак не объясняет примитивное и пустое вмешательство Онейра[293].

Если начальный эпизод второй книги, когда мы переходим из Ахиллеса в Илиаду, неуклюж, то и заключительный эпизод седьмой книги, непосредственно перед возвращением в Ахиллес, не менее неудовлетворителен, - я имею в виду строительство стены и рва вокруг греческого лагеря. В том виде, в каком поэма существует сейчас, нет ни одной правдоподобной причины, по которой это должно быть сделано. Нестор предлагает это без всякой вынужденной необходимости: ведь греки находятся на победном пути, а троянцы делают компромиссные предложения, подразумевающие сознательную слабость, - при этом Диомедес настолько уверен в скором разорении Трои, что отговаривает своих товарищей от получения даже самой Елены, если та сдастся. "Много греков было убито", - это правда,[294] как замечает Нестор; но столько же или

больше троянцев было убито, и все греческие герои еще в полном составе: об отсутствии Ахилла даже не упоминается.

Теперь этот рассказ о строительстве укреплений кажется послесловием, возникшим в результате расширения поэмы за пределы ее первоначального плана. Первоначальный Ахиллес, переходя сразу от первой к восьмой, [295] а затем к одиннадцатой книге, вполне мог предположить наличие укрепления - и говорить о нем как о вещи существующей, не приводя никаких особых причин, по которым оно было возведено. Слушатель, естественно, поймет существование рва и стены вокруг кораблей, как само собой разумеющееся, если в предыдущем повествовании не будет ничего, что заставило бы его поверить, что греки изначально были без этих укреплений. А поскольку "Ахиллес" сразу после обещания Зевса Фетиде, в конце первой книги, перешел к описанию исполнения этого обещания и последующих бедствий греков, то не было ничего удивительного в том, что их лагерь был укреплен. Но ситуация изменилась, когда первая и восьмая книги были разделены, чтобы освободить место для описания временного успеха и славы осаждающей армии. Блестящие сцены, нарисованные в книгах со второй по седьмую, не упоминают никаких укреплений и даже подразумевают их несуществование; однако, поскольку упоминание о них происходит среди первого описания греческих бедствий в восьмой книге, слушатель, в памяти которого хранятся предыдущие книги, мог бы удивиться, обнаружив упоминание укрепления сразу после них, если бы не было специально объявлено, что строительство его уже завершилось. Но сразу же становится ясно, что было трудно найти вескую причину, по которой греки начали бы строить укрепления именно в этот момент, и что поэт, обнаруживший этот пробел, не смог бы с успехом его заполнить. Поскольку греки до сих пор обходились без стены, и мы не слышали ничего, кроме рассказов об их успехах, почему теперь они должны считать необходимыми более трудоемкие меры безопасности? Мы не будем спрашивать, почему троянцы должны спокойно стоять в стороне и позволять строить стену, ведь перемирие было заключено специально для того, чтобы хоронить мертвых"[296].

Десятая книга, или Долоней, рассматривалась некоторыми древними схоластами [297] и уверенно излагается современными вольфианскими критиками как первоначально отдельная поэма, вставленная Пейсistrатом в "Илиаду". Как она вообще могла быть отдельной поэмой, я не понимаю. Она написана с большим вкусом к предшествующим обстоятельствам, при которых она возникла, и не могла бы занять никакого другого места; хотя ее можно было бы читать отдельно, поскольку она имеет определенное начало и конец, как история Нисуса и Эвриала в "Энеиде". Но, хотя она явно предполагает и опирается на события восьмой книги и 88-й строки девятой (вероятно, назначение дозорных как греками, так и троянцами, стало завершением битвы, описанной в восьмой книге), она не имеет ни малейшего отношения к событиям одиннадцатой или последующих книг: она составляет общую картину Троянской войны, но лежит совершенно отдельно от Ахиллеса. И это один из признаков вставленной впоследствии части, которая, хотя и примыкает к предшествующим частям, не оказывает никакого влияния на последующие.

Если в действиях сражающихся на равнине Трои между первой и восьмой книгами нет никаких упоминаний ни об Ахиллесе, ни об Ахиллекисе, то в начале четвертой книги Зевс на Олимпе еще более полностью исключает этого героя из рассмотрения. В этом последнем отрывке он - Зевс "Илиады", а не "Ахиллеса". Забыв о своем обещании, данном Фетиде в первой книге, он не обсуждает ничего, кроме вопроса о продолжении или прекращении войны, и проявляет беспокойство только о спасении Трои, противостоя мизо-троянским богиням, которые мешают ему осуществить победу Менелая над Парисом и вернуть Елену, - в этом случае, конечно, несправедливость, причиненная Ахиллу, осталась бы нерастраченной. Внимательное сравнение покажет, что поэт, сочинивший дискуссию между богами в начале четвертой книги, не



позаботился о том, чтобы привести себя в гармонию ни с Зевсом из первой книги, ни с Зевсом из восьмой.

Как только мы переходим к одиннадцатой книге, ход поэмы становится совершенно иным. Мы оказываемся в череде событий, каждое из которых прокладывает путь к следующему, и все они приводят к результату, обещанному в первой книге, - повторному появлению Ахилла, как единственного средства спасения греков от гибели, - предшествующему обильному искуплению,<sup>[298]</sup> а затем максимуму славы и мести. Промежуточная карьера Патрокла вносит новые элементы, которые, однако, замечательно вплетены в схему поэмы, раскрытую в первой книге. Не стану отрицать, что в деталях событий, описанных в битвах у Греческой стены и перед кораблями, начиная с одиннадцатой и заканчивая шестнадцатой книгами, есть недоразумения, но они выглядят лишь случаями частичной путаницы, которую можно обоснованно приписать несовершенству текста: основная последовательность остается связной и понятной. Мы не находим ни значительных событий, которые можно было бы пропустить, не прерывая нити, ни несоответствия между одним значительным событием и другим. Между одиннадцатой и двадцать второй книгами нет ничего, что могло бы сравниться с несоответствием между Зевсом из четвертой книги и Зевсом из первой и восьмой. Возможно, правда, что щит Ахилла - это дополнительное усиление того, что первоначально было объявлено в общих чертах, - потому что поэт с одиннадцатой по двадцать вторую книгу так хорошо экономит свои материалы, что вряд ли стал бы вводить одно конкретное описание такой непропорциональной длины и так мало связанное с чередой событий. Но я не вижу причин полагать, что это дополнение существенно позже, чем остальная часть поэмы.

Следует признать, что выдвинутое здесь предположение относительно структуры "Илиады" не совсем свободно от трудностей, поскольку части, составляющие оригинал "Ахиллеса"<sup>[299]</sup>, были более или менее изменены или интерполированы, чтобы соответствовать дополнениям, сделанным к нему, особенно в восьмой книге. Но она представляет меньше трудностей, чем любое другое предположение, и это единственное средство, насколько я знаю, объяснить разницу между одной частью "Илиады" и другой; как непрерывность структуры, так и соответствие начальному обещанию, которые проявляются, когда мы читаем книги в порядке от i. viii. xi. xxi, в отличие от отсутствия этих двух качеств в книгах с ii. по vii. ix. и x. Целая организация, задуманная с самого начала, вряд ли привела бы к такому несоответствию, да и в "Одиссее" его не видно;<sup>[300]</sup> тем более результат можно объяснить, если предположить, что целые числа изначально были разделены и собраны вместе без какой-либо продуманной организации. И именно между этими тремя предположениями нам предстоит сделать выбор. Схема, и большая схема тоже, несомненно, должна быть принята в качестве основы любой достаточной гипотезы. Но *Achillêis* была бы длинной поэмой, вдвое меньшей, чем нынешняя "Илиада", и, вероятно, не менее компактной по своей структуре, чем "Одиссея". Более того, отделенная лишь воображаемой линией от бескрайней полосы Троянской войны, она могла бы быть расширена более легко и с большим удовольствием для слушателей, чем приключения одного героя; при этом расширение, естественно, происходило бы за счет добавления новых греческих побед, - поскольку первоначальная поэма пришла к возвышению Ахилла только через мучительную серию греческих катастроф. То, что поэма при таких обстоятельствах должна была получить дополнения, не является очень жестокой гипотезой: на самом деле, если мы вспомним, что целостность как "Ахиллеса", так и "Одиссеи" не охранялась ни печатью, ни письмом, мы, возможно, сочтем менее удивительным, что первая была расширена,<sup>[301]</sup> чем то, что вторая не была расширена. Любое ослабление законов эпического единства - небольшая цена за ту великолепную поэзию, которой так много между первой и восьмой книгами нашей "Илиады".

Вопрос о единстве авторства - другой, и его труднее определить, чем вопрос о согласованности частей и последовательности в повествовании. Поэма, задуманная в сравнительно узком масштабе, может быть впоследствии расширена ее первоначальным автором, с большей или меньшей последовательностью и успехом: "Фауст" Гете может служить примером даже в нашем поколении. С другой стороны, систематическая поэма вполне могла быть задумана и исполнена в результате заранее оговоренного соглашения между несколькими поэтами, среди которых, вероятно, один будет руководящим умом, хотя остальные могут быть эффективными, и, возможно, одинаково эффективными, в отношении исполнения частей. И эпоха раннего греческого эпоса была благоприятна для такого братства поэтов, среди которых, вероятно, было много представителей рода, называемого Гомеридами. При чтении или пении длинной ненаписанной поэмы многие барды должны были сговориться вместе, а в самые ранние времена композитор и певец были одним и тем же человеком.<sup>[302]</sup> Теперь люди, входящие в гомерические гены, хотя, несомненно, очень разные между собой в отношении умственных способностей, все же были однородны в отношении обучения, средств наблюдения и обучения, социального опыта, религиозных чувств и теорий и т. д., в гораздо большей степени, чем люди в современную эпоху. Как бы ни были ошибочны наши умозаключения в этом вопросе, когда у нас есть только внутренние свидетельства, чтобы направлять нас, без каких-либо современных точек сравнения или любой сопутствующей информации относительно эпохи, общества, поэтов, слушателей или языка, - мы должны, тем не менее, в данном случае, принять согласованность структуры, вместе с последовательностью в тоне мысли, чувства, языка, обычаев и т.д., как предположения одного автора; а противоположное - как предположения нескольких; допуская, насколько это возможно, то неравенство в совершенстве, которое один и тот же автор может представлять в разное время.

Доводы против единоличного авторства "Одиссеи" кажутся мне очень слабыми, и те, кто оспаривает их, руководствуются скорее своим *априорным* неприятием древнего эпического единства, чем какими-либо положительными доказательствами, которые дает сама поэма. Иначе обстоит дело с "Илиадой". Какие бы предположения ни вызывала разрозненная структура, несколько очевидных несоответствий частей и большой отрывок фактической материи за пределами начального обещания, можно с полным основанием отвергнуть предположение, что эта поэма исходит от одного автора. Среди лучших критиков существует различие во мнениях по этому вопросу, которому, вероятно, не суждено быть урегулированным, поскольку так много зависит отчасти от критического чувства, отчасти от общих рассуждений в отношении древнего эпического единства, с которыми человек садится за исследование. Ведь поборники единства, такие как мистер Пейн Найт, очень готовы вычеркнуть многочисленные и часто значительные отрывки как интерполяции, тем самым отвечая на возражения, выдвигаемые против единства авторства, на основании особых несоответствий. Герман и Бёкх, хотя и не идут дальше Лахмана в поддержании оригинальной теории Вольфа, соглашаются с последним в признании разнообразия авторов в поэме, в степени, превышающей предел того, что можно справедливо назвать интерполяцией. Пейн Найт и Нитцш одинаково убеждены в обратном. Таким образом, налицо явное противоречие между критиками, каждый из которых тщательно изучал поэму с тех пор, как был поднят волфианский вопрос. И только такие критики могут считаться авторитетами; ведь беглого читателя, который останавливается на частях достаточно долго, чтобы насладиться их поэтической красотой, поражает лишь общая однородность колорита, который, по признанию самого Вольфа, пронизывает поэму<sup>[303]</sup>.

Уже намекнув, что, по моему мнению, никакая теория структуры поэмы неприемлема, если она не допускает оригинального и заранее продуманного Ахиллеса, - потока, который начинается в первой книге и заканчивается смертью Гектора в двадцать второй, хотя высшие части его теперь остаются лишь в состоянии двух обособленных озер, первой книги и восьмой, - я рассуждаю на том же основании в отношении авторства. Если исходить из непрерывности структуры как предположительного доказательства, то вся эта "Ахиллея" должна рассматриваться как написанная одним автором. Вольф, правда, утверждал, что никогда не читал поэму до конца, не испытывая болезненного впечатления от неполноценности[304] и измененного стиля последних шести книг, - а Лахманн переносит это ощущение еще дальше назад, начиная с семнадцатой книги. Если бы я мог полностью проникнуться этим чувством, то был бы вынужден не отрицать существование предначертанной схемы, а представить, что книги с восемнадцатой по двадцать вторую, хотя и являются частью этой схемы, или Ахиллеса, все же были выполнены другим и более низким поэтом. Но следует заметить, во-первых, что неполноценность поэтических достоинств в определенной степени вполне совместима с единством авторства; и, во-вторых, что сами обстоятельства, на которых строится неблагоприятное суждение Вольфа, по-видимому, возникли в результате возросшей трудности задачи поэта, когда он подошел к венчающим кантам задуманной им Ахиллеи. Ибо главное, что отличает эти книги, - это прямое, непрерывное и ручное вмешательство богов и богинь, ранее разрешенное Зевсом, и повторение обширных и фантастических концепций, к которым дает повод такое сверхчеловеческое влияние; не исключая битвы Ахилла со Скамандром и Симоисом и сожжения этих рек Гефестом. Теперь, глядя на это переплетение идей глазами современного читателя или даже греческого критика литературных веков, можно с уверенностью сказать, что эффект неприятен: боги, возвышенные элементы поэзии, когда они соблюдены в должной пропорции, здесь несколько вульгаризированы. Но хотя поэт здесь не преуспел, и, вероятно, успех был невозможен, в задаче, которую он предписал себе, - все же сам факт его принятия, и явное различие между его использованием божественного агентства в этих последних кантах по сравнению с предшествующими, кажется объяснимым только при предположении, что они *являются* последними кантами, и приходят в намеченной последовательности, как продолжение предыдущего плана. Поэт хочет окружить появление Ахилла максимумом славных и потрясающих обстоятельств; ни один троянский враг не может ни на мгновение противостоять ему:[305] боги должны спуститься на равнину Трои и лично сразиться, а Зевс, который в начале восьмой книги запретил им участвовать, прямо призывает их сделать это в начале двадцатой. Если, таким образом, девятнадцатая книга (в которой содержится примирение Ахилла и Агамемнона, тема, естественно, несколько укрошенная) и три последующие книги (где перед нами только боги, Ахилл и троянцы, По утверждению Вольфа и других критиков, три последующие книги (где перед нами только боги, Ахилл и троянцы, без надежды и мужества) уступают по исполнению и интересу семи предыдущим книгам (где описывается давно оспариваемая и часто сомнительная смертельная борьба между греками и троянцами без Ахилла), - мы можем объяснить это различие, не предполагая нового поэта в качестве композитора; Ведь условия создания поэмы стали существенно сложнее, а тема - бесперспективнее. Необходимость держать Ахилла выше уровня даже героической доблести ограничивала возможности поэта воздействовать на сочувствие слушателей[306].

Последние две книги "Илиады" могли быть частью первоначального "Ахиллеса". Но вероятнее всего, что они являются дополнениями; ведь смерть Гектора удовлетворяет требованиям последовательной схемы, и мы не вправе расширять древнейшую поэму за пределы, которые предписывает такая необходимость. С одной стороны, Ницш и О. Мюллер утверждали, что разум не мог оставить удовлетворение в тот момент, когда Ахиллес

насыщает свою месть и когда тела Патрокла и Гектора лежат непогребенными, - а также, что более милосердный нрав, который он демонстрирует в двадцать четвертой книге, всегда должен был быть необходимым продолжением, чтобы создать надлежащее сочувствие к его триумфу. Другие критики, напротив, делают особые исключения в отношении последней книги и пытаются отбросить ее как отличающуюся от других книг, как по тону, так и по языку. В определенной степени особенности последней книги представляются мне неоспоримыми, хотя она явно является задуманным продолжением, а не полноценной поэмой.

Определенный вес имеет также замечание о двадцать третьей книге, что Одиссей и Диомедес, которые были ранены и искалечены во время битвы, теперь снова появляются в полной силе и состязаются в играх: здесь нет случая чудесного исцеления, и это несоответствие, скорее всего, было допущено отдельным поэтом-расширителем, чем интриганом "Ахиллеса".

Великолепные книги от второй до 322-й седьмой[307] в большинстве своем равны любой части "Ахиллеи" и заметно отличаются от последней широким взглядом на Троянскую войну со всеми ее главными действующими лицами, местностями и причинами, - однако без продвижения к результату, обещанному в первой книге, или вообще без какой бы то ни было конечной цели. Даже отчаянная рана, нанесенная Тлеполемом Сарпедону, забывается, когда последний герой появляется в последующей Ахиллеиде. 308] Аргументы Лахмана, который разделяет эти шесть книг на три или четыре отдельные песни,[309] не убеждают меня; и я не вижу причин, почему мы не должны считать, что все они написаны одним автором, связанным общей целью дать великую коллективную картину, которая может быть правильно названа Илиадой. Десятая книга, или Долоней, хотя и приспособлена специально к месту, в котором она стоит, согласуется с книгами между первой и восьмой тем, что принадлежит только к общей картине войны, не помогая продвижению ахиллесов; однако она кажется задуманной в более низком ключе, насколько мы можем доверять нашим современным этическим чувствам. Не хочется верить, что автор пятой книги, или Аристеи Диомедесской, снизошел бы до того, чтобы использовать героя, которого он так ярко прославляет, - победителя даже самого Ареса, - в резне только что прибывших фракийских спящих, без какой-либо большой цели или необходимости.[310] Девятая книга, о которой я уже подробно говорил, принадлежит к другому направлению замысла, и мне кажется более вероятным, что она была написана отдельным автором.

Излагая эти взгляды на авторство "Илиады" как наиболее вероятные, я должен повторить, что, хотя изучение поэмы дает мне достаточное представление о ее структуре, вопрос о единстве и множественности авторов, по сути, менее решаем. Поэма состоит из части оригинальной и других частей, добавленных к ней; однако, конечно, не исключено, что автор первой части может сам сочинить вторую; и таково было бы мое убеждение, если бы я рассматривал множественность авторов как недопустимую идею. Исходя из этого, мы должны заключить, что поэт, хотя и стремился к добавлению новых, по большей части весьма интересных сведений, не считал нужным перестроить части и события таким образом, чтобы придать целому всепроникающую нить *единомыслия* и организованности, как это мы видим в "Одиссее".

Мнение о том, что "Одиссея" написана позже "Илиады" и другим автором, похоже, сегодня разделяет большинство критиков, особенно Пейн Найт[311] и Нитцш; хотя О. Мюллер склоняется к противоположному выводу, добавляя при этом, что считает аргументы в пользу той или иной версии не слишком весомыми. В отношении некоторых богов в обеих поэмах имеются значительные различия: Ирис - вестник богов в "Илиаде", Гермес - в "Одиссее": Эол, посылающий ветры в "Одиссее", не упоминается в двадцать третьей книге "Илиады", но,

напротив, Ирис приглашает ветры, как независимых богов, прийти и зажечь погребальный костер Патрокла; и, если не исключить песню Демодока в восьмой книге "Одиссеи" как подделку, Афродита там появляется как жена Гефеста, - отношения, не известные в "Илиаде". Есть и другие моменты, перечисленные г-ном Найтом и другими, которые оправдывают предположение, что автор "Одиссеи" не идентичен ни автору "Ахиллеса", ни его расширителям, что Г. Германн считает неоспоримым. [Действительно, трудность предположения о том, что длинная связная поэма была задумана, сочинена и сохранена без какой-либо письменной помощи, кажется многим критикам непреодолимой даже сейчас, хотя доказательства с другой стороны, на мой взгляд, достаточны, чтобы перевесить любое негативное предположение, выдвинутое таким образом. Но маловероятно, чтобы один и тот же человек обладал способностями к комбинированию воспоминаний, достаточными для создания двух таких стихотворений, и нет никаких доказательств, чтобы заставить нас сделать такое предположение.

Предполагая разницу в авторстве между двумя поэмами, я чувствую себя менее убежденным в предполагаемом младшем возрасте "Одиссеи". Расхождения в манерах и языке в одной и другой поэме столь незначительны, что можно предположить, что два разных человека в один и тот же век и в одном и том же обществе демонстрируют такие же или даже большие различия. Следует помнить, что сюжеты этих двух произведений неоднородны, так что поэт, даже если бы он был одним и тем же человеком, мог бы использовать совершенно разные жилы воображения и иллюстраций. Картины "Одиссеи", похоже, описывают ту же героическую жизнь, что и "Илиада", хотя и рассматриваются с разных точек зрения: обстоятельства, связанные с пребыванием Одиссея в Итаке, как раз такие, как мы можем предположить, что он покинул ее, чтобы напасть на Трои. Если сцены, представленные нам, по большей части мирные, в отличие от непрекращающихся боев "Илиады", это следует приписать не большей социальности или цивилизованности реальных слушателей "Одиссеи", а обстоятельствам героя, которого поэт берется украсить: мы не можем сомневаться, что поэмы Арктина и Лешека, более поздние, чем "Одиссея", дали бы нам столько же боев и кровопролития, сколько "Илиада". Меня не поражают те доказательства более высокой цивилизации, которые, по мнению некоторых критиков, представляет собой "Одиссея": Мистер Найт, придерживающийся этого мнения, тем не менее признает, что увечье Мелантия и повешение Одиссеем женщин-рабынь в этой поэме указывают на большее варварство, чем любые инциденты в боях до Трои. [313] Более искусная и компактная структура "Одиссеи" часто рассматривалась как доказательство ее младшего возраста: и в случае двух поэм одного автора мы могли бы правдоподобно утверждать, что практика принесет с собой улучшение способности к комбинированию. Но в отношении рассматриваемых нами поэм мы должны помнить, во-первых, что, по всей вероятности, "Илиада" (с которой проводится сравнение) является не примитивной, а расширенной поэмой, и что примитивная "Ахиллея" вполне могла быть столь же целостной, как и "Одиссея"; Во-вторых, что между разными авторами превосходство в структуре не является доказательством последующего сочинения, поскольку, исходя из этой гипотезы, мы должны были бы признать, что более поздняя поэма Арктина была бы улучшением "Одиссеи"; в-третьих, что, даже если бы это было так, мы можем только сделать вывод, что автор "Одиссеи" слышал "Ахиллеиду" или "Илиаду"; мы не можем сделать вывод, что он жил через одно или два поколения после нее. [314]

В целом, баланс вероятностей говорит в пользу разного авторства двух поэм, но одного и того же возраста, причем очень раннего, до первой Олимпиады. Таким образом, они могут быть использованы в качестве доказательств, причем современных доказательств, феномена первобытной греческой цивилизации; в то же время они показывают, что



способность создавать длинные преднамеренные эпосы без помощи письма должна быть принята за характеристику самого раннего из известных греческих умов. Именно этот пункт оспаривал Вольф, и полное рассмотрение дела (по моему мнению) решает его против него: более того, это ценный результат для историка греков, поскольку он указывает ему почву, с которой он должен начать оценивать их последующий прогресс[315].

Какова бы ни была доля истины в различных предположениях критиков относительно авторства и структуры этих непревзойденных поэм, мы не должны думать, что именно совершенство их эпической симметрии обеспечило их неразрывную связь с человеческим разумом, как современным, так и древним. У критиков, начиная с Аристотеля и ниже, существует некоторая тенденция[316] перевернуть порядок атрибутов в отношении гомеровских поэм, чтобы больше всего останавливаться на второстепенных достоинствах, которые ускользают от невооруженного читателя и даже в значительной степени спорны. Но немногим умам дано (как заметил Гете[317]) в полной мере оценить механизм длинной поэмы; и многие чувствуют красоту отдельных частей, не испытывая никаких чувств к совокупному совершенству целого.

Гомерические поэмы также не были изначально обращены к умам более редкого типа. Они предназначены для тех чувств, которые критик испытывает вместе с неграмотной массой, а не для того расширенного кругозора и особого стандарта, который он приобрел для себя. Из всех поэм они самые абсолютно и безоговорочно народные: будь иначе, они не могли бы так долго жить в устах рапсодов, в ушах и памяти народа: именно *тогда* впервые было приобретено их влияние, которое впоследствии уже никогда не будет поколеблено. Их красота принадлежит отдельным частям, которые спонтанно раскрылись перед слушающей толпой на празднике, - гораздо больше, чем всей поэме вместе взятой, которую едва ли можно было бы оценить, если бы части не были обдуманы и не получили возможность расширяться в сознании. Самый неграмотный слушатель тех времен мог легко уловить, а самый образованный читатель до сих пор может признать характерное превосходство гомеровского повествования, - его прямолинейную, бессознательную, ненаучную простоту, - его конкретные формы речи[318] и счастливое чередование действия с диалогом, -ее яркие образы живых агентов, всегда четко и резко индивидуализированные, будь то во властных пропорциях Ахилла и Одиссея, в изящном присутствии Елены и Пенелопы или в более скромном контрасте Эвмея и Меланфия; и всегда, кроме того, оживленные откровенностью, с которой его герои высказывают все свои преходящие эмоции и даже все свои немощи, - постоянное обращение к тем более грубым жилам чувств и ощутимым мотивам, которые принадлежат всем людям в целом, - полнота графических деталей, только что взятых из видимого и слышимого мира, и, хотя часто домашние, никогда не прирученные, не ущемляющие предел пресыщения, к которому греческий ум был так чувствителен, - и, наконец, вечное соединение богов и людей в одной картине и знакомое обращение к вечно присутствующему божественному агентству, в согласии с интерпретацией природы в то время универсальной.

Несомненно, впечатляющее влияние гомеровского повествования легче почувствовать, чем описать: но время и обстоятельства, при которых это влияние впервые и наиболее сильно ощущалось, исключают возможность объяснения его путем всесторонних и тщательных сравнений, как это подразумевается в замечаниях Аристотеля о структуре поэм. Критик, который ищет объяснение в правильном месте, не будет сильно отклоняться от точки зрения тех грубых слушателей, к которым стихи были первоначально обращены, или от восприимчивости и способностей, присущих человеческой груди на каждом этапе

прогрессивной культуры. И хотя утонченность и изысканность поэм, равно как и их общая структура, являются предметом весьма интересной критики, все же не им Гомер обязан своей широкой и нетленной популярностью. Тем более неправда, как это следует из известных наблюдений Горация, , что Гомер - учитель этической мудрости, сродни и выше Хрисиппа или Крантора.[319] В "Илиаде" и "Одиссее" нет дидактической цели; философ, несомненно, может извлечь из происшествий и ярко выраженных характеров, которые они содержат, много иллюстративного материала для своих увещеваний, - но этическая доктрина, которую он применяет, должна исходить из его собственных размышлений. Гомеровский герой проявляет добродетели или немощи, свирепость или сострадание с одинаковой прямоотой и простодушной живостью, не сознавая никакого идеального стандарта, по которому должно оцениваться его поведение;[320] и мы не можем проследить в поэте никакой другой скрытой функции, кроме как вдохновенного органа Музы и безымянного, но красноречивого вестника утраченных приключений из тьмы прошлого.

---

## ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

---

### ЧАСТЬ II.

#### ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ.

---

## ГЛАВА I.

### ОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ И ПРЕДЕЛЫ ГРЕЦИИ.

Греция лежит между 36-й и 40-й параллелями северной широты и между 21-м и 26-м градусами восточной долготы. Ее наибольшая длина от горы Олимп до мыса Тенарус составляет 250 английских миль; наибольшая ширина от западного побережья Акарнании до Марафона в Аттике - 180 миль; а расстояние на восток от Амбракии через Пинд до магнезиальной горы Гомолек и устья Пеней - около 120 миль. В целом, ее площадь несколько меньше площади Португалии. 321] Что касается всех попыток определить точные границы собственно Греции, мы можем заметить, во-первых, что эти границы, похоже, не были очень точно определены даже среди самих греков; и, во-вторых, что столь большая часть эллинов была распределена по островам и колониям, и столь большое влияние на мир в целом оказывалось через их колонии, что сделать протяженность их первоначального местожительства вопросом сравнительно малозначительным для проверки.

Цепь, называемая Олимпом и Камбунскими горами, простирающаяся с востока на запад и начинающаяся у Эгейского моря или залива Термы, около 40-го градуса северной широты, продолжается под названием горы Лингон, пока не коснется Адриатики у Акрокераунского мыса. Страна к югу от этой цепи охватывала все, что в древности считалось Грецией, или собственно Элладой, но она также охватывала нечто большее. Собственно Эллада[322] (или сплошная Эллада, говоря языком Скилакса и Дикеарха) начиналась от города и залива Амбракия: оттуда на север до Акрокераунского мыса лежала земля, называемая греками Эпиром, - занятая хаонийцами, молоссами и феспротийцами, которых называли эпиротами и

не считали принадлежащими к эллинской совокупности. По крайней мере, так считалось в целом, хотя этолийцы и акарнанцы в своих более отдаленных частях, похоже, были не менее далеки от полного типа эллинизма, чем эпироты; а Геродот склонен считать эллинами даже молоссов и феспротийцев[323].

В точке, расположенной примерно посередине между Эгейским и Ионическим морями, Олимп и Лингон пересекаются почти под прямым углом еще более длинной и обширной цепью под названием Пинд, которая тянется по линии, идущей скорее на запад, чем на север, от северной стороны хребта Олимпа: Система, к которой принадлежат эти горы, начинается, по-видимому, с возвышенных масс зеленого камня под названием Скардус, или Скордус, (Schardagh)[324], который отделяется от известняка Албанских Альп только узкой расщелиной, в которой протекает река Дрин. С южной стороны Олимпа Пинд отходит почти на юг, образуя границу между Фессалией и Эпиром, и посылает вперед около 39-го градуса широты боковую цепь Отриса, - которая принимает восточное направление, образуя южную границу Фессалии и достигая моря между Фессалией и северным побережьем Эвбеи. К югу от Отриса цепь Пинда под названием Тимфрест продолжается до тех пор, пока другая боковая цепь, называемая Ceta, не отходит от нее на восток, образуя возвышенное побережье к югу от Малиакского залива с узкой дорогой Термопиле между ними, и заканчиваясь у Эвбейского пролива. В месте слияния с Уметой цепь Пинда разделяется на две ветви: одна направляется к западу от юга и тянется через всю Итолию под названиями Аракинф, Куриус, Коракс и Тафиасс к мысу Антиррион, расположенному на северной стороне узкого входа в Коринфский залив, напротив соответствующего мыса Рион в Пелопоннесе; Другой, направленный на юго-восток, образует Парнас, Геликон и Китхерен; действительно, Эгалеи и Гиметт, вплоть до самого южного мыса Аттики, Суниума, могут рассматриваться как продолжение этой цепи. От восточной оконечности Ceta в юго-восточном направлении отходит гряда холмов, уступающая по высоте предыдущим, под разными названиями Knêmis, Ptôon и Teumêssus. Он соединяется с Китхероном боковой коммуникацией, простирающейся с запада на восток и называемой Парнес; а знаменитый Пентеликус, изобилующий мраморными карьерами, составляет его связующее звено, к югу от Парнеса с цепью от Китхерона до Суниума.

От мыса Антиррион линия гор переходит в Пелопоннес и тянется в южном направлении до оконечности полуострова Тенарус, ныне мыс Матапан. Образуя границу между Элидой и Мессенией с одной стороны, и Аркадией и Лаконией с другой, она носит последовательные названия Оленус, Панахаикус, Фолоак, Эримантус, Ликей, Паррасий и Тайгет. Другой ряд гор отходит от Китхерана к юго-западу, образуя под названиями Геранея и Онея изрезанный и возвышенный Коринфский перешеек, а затем вдаваясь в Пелопоннес. Войдя на полуостров, одна из его ветвей направляется на запад вдоль севера Аркадии, включая Акрокоринф, цитадель Коринфа, высокий пик Киллен, горы Ароании и Лампеи, и в конце концов соединяется с Эриманфом и Фолоком, - в то время как другая ветвь направляется на юг к юго-восточному мысу Пелопоннеса, грозному мысу Малеа, или Св. Анджело, и проявляет себя под сменяющимися друг друга названиями Апезас, Артемизиум, Парфений, Парнон, Торнакс и Зарекс.

От восточной оконечности Олимпа, в направлении скорее к востоку, чем к югу, до юго-восточного угла Фессалии тянется горная цепь, сначала называемая Осса, а затем Пелион. Длинный, возвышенный и голый хребет острова Эвбея можно рассматривать как продолжение этой цепи и цепи Отриса: линия еще более удлиняется за счет ряда островов Архипелага, Андроса, Теноса, Миконоса и Наксоса, принадлежащих к группе, называемой Кикладами, или островами, окружающими священный центр Делос. Из этих Киклад другие

являются продолжением цепи, доходящей до мыса Суниум, - Кеос, Кифнос, Серифос и Сифнос присоединяются к Аттике, как Андрос к Эвбее. И мы даже можем рассматривать большой остров Крету как продолжение системы гор, которые грудью противостоят ветрам и волнам на мысе Малеа, а остров Кифа является промежуточным звеном между ними. Скиатус, Скопелус и Скирус, расположенные к северо-востоку от Эвбеи, также как удаленные вершины горной цепи, охватывающей Пелион и Эвбею.[325]

Из этого краткого очерка, который читатель, естественно, сравнит с одной из последних карт страны, видно, что сама Греция - одна из самых гористых территорий в Европе. И хотя для систематического обзора страны удобно сгруппировать множество гор в определенные цепи, или хребты, основанные на приблизительном единообразии направления, на самом деле здесь так много разветвлений и рассеянных вершин, такое огромное количество холмов и обрывов разной величины и высоты, что сравнительно небольшая часть поверхности остается ровной. Не только мало сплошных равнин, но даже мало сплошных долин существует во всей Греции. Самые большие пространства ровной земли наблюдаются в Фессалии, в Этолии, в западной части Пелопоннеса и в Беотии; но неровные горы, долины, частые, но изолированные, замкнутые в суше котловины и уклоны, которые часто встречаются, но редко длятся долго, составляют характер страны[326].

Острова Киклады, Эвбея, Аттика и Лакония в большинстве своем состоят из слюдяного сланца, соединенного с кристаллическим зернистым известняком и часто покрытого им.[327] Центр и запад Пелопоннеса, а также страна к северу от Коринфского залива от Амбракийского залива до Эвбейского пролива представляют собой известковое образование, меняющееся в разных местах по цвету, консистенции и твердости, но в целом принадлежащее или приближающееся к мелу: оно часто очень компактно, но заметно отличается от кристаллического известняка, о котором говорилось выше. Две самые высокие вершины в Греции[328] (обе, однако, ниже Олимпа, оцениваемого в девять тысяч семьсот футов) демонстрируют это образование - Парнас, достигающий восьми тысяч футов, и точка Святого Ильи в Тайгете, которая составляет не менее семи тысяч восьмисот футов. Во многих местах встречаются глинистые сланцы и конгломераты из песка, извести и глины: тесный и прочный известковый конгломерат образует Коринфский перешеек: рыхлые отложения гальки и известковой брекчии также занимают некоторые участки территории. Но наиболее важными и существенными элементами греческой почвы являются дилuviальные и аллuviальные образования, которыми заполнены впадины и бассейны, образовавшиеся в результате разложения более древних прилегающих пород. В них сосредоточена производительная сила страны, и от них зависят зерно и овощи для пропитания населения. Горные районы в значительной степени бесплодны, лишены в настоящее время леса или какой-либо полезной растительности, хотя есть основания полагать, что в древности они были лучше покрыты лесом: во многих частях, однако, особенно в Этолии и Акарнании, они дают много древесины, и во всех частях, пастбища для скота летом, в то время, когда равнины полностью выжжены.[329] Для других предметов питания должны зависеть от долин, которые иногда отличаются необыкновенным плодородием. Фессалийская низменность, долина Кефиса и границы Копайского озера в Бётии, западная часть Элиса, равнины Стратуса на границах Акарнании и Этолии, а также равнины у реки Памис в Мессении, как сейчас, так и в древние времена, отличаются обильными урожаями.

Помимо нехватки дров для топлива, есть еще одно серьезное неудобство, которому подвержены низменные земли Греции, - отсутствие достаточного и регулярного снабжения водой.[330] Обилие дождей выпадает в осенние и зимние месяцы, а летом их почти нет; голый известняк многочисленных холмов не впитывает и не удерживает влагу, так что дожди

уходят так же быстро, как и выпадают, а источники редки.[331] Большинство рек Греции разливаются ранней весной и пересыхают до конца лета: обильные сочетания древнего языка обозначали зимний поток особым отдельным словом.[332] Самые значительные реки в стране: Пеней, которая несет все воды Фессалии, находя выход в Эгейское море через узкое ущелье, отделяющее Оссу от Олимпа, и Ахелоус, который течет из Пинда в юго-западном направлении, отделяя Этолию от Акарнании и впадая в Ионическое море: Euënus также берет начало в более южной части той же горной цепи и впадает в то же море на востоке. Реки, расположенные южнее, неравноценны и уступают друг другу. Кефис и Асопус в Беотии, Алфей в Элисе и Аркадии, Памис в Мессении, каждая из них поддерживает вялое течение в течение всего лета; в то время как Инах у Аргоса, Кефис и Илисс у Афин представляют собой скудную реальность, которая еще больше не соответствует их великой поэтической славе. Из всех этих рек, о которых мы уже говорили, Акелоус, безусловно, самая важная. По наблюдениям Фукидида, количество грязи, которое его мутный поток приносил вниз и откладывал, привело к ощутимому увеличению земли у его устья[333].

Но расположение и свойства греческой территории, хотя и не содержащей постоянных рек, благоприятствуют умножению озер и болот. Здесь множество впадин и замкнутых бассейнов, из которых вода не может найти поверхностного выхода, и где, если она не проложит себе подземный ход через расселины в горах, она остается либо болотом, либо озером в зависимости от времени года. В Фессалии мы находим озера Нессонис и Бебекис; в Итолии, между Ахелусом и Эвнеем, Страбон упоминает озеро Трихонис, а также несколько других озер, которые трудно определить по отдельности, хотя количество земли, покрытой озерами и болотами, в целом очень велико. В Беотии расположены озера Копайс, Хилике и Харма; первое из трех образовано главным образом рекой Кефис, текущей с Парнаса на северо-западе и образующей извилистый путь через горы Фокиса. На северо-востоке и востоке Копайское озеро ограничено высокой горой Птон, которая преграждает ему путь к Эвбейскому проливу. В известняке этой горы вода нашла или вытеснила несколько подземных полостей, через которые она частично выходит на другую сторону скалистого холма, а затем впадает в пролив. Катаботра, как их называли в древности, все еще существует, но в несовершенном и полузаброшенном состоянии. Однако даже в древности их никогда не хватало для отвода избыточных вод Кефиса; до сих пор можно найти остатки искусственного туннеля, пробитого во всю ширину скалы, с перпендикулярными отверстиями через определенные промежутки, чтобы впускать воздух сверху. Этот туннель - один из самых интересных остатков древности, поскольку он, должно быть, относится к процветающим временам старого Орхомена, до его поглощения в Беотийскую лигу, а также до преобладания Фив, - теперь засорен и бесполезен. Возможно, он был специально заблокирован рукой врага, и план Александра Македонского, который поручил инженеру из Халкиса вновь открыть его, потерпел поражение, сначала из-за недовольства в Беотии, а в конечном итоге из-за его ранней смерти[334].

Катаботра из озера Копайс - пример явления, столь частого в Греции, - озера и реки находят для себя подземные ходы через полости в известняковых скалах и даже проходят невидимое русло на значительное расстояние, прежде чем появляются на свет. В Аркадии, в частности, есть несколько замечательных примеров подземных водных коммуникаций; этот центральный регион Пелопоннеса представляет собой скопление таких полностью замкнутых долин, или бассейнов[335].

Из этих обстоятельств видно, что Греция, учитывая ее ограниченную общую протяженность, имела мало мотивов и еще меньше удобных средств для внутренней связи между



различными жителями. [336] Каждая деревня или поселок, занимая свою равнину с примыкающими горами, [337] обеспечивали свои собственные основные потребности, в то время как транспортировка товаров по суше была достаточно трудной, чтобы в значительной степени препятствовать любой регулярной торговле с соседями. Что касается внутреннего облика страны, то казалось, будто природа с самого начала распорядилась так, чтобы население Греции оставалось социально и политически разобщенным, - она предусмотрела столько изгородей для разделения и столько границ, которые, как правило, трудно, а иногда и невозможно преодолеть. Однако один особый стимул к общению возник именно благодаря географическому строению страны, ее бесконечному чередованию гор и долин. Разница в климате и температуре между возвышенностями и низинами очень велика; урожай в одном месте собирается раньше, чем созревает в другом, а скот во время летнего зноя находит приют и пастбище на холмах, в то время как равнины выжигаются. [338] Практика перегона скота с гор на равнину в зависимости от смены сезона, которая сохраняется до сих пор, как в древние времена, тесно связана со структурой страны и, должно быть, с самого раннего периода обеспечивала связь между разобщенными деревнями. [339]

Такие трудности, однако, во внутреннем транзите по суше в значительной степени компенсировались большой долей побережья и доступностью страны по морю. Выступы и углубления в линии греческого побережья едва ли менее примечательны, чем множество возвышенностей и впадин, которые повсеместно отмечают поверхность. [340] Форму Пелопоннеса с его тремя южными заливами (Арголическим, Лаконским и Мессенским) древние географы сравнивали с листом платана: Пагасейский залив на восточной стороне Греции и Амбракийский залив на западной, с их узкими входами и значительной площадью, эквивалентны внутренним озерам: Ксенофонт хвастается двойным морем, которое охватывает столь большую часть Аттики, Эфор - тройным морем, через которое Беотия была доступна с запада, севера и юга, - Евбейским проливом, открывающим длинную линию страны с обеих сторон для каботажного плавания. [341] Но самые важные из всех греческих заливов - Коринфский и Саронический, омывающие северный и северо-восточный берега Пелопоннеса и разделенные узким барьером Коринфского перешейка. Первый, особенно первый, открывает для подхода воды Этолию, Фокию и Беотию, а также все северное побережье Пелопоннеса. В древности Коринф служил перевалочным пунктом для торговли между Италией и Малой Азией: товары выгружались в Лехейме, порту на берегу Коринфского залива, и по суше перевозились в Кенхрею, порт на Сароническом море: даже сами торговые суда, когда они были не очень большими, [342] переправлялись тем же путем. Избежать необходимости огибать мыс Малера считалось огромным преимуществом, а сильные ветры и течения, которые, как свидетельствует современный опыт, преобладают вокруг этого грозного мыса, вполне оправдывают опасения древнегреческого купца с его несовершенным навигационным оборудованием [343].

Таким образом, выясняется, что не было ни одной части Греции, которая могла бы считаться недоступной для моря, в то время как большинство ее частей были удобны и легкодоступны: фактически, аркадяне были единственной крупной частью Эллады (мы можем добавить дорийцев, тетрапольцев и горцев вдоль цепи Пинда и Тимфреста), которые были полностью лишены морского порта. Но сама Греция составляла лишь малую часть всего эллинского мира в историческую эпоху: существовали многочисленные острова и еще более многочисленные континентальные колонии, расположенные как независимые нарушители на отдельных участках побережья, [345] в Эвксинском, Эгейском, Средиземном и Адриатическом морях и удаленные друг от друга на расстояние, которое отделяет Трапезунд от Марселя. Все эти различные города объединяло название Эллада, которое не

подразумевало никакой географической преемственности: все они гордились эллинской кровью, именем, религией и мифическим происхождением. Поскольку единственное сообщение между ними было морским, море, даже если рассматривать исключительно Грецию, было единственным каналом для передачи идей и улучшений, а также для поддержания симпатий - социальных, политических, религиозных и литературных - через эти отдаленные члены эллинской совокупности.

Древние философы и законодатели были глубоко впечатлены контрастом между внутренним и морским городом: в первом - простота и однообразие жизни, стойкость древних привычек и неприятие нового или чужого, большая сила исключительных симпатий и узкий круг предметов и идей; во втором - разнообразие и новизна ощущений, широкое воображение, терпимость и иногда предпочтение чужих обычаев, большая активность личности и соответствующая изменчивость государства. Это различие ярко выражено в многочисленных сравнениях Афин Перикла с Афинами более ранних времен, вплоть до Солона. И Платон, и Аристотель подчеркивают его, - и первый особенно, чей гений задумал всеобъемлющую схему предписания заранее и обеспечения на практике всего хода индивидуальных мыслей и чувств в его воображаемом сообществе, рассматривает морское общение, если оно выходит за узкие рамки, как фатальное для успеха и постоянства любой мудрой схемы образования. Несомненно, что между теми греками, которые много занимались морскими делами, и теми, которые не занимались, существовала большая разница в характере. Аркадиец может служить образцом чистого греческого земледельца, с его деревенскими и неграмотными привычками,<sup>[346]</sup> - его диетой из сладких каштанов, ячменных лепешек и свинины (в отличие от рыбы, которая была главной приправой к хлебу афинянина), - его превосходным мужеством и выносливостью, - почитание лакедемонского главенства как старого и привычного влияния, - бесплодность ума и воображения, а также медлительность в предприятиях, - неизменная грубость в отношениях с богами, из-за которой он бичевал и колол Пана, если тот возвращался с пустыми руками из погони; В то время как житель Фокеи или Милета являет собой пример греческого мореплавателя, жаждущего наживы, - активного, умелого и смелого на море, но уступающего в стойкой храбрости на суше, - более возбудимого в воображении, а также более изменчивого в характере, - полного пышности и расходов в религиозных проявлениях по отношению к эфесской Артемиде или бранхидскому Аполлону; с умом, более открытым для разновидностей греческой энергии и для утонченного влияния греческой цивилизации. Пелопоннесцы в целом и лакедемоняне в частности приближались к аркадскому типу, в то время как афиняне пятого века до н. э. стояли на первом месте в другом, дополняя его, однако, изысканностью вкуса и преобладанием интеллектуальных симпатий и удовольствий, которые, похоже, были свойственны им самим.

Конфигурация греческой территории, во многих отношениях похожая на Швейцарию, оказала два важных влияния на характер и историю народа. Во-первых, она значительно укрепила их оборонительные силы: закрыла страну от вторжений изнутри, которые последовательно подчинили себе все их континентальные колонии; и в то же время сделала каждую часть более трудной для нападения со стороны остальных, чтобы оказать определенное консервативное влияние, гарантируя владение фактическими хозяевами: Ведь Фермопильский перевал между Фессалией и Фокисом, Китерон между Беотией и Аттикой или горный хребет Онейон и Геранея вдоль Коринфского перешейка были позициями, которые меньшее число храбрецов могло удержать против гораздо большей силы нападающих. Но, во-вторых, хотя это и защищало каждую часть греков от завоевания, оно также сохраняло их политическую разобщенность и увековечивало их отдельную автономию. Она способствовала тому мощному принципу отталкивания, который заставлял

даже самый маленький населенный пункт считать себя политической единицей, отдельной от остальных, и сопротивляться любой идее объединения с другими, будь то дружеского или принудительного. Современному руководителю, привыкшему к крупным политическим объединениям и ценным бумагам для хорошего управления через представительную систему, требуется определенное умственное усилие, чтобы перенестись в то время, когда даже самый маленький городок так упорно держался за свое право на самозаконотворчество. Тем не менее, таковы были общие привычки и чувства древнего мира, во всей Италии, Сицилии, Испании и Галлии. Среди эллинов она выделяется более заметно по нескольким причинам: во-первых, потому что они, похоже, довели умножение автономных единиц до крайности, видя, что даже на островах не больше Пепарета и Аморгоса было по две-три отдельные городские общины;<sup>[347]</sup> во-вторых, потому что они впервые в истории человечества произвели на свет остроумных систематических мыслителей по вопросам управления, среди которых идея автономного города была принята как необходимая основа политических спекуляций; в-третьих, потому что эта неизлечимая подразделенность оказалась в конечном итоге причиной их гибели, несмотря на явное интеллектуальное превосходство над своими завоевателями: и, наконец, потому, что неспособность к политическому объединению не препятствовала мощной и обширной симпатии между жителями всех отдельных городов, с постоянной тенденцией к братству для многочисленных целей, социальных, религиозных, развлекательных, интеллектуальных и эстетических. По этим причинам неопределенное умножение самоуправляющихся городов, хотя на самом деле это явление характерно для древней Европы, в отличие от крупных монархий Азии, проявляется у древних греков сильнее, чем где-либо еще: и не может быть никаких сомнений в том, что они в значительной степени обязаны этим множеству изолирующих границ, которые представляла конфигурация их страны.

Также не будет опрометчиво предположить, что те же причины могли способствовать незаимствованному интеллектуальному развитию, которым они так выделяются. Общие утверждения о влиянии климата и физических факторов на характер, действительно, коварны; ведь наших знаний о земном шаре теперь достаточно, чтобы понять, что жара и холод, горы и равнины, море и суша, влажная и сухая атмосфера - все это соответствует величайшим различиям между жителями: более того, одного только контраста между населением самой Греции за семь веков, предшествовавших христианской эре, и греками более современных времен достаточно, чтобы привить осторожность в таких рассуждениях. Тем не менее, мы можем осмелиться отметить определенные улучшающие влияния, связанные с их географическим положением, в то время, когда у них не было книг для изучения и более продвинутых предшественников для подражания. Мы можем отметить, во-первых, что их положение делало их одновременно горцами и мореплавателями, что обеспечивало им большое разнообразие объектов, ощущений и приключений; во-вторых, что каждая мелкая община, приютившаяся среди своих скал,<sup>[348]</sup> была достаточно отделена от остальных, чтобы обладать индивидуальной жизнью и собственными атрибутами, но не настолько, чтобы лишиться ее симпатий остальных; Таким образом, наблюдательный грек, общаясь с большим разнообразием соотечественников, чей язык он понимал и чьи идиосинкразии мог оценить, имел доступ к большей массе социального и политического опыта, чем любой другой человек в столь непродвинутый век мог получить лично. Финикиянин, превосходящий грека на корабле, преодолевал большие расстояния и видел большее число незнакомцев, но не имел таких возможностей для интимного общения с множеством братьев по крови и языку. Его отношения, сводившиеся к купле-продаже, не включали в себя ту взаимность действий и реакций, которая пронизывала толпу на греческом празднике. Сцена, представшая перед ним, представляла собой смесь однообразия и разнообразия, весьма стимулирующую наблюдательные способности

гениального человека, который в то же время, стремясь передать свои собственные впечатления или воздействовать на эту смешанную и разнородную публику, был вынужден отбросить то, что было свойственно его собственному городу или общине, и изложить материал в согласии с чувствами всех. Именно этим можно отчасти объяснить то проникновенное понимание человеческой жизни и характера, ту способность трогать симпатии, общие для всех веков и народов, которая так удивляет нас в неграмотных авторах старого эпоса. Такое периодическое общение братьев, привычно изолированных друг от друга, было единственным доступным в то время средством обеспечить барду разнообразный опыт и разноцветную аудиторию; и в значительной степени это было результатом географических причин. Возможно, и среди других народов можно было бы найти такие облегчающие причины, но без результата, сравнимого с "Илиадой" и "Одиссеей". Но Гомер, тем не менее, зависел от условий своей эпохи, и мы можем, по крайней мере, отметить те особенности раннего греческого общества, без которых гомеровское совершенство никогда бы не появилось, - географическое положение - одно, язык - другое.

В области минерального и металлического богатства Греция не выделялась. Золото в значительном количестве добывалось на острове Сифнос, который в течение VI века до н. э. входил в число богатейших общин Греции и обладал сокровищницей в Дельфах, отличавшейся богатством votивных приношений. В то время золото было настолько редким в Греции, что лакедемоняне были вынуждены посылать его в лидийский Крѐз, чтобы обеспечить достаточное количество для позолоты статуи.<sup>[349]</sup> Похоже, что оно было более обильным в Малой Азии, а количество его в Греции значительно увеличилось благодаря открытию рудников во Фракии, Македонии, Эпире и даже в некоторых частях Фессалии. На острове Тасос также были вновь открыты с прибылью некоторые шахты, которые были первоначально начаты, а затем заброшены финикийскими поселенцами более раннего века. Из этих же районов было добыто значительное количество серебра, а в начале V века до н. э., по-видимому, было положено первое эффективное начало использованию богатого южного района Аттики, называемого Лаурейоном. Медь добывали в разных частях Греции, особенно на Кипре и Эвбее, на последнем острове также была найдена земля под названием Кадмия, использовавшаяся для очистки руды. Бронза использовалась греками для многих целей, в которых сейчас применяется железо: даже оружие гомеровских героев (отличающихся в этом отношении от более поздних исторических греков) состоит из меди, закаленной таким образом, чтобы придать ей удивительную твердость. Железо было найдено в Эвбее, Беотии и Мелосе, но еще более обильно в горном районе Лаконского Тайгета. Однако нет ни одной части Греции, где остатки древней металлургии были бы так заметны, как на острове Серифос. Хорошо известны превосходные качества и сорта мрамора из Пентеликуса, Гиметта, Пароса, Карыстуса и других частей страны, столь необходимые для целей скульптуры и архитектуры.<sup>[350]</sup>

Расположенная на тех же параллелях широты, что и побережье Малой Азии и самые южные регионы Италии и Испании, Греция производила пшеницу, ячмень, лен, вино и масло в самые ранние времена, о которых мы имеем хоть какие-то сведения;<sup>[351]</sup> хотя смородина, индийская кукуруза, шелк и табак, которые страна демонстрирует сейчас, являются добавлением более поздних времен. Теофраст и другие авторы убедительно свидетельствуют о наблюдательности и трудолюбии в сельском хозяйстве, распространенном среди древних греков, а также о том, с какой тщательностью учитывались различные природные богатства, включающие в себя огромное разнообразие растений, трав и деревьев. Выращивание виноградной лозы и оливы - последней, незаменимой в древней жизни, не только для целей, которым она служит сейчас, но и из-за

распространенной в то время привычки помазывать тело - было особенно тщательным; а множество различных случайностей с почвой, уровнем и воздействием, которые можно было найти не только в самой Элладе, но и среди разбросанных греческих поселений, предоставляли наблюдательным садоводам материалы для изучения и сравнения. Ячменная лепешка, по-видимому, употреблялась в пищу чаще, чем пшеничная;<sup>[352]</sup> но одна или другая из них, вместе с овощами и рыбой (иногда свежей, но чаще соленой), была обычной пищей населения; аркадяне питались свининой, а спартанцы также употребляли животную пищу; но греки, в целом, похоже, почти не ели свежего мяса, кроме как на праздниках и жертвоприношениях. Афиняне, самый торговый народ в Греции, хотя их легкая, сухая и сравнительно бедная почва давала отличный ячмень, тем не менее, не выращивали достаточно кукурузы для собственного потребления: они импортировали значительные запасы кукурузы из Сицилии, с побережья Эвксинского моря и таврического Херсонеса, а соленую рыбу - из Пропонтиды и даже из Гадеса;<sup>[353]</sup> расстояние, на которое доставлялись эти товары, если принять во внимание площадь прекрасных кукурузных земель в Беотии и Фессалии, доказывает, как мало существовало внутренней торговли между различными областями Греции. Экспорт Афин состоял из фиг и других фруктов, оливок, масла - за все это она отличалась, - а также керамики, декоративных изделий и серебра из ее шахт в Лаурейоне. Соленая рыба, несомненно, в большей или меньшей степени распространялась по всей Греции;<sup>[354]</sup> но население других государств Греции жило исключительно за счет собственных продуктов, чем афиняне, с меньшим количеством купли-продажи,<sup>[355]</sup> - такому образу жизни способствовала повсеместно распространенная простая домашняя экономика, при которой женщины не только чесали и пряли всю шерсть, но и ткали из нее одежду и постельные принадлежности, используемые в семье. Ткачество тогда считалось таким же женским делом, как и прядение, и те же чувства и привычки до сих пор преобладают в современной Греции, где ткацкий станок постоянно можно увидеть в крестьянских домиках, и всегда за ним работают женщины<sup>[356]</sup>.

Климат Греции описывается современными путешественниками в более благоприятных выражениях, чем древними, что легко объясняется классическим интересом, живописными красотами и прозрачной атмосферой, которые так ярко оценивает английский или немецкий глаз. Геродот, Гиппократ и Аристотель считают климат Азии гораздо более благоприятным для животной и растительной жизни, но в то же время более изнуряющим, чем климат Греции: о последнем они говорят главным образом в связи с его переменчивым характером и разнообразием местных температур, которые они считают весьма стимулирующими для энергии жителей. Есть основания заключить, что древняя Греция была гораздо более здоровой, чем та же территория в настоящее время, поскольку она более трудолюбиво возделывалась, а города более тщательно управлялись и лучше снабжались водой. Но различия в состоянии здоровья между одной частью Греции и другой, по-видимому, всегда были значительными, и это, как и различия в климате, влияло на местные привычки и характер отдельных участков. Существовали не только большие различия между горцами и жителями равнин,<sup>[358]</sup> между локрами, этолийцами, фокийцами, дорийцами, Cætæans и аркадянами, с одной стороны, и жителями Аттики, Беотии и Элиса, с другой, - но и каждое из различных племен, составлявших эти категории, имело свои особенности; А заметный контраст между афинянами и беотийцами должен был быть представлен легкой и тяжелой атмосферой, которой они соответственно дышали. Но и это еще не все: ведь даже среди совокупности беотийцев каждый город имел свои отдельные атрибуты, как физические, так и моральные и политические:<sup>[359]</sup> Ороп, Танагра, Феспий, Фивы, Антедон, Халиартус, Коронэя, Онхест и Платея были известны беотийцам каждый под своим характерным эпитетом, а Дикеарх даже отмечает заметное различие между жителями города Афины и жителями страны Аттика. Спарта, Аргос, Коринф и Сикион, хотя все они назывались



дорийскими, имели каждый свой диалект и особенности. Все эти различия, частично зависящие от климата, местности и других физических факторов, способствовали питанию антипатий и увековечиванию той несовершенной сплоченности, которая уже была отмечена как неизгладимая черта Эллады.

Эпиротические племена, соседи этолийцев и акарнанцев, заполнили пространство между Пиндом и Ионическим морем, пока не соединились на севере с территорией, населенной могущественными и варварскими иллирийцами. Из этих иллирийцев коренные македонские племена, по-видимому, составляли лишь часть, обитавшую к северу от Фессалии и горы Олимп, к востоку от цепи, которой продолжается Пинд, и к западу от реки Аксий. Эпироты были объединены под различными названиями: хаонийцы, молосцы, феспротийцы, касопеи, амфилохийцы, атаманы, эфики, тимфеи, орестеи, парореи и атинтаны,<sup>[360]</sup> - большинство из которых представляли собой небольшие общины, рассеянные по горной местности Пинда. Однако возникла большая путаница в применении всеобъемлющего названия *Эпирот*, которое было дано греками, и дано исключительно по географическим, а не по этническим соображениям. Эпир, по-видимому, сначала противопоставлялся Пелопоннесу и обозначал область к северу от Коринфского залива; в этом примитивном смысле он включал в себя иетолийцев и акарнанцев, часть которых говорила на труднопонимаемом диалекте и была не менее далека от эллинских привычек, чем эпироты.<sup>[Оракул Додоны - это точка древнего союза между греками и эпиротами, которая была вытеснена Дельфами по мере развития цивилизации Эллады. Отличить эпиротов от македонцев, с одной стороны, не менее сложно, чем от эллинов - с другой; язык, одежда и манера носить волосы часто были схожи, а границы, среди грубых людей и нераспаханных земель, понимались очень неточно]</sup><sup>[362]</sup>.

Описывая пределы, занятые эллинами в 776 г. до н. э., мы еще не можем принять во внимание важные колонии Леукас и Амбракия, основанные впоследствии коринфянами на западном побережье Эпира. Греки того раннего времени, по-видимому, включали в себя острова Кефалления, Закинф, Итака и Дулихий, но не имели ни одного поселения, ни внутреннего, ни островного, дальше на север.

Далее, ограничиваясь 776 годом до н. э., они включают большую массу островов между побережьем Греции и Малой Азии, от Тенедоса на севере до Родоса, Креты и Китеры на юге, а также большие острова Лесбос, Хиос, Самос и Эвбея, а также группы, называемые Спорадами и Кикладами. Что касается четырех значительных островов, расположенных ближе к берегам Македонии и Фракии, - Лемноса, Имброса, Самофракии и Тасоса, - то можно усомниться в том, что они были в то время эллинизированы. В каталоге "Илиады" под именем Агамемнона фигурируют контингенты из Эгины, Эвбеи, Креты, Карпат, Касуса, Коса и Родоса: в древнейших эпических свидетельствах, которыми мы располагаем, эти острова, как представляется, были населены греками; но другие не встречаются в каталоге и никогда не упоминаются таким образом, чтобы мы могли сделать какой-либо вывод. Возможно, Эвбею следует рассматривать скорее как часть греческого материка (от которого ее отделял лишь пролив, достаточно узкий, чтобы через него можно было перекинуть мост), чем как остров. Но последние пять островов, названные в Каталоге, полностью или частично дорические: ни один ионический или эолийский остров не фигурирует в нем: эти последние, хотя именно среди них воспевал поэт, представляются героями их предков, которые пришли из самой Греции.

Последний элемент, который следует включить в состав Греции 776 года до н. э., - это длинная череда дорических, ионических и эолийских поселений на побережье Малой Азии, занимающая пространство, ограниченное на севере Троадой и областью Ида, и простирающаяся на юг до полуострова Книд. Двенадцать континентальных городов, помимо

островов Лесбос и Тенедос, Геродот относит к древним эолийским основам: Смирна, Кима, Лариса, Неон-Тейхос, Темнос, Килла, Нотиум, Игиросса, Питана, Игера, Мирина и Грынея. Смирна, которая сначала была эолийской, затем была приобретена ионийцами с помощью хитрости и навсегда осталась ионийской. Фокея, самое северное из ионийских поселений, граничила с Эолисом: Клазомен, Эритрея, Теос, Лебедос, Колофон, Приенк, Миус и Милет продолжали ионическое название на юг. Вместе с Самосом и Хиосом они образовали Панионскую федерацию.<sup>[363]</sup> К югу от Милета после значительного перерыва возникли дорийские поселения Минд, Галикарнас и Книд: два последних, вместе с островом Косом и тремя поселениями на Родосе, составили дорийский Гексаполис, или сообщество шести городов, объединенных в первую очередь в религиозных целях, но производивших вторичный эффект, аналогичный политической федерации.

Такова, таким образом, территория Эллады, какой она была на момент начала Олимпиады. Чтобы нарисовать картину даже для этой даты, мы не располагаем достоверными материалами и вынуждены датировать утверждения, относящиеся к более позднему периоду: и одного этого соображения может быть достаточно, чтобы показать, насколько несертифицированными являются все описания Греции 1183 года до н. э., предполагаемой эпохи Троянской войны, четырьмя столетиями ранее.

---

## ГЛАВА II. ЭЛЛИНСКИЙ НАРОД В ЦЕЛОМ В РАННИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА.

Территория, указанная в предыдущей главе - к югу от горы Олимп и к югу от линии, соединяющей город Амбракия с горой Пинд, - была занята в исторический период центральной частью эллинов, или греков, от которой отпочковались их многочисленные колонии.

И метрополия, и колонисты называли себя эллинами и признавались таковыми друг другом; все славил это имя как выдающийся символ братства; все описывали неэллинских людей или города словом, которое вызвало ассоциации отвращения. Наш термин "*варвар*", заимствованный из этого последнего слова, не выражает той же идеи; ведь греки говорили так без разбора о внеэллинском мире со всеми его обитателями,<sup>[364]</sup> независимо от мягкости их характера и степени их цивилизованности. Правители и жители египетских Фив с их древними и гигантскими памятниками, богатые тирийцы и карфагеняне, филэллин Аргантоний из Тартесса и хорошо дисциплинированные патриции Рима (к негодованию старого Катона,<sup>[365]</sup>) - все были в нем. Вначале оно, по-видимому, выражало скорее отвращение, чем презрение, и особенно отвращение к звукам чужого языка.<sup>[366]</sup> Впоследствии у греков возникло чувство собственного превосходства (отчасти вполне обоснованное), и термин "*варвар*" стал использоваться для обозначения низкого состояния нравов и интеллекта; в этом смысле он был сохранен полуэллинизированными римлянами, как надлежащая антитеза их цивилизованному состоянию. Отсутствие подходящего слова, соответствующего *варвару*, как его изначально использовали греки, настолько неудобно при описании греческих явлений и чувств, что я вынужден иногда использовать это слово в его примитивном смысле.

Все эллины были одной крови и одного происхождения - все они были потомками общего патриарха Эллады. Рассматривая исторических греков, мы должны принять это как данность: оно отражает настроение, под влиянием которого они двигались и действовали. Геродот ставит ее на первое место, как главную из тех четырех уз, которые связывали эллинскую совокупность: 1. родство крови; 2. родство языка; 3. постоянные места обитания богов и жертвоприношения, общие для всех; 4. схожие нравы и повадки.

Это (говорят афиняне в своем ответе спартанским посланникам в самый кризис персидского вторжения) "Афины никогда не опозорят себя предательством". А Зевс Эллинский был признан богом, наблюдающим и поддерживающим созданное таким образом братство[367].

Гекатей, Геродот и Фукидид[368] считали, что существовал доэллинский период, когда между горой Олимп и мысом Малей говорили на разных языках, не понимая друг друга. Однако, как бы то ни было, в исторические времена греческий язык был универсальным в этих пределах, разветвляясь, однако, на множество диалектов, которые были грубо классифицированы более поздними литераторами на ионический, дорический, эолийский и аттический. Но эта классификация представляет собой видимость регулярности, которая на самом деле, похоже, не была реализована; каждый город, каждое меньшее подразделение эллинского имени, имеет особенности диалекта, принадлежащего самому себе. Ученые мужи, разработавшие четверичное деление, обратили внимание главным образом, если не исключительно, на письменные диалекты - те, которые были облагорожены поэтами или другими авторами; простые разговорные идиомы по большей части игнорировались.[369] О том, что в речи людей, называемых ионическим греческим, не было единого ионического диалекта, мы знаем из неоспоримого свидетельства Геродота,[370] который говорит нам, что среди двенадцати азиатских городов, особенно известных как ионические, существовало четыре основных разновидности речи. Конечно, разновидностей было бы гораздо больше, если бы он передал нам впечатления своего уха в Эвбее, на Кикладах, в Массалии, Регии и Ольвии, - все они считались греками и ионийцами. Ионический диалект грамматиков был выдержкой из Гомера, Гекатея, Геродота, Гиппократы и т. д.; к какой живой речи он ближе всего подходил, среди тех расхождений, о которых нам сообщил историк, мы не можем сказать. Саффо и Алкей на Лесбосе, Миртис и Коринна в Беотии были великими источниками для лесбосской и беотийской разновидностей эолийского диалекта, из которых в Фессалии существовала третья разновидность, не тронутая поэтами.[371] Аналогия между различными проявлениями дорийского и эолийского, а также между дорийским и эолийским в целом, в отличие от аттического, может быть принята только как грубая и приблизительная.

Но все эти различные диалекты - не более чем диалекты, отличающиеся как модификации одного и того же языка и свидетельствующие о наличии определенных законов и принципов, пронизывающих их все. Они, по-видимому, могут быть восприняты от некоего идеального родного языка, своеобразного и отличного от латинского, хотя и родственного ему; существенного члена того, что было названо индоевропейской семьей языков. Эта истина стала очевидной в последнее время благодаря сравнительному анализу санскрита, зенда, греческого, латинского, немецкого и литовского языков, а также благодаря более точному анализу самого греческого языка, к которому привели такие исследования, и стала гораздо более ясной, чем могли себе представить сами древние.[372] Нет необходимости останавливаться на важности этого единообразия языка для сплочения расы и для того, чтобы гений ее наиболее выдающихся членов стал доступен для цивилизации всех. За исключением редчайших случаев, расхождения в диалектах не были такими, чтобы помешать каждому греку понимать и быть понятым каждым другим греком, - факт

примечательный, если учесть, как много их колонистов, не взявших женщин в эмиграции, вступали в брак с негреческими женами. А совершенство и популярность их ранних эпических поэм имели неоценимое значение для распространения общего типа языка и, таким образом, для объединения симпатий эллинского мира.[373] Гомеровский диалект стал эталоном гекзаметра для всех греческих поэтов, что особенно видно на примере Гесиода, который придерживается его в основном, хотя его отец был уроженцем эолийского Кима, а сам он жил в Аскре, в эолийской Беотии, - и ранние ямбические и элегические композиции построены по той же модели. Интеллектуальные греки во всех городах, даже самые отдаленные от центрального очага изгои, рано привыкли к одному типу литературной речи и стали обладателями общего фонда легенд, афоризмов и метафор.

Та общность религиозных чувств, местностей и жертвоприношений, которую Геродот называет третьей связью греков, была явлением, не вплетенным (подобно расе и языку) в их первобытную конституцию, а постепенно развивающимся. Во времена Геродота и даже на столетие раньше она достигла своей полной зрелости: но был период, когда не существовало общих для всего эллинского тела религиозных собраний. То, что называют Олимпийскими, Пифийскими, Немейскими и Истмийскими играми (четыре наиболее заметных среди множества других аналогичных), в действительности было великими религиозными праздниками, - ведь боги тогда давали свое особое разрешение, имя и присутствие на развлекательных собраниях, - самая тесная связь тогда преобладала между чувствами общего поклонения и сочувствием в общих развлечениях.[374] Хотя сейчас эта ассоциация уже не признается, тем не менее, если мы хотим понять жизнь и деятельность греков, нам необходимо иметь ее в виду. Для Геродота и его современников эти великие праздники, на которые в то время съезжались толпы людей со всех концов Греции, имели огромное значение и представляли огромный интерес; однако когда-то они были чисто местными и не привлекали гостей, кроме как из очень узкого района. В гомеровских поэмах много говорится об общих богах и о специальных местах, посвященных и занимаемых несколькими из них: вожди устраивают погребальные игры в честь умершего отца, на которые съезжаются участники из разных частей Греции, но ничто не указывает на общественные или городские праздники, открытые для греков в целом.[375] И хотя скалистый Пифон с его храмом выделяется в "Илиаде" как место почитаемое и богатое, - Пифийские игры под руководством Амфикионов, с непрерывным зачислением победителей и общегреческой репутацией, начинаются только после Священной войны, в 48-й Олимпиаде, или 586 г. до н. э.[376].

Олимпийские игры, более заметные, чем Пифийские, а также значительно более древние, примечательны и по другому признаку, так как они предоставили историческим компьютерам самую древнюю обратную запись непрерывного времени. Именно в 776 году до н. э. элейцы вписали имя своего соотечественника Коребуса, победившего в состязании бегунов, и начали практику вписывать подобным образом в каждый олимпийский или пятый повторяющийся год имя бегуна, выигравшего приз. Однако даже в течение долгого времени после этого Олимпийские игры, по-видимому, оставались местным праздником; на первых двенадцати Олимпиадах приз неизменно доставался какому-нибудь спортсмену из Элиды или ее ближайших окрестностей. Немейские и Истмийские игры стали известными и посещаемыми лишь позднее, чем Пифийские. В своем законодательстве Соломон[377] провозгласил большую награду в пятьсот драхм для каждого афинянина, получившего олимпийский приз, и меньшую сумму в сто драхм за истмийский приз. Первое он рассматривает как общеэллинское звание и славу, украшение даже города, членом которого был победитель, а второе - как частичное, ограниченное окрестностями.

О зарождении этих великих торжеств мы не можем говорить иначе, как мифическим языком: мы знаем их только сравнительной зрелости. Но привычка к совместным жертвоприношениям, в небольших масштабах и между близкими соседями, является частью самых ранних привычек Греции. Чувство братства между двумя племенами или деревнями впервые проявилось в отправке священной легации, или теории,<sup>[378]</sup> для принесения жертв на праздниках друг друга и участия в последующих развлечениях; таким образом устанавливалось перемирие с торжественной гарантией и устанавливалась прямая связь каждого с богом другого под его соответствующей местной фамилией. Укрепленное таким образом мирное общение и возросшая уверенность во взаимодействии, по мере того как Греция постепенно выходила из буйства и драки героического века, особенно способствовали расширению сферы действия этой древней привычки: деревенские праздники превратились в городские, на которые часто приходили жители других городов, а иногда рассылались специальные приглашения, чтобы привлечь теоров из каждой эллинской общины, - и таким образом эти некогда скромные собрания постепенно разрастались до пышности и огромного слияния Олимпийских и Пифийских игр. Город, в котором проводились эти священные церемонии, пользовался неприкосновенностью территории в течение месяца их проведения, будучи обязан в это время воздерживаться от любой агрессии, а также оповещать глашатаев<sup>[379]</sup> о начале перемирия во всех других городах, не находящихся с ним в явной враждебности. За нарушение олимпийского перемирия Элис налагал большие штрафы на другие города - даже на могущественный Лакедемон - под страхом исключения из фестиваля в случае неуплаты.

Иногда эта тенденция к религиозному братству принимала форму Амфикитии, отличную от обычного фестиваля. Определенное число городов вступало в исключительное религиозное партнерство для периодического совершения жертвоприношений богу определенного храма, который должен был быть общим имуществом и находиться под общей защитой всех, хотя один из них часто назначался постоянным управляющим; в то время как все остальные греки были исключены. То, что среди ранних греческих деревень существовало множество религиозных товариществ такого рода, которые так и не заняли места в истории, можно, пожалуй, понять из этимологии слова (Amphiktyons<sup>[380]</sup> обозначает жителей вокруг, или соседей, рассматриваемых с точки зрения единоверцев), а также из сохранившихся до нас указаний на различные части страны. Так, на священном острове Калаурия, недалеко от гавани Трезена, существовала Амфикития<sup>[381]</sup> из семи городов. Гермiona, Эпидавр, Эгина, Афины, Прасия, Науплия и Орхомен совместно содержали храм и святилище Посейдона на этом острове (с которым, как кажется, город Трёзен, хотя и находился рядом, не имел никакой связи), собираясь там в определенные периоды для принесения официальных жертв. Эти семь городов, конечно, не были непосредственными соседями, но особенность и исключительность их интереса к храму видна из того факта, что когда аргейцы захватили Науплию, они приняли и выполняли эти религиозные обязательства от имени предыдущих жителей: так же поступили и лакедемоняне, когда захватили Прасиес. В Трифилии,<sup>[382]</sup> расположенной между Писатидой и Мессенией, в западной части Пелопоннеса, на мысе Самикон, в храме саамского Посейдона, состоялось аналогичное религиозное собрание и товарищество трифилийцев. Здесь на жителей Макистона возлагалось руководство, а также обязанность заранее сообщать точное время встречи (предосторожность, необходимая в условиях разнообразия и неравномерности греческого календаря) и объявлять так называемое "саамское перемирие" - временное воздержание от военных действий, которое связывало всех трифилийцев на время священного периода. Этот последний обычай свидетельствует о благотворном влиянии таких институтов, когда в сознании людей появляется общий объект почитания, общие обязанности и общие удовольствия; таким образом возникают симпатии и чувства взаимных обязательств среди



мелких сообществ, не менее свирепых, чем подозрительные.[383] Так, двенадцать главных ионических городов в Малой Азии и вблизи нее имели свою пан-ионическую амфикионию, свойственную только им: шесть дорических городов в южном углу полуострова и вблизи него объединялись с той же целью в храме Триопийского Аполлона; чувство особого партнерства здесь особенно иллюстрирует тот факт, что Галикарнас, один из шести, был формально изгнан оставшимися пятью за нарушение правил.[384] Также существовал амфикионийский союз в Онхесте в Беотии, в почитаемой роще и храме Посейдона:[385] из кого он состоял, нам не известно. Таковы некоторые примеры особых религиозных собраний, которые, по-видимому, часто проводились по всей Греции. Не следует также опускать те религиозные собрания и жертвоприношения, которые были общими для всех членов одного эллинского подразделения, как, например, Пам-Бётия для всех бёотийцев, праздновавшаяся в храме итонского Афинка близ Коронэи,[386] - общие праздники, совершавшиеся в храме Аполлона Пифея в Аргосе, все соседние города, которые когда-то были связаны этой религиозной нитью с аргейцами, - аналогичные периодические церемонии, посещаемые всеми, кто носил ахейское или этолийское имя, - и великолепные и волнующие праздники, столь благоприятные для распространения ранней греческой поэзии, которые приводили всех ионийцев через определенные промежутки времени на священный остров Делос.[387] Этот последний класс праздников совпадал с Амфикионией, поскольку носил особый и исключительный характер, не открытый для всех греков.

Но среди этих многочисленных Амфикионий была одна, которая, хотя и начиналась с самого малого, постепенно разрослась до столь всеобъемлющего характера и приобрела столь заметное преобладание над остальными, что получила название Амфикионийского собрания, и даже была принята некоторыми авторами за своего рода федеральный эллинский совет. Двенадцать подрас из числа тех, что составляли всю Элладу, принадлежали к этой древней Амфикионии, собрания которой проводились дважды в год: весной - в храме Аполлона в Дельфах, осенью - в Фермопиле, в священном участке Деметра Амфикиониса. На этих собраниях от каждой из двенадцати рас присутствовали священные депутаты, включая вождя, называемого Иеромном, и подчиненных, называемых Пилагорами: толпа добровольцев, по-видимому, сопровождала их для жертвоприношений, торговли или развлечений. Их особая и самая важная функция заключалась в наблюдении за Дельфийским храмом, в котором все двенадцать подрас были совместно заинтересованы; именно огромное богатство и национальное превосходство этого храма повысили до столь высокого уровня достоинство его признанных администраторов.

Двенадцать членов были следующими: Фессалийцы, Беотийцы, Дорийцы, Ионийцы, Перребийцы, Магнеты, Локрийцы, Итæйцы, Ахæйцы, Фокийцы, Долопы и Малийцы.[388] Все они считаются *расами*, (если мы рассматриваем эллинов как расу, то должны называть их *подрасами*), города не упоминаются:[389] все имеют одинаковый голос при голосовании, по два голоса дают депутаты от каждого из двенадцати: Более того, нам говорят, что при определении депутатов, которые должны быть посланы, или способа, которым должны быть отданы голоса каждой расы, могущественные Афины, Спарта и Фивы имели не больше влияния, чем самый скромный ионийский, дорийский или беотийский город. Этот последний факт четко зафиксирован Эсхином, который сам был пилагором, посланным в Дельфы Афинами. И, несомненно, теория дела была такова: голоса ионийцев считались ни больше, ни меньше, чем за два, независимо от того, подавали ли их депутаты из Афин или из небольших городов Эритреи и Приэнки; и точно так же голоса дорийцев были так же хороши при разделении, когда их подавали депутаты из Беона и Китиниона на небольшой территории Дориды, как если бы люди, подававшие их, были спартанцами. Но можно не сомневаться, что на практике маленькие ионические и маленькие дорические города не

претендовали на участие в обсуждениях в Амфикинии. Как ионический голос стал в основном голосом Афин, так и если Спарте когда-либо мешали управлять дорическим голосом, то это должны были делать мощные дорические города, такие как Аргос или Коринф, а не незначительные города Дориды. Но теория амфикинийского избирательного права, изложенная Эсхином, как бы мало ни была реализована на практике в его время, важна, поскольку она в полной мере демонстрирует первобытную и оригинальную конституцию. Первое учреждение Амфикинии относится к тому времени, когда все двенадцать членов были на равных условиях независимости и когда не было подавляющих городов (таких, как Спарта и Афины), которые могли бы отбросить в тень более скромных членов, - когда Спарта была только одним дорическим городом, а Афины - только одним ионическим, среди различных других, не сильно уступающих по значению.

Есть и другие доказательства, свидетельствующие о высокой древности этого амфикинийского созыва. Эсхин приводит выдержку из клятвы, которую давали священные депутаты, присутствовавшие от имени своих рас, с момента его основания и, очевидно, продолжали давать и в его дни. Античная простота этой клятвы и условий, к которым обязывались ее участники, свидетельствует о ранней эпохе, в которой она возникла, а также о скромных ресурсах тех городов, к которым она применялась.<sup>[390]</sup> "Мы не уничтожим ни одного амфикионского города, не лишим ни один амфикионский город проточной воды" - таковы два основных обязательства, которые Эсхинес выделяет из старой клятвы. Второе из них возвращает нас к простейшему состоянию общества и к городам самого маленького размера, когда девы выходили с тазами за водой из источника, как дочери Келеоса в Элевсисе или Афины от фонтана Каллиррока.<sup>[391]</sup> Можно даже предположить, что особое упоминание этой детали в договоре между двенадцатью расами буквально заимствовано из еще более ранних соглашений между деревнями или маленькими городками, в которых жили представители каждой расы. Во всяком случае, она удовлетворительно доказывает очень древнюю дату, к которой следует отнести начало созыва Амфикионов. По мнению Эсхина (возможно, и по общему мнению его времени), он начался одновременно с первым основанием Дельфийского храма - событие, о котором у нас нет исторических сведений; но есть основания предполагать, что его первоначальное учреждение связано с Фермопилами и Деметром Амфикионисом, а не с Дельфами и Аполлоном. Особая фамилия, под которой была известна Деметра и ее храм в Фермопилах,<sup>[392]</sup> храм героя Амфикиона, стоявший при нем, слово Ρυλæ, которое закрепилось в языке для обозначения полугодового собрания депутатов как в Фермопилах, так и в Дельфах, - Все эти признаки указывают на Фермопилы (реальную центральную точку для всех двенадцати) как на основное место встречи, а на дельфийское полугодие как на нечто вторичное и дополнительное. Однако в этом вопросе мы не можем выйти за рамки предположения.

Герой Амфикион, чей храм стоял в Фермопиле, в мифической генеалогии выдавался за брата Эллана. И можно с уверенностью утверждать, что привычка заключать Амфикионовы союзы и посещать религиозные праздники друг друга была великим средством для создания и развития первобытного чувства братства среди детей Эллады в те ранние времена, когда грубость, неуверенность и драчливость так сильно способствовали их изоляции. Определенное количество полезных привычек и чувств, таких как клятва Амфикиона, воплощающая воздержание от нанесения вреда, а также взаимную защиту,<sup>[393]</sup> постепенно вошли в сознание людей: обязательства, введенные таким образом в игру, приобрели собственную существенную силу, а религиозное чувство, которое всегда оставалось связанным с ними, стало впоследствии лишь одним из многих сложных факторов, которыми двигался поздний исторический грек. Афины и Спарта в дни своего могущества, а также

низшие города по отношению к ним, играли каждый в свою политическую игру, в которой религиозные соображения, как выясняется, играли лишь подчиненную роль.

Особая функция совета Амфикитии, насколько нам известно, заключалась в том, чтобы следить за безопасностью, интересами и сокровищами Дельфийского храма. "Если кто-либо расхитит имущество бога, или будет его знать, или даст вероломный совет против вещей в храме, мы накажем его и ногами, и руками, и голосом, и всеми средствами, которые в нашей власти". Так гласила старая амфикитийская клятва, к которой прилагалось энергичное восклицание.<sup>[394]</sup> И есть несколько примеров, в которых совет<sup>[395]</sup> так расширил свои функции, что принимал и рассматривал жалобы на целые города, за преступления против религиозных и патриотических чувств греков в целом. Но по большей части его вмешательство касается непосредственно Дельфийского храма. Самым ранним случаем, в котором он предстает перед нами, является Священная война против Кирры в 46-й Олимпиаде или 595 году до нашей эры, которую вели фессалиец Эврилох и сикионский Клейстен, а предложил - афинский Соломон:<sup>[396]</sup> примерно через полвека после этого Амфикитии также взяли на себя обязанность собрать подписку по всему эллинскому миру и заключить с Алкмаонидами договор о восстановлении храма после пожара.<sup>[397]</sup> Но влияние этого совета, по сути, носит непостоянный и прерывистый характер. Иногда он появляется, чтобы принять решение, и его решения вызывают уважение; но такие случаи редки, если брать общий ход известной греческой истории; в то время как есть и другие случаи, особенно касающиеся Дельфийского храма, по которым мы с удивлением обнаруживаем, что о нем ничего не сказано. За весь долгий и беспокойный период, который описывает Фукидид, он ни разу не упомянул Амфикитионов, хотя храм и сохранность его сокровищ являются постоянным предметом<sup>[398]</sup> как споров, так и прямых договоренностей между Афинами и Спартой: Более того, среди двенадцати членов совета мы находим троих - перребийцев, магнетов и ахейцев из Фтии, - которые были даже не независимы, а подчинялись фессалийцам, так что его заседания, когда они не были вопросами простой формы, вероятно, выражали только чувства трех или четырех ведущих членов. Когда у одной или нескольких великих держав возникала партийная цель, направленная против других, - когда Филипп Македонский желал исключить одного из членов, чтобы добиться приема для себя, - становилось удобно превратить эту древнюю форму в серьезную реальность, и мы видим, как афинские эсхины дают Филиппу предлог для вмешательства в пользу мелких беотийских городов против Фив, утверждая, что эти города находятся под защитой старой клятвы Амфикитии<sup>[399]</sup>.

Таким образом, мы должны рассматривать совет как элемент греческих дел, - древнее учреждение, один из многих примеров первобытной привычки к религиозному братству, но более широкий и всеобъемлющий, чем остальные, - сначала чисто религиозный, затем религиозный и политический одновременно; Наконец, скорее второе, чем первое, - очень ценное в младенчестве, но не подходящее для зрелой Греции, и приводимое в реальное действие лишь в редких случаях, когда его эффективность совпадала со взглядами Афин, Фив или царя Македонского. В такие особые моменты он сияет преходящим светом, который позволяет частично оправдать внушительный титул, присвоенный ему Цицероном, - "общее собрание греков" (*commune Græciæ concilium*)<sup>[400]</sup>, но мы бы совершенно неправильно истолковали греческую историю, если бы рассматривали его как федеральный совет, обычно руководящий или обычно подчиняющийся. Если бы существовал такой "общий консилиум", обладавший достаточной мудростью и патриотизмом, и если бы тенденции эллинского ума были способны приспособиться к нему, весь ход позднейшей греческой истории, вероятно, изменился бы; македонские цари остались бы лишь уважаемыми соседями, заимствующими цивилизацию из Греции и тратящими свои военные силы на

фракийцев и иллирийцев; а объединенная Эллада могла бы даже сохранить свою собственную территорию против завоевательных легионов Рима.

Двенадцать составляющих Амфикионию рас оставались неизменными до Священной войны с фокийцами (355 г. до н. э.), после которой, хотя число двенадцать и сохранилось, фокийцы были лишены права голоса, а их голоса перешли к Филиппу Македонскому. Уже упоминалось, что эти двенадцать не исчерпывали всей Эллады. Аркадийцы, элейцы, пизанцы, минийцы, дриопы, этолийцы, все истинные эллины, не вошли в него; но все они имели право пользоваться храмом в Дельфах и участвовать в Пифийских и Олимпийских играх. Пифийские игры, проводившиеся в Дельфах, находились под надзором амфикионов[401] или какого-нибудь действующего магистрата, выбранного ими и, как предполагалось, представлявшего их: как и Олимпийские игры, они проводились каждые четыре года (промежуток между одним праздником и другим составлял четыре полных года, которые греки называли пентаэтетрис); Истмийские и Немейские игры проводились каждые два года. В своей первой скромной форме, представлявшей собой состязание бардов в исполнении гимна в честь Аполлона, этот праздник, несомненно, имел незапамятную древность;[402] но первое расширение его до общеэллинской известности (как я уже отмечал), первое умножение предметов состязаний и первое введение непрерывной записи победителей относятся только к тому времени, когда он перешел под руководство Амфикионов, в конце Священной войны с Киррой. То, что называют первым пифийским состязанием, совпадает с третьим годом 48-й Олимпиады, или 585 годом до н. э. С этого периода игры становятся многочисленными и знаменитыми: но только что названная дата, почти два века спустя после первой Олимпиады, является доказательством того, что привычка периодически посещать фестивали, многочисленные и из далеких краев, развивалась в греческом мире медленно.

Основание храма в Дельфах выходит далеко за пределы исторических знаний, являясь одним из первобытных институтов Эллады. Это освященное и богатое место, даже в "Илиаде": законодательство Ликурга в Спарте было введено под его эгидой, и самые ранние греческие колонии, Сицилия и Италия в восьмом веке до н.э., были основаны в соответствии с его мандатом. Дельфы и Додона в древнейших обстоятельствах Греции предстают как повсеместно почитаемые оракулы и святилища: и Дельфы не только получают почести и жертвоприношения, но и отвечают на вопросы лидийцев, фригийцев, этрусков, римлян и т. д.: это не исключительно эллинский храм. Одна из ценных услуг, которую грек искал у этого и других великих религиозных учреждений, заключалась в том, что они должны были разрешить его сомнения в случаях недоумения, - что они должны были посоветовать ему, начинать ли новое или упорствовать в старом проекте, - что они должны были предсказать, какой будет его судьба при данных обстоятельствах, и сообщить ему, если он страдает от беды, на каких условиях боги дадут ему облегчение. Три жрицы Додоны с их почтенным дубом и жрица Дельф, сидящая на своем треножнике под воздействием некоего газа или пара, выходящего из скалы, были одинаково компетентны в определении этих сложных моментов: и в этой истории мы будем постоянно иметь случай замечать, с какой полной верой ставился вопрос и как хранился ответ, - какое серьезное влияние он часто оказывал как на общественные, так и на частные дела.[403] Стихи гекзаметра, в которых произносила свои речи пифийская жрица, действительно, часто были настолько двусмысленными или непонятными, что самый серьезный верующий, со всем старанием пытавшийся истолковать их и послушаться, часто оказывался в проигрыше; однако общая вера в оракула ничуть не была поколеблена таким болезненным опытом. Поскольку неудачный исход всегда можно

было объяснить двумя гипотезами: либо бог говорил неправду, либо его смысл был неправильно понят, - никто из искренне благочестивых людей не решался принять последнюю. Кроме Дельф и Додоны, в Греции существовало множество других оракулов: Аполлон был открыт для вопросов верующих в Птоне в Беотии, в Абæ в Фокисе, в Бранхиде близ Милета, в Патаре в Ликии и других местах: подобным образом Зевс давал ответы в Олимпии, Посейдон в Тенаре, Амфиарай в Фивах, Амфилох в Малласе и т.д. И эта привычка советоваться с оракулом была частью более общей тенденции греческого ума не предпринимать никаких действий, не выяснив предварительно, как боги смотрят на это и какие меры они, вероятно, примут. Жертвоприношения и тщательный осмотр внутренностей жертвы совершались с той же целью: предзнаменования, чудеса, непредвиденные совпадения, случайные выражения и т. д. - все это истолковывалось как знаки божественной воли. Принести жертву с целью осуществления того или иного начинания или обратиться к оракулу с той же целью - вот привычные выражения[404], вошедшие в язык. Ни один человек не мог спокойно приступить к осуществлению задуманного, пока не убеждался тем или иным способом, что боги благосклонны к нему.

Упомянутая здесь предрасположенность - одна из тех ментальных аналогий, пронизывающих всю эллинскую нацию, о которых говорит Геродот. А распространенная среди всех греков привычка почтительно слушать дельфийского оракула во многих случаях может оказаться полезной для поддержания единодушия среди людей, не привыкших подчиняться одному и тому же политическому начальнику. Особенно в многочисленных колониях, основанных смешанными толпами из отдаленных частей Греции, умы эмигрантов были настроены на сердечное сотрудничество благодаря тому, что они знали, что экспедиция была направлена, кист указан, а место выбрано или одобрено Аполлоном из Дельф. Так в большинстве случаев и происходило: бог, по представлениям греков, "всегда радуется основанию новых городов и сам лично закладывает первый камень"[405].

Таковы элементы единства - помимо общей территории, описанной в предыдущей главе, - с которых исторические эллины берут свое начало: общность крови, языка, религиозных взглядов, легенд, жертвоприношений, праздников,[406] а также (с некоторыми допущениями) манер и характера. Аналогия манер и характеров между грубыми жителями аркадской Кинæты[407] и вежливыми Афинами, действительно, сопровождалась большими различиями: но если мы сравним их с иностранными современниками, то найдем некоторые негативные характеристики, имеющие большое значение, общие для обоих. Ни в одном городе исторической Греции не было ни человеческих жертвоприношений[408], ни преднамеренных увечий, таких как отрезание носа, ушей, рук, ног и т. д., ни кастрации, ни продажи детей в рабство, ни многоженства, ни чувства безграничного повиновения одному человеку: все обычаи, которые можно указать как существующие среди современных карфагенян, египтян, персов, фракийцев,[409] и т. д. Привычка бегать, бороться, боксировать и т. д. в гимнастических состязаниях с совершенно обнаженным телом была общей для всех греков, впервые принятая как лакедемонская мода в четырнадцатую Олимпиаду: Фукидид и Геродот отмечают, что среди незллинов это не только не практиковалось, но даже считалось неприличным.[410] Таких обычаев, действительно, одновременно общих для всех греков и свойственных им отличие от других, мы не можем указать большое количество; но мы можем увидеть достаточно, чтобы убедить себя, что, несмотря на местные различия, действительно существовали общие эллинские чувства и характер, которые считались среди скрепляющих причин союза, казалось бы, столь мало уверенного.

Ибо мы должны помнить, что в отношении политического суверенитета полное разъединение было одним из их самых заветных принципов. Единственный источник



верховой власти, к которому грек испытывал уважение и привязанность, находился в стенах его собственного города. Власть в другом городе могла действовать на его страхи, могла обеспечивать ему повышенную безопасность и преимущества, как мы будем иметь случай показать в дальнейшем в отношении Афин и их союзников, могла даже осуществляться мягко и не вызывать особого отвращения: но все же принцип ее был противен коренным чувствам его ума, и он всегда тяготел к отчетливому суверенитету своего собственного *boulê*, или *ekklêsia*. Эта склонность характерна как для демократий, так и для олигархий, и действует даже среди различных городов, принадлежащих к одному и тому же подразделению эллинского названия - ахейцев, фокийцев, беотийцев и т. д. Двенадцать ахейских городов - гармоничные союзники, периодически устраивающие фестивали, напоминающие конгресс, - но равноправные и независимые политические сообщества: беотийские города под председательством Фив, их предполагаемой метрополии, признают некоторые общие обязательства и подчиняются по различным конкретным вопросам избранным должностным лицам, называемым беотархами, - но в этом, как и в других случаях, мы увидим постоянно проявляющиеся центробежные тенденции, которым противостоят главным образом интересы и власть Фив. Эта великая, успешная и удачная революция, в результате которой несколько независимых политических сообществ Аттики слились в единое целое - Афины, произошла еще до появления достоверной истории: она связана с именем героя Тесея, но мы не знаем, как она была осуществлена, а ее сравнительно большие размеры и масштабы делают ее ярким исключением из общих эллинских тенденций.

Политическое объединение - суверенная власть в пределах городских стен - таким образом, сформировало устоявшуюся максиму в греческом сознании. Отношения между одним городом и другим были международными, а не отношениями, существующими между членами общей политической совокупности. В нескольких милях от стен своего города афинянин оказывался на территории другого города, где он был не более чем пришельцем, где он не мог ни приобрести собственность дом или землю, ни вступить в законный брак с местной женщиной, ни подать иск о защите от ущерба, кроме как при посредничестве какого-нибудь дружественного гражданина. Право на заключение брака и приобретение земельной собственности иногда предоставлялось городом какому-нибудь отдельному несвободному человеку в качестве особой милости, а иногда (хотя и очень редко) взаимно обменивалось между двумя отдельными городами.<sup>[411]</sup> Но обязательства между одним городом и другим или между гражданином одного города и гражданином другого - это все вопросы особого договора, согласованного с суверенной властью каждого из них. Такое сосуществование полного политического разрыва с такой большой общностью в других отношениях вызывает недоумение в современных представлениях, а современный язык не располагает выражениями для описания греческих политических явлений. Мы можем сказать, что афинский гражданин был *чужеземцем*, когда прибыл в качестве гостя в Коринф, но вряд ли мы можем сказать, что он был *иностранцем*; и хотя отношения между Коринфом и Афинами в принципе были *международными*, это слово явно не подходит для многочисленных мелких автономий Эллады, кроме того, оно необходимо нам для описания отношений эллинов вообще с персами или карфагенянами. Мы вынуждены использовать такое слово, как *межполитический*, для описания сделок между отдельными греческими городами, столь многочисленными в ходе этой истории.

Как, с одной стороны, грек не согласится искать суверенную власть за пределами своего города, так, с другой стороны, он должен иметь город, на который можно ориентироваться: разрозненные деревни не удовлетворяют его потребности в социальном порядке, безопасности и достоинстве. Хотя объединение мелких городов в один крупный противно его чувствам, объединение деревень в город представляется ему очевидным прогрессом в

масштабах цивилизации. Таковы, по крайней мере, настроения в Греции на протяжении всего исторического периода; ведь всегда существовала определенная часть эллинской совокупности - самая грубая и наименее развитая - которая жила в неукрепленных деревнях и на которую граждане Афин, Коринфа или Фив смотрели как на низших. Такое деревенское проживание было характерно для эпиротов[412] повсеместно и преобладало по всей Элладе в те ранние и даже догомеровские времена, на которые Фукидид оглядывался как на прискорбно варварские; времена всеобщей бедности и незащищенности, отсутствия мирных сношений, вечных войн и грабежей, вынуждавших каждого человека проводить свою жизнь вооруженным, бесконечной миграции без каких-либо местных привязанностей. Многие из значительных городов Греции упоминаются как скопления ранее существовавших деревень, некоторые из которых возникли сравнительно недавно. Тегея и Мантинея в Аркадии, таким образом, представляют собой слияние восьми и пяти деревень соответственно; Дымка в Ахайе была собрана из восьми деревень, а Элида - таким же образом, в период даже позже персидского вторжения;[413] то же самое, похоже, произошло с Мегарой и Танагрой. Значительная часть аркадян продолжала жить в деревнях вплоть до битвы при Лейктре, и Спарте было выгодно держать их в таком разобщенном состоянии; Эта политика, которую мы увидим далее, иллюстрируется расчленением Мантинеи (на примитивные деревни), которое осуществил Агесилай, но которое было отменено, как только власть Спарты перестала быть главной, - а также основанием Мегалополя из большого количества мелких аркадских городов и деревень, одной из капитальных мер Эпаминонда.[414] Как эта мера возвысила значение Аркадии, так и обратное действие - распад города на элементарные деревни - было не только приговором к лишениям и страданиям, но и полным исчезновением греческого ранга и достоинства.

Озолийские локрийцы, этолийцы и акарнанцы сохранили свое отдельное деревенское жительство вплоть до более позднего периода, сохранив вместе с ним свою первобытную грубость и беспорядочную драчливость.[415] Их деревни не были укреплены и защищались только сравнительной недоступностью; в случае необходимости они бежали в поисках безопасности со своим скотом в леса и горы. В таких неблагоприятных условиях не было места для того расширения социальных и политических чувств, которое породили защищенное внутреннее проживание и увеличение численности; Здесь не было освященного акрополя или агоры, не было украшенных храмов и портиков, демонстрирующих постоянные приношения сменяющих друг друга поколений,[416] не было театра для музыки или декламации, не было гимназии для атлетических упражнений, не было тех фиксированных договоренностей для ведения общественных дел с регулярностью и приличием, которые греческий гражданин, с его сильным чувством локальности, считал необходимыми для достойного существования. Деревня была не более чем фракцией и подчиненным звеном, входящим в качестве конечности в организованное тело, называемое городом. Но город и штат в его понимании и на его языке - одно и то же. Хотя никакая организация, кроме города, не может удовлетворить потребности[417] разумного свободного человека, город сам по себе является совершенным и самодостаточным целым, не допускающим включения в какое-либо более высокое политическое единство. Стоит заметить, что Спарта даже в дни своего величайшего могущества была не городом, а просто агглютинацией пяти соседних деревень, сохраняя неизменным свой старомодный уклад: ведь крайняя обороноспособность ее границ и военная доблесть ее жителей компенсировали отсутствие стен, а дисциплина, налагаемая на спартанцев, превосходила по строгости и мелочности все известное в Греции. Таким образом, Спарта, хотя и была меньше города по внешним признакам, была больше, чем город, по совершенству бурения и постоянству политического распорядка. На контраст между скромной внешностью и могущественной реальностью указывает Фукидид.[418] Жители небольшой территории

Пизы, где расположена Олимпия, когда-то пользовались почетной привилегией проводить олимпийский праздник. Лишившись ее и подчинившись более могущественным элейцам, они воспользовались различными движениями и тенденциями среди крупных греческих держав, чтобы попытаться вернуть ее себе; и в одном из этих случаев мы видим, что их притязания были отвергнуты, поскольку они были сельскими жителями и недостойны столь великого отличия.<sup>[419]</sup> На территории Пизатидов не было ничего, что можно было бы назвать городом.

Изучая историческую Грецию, мы вынуждены принять эллинскую совокупность с ее составными элементами как первичный факт, с которого следует начать, поскольку состояние нашей информации не позволяет нам подняться выше. При каких обстоятельствах или из каких ранее существовавших элементов была собрана и изменена эта совокупность, мы не находим никаких свидетельств, заслуживающих доверия. Есть, правда, различные имена, которые, как утверждается, обозначают доэллинских жителей многих частей Греции, - пеласги, лелеги, куреты, кауконы, аоны, теммики, гиганты, телхины, беотийские фракийцы, телебои, эфиры, флегии и т. д. Это имена, принадлежащие легендарной, а не исторической Греции, - извлеченные из множества противоречивых легенд логографами и последующими историками, которые собрали из них предполагаемую историю прошлого, в то время, когда условия исторических доказательств были очень мало изучены. То, что эти названия обозначали реальные народы, может быть правдой, но на этом наши знания заканчиваются. У нас нет хорошо информированных свидетелей, которые могли бы рассказать нам об их времени, пределах проживания, действиях или характере; мы также не знаем, насколько они идентичны или отличаются от исторических эллинов, - которых мы вправе назвать не первыми жителями страны, а первыми, известными нам на основании сколько-нибудь приемлемых свидетельств. Если кто-то склонен называть неизвестный доэллинский период Греции именем Пеласгика, он может это сделать; но это имя не несет в себе никаких гарантированных предикатов, нисколько не расширяет наше понимание реальной истории и не позволяет нам объяснить - что было бы настоящей исторической проблемой - как или от кого эллины приобрели тот запас склонностей, способностей, искусств и т.д., с которым они начали свою карьеру. Тот, кто изучил множество противоречивых систем в отношении пеласгов, - от буквальной веры Клавье, Ларше и Рауля Рошетта (которая, по крайней мере, кажется мне наиболее последовательной) до интерпретационных и полуневероятных процессов, применяемых более умными людьми, такими как Нибур, О. Мюллер или д-р Тирвалл,<sup>[420]</sup> - не будет недоволен моим решением отказаться от столь неразрешимой проблемы. В настоящее время мы не имеем никаких подтвержденных фактов - их не было у Геродота и Фукидида даже в их эпоху, - на которых можно было бы строить заслуживающие доверия утверждения относительно доэллинских пеласгов. И если дело обстоит именно так, мы можем без всякого умысла применить замечание Геродота, касающееся одной из теорий, которую он слышал для объяснения затопления Нила предполагаемой связью с обводненным океаном, - что "человек, который переносит свою историю в невидимый мир, выходит из сферы критики"<sup>[421]</sup>.

Насколько нам известно, в самой Греции не было городов или деревень, называемых пеласгами, с 776 года до н. э. Но в двух разных местах даже в эпоху Геродота все еще существовали люди, которых он считал пеласгами. Одна часть из них занимала города Плакия и Скилака близ Кизикуса на Пропонтиде; другая жила в городе Крёстоне у Термического залива.<sup>[422]</sup> Кроме того, существовали и другие пеласги, о которых он не упоминает, - кажется, по Фукидиду, на Афонском полуострове было несколько небольших пеласгических поселений.<sup>[423]</sup> Итак, Геродот знакомит нас с замечательным фактом, что жители Крстона, Плакии и Скилаке, а также других безымянных пеласгийских поселений

говорили на одном языке, и каждый из них, соответственно, отличался от своих соседей вокруг них. Более того, он сообщает нам, что их язык был варварским (*то есть* неэллинским), и этот факт он приводит в качестве доказательства того, что древний пеласгийский язык был варварским или отличным от эллинского. В то же время он прямо заявляет, что у него нет никаких достоверных сведений о том, на каком языке говорили древние пеласги, - одно из доказательств того, что ему не были открыты ни памятники, ни средства получения достоверной информации об этом народе.

Это единственный факт среди стольких предположений о пеласгах, о котором мы можем сказать, что знаем его на основании свидетельства компетентного и современного очевидца: несколько поселений, разбросанных и незначительных, но все, которые Геродот в свое время знал как пеласги, говорили на варварском языке. И в этом вопросе он должен считаться превосходным судьей. Если же, как полагает историк, все ранние пеласги говорили на том же языке, что и жители Крстона и Плакии, то они должны были изменить свой язык в то время, когда перешли в эллинское сословие или стали эллинами. Геродот полагает, что эта совокупность постепенно увеличилась до своих реальных размеров, включив в себя не только пеласгов, но и несколько других народов, некогда бывших варварами;[424] эллины изначально были незначительным народом. Среди других некогда варварских народов, которые, по мнению Геродота, стали эллинизированными, мы, вероятно, можем назвать лелегов; и в отношении них, как и в отношении пеласгов, у нас есть современные свидетельства, доказывающие существование варваров-лелегов в более поздние времена. Филипп, карийский историк, подтверждает существование в настоящее время и верит в существование в прошлом лелегов в своей стране в качестве крепостных или зависимых земледельцев под властью карийцев, аналогичных гелотам в Лаконии или пенестеям в Фессалии.[425] Мы можем быть совершенно уверены, что не было никаких эллинов - людей, говорящих на эллинском языке, - стоящих в таком отношении к карийцам. Среди тех многочисленных варвароязычных народов, которые, по мнению Геродота, изменили свой язык и превратились в эллинов, мы можем, следовательно, справедливо считать лелегов. Ведь наряду с пеласгами и пеласгами, лелеги и лелексы занимают наиболее заметное место в легендарных генеалогиях, и оба вместе покрывают большую часть эллинской земли.

Ограничиваясь историческими свидетельствами и полагая, что попытка превратить легенду в историю не может дать никаких надежных результатов, я с уверенностью принимаю утверждение Геродота о варварском языке, на котором говорили пеласги его времени; то же самое я считаю и в отношении исторических лелегов, но не берусь ничего определять в отношении легендарных пеласгов и лелегов, предполагаемых доэллинских жителей Греции. И я считаю этот путь более согласным с законами исторического исследования, чем тот, который рекомендует высокий авторитет доктора Тирлуолла, который смягчает и объясняет утверждение Геродота, пока оно не станет означать только то, что пеласги из Плакии и Крёстона говорили на очень плохом греческом языке. Утверждение Геродота однозначно и дважды повторено, что пеласги этих городов и его собственного времени говорили на варварском языке; и это слово, как мне кажется, допускает только одно толкование.[426] Предполагать, что человек, который, подобно Геродоту, слышал почти все разновидности греческого языка в ходе своих долгих путешествий, а также египетский, финикийский, ассирийский, лидийский и другие языки, не знал, как отличить плохой эллинский от неэллинского, по моему мнению, недопустимо; во всяком случае, это предположение не должно быть принято без более убедительных доказательств, чем те, которые здесь приводятся.

Как я не берусь определить, каковы были предшествующие внутренние элементы, из которых сформировалась эллинская совокупность, так я признаю себя столь же неосведомленным в отношении ее внешних составляющих. Кадм, Данай, Кекропс - эпонимы кадмейцев, данайцев и аттической Кекропии - предстают перед моим взором как существа легендарные, и в этом качестве я уже говорил о них. То, что в континентальной Греции могли быть очень ранние поселения из Финикии и Египта, не исключено; но я не вижу ни положительных доказательств, ни оснований для вероятных предположений, что таковые были, хотя следы финикийских поселений на некоторых островах, несомненно, могут быть указаны. И если мы рассмотрим характер и способности греков в сравнении с египтянами или финикийцами, то окажется, что здесь нет не только аналогии, но и очевидного и фундаментального контраста: грека можно иногда найти как заимствование у этих ультрамариновых современников, но его нельзя рассматривать как их потомка или производное. Я также не могу заставить себя принять гипотезу, которая подразумевает (если только мы не считаем предполагаемых иностранных эмигрантов очень малочисленными, в этом случае вопрос теряет большую часть своей важности), что эллинский язык - самый благородный среди множества разновидностей человеческой речи, обладающий внутри себя всепроникающей симметрией и организацией - является простым слиянием двух иностранных варварских языков (финикийского и египетского) с двумя или более внутренними варварскими языками, пеласгийским, лелегийским и т. д. В способе исследования этого вопроса о ранних иностранных колониях, проводимого разными историками, существуют большие различия (как и в случае с пеласгами) между разными авторами, от попустительского эвмеризма Рауля Рошетта до изысканной дистилляции доктора Тирлволла в третьей главе его "Истории". Можно обнаружить, что количество позитивных знаний, которые доктор Тирлуолл гарантирует своим читателям в этой главе, крайне незначительно; поскольку, хотя он исходит из общей теории (отличной от той, которой придерживаюсь я), что исторические факты могут быть выделены и извлечены из легенд, но когда возникает вопрос о каком-либо определенном историческом результате, его канон доверия слишком справедлив, чтобы позволить ему упустить отсутствие позитивных доказательств, даже когда вся внутренняя неправдоподобность устранена. То, что я называю Terra Incognita, с его точки зрения, является землей, которая может быть известна до определенного момента; но карта, которую он рисует, содержит так мало установленных мест, что мало чем отличается от абсолютной пустоты.

Древнейшая область, называемая Элладой, по утверждению Аристотеля, находилась вблизи Додоны и реки Ахелоус, - описание, которое было бы непонятным (поскольку река не протекает вблизи Додоны), если бы оно не сопровождалось замечанием, что в прежние времена река часто меняла свое русло. Кроме того, он утверждает, что потоп Деукалиона произошел в основном в этом районе, который в те ранние времена был населен селли и народом, который тогда назывался гжеками, а теперь эллинами.<sup>[427]</sup> Селли (называемые Пиндаром Гелли) упоминаются в Илиаде как служители додонейского Зевса, "люди, которые спали на земле и никогда не мыли ног"; а Гесиод в одной из утраченных поэм (Эои) говорит о тучной земле и богатых пастбищах земли, называемой Эллопией, где находилась Додона.<sup>[428]</sup> На каком основании Аристотель сделал свое заявление, мы не знаем; но общее чувство греков было другим, - связывая Deukaliôn, Hellen, и эллинов, прежде всего и особенно с территорией, называемой Achaia Phthiôtis, между горами Othrys и Cēta. Мы также не можем ни подтвердить, ни опровергнуть его утверждение о том, что жители окрестностей Додоны назывались грэками до того, как их стали называть эллинами. Нет ни одного достоверного случая упоминания народа, называвшегося грэками, у какого-либо автора, более раннего, чем этот аристотелевский трактат; ссылки на Алкмана и Софоклеса ничего не доказывают.<sup>[429]</sup> Мы также не можем объяснить, как получилось, что эллины были известны



римлянам только под именем грэков, или граев. Но название, под которым народ известен иностранцам, часто полностью отличается от его собственного внутреннего названия, и мы не в меньшей растерянности пытаемся объяснить, как этрурские расены стали известны римлянам под именем тосканцев или этрусков.

---

### ГЛАВА III. ЧЛЕНЫ ЭЛЛИНСКОЙ СОВОКУПНОСТИ, ВЗЯТЫЕ ОТДЕЛЬНО - ГРЕКИ К СЕВЕРУ ОТ ПЕЛОПОННЕСА.

Рассмотрев в предыдущей главе греков в их совокупности, я перехожу к описанию отдельных частей, из которых эта совокупность состояла, как они предстают в первый заметный период истории.

Уже упоминалось, что двенадцать рас или подразделений, входящих в так называемое амфикионийское собрание, были следующими:...

К северу от Фермопильского прохода - фессалийцы, перребийцы, магнеты, ахейцы, мелийцы, эниане, долопы.

К югу от Фермопильского прохода - дорийцы, ионийцы, беотийцы, локрийцы, фокийцы.

Другими эллинскими расами, не вошедшими в число амфикионов, были...

Этолийцы и акарнанцы, жившие к северу от Коринфского залива.

Аркадийцы, элейцы, пизанцы и трифилийцы в центральной и западной частях Пелопоннеса: Я не называю здесь ахейцев, занимавших южное или пелопоннесское побережье Коринфского залива, поскольку можно предположить, что они изначально принадлежали к той же расе, что и фтиоты-ахейцы, и, следовательно, были участниками амфикионии, хотя их фактическая связь с ней могла быть утрачена.

Дриопы, незначительная, но, по-видимому, своеобразная группа, занимавшая несколько разрозненных пунктов на морском побережье: Гермiona на Арголическом полуострове; Стир и Карыст в Эвбее; остров Кифнус и т. д.

Хотя в целом можно сказать, что наше историческое восприятие эллинской совокупности, если не считать иллюзий легенды, начинается с 776 года до н. э., однако в отношении большего числа ее подразделений, которые только что были перечислены, вряд ли можно говорить о наличии каких-либо конкретных фактов до вторжения Ксеркса в 480 году до н. э. До 560 года до н. э. (эпоха Хриса) мы не располагаем конкретными сведениями, (эпоха Крёза в Малой Азии и Пейсистрата в Афинах) история греков почти не представляет собой ничего коллективного: движения каждой части эллинского мира начинаются и заканчиваются отдельно от остальных. Разрушение Кирры амфикионами - первый исторический инцидент, который приводит в действие, защищая Дельфийский храм, общеэллинское чувство активного долга.

Но около 560 года до н. э. происходят два важных изменения, которые меняют характер греческой истории, вырывая ее из прежнего хаоса деталей и централизуя отдельные явления: 1. Порабощение азиатских греков Лидией и Персией, за которым последовала их

борьба за освобождение, в которой европейские греки оказались замешаны, сначала как соучастники, а затем как главные действующие лица. 2. Совместное действие большой массы греков под властью Спарты, как самого могущественного государства и признанного вождя, сменившееся быстрым и необычайным ростом Афин, полным развитием греческого морского могущества и борьбой между Афинами и Спартой за главенство. Эти две причины, хотя и разные сами по себе, должны, тем не менее, рассматриваться как в определенной степени работающие вместе, - или, скорее, вторая выросла из первой. Ведь именно персидские вторжения в Грецию впервые породили среди ведущих греков (не будем называть их панэллинскими, поскольку более половины амфикионов отдали землю и воду Ксерксу) широко распространенную тревогу и антипатию к варварам Востока и внушили им необходимость совместных активных действий под руководством лидера. Так возникла идея лидерства или гегемонии коллективной Эллады, как привилегии, которой обязательно должно обладать какое-то одно государство для общей безопасности против варваров, - идея, чуждая уму Солона или любого другого человека той же эпохи. Затем произошло чудесное развитие Афин и жестокий спор между ними и Спартой, кто из них должен стать лидером; большая часть Эллады встала на сторону тех или других, и общая борьба с персами на время исчезла из поля зрения. Афины низложены, Спарта обретает неоспоримую гегемонию, и снова антиварварское чувство проявляется, хотя и слабо, в азиатских походах Агесилая. Но спартанцы, слишком некомпетентные, чтобы заслужить или сохранить это возвышенное положение, были свергнуты фиванцами, не менее некомпетентными, за исключением Эпаминондаса. Смерть этого единственного человека уничтожает притязания Фив на гегемонию, и Эллада остается, подобно покинутой Пенелопе в "Одиссее", обеспокоенная соперничеством нескольких женихов, ни один из которых не достаточно силен, чтобы натянуть лук, от которого зависит приз.<sup>[430]</sup> Такое проявление силы, как и попираание соперничающих женихов, припасено не для какой-либо законной эллинской руки, а для полуэллинизированного<sup>[431]</sup> македонянина, "воспитанного в Пелле" и постепенно совершающего свои вторжения с севера Олимпа. Таким образом, гегемония Греции навсегда уходит из рук греков; но завоеватель находит свой интерес в том, чтобы возродить старые настроения, под влиянием которых они зародились. Он привязывает к себе разрозненных греков силой их древней и общей антипатии к великому царю, пока опустошение и святотатство, совершенные Ксерксом в Афинах, не будут отомщены уничтожением персидской империи. И это победоносное завершение панэллинской антипатии - мечта Ксенофонта<sup>[432]</sup> и десяти тысяч греков после битвы при Кунаксе, надежда Ясона Ферейского, увещевание Исократы<sup>[433]</sup>, проект Филиппа и достижение Александра - хотя и демонстрирует неодолимую мощь эллинских идей и организации в тогдашнем состоянии мира, в то же время является заключительной сценой существенной греческой жизни. Гражданские чувства Греции становятся после этого лишь второстепенными силами, подчиненными преобладанию греческих наемников по македонскому приказу и самым грубым из всех коренных эллинов - горцам из Этолии. Даже в III веке до н. э. можно найти несколько личностей, достойных лучших времен Эллады, а Ахейская конфедерация того века - достойная попытка противостоять непреодолимым трудностям: но в целом тот свободный, социальный и политический марш, который придает такой интерес предыдущим векам, безвозвратно изгнан из Греции после поколения Александра Македонского.

Вышеизложенный краткий очерк покажет, что, если взять период от Креза и Писистрата до поколения Александра (560-300 гг. до н. э.), явления Эллады в целом и ее внешние и межполитические отношения могут быть объединены в массы, с постоянной зависимостью от одного или нескольких преобладающих обстоятельств. Можно сказать, что они составляют своего рода историческую эпопею, аналогичную той, которую Геродот построил из войн между греками и варварами, начиная с легенд об Ио и Европе и кончая отпором

Ксерксу. Но когда мы обращаемся к периоду между 776 и 560 годами до н. э., явления, дошедшие до нас, скудны по количеству, - в них мало общих чувств или интересов, и нет тенденции к какой-либо одной цели. Чтобы придать привлекательность этому первому периоду, столь неясному и бесперспективному, мы вынуждены рассматривать его в связи со вторым; отчасти в качестве подготовки, отчасти в качестве контраста.

О внепелопоннесских греках к северу от Аттики в течение этих двух веков мы не знаем абсолютно ничего; но мы сможем предоставить некоторую информацию о раннем состоянии и борьбе великих дорийских государств в Пелопоннесе, а также о возвышении Спарты со второго на первое место в сравнительной шкале греческих держав. Афины впервые становятся известны нам по законодательству Драко и попытке Килона (620 г. до н. э.) сделать себя деспотом; мы собираем некоторые факты об ионических городах в Эвбее и Малой Азии в течение века их главного процветания, до правления и завоеваний Крёза. Таким образом, мы составим для себя некоторое представление о росте Спарты и Афин, о недолгом и энергичном развитии ионийских греков и о медленном действии тех причин, которые имели тенденцию привести к увеличению эллинского общения, - в отличие от расширенного диапазона амбиций, грандиозных панэллинских идей, систематизированных партийных антипатий и активизации действий, как за границей, так и дома, которые выросли из соперничества с Персией.

Есть также два или три примечательных проявления, которые требуют особого внимания в этот первый период греческой истории: 1. Множество колоний, посланных отдельными городами, их рост и развитие; 2. Число деспотов, возникших в различных греческих городах; 3. Лирическая поэзия; 4. Зачатки той, которая впоследствии переросла в моральную философию, выраженную в гномах, или афоризмах, - или в эпоху семи мудрецов.

Но прежде чем я перейду к описанию самых ранних действий дорийцев и ионийцев (к сожалению, слишком немногочисленных) в исторический период, вместе с другими вопросами, о которых только что говорилось, будет удобно перечислить имена и положение тех других греческих государств, о которых у нас нет информации в течение этих первых двух веков. Таким образом, можно составить некоторое представление о менее важных членах эллинской совокупности до того момента, когда они будут призваны к действию. Мы начнем с территории к северу от Фермопильского прохода.

Из различных рас, обитавших между этим знаменитым перевалом и устьем реки Пеней, самыми могущественными и важными были фессалийцы. Иногда, правда, вся эта область проходит под названием Фессалия, так как номинально, хотя и не всегда реально, власть фессалийцев распространялась на всю территорию. Мы знаем, что трахинийская Ираклия, основанная лакедемонянами в первые годы Пелопоннесской войны близ Фермопильского прохода, была основана на территории фессалийцев.<sup>[434]</sup> Но в этих пределах существовали и другие расы, более низкие и зависимые от фессалийцев, но, как говорят, более древние, и, конечно, не менее подлинные подразделения эллинского имени. Перрæби<sup>[435]</sup> занимали северную часть территории между нижним течением реки Пеней и горой Олимп.

Магнеты<sup>[436]</sup> жили на восточном побережье, между горами Осса и Пелион с одной стороны и Эгейским морем с другой, включая юго-восточный мыс и восточное побережье Пагасского залива до Ифолкоса. Ахейцы занимали территорию под названием Фтиотис, простиравшуюся от горы Пинд на западе до Пагасского залива на востоке,<sup>[437]</sup> вдоль горной цепи Отриса с ее боковыми выступами на север в Фессалийскую равнину и на юг до слияния с Сѐта. Три племени малийцев обитали между Ахæа Фтиотисом и Фермопилами, включая Трахину и Ираклию. К западу от Ахеи Фтиотис возвышенность Пинд или Тимфрест с ее склонами как на запад, так и на восток занимали долопы.

Все эти пять племен, или подразделений, - перребы, магнеты, ахейцы из Фтиотиса, малийцы и долопы, а также некоторые эпиротийские и македонские племена за пределами Пинда и Олимпа - находились в состоянии нерегулярной зависимости от фессалийцев, которые занимали центральную равнину или бассейн, осушаемый Пенеем. Эта река принимает потоки с Олимпа, с Пинда и из Отриса, протекая через область, которая, как полагали ее жители, когда-то была озером, пока Посейдон не открыл дефиле Темпе, через которое воды нашли отток. При движении на север от Фермопил начало этого плодородного региона - самого большого пространства земли с непрерывной продуктивностью, которое представляет Эллада, - поразительно отмечено отвесной скалой и древней крепостью Таумаки;<sup>[438]</sup> откуда путешественник, перевалив через горы Ахейя Фтиотис и Отрис, видит перед собой равнины и низкие склоны, которые тянутся на север через Фессалию к Олимпу. Узкая полоска побережья в глубине Пагасского залива, между Магнетами и Ахейцами, с городами Амфанеум и Пагас<sup>[439]</sup>, принадлежала этой собственно фессалийской территории, но большая ее часть простиралась вглубь страны: в ее пределах были расположены города Фере, Фарсалус, Скотусса, Лариса, Краннон, Атракс, Фаркадон, Трикка, Метрополис, Пелинна и др.

Обилие кукурузы и скота с соседних равнин поддерживало в этих городах многочисленное население, и прежде всего гордую и беспорядочную знать, чьи нравы сильно напоминали нравы героических времен. Они были жестоки в своем поведении, жаждали вооруженной вражды, но не привыкли к политическим дискуссиям и компромиссам; были неверны в обязательствах, но в то же время щедры в гостеприимстве и очень любили застольные удовольствия. [Разводя лучших лошадей в Греции, они отличались превосходством в кавалерии; Но их пехота мало замечена, и фессалийские города, кажется, не обладали той общиной свободных и довольно равных граждан, каждый из которых был хозяином своего оружия, из которых формировались ряды гоплитов, - воинственные вельможи, такие как Алеуады в Лариссе или Скопады в Кранноне, презирающие все, кроме конной службы для себя, предоставляли из своих обширных стад на равнине лошадей для более бедных солдат. Эти фессалийские города представляют собой крайний случай буйной олигархии, время от времени попираемой одним энергичным человеком, но мало сдерживаемой тем чувством политического единения и почитания установленного закона, которое было присуще лучшим городам Эллады. И в Афинах, и в Спарте, столь непохожих друг на друга во многих отношениях, это чувство если и не преобладало постоянно, то все же постоянно присутствовало и действовало. Обе они демонстрируют контраст с Ларисой или Ферами, не похожий на контраст между Римом и Капуей: первые - с их бесконечными гражданскими спорами, конституционно разрешенными, допускающими совместные действия сторон против общего врага; вторые - с их обильной землей, обогащающей роскошную олигархию, и побуждаемой враждой ее великих собственников, Магиев, Блоссиев и Юбеллиев<sup>[441]</sup>.

Фессалийцы по своему характеру и возможностям являются в равной степени эпиротами или македонцами, а также эллинами, образуя своего рода связующее звено между ними. Ведь македонцы, хотя и были обучены впоследствии греческим принципам гением Филиппа и Александра, чтобы составить знаменитую тяжеловооруженную фалангу, первоначально (даже во время Пелопоннесской войны) отличались главным образом превосходством своей конницы, как и фессалийцы;<sup>[442]</sup> а широкополая шляпа, или каусия, и короткая расправленная мантия, или хламида, были общими для обоих.

Нам говорят, что фессалийцы были первоначально переселенцами из Феспротии в Эпире и завоевателями равнины Пенее, которая (согласно Геродоту) тогда называлась Эолис и которую они нашли занятой пеласгами.<sup>[443]</sup> Можно сомневаться, что великие фессалийские

семьи, такие как Алеуады из Лариссы, потомки Гераклеса, поставленные Пиндаром на один уровень с лакедемонскими царями[444], признали бы это феспротийское происхождение; оно также не совпадает с тоном тех легенд, в которых эпоним - Фессал, сын Гераклеса. Кроме того, следует отметить, что язык фессалийцев был эллинским, разновидностью эолийского диалекта;[445] таким же (насколько мы можем судить) был и язык людей, которых они, должно быть, обнаружили поселившимися в стране во время своего первого завоевания. Если же верно, что в какой-то период до начала достоверной истории тело феспротийских воинов пересекло перевалы Пинда и утвердилось в качестве завоевателей в Фессалии, мы должны предположить, что они были более воинственными, чем многочисленными, и постепенно утратили свой примитивный язык.

В других отношениях состояние населения Фессалии, каким мы находим его в исторический период, благоприятствует предположению о первоначальном смешении завоевателей и покоренных: похоже, что среди фессалийцев и их зависимых существовала тройная градация, в некотором роде аналогичная той, что была в Лаконии. Во-первых, класс богатых собственников, распределенных по главным городам, владевших большей частью земли и составлявших отдельные олигархии, слабо связанные друг с другом[446]. Далее, подданные ахейцы, магнаты, перрæби, отличавшиеся от лаконских периэков тем, что сохранили свое древнее племенное имя и отдельную амфикионийскую франшизу. В-третьих, класс крепостных, или зависимых земледельцев, соответствующий лаконским гелотам, которые, обрабатывая земли богатых олигархов, платили за них часть урожая, составляли свиту, которой были окружены эти великие семьи, служили их последователями в кавалерии, и находились в состоянии вилланажа, но с той важной оговоркой, что их нельзя было продать из страны,[447] что они имели постоянную собственность на землю и поддерживали между собой отношения семьи и деревни. Этот последний упомянутый порядок людей, называемый в Фессалии пенестами, все античные авторы уподобляют гелотам Лаконии, и в обоих случаях опасность, сопутствующая такому социальному устройству, отмечается Платоном и Аристотелем. Ведь у гелотов, как и у пенестеев, был общий язык и взаимные симпатии, отдельное место жительства, оружие и мужество; в какой-то степени они обладали и средствами приобретения собственности, поскольку, как нам говорят, некоторые из пенестеев были богаче своих хозяев. 448] Такое количество средств воздействия в сочетании с униженным социальным положением порождало частые бунты и непрекращающиеся опасения. Как правило, обработка земли рабами или иждивенцами в интересах владельцев городов преобладала в большинстве районов Греции. Богатые люди Фив, Аргоса, Афин или Элиса, должно быть, получали свои доходы таким же образом; но кажется, что в других местах часто было большее количество купленных иностранных рабов, а также что количество, дружелюбие и смелость деградировавшего деревенского населения нигде не были так велики, как в Фессалии и Лаконии. Происхождение пенестеев в Фессалии приписывают завоеванию территории феспротийцами, как и происхождение гелотов в Лаконии - дорийскому завоеванию. Считается, что победители в обеих странах заключили договор с побежденным населением, по которому последние становились крепостными и земледельцами в пользу первых, но в то же время были защищены в своих владениях, являлись подданными государства и были защищены от продажи в рабство. Даже в фессалийских городах, хотя и населенных совместно фессалийскими собственниками и их пенестами, кварталы, отведенные каждому, были в значительной степени разделены: на то, что называлось Свободной агорой, не мог ступить ни один пенест, кроме как по особому вызову[449].

О том, кто были эти люди, которых завоевание Фессалии феспротийцами привело к этому предместному поселению, мы находим разные мнения. Согласно Теопомпу, это были



перребы и магнаты, согласно другим - пеласги; Архемах же утверждает, что это были беотийцы с территории Арна[450] - одни эмигрировали, спасаясь от завоевателей, другие остались и приняли состояние крепостных. Но завоевание, если принять его за факт, произошло слишком рано, чтобы мы могли определить ни способ, которым оно произошло, ни состояние дел, которое ему предшествовало. Пеласги, которых Геродот видел в Крёстоне, по его утверждению, были потомками тех, кто покинул Фессалию, спасаясь от вторгшихся феспротийцев; хотя другие считают, что беотийцы, изгнанные по этому случаю из своих мест обитания на заливе Пагасæ у ахейцев Фтиотиса, ополчились на Орхомен и Бётию и поселились в ней, изгнав минийцев и пеласгов.

Если отбросить легенды на этот счет и ограничиться историческим временем, то мы обнаружим установленное четверичное деление Фессалии, как говорят, введенное во времена Алеуса, предка (реального или мифического) могущественных Алеуадов: Фессалиотис, Пеласгиотис, Гистиотис, Фтиотис.[452] К Фтиотису относились ахейцы, главными городами которых были Мелита, Итонус, Фебæ, Фтиотида, Алос, Лариса, Кремастек и Птелеон, расположенные на западном побережье Пагасского залива или близ него. Гистиоты, расположенные к северу от Пенея, включали в себя перрхевов с многочисленными городами, сильными по положению, но не имеющими большого значения; они занимали перевалы Олимпа[453] и иногда рассматриваются как простирающиеся на запад через Пинд. Пеласгиоты включали в себя Магнеты и так называемую Пеласгскую равнину, граничащую с западной стороны с Пелионом и Оссой[454]. Фессалиоты включали в себя центральную равнину Фессалии и верхнее течение реки Пенея. Это была политическая классификация Фессалийской державы, созданная для того времени, когда отдельные города поддерживались в гармоничном действии благоприятными обстоятельствами или энергичным индивидуальным превосходством; в целом же их союз был прерван и беспорядочен, и мы видим, что некоторые города стоят в стороне, в то время как остальные ведут войну. [Хотя теоретически все признавали определенную политическую связь и обязательства по отношению к общей власти, и вождь, или Тагус, [456] назначался для обеспечения повиновения, - однако часто случалось, что споры городов между собой препятствовали выбору Тагуса или изгоняли его из страны, и союз оставался не более чем номинальным. Лариса, Фарсал и Фера - каждый со своим скоплением зависимых городов в качестве придатков - похоже, были почти равны по силе, и каждый раздирали междоусобные распри, так что не только господство над общими зависимыми городами было ослаблено, но даже средства для отражения захватчиков значительно ослабли. Зависимость персевитян, магнетов, ахейцев и малийцев при таких обстоятельствах могла бы быть зачастую свободной и легкой. Но положение пенестеев, которые занимали деревни, принадлежащие этим великим городам, на центральной равнине Пеласгиотиса и Фессалиотиса, и от которых Алеuada и Скопад получали изобилие земельной продукции, ничуть не облегчалось, если даже не усугублялось, такими постоянными раздорами. Не обходилось и без случаев, когда недовольство этого сословия использовалось членами местной олигархии[458] или даже иностранными государствами для совершения политических революций.

"Когда Фессалия находится под Тежу, все соседние народы платят ей дань; она может послать в поле шесть тысяч конницы и десять тысяч гоплитов, или тяжеловооруженной пехоты", - заметил Ясон, деспот Фереса, Полидаму из Фарсала, пытаясь убедить последнего уступить свои притязания на это достоинство. Налог, взимаемый с данников, казавшийся значительным, тогда выплачивался с недоимками, а пошлины на импорт в гаванях Пагасейского залива, введенные в интересах конфедерации, тогда соблюдались со всей строгостью; но, как показывает наблюдение, хотя единоплеменная Фессалия была очень

могущественной, периоды ее единодушия были лишь эпизодическими.[460] Среди народов, которые таким образом платили дань полноте фессалийской власти, мы можем назвать не только перреби, магнетов и ахейцев Фтиотиса, но также малийцев и долопов, и различные племена эпиротов, простиравшиеся на запад от Пинда.[461] Можно отметить, что все они (кроме малийцев) были копьеносцами, или легковооруженными войсками, не служившими в полном вооружении; этот факт в Греции считается предположительным свидетельством более низкой цивилизации: магнаты также имели своеобразную облегающую одежду, вероятно, приспособленную для передвижения по горной стране.[462] Было даже время, когда Фессалийская держава угрожала распространиться на юг от Фермопил, подчинив себе фокийцев, дорийцев и локрийцев. Фокийцы были настолько встревожены этой опасностью, что построили стену через Фермопильский проход, чтобы легче было защищать его от фессалийских захватчиков, которые, как сообщается, не раз проникали в фокейские долины и потерпели несколько тяжелых поражений.[463] В какое именно время произошли эти события, мы не знаем, но, должно быть, значительно раньше вторжения Ксеркса, поскольку оборонительная стена, построенная фокийцами в Фермопилах, была найдена Леонидом в разрушенном состоянии. Но фокийцы, хотя и не чувствовали больше необходимости поддерживать эту стену, не переставали бояться и ненавидеть фессалийцев - антипатия, которая, как выяснится, проявится в связи с персидским нашествием. В целом сопротивление фокийцев было успешным, так как власть фессалийцев так и не достигла юга от перевала[464].

Следует помнить, что эти различные древние расы, перраэби, магнеты, ахейцы, малийцы, долопы, - хотя и были данниками фессалийцев, все же сохраняли свою амфикионию и считались законными эллинами: все они, кроме малийцев, действительно упоминаются в "Илиаде". В ходе этой истории у нас редко будет повод много говорить о них: они оказываются на стороне Ксеркса (в основном по принуждению) в его нападении на Грецию и почти безразличны в борьбе между Спартой и Афинами. В то, что ахейцы Фтиотиса принадлежат к той же расе, что и ахейцы Пелопоннеса, кажется разумным верить, хотя мы не находим никаких исторических свидетельств, подтверждающих это. Ахея Фтиотис - это место жительства Эллина, патриарха всей расы, первобытной Эллады, которую одни считают городом, другие - районом, имеющим некоторую протяженность, и великого национального героя, Ахилла. Его связь с пелопоннесскими ахейцами не отличается от связи Дориса с пелопоннесскими дорийцами.[465] Мы также должны отметить еще один этнический род, дата и обстоятельства которого дошли до нас только в мифической форме, но который, тем не менее, кажется реальностью, - родство магнетов на Пелионе и Оссе с двумя подразделениями азиатских магнетов, или магнезийцев, на горе Сипила и магнезийцев на реке Месандр. Говорят, что эти два азиатских одноименных города были основаны переселенцами из фессалийских Магнетов, часть которых посвятила себя дельфийскому богу и выбрала новое место жительства под его руководством. По одной версии, эти эмигранты были воинами, возвращавшимися после осады Трои; по другой - они искали новые места, чтобы спастись от фессалийских завоевателей Феспрота. Была и третья история, согласно которой сами фессалийские Магнеты были представлены как колонисты[466] из Дельф. Хотя мы не можем извлечь из этих легенд никаких внятных фактов, мы, тем не менее, можем признать расовую связь между фессалийскими и азиатскими Магнетами, а также благоговейную зависимость тех и других, проявляющуюся в этом предполагаемом родстве, от храма в Дельфах. О магнатах в Крете, о которых Платон упоминал как о давно вымерших в его время, мы не можем абсолютно точно подтвердить даже их существование.

Из малийцев Фукидид отмечает три племени (γῑνή), существовавших в его время, - паралиев, иереев (жрецов) и трахиниев, или людей Трахина:[467] возможно, что вторые из них были владельцами священного места, на котором проводились собрания Амфикитионов. Распространенность гоплитов или тяжеловооруженной пехоты среди малийцев указывает на то, что мы переходим от фессалийских к более южным эллинским обычаям: малийцы признавали квалифицированным гражданином любого мужчину, который либо служил, либо служит в строю с полной панатией.[468] Однако это снаряжение, вероятно, не вполне подходило для горных районов, которыми они были окружены; ведь в начале Пелопоннесской войны агрессивные горцы из соседней области ᾠτα так изводили и подавляли их в войне, что они были вынуждены броситься под защиту Спарты; и основание спартанской колонии Гераклеи, близ Трахина, было результатом их настоящего обращения. Из этих горцев, описанных под общим названием ᾠτᾱῖς, главными были эниане (или энионы, как они называются в гомеровском каталоге, а также у Геродота), - древняя эллинская раса, которые, как говорят, прошли через несколько последовательных миграций в Фессалии и Эпире, но которые в исторические времена имели свое поселение и свой главный город Гипата в верхней долине Сперхея, на северном склоне горы ᾠτα. Но, вероятно, в это название были включены и другие племена, например, этолийские племена, бомийцы и каллийцы, чьи высокие и холодные места обитания подходили к Малиакскому заливу. Именно в этом смысле мы должны понимать это название как охватывающее все хищные племена вдоль этой обширной горной цепи, когда нам рассказывают об ущербе, нанесенном ᾠτᾱῖς как малийцам на востоке, так и дорийцам на юге: но есть некоторые случаи, когда название ᾠτᾱῖς, кажется, прямо обозначает Ἐνιᾱνῆς, особенно когда они упоминаются как осуществляющие амфикитийские права[470].

Прекрасная почва, обилие влаги и благодатная природа южных склонов Отриса,[471] особенно долина Сперхея, через которую проходят все эти воды и которая ежегодно оплодотворяет землю, представляют собой заметный контраст с бесплодными, скалистыми и голыми массивами горы ᾠτα, которая образует одну из сторон Фермопильского перевала. К югу от перевала локрийцы, фокийцы и дорийцы занимали горы и перевалы между Фессалией и Бёотией. Побережье, противоположное западной стороне Эвбеи, от окрестностей Фермопил до бёотской границы в Антедоне, принадлежало локрийцам, чей северный пограничный город Алпени граничил с малийцами. Однако одна узкая полоска Фокиса - город Дафнус, где фокрийцы также касались Эвбейского моря, - нарушала эту непрерывность и разделяла локрийцев на две части: локрийцев горы Кнемис, или эпикнемидских локрийцев, и локрийцев Опуса, или опунтских локрийцев. Гора Кнемис, идущая на юг параллельно побережью от конца ᾠτα, отделяла первую часть от внутренней части Фокии и верхней долины Кефиса: дальше к югу, соединяясь с горой Птон через промежуточную гору, которая сейчас называется Хломо, она отделяла локрийцев Опуса от территорий Орхомена, Фив и Антедона, северо-восточных частей Беотии. Кроме этих двух частей локрийцев, существовала еще и третья, совершенно отдельная, которая, как говорят, была колонизирована из Опуса, - локрийцы по имени Озолаэ, которые жили отдельно на западной стороне Фокиса, вдоль северного побережья Коринфского залива. Они простирались от Амфиссы, которая возвышалась над равниной Криссы и находилась в семи милях от Дельфы, до Наупакта у узкого входа в залив; этот последний город был отнят у локрийцев афинянами за некоторое время до Пелопоннесской войны. Опус гордился тем, что был городом-матерью локрийского имени, и легенды о Деукалионе и Пирре нашли там свой дом, так же как и во Фтиотисе. Альпени, Никейя, Трония и Скарфея были древними, но неважными городами эпикнемидских локрийцев; но вся протяженность локрийского побережья славится своей красотой и плодородием как у древних, так и у современных наблюдателей[472].

Фокийцы были ограничены на севере небольшими территориями под названием Дорис и Дриопис, которые отделяли их от малийцев, - на северо-востоке, востоке и юго-западе различными ветвями локрийцев, а на юго-востоке - беотийцами. Они касались Эвбейского моря (как уже говорилось) в Дафне, точке, где оно подходит ближе всего к их главному городу Элатье; их территория также включала большую часть возвышенного и мрачного хребта Парнаса, вплоть до его южного окончания, где нижняя часть его, называемая Кирфис, выступает в Коринфский залив, между двумя заливами Антикира и Крисса; последний, с его некогда плодородной равниной, лежал непосредственно под священной скалой дельфийского Аполлона. И Дельфы, и Крисса изначально принадлежали фокейской расе, но святость храма, а также лакедемонская помощь позволили дельфийцам утвердиться, отказавшись от связи с фокейским братством. В территориальном отношении наиболее ценная часть Фокиса[473] находилась в долине реки Кефис, которая берет начало на Парнасе, недалеко от фокейского города Лилея, проходит между Уметой и Кнемисом с одной стороны и Парнасом с другой и впадает в Бётию у Херанеи, впадая в озеро Копайс. Именно на выступающих горных уступах и скалах по обе стороны этой реки располагались многочисленные маленькие фокейские города. Двадцать два из них были разрушены и разбиты на деревни орденом Амфиктионов после второй Священной войны; Абæ (один из немногих, если не единственный, который был пощажен) был защищен святостью своего храма и оракула. Из этих городов наиболее важной была Элатье, расположенная на левом берегу Кефиса, на дороге из Локриса в Фокис, на естественном пути следования армии из Фермопил в Беотию. Фокийские города[474] были объединены в древнюю конфедерацию, которая проводила свои периодические собрания в храме между Даулисом и Дельфами.

Небольшая территория, называемая Дорис и Дриопис, занимала южный склон горы Ceta, отделяя Фокию на севере и северо-западе от Этолийцев, Инианов и Малийцев. То, что в исторические времена называлось Дорисом, а во времена Геродота доходило почти до Малиакского залива, как говорят, составляло часть того, что когда-то называлось Дриописом; территория, которая включала вершину горы Ceta до Сперхея на север и была населена древним эллинским племенем, называемым дриопами. Дорийцы получили свое поселение в Дриописе в дар от Геракла, который вместе с малийцами (так гласит легенда) изгнал дриопов и заставил их найти себе новые места в Гермione и Асине на Арголическом полуострове Пелопоннеса, в Стире и Карысте на Эвбее и на острове Кифнус;[475] только в этих пяти последних местах история признает их. Территория Дориса была разделена на четыре маленьких городка: Пинд, или Акыфас, Беон, Китинион и Эринион, каждый из которых, похоже, занимал отдельную долину, принадлежащую одному из притоков реки Кефис, - единственное узкое пространство возделанной земли, которое представлял собой этот "маленький и печальный" регион.[476] Сам по себе этот тетраполис настолько незначителен, что мы редко найдем случай упомянуть о нем; но он приобрел фактическое значение, поскольку считался метрополией великих дорийских городов в Пелопоннесе и получал на этом основании особую защиту от Спарты. Я не затрагиваю здесь ту череду доисторических миграций, о которой говорит Геродот и которую иллюстрирует изобретательность, а также украшает фантазия О. Мюллера - через которую дорийцы связаны с патриархом эллинской расы, - перемещаясь первоначально из Фтиотиса в Гистиеотис, затем в Пинд и, наконец, в Дорис. Проживание дорийцев в Дорисе - это факт, который встречается нам в самом начале истории, как и проживание фокийцев и локрийцев на своих территориях.

Далее мы переходим к этолийцам, крайние племена которых занимали мрачные высоты Ceta и Korax, доходя почти до Малиакского залива, где они граничили с дорийцами и малийцами, а их центральные и западные племена простирались вдоль границы озолийских локрийцев

до плоской равнины, изобилующей болотами и озерами, близ устья Эвнуса. Во времена Геродота и Фукидида они, по-видимому, не простирались так далеко на запад до Акелоуса; но в более поздние времена эта последняя река на протяжении большей части своего нижнего течения отделяла их от акарнанцев:[477] на севере они касались долопийцев и параллели широты почти до северной Амбракии. Существовало три великих подразделения эйтолийцев: аподоты, офионийцы и эвританы, каждое из которых подразделялось на несколько различных сельских племен. Северная и восточная часть территории[478] состояла из очень высоких горных хребтов, и даже в южной части горы Аракинф, Курион, Халкис, Тафиасс находятся на небольшом расстоянии от моря; а главные города Этолии - Калидон, Плерон, Халкис - были расположены к востоку от Эвнуса, между упомянутыми горами и морем.[479] Первые два города были сильно возвеличены в легенде, но мало названы в истории; напротив, Термус, главный город исторических эйтолийцев и место, где было созвано общее собрание и фестиваль эйтолийского имени для выбора панэтолийского генерала, не упоминается никем ранее Эфора.[480] Отчасти легендарная слава, отчасти этническое родство (публично признанное обеими сторонами) с элейцами в Пелопоннесе подтвердили право этолийцев на звание эллинов. Но огромная масса аподотов, эвританов и офионийцев во внутренних горах была настолько груба в своих нравах и так неразборчива в речи (которая, однако, была не варварской, а очень плохой эллинской), что этот титул вполне мог показаться спорным, - собственно, он и оспаривался в более поздние времена, когда власть и грабежи этолийцев стали несносными почти для всей Греции. И, вероятно, именно с этим различием в нравах между этолийцами на морском побережье и во внутренних районах связано упоминаемое Страбоном географическое деление на древнюю Эктолию и Эпиктетскую, или приобретенную, Эктолию. Когда и кем было введено это деление, мы не знаем. Оно не может быть основано на каком-либо завоевании, поскольку внутренние эйтолийцы были самыми непокоренными из людей; и утверждение, которое Эфор применил ко всей эйтолийской расе, - что она никогда не была подчинена никем, - более всего бесспорно в отношении ее внутренней части[482].

К этолийцам примыкали акарнанцы, самые западные из внепелопоннесских греков. Они простирались до Ионического моря и, кажется, во времена Фукидида занимали оба берега реки Акелоус, в нижней части ее течения, - хотя левый берег, как выяснилось впоследствии, принадлежал этолийцам, так что река стала границей, часто оспариваемой и решаемой оружием, между ними. Главные акарнанские города, Стратус и *Æniadæ*, находились на правом берегу; последний - на болотистой и разливной земле возле устья. Рядом с акарнанцами, у Амбракийского залива, жили варварские или неэллинские народы - агрцы и амфилохийцы: среди последних, на берегу Амбракийского залива, была основана греческая колония, названная Аргос Амфилохикум.

Из пяти эллинских подразделений, перечисленных сейчас, - локрийцев, фокейцев, дорийцев (из Дориды), этолийцев и акарнанцев (из которых локрийцы, фокейцы и этолийцы включены в гомеровский каталог) - мы должны сказать то же самое, что и о тех, кто живет к северу от Фермопил: о них нет никаких сведений с начала исторического периода вплоть до Персидской войны. Даже это важное событие приводит в действие только локрийцев Эвбейского моря, фокийцев и дорийцев: мы должны ждать до начала Пелопоннесской войны, прежде чем нам потребуются сведения об озолийских локрийцах, эйтолийцах и акарнанцах. Эти три народа были, несомненно, самыми отсталыми представителями эллинской совокупности. Хотя у них не было центрального города, они жили разрозненно в деревнях, отступая, когда на них нападали, на недоступные высоты, постоянно вооруженные и готовые к агрессии и грабежу при любой возможности.[483] Совсем другим было состояние локрийцев напротив Эвбеи, фокийцев и дорийцев. Все они были упорядоченными



городскими общинами, небольшими, правда, и бедными, но не менее хорошо управляемыми, чем средние греческие поселения, и, возможно, свободными от тех индивидуальных насилий, которые так часто беспокоили беотийские Фивы или великие города Фессалии. Тимей утверждал (вопреки предположению Аристотеля), что в ранние времена среди локрийцев и фокийцев не было рабов, а работу, которую требовалось выполнять для собственников, выполняли бедные свободные люди;[484] эта привычка, как утверждается, сохранялась до временного процветания во время второй Священной войны, когда разграбление Дельфийского храма так сильно обогатило фокийских вождей. Но это утверждение слишком кратко и слишком плохо подтверждено, чтобы оправдать какие-либо выводы.

У поэта Алкмана (около 610 г. до н. э.) мы находим эрисихейского, или калидонского, пастуха, названного типом грубой деревенщины, - антитезой Сардам, где родился поэт.[485] Среди женихов, претендующих на дочь сикионца Клейстена, фигурируют и фессалиец Дьякторидес из Краннона, член семьи Скопадов, и этолиец Малес, брат того Титорма, который по мускульной силе превосходил всех современных ему греков и который отделился от человечества в самых глубинах Итолии: Этот этолиец, по-видимому, является своего рода антитезой нежному Сминдиридесу из Сибариса, самому роскошному из людей. Геродот вводит этих персонажей в свою драматическую картину этой памятной свадьбы[486].

Между Фокисом и Локрисом, с одной стороны, и Аттикой (от которой ее отделяют горы Китерон и Парнес) - с другой, находится важная территория, называемая Беотией, с десятью или двенадцатью автономными городами, образующими своего рода конфедерацию под председательством Фив, самых могущественных из них. Даже об этой территории, которой суждено во второй период этой истории сыграть столь заметную и эффективную роль, мы ничего не знаем в течение первых двух веков после 776 года до н. э. Впервые мы получаем некоторое представление о ней в связи со спорами между Фивами и Платеей около 520 года до н. э. Орхомен, расположенный на северо-западе от озера Копайс, на протяжении всего исторического времени является одним из городов Беотийской лиги, кажется, вторым после Фив. Но я уже говорил, что легенды об Орхо мени, Каталог и другие ссылки в Гомере, а также следы бывшего могущества и значения, еще заметные в историческую эпоху, свидетельствуют о раннем политическом существовании Орхомена и его окрестностей отдельно от Беотии.[487] Амфикифония, в которой участвовал Орхомен, на священном острове Калаурия у Аргонического полуострова, кажется, показывает, что он должен был когда-то обладать морской силой и торговлей, и что его территория должна была касаться моря в Хале и нижнем городе Ларимна, у южной границы Локриса; Это море отделено очень узким пространством от горной гряды, соединяющей Кнемис и Птон и охватывающей с востока бассейны Орхомена, Асплена и Копæ, а также озеро Копайс. Миграция беотийцев из Фессалии в Беотию (которая представляется как следствие завоевания этой страны феспотийцами) обычно считается принудительной силой, которая привела беотийцев в Орхомен. По какой бы причине или в какое бы время (до или после 776 г. до н. э.) ни произошел этот переход, мы находим Орхомен полностью беотийским на протяжении всего известного исторического периода, - все еще сохраняя местные минийские предания и подвергаясь ревнивому соперничеству Фив, как второй город в беотийской лиге. Прямая дорога от перевалов Фокиса на юг в Беотию шла через Херонею, оставляя Лебадею справа, а Орхомен - слева, и проходила по юго-западному краю озера Копайс у городов Коронея, Алалькомен и Халиартус, расположенных на горе Тильфосцеон, отроге, соединенном с Геликоном вмешательством горы Лейбетрия. Тильфосцеон был важным военным пунктом, занимавшим узкий проход между горой и озером, который лежал на большом пути из Фокиса в Фивы.[489] Территория этого последнего города занимала большую часть центральной

Беотии к югу от озера Копайс; она включала Акрæфию и гору Птон, и, вероятно, касалась Эвбейского моря у деревни Салганей к югу от Антедона. К юго-западу от Фив, на южном спуске Геликона к самому углу Коринфского залива и на юго-восточной оконечности Фокиса с фокейским городом Булис, стоял город Феспий. К югу от Асопа, между этой рекой и горой Китерон, находились Платея и Танагра; в юго-восточном углу Беотии стоял Ороп, частый предмет споров между Фивами и Афинами, а на дороге между эвбейским Халкисом и Фивами - город Микалексус.

Из нашего первого взгляда на историческую Беотию вниз следует, что она представляет собой конфедерацию, охватывающую всю территорию: во время Пелопоннесской войны фиванцы ссылаются на "древние конституционные максимы беотийцев" в качестве оправдания крайней строгости, а также вероломного нарушения мира против раскольников-платеян.[490] В этой конфедерации большие города были первичными членами, а меньшие были присоединены к одному или другому из них в своего рода зависимом союзе. Ни названия, ни количество этих первичных членов не могут быть точно известны: кажется, есть основания включать Фивы, Орхомен, Лебадею, Короней, Халиартус, Копæ, Антедон, Танагру, Феспию и Платею до ее отделения.[491] Акрæфия с соседней горой Птон и ее оракулом, Сколус, Глиссас и другие места были зависимы от Фив: Херуней, Асплхон, Холмон и Хеттус - от Орхомена: Сифæ, Лейктра, Кересс и Этбе - от Феспий.[492] Для управления общими делами конфедерации ежегодно выбирались определенные генералы или магистраты, называемые бётархами. Во время битвы при Делиуме в Пелопоннесской войне их было одиннадцать, двое из них - из Фив; но сохранялось ли это число всегда, и в каких пропорциях выбирали их разные города, мы не находим четких сведений. Кроме того, во время Пелопоннесской войны существовало четыре различных сената, с которыми беотархи советовались по важным вопросам; любопытное устройство, объяснения которому у нас нет. Наконец, периодически в Коронее проводился общий консилиум и религиозный праздник - Памбэотия. Таковы, насколько мы можем судить, были формы беотийской конфедерации; каждый из отдельных городов обладал собственным сенатом и конституцией, имел свое политическое сознание как автономная единица, но с определенным привычным почтением к федеральным обязательствам. В основном дела конфедерации находятся в руках Фив и управляются в интересах фиванского господства, которое, похоже, не поддерживалось никакими другими чувствами, кроме уважения к превосходящей силе и храбрости. Недовольство мелких беотийских городов, жестоко подавленное и наказанное, составляет непривлекательную главу в греческой истории.

Мы находим одну информацию о Фивах отдельно от других беотийских городов до 700 года до н. э. Хотя она краткая и неполная, она все же очень ценна, как один из первых случаев солидной и позитивной греческой истории. Диоклис, коринфянин, записан как победитель Олимпийских игр в 13-ю Олимпиаду, или 728 год до н. э., в то время, когда олигархия под названием Вакхиады владела Коринфом. Красота его лица привлекла к нему привязанность Филолая, одного из членов этого олигархического тела, - чувство, которое греческие нравы не запрещали; но оно также вызвало кровосмесительную страсть со стороны его собственной матери, Халкионки, от которой Диоклес шарахался с ненавистью и ужасом. Он навсегда покинул родной город и удалился в Фивы, куда за ним последовал Филолай, и где они оба жили и умерли. Во времена Аристотеля еще показывали их гробницы, близко примыкающие друг к другу, но с противоположным фасадом; гробница Филолая была расположена так, что ее обитатель мог любоваться возвышенностью родного города, а гробница Диоклеса была расположена так, что закрывала всякую перспективу на ненавистное место. Память о столь примечательном инциденте сохранила нам уважение фиванцев к Филолаю - чувство настолько глубокое, что они пригласили его издавать для них

законы. У нас будет повод указать на один или два подобных случая, когда греческие города прибегали к помощи умного чужеземца; в Средние века в итальянских республиках было принято назначать не принадлежащего к их городу человека в качестве подесты или арбитра в гражданских спорах. Было бы очень интересно узнать, какие законы Филолай издал для фиванцев; но Аристотель, со свойственной ему краткостью, лишь упоминает о его предписаниях, касающихся усыновления детей и умножения потомства в каждой отдельной семье. Его законы были составлены с целью сохранить первоначальное количество земельных участков, не прибегая ни к делению, ни к объединению; но какими средствами эта цель должна была быть достигнута, нам не известно.<sup>[493]</sup> В Фивах существовал закон, который, возможно, был частью плана Филолая, запрещающий обнажение детей и позволяющий отцу, находящемуся под давлением крайней бедности, принести своего новорожденного ребенка в магистрат, который продавал его за цену любому гражданину-покупателю, - принимая от него обязанность воспитывать его, но позволяя ему взамен считать взрослого своим рабом.<sup>[494]</sup> Из этих кратких упоминаний, дошедших до нас без сопутствующих иллюстраций, мы не можем сделать никакого другого вывода, кроме того, что великая проблема народонаселения - соотношение между благосостоянием граждан и их более или менее быстрым увеличением численности - занимала серьезное внимание даже самых ранних греческих законодателей. Мы можем, однако, заметить, что древний коринфский законодатель Фидон (чья точная дата не может быть установлена), как утверждает Аристотель,<sup>[495]</sup> ставил перед собой примерно ту же задачу, что и Филолай в Фивах; неизменное число граждан и земельных участков, без каких-либо попыток изменить неравное соотношение участков друг к другу.

---

## ГЛАВА IV. САМЫЙ РАННИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПЕЛОПОННЕС. ДОРИЙЦЫ В АРГОСЕ И СОСЕДНИХ ГОРОДАХ.

Теперь мы переходим от северных членов к сердцу и голове Греции - Пелопоннесу и Аттике, рассматривая первый по порядку и сообщая все, что можно выяснить о его ранних исторических явлениях.

Путешественник, попавший в Пелопоннес из Беотии во времена юности Геродота и Фукидида, обнаруживает массив мощных дорических городов, примыкающих друг к другу и начинающихся у Коринфского перешейка. Первой была Мегара, протянувшаяся через перешеек от моря до моря и занимавшая высокий и изрезанный горный хребет под названием Геранея; затем Коринф с его сильным и заметным акрополем и территорией, включавшей гору Онейон, а также часть перешейка, одновременно наиболее ровную и узкую, которая разделяла две его гавани под названием Лехей и Кенхрей. К западу от Коринфа, вдоль Коринфского залива, находился Сикион с равниной необычайного плодородия между двумя городами: к югу от Сикиона и Коринфа располагались Флиус и Клеон, сопредельные, как и Коринф, с Аргосом и Арголическим полуостровом. Аргосу принадлежала самая глубокая излучина Арголического залива, включая значительное пространство плоской и болотистой земли, примыкающей к морю; Арголический полуостров был разделен Аргосом с дорийскими городами Эпидавром и Трезеном и дриопским городом Гермией, причем последний занимал юго-западный угол. Продвигаясь на юг вдоль западного побережья залива и перейдя через небольшую речку Танос, путешественник

оказывался во владениях Спарты, которая занимала всю южную часть полуострова от восточного до западного моря, где в него впадает река Неда. Сначала он прошел из Аргоса через труднопроходимый горный хребет Парнон (ограничивающий с запада южную часть Арголиты), пока не оказался в долине реки Оепис, по которой он следовал до ее впадения в Евротас. В более крупной долине Евротаса, удаленной от моря и доступной только по самым труднопроходимым горным дорогам, лежали пять прилегающих друг к другу деревень без стен и украшений, носивших в совокупности грозное имя Спарта. Вся долина Евротаса, от Скирита и Белеминатиса на границе Аркадии до Лаконского залива, - расширяющаяся в некоторых местах до плодородной равнины, особенно вблизи ее устья, где находились города Гитиум и Гелос, - принадлежала Спарте; вместе с холодным и высоким горным хребтом на востоке, который переходит в мыс Малей, и еще более высокой цепью Тайгета на западе, которая заканчивается мысом Тенарус. По другую сторону Тайгета, на берегах реки Памис, которая впадает в Мессенский залив, лежала равнина Мессен, самая богатая земля на полуострове. Когда-то эта равнина давала обильные плоды свободным мессенским дорийцам, жившим в городах Стенеклер и Андания. Но в то время, о котором мы говорим, имя мессенцев носили лишь отважные, но бездомные изгнанники, чье возвращение на землю предков превзошло даже самые смелые надежды изгнанников. Их земля была спутана с западной частью Лаконии, которая простиралась в юго-западном направлении до крайней точки мыса Акритас и на север до реки Неда.

На протяжении всего пути до упомянутого пункта, от границ Беотии и Мегариса, путешественник переходил из одного дорийского государства в другое. Но, перейдя с южного на северный берег реки Неда, в месте, близком к ее устью, он окажется вне дорийской земли: во-первых, на территории Трифилии, во-вторых, в Писе, или Писатиде, в-третьих, в более просторном и могущественном государстве Элида; эти три государства включают в себя побережье Пелопоннеса от устья Неда до устья Ларисса. Трифиляне, разделенные на несколько небольших поселений, самым крупным из которых был Лепреон, и пизанцы, в равной степени лишенные какого-либо централизованного города, в период, о котором мы сейчас говорим, были завоеваны своими более могущественными северными соседями из Элиса, которые пользовались преимуществом просторной территории, объединенной под одним правительством; средняя часть, называемая Полым Элисом, была по большей части плодородной, хотя участки у моря были более песчаными и бесплодными. Элейцы были частью этолийских эмигрантов в Пелопоннес, но пизанцы и трифилийцы изначально были независимыми жителями полуострова, причем последние, как утверждает, принадлежали к той же расе, что и минийцы, занимавшие добеотийский Орхомен: и те, и другие переносили завоевание Элиса с постоянным ропотом и периодическим сопротивлением.

Пересекая реку Ларисс и следуя вдоль северного побережья Пелопоннеса к югу от Коринфского залива, путешественник попадает в Ахайю - название, обозначающее узкую полосу ровной земли и выступающие отроги и уступы между заливом и самыми северными горами полуострова - Сколлисом, Эриманфом, Аронией, Кратисом и возвышающейся горой под названием Kyllênê. Ахейские города, числом не менее двенадцати, если не больше, разделили между собой эту длинную полосу земли от устья Ларисса и северо-западного мыса Араксус с одной стороны до западной границы сикионской территории с другой. Согласно древним преданиям и верованиям Геродота, на этой территории когда-то жили ионийцы, которых изгнали ахейцы.

Совершив это путешествие, путешественник завершил бы круг Пелопоннеса, но он все равно оставил бы нетронутой большую центральную область, заключенную между только что

перечисленными территориями, - приближающуюся к морю на границах Трифилии, но нигде не касающуюся его. Эта область была Аркадией, населенной жителями, которые единообразно представлены как представители одной расы и все аборигены. Она была высокой и мрачной, полной диких гор, скал и лесов, и изобиловала, в необычной даже для Греции степени, теми замкнутыми бассейнами, откуда вода выходит только под землей. Она была распределена между большим количеством отдельных деревень и городов. Многие из деревенских племен - Меналии, Паррасии, Азаны и т.д., занимавшие центральные и западные районы, были причислены к самым грубым грекам: но вдоль восточной границы находилось несколько аркадских городов, которые заслуженно занимали место среди более цивилизованных пелопоннесцев. Тегея, Мантиней, Орхомен, Стимфал, Феней занимали всю восточную границу Аркадии от границ Лаконии до Сикиона и Пеллена в Ахайе: Фигалея в юго-западном углу, у границ Трифилии, и Герей на северном берегу Алфея, недалеко от места, где эта река выходит из Аркадии и впадает в Писатис, также были городами, заслуживающими внимания. К северу от этого холодного и малонаселенного региона, недалеко от Фенея, находился небольшой город Нонакрис, к которому примыкали труднодоступные скалы, куда стекал ручей Стикса[496] - место, вызывавшее общее чувство у всех аркадян, из-за ужасающей санкции, которую эта вода, как считалось, придавала их клятвам.

Наброшенное здесь распределение Пелопоннеса, подходящее для персидского вторжения и последующих полувеков, можно также сказать (с некоторыми поправками), что оно подходит для всего промежутка между 550-370 гг. до н. э.; со времени завоевания Спартой Тиреатиса до битвы при Лейктре. Но это не самое раннее распределение, которое представляет нам история. Не берясь критиковать гомеровскую карту Пелопоннеса и возвращаясь только к 776 году до н. э., мы обнаруживаем существенное различие в том, что Спарта занимает лишь очень малую часть той огромной территории, которая описана выше как принадлежащая ей. К западу от вершины горы Тайгет находится другая часть дорийцев, независимая от Спарты: мессенские дорийцы, чей город находится на холме Стенеклер, у юго-западной границы Аркадии, и чьи владения охватывают плодородную равнину Мессену вдоль реки Памис до ее устья в Мессенском заливе: следует отметить, что Мессена была тогда названием равнины в целом, и что ни один город с таким названием не существовал до битвы при Лектре. К востоку от долины Евротас горная область и западные берега Арголического залива вплоть до мыса Малей также не зависят от Спарты; они принадлежат Аргосу, или, скорее, дорийским городам, объединенным с Аргосом. Все перечисленные выше крупные дорийские города от границ Мегариды до восточной границы Аркадии, по-видимому, существовали в 776 году до нашей эры: В таком же состоянии, насколько мы можем судить, находилась и Ахайя, и Аркадия, за исключением ее южной границы, граничащей со Спартой, о которой будет сказано далее. Что касается западной части Пелопоннеса, то в 776 г. до н. э. Элида (так она правильно называется), по-видимому, занимала ту же территорию, что и в 550 г. до н. э.: но Писатида была недавно завоевана и еще несовершенно подчинялась элейцам; Трифилия же, по-видимому, была совершенно независима от них. Что касается юго-западного мыса Пелопоннеса до мыса Акритас, то здесь у нас нет никаких сведений: в дальнейшем будут приведены основания полагать, что в то время он не входил в состав территории мессенских дорийцев.

Из различных рас или народов, которые Геродот знал в Пелопоннесе, он считал исконными три: аркадян, ахейцев и кинурийцев. Ахейцы, хотя и принадлежали к коренным жителям полуострова, все же переселились из южной его части в северную, изгнав прежних ионийских жильцов: это часть легенды о дорийском завоевании или возвращении Гераклидов, и мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть ее. Но ни аркадяне, ни



кинурийцы никогда не меняли своего местожительства. О последних я раньше не говорил, потому что они никогда не были (насколько известно истории) независимым населением. Они занимали большую часть[497] территории Арголиды, от Орнеи, близ северной[498] или флиасийской границы, до Тиреи и Тиреатиса на лаконской границе: и хотя изначально они принадлежали (как скорее воображает, чем утверждает Геродот) к ионийской расе, в его время они так долго были подданными Аргоса, что почти все признаки их дорийского состояния исчезли.

Но великие дорийские государства в Пелопоннесе - столичные державы на полуострове - все изначально были эмигрантами, как считает не только Геродот, но и весь греческий мир: так же как и элиссие этилийцы, трифилийцы и дриопы в Гермione и Асине. Все эти эмиграции описаны так, что их корни уходят в греческий легендарный мир: трифилияне восходят к Лемносу, как потомки аргонавтов,[499] и мы слишком мало информированы о них, чтобы отважиться на какие-либо исторические предположения. Но что касается дорийцев, то, возможно, рассмотрев первую историческую ситуацию, в которой они предстают перед нами, можно предложить некоторые предположения относительно вероятных обстоятельств их появления. Легендарное повествование о нем уже приводилось в первой главе этого тома, - это великое мифическое событие, называемое Возвращением детей Геракла, которым к полному удовлетворению греческой веры было объяснено первое поселение дорийцев в обетованной земле Пелопоннесе. Одно единственное войско и экспедиция, действующие по особому указанию дельфийского бога и возглавляемые тремя братьями, прямыми потомками главных ахейско-дорийских героев через Хилла (эпоним главного племени), - национальные герои существовавшего ранее населения побеждены и изгнаны, а большая часть полуострова и приобретена, и разделена одним махом, - обстоятельства раздела, согласованные с историческими отношениями Лаконии и Мессении, - дружественная власть этилийского Элиса с его Олимпийскими играми как скрепой союза в Пелопоннесе, присоединенная к этому событию в лице Оксилы, - все эти детали составляют повествование, хорошо рассчитанное на то, чтобы поразить ретроспективное воображение грека. Они демонстрируют эпическое соответствие и достаточность, которые было бы нецелесообразно нарушать исторической критикой.

Александрийская хронология устанавливает период в 328 лет от возвращения Гераклидов до первой Олимпиады (1104 г. до н. э. - 776 г. до н. э.), - период, измеряемый списками царей Спарты, о достоверности которых уже были сделаны некоторые замечания. Из этих 328 лет первые 250, по крайней мере, совершенно не содержат фактов; и даже если бы мы признали их историческими, нам нечего было бы перечислять, кроме череды царских имен. Не имея возможности ни гарантировать весь список, ни найти какой-либо действенный тест для различения исторических и неисторических элементов, я перечисляю лакедемонских царей в том виде, в каком они представлены в "Fasti Hellenici" мистера Клинтона. На протяжении почти всего исторического времени независимой Греции в Спарте было два совместных царя, которые вели свое происхождение от Гераклеса через Эврисфена и Проклеса, сыновей-близнецов Аристодема; последний был одним из тех трех братьев Гераклидов, которым приписывается завоевание полуострова:...

#### *Линия Эврисфена.*

|             |            |    |      |
|-------------|------------|----|------|
| Эврисфенес  | царствовал | 42 | лет. |
| Агис        | "          | 31 | "    |
| Echestratus | "          | 35 | "    |

#### *Линия Проклеса.*

|         |            |    |      |
|---------|------------|----|------|
| Прокл   | царствовал | 51 | лет. |
| Sösus   | "          | -  | "    |
| Eurypôn | "          | -  | "    |

|           |   |    |   |            |   |    |   |
|-----------|---|----|---|------------|---|----|---|
| Labôtas   | " | 37 | " | Prytanis   | " | 49 | " |
| Doryssus  | " | 29 | " | Eunomus    | " | 45 | " |
| Агесилай  | " | 44 | " | Харилаус   | " | 60 | " |
| Архелай   | " | 60 | " | Никандр    | " | 38 | " |
| Teleklus  | " | 40 | " | Theopompus | " | 10 | " |
| Alkamenês | " | 10 | " |            |   |    |   |
| 328       |   |    |   |            |   |    |   |

И Теопомп, и Алкаменес царствовали значительно дольше, но хронологи утверждают, что 776 год до н. э. (или первая Олимпиада) пришелся на десятый год правления каждого из них. К этому списку необходимо добавить, что между различными авторами имеются существенные расхождения даже в именах отдельных царей, а тем более в продолжительности их правления, что видно как из хронологии г-на Клинтона, так и из приложения Мюллера к "Истории дорийцев".<sup>[500]</sup> Предполагаемый итог не может быть приведен в соответствие с пунктами без большой доли догадок. О. Мюллер замечает,<sup>[501]</sup> говоря об этой александрийской хронологии, "что наши материалы позволяют нам только восстановить ее в первоначальном виде, но не проверить ее правильность.". На самом деле они недостаточны даже для этой цели, о чем свидетельствуют разногласия среди ученых критиков.

В случае с дорийскими государями Коринфа мы имеем череду имен, еще более бессодержательную в плане фактов. В этом городе была своя линия Гераклеид, происходившая от Геракла, но не через Хилла. Гиппотес, родоначальник коринфских Гераклидов, согласно легенде, первоначально присоединился к дорийским захватчикам Пелопоннеса, но покинул их, убив пророка Карнуса.<sup>[502]</sup> Три брата, став хозяевами полуострова, послали за Алетесом, сыном Гиппотеса, и поставили его во владение Коринфом, где он, согласно хронологии, начал царствовать через тридцать лет после завоевания Гераклидами. Его преемники выглядят следующим образом

|             |            |    |      |
|-------------|------------|----|------|
| Алет        | царствовал | 38 | лет, |
| Иксион      | "          | 38 | "    |
| Агелас      | "          | 37 | "    |
| Prymnis     | "          | 35 | "    |
| Bacchis     | "          | 35 | "    |
| Агелас      | "          | 30 | "    |
| Eudêmus     | "          | 25 | "    |
| Aristomêdês | "          | 35 | "    |
| Agêmôn      | "          | 16 | "    |
| Александр   | "          | 25 | "    |
| Telestês    | "          | 12 | "    |
| Automenês   | "          | 1  | "    |
| 327         |            |    |      |

Нам рассказывают, что Вакхиды были настолько знамениты, что те, кто сменил его, стали называться Вакхиадами вместо Алетиадов или Ираклидов. Через год после воцарения Автоменеса семейство Вакхидов в целом, насчитывавшее 200 человек, решило отменить

царскую власть, образовать постоянную олигархию и ежегодно избирать из своего числа пританиса. Так началась олигархия Вакхидов, которая просуществовала девяносто лет, пока не была низвергнута Кипселом в 657 году до н. э. [503] Считая тридцать лет до начала правления Алетеса, хронологи, таким образом, дают интервал в 447 лет между возвращением Ираклидов и воцарением Кипсела, и 357 лет между тем же периодом и началом олигархии Вакхидов. Олигархия Вакхидов, несомненно, историческая; завоевание Гераклидов относится к легендарному миру, а промежуток между ними, как и во многих других случаях, заполнен просто бесплодной генеалогией.

Когда мы перепрыгиваем это пустое пространство и помещаем себя в первое начало истории, мы обнаруживаем, что, хотя в конечном итоге Спарта заняла первое место не только в Пелопоннесе, но и во всей Элладе, это не было так в самый ранний момент, о котором мы имеем исторические сведения. Аргос и соседние города, связанные с ним узами полурелигиозного, полуполитического союза, - Сикион, Флий, Эпидавр и Трѣзкн - поначалу имели большую власть и значение, чем Спарта; этот факт, похоже, признает легенда о Гераклидах, делая Тѣ менус старшим братом из трех. Геродот уверяет нас, что в свое время Аргосу принадлежало все восточное побережье Пелопоннеса вплоть до мыса Мелея, включая остров Кифа, который впоследствии стал существенной частью Лаконии. [504] Вплоть до первой Мессенской войны сравнительное значение дорийских владений в Пелопоннесе, по-видимому, соответствовало тому порядку, в котором их расположила легенда: Аргос - первый, Спарта - вторая, Мессен - третий. В дальнейшем мы увидим, что аргейцы никогда не теряли воспоминаний об этом раннем преобладании, из которого их вытеснил рост Спарты; и свободы всей Эллады не раз подвергались опасности из-за их пагубной ревности к более удачливому конкуренту.

На расстоянии около трех миль от Аргоса, как раз в том месте, где этот город ближе всего подходит к морю, [506] находилась изолированная возвышенность под названием Теменион, замеченная и Страбоном, и Павсанием. Это была небольшая деревня, получившая свое название и известность благодаря часовне и гробнице героя Темениона, которому поклонялись дорийцы; Павсаний слышал, что Теменион со своими захватчиками-дорийцами захватил и укрепил это место и использовал его как вооруженный пост для войны с Тисаменом и ахейцами. Что делает это сообщение заслуживающим большего внимания, так это то, что то же самое утверждается в отношении возвышенности, называемой Солигея, недалеко от Коринфа: считалось, что это тоже место, которое дорийские нападавшие заняли и укрепили против ранее существовавших в городе коринфян. Расположенное вблизи Саронического залива, это было место, которое захватчики, высадившиеся из этого залива, естественно, захватили бы, и которое Никиас со своим мощным афинским флотом действительно захватил и занял против Коринфа во время Пелопоннесской войны. [507] В ранние времена единственным способом одолеть жителей укрепленного города, обычно расположенного на очень удобной для обороны позиции, было то, что захватчики, закрепившись поблизости, преследовали жителей и уничтожали их продукты, пока не примирились с ними. Даже во время Пелопоннесской войны, когда искусство осады достигло определенного прогресса, мы читаем о нескольких случаях, когда этот способ агрессивной войны был принят с эффективными результатами. [508] Мы можем легко поверить, что дорийцы получили доступ в Аргос и Коринф именно таким образом. Примечательно, что, за исключением Сикиона (который, как утверждается, был захвачен ночью), это были единственные города в аргосской области, которые, как говорят, оказали им сопротивление; говорят, что Флий, Эпидавр и Трезен приняли дорийских захватчиков без сопротивления, хотя некоторая часть прежних жителей отделилась. В дальнейшем мы увидим, что недорийское население Сикиона и Коринфа все еще оставалось значительным.

Отдельные заявления, которые мы находим, а также положение Темениона и Солигея, приводят к двум предположениям: во-первых, что приобретения дорийцев в Пелопоннесе также были изолированными и постепенными, совсем не соответствующими быстрым шагам старой легенды о Гераклиде; во-вторых, что дорийские захватчики Аргоса и Коринфа совершили свое нападение со стороны Арголического и Саронического заливов, - по морю, а не по суше. Действительно, трудно понять, как они могли добраться до Темениона иным путем, кроме как по морю; а взгляд на карту покажет, что возвышенность Солигея представляет собой,[509] по отношению к Коринфу, ближайший и наиболее удобный плацдарм для морского захватчика, в соответствии со схемой операций, разработанной Никием. Чтобы проиллюстрировать предположение о нападении дорийцев на Коринф по морю, мы можем сослаться на историю, цитируемую Аристотелем (которую мы находим воплощенной в объяснении старой пословицы), представляющую Гиппотеза, отца Алетека, как пересекающего Малиакский залив[510] (море, непосредственно граничащее с древними малеями, дриопийцами и дорийцами) на кораблях с целью колонизации. И если можно доверять упоминанию дорийцев в "Одиссее" как части населения острова Крит, то мы имеем пример дорийских поселений, которые, должно быть, были осуществлены по морю, и притом в очень ранний период. "Мы должны предположить (замечает О. Мюллер,[511] говоря об этих критских дорийцах), что дорийцы, задавленные нуждой или беспокойные от бездействия, построили пиратские каноэ, укомплектовали эти хрупкие и узкие барки воинами, которые сами работали за веслами, и, превратившись из горцев в моряков, - норманны Греции - отправились на далекий остров Крит". Таким же образом можно представить себе экспедиции дорийцев на Аргос и Коринф; и какие бы трудности ни возникали в связи с этой гипотезой, несомненно, что трудности длительного сухопутного похода по такой территории, как Греция, еще более серьезны.

Предположение о дорийской эмиграции по морю, от Малиакского залива до северо-восточного мыса Пелопоннеса, подтверждается аналогией с дриопами, или дриопийцами. В исторические времена этот народ занимал несколько обособленных поселений в различных частях Греции, все морские, а некоторые островные; они были найдены в Гермione, Асине и Эйоне, на Арголическом полуострове (очень близко к важным дорийским городам, составляющим Амфиктионию Аргоса,[512]) - в Стире и Карыстусе на острове Эвбея, на острове Кифнус, и даже на Кипре. Эти разрозненные колонии могли быть основаны только экспедициями через море. Теперь нам говорят, что первоначальная Дриопис, родная страна этого народа, включала в себя как территорию у реки Сперхей и к северу от Ceta, которую впоследствии заняли малийцы, так и соседний район к югу от Ceta, который впоследствии был назван Дорис. Отсюда дриопийцы были изгнаны - по одной версии, дорийцами, по другой - Гераклом и малийцами: как бы то ни было, именно из Малиакского залива они отправились на кораблях на поиски новых мест жительства, которые некоторые из них нашли на мысах Арголического полуострова.[513] И именно из этой страны, согласно Геродоту,[514] отправились дорийцы, чтобы достичь Пелопоннеса. Также не кажется неразумным предположить, что те же средства передвижения, которые доставляли дриопийцев из Малиакского залива в Гермionу и Асину, доставляли и дорийцев из того же места в Теменион и на холм Солигей.

Легенда представляет Сикион, Эпидавр, Трёзен, Флиус и Клеон, занятые дорийскими колонистами из Аргоса при разных сыновьях Ткмена: первые три находятся на берегу моря и являются подходящими местами для захвата морскими захватчиками. Аргос и дорийские города на Арголическом полуострове и вблизи него следует рассматривать как самостоятельную группу поселений, совершенно отличную от Спарты и мессенского Стениклера, которые, по-видимому, возникли в совершенно иных условиях. Во-первых, оба

они находятся очень далеко в глубине материка - Стенеклер нелегко, а Спарта очень труднодоступна с моря; во-вторых, мы знаем, что завоевания Спарты постепенно продвигались по долине Евротаса к морю. Оба эти приобретения выглядят так, как будто они были сделаны со стороны суши, и, возможно, в том направлении, которое описывает легенда о Гераклиде, - с помощью воинов, проникших в Пелопоннес через узкое устье Коринфского залива, или по приглашению тех поселенцев из Этолии, которые в то же время колонизировали Элиду. Ранняя и тесная связь (которой я коснусь позже) между Спартой и Олимпийскими играми, проводившимися элейцами, а также ведущая роль, приписываемая Ликургу в установлении торжественного олимпийского перемирия, укрепляют такое убеждение.

Рассматривая ранние дела дорийцев в Пелопоннесе, мы склонны склоняться, во-первых, к легенде о Гераклиде, которая придает им впечатляющее, но обманчивое эпическое единство; во-вторых, к более поздней и известной истории, которая представляет спартанскую власть как бесспорно преобладающую, а Аргос лишь как второй с большим интервалом. Но первый взгляд (как я уже отмечал), который открывается нам, на реальную греческую историю, немного раньше 776 года до н. э., показывает Аргос с его союзом или конфедерацией соседних городов, колонизированных из него самого, как великий центр дорийской власти на полуострове, а Спарту - как второстепенное государство, имеющее низшее значение. Воспоминания о таком положении вещей сохранялись и после того, как оно перестало быть реальностью, и поддерживали в Аргосе претензии на главенство над греками по праву, которые она стала неспособна поддерживать ни достаточной силой, ни государственной смекалкой. Рост спартанского могущества был чередой посягательств на Аргос[515].

Как Спарта постоянно одерживала верх над Аргосом, будет предметом будущих объяснений: сейчас же достаточно отметить, что возвышение Аргоса происходило не только за счет его собственной территории, но и отчасти благодаря его положению метрополии союза автономных соседних городов, все дорийские и все колонизированные от нее, - и это был элемент власти, существенно колеблющийся. Чем была Феба для городов Беотии, основателем которых она была или считалась,[516] тем же был и Аргос по отношению к Клеону, Флию, Сикиону, Эпидавру, Трезену и Игине. Эти города составляли, говоря мифическим языком, "жребий Темена"[517] - на самом деле объединенные союзники или подчиненные Аргоса: первые четыре из них, как говорили, были *дорированы* сыновьями или ближайшими родственниками Темена, а цари Аргоса, как признанные потомки последнего, претендовали на *сюзеренитет* и осуществляли над ними своеобразный контроль. Гермiona, Асинка и Науплия, похоже, также находились под верховенством Аргоса, хотя и не были колониями.[518] Но это верховенство не было заявлено прямо и открыто: в соответствии с представлениями того времени, видимые цели Аргейской конфедерации или Амфикитии были религиозными, хотя ее вторичные и не менее реальные последствия были политическими. Великим богом-покровителем лиги был Аполлон Пифейский, именем которого налагались обязательства на членов лиги. Хотя в каждом из объединившихся городов был свой храм этому богу, его самое святое и центральное святилище находилось на Лариссе или акрополе Аргоса. В этом центральном аргейском святилище Эпидавр, как и другие члены конфедерации, приносил торжественные жертвы, которые, как видно, сопровождались денежными выплатами[519], которые аргейцы, как главные администраторы от имени общего бога, брали на себя право принуждать к неплательщикам и фактически пытались принуждать во время Пелопоннесской войны против Эпидавра. В другой раз, во время 66-й Олимпиады (514 г. до н. э.), они наложили большой штраф в 500 талантов на каждое из двух государств - Сикиона и Эгины - за то, что те одолжили корабли



спартанскому царю Клеомену, на которых он вторгся на территорию Аргей. Эгинетяне отвергли это требование, но сикионцы признали его справедливость и лишь усомнились в его сумме, заявив, что готовы заплатить 100 талантов.<sup>[520]</sup> Нет сомнений, что в этот поздний период господство Аргоса над членами его первобытной конфедерации практически утратило силу; но суть упомянутых случаев показывает, что ее требования были возрождением ушедших привилегий, которые когда-то были действенными и ценными.

Насколько ценными были аргосские привилегии до великого подъема спартанской державы, насколько важное положение они давали в руках энергичного человека и как легко их можно было использовать для реализации честолюбивых замыслов, показывает примечательный случай с Фидоном, Теменидом. Немногочисленные факты, которые мы узнаем об этом принце, впервые демонстрируют нам нечто похожее на реальное положение сторон в Пелопоннесе, где реальный конфликт живых исторических людей и городов проявляется с достаточной отчетливостью.

Эфор называет Фейдона десятым, а Теопомп - шестым по прямой линии от Тесмена. Относительно даты его существования были высказаны самые противоречивые и непримиримые мнения, но есть все основания отнести его к периоду немного раньше и немного позже 8-й Олимпиады - между 770 и 730 гг. до н. э.<sup>[521]</sup> О предыдущих царях Аргоса мы мало что слышим: один из них, Эрат, как говорят, изгнал дриопийцев Асинка из их города на Арголическом полуострове за то, что они сотрудничали со спартанским царем Никандром, когда тот вторгся на аргейскую территорию, по-видимому, в течение поколения, предшествующего Фидону; есть еще один, Дамократидас, дату которого нельзя определить точно, но он представляется скорее последующим, чем предшествующим Фидону.<sup>[522]</sup> Однако нам сообщают, что эти предшествующие цари, начиная с Медона, внука Тесмена, были вынуждены подчиниться большому ограничению своей власти и привилегий, и что была установлена форма правления, в основном народная, хотя и номинально царская.<sup>[523]</sup> Фидон, нарушив наложенные ограничения, стал деспотом Аргоса. Затем он восстановил власть Аргоса над всеми городами конфедерации, которая до этого была почти распущена, так что все ее члены остались практически независимыми.<sup>[524]</sup> Затем, как говорят, он получил власть над Коринфом и попытался обеспечить ее, вероломно заманив в ловушку тысячу его воинственных граждан; но его уловка была раскрыта и расстроена Аброном, одним из его доверенных друзей.<sup>[525]</sup> Далее сообщается, что он стремился распространить свою власть на большую часть Пелопоннеса, претендуя, как потомок Геракла, через старшего сына Хилла, на все города, которые когда-либо брал этот неугомонный и неуправляемый герой.<sup>[526]</sup> Согласно греческим представлениям, этот легендарный титул всегда серьезно толковался и часто признавался окончательным; хотя, конечно, при наличии сильных противоположных интересов, находились причины, чтобы уклониться от него. У Фейдона было бы такое же основание, как и то, которое через двести пятьдесят лет после него позволило Гераклиду Дорию, брату царя Спарты Клеомена, получить территорию у горы Эрикс в Сицилии, поскольку его прародитель,<sup>[527]</sup> Гераклес, завоевал ее до него. Однако легенды о завоеваниях Геракла были столь многочисленны, что притязания Фидона должны были охватывать большую часть Пелопоннеса, за исключением Спарты и Мессенской равнины, которые уже находились в руках Гераклидов.

Честолюбие Фейдона не было удовлетворено даже этими большими притязаниями. Он также претендовал на право председательствовать на тех религиозных играх, или Агонах, которые были учреждены Гераклеей, - среди них был и Олимпийский Агон, тогда, однако, пользовавшийся лишь малой толикой того блеска, который ему придали впоследствии. Председательство на любом из знаменитых праздников, проводимых в Греции, было

привилегией, которой очень дорожили. Она была одновременно достойной и выгодной, и в нашей истории найдется не один пример, когда проливалась кровь, чтобы определить, какое государство будет ею пользоваться. Фидон отправился в Олимпию в эпоху 8-й Олимпиады, или 747 г. до н. э.; в связи с этим событием мы знакомимся с реальным положением дел на полуострове.

Равнина Олимпия - ныне облагороженная лишь бессмертными воспоминаниями, но некогда переполненная всеми украшениями религии и искусства и составлявшая на протяжении многих веков ярчайший центр притяжения, известный в античном мире, - располагалась на реке Алфее, на территории, называемой Писатидой, у границ Аркадии. В какое время ее агонистический праздник, повторяющийся каждый пятый год, в первое полнолуние после летнего солнцестояния, впервые начался или впервые приобрел характер особой святости, мы не можем определить. Как и в случае со многими другими родными водами Греции, мы следуем за потоком вверх до определенной точки, но исток и более раннее течение истории погребены под горами непостижимых легенд. Первое празднование олимпийских состязаний греческая легендарная вера приписывает Гераклу, и местоположение этого места в середине Пизатид с восемью небольшими поселками вполне достаточно, чтобы доказать, что жители этой небольшой территории были вправе называть себя первоначальными распорядителями церемонии.<sup>[528]</sup> Но это положение вещей, кажется, было изменено поселением элейцев в Элисе, которое представляется как проведенное Оксилом и отождествляется с возвращением Гераклидов. Этоло-элейцы, граничащие с Пизатидами на севере, использовали свою превосходящую силу для покорения более слабых соседей,<sup>[529]</sup> которые таким образом потеряли свою автономию и стали частью территории Элиды. Общим правилом для всей Греции было то, что государство-победитель обязывалось выполнять<sup>[530]</sup> текущие заслуги завоеванного народа перед богами, - эти заслуги считались связанными с землей: таким образом, празднование Олимпийских игр вошло в число обязанностей Элиды, точно так же, как поклонение Элевсинскому Деметру, когда Элевсис потерял свою автономию, было включено в число религиозных обязательств Афин. Однако пизанцы никогда не соглашались на поглощение того, что когда-то было их отдельной привилегией; они долгое время сохраняли убеждение, что празднование игр - их право, и неоднократно пытались вернуть его себе. Самый ранний из этих случаев, насколько мы знаем, был связан с вмешательством Фейдона. Именно по их приглашению аргосский царь отправился в Олимпию и сам отпраздновал игры вместе с пизанцами как прямой преемник Гераклеса, а элейцы, лишившись таким образом власти, отказались включить 8-ю Олимпиаду в свой реестр победоносных бегов. Но их унижение длилось недолго, так как в состязании приняли участие спартанцы, и оно закончилось поражением Фидона. На следующей Олимпиаде элейское руководство и регулярный набор участников появляются в прежнем виде, а спартанцы, как говорят, даже подтвердили Элиду в ее владении Писатисом и Трифилией<sup>[531]</sup>.

К сожалению, эти скудные сведения - все, что мы узнаем о вооруженном конфликте на 8-й Олимпиаде, в котором так тесно смешались религиозные и политические причины ссоры, - как мы увидим, это часто случается в греческой истории. Но есть еще одно более памятное деяние Фидона, о котором до нас не дошло ничего, кроме скудных сведений. Он впервые отчеканил в Эгине медные и серебряные деньги и впервые установил шкалу мер и весов,<sup>[532]</sup> которая благодаря его влиянию была принята во всем Пелопоннесе и в конце концов получила распространение во всех дорийских государствах, а также в Беотии, Фессалии, северной Элладе и Македонии - под названием Эгинеиной шкалы. Впоследствии в Греции возникла другая конкурирующая шкала, названная эвбейской, значительно отличающаяся от эгинеиной. Мы не знаем, в какое время она была введена, но она

использовалась как в Афинах, так и в ионических городах в целом, а также в Эвбее, будучи измененной в Афинах, насколько это касалось денег, после того, как Солон ослабил чеканку монет.

Многочисленные и ценные сведения, содержащиеся в недавней публикации М. Бёкха о метрологии, пролили новый свет на эти денежные и статические весы.<sup>[533]</sup> Он показал, что и эгинейские, и эвбейские весы - первые соотносятся со вторыми в пропорции 6 : 5 - имели современное хождение в разных частях Персидской империи; деления и номиналы весов были одинаковыми в обоих случаях: 100 драхм в мине и 60 мин в таланте. Вавилонские талант, мина и драхма идентичны эгинейским: слово "мина" азиатского происхождения; и теперь стало весьма вероятным, что шкала, циркулировавшая при Фейдоне, была заимствована сразу у финикийцев, а ими - первоначально у вавилонян. Вавилонские, гебраистские, финикийские, египетские<sup>[534]</sup> и греческие весы (которым впоследствии следовали везде, где были введены монетные деньги) настолько близки друг к другу, что позволяют считать, что все они происходят от одного общего источника, а этот источник - халдейское жречество Вавилона. Именно Фидону и его положению вождя аргейской конфедерации греки обязаны первым введением вавилонских весов и первым использованием чеканных и штампованных денег.

Если мы зрело взвесим немногие, но яркие деяния Фидона, которые сохранились до нас и которые нет причин дискредитировать, мы обнаружим, что познакомились с ранним историческим состоянием Пелопоннеса, сильно отличающимся от того, к которому нас приведет другой век. О том, что Аргос с присоединенными к нему городами-федератами в это раннее время был, безусловно, главенствующей силой на полуострове, достаточно свидетельствует установление и принятие фейдонской системы мер, весов и денежной системы, а другие упомянутые инциденты полностью соответствуют этой идее. Против притеснений Элиды пизанцы взывали к Фидону, отчасти как к первенству в Пелопоннесе, подобно тому, как жители Лепреума в Трифилии три века спустя призвали на помощь Спарту для той же цели, в то время, когда Спарта обладала главенством, - и отчасти как к линейному представителю Гераклеса, основавшего те игры, от управления которыми они были несправедливо отстранены. С другой стороны, Спарта предстает как второсортная держава. Там, как и везде, была принята эгинейская шкала мер и весов,<sup>[536]</sup> мессенские дорийцы по-прежнему были равны и независимы, и мы видим, что Спарта вмешивается, чтобы помочь Элиде, в силу обязательства, возникшего (так представляет его легенда) из общей этоло-дорийской эмиграции; а вовсе не из-за признанного первенства, которым она будет пользоваться в дальнейшем. Первая чеканка медных и серебряных денег - важнейшее событие в греческой истории, которое подразумевает как значительную торговлю, так и широкие взгляды, присущие только выдающемуся и ведущему положению. Стремление Фидона возобновить все приобретения, сделанные его предком Хераклесом, предполагает такую же большую оценку его реальной власти. Его характеризуют как деспота, и даже как самого наглого из всех деспотов:<sup>[537]</sup> насколько он заслужил такую репутацию, мы не можем судить. Однако мы можем отметить, что он жил до наступления эпохи деспотов или тиранов, как их правильно называть, и до того, как род Гераклидов утратил свой первичный, полуполитический, полурелигиозный характер. Более того, поздние историки придали его действиям окраску непомерной агрессивности, применив их к положению вещей, которое относилось к их времени, а не к его. Так, Эфор представляет его как лишившего лакедемонян главенства в Пелопоннесе, которым они никогда не обладали до его смерти, а также как поставившего на нет клятвенную неприкосновенность территории элейцев, которой последние пользовались как виновники Олимпийских игр; В то время как Агонотесия, или право надзора, на которое претендовал Элис, в то время еще не приобрело силу

предписания, а завоевание Пизы самими элейцами доказало, что эта священная функция не защищает территорию более слабого народа.

Как пал Фейдон и как аргейцы утратили то превосходство, которым они когда-то явно обладали, мы не знаем: в отношении последнего пункта, однако, мы можем найти достаточное объяснение. Аргейцы доминировали как целостная и единодушная конфедерация, которой требовалась энергичная и умелая рука, чтобы сделать эффективным ее внутреннее устройство или обеспечить ее господство, пользуясь уважением извне. В Аргосе, вся история которого лишена выдающихся личностей, впоследствии не появилось такого лидера: род царей продолжался, по крайней мере, до Персидской войны,<sup>[538]</sup> но, по-видимому, только с титульными функциями, поскольку правительство долгое время было явно народным. Утверждения, в которых правительство представлено как народное до времен Фейдона, выглядят недостойными доверия. Этого принца скорее следует воспринимать как обладателя старых, не утраченных прерогатив царей Гераклидов, но использовавшего их с необычным эффектом - укрепляя ослабленные привилегии и вызывая к старым героическим чувствам в отношении Гераклеи, а не революционизируя существующие отношения ни в Аргосе, ни в Пелопоннесе. На самом деле, именно огромный и устойчивый рост Спарты в течение трех столетий после ликуржских институтов стал причиной подрыва прежнего порядка командования и повиновения в Греции.

Утверждение Геродота о том, что в прежние времена все восточное побережье Лаконии до мыса Малая, включая остров Кифа и несколько других островов, принадлежало Аргосу, О. Мюллер относит примерно к 50-й Олимпиаде или 580 г. до н. э. Возможно, оно перестало быть верным в этот период; но в то, что оно было верным в эпоху Фидона, есть все основания полагать. Вероятно, имеется в виду, что дорийские города на этом побережье, Прасиес, Зарекс, Эпидавр Лимэра и Бээ, когда-то были автономными и входили в Аргейскую конфедерацию, - что весьма вероятно, по независимым свидетельствам, в отношении Эпидавра Лимэра, поскольку этот город был поселением из Эпидавра на Арголическом полуострове: А в Бэе тоже был свой экист и эпоним, Гераклид Бээс,<sup>[539]</sup> никак не связанный со Спартой, - возможно, из того же источника, что и название города Бэон в Дорисе. Таким образом, объединившиеся аргейские города охватывали все побережье Арголического и Саронического заливов, от Китеры до Эгины, а также другие неизвестные нам острова: В Эгину прибыла колония дорийцев из Аргоса и Эпидавра, от которого она некоторое время находилась в зависимости.<sup>540]</sup> Сразу видно, что такая протяженность побережья подразумевает значительную степень торговли и морской активности. Кроме того, мы должны рассмотреть ряд дорических колоний на южных островах Эгейского моря и в юго-западном углу Малой Азии: Крит, Кос, Родос (с тремя отдельными городами), Галикарнас, Книд, Минд, Нисир, Симк, Карпат, Калидна и т. д. Из названных здесь дорических поселений несколько связаны (как уже говорилось) с великой эмиграцией ткменидских альтаэменесов из Аргоса: но что мы особенно замечаем, так это то, что их часто относят как колонии к Аргосу, Трөөезену, Эпидавру<sup>[541]</sup> - чаще, однако, как кажется, к Аргосу. Все эти поселения, несомненно, старше Фидона, и мы можем представить их как происходящими вместе от союзных дорийских городов на Арголическом полуострове в то время, когда они были более склонны к объединенным действиям, чем впоследствии: капитан эмигрантов, выбранный из линии Геракла и Тесмена, отвечал чувствам их всех. Таким образом, мы можем вспомнить период, когда в самом начале Олимпиады морские дорийцы на востоке Пелопоннеса поддерживали значительные связи и торговлю не только между собой, но и с поселениями на азиатском побережье и островах. О том, что Арголический полуостров был ранним центром морских встреч, можно судить по древнейшему Амфиктионию о семи городах

(Гермионе, Эпидавре, Гигине, Афинах, Прасие, Науплии и минейском Орхомене) на священном острове Калаурия у гавани Трезена[542].

Представление о раннем возвышении Аргоса как главы пелопоннесских дорийцев и метрополии азиатских дорийцев позволяет нам понять капитальное нововведение Фидона - первую чеканку монет и первые определенные веса и меры, известные в Греции. О значении таких усовершенствований в истории греческой цивилизации говорить излишне, особенно если вспомнить, что эллинские государства, не имея политического единства, держались вместе только совокупности спонтанных единообразий в языке, религии, симпатиях, развлечениях и общих привычках. Мы видим, как у Фидона возникло желание и как он приобрел власть, чтобы ввести единую шкалу во всем греческом мире; мы также видим, что азиатские дорийцы являются связующим звеном между ним и Финикией, откуда эта шкала была взята, так же как эвбейская шкала пришла, по всей вероятности, через ионические города в Азии из Лидии. Эфор утверждает, и это признают даже самые искусные современные критики, что Фейдон впервые отчеканил деньги "в Эгине":[543] другие авторы (ошибочно полагая, что его веса были эвбейскими) утверждали, что его чеканка велась "в местечке Аргоса под названием Эвбея".[544] Оба эти утверждения выглядят крайне неправдоподобно, и оба они объясняются одной и той же ошибкой - предположением, что название, под которым веса стали общеизвестны, обязательно должно происходить от места, в котором чеканились монеты. Есть все основания заключить, что то, что сделал Фейдон, было сделано в Аргосе, и нигде больше: его чеканка и веса были самыми ранними из известных в Греции, и, похоже, были известны под его собственным именем, "Фейдоновы меры", под которым они были описаны Аристотелем в его рассказе о конституции Аргоса.[545] Вероятно, они стали носить особый эпитет "*эгинейские*" только после того, как в моду вошли другие веса, *эвбейские*, от которых их можно было отличить; и оба эпитета, вероятно, были получены не от места, где впервые возникли веса, а от людей, чья коммерческая деятельность способствовала их широкой известности, - в одном случае эгинетян, в другом - жителей Халкиса и Эретрии. Поэтому я думаю, что мы должны рассматривать фидонийские меры как происходящие из Аргоса и как имеющие не более тесную связь с Эгиной, чем с любым другим городом, зависящим от Аргоса.

Кроме того, есть еще один момент, который заслуживает внимания. То, что было известно под названием эгинейских весов, в отличие от эвбейских весов и в определенном соотношении (6 : 5), касалось только веса и денег, насколько нам известно:[546] у нас нет доказательств того, что такое же соотношение распространялось на меры длины или меры вместимости. Однако есть основания полагать, что фейдонийские правила, взятые в их полном понимании, охватывали меры вместимости, а также веса: В то же самое время, когда он определил талант, мину и драхму, Фейдон, по-видимому, также установил сухие и жидкие меры - *medimnus* и *metrêtês*, с их частями и кратностями: и существовали[547] фейдонские меры вместимости, хотя и не длины, насколько мы знаем. Таким образом, эгинейские веса могли включать в себя лишь часть того, что было установлено Фидоном, а именно то, что касалось веса и денег.

---



## ГЛАВА V.

### ЭМИГРАЦИЯ ЭТОЛО-ДОРИЙЦЕВ В ПЕЛОПОННЕС - ЭЛИС, ЛАКОНИЮ И МЕССЕНИЮ.

Уже говорилось, что территория, правильно называемая Элидой, не считая расширения, которое она получила в результате завоевания, включала самые западные земли Пелопоннеса, к югу от Ахайи и к западу от горы Фолоэ и Оленуса в Аркадии, но не простиралась так далеко на юг, как река Алфей, русло которой проходило вдоль южной части Писатиса и на границах Трифилии. Эта территория, которая в "Одиссее" фигурирует как "божественный Элис, где властвуют эпейцы", [548] в исторические времена была занята населением этолийского происхождения. Расовая связь между историческими элейцами и историческими этолийцами признавалась обеими сторонами, и оспаривать ее нет никаких оснований [549].

То, что этолийские захватчики или эмигранты, прибывшие в Элиду из Наупакта или какого-то соседнего пункта Коринфского залива, - это естественный ход вещей, и именно таким путем шел Оксил, проводник вторжения, представленный в легенде о Гераклиде. Эта легенда (как уже было сказано) представляет Оксила как проводника трех братьев Гераклидов - Темена, Кресфонтея и Аристодема - и как договорившегося с ними о том, что в новом распределении Пелопоннеса ему будет позволено овладеть территорией Элеев в сочетании со многими священными привилегиями в отношении празднования Олимпийских игр.

В предыдущей главе я попытался показать, что поселения дорийцев на Арголическом полуострове и вблизи него, насколько нам позволяет судить вероятность, не были достигнуты каким-либо вторжением в этом направлении. Но места, занятые дорийцами Спарты и дорийцами Стениклера на территории, называемой Мессеном, приводят нас к другому выводу. Самый простой и естественный путь, по которому эмигранты могли бы добраться до любого из этих двух мест, лежит через страну элейцев и пизатидов. Полковник Лик отмечает, [550] что прямая дорога из Элейской области в Спарту, поднимающаяся по долине Алфея, недалеко от Олимпии, к истокам его ответвления, Теи, и оттуда спускающаяся по Евротасу, обеспечивает единственный легкий марш к этому очень недоступному городу: и древние, и современные отмечают близость истоков Алфея к истокам Евротаса. Расположение Стенеклкруса и Андании, первоначальных поселений мессенских дорийцев, тесно примыкающих к аркадским Паррасиям, находится на небольшом расстоянии от русла Алфея; таким образом, добраться до них проще всего по тому же маршруту. Отбросив идею о большом коллективном дорийском войске, достаточно мощном, чтобы сразу захватить весь полуостров, мы можем представить себе два умеренных отряда выносливых горцев из холодных районов Дориса и его окрестностей, присоединившихся к соседям - эйтолийцам, которые собирались вторгнуться в Элиду. После того как они помогли этолийцам занять Элиду и покорить Пизатид, эти дорийцы двинулись вверх по долине Алфея в поисках поселений для себя. Из одного из этих тел выросли величественные, упрямые и победоносные спартанцы, из другого - недолговечные, растоптанные и сопротивляющиеся мессенцы.

Среди мрака, окутавшего эти первоначальные поселения, мы, кажется, различаем нечто похожее на особые причины, определившие их возникновение. Что касается спартанских дорийцев, то нам рассказывают, что некий человек по имени Филоном предал им Спарту, уговорив государя удалиться со своим народом в места обитания ионийцев на севере полуострова, - и что в награду за эту приемлемую услугу он получил Амиклею с прилегающими к ней окрестностями. Далее говорится, - и в этом важном факте нет причин

сомневаться, - что Амиклея, хотя и удаленная от Спарты всего на двадцать стадий или две мили с половиной, сохранила и свою независимость, и своих ахейских жителей еще долго после того, как дорийские эмигранты завладели последним местом, и была захвачена ими только в правление Телеклуса, за одно поколение до первой Олимпиады.[551] Не берясь заполнять догадками неизлечимые пробелы в утверждениях наших авторитетов, мы можем с полным основанием предположить, что дорийцы были побуждены к вторжению в Спарту и смогли овладеть ею благодаря приглашению и помощи партии, находившейся в глубине страны. Что же касается мессенских дорийцев, то их побудил к этому другой, но не менее действенный соблазн - союз с аркадянами в юго-западной части центральной области Пелопоннеса. Кресфонтес, вождь Гераклидов, как говорят, взял в жены дочь аркадского царя Кипсела, что обеспечило ему поддержку могущественной части Аркадии. Его поселение в Стениклере находилось на значительном расстоянии от моря, в северо-восточном углу Мессении,[553] недалеко от аркадской границы; далее будет показано, что этот аркадский союз является постоянным и существенным элементом в спорах мессенских дорийцев со Спартой.

Таким образом, мы можем проследить разумную последовательность событий, показывающую, как две группы дорийцев, которые сначала помогли этоло-элейцам завоевать Писатиду и таким образом оказались на берегах Алфея, последовали вверх по течению этой реки, одна из которых обосновалась в Спарте, а другая - в Стениклере. Историк Эфор, от которого дошли наши скудные сведения об этих ранних поселениях, - важно отметить, что он жил в эпоху, непосредственно следующую за первым основанием Мессены как города, возвращением изгнанных мессенцев и отторжением Эпаминондом плодородной западной половины Лаконии в их пользу, - придает этим действиям непосредственную решительность, которая не принадлежит им по праву: как если бы спартанцы сразу же стали владеть всей Лаконией, а мессенцы - всей Мессенией: Павсаний тоже говорит, будто аркадяне все вместе помогали Кресфонтесу и заключили с ним союз. Таков общий дух, пронизывающий его рассказ, хотя конкретные факты, насколько мы их находим, не всегда с ним согласуются. Нам неизвестно, как делилась страна к востоку или западу от горы Тайгет в то время, когда в нее вторглись дорийцы. Но рассматривать одно и другое как целостные царства, сразу переданные двум дорийским вождям, - иллюзия, заимствованная из старой легенды, из историзирующих фантазий Эфора и из того факта, что в известные времена вся эта территория действительно была объединена под властью спартанцев.

В какой период произошло поселение дорийцев в Спарте и Стениклере, мы не можем определить. Однако то, что между ними в самые ранние времена существовала такая степень братства, которая не преобладала между Лакедемоном и Аргосом, можно с уверенностью предположить по общему храму Артемиды Лимнатис, или Артемиды на болоте, воздвигнутому на границе Мессении и Лаконии, с совместными религиозными жертвоприношениями.[554] Наше первое представление о них, хоть сколько-нибудь приближающееся к отчетливости, относится к периоду примерно на полвека раньше первой Олимпиады (776 г. до н. э.), примерно к правлению царя Телеклуса из линии Эврисфенидов или Агидов и введению ликургской дисциплины. Телеклус стоит в списке как восьмой царь, начиная с Эврисфена. Но сколько из семи царей до него следует считать реальными личностями, или сколько из кратких военных походов, приписываемых им, следует рассматривать как подлинную историю, я не берусь определить.

Самое раннее событие во *внутренней* истории Спарты - введение Ликурговой дисциплины; самые ранние *внешние* события - завоевание Амиклеи, Фариса и Геронтры, осуществленное царем Телеклом, и первая ссора с мессенцами, в которой этот принц был убит. Когда мы

увидим, как прискорбно велика была путаница и невежество, царившие в отношении столь важного вопроса, как Ликург и его законодательство, мы не будем склонны думать, что факты, гораздо менее важные и относящиеся к более ранней эпохе, могли быть переданы на основании каких-либо достоверных сведений. И точно так же, когда мы узнаем, что Амиклея, Фарис и Геронтра (все к югу от Спарты, а первый - всего в двух с половиной милях от нее) были независимы от спартанцев вплоть до правления Телекля, нам потребуется какое-то решающее свидетельство, прежде чем мы сможем поверить, что столь маленькая община, и столь тесно прижатая к Спарте, в прежние времена предпринимала экспедиции против Гелоса на морском побережье, против Клейтора на крайнем севере Аркадии, против кинурийцев или аргейцев. Если Гелос и Кинурия были завоеваны этими ранними царями, то, по-видимому, они должны были быть завоеваны во второй раз царями, сменившими Телеклуса. Естественнее было бы узнать, когда и как они завоевали более близкие к ним места - Селласию или Белемину, долину реки *Oenus* или верхнюю долину реки *Eurotas*. Но это, похоже, само собой разумеющееся; действия, приписываемые ранним спартанским царям, - это только то, что могло быть приличествующим тем прекрасным дням, когда Спарта была неоспоримой владычицей всей Лаконии.

Преемственность мессенских царей, начиная с Кресфонтеса, брата Гераклида, и далее от отца к сыну, - Ифита, Глаука, Истния, Дотада, Суботаса, Финтаса, последний из которых был современником Телеклуса, - еще менее отмечена происшествиями, чем правление первых спартанских царей. Говорят, что правление Кресфонтеса было беспокойным, а сам он в конце концов был убит в результате мятежа среди своих подданных: Эпитус, тогда еще юноша, бежал в Аркадию, после чего был восстановлен на троне аркадянами, спартанцами и аргейцами.<sup>[555]</sup> От Эпита, как утверждается, произошел род мессенских царей, которых называли Эпитидами, а не Гераклидами, что служит еще одним доказательством их тесной связи с аркадянами, поскольку Эпитус был очень древним именем в аркадской героической древности.<sup>[556]</sup>

Существует значительное сходство между предполагаемым поведением Кресфонтеса при первом поселении в Стениклере и поведением Эврисфена и Проклеса в Спарте, насколько мы можем судить по скудным и неподтвержденным заявлениям, опирающимся на авторитет Эфора. Оба, как говорят, пытались поставить существовавших до них жителей страны в один ряд со своими дорийскими отрядами; оба вызвали недовольство и недоброжелательство, как у своих современников, так и у потомков; ни один из них не добился окончательного успеха. Кресфонтес был вынужден сосредоточить всех своих дорийцев в Стениклере, а недовольство в конце концов закончилось его насильственной смертью. А Агис, сын Эврисфена, как говорят, отменил все либеральные начинания своего отца и привел всю Лаконию в подчинение и зависимость от дорийцев в Спарте, за единственным исключением Амikleи. Поведение Эврисфена было настолько отвратительным для спартанских дорийцев, что они отказались признать его своим экистом и возложили эту честь на Агиса; две линии царей стали называться Агиадами и Эврипонтадами, а не Эврисфенами и Проклидами.<sup>[557]</sup> В этих высказываниях мы видим тот же тон, что и в панафинейских орациях Исократеса, хозяина Эфора, - факты неизвестного периода, окрашенные так, чтобы соответствовать идеологии надменной дорийской исключительности.

И опять же, как Эврисфенес и Прокл, изображенные на картине Эфора, несут свою власть сразу над всей Лаконией, так и Кресфонтес - над всей Мессенией, над всей юго-западной областью Пелопоннеса, к западу от горы Тайгет и мыса Тенарус, и к югу от реки Неда. Он отправляет посланника в Пилус и Риум, западную и южную части юго-западного мыса Пелопоннеса, рассматривая всю территорию как единый суверенитет и приглашая жителей

подчиниться равным законам.[558] Но уже было замечено, что это предполагаемое единство и неделимость не менее неподтверждены в отношении Мессении, чем в отношении Лаконии. Насколько велика была доля прежней территории, которой правили цари Стениклера, мы не можем определить, но, несомненно, были части, которыми они не управляли, - не только во время правления Текла в Спарте, но и позже, во время первой Мессенской войны. Ибо мы не только знаем, что Телекл основал три города, Пойкессу, Эхею и Трагиум, у Мессенского залива и по течению реки Недон, но и читаем еще одно свидетельство в списке олимпийских победителей. Каждый претендент на приз на одном из этих великих празднеств всегда записывался как член какой-нибудь автономной эллинской общины, что давало ему право на приближение к спискам; в случае успеха его провозглашали с именем общины, к которой он принадлежал. Так, на первых десяти Олимпиадах семь победителей провозглашаются мессенцами; на 11-й Олимпиаде мы находим имя Окситемиса Короней - Окситемиса не из Короней в Беотии, а из Короней в западной излучине Мессенского залива,[560] в нескольких милях на правом берегу Памиса и на значительном расстоянии к северу от современного Корона. Если бы Корон входил в состав Мессении, Окситемис был бы провозглашен мессенцем, как и семь победителей, предшествовавших ему; а факт его провозглашения коронцем доказывает, что Корон тогда был независимой общиной, а не находился под властью дорийцев из Стениклера. Поэтому кажется очевидным, что последние не правили всей территорией, известной как Мессения, хотя мы и не можем определить, какой ее частью они владели на самом деле.

Олимпийский фестиваль, который по своему происхождению, несомненно, был привилегией соседних пизанцев, приобрел свое огромное и постепенно растущее значение благодаря поселению этоло-элейцев в Пелопоннесе, объединенному с дорийцами Лаконии и Мессении. Ликург из Спарты и Ифит из Элиса, как утверждается, объединили свои усилия для установления святости олимпийского перемирия и неприкосновенности элейской территории. Таким образом, хотя эту историю не следует рассматривать как факт, мы можем видеть, что лакедемоняне считали Олимпийские игры частью своей собственной древности. Более того, несомненно и то, что достоинство праздника росло одновременно с их возвышением,[561] и что их своеобразная мода очень рано вошла в практику олимпийских состязаний. Вероятно, три группы сотрудничающих захватчиков, этолийцы, спартанцы и мессенские дорийцы, могли принять этот фестиваль как периодическое обновление взаимного союза и братства; по этой причине игры стали привлекательным центром для западной части Пелопоннеса, прежде чем их стали часто посещать люди из восточной или, тем более, из внепелопоннесской Эллады. Ибо не случайно, когда мы читаем имена первых двенадцати провозглашенных олимпийских победителей (занимающих почти полвека, начиная с 776 года до н. э.), мы видим, что семь из них - мессенцы, три элейца, один из Дымка в Ахайе и один из Короны; в то время как после 12-й Олимпиады начинают встречаться коринфяне, мегаряне и эпидавры; еще позже - внепелопоннесские победители. Отсюда можно сделать обоснованный вывод, что в этот ранний период олимпийские церемонии посещали в основном гости и участники соревнований из западных областей Пелопоннеса, и что приток на них средств из более отдаленных частей эллинского мира стал значительным только после окончания первой Мессенской войны.

Изложив таким образом предположения, на которые указывают наши весьма скудные сведения, относительно первого основания поселений этолийцев и дорийцев в Элисе, Лаконии и Мессении, связанные с неуклонно возрастающим достоинством и частотой проведения олимпийских праздников, я перехожу в следующей главе к тому памяtnому обстоятельству, которое определило характер и привело к политическому превосходству спартанцев в отдельности: Я имею в виду законы и дисциплину Ликурга.

О прежних жителях Лаконии и Мессении, которых мы привыкли называть ахейцами и пилийцами, известно так мало, что мы не можем определить разницу между ними и их дорийскими захватчиками ни в диалекте, ни в привычках, ни в интеллекте. Нет никаких следов различия диалектов среди разных частей населения Лаконии: мессенские союзники Афин в Пелопоннесской войне говорят на том же диалекте, что и гелоты, и на том же, что и амбракийские колонисты из Коринфа: все на дорийском.[562] Не следует также полагать, что дорийский диалект вообще был свойственен людям, называемым дорийцами. Насколько можно судить по надписям, он был диалектом фокийцев, дельфийцев, локрийцев, эфоллийцев и ахейцев Фтиотиса: что касается последних, то надписи Фаумаки в Ахее Фтиотиса служат более любопытным и более убедительным доказательством существования родного диалекта, поскольку фтиотийцы были непосредственными соседями и подданными фессалийцев, которые говорили на разновидности эолийского. Так и в Пелопоннесе мы находим свидетельства дорического диалекта у ахейцев на севере Пелопоннеса, дриопских жителей Гермियोны[563] и элевтеро-лаконов, или лаконцев (состоящих из перизков и гелотов), освобожденных римлянами во втором веке до нашей эры. Что касается речи того населения, которое вторгшиеся дорийцы нашли в Лаконии, мы не имеем возможности судить: скорее можно предположить, что она существенно не отличалась от дорийской. Фукидид называет коринфян, на которых вторгшиеся дорийцы напали с холма Солигей, эолийцами, а Страбон говорит и об ахейцах как об эолийском народе, и об эолийском диалекте, который изначально преобладал в Пелопоннесе.[564] Но мы не очень понимаем, какими средствами располагал один из этих авторов для получения информации о речи того времени, которое должно было предшествовать четырем столетиям даже Фукидида.

В том, что называется эолийским диалектом, есть три разновидности, которые можно различить: лесбийский, фессалийский и беотийский; фессалийский является средним между двумя другими. Аренс показал, что древние грамматические критики привыкли утверждать особенности, принадлежащие эолийскому диалекту в целом, которые на самом деле относятся только к лесбийской разновидности этого языка или к поэмам Алкея и Сапфо, которые эти критики внимательно изучали. Лесбийский эолийский, фессалийский эолийский и беотийский эолийский - все они разные: и если, абстрагируясь от этих различий, мы ограничимся тем, что является общим для всех трех, мы найдем мало отличий этого абстрактного эолийского от абстрактного дорийского или того, что является общим для многих разновидностей дорийского диалекта.[565] Эти две сестры представляют собой более или менее латинскую сторону греческого языка, тогда как отношение любой из них к аттическому и ионическому более отдаленное. Теперь кажется, что, если отбросить Аттику, речь всей Греции,[566] от Перребии и горы Олимп до мыса Малей и мыса Акритас, состояла из различных разновидностей либо дорического, либо эолийского диалекта; это касается (насколько мы можем судить) не менее коренных аркадян, чем всех остальных. Лаконский диалект содержал больше собственных особенностей и приближался к эолийскому и элейскому, чем любая другая разновидность дорийского: он стоит на крайнем рубеже того, что классифицируется как строгий дорийский, то есть наиболее удаленный от ионического и аттического. Критские города также проявляют строгий доризм, как и лакедемонская колония Тарентум, и, похоже, большинство италийских греков, хотя некоторые из них называются ахейскими колониями. Большинство других разновидностей дорийского диалекта (фокийский, локрийский, дельфийский, ахейский из Фтиотиса) демонстрируют форму, менее сильно отходящую от ионического и аттического: Аргос и города Аролического полуострова, по-видимому, являются ступенькой между ними.

Эти позиции представляют собой то немногое, что можно узнать о тех разновидностях греческой речи, которые не известны нам по письменным произведениям. То небольшое



предположение, которое можно на них сделать, говорит в пользу того, что дорийские захватчики Лаконии и Мессении нашли там диалект, мало отличающийся от того, который они принесли с собой, - вывод, который тем более необходимо четко сформулировать, что работа О. Мюллера привела к преувеличенной оценке отличительных особенностей, благодаря которым доризм отделился от остальной Эллады.

---

## ГЛАВА VI. ЗАКОНЫ И ДИСЦИПЛИНА ЛИКУРГА В СПАРТЕ.

Плутарх начинает свою биографию Ликурга следующими зловещими словами: - "О законодателе Ликурге в Спарте".

"Относительно законодателя Ликурга мы не можем утверждать абсолютно ничего, что не вызывало бы споров: существуют различные истории относительно его рождения, его путешествий, его смерти, а также его образа действий, как политических, так и законодательных: менее всего согласовано время, в которое он жил".

И этот экзордиум слишком хорошо подтверждается неудовлетворительным характером рассказов, которые мы читаем не только у самого Плутарха, но и у других авторов, из которых мы вынуждены составлять наше представление о памятной ликургской системе. Если мы рассмотрим источники, из которых Плутарх извлекает жизнь Ликурга, то окажется, что, за исключением поэтов Алкмана, Тиртея и Симонидеса, у которых он заимствовал меньше, чем мы могли бы пожелать, у него нет авторитетов старше Ксенофонта и Платона: Аристотель цитируется несколько раз, и это, несомненно, лучший из его свидетелей, но большинство из них принадлежат к веку, следующему за этим философом. Ни Геродот, ни Эфор не названы, хотя первый приводит несколько кратких, но интересных сведений, а второй (насколько мы можем судить по сохранившимся фрагментам) подробно разбирал дела спартанского законодателя[567].

Геродот описывает Ликурга как дядю и опекуна царя Лабота из линии спартанских царей Эврисфенидов или Агидов; согласно принятой хронологии, он жил примерно за 220 лет до первой Олимпиады (около 996 г. до н. э.).[568] Все остальные источники, напротив, представляют его как младшего брата, принадлежащего к другой, проклидовой линии спартанских царей, хотя они не вполне согласны в отношении его происхождения. В то время как Симонидес считает его сыном Пританиса, Девтихид описывает его как внука Пританиса, сына Евномия, брата Полидекта, а также дядю и опекуна Харилая, что делает его одиннадцатым по происхождению от Гераклеса.[569] Этот последний рассказ был принят Аристотелем, совпадая, согласно принятой хронологии, с датой Ифита Элейского, и первым празднованием Олимпийских игр Ликургом и Ифитом вместе,[570] что Аристотель принял как факт. Ликург, по упомянутой здесь гипотезе, должен был стоять около 880 года до н. э., за столетие до зафиксированных олимпиад. Эратосфенес и Аполлодор помещают его "не на несколько лет раньше первой Олимпиады". Если они имели в виду эпоху, которую обычно называют Олимпиадой Ифита, то их дата почти совпадает с датой Геродота: с другой стороны, если они имели в виду первую записанную Олимпиаду (776 г. до н. э.), то их мнение не сильно расходится с мнением Аристотеля. Недвусмысленное доказательство неразрешимой путаницы в древности относительно эпохи великого спартанского законодателя косвенно приводит Тимей, который предположил, что существовало два

человека по имени Ликург, а деяния обоих приписывались одному. Отсюда ясно, что даже в третьем веке до христианской эры не было никакой уверенности в дате или происхождении Ликурга.

Фукидид, не упоминая имени Ликурга, сообщает нам, что до окончания Пелопоннесской войны прошло "400 лет и немного больше",<sup>[571]</sup> когда спартанцы вышли из прежнего состояния отчаянного внутреннего разлада и вступили в "нынешнее правление". Мы можем справедливо предположить, что имеет в виду ликурговскую дисциплину и конституцию, которые, по мнению Фукидида, были введены около 830-820 гг. до н. э., что совпадает с началом правления царя Телеклуса. В той мере, в какой это возможно, я склоняюсь к мнению Фукидида относительно времени введения ликурговской конституции в Спарте, поскольку его можно сформулировать на фоне столь скудных и противоречивых свидетельств. Состояние "эвномии" и хорошего порядка, к которому привела эта конституция, - в сочетании с исцелением от большой внутренней смуты, которая сильно ослабила их, - представляется (и с большим правдоподобием) как главная причина победоносной карьеры, начавшейся с царя Телеклуса, завоевателя Амиклеи, Фариса и Геронтры. Поэтому в отсутствие более веских доказательств представляется, что дата, связывающая свежий стимул новой дисциплины с правлением Телеклуса, более вероятна, чем любая более поздняя или ранняя эпоха<sup>[572]</sup>.

О. Мюллер,<sup>[573]</sup> проанализировав странные и невероятные обстоятельства, дошедшие до нас в отношении Ликурга, замечает, "что у нас нет абсолютно никаких сведений о нем как об отдельном человеке". Это замечание совершенно справедливо: но другое замечание, сделанное тем же выдающимся автором в отношении ликурговской системы законов, кажется мне ошибочным, и требует особого внимания, поскольку выведенные из него следствия пронизывают большую часть его ценной "Истории дорийцев". Он утверждает, что законы Спарты считались истинными дорийскими институтами, и что их происхождение было идентично происхождению народа: Спарта, по его мнению, является полным типом дорийских принципов, тенденций и чувств, - и так трактуется на протяжении всего его труда.<sup>[574]</sup> Но такое мнение одновременно и беспричинно (поскольку приводимый в его поддержку отрывок из Пиндара едва ли имеет какую-либо ценность), и противоречит всей тенденции древних свидетельств. Институты Спарты не были дорийскими, а были свойственны ей самой;<sup>[575]</sup> они отличали ее от Аргоса, Коринфа, Мегары, Эпидавра, Сикиона, Коркиры или Книды не меньше, чем от Афин или Фив. Крэт был единственной другой частью Греции, где преобладали институты, во многом схожие, но все же непохожие по тем двум признакам, которые являются настоящим знаком и отличительной чертой спартанского законодательства, а именно: военная дисциплина и строгое частное воспитание. В Крте, несомненно, жили дорийцы, но у нас нет доказательств того, что эти своеобразные институты принадлежали им в большей степени, чем другим жителям острова. То, что спартанцы имели оригинальную организацию и общие с другими дорийцами тенденции, мы можем с готовностью признать; но ликурговская конституция наложила на них отпечаток особой тенденции, которая выбивала их из общего ряда и делала их наименее подходящими из всех государств для того, чтобы приводить их в качестве примера классовых признаков доризма. Одной из существенных причин, заставивших спартанские институты так сильно подействовать на греческий ум, была их совершенная необычность в сочетании с заметным превосходством государства, в котором они проявлялись; в то время как критские общины, даже признавая их частичное сходство (которое заключалось главным образом в учреждении сисситий и было в целом больше по форме, чем по духу) со Спартой, были слишком незначительны, чтобы привлечь внимание разве что спекулятивных наблюдателей. Поэтому О. Мюллер ошибается, рассматривая Спарту как тип и представитель дорийцев

вообще, и очень многие положения, выдвинутые в его "Истории дорийцев", должны быть изменены, когда на эту ошибку указывают.

Первый важный факт, который следует отметить в отношении институтов, приписываемых Ликургу, - это очень ранний период их возникновения: кажется невозможным поместить этот период позже 825 г. до н. э. Мы не находим и не вправе ожидать достоверной истории в отношении столь ранних событий. Если мы одной ногой стоим на исторической почве, поскольку сами учреждения реальны, то другая нога все еще плавает в неверной области мифа, когда мы пытаемся постичь порождающие причины: все еще преобладает туман, который мешает нам отличить бога от человека. То, в каком свете предстал Ликург перед интеллигентным греком пятого века до христианской эры, так ясно и в то же время кратко показано в следующем отрывке Геродота, что я не могу сделать ничего лучше, чем перевести его: - "В очень ранние времена (Геродот).

"В самые ранние времена (замечает Геродот) спартанцы были самыми незаконными из всех греков и неприступными для чужеземцев. Их переход к правопорядку произошел следующим образом. Когда Ликург, спартанец по расчётам, посетил Дельфы, чтобы посоветоваться с оракулом, как только он вошёл в святилище, пифийская жрица воскликнула.

"Ты пришел, Ликург, в мое тучное святилище, любимое Зевсом, и всеми олимпийскими богами. Как бог или как человек должна я обратиться к тебе в духе? Я колеблюсь, и все же, Ликург, я склонен скорее назвать тебя богом".

Так говорила пифийская жрица. "Кроме того, в дополнение к этим словам некоторые утверждают, что пифия открыла ему порядок вещей, установившийся теперь среди спартанцев. Но сами лакедемоняне говорят, что Ликург, будучи опекуном своего племянника Лабота, царя спартанцев, ввел эти установления из Креты. Не успел он получить эту опеку, как изменил все установления в их нынешнем виде и принял меры предосторожности от всякого их нарушения. Затем он учредил военные подразделения, эномотии и триакады, а также сисситии, или общественные собрания; кроме того, он назначил эфоров и сенат. Таким образом, спартанцы перешли от плохого к хорошему порядку: Ликургу после его смерти они построили храм и до сих пор благоговейно поклоняются ему. Как и следовало ожидать на плодородной почве и с немалым количеством людей, они сразу же рванули вперед и так расцвели, что не могли довольствоваться спокойствием в своих пределах" и т. д.

Таково наше древнейшее утверждение (идущее от Геродота) относительно Ликурга, приписывающее ему тот полный порядок вещей, который писатель наблюдал в Спарте. Фукидид также, хотя и не упоминает Ликурга, соглашается с ним, утверждая, что система лакедемонян, как он ее видел, была принята ими четыре века назад, - спасла их от самых невыносимых расстройств и сразу привела к процветанию и успеху.<sup>[576]</sup> Элланик, чьи труды немного предшествовали трудам Геродота, не только не упоминает Ликурга (как и Фукидид), но и вряд ли придает этому имени какое-либо значение, поскольку приписывает создание Спарты первым царям, Эврисфену и Проклу<sup>[577]</sup>.

Но более поздние авторы, из которых Плутарх в основном составил свою биографию, утверждают, что они гораздо лучше осведомлены о Ликурге и вдаются в подробности. Его отец, как нам рассказывают, был убит во время предшествующего беззакония; его старший брат Полидект умер рано, оставив беременную вдову, которая сделала Ликургу предложение жениться на ней и стать царем. Но Ликург, с негодованием отвергнув предложение, дождался рождения своего малолетнего племянника Харилая, публично подержал ребенка на агоре, как будущего царя Спарты, и тут же отказался от временной

власти. Однако вдова и ее брат Леонид выдвинули против него клеветнические обвинения в замыслах, угрожающих жизни младенца-царя, - обвинения, от которых он счел нужным избавиться путем временного отсутствия. Поэтому он покинул Спарту и отправился в Крэт, где изучал устройство и обычаи различных городов; затем он посетил Ионию и Египет, а также (как утверждают некоторые авторы) Ливию, Иберию и даже Индию. В Ионии он, как сообщается, получил от потомков Креофила копию гомеровских поэм, которые до того времени не были известны в Пелопоннесе: не было недостатка в авторах, утверждавших, что он беседовал с самим Гомером[578].

Тем временем молодой царь Харилай подрос и принял скипетр, как представитель рода Проклидов или Эврипontiдов. Но бразды правления уже ослабли, а беспорядки стали сильнее, чем когда-либо, когда вернулся Ликург. Обнаружив, что оба царя, а также народ устали от столь пагубного состояния, он взялся за исправление ситуации и с этой целью обратился к дельфийскому оракулу; от него он получил твердые заверения в божественном содействии, а также одно или несколько особых предписаний (примитивные Ретры конституции), которые он привез с собой в Спарту.[579] Затем он внезапно появился на агоре с тридцатью самыми знатными спартанцами, во всеоружии, в качестве своей охраны и партизан. Царь Харилай, хотя поначалу и был напуган, узнав о замыслах своего дяди, с готовностью поддержал их; основная же масса спартанцев почтительно подчинилась почтенному Гераклиду, прибывшему в качестве реформатора и миссионера из Дельф.[580] Таковы были шаги, с помощью которых Ликург добился своего превосходства: теперь нам предстоит увидеть, как он его использовал.

Первым делом, согласно привезенному из Дельф договору, он учредил спартанский сенат, состоявший из двадцати восьми древних людей, а вместе с двумя царями, которые заседали и голосовали в нем, - тридцать человек. Вместе с ним периодически проводились собрания спартанского народа под открытым небом, между рекой Кнакион и мостом Бабука. Однако на этих собраниях не допускалось никаких дискуссий, их функции ограничивались простым принятием или отвержением того, что было ранее решено в сенате.[581] Такова была спартанская политическая конституция, установленная Ликургом; но столетие спустя (так рассказывает Плутарх), при царях Полидоре и Теопомпе, были внесены два важных изменения. К старой ликурговой ретре была добавлена вставка, предусматривавшая, что "в случае, если народ примет кривое решение, сенат вместе с царями должен будет отменить свои решения"[582], а другое изменение, возможно, призванное компенсировать эту узду для народного собрания, ввело в конституцию новую исполнительную директорию из пяти человек, называемых эфорами. Этот совет - ежегодно избираемый каким-то капризным способом, результат которого невозможно было предугадать, и открытый для заполнения каждым спартанским гражданином - либо изначально получил, либо постепенно привлек к себе столь обширные и властные функции в отношении внутреннего управления и полиции, что ограничил власть царей не более чем исключительным командованием военной силой. Геродоту сообщили, что в Спарте эфоры, как и сенат, были учреждены Ликургом; но авторитет Аристотеля, а также внутренняя правдоподобность этого дела позволяют считать, что они были добавлены впоследствии[583].

Если взять политическую конституцию Спарты, приписываемую Ликургу, то она, по-видимому, ничем не отличалась от грубой организации, представленной в гомеровских поэмах, где мы всегда находим совет вождей или стариков, а также случайные собрания на слушательской агоре. Трудно предположить, что спартанские цари когда-либо управляли без некоторых формальностей такого рода; Так что нововведение (если оно действительно было), приписываемое Ликургу, должно было заключаться в некоторых новых деталях

относительно сената и агоры, - в установлении числа[584] тридцати человек и пожизненного срока полномочий первого, - и особого места собраний второго, а также объема привилегий, которыми он должен был пользоваться; освятив все это возведением храмов Зевса Эллана и Афины Эллады. Взгляд на предмет, представленный Плутархом, а также Платоном,[585] как будто сенат был полной новинкой, не согласуется с картинами старого эпоса. Поэтому мы можем более естественно представить себе, что ликургская политическая конституция, за исключением эфоров, которые были прикреплены к ней впоследствии, представляет собой лишь старые черты героического правления Греции, определенные и упорядоченные особым образом. Наличие двух сосуществующих и согласованных царей, действительно, наследующих друг друга, и оба принадлежат к роду Гераклидов, нечто особенное для Спарты, - происхождение которого не получает иного объяснения, кроме ссылки на сыновей-близнецов Аристодока, Эврисфена и Проклеса. Эти два первобытных предка являются прообразом двух линий спартанских царей, поскольку, как говорят, они провели свою жизнь в вечных раздорах, что было привычным состоянием двух современных царей в Спарте. Хотя сосуществование пары царей, равных по силе и постоянно мешающих друг другу, часто оказывало пагубное влияние на ход государственных мероприятий, оно, тем не менее, предохраняло государство от успешного насилия,[586] заканчивающегося установлением деспотии, со стороны какого-либо честолюбивого человека из царской линии.

В течение пяти последующих веков спартанской истории, начиная с Полидора и Феопомпа, ни один из царей не пытался прибегнуть к такому насилию,[587] вплоть до времен Агиса Третьего и Клеоменеса Третьего, 240-220 гг. до н. э. В этот последний период значение Греции безвозвратно упало, и независимые политические действия, которыми она когда-то обладала, стали подчиняться более могущественной силе либо этолийских горцев (самых грубых из ее собственных сыновей), либо эпиротов, македонцев и азиатских чужеземцев, готовившихся к окончательному поглощению римлянами. Но среди всех греческих государств Спарта пришла в наибольший упадок; ее превосходство было полностью утрачено, а ее своеобразная выучка и дисциплина (которой она была в основном обязана) выродилась во всех отношениях. При этих неблагоприятных обстоятельствах два молодых царя, Агис и Клеоменес, - первый великодушный энтузиаст, второй более жестокий и честолюбивый, - задумали восстановить ликургскую конституцию в ее предполагаемой первозданной чистоте, надеясь возродить дух народа и возвысить государство. Но ликургская конституция даже во времена Ксенофонта[588] была отчасти *идеалом*, не полностью реализованным на практике, и уж тем более она не была реальностью во времена Клеоменеса и Агиса. Более того, это был *идеал*, который можно было окрасить в соответствии с фантазией или чувствами тех реформаторов, которые исповедовали и, вероятно, верили, что стремятся к ее подлинному восстановлению. Больше всего на пути реформаторов стояла бесконтрольная власть и консервативные нравы эфоров, которые они, естественно, противопоставляли изначальной полноте царской власти, когда короли и сенат были едины. Среди различных способов, с помощью которых представления людей о том, какой *была* первобытная конституция, были изменены чувствами их собственного времени (мы увидим некоторые другие примеры этого), вероятно, следует отнести утверждение Клеомена относительно первого назначения эфоров. Клеоменес утверждал, что первоначально эфоры были не более чем подчиненными и заместителями царей, выбранными последними для исполнения своих обязанностей на время долгого отсутствия во время Мессенской войны. Начиная с этого скромного положения и пользуясь раздорами двух царей,[589] они с течением времени, особенно благодаря честолюбию эфора Астеропа, нашли средства сначала создать себе независимое правление, затем узурпировать себе все больше и больше царской власти, пока, наконец, не довели царей до состояния



невыносимого унижения и бессилия. В качестве доказательства первобытных отношений между царями и эфорами он ссылался на то, что было принято в Спарте в его собственное время. Когда эфоры посылали за любым из царей, последний имел право отказаться от повиновения двум последовательным вызовам, но третьему он был обязан подчиниться[590].

Очевидно, что факт, приведенный здесь Клеоменом (любопытный момент в спартанских нравах), мало способствует доказательству вывода, который он из него вывел, о первоначальном назначении эфоров царями в качестве простых заместителей. То, что они были впервые назначены во время Мессенской войны, вполне вероятно и совпадает с рассказом о том, что царь Феопомп был согласным участником этой меры, - то, что их функции сначала были сравнительно ограничены, а затем расширены путем последовательных посягательств, также вероятно; но, похоже, с самого начала они были советом специально народного происхождения, в противовес царям и сенату. Одно из доказательств этого можно найти в древней клятве, которой ежемесячно обменивались цари и эфоры; царь клялся за себя, что будет осуществлять свои царские функции в соответствии с установленными законами, а эфоры клялись от имени города, что его власть при этом условии останется непоколебимой.[Этот взаимный договор, который, вероятно, составлял часть церемонии во время ежемесячных жертвоприношений, приносимых царем,[592] продолжался до того времени, когда он должен был стать чистой формой, и когда цари уже давно были подчинены власти эфоров. Но, очевидно, сначала она возникла как реальность, когда царь был главенствующим и эффективным главой государства, а эфоры, наделенные в основном оборонительными функциями, служили народу гарантией от злоупотребления царской властью. Платон, Аристотель и Цицерон[593] трактуют первоначальный институт эфоров как призванный защищать народ и сдерживать царей: последний уподобляет их трибунам в Риме.

Таковы были когда-то отношения между царями и эфорами: хотя в более поздние времена эти отношения настолько изменились, что Полибий считает первых по сути подчиненными вторым, считая долгом царей уважать эфоров "как своих отцов"[594]. И таково, безусловно, положение вещей на протяжении всего более известного периода истории, который нам предстоит пройти в дальнейшем. Эфоры - главные управляющие государственными делами[595] и верховный контрольный совет, сдерживающий все остальные власти в государстве, без какого-либо ограничения их полномочий. Необычайное превосходство этих магистратов особенно ярко проявляется в том, что, по словам Аристотеля, они освобождали себя от общественной дисциплины, так что их самодовольный год пребывания в должности заметно контрастировал с утомительными занятиями и трезвым образом жизни, свойственным как богатым, так и бедным. Короли сводятся к некоторому числу специальных функций, объединенных с привилегиями, частично религиозными, частично почетными: их важнейший политический атрибут заключается в том, что они *по должности* являются генералами военных сил в зарубежных походах. Но даже здесь мы наблюдаем ощутимый упадок их власти. Ибо если Геродоту было известно, и, вероятно, это было старой привилегией, что царь мог начать войну против кого угодно и что ни один спартанец не мог воспрепятствовать ему под страхом совершения святотатства,[596] то на протяжении всех наиболее известных периодов этой истории мы видим, что обычно эфоры (с сенатом и общественным собранием или без них) принимают решение о войне, а царь берет на себя командование только тогда, когда армия выступает в поход. Аристотель, кажется, рассматривает спартанского царя как своего рода наследственного полководца; но даже в этой привилегии на него были наложены оковы, так как двое из пяти эфоров сопровождали армию, и их власть, кажется, не редко использовалась для обеспечения повиновения его приказам[597].

Таким образом, прямые политические полномочия царей были значительно урезаны, однако во многих отношениях они все еще сохраняли свое значение. Они владели большими царскими владениями во многих волостях Периеки: они получали частые случайные подарки, а когда жертвы приносились богам, шкуры и другие части принадлежали им в качестве привилегий:[598] они имели свои голоса в сенате, которые, если они отсутствовали, подавались от их имени другими сенаторами, состоявшими с ними в наиболее близком родстве: усыновление детей получало свое формальное завершение в их присутствии, и противоречивые претензии в суде на руку наследницы-сироты, не получившей наследства, решались ими. Но, прежде всего, их корни уходили глубоко в религиозные чувства народа. Их родословная связывала все государство с божественным отцовством. Они, вожди Гераклидов, были особыми дарителями земли Спарты от богов, - занятие дорийцев было освящено и благословлено Зевсом только для того, чтобы дети Гераклидов обосновались в долине Евротаса.[Они представляли государство в его отношениях с богами, являясь по праву жрецами Зевса Лакедемонского (идеи бога и страны сливались воедино) и Зевса Урания, и приносили ежемесячные жертвы, необходимые для обеспечения божественной защиты народа. Хотя отдельные личности иногда могли быть отброшены, ничто, кроме нового божественного откровения, не могло побудить спартанцев отойти от подлинной линии Эврисфена и Проклеса. Более того, примечательная траурная церемония, которая проводилась после смерти каждого царя, кажется, указывает на то, что две царские семьи, которые считали себя ахейскими, а не дорийскими, рассматривались как великие общие узы союза между тремя составляющими населения Лаконии - спартанцами, периеками и гелотами. По этому случаю не только требовалось, чтобы два члена каждого дома в Спарте явились в мешковине и пепле, но и о смерти царя было официально объявлено во всех частях Лаконии, и депутаты от поселений периеков, в Спарту были созваны несколько тысяч депутатов из волостей Периекии и деревень гелотов, чтобы принять участие в обильных и публичных демонстрациях скорби,[601] которые продолжались десять дней и придали погребальным церемониям нечеловеческую торжественность. Перечисляя привилегии спартанского царя, мы не должны забывать, что он (вместе с двумя назначенными им должностными лицами, называемыми пифиями) осуществлял связь между государством и храмом в Дельфах, а также хранил оракулы и пророчества. В большинстве греческих государств такие вдохновенные заявления хранились и к ним обращались в чрезвычайных ситуациях, но общение Спарты с дельфийским оракулом было особенно частым и интимным, а ответы пифийской жрицы вызывали у спартанцев более благоговейное внимание, чем у других греков.[Тем более важны были функции царя как посредника в этом общении: оракул всегда поддерживал его достоинство, а часто даже потворствовал его тайным личным замыслам[603].

Поддерживаемый столь огромной силой традиционного почитания, спартанский царь, обладающий военным талантом и личной энергией, как Агесилай, мог добиться большого превосходства; но такие случаи были очень редки, и на протяжении всего исторического периода мы находим царя лишь второстепенной силой, доступной по особым случаям. За реальными политическими распоряжениями, как в больших, так и в меньших случаях, спартанец обращается к совету эфоров, которым повинуются с такой степенью точности, которую не могло обеспечить ничто иное, как спартанская дисциплина, - самые могущественные граждане не меньше, чем самые ничтожные.[604] И внутренняя полиция, и внешние дела государства находятся в руках эфоров, которые осуществляют власть, приближающуюся к деспотизму, и совершенно не подотчетны. Они назначают и руководят тремя сотнями молодых и деятельных граждан, которые несут непосредственную полицейскую службу в Лаконии: они по своему усмотрению кассируют любого подчиненного им чиновника, налагают штраф или арест; они собирают военные силы по случаю внешней

войны и определяют их назначение, хотя фактически командует ими царь: Они заключают в тюрьму по подозрению даже регента или самого царя:[605] они заседают в качестве судей, иногда индивидуально, а иногда в качестве коллегии, по делам и жалобам, имеющим большое значение, и они судят без ограничений письменных законов, использование которых было императивно запрещено специальными ретрами,[606] ошибочно связанными с самим Ликургом, но, во всяком случае, древними. В некоторых случаях, имеющих особое значение, они пользуются мнением сената и общественного собрания,[607] - так, по-видимому, было принято в вопросах войны и мира. Однако, судя по всему, перед сенатом судили лиц, обвиненных в убийстве, измене или преступлениях, связанных со смертной казнью. Мы читаем о нескольких случаях, когда царей судили и подвергали суровому штрафу, а их дома приговаривали к разрушению до основания, вероятно, сенат по предложению эфоров: в одном случае, похоже, эфоры собственной властью наложили штраф даже на Агесилая[608].

Вопросы войны и мира в большинстве случаев, если не во всех, передавались на рассмотрение сената и общественного собрания; ни один вопрос не мог попасть в последнее, пока не прошел через первое. И мы находим несколько случаев, когда решение общественного собрания было реальным выражением мнения и действенным в отношении результата, - как, например, собрание, которое сразу предшествовало Пелопоннесской войне и приняло решение о ней. Здесь, помимо серьезной опасности дела и общей осторожности спартанского темперамента, присутствовал большой личный вес и опыт царя Архидама, выступавшего против войны, хотя эфоры были благосклонны к ней.[609] Общественное собрание, при таких своеобразных обстоятельствах, действительно выразило свое мнение и пришло к расколу. Но по большей части это, похоже, было не более чем недейственной формальностью. Общее правило не допускало открытой дискуссии, и ни один частный гражданин не мог выступить, кроме как по специальному разрешению магистратов. Возможно, даже общая свобода обсуждения, если бы она была предоставлена, не принесла бы пользы, поскольку в Спарте не было не только права публичных выступлений, но и привычки агитировать за общественные меры; ничто не было более характерно для правительства, чем чрезвычайная секретность его заседаний.[610] Предложения, выдвинутые магистратами, либо принимались, либо отвергались, без права внесения поправок. Не могло быть и речи о том, чтобы пригласить гражданина присутствовать на таком собрании: из слов Ксенофонта мы можем понять, что в его время оно состояло лишь из определенного числа знатных лиц, специально созванных в дополнение к сенату, который сам называет себя "меньшей экклесией"[611]. В самом деле, постоянного и грозного сокращения числа квалифицированных граждан было достаточно, чтобы сократить посещаемость собрания, а также разрушить любую внушительную силу, которой оно могло когда-то обладать.

В таком положении собрание - хотя оно всегда оставалось формальностью, и хотя его согласие по важным вопросам и для принятия законов (что, однако, кажется, было редким явлением в Спарте) было необходимым, - могло быть очень мало практической проверкой администрации эфоров. Сенат, постоянный орган, в который входили цари, был единственной реальной сдержкой для них, и, должно быть, в определенной степени являлся параллельным органом в правительстве, - хотя большой и внушительный язык, на котором Демосфен и Исократ говорят о его политическом превосходстве, значительно превышает реальное положение дел. Его важнейшей функцией был суд по уголовным делам, перед которым предстал каждый, кого судили за его жизнь.[612] Но и в этом, и в других своих обязанностях сенаторы, а также цари и эфоры обвинялись в коррупции и

продажности.[Поскольку они не назначались до шестидесяти лет, а затем занимали свои должности пожизненно, мы можем с готовностью предположить, что некоторые из них продолжали действовать после периода крайней и дисквалифицирующей дряхлости, которая, хотя чрезвычайное уважение лакедемонян к старости, несомненно, допускало ее, не могла не ослабить влияние тела как сопутствующего элемента правительства.

Приведенный здесь краткий очерк спартанского правительства покажет, что, хотя греческие теоретики и затруднялись определить, к какому классу его отнести,[614] по существу оно было тесной, беспринципной и хорошо соблюдаемой олигархией, включавшей в себя в качестве подчиненных те части, которые когда-то были господствующими, царей и сенат, и смягчавшей одиозность, не уменьшая зла, этой системы, ежегодной сменой правящих эфоров. В то же время мы должны отличать это правительство от ликургской дисциплины и образования, которые, несомненно, имели тенденцию уравнивать богатых и бедных в отношении практической жизни, привычек и удовольствий. Геродот (и, кажется, Ксенофонт) считал, что только что описанная форма была той, которую правительство изначально получило из рук Ликурга. И хотя есть все основания предполагать обратное и считать, что эфоры - это последующее дополнение, все же сам факт, что Геродот был так информирован в Спарте, обращает наше внимание на один важный атрибут спартанского полиса, на который следует обратить внимание. Это свойство - беспрецедентная стабильность в течение четырех или пяти веков подряд, посреди правительств, подобных греческому, каждое из которых претерпевало больше или меньше колебаний. Со времен Мессенской войны и до правления Агиса Третьего в нем не произошло ни одной значительной революции, даже ощутимых или формальных изменений: несмотря на непоправимый удар, который власть и территория государства получили от Эпаминондаса и фиванцев, форма правления, тем не менее, осталась неизменной. Это было единственное правительство в Греции, которое могло проследить непрерывное, мирное происхождение от высокой древности и от своего реального или предполагаемого основателя. Это было одним из главных обстоятельств (среди прочих, которые будут упомянуты далее) удивительного превосходства, которое спартанцы приобрели над эллинскими умами, и которое они, как выяснилось, вовсе не заслужили какими-либо превосходными способностями в ведении дел. Устойчивость их политических симпатий, проявлявшаяся в одно время в низложении тиранов или деспотов, в другое - в свержении демократий, уступала место способностям; и даже признанные недостатки их правительства часто прикрывались чувством уважения к его раннему началу и непрерывной работе. Если такое чувство действовало на греков в целом,[615] то гораздо сильнее оно действовало на самих спартанцев, разжигая в них ту надменную исключительность, которой они отличались. И надо заметить, что спартанское сознание дольше, чем сознание большинства других народов Греции, оставалось старомодным и невосприимчивым к модернизирующим влияниям. Древняя легендарная вера и преданное подчинение дельфийскому оракулу сохранялись у них и в то время, когда различные влияния значительно подорвали ее у их соотечественников и соседей - эллинов. Но хотя неизменные титул и формы правительства способствовали его внушительному эффекту как внутри страны, так и за ее пределами, причины внутреннего вырождения не менее реально действовали, подрывая его эффективность. Уже говорилось, что число квалифицированных граждан постоянно уменьшалось, и даже из этого уменьшившегося числа большая часть, чем прежде, была нуждающейся, поскольку земельная собственность постоянно стремилась сосредоточиться в меньшем количестве рук. Таким образом, росло недовольство, которого изначально не было, как среди более бедных граждан, так и среди тех, кто потерял право гражданства; тем самым усугублялась опасность, исходящая от Перизков и Гелотов, о которых мы еще поговорим.

От политической конституции Спарты мы переходим к гражданским званиям и распределению, экономическим отношениям и, наконец, к особой системе привычек, образования и дисциплины,

которая, как говорят, была установлена среди лакедемонян Ликургом. И здесь мы снова оказываемся недостаточно осведомленными о существующих институтах и впадаем в путаницу, когда пытаемся объяснить, как эти институты возникли.

Однако, кажется, точно установлено, что дорийцы во всех своих поселениях делились на три племени - гилеи, памфилы и диманы: во всех дорийских городах, кроме того, существовали знатные семьи гераклидов, из которых выбирались экисты при образовании новых колоний. Эти три племени можно проследить в Аргосе, Сикионе, Эпидавре, Трезене, Мегаре, Коркире и, кажется, также в Спарте.<sup>[616]</sup> Хиллеи признавали своим эпонимом и родоначальником Хилла, сына Херы klês, и поэтому, по их собственному убеждению, происходили от самого Храклеса: мы можем предположить, что Гераклиды, специально так называемые, состоящие из двух царских семей, были старшими братьями племени Хиллеи, о которых иногда говорят как о Гераклидах, или потомках Храклеса.<sup>[617]</sup> Но, похоже, в Спарте, как и в других дорийских городах, помимо этих трех племен, были и жители, не принадлежавшие к дорийскому племени и объединенные в самостоятельные племена. Одно из них, эгеиды, которые, как говорят, пришли из Фив как союзники дорийских захватчиков, названо Аристотелем, Пиндаром и Геродотом,<sup>[618]</sup> а эгиалеи в Сикионе, племя гирнетов в Аргосе и Эпидавре и другие, названия которых мы не знаем, в Коринфе, представляют, подобным образом, недорийскую часть их соответствующих общин.<sup>[619]</sup> В Коринфе, как говорят, общее число племен было восемь.<sup>[620]</sup> Но в Спарте, хотя мы, кажется, и догадываемся о существовании трех дорийских племен, мы не знаем, сколько племен было в целом: еще меньше мы знаем, какое отношение к племенам имели Obæ, или Obes, другое подчиненное распределение народа. В древней "Ретре Ликурга" племена и обэ предписывается сохранять без изменений: но утверждение О. Мюллера и Бозка<sup>[621]</sup> о том, что всего было тридцать обэ, по десять на каждое племя, не опирается ни на какие другие доказательства, кроме особой пунктуации этой "Ретры", которую различные другие критики отвергают; и, похоже, с полным основанием. Таким образом, мы остаемся без какой-либо информации об обке, хотя знаем, что это было старое, своеобразное и прочное деление среди спартанского народа, поскольку оно встречается в древнейших ретрах Ликурга, а также в поздних надписях времен Римской империи. В подобных надписях и в рассказе Павсания, однако, признается классификация спартанцев, отличная от трех старых дорийских племен и независимая от них, и основанная на различных кварталах города - Лимне, Месоа, Питане и Киносире;<sup>[622]</sup> от одного из этих четырех происходило обычное описание спартанца во времена Геродота. Есть основания предполагать, что старые дорийские племена устарели в Спарте (как и четыре старых ионийских племени в Афинах) и что их вытеснила классификация, основанная на кварталах города, - кварталы изначально были отдельными деревнями, из которых состояла Спарта.<sup>[623]</sup> То, что число старых сенаторов, тридцать, было связано с тремя дорийскими племенами, по десять членов от каждого, достаточно вероятно, хотя доказательств этому нет.

Среди населения Лаконии выделяют три основных деления: спартанцы, периэки и гелоты. К первым относились полноправные граждане, жившие в самой Спарте, выполнявшие все требования ликургской дисциплины, платившие взносы в сисситии, или общественную кашу, и только они имели право на почести<sup>[624]</sup> или государственные должности. У этих людей не было ни времени, ни вкуса для возделывания земли, ни тем более для торговли или ремесла: такие занятия не соответствовали предписанному обучению, даже если они не были прямо запрещены. Их содержали за счет земель вокруг города и значительной части Лаконии, принадлежавшей им; землю для них обрабатывали гелоты, которые, похоже, выплачивали им фиксированную долю продукции, в некоторых случаях, по крайней мере, до половины.<sup>[625]</sup> Каждый спартанец сохранял свою квалификацию и передавал ее своим детям на двух условиях: во-первых, подчиняясь предписанной дисциплине; во-вторых, выплачивая каждый свою оговоренную долю в общественную кассу, которая содержалась только за счет этих индивидуальных взносов.



Умножение детей в бедных семьях после прекращения завоеваний новых территорий постоянно увеличивало число и долю граждан, которые не могли выполнить второе из этих условий и поэтому теряли право голоса, так что к концу Пелопоннесской войны среди самих спартанцев возникло различие, неизвестное в прежние времена: уменьшившееся число полностью квалифицированных граждан называлось "равными", или "пэрами", а лишенные прав бедняки - "неполноценными". Последние, лишенные гражданских прав, тем не менее, не становились перизками: вероятно, им еще предстояло возобновить свою квалификацию, если какая-нибудь благоприятная случайность позволит им внести свой вклад в общественное дело.

Перизкус был также свободным человеком и гражданином, но не Спарты, а одного из ста городов Лаконии.<sup>[626]</sup> И он, и община, к которой он принадлежал, получали свои приказы только из Спарты, не имея собственной политической сферы и не участвуя в определении движений спартанских властей. На острове Китера,<sup>[627]</sup> который был одним из перизкийских городов, спартанский пристав жил в качестве администратора. Но было ли то же самое с другими, мы не можем утверждать: да и небезопасно рассуждать от одного из этих поселений ко всем, - возможно, существовали значительные различия в обращении с одним и другим. Ведь они были разбросаны по всей Лаконии, некоторые из них были близки, а некоторые удалены от Спарты: свободные жители Амиклеи должны были быть перизками, так же как и жители Китеры, Фурии, Этеи или Аулона; мы не можем предположить, что спартанские власти относились ко всем им одинаково. Между спартанцами и их соседями, многочисленными перизками Амиклеи, должно быть, существовала такая степень общения и взаимных отношений, в которой более отдаленные перизки не участвовали, - кроме того, религиозные сооружения и праздники Амиклеи были приняты спартанцами с большим благоговением и возведены в национальное достоинство: и мы, кажется, видим, что в некоторых случаях к амиклесским гоплитам проявлялась такая степень внимания, какой, возможно, не могли добиться другие перизки<sup>[628]</sup>. Название класса, *Periœki*,<sup>[629]</sup>-circum жители, или обитатели окрестностей города, - обычно обозначало местных жителей низшего политического состояния в отличие от полноправных мещан, живших в городе, но не обозначало какой-либо точной или единообразной степени неполноценности. Иногда Аристотель употребляет это слово так, что оно подразумевает состояние не лучше, чем у гелотов, так что в широком смысле к нему можно было бы отнести всех жителей Лаконии (как гелотов, так и остальных). Но когда это слово используется по отношению к Лаконии, оно имеет технический смысл, в котором оно противопоставляется спартанцу, с одной стороны, и гелоту - с другой: оно означает местных свободных людей и собственников, объединенных в подчиненные общины<sup>[630]</sup> с большей или меньшей властью местного управления, но (подобно подвластным городам, принадлежащим Берну, Цюриху и большинству из старых тринадцати кантонов Швейцарии) воплощенных в лакедемонской совокупности, которая управлялась исключительно царями, сенатом и гражданами Спарты.

Когда мы переходим к описанию афинской демократии после революции Клейстена, мы обнаруживаем, что демы, или местные поселки и деревни Аттики, включены как равные и составные части целого, называемого Демой (или Городом) Афин, так что демот Ахарны или Сфетты в то же время является полноправным афинским гражданином. Но отношение перизкийских городов к Спарте - это неравенство и подчинение, хотя оба они принадлежат к одной политической совокупности и составляют вместе свободную лакедемонскую общину. Подобным образом, Орнея и другие места были поселениями людей, лично свободных, но политически зависимых от Аргоса, - Акрæфия от Фив, - Херонея от Орхомена, - и различные фессалийские города от Фарсала и Лариссы.<sup>[631]</sup> Таково, в основном, было состояние, в которое Афины привели бы своих союзников, а Фивы - свободные беотийские общины,<sup>[632]</sup> если бы политика любого из этих городов постоянно процветала. Это состояние несло в себе чувство деградации и болезненного отрицания той автономии, которой жаждала каждая греческая

община; поддерживаемое с помощью превосходящей силы, оно имело естественную тенденцию, возможно, без сознательного желания правящего города, перерасти в практическое угнетение. Но в дополнение к этой общей тенденции особое воспитание спартанца, хотя и прививало ему силу, стойкость и полковую точность, было в то же время настолько строго специфическим, что делало его суровым, неприветливым, и неспособным сочувствовать обычным проявлениям греческих чувств, не говоря уже о жадности и любви к деньгам, которые, согласно достоверным свидетельствам, присущи спартанскому характеру[633] и которые мы вряд ли ожидали найти у учеников Ликурга. В качестве гармостов за пределами родного города[634] и в отношениях с нижестоящими спартанцы, похоже, были непопулярнее других греков, и мы можем предположить, что подобная надменная грубость пронизывала их отношения с собственными периеками, которые не были связаны с ними никакими узами привязанности и в большинстве своем восстали после битвы при Лейктре, как только вторжение Эпаминонда в Лаконию позволило им сделать это в безопасности.

Исократес, отталкиваясь от старой легенды о Гераклидах, с ее мгновенным завоеванием и тройным разделом всего дорийского Пелопоннеса между тремя братьями Гераклидами, выводит первое происхождение периекийских поселений из внутренних волнений среди завоевателей Спарты. По его мнению, в период, последовавший за завоеванием, в только что завоеванной Спарте шла ожесточенная междоусобная война между "немногими" и "многими", олигархией и демосом. Первые одержали победу, и следствием их победы стали две важные меры. Они изгнали побежденных Многих из Спарты в Лаконию, сохранив резиденцию в Спарте исключительно для себя; они выделили им самую маленькую и наименее плодородную половину Лаконии, монополизировав большую и лучшую для себя; они разделили их на множество очень маленьких городков, или подчиненных маленьких общин, в то время как сами полностью сосредоточились в Спарте. К этим мерам предосторожности, обеспечивающим господство, они добавили еще одну, не менее важную. Они установили среди своих спартанских граждан равенство юридических привилегий и демократическое правление, чтобы обеспечить наибольшую гарантию внутренней гармонии; эта гармония, по мнению Исократа, слишком эффективно сохранялась, позволяя спартанцам добиваться своего господства над угнетенной Грецией, - подобно соглашению пиратов[635] о разорении мирных жителей. Периеки, рассказывает он, будучи лишены всех привилегий свободных людей, подвергались всем тяготам и несправедливой доле опасностей войны. Спартанские власти ставили их в такие ситуации и на такие предприятия, которые они считали слишком опасными для своих собственных граждан; и, что еще хуже, эфоры обладали правом предавать смерти без всякого предварительного суда столько периеков, сколько им заблагорассудится[636].

Заявление Исократеса о первом происхождении различия между спартанцами и периеками - не более чем предположение, и даже вероятное предположение, поскольку оно основано на исторической правде старой легенды о Гераклиде и переносит споры его собственного времени между олигархией и демосом в ранний период, к которому такие споры не относятся. Насколько мы знаем греческую историю, ничто не подтверждает его утверждение, что спартанцы занимали наименее опасные посты в поле и подвергали излишнему риску своих периеков. Такой подлый нрав не входил в число грехов Спарты, но, несомненно, верно, что по мере того, как число граждан постоянно уменьшалось, периеки составляли в поздние времена все большую и большую часть спартанского войска. Тем не менее, полномочия, которыми, по словам Исократеса, обладали эфоры, предавая смерти периеков без предварительного суда, мы вполне можем считать реальными, и они использовались так часто, как этого требовал случай. Далее мы обратим внимание на то, как эти магистраты поступали с гелотами, и увидим достаточно оснований, чтобы сделать вывод: когда эфоры считали какого-либо человека опасным для общественного спокойствия - будь то низший спартанец, периакий или гелот, - наилучшим способом избавления

от него считался самым простой. По отношению к спартамцам, имеющим высокое звание и авторитет, они, несомненно, были осторожны и взвешенны в применении наказания, но такой же необходимости в осмотрительности не существовало по отношению к низшим классам: более того, чувство, что требования справедливости требуют честного суда перед наказанием, принадлежит афинским ассоциациям гораздо больше, чем спартанским. Как часто могли происходить подобные казни без суда и следствия, мы не знаем.

Мы можем отметить, что рассказ Исократеса о происхождении лаконских периеков не противоречит по сути рассказу Эфора,<sup>[637]</sup> который повествует о том, что Эврисфенес и Прокл при первом завоевании Лаконии предоставили существовавшему до этого населению равные права с дорийцами, - но Агис, сын Эврисфена, лишил их этого равного положения и превратил в зависимых подданных последних. По крайней мере, оба повествования сходятся в предположении, что периеки когда-то занимали лучшее положение, из которого были изгнаны насилием. А политика, которую Исократес приписывает победоносным спартанским олигархам, - изгнание демоса из концентрированного проживания в городе в рассеянное проживание во многих отдельных и незначительных поселках - кажется выражением той процедуры, которая в его время была причислена к наиболее эффективным мерам предосторожности против непокорных подданных, - диэкисис, или дробление города-агрегата на деревни. Более того, разделение Лаконии на шесть округов, а также распределение ее на волости (или распределение поселенцев по уже существующим волостям), которое Эфор приписывает первым дорийским царям, - все это вычеты из примитивного легендарного рассказа, в котором дорийское завоевание описывается как совершенное одним ударом, и все это должно быть отброшено, если мы предположим, что оно было достигнуто постепенно. Это постепенное завоевание признается О. Мюллером и многими из наиболее способных последующих исследователей, которые, тем не менее, похоже, невольно представляют себе противоположное предположение, когда критикуют раннюю спартанскую историю, и всегда бессознательно представляют себе спартамцев как хозяев всей Лаконии. Мы даже не можем утверждать, что до завершения последовательных завоеваний Спарты Лакония находилась под единым управлением.

Утверждение О. Мюллера, повторенное Шеманном<sup>[639]</sup>, "что различие рас строго сохранялось, и что периеки всегда считались ахейцами", я не нахожу доказательств и считаю ошибочным. Что касается Фариса, Геронтра и Амикла, трех периекийских городов, то Павсаний дает нам понять, что прежние жители либо ушли, либо были изгнаны при дорийском завоевании, и на их место пришло дорийское население.<sup>640]</sup> Не очень доверяя этому утверждению, для которого Павсаний вряд ли мог иметь веские основания, мы все же можем принять его как отражение вероятности дела и как противовес бездоказательной гипотезе Мюллера. Периекические города, вероятно, состояли либо полностью из дорийцев, либо из дорийцев, включенных в большей или меньшей пропорции в состав ранее существовавших жителей. Но какие бы расовые различия ни существовали, они были стерты до исторических времен,<sup>[641]</sup> в течение которых мы не находим никаких доказательств существования ахейцев, известных как таковые, в Лаконии. Гераклиды, эгеиды и талтибиады, принадлежащие к Спарте, - единственные примеры отдельных рас, частично отличимых от дорийцев, известных после начала достоверной истории. Спартамцы и периеки составляют единую политическую совокупность, которая, по общему мнению, настолько слилась воедино (если говорить о временах до битвы при Лейктре), что Анталкидский мир, гарантировавший автономию каждому отдельному греческому городу, никогда не был истолкован так, чтобы отделить периекийские города от Спарты. Оба они известны как лаконцы, или лакедемоняне, а Спарта рассматривается Геродотом только как первый и самый храбрый среди многих и храбрых лакедемонянских городов.<sup>[642]</sup> Победители в Олимпии провозглашаются не спартамцами, а лаконцами - титул, который носили и периеки. И многие из многочисленных

победителей, чьи имена мы читаем в олимпийских списках как лаконцев, возможно, принадлежали к Амikle или другим перизкийским городам.

Перизкийские гоплиты всегда составляли большую - в более поздние времена преобладающую - часть лакедемонской армии и, несомненно, были обучены более или менее совершенной военной тактике Спарты, поскольку в поле они были призваны подчиняться тем же приказам, что и спартанцы,[643] и выполнять те же упражнения. В некоторых, хотя и редких, случаях Перизкус принимает командование в иностранной экспедиции. Во времена Аристотеля большая часть Лаконии (под которой тогда понималась только страна к востоку от Тайгета, со времени основания Мессены Эпаминондом) принадлежала спартанским гражданам,[644] но оставшаяся меньшая половина, должно быть, была собственностью перизков, которые, кроме того, вели большую часть экспортно-импортной торговли, металлургических предприятий и распределения внутренних продуктов, которые демонстрировала эта территория; Ведь никто из спартанцев никогда не занимался подобными делами. Таким образом, своеобразное обучение Ликурга, передав все эти занятия в руки перизков, открыло для них новый источник важности, которым не могли пользоваться зависимые поселения Аргоса, Фив или Орхомена.

Гелоты Лаконии были колонами, или крепостными, привязанными к земле, которые обрабатывали ее в интересах спартанских владельцев, несомненно, - возможно, и перизковских. Это было деревенское население страны, которое жило не в городах, а в небольших деревнях[645] или на отдельных фермах, как в округе, непосредственно окружавшем Спарту, так и вокруг перизкийских лаконских городов. Конечно, были и гелоты, жившие в Спарте и других городах и выполнявшие работу домашних рабов, - но это не было общим характером этого класса. Мы не сомневаемся, что после дорийского завоевания Спарты этот класс находился в состоянии сельских жителей и отщепенцев; но были ли они зависимы от существовавших ранее ахейских владельцев или независимы, как большая часть населения аркадских деревень, - это вопрос, на который мы не можем ответить. Однако в любом случае легко предположить, что деревенские земли (с живущими на них земледельцами) было легче всего использовать в интересах хозяев, проживающих в Спарте; в то время как города с прилегающей к ним территорией обеспечивали жильем и содержанием уходящие отряды дорийцев. Если бы спартанцы преуспели в попытке увеличить свою территорию за счет завоевания Аркадии,[646] они, вполне вероятно, превратили бы Тегею и Мантинею в перизкийские города с уменьшенной территорией, населенной (полностью или частично) дорийскими поселенцами, а большую часть деревенских земель меналиев, азанов и паррасиев передали бы в собственность Спарты, закрепив за их жителями. Различие между городским и деревенским населением, по-видимому, является главной причиной разного отношения к гелотам и перизкам в Лаконии. Значительная часть гелотов принадлежала к истинно дорийской расе, будучи дорийскими мессенцами к западу от горы Тайгет, впоследствии завоеванными и объединенными в этот класс зависимых земледельцев, который, как класс, должен был начать существовать с самого первого появления дорийцев в районе вокруг Спарты. Откуда возникло название "гелоты", мы точно не знаем: Эфор выводит его от города Гелус на южном побережье, который, как говорят, спартанцы взяли после сопротивления, настолько упорного, что они были вынуждены очень жестоко обращаться с пленными. Есть много причин отвергнуть эту историю, и была предложена другая этимология, согласно которой гелот - синоним *пленника*: она более правдоподобна, но все же не убедительна.[647] Гелоты жили в сельских деревнях, как *adscripti glebae*, обрабатывая свои земли и выплачивая арендную плату хозяину в Спарте, но наслаждаясь своими домами, женами, семьями и взаимными дружескими чувствами, в стороне от взгляда хозяина. Их никогда не продавали из страны, а возможно, и вообще не продавали; они принадлежали не столько хозяину, сколько государству, которое постоянно призывало их на военную службу и вознаграждало их храбрость или активность предоставлением свободы. Фессалиец Мено из

Фарсала вывел триста пенестеев, чтобы помочь афинянам против Амфиполя: эти фессалийские пенестеи во многом были похожи на гелотов, но ни один спартанец не обладал такой властью над ними. Таким образом, гелоты были частью государства, у них были развиты бытовые и социальные симпатии, определенная способность приобретать собственность, [648] а также сознание греческой родословной и диалекта - моменты заметного превосходства над иностранцами, которые составляли рабское население Афин или Хиоса. Они, кажется, ни в чем не уступали любому деревенскому населению Греции; греческий наблюдатель симпатизировал им сильнее, чем купленным рабам других государств, - не говоря уже о том, что их однородный облик, их численность и занятость на военной службе делали их более заметными для глаз.

Всю работу в спартанском доме выполняли представители класса гелотов, поскольку других рабов в стране, похоже, было мало, если вообще были. Различные анекдоты, которые рассказывают об обращении с ними в Спарте, говорят не столько о жестокости, сколько о показном презрении [649] - настроениях, которые мы с удивлением обнаруживаем среди граждан за столом. Но огромная масса гелотов, живших в деревне, была объектом совсем других чувств со стороны спартанских эфоров, которые знали об их храбрости, энергии и постоянном недовольстве и все же были вынуждены использовать их в качестве важной части государственной армии. Гелоты обычно служили в качестве легковооруженных, и спартанские гоплиты не могли обойтись без их присутствия. В битве при Платее каждый спартанский гоплит имел при себе семь гелотов, [650] а каждый перикский гоплит - одного гелота: [651] но даже в лагере спартанцы старались не допускать внезапного мятежа этих легковооруженных товарищей, а дома гражданин обычно держал свой щит отсоединенным от кольца, чтобы предотвратить возможность его похищения с той же целью. Иногда избранные гелоты облачались в тяжелые доспехи и служили в строю, получая в награду за храбрость государственную пенсию [652].

Но даже на пике своего могущества Спарта не раз оказывалась под угрозой восстания гелотов, причем всегда с опасением. Чтобы предотвратить или подавить его, эфоры вносили в договоры с Афинами явные условия о помощи, приглашали афинские войска в сердце Лаконии и практиковали комбинации хитрости и жестокости, которые и по сей день не имеют аналогов в длинном списке мер предосторожности для укрепления несправедливого господства. На восьмом году Пелопоннесской войны, после того как от гелотов потребовались значительные военные усилия в различных областях и когда афиняне и мессенцы овладели Пилусом, эфоры особенно опасались вспышки войны. Желая выделить самых смелых и отважных гелотов, как людей, от которых им стоит больше всего опасаться, они объявили, что каждый представитель этого сословия, оказавший выдающиеся услуги, должен заявить о своих требованиях в Спарте, обещая свободу наиболее достойным. Большое количество гелотов заявило о своих притязаниях: не менее двух тысяч из них были одобрены, официально манумилированы и торжественно проследовали вокруг храмов с гирляндами на головах в знак начала их грядущей свободной жизни. Но предательская гирлянда лишь обозначила их как жертвы для жертвоприношения: каждый из них тут же исчез, и способ их смерти остался невысказанной тайной.

Свидетелем этого мрачного и кровавого деяния является Фукидид, [653] а Фукидид описывает современное дело, о котором он расспрашивал. При любом менее веском доказательстве мы бы не поверили этому заявлению; но так как оно стоит выше всяких подозрений, оно говорит о бесчеловечном характере лакедемонского правительства и в то же время открывает нам всю силу их страха перед гелотами. В убийстве этого рокового полка храбрецов должно было участвовать большое количество помощников и орудий: однако Фукидид при всех своих расспросах не смог выяснить, как кто-то из них погиб: он говорит нам, что никто не знал. Мы видим здесь факт, который недвусмысленно демонстрирует непроницаемую тайну, в которую были окутаны дела спартанского правительства, - отсутствие не только публичных обсуждений, но и общественного



любопытства, - и то совершенство, с которым эфоры властвовали над волей, руками и языками своих спартанских подданных. Венецианский Совет десяти, при всех возможностях ночного утопления, которые предоставлял его город, вряд ли смог бы совершить столь масштабный *государственный переворот* с помощью столь невидимых средств. Отсюда можно судить, даже если бы у нас не было других доказательств, насколько мало привычки общественного собрания могли соответствовать ни умонастроениям, ни образу правления в Спарте.

Другие действия, приписываемые эфорам против гелотов, задуманы в том же духе, что и только что рассказанный инцидент у Фукидида, хотя и не имеют такого же определенного подтверждения. В учреждения Ликурга входило (согласно утверждению, которое Плутарх, как утверждает, заимствовал у Аристотеля), что эфоры должны были каждый год объявлять войну против гелотов, чтобы убийство их было невинным; а активных молодых спартанцев вооружали кинжалами и рассылали по Лаконии, чтобы они могли в уединении или ночью убивать тех гелотов, которые считались грозными.<sup>[654]</sup> Эта последняя мера получила название "Криптейя", однако нам трудно определить, в какой степени она была реализована. То, что эфоров, действительно, не сдерживали никакие угрызения совести или гуманности, ясно показывает убийство двух тысяч гелиотов, о котором говорилось выше; но этот последний инцидент действительно отвечал своей цели, в то время как постоянная практика, такая как криптия, и официальное уведомление о войне, данное заранее, скорее вызвали бы реакцию отчаяния, чем обеспечили бы спокойствие. Есть веские доказательства того, что криптия была реальной практикой,<sup>[655]</sup> что эфоры поддерживали систему полиции или шпионажа по всей Лаконии, нанимая активных молодых граждан, которые вели тяжелую и уединенную жизнь и старались, чтобы их действия были как можно меньше замечены. Эфоры, естественно, могли бы использовать этот метод для наблюдения как за перизкийскими поселениями, так и за деревнями гелотов, и убийства отдельных гелотов этими полицейскими, или криптами, вероятно, прошли бы незамеченными. Но невозможно поверить ни в какой постоянный убийственный приказ, ни в преднамеренное ежегодное убийство гелотов с целью устрашения, как это якобы представлял Аристотель, - и мы вполне можем сомневаться, действительно ли он делал такое представление, когда видим, что он не обращает никакого внимания на эту меру в своей "Политике", где он подробно говорит и о спартанской конституции, и о гелотах. Известная ненависть и страх, испытываемые спартанцами к своим гелотам, вероятно, окрасили описание Плутархом криптий, чтобы преувеличить те безнаказанные убийства, которые время от времени случались, в постоянное явление с явным умыслом. Аналогичный вывод можно сделать из заявления Мирона из Приенки,<sup>[656]</sup> который утверждал, что их избивали каждый год без особой вины, чтобы заставить их вспомнить о своем рабстве, - и что тех хелотов, чья красота или рост превосходили видимую печать их состояния, предавали смерти; в то время как те хозяева, которые не сдерживали дух своих энергичных хелотов, подвергались наказанию. Секретность, которой отличались эфоры, сама по себе опровергает утверждение, что они публично объявляли войну против гелотов; хотя мы вполне можем поверить, что этот несчастный класс людей мог быть отмечен как объект для ревностного наблюдения во время ежегодной присяги эфоров. Каким бы ни было отношение к гелотам в более поздние времена, вряд ли можно предположить, что от Ликурга могло исходить какое-либо враждебное по отношению к ним постановление. Ведь опасность, исходящая из этого источника, стала серьезной только после Мессенской войны, да и то лишь после того, как стало ощущаться постепенное сокращение числа спартанских граждан.

Манумилированные гелоты не переходили в класс перизков - для этого, вероятно, потребовалось бы специальное предоставление свободы какому-нибудь перизкскому поселению, - но составляли отдельный класс, известный во время Пелопоннесской войны под названием

неодамонов. Будучи людьми, заслужившими свободу храбростью, они, конечно, рассматривались эфорами с особой опаской, и, если было возможно, их брали на чужую службу<sup>[657]</sup> или селили на чужой земле в качестве поселенцев. Чем занимались эти вольноотпущенники, мы не знаем; но вряд ли можно сомневаться, что они оставили деревню и поле гелотов вместе с сельской одеждой (кожаной шапкой и овчиной), которую обычно носили гелоты и смена которой грозила им подозрениями, а то и наказанием со стороны ревнивых хозяев. Вероятно, они, как и бесправные спартанские граждане (их называли ипомеями, или низшими), стали собираться в Спарте и находили работу либо в различных ремеслах, либо на службе у правительства.

Этот краткий очерк о порядках людей, населявших Лаконию, необходим для того, чтобы мы могли понять высказывания о законодательстве Ликурга. Устройства, приписываемые этому законодателю, в том виде, в каком их описывает Плутарх, предполагают, а не создают три порядка: спартанцев, периеков и гелотов. Плутарх говорит нам, что беспорядки, которые Ликург обнаружил в государстве, возникли в значительной степени из-за грубого имущественного неравенства, роскоши и беспринципной хищности богачей, которые прибрали к рукам большую часть земель в стране, оставив огромное количество бедняков, не имеющих никакого земельного участка, в безнадежном бедствии и деградации. Против этого неравенства (по словам Плутарха) законодатель-реформатор сразу же применил жестокое средство. Он перераспределил всю территорию, принадлежащую Спарте, а также оставшуюся часть Лаконии; первую - на девять тысяч равных участков, по одному на каждого спартанского гражданина; вторую - на тридцать тысяч равных участков, по одному на каждого периека: об этом предполагаемом распределении я расскажу далее. Кроме того, он запретил использование золотых и серебряных денег, не допуская в качестве средства обращения ничего, кроме кусков железа, тяжелых и трудно переносимых; и он запретил спартанскому гражданину все виды трудолюбия или занятия, связанные с поиском денег, включая сельское хозяйство. Кроме того, он учредил - хотя и не без упорного сопротивления, во время которого, как говорят, ему выбил глаз буйный юноша по имени Алкандр, - сисситии, или общественные столовые. Было предусмотрено определенное количество общих столов, и каждый гражданин должен был принадлежать к одному из них и привычно принимать пищу за ним.<sup>[659]</sup> - ни один новый член не мог быть принят без единогласного голосования в его пользу предыдущих обитателей. Каждый выделял со своего участка земли определенную норму ячменной муки, вина, сыра и фиг, а также небольшой денежный взнос на приправы: дичь добывалась охотой в общественных лесах государства, а каждый, кто приносил жертву богам<sup>[660]</sup> отправлял к своему столу часть убитой жертвы. От детства до старости каждый спартанский гражданин принимал трезвую пищу в этой общественной столовой, где все делились одинаково; не допускалось никаких различий, за исключением особых случаев, когда человек оказывал услугу государству.

Эти общественные сисситии под руководством Полемархов были связаны с военным распределением, постоянными гимнастическими тренировками и строгой дисциплиной, навязанной Ликургом. С семилетнего возраста, в течение всей своей жизни, как юноша и мужчина, не менее чем мальчик, спартанский гражданин жил в обществе, всегда либо сам занимаясь гимнастическими и военными упражнениями, либо критикуя и наблюдая за другими, - всегда под оковами и соблюдением правил, частично военных, частично монашеских, - лишенный независимости отдельного дома, - видя свою жену, в первые годы после брака, только тайком, и поддерживая мало своеобразных отношений со своими детьми. Надзор не только сограждан, но и уполномоченных цензоров, или капитанов, назначенных государством, постоянно действовал на него: день его проходил в общественных упражнениях и трапезах, ночи - в общественной казарме, к которой он принадлежал. Помимо особых военных упражнений, когда сложные движения, требуемые от тела лакедемонских гоплитов в поле, были знакомы ему с юности, он также подвергался суровой телесной дисциплине другого рода, рассчитанной на придание силы,

активности и выносливости. Проявлять смелость и драчливость, выдерживать безропотно величайшие телесные пытки, терпеть голод и жажду, жару, холод и усталость, ступать босыми ногами по самой плохой земле, носить одну и ту же одежду зимой и летом, подавлять внешние проявления чувств и демонстрировать на публике, когда не требовалось действовать, осанку, молчаливую и неподвижную, как статуя, - все это были достоинства совершенного спартанского юноши.[661] Две эскадрильи часто состязались друг с другом (без оружия) в маленьком островном окружении, называемом Платанистус, и эти состязания проходили, под наблюдением властей, с предельной яростью. Не менее упорными были и состязания между ними, которые без ропота переносили жестокие бичевания перед алтарем Артемиды Орфии, считавшиеся весьма угодными богине, хотя иногда они заканчивались даже смертью несговорчивого страдальца.[662] Кроме различных описаний гимнастических состязаний, юношей обучали хорическим танцам, применявшимся на праздниках богов, что способствовало приданию им методичности и гармоничности движений. Поощрялась охота в лесах и горах Лаконии, чтобы приучить их к усталости и лишениям. Питание молодых спартанцев было намеренно недостаточным, но им разрешалось восполнять недостаток не только охотой, но даже воровством всего, что попадалось под руку, при условии, что они могли делать это незамеченными; в последнем случае они подвергались суровому наказанию.[Что касается просто телесных результатов,[664] тренировки в Спарте были превосходными, сочетая силу и ловкость с универсальными способностями и выносливостью, и избегая той ошибки, из-за которой Фивы и другие города ухудшили эффект своих гимнастических упражнений, - попытки создать атлетическую привычку, подходящую для игр, но не подходящую ни для чего другого.

Из всех атрибутов этой замечательной общины нет более трудного для четкого определения, чем состояние и характер спартанских женщин. Аристотель утверждает, что в его время они были властными и непокорными, не будучи в действительности столь храбрыми и полезными в минуты опасности, как другие гречанки;[665] что они обладали большим влиянием на мужчин и даже в значительной степени определяли ход государственных дел; и , что почти половина земельной собственности Лаконии принадлежала им. Освобождение женщин от всякого контроля, по его мнению, составляло резкий контраст со строгой дисциплиной, наложенной на мужчин, - и контраст, едва ли менее резкий, с положением женщин в других греческих городах, где они обычно были ограничены внутренним пространством дома и редко появлялись на публике. В то время как спартанский муж занимался тяжелой аскетической жизнью и обедал на простейших блюдах в фидиции, или столовой, жена (судя по всему) содержала дома богатое и роскошное заведение; желание обеспечить такие расходы было одной из причин той любви к деньгам, которая преобладала среди мужчин, лишенных возможности наслаждаться ими в обычных условиях. Чтобы объяснить эту противоположность между отношением к двум полам в Спарте, Аристотелю сообщили, что Ликург пытался подчинить женщин не менее, чем мужчин, системе дисциплины, но они оказали такое упорное сопротивление, что он был вынужден отказаться.

Взгляд философа, заслуживающий пристального внимания, нелегко согласовать с мнением Ксенофонта и Плутарха, которые смотрят на спартанских женщин с другой стороны и представляют их как достойных и однородных спутниц мужчин. Ликургская система (как ее описывают эти авторы), рассматривая женщин как часть государства, а не как часть дома, подвергала их обучению едва ли не меньше, чем мужчин. Ее великая цель - сохранение энергичной породы граждан - определяла и обращение с молодыми женщинами, и правила общения полов. "Женщины-рабыни достаточно хороши (считал Ликург), чтобы сидеть дома, прясть и ткать, - но кто может ожидать великолепного потомства, соответствующей миссии и долгу свободной спартанской женщины по отношению к своей стране, от матерей, воспитанных в таких занятиях?" В соответствии с этими взглядами, спартанские девицы проходили телесную подготовку, аналогичную той, что проходила спартанская молодежь, - формально занимались

спортом и соревновались друг с другом в беге, борьбе и боксе, в соответствии с формами греческих агонов. Похоже, что они носили легкую тунику, разрезанную по юбкам, чтобы оставить конечности свободными и открытыми для обозрения, поэтому Плутарх говорит о них как о полностью обнаженных, в то время как другие критики в разных частях Греции упрекали эту практику, как будто она была совершенно обнаженной.[668] Присутствие спартанских юношей, и даже царей и граждан, на этих упражнениях придавало оживление сцене. Подобным образом молодые женщины шествовали в религиозных процессиях, пели и танцевали на праздниках, наблюдали в качестве зрителей за упражнениями и ссорами юношей; так что оба пола постоянно смешивались друг с другом на публике, что было чуждо привычкам и противно чувствам других греческих государств. Можно предположить, что такое воспитание привило женщинам демонстративный характер и интерес к мужским достижениям, так что выражение их похвалы было сильнейшим стимулом, а порицание - горьким унижением для юного отряда, который их слышал.

Возраст вступления в брак (который в некоторых неограниченных городах Греции был настолько ранним, что заметно ухудшал породу граждан)[669] был отложен спартанским законом, как для женщин, так и для мужчин, до периода, который, как предполагалось, наиболее соответствует совершенству потомства. И когда мы читаем, какие ограничения спартанский обычай накладывал на сношения даже между женатыми людьми, мы без колебаний приходим к выводу, что публичное смешение полов, описанное выше, не приводило к таким вольностям между лицами, не состоящими в браке, которые могли бы возникнуть при других обстоятельствах.[670] Брак был почти всеобщим среди граждан, принуждаемый, по крайней мере, общим мнением, если не законом. Молодой спартанец увез свою невесту путем симулированного похищения, но она, по крайней мере, некоторое время продолжала жить со своей семьей, навещая мужа в его казарме в мужском одеянии и по коротким и краденым поводам.[671] С некоторыми супружескими парами, по словам Плутарха, случалось так, что они были женаты достаточно долго, чтобы иметь двух или трех детей, в то время как они едва видели друг друга при дневном свете. Тайные интриги со стороны замужних женщин были неизвестны в Спарте; но свести вместе лучшие пары граждане считали желательным, а законодатель - обязанностью. Никакие личные чувства или ревность мужа не находили сочувствия ни у кого, и он без труда разрешал, а иногда и активно поощрял комплименты со стороны жены, согласующиеся с этой общепризнанной целью. Такая терпимость зашла так далеко, что некоторые замужние женщины были признаны хозяйками двух домов[672] и матерями двух разных семейств - своего рода двоеженство, строго запрещенное мужчинам и никогда не допускавшееся, за исключением примечательного случая с царем Анаксандридом, когда царский род Гераклидов от Эврисфена был под угрозой исчезновения. Жена Анаксандрида была бездетной, и эфоры настоятельно просили его, ссылаясь на общественную необходимость, отречься от нее и жениться на другой. Но он отказался уволить жену, которая не давала ему повода для жалоб; тогда, обнаружив его неумолимость, они потребовали, чтобы он оставил ее, но женился на другой жене, во всяком случае, чтобы в роду Эврисфенидов было потомство. "Таким образом (говорит Геродот) он женился на двух женах и поселился в двух семейных очагах, что было неизвестно в Спарте"[673], но это та же привилегия, которой, согласно Ксенофону, некоторые спартанские женщины пользовались без упреков со стороны кого-либо и в полном согласии между обитателями обоих их домов. О. Мюллер[674] отмечает - и свидетельства, насколько нам известно, подтверждают его - что браки по любви и искренняя привязанность к жене были более привычны для Спарты, чем для Афин; хотя в первой супружеская ревность была чувством, которому не потакали и которое не признавали, - в то время как во второй она была сильной и всеобщей[675].

Чтобы примирить тщательную гимнастическую подготовку, о которой упоминают Ксенофонт и Плутарх, с той бесконтрольной роскошью и расслабленностью, которую Аристотель осуждает в

спартанских женщинах, можно предположить, что во времена последнего женщины высокого положения и богатства сумели освободиться от общей обязанности, и что именно о таких частных случаях он в основном и говорит. Особенно он останавливается на растущей тенденции к накоплению имущества в руках женщин, [676] которая, кажется, была еще более заметна столетие спустя, в царствование Агиса Третьего. И мы можем легко представить себе, что одним из применений приобретенного таким образом богатства было бы приобретение освобождения от трудоемкого обучения, - цель, более легко достижимая в их случае, чем в случае мужчин, чьи услуги требовались государству в качестве солдат. Каким образом женщины стали обладательницами двух пятых земельных владений государства, он частично объясняет. По его словам, было много единственных наследниц, приданое, которое отцы давали дочерям, было очень большим, а отец обладал неограниченной властью завещания, которую он был склонен использовать в интересах своей дочери, а не сына. В связи с этим последним обстоятельством мы должны отметить ту особую симпатию и уступчивость спартанского ума по отношению к женщинам, о которой говорит и Аристотель, [677] и которую он приписывает воинственному нраву как гражданина, так и государства, - Арес несет иго Афродиты. Но, не считая этого соображения, если мы предположим, что богатый спартанский отец был просто склонен одинаково относиться к сыновьям и дочерям в отношении завещания, - почти половина наследуемой массы имущества, естественно, окажется в руках дочерей, поскольку в среднем в семьях число рожденных обоих полов почти одинаково. В большинстве обществ именно мужчины делают новые приобретения, но со спартанцами такое случалось редко или вообще не случалось, они презирали все занятия, приносящие деньги.

Ксенофонт, горячий панегирист спартанских нравов, с некоторой гордостью отмечает высокий рост и энергичность граждан, которых породили ликургские учреждения. Красота лакедемонянок была известна во всей Греции, и Лампито, лакедемонянка, представленная в "Лисистрате" Аристофана, получает от афинянок самые громкие комплименты по поводу ее прекрасной фигуры и мужественной силы. [678] Можно отметить, что в этом, как и в других вопросах, Ксенофонт решительно настаивает на своеобразии спартанских институтов, опровергая тем самым мнения тех, кто рассматривает их просто как нечто немного гипердорийское. Действительно, такая особенность, кажется, никогда не ставилась под сомнение в древности ни врагами, ни поклонниками Спарты. И те, кто порицал публичные мужские упражнения спартанских девиц, а также вольности, допускаемые в отношении замужних женщин, в то же время допускали, что чувства тех и других активно отождествлялись с государством в такой степени, которая едва ли была известна в Греции; Патриотизм мужчин в значительной степени зависел от симпатии другого пола, которая проявлялась публично, в манере, не совместимой с затворнической жизнью греческих женщин в целом, для возвеличивания храбрецов и для унижения рецидивистов; и что достойное поведение спартанских матрон в условиях частных семейных потерь серьезно помогало государству в борьбе с общественными поражениями. "Возвращайтесь либо со щитом, либо на нем", - напутствовали они своих сыновей, отправляясь на чужую службу; и после рокового дня Лейктры те матери, которым пришлось встречать дома своих оставшихся в живых сыновей в бесчестии и поражении, были горькими страдальцами; тогда как те, чьи сыновья погибли, сохраняли сравнительно бодрый вид [679].

Таковы были основные положения памятной спартанской дисциплины, усиленной в своем воздействии на разум отсутствием общения с чужаками. Ни один спартанец не мог отправиться за границу без разрешения, и чужестранцам не разрешалось оставаться в Спарте; они приезжали туда, кажется, по доброй воле, но бесцеремонный процесс, называемый *xenêlasy* [680], всегда был доступен для их удаления, и в Спарте не могло возникнуть того класса жителей-метисов или пришельцев, которые составляли большую часть населения Афин и, кажется, встречались в большинстве других греческих городов. Именно в этом всеобщем обучении, воспитании,



навязанном мальчикам и мужчинам, юношам и девственницам, богатым и бедным, следует искать отличительный признак Спарты, а не в ее законах или политической конституции.

Ликург (или тот, кому принадлежит эта система, кем бы он ни был) - основатель воинственного братства, а не законодатель политического сообщества; его братья живут вместе, как пчелы в улье (если воспользоваться примером Плутарха), всеми своими чувствами причастны к содружеству и оторваны от дома и родины. [Далеко не рассматривая общество в целом, с его многообразными нуждами и обязательствами, он заранее запрещает, одним из трех примитивных *Rhetraë*, все писанные законы, то есть все формальные и заранее обдуманые постановления по любому специальному вопросу. Когда нужно разрешить спор или требуется судебное вмешательство, магистрат принимает решение, руководствуясь собственным чувством справедливости; то, что магистрат не отступит от установленных обычаев и признанных целей города, следует из личной дисциплины, которой подверглись он сам и избранный орган, к которому он принадлежит. Именно за этим отборным корпусом, поддерживаемым трудом других, Ликург наблюдает исключительно с заботливым оком тренера, чтобы привести их в состояние полковой подготовки, [682] единодушного послушания, телесной работоспособности и выносливости, чтобы они всегда были готовы к обороне, завоеванию и владычеству. Параллель ликургским институтам можно найти в "Республике" Платона, который одобряет спартанский принцип отбора тщательно подготовленных опекунов, управляющих общиной по своему усмотрению; С той существенной разницей, что спартанский характер [683], сформированный Ликуром, - это низкий тип, ставший диким и свирепым благодаря исключительной и чрезмерной телесной дисциплине, лишенный даже элементов письма, погруженный в свои узкие специальности и наученный презирать все, что лежит за их пределами, - обладающий всеми качествами, необходимыми для получения власти, но ни одним из тех, которые рассчитаны на то, чтобы сделать власть популярной или полезной для субъекта; В то время как привычки и атрибуты опекунов, о которых говорит Платон, расширены, а также филантропичны, что позволяет им не просто управлять, но управлять в целях защиты, примирения и возвышения. И Платон, и Аристотель представляют себе в качестве совершенства общества нечто спартанского типа - избранное тело одинаково привилегированных граждан, отстраненных от трудовых занятий и подвергающихся общественному и единообразному обучению. Оба признают (вместе с Ликургом), что гражданин не принадлежит ни себе, ни своей семье, но своему городу; оба в то же время с сожалением отмечают, что спартанское обучение было обращено только на одну часть человеческой добродетели - ту, которая востребована в состоянии войны; [684] граждане были превращены в своего рода гарнизон, постоянно находящийся на учениях и всегда готовый к выступлению либо против гелиотов дома, либо против врагов за рубежом. Такая исключительная тенденция покажется не столь удивительной, если мы рассмотрим очень ранний и небезопасный период, когда возникли ликургские институты, когда еще не было ни одной из тех гарантий, которые впоследствии поддерживали мир в эллинском мире, - ни постоянных привычек общения, ни обычая собираться в Амфикинии из отдаленных частей Греции, ни общих или часто посещаемых праздников, ни умножения проксений (или постоянных билетов гостеприимства) между важными городами, ни мирных или трудолюбивых привычек где-либо. Если мы подумаем об общей незащищенности греческой жизни в девятом или восьмом веке до христианской эры, и особенно о шатком положении небольшой группы дорийских завоевателей в Спарте и ее округе, с покоренными гелотами на их собственных землях и ахейцами, не покорившимися вокруг них, - мы не будем удивлены, что язык, с которым Брасидас в Пелопоннесской войне обращается к своей армии в отношении первоначального спартанского поселения, был еще более силен в сознании Ликурга четырьмя веками ранее - "Мы - немногие среди множества врагов; Мы можем сохранить себя только сражаясь и завоевая". [685]

При таких обстоятельствах исключительная цель, которую поставил перед собой Ликург, легко понятна; но что действительно удивительно, так это жестокость его средств и успех результата. Он осуществил свой проект создания в восьми или девяти тысячах спартанских граждан непревзойденных привычек послушания, выносливости, самоотречения и воинских способностей, - полное подчинение каждого человека местному общественному мнению и предпочтение смерти отказу от спартанских предписаний, сильное стремление каждого отличиться в рамках предписанной сферы обязанностей, с минимальным стремлением к чему-либо еще. Каким образом столь строгая система индивидуального воспитания могла быть впервые применена к какому-либо сообществу, овладевая ходом мыслей и действий с детства до старости, - работа куда более трудная, чем любая политическая революция, - нам не дано узнать. Влияние искреннего и энергичного Гераклидмена, дополненное еще более мощным воздействием дельфийского бога, стоящего позади, на сильную благочестивую восприимчивость спартанского ума, также не объясняет в достаточной мере столь примечательное явление в истории человечества, если только мы не предположим, что им помогло какое-то сочетание сопутствующих обстоятельств, которые история до нас не донесла, [686] и что им предшествовали беспорядки, настолько преувеличенные, что граждане были рады любой ценой избежать их.

Относительно доликургской Спарты мы не располагаем никакой положительной информацией. Но хотя этот досадный пробел невозможно восполнить, мы все же можем в достаточной степени освоить негативную вероятность случая, чтобы увидеть, что в том, что рассказал нам Плутарх (а из Плутарха до недавнего времени исходили современные взгляды), действительно есть основа реальности, но есть и большая надстройка из романтики, причем не в нескольких частностях, по сути, вводящая в заблуждение. Например, Плутарх рассказывает о том, что Ликург начал свои реформы в то время, когда Спарта была хозяйкой Лаконии и распределила всю эту территорию между перизками. Теперь мы знаем, что Лакония тогда не принадлежала Спарте, и что раздел Ликурга (если предположить, что он был реальным) мог быть применен только к землям в непосредственной близости от последней. Ведь даже Амиклея, Фарис и Геронтра были завоеваны только в царствование Телеклуса, т.е. позже любого периода, который мы можем обоснованно отнести к Ликургу: не может быть, чтобы такое распределение Лаконии действительно имело место. Далее, нам говорят, что Ликург изгнал из Спарты монетное золото и серебро, бесполезные профессии и легкомыслие, жажду наживы и показную демонстрацию. Не останавливаясь на невероятности того, что какая-либо из этих антиспартанских характеристик должна была существовать в столь ранний период, как девятый век до христианской эры, мы, по крайней мере, можем быть уверены, что чеканного серебра тогда не было, поскольку оно было впервые введено в Греции Фидоном из Аргоса в следующем веке, как уже говорилось в предыдущем разделе.

Но среди всех пунктов, изложенных Плутархом, наиболее подозрительным и вводящим в заблуждение, поскольку на этом строятся бесконечные расчеты, является предполагаемый передел земельной собственности. Он рассказывает, что Ликург обнаружил страшное неравенство в земельных владениях спартанцев: почти вся земля была в руках немногих, а огромное количество людей не имело никакой земли; что он исправил это зло, разделив спартанский округ на девять тысяч равных участков, а остальную часть Лаконии - на тридцать тысяч, дав каждому гражданину столько, сколько он мог бы произвести в соответствии с заданной нормой ячменя и т. д. Он хотел бы разделить и движимое имущество на тех же принципах равенства, но ему помешали трудности, связанные с осуществлением его замысла.

Теперь мы увидим, что этот новый и равный раздел земель Ликургом еще больше противоречит фактам и вероятности, чем два предыдущих предполагаемых процесса. Все исторические свидетельства указывают на явное имущественное неравенство спартанцев - неравенство, которое постоянно увеличивалось; более того, ранние авторы не считают, что это зло выросло в

результате злоупотреблений из первобытной системы совершенного равенства, и ничего не знают о первоначальном равном переделе, произведенном Ликургом. Уже у поэта Алкея (600-580 гг. до н. э.) мы находим горькие жалобы на угнетающее господство богатства и деградацию бедняков, которые были высказаны Аристодеком в Спарте: "Богатство (говорил он) делает человека, - ни один бедняк не считается ни хорошим, ни почтенным" [687]. Далее, историк Элланик, конечно, ничего не знал о ликурговом переделе, - ведь он приписывает все спартанское государство Эврисфену и Проклу, первоначальным основателям, и почти совсем не упоминает Ликурга. Опять же, в кратком, но впечатляющем описании спартанского законодателя Геродотом упоминается несколько других институтов, но ничего не говорится о переделе земель; и этот последний момент сам по себе имеет такое огромное значение и был настолько признан всеми греческими мыслителями, что его упущение почти свидетельствует о невежестве. Фукидид, конечно, не мог поверить, что равенство собственности было изначальной чертой ликургской системы; ведь он говорит, что в Лакедемоне "богатые люди в одежде и общих привычках жизни в значительной степени уподобились простоте бедных, и таким образом подали пример, которому частично последовали в остальной Греции": замечание, которое одновременно подразумевает существование неравной собственности и дает справедливую оценку реального функционирования ликургских институтов. [688] Аналогичные настроения и у Ксенофонта: [689] он отмечает, что богатые в Спарте мало что выиграли от своего богатства в плане повышенного комфорта; но он ни разу не взглянул на какую-либо оригинальную меру, введенную в действие Ликургом для уравнивания владений. Платон тоже, [690] хотя и упоминает о большом преимуществе, которым обладали дорийцы сразу после завоевания Пелопоннеса, поскольку они могли распределять землю, подходящую для всех, - ни разу не намекает, что это первоначальное распределение превратилось в злоупотребление и что Ликург прибег к последующему переделу: более того, он сам глубоко осознает опасность этого грозного мероприятия. Наконец, Аристотель явно не верил, что Ликург переделал землю. Ибо, во-первых, он сообщает нам, что "и в Лакедемоне, и в Крете [691] законодатель сделал пользование имуществом общим, установив сисситии, или общественные беспорядки". Это замечание (если читать его в главе, частью которой оно является, - опровержение схемы коммунизма для избранных опекунов в платоновской республике) мало что скажет, если предположить, что Ликург в то же время уравнивал все индивидуальные владения. Если бы Аристотель знал этот факт, он не мог бы его не заметить: как не мог бы он ассимилировать законодателей в Лакедемоне и Крете, видя, что в последнем никто не утверждает, что такое уравнивание было когда-либо осуществлено. Далее, Аристотель не только останавливается на фактическом имущественном неравенстве в Спарте как на серьезном общественном зле, но и нигде не рассматривает его как выросшее из системы абсолютного равенства, когда-то принятой законодателем как часть первобытной конституции: он прямо указывает на имущественное неравенство еще во время второй Мессенской войны. Более того, в той ценной главе "Политики", где обсуждается схема равенства владений, Фалеас из Халкедона прямо упоминается как первый ее автор, тем самым косвенно исключая Ликурга. [692] Простое молчание Аристотеля в этой дискуссии является отрицательным аргументом, имеющим самый большой вес. Исократес [693] тоже много говорит о Спарте, как хорошего, так и плохого, - упоминает Ликурга как создателя политической конституции, очень похожей на ту, что была в первые дни Афин, - хвалит гимназии и дисциплину, и хвалит спартанцев за многие века, которые они пережили без насильственной смуты, выбивания долгов и передела земли, - этих "чудовищных зол", как он их называет. Если бы Ликург считал себя автором полного передела земли, он вряд ли смог бы избежать упоминания об этом.

Итак, оказывается, что ни один из авторов вплоть до Аристотеля не приписывает Ликургу передел земель ни в Спарте, ни в Лаконии. Утверждение об этом у Плутарха, приведенное очень подробно и с точным указанием количества и продукции, должно быть заимствовано у какого-то автора позже Аристотеля; и я думаю, что мы можем проследить его источник, изучая биографию Ликурга

у Плутарха в сочетании с биографиями Агиса и Клеомена. Это утверждение заимствовано у авторов столетия после Аристотеля, либо в эпоху, когда оба этих царя пытались принять крайние меры для обновления тонущего государства: первый - путем коренного изменения строя и собственности, предложенного и принятого в соответствии с конституционными формами; второй - с помощью аналогичных проектов, сопровождавшихся насилием для их осуществления. Накопление земельной собственности в немногих руках, умножение бедняков и уменьшение числа граждан, которые Аристотель описывает как серьезные беды, значительно усугубились в течение столетия между ним и Агисом. Число граждан, исчисляемое Геродотом во время персидского нашествия в восемь тысяч, сократилось во времена Аристотеля до тысячи, а во времена Агиса - до семисот, из которых только сто человек владели большей частью земельной собственности государства.<sup>[694]</sup> По древнему правилу Ликурга, квалификация для получения гражданства заключалась в способности внести установленную норму, полагающуюся каждому человеку, в общественную столовую: как только гражданин становился слишком бедным, чтобы выполнить это требование, он терял право голоса и право занимать должности.<sup>[695]</sup> Меньшие участки земли, хотя считались недостойным ни покупать, ни продавать их,<sup>[696]</sup> и хотя некоторые утверждали (я думаю, безосновательно), что их запрещалось делить, - становились недостаточными для многочисленных семей и, похоже, отчуждались каким-то косвенным образом в пользу богатых; в то время как любое трудолюбивое занятие было запрещено спартанскому гражданину и действительно несовместимо с его строгой личной дисциплиной, никаких других способов обеспечить свою квоту, кроме участка земли, для него не существовало. О трудностях, связанных с этими небольшими земельными участками, можно судить по тому факту, который приводит Полибий,<sup>[697]</sup> что три или четыре спартанских брата часто имели одну и ту же жену, а отцовской земли было как раз достаточно, чтобы обеспечить всех взносами на общественные нужды и тем самым сохранить гражданские права всех сыновей. Тенденция к уменьшению числа спартанских граждан, по-видимому, продолжалась непрерывно со времен персидской войны и, должно быть, усугубилась основанием Мессены с независимой территорией вокруг нее после битвы при Лектре - события, лишившего спартанцев значительной части их имущества. Кроме этих особых причин, также часто отмечалось, как статистический факт, что тесная корпорация граждан или любое небольшое количество семей, между браками между собой, и не усиленные извне, обычно имеют тенденцию к уменьшению.

В настоящее время мы не имеем возможности подробно рассматривать сочетание причин, которые частично ослабили, частично уничтожили институты Ликурга и власть Спарты. Но если взять состояние этого города во времена Агиса Третьего (около 250 года до н. э.), то мы знаем, что его граждане стали малочисленны, большинство из них нищенствовали, а вся земля находилась в руках небольшого числа людей. Старая дисциплина и общественный порядок (в том, что касалось богатых) превратились в пустую форму, - в городе поселилось множество чужеземцев или неграждан (старая ксендза, или запрет на проживание чужеземцев, была давно отменена), составлявших мощный денежный интерес; и, наконец, достоинство и возвышение государства среди соседей были полностью разрушены. Молодому энтузиасту Агису, как и многим пылким духам среди его современников, было невыносимо сравнивать этот упадок с прежней славой их страны; они не видели иного способа восстановить прежнюю Спарту, кроме как снова принять в свои ряды бесправных бедных граждан, переделить земли, списать все долги, восстановить общественный порядок и военное обучение во всей их строгости. Агис постарался провести эти подрывные меры (такие, на которые ни один демагог при крайней демократии Афин не решился бы даже взглянуть) с согласия сената и общественного собрания и при попустительстве богачей. Об искренности его намерений свидетельствует тот факт, что его собственное имущество и имущество его родственниц, одно из самых больших в государстве, было принесено в жертву общему фонду. Но он стал жертвой беспринципных соратников и погиб в безуспешных попытках реализовать свой замысел путем убеждения. Его преемник, Клеоменес, впоследствии добился

насильственными методами аналогичных перемен, хотя вмешательство иностранного оружия быстро уничтожило и его самого, и его институты.

Именно при том состоянии общественного чувства, которое породило эти проекты Агиса и Клеомена в Спарте, впервые утвердилась историческая фантазия, неизвестная Аристотелю и его предшественникам, об абсолютном равенстве собственности как первобытном институте Ликурга. Насколько такая вера способствовала бы новаторским замыслам, слишком очевидно, чтобы на это обращать внимание; и, не предполагая никакого преднамеренного самозванства, мы не можем удивляться тому, что склонности восторженных патриотов интерпретировали, согласно их собственным пристрастиям, старое незаписанное законодательство, от которого их отделяло более пяти веков. Ликургская дисциплина настойчиво внушала людям *идею* равенства граждан, то есть отрицания всякого неравенства, не основанного на каких-то личных качествах, - в той мере, в какой она уподобляла привычки, удовольствия и способности богатых бедным; и равенство, существующее в идее и тенденции, которое, казалось, провозглашало желание основателя, было растянуто позднейшими реформаторами в позитивное учреждение, которое он сначала реализовал, но от которого отступили его выродившиеся последователи. Таким образом, капризы, тоска и косвенные предположения современности приобретали характер воспоминаний о раннем, туманном и исчезнувшем историческом прошлом. Возможно, философ Сферес из Бористенеса (друг и спутник Клеомена,<sup>[698]</sup> ученик стоика Зенона, автор ныне утраченных трудов о Ликурге и Сократе, а также о конституции Спарты) был одним из тех, кто выдвинул такую гипотезу. И мы охотно поверим, что, если бы она была выдвинута, она нашла бы легкое и искреннее доверие, когда мы вспомним, сколько подобных заблуждений вошло в моду в современные времена, гораздо более благоприятные для исторической точности, - сколько ложной окраски было придано политическими чувствами последних дней таким вопросам древней истории, как саксонский Витенагемот, Великая хартия, подъем и рост английской палаты общин или даже Закон о бедных Елизаветы.

Когда мы читаем раздел земель, действительно предложенный царем Агисом, то обнаруживаем, что он является очень близкой копией оригинального раздела, приписываемого Ликургу. Он делит земли, ограниченные четырьмя пределами Пеллена, Селласии, Малей и Тайгета, на четыре тысячи пятьсот участков, по одному каждому спартанцу; а земли за этими пределами - на пятнадцать тысяч участков, по одному на каждого периека; и предлагает создать в Спарте пятнадцать фейдитий, или общественных столовых, одни из которых включают четыреста человек, другие - двести, - таким образом обеспечивая место для каждого из четырех тысяч пятисот спартанцев. Относительно дивизии, первоначально приписываемой Ликургу, существуют разные мнения. Одни считали, что он выделил девять тысяч участков для округа Спарты и тридцать тысяч для остальной Лаконии;<sup>[699]</sup> другие утверждали, что Ликург выделил шесть тысяч участков, а три тысячи были добавлены потом царем Полидором; третья версия гласила, что Ликург выделил четыре тысячи пятьсот участков, а царь Полидор - еще столько же. Эта последняя схема во многом совпадает с той, что действительно была предложена Агисом.

В предыдущем рассуждении о переделе земель, приписываемом Ликургу, я принимал эту меру в том виде, как она описана Плутархом. Однако некоторые современные авторы, признавая в целом факт такого передела, склонны отвергать рассказ Плутарха в некоторых его основных обстоятельствах. Например, то, что является главной чертой в повествовании Плутарха и что придает душу и смысл его образу законодателя - равенство разделов - теперь многими отвергается как неверное, и предполагается, что Ликург принял некоторые новые аграрные правила, направленные на общее равенство земельной собственности, но не на совершенно новый раздел; Возможно, он вернул богатым людям земли, которые они несправедливо отобрали у покоренных ахейцев, и таким образом выделил участки как для более бедных граждан, так и



для подвластных лаконцев. Таково мнение доктора Тирлуолла, который в то же время признает, что точная пропорция распределения ликургов вряд ли может быть установлена[700].

Я не могу не отнестись к утверждению Плутарха по-другому. В тот момент, когда мы отступаем от правила равенства, которое так ярко выражено в его биографии Ликура, мы вступаем в безграничное поле возможностей, в котором нет ничего, что могло бы определить нас к одной точке больше, чем к другой. Предположение д-ра Тирлуолла о землях, несправедливо отнятых у завоеванных ахейцев богатыми спартанскими владельцами, совершенно беспричинно; и если допустить, что оно верно, нам еще предстоит объяснить, как случилось, что это исправление частичной несправедливости превратилось во всеобъемлющую и систематическую меру, которую описывает Плутарх; и, кроме того, объяснить, откуда взялось, что никто из авторов ранее Плутарха не упоминает Ликурга в качестве аграрного уравнилителя. Эти две трудности все равно останутся, даже если мы упустим из виду безвозмездный характер предположения доктора Тирлуолла или любого другого предположения, которое может быть предложено относительно реальной меры Ликурга, которую, как утверждается, искажил Плутарх.

Мне кажется, что эти трудности лучше всего устранить, приняв другой канон исторической интерпретации. Мы не можем признать реальным ликургский раздел земли, описанный в жизни законодателя; но если рассматривать этот рассказ как вымысел, то перед нами открываются два варианта действий. Либо мы можем рассматривать вымысел в его нынешнем виде как преувеличение и искажение какого-то незначительного факта, а затем попытаться угадать без посторонней помощи, что это был за незначительный факт. Или же мы можем рассматривать его как вымысел от начала и до конца, выражение некой большой идеи и чувства, настолько сильного в своем воздействии на умы людей в определенное время, что побудило их выделить для него место среди реалий прошлого. Последнее предположение, примененное к временам Агиса Третьего, лучше всего соответствует рассматриваемому нами случаю. В восьмой главе "Жизни Ликурга" Плутарх, рассказывая о разделе земли, описывает сон царя Агиса, чей разум полон двух чувств: скорби и стыда за фактическое состояние своей страны, а также благоговения перед ее прошлой славой и перед законодателем, от которого исходила эта слава. Поглощенный этим двойным чувством, Агис возвращается к старой древней ликургианской Спарте, какой она была более пяти веков назад. Он видит в духе те же беды и беспорядки, что и наяву, - грубое имущественное неравенство, несколько наглых и роскошных богачей, толпы мятущихся и страдающих бедняков, между которыми царит лишь ожесточенная антипатия. Посреди этого незаконного, безропотного и разрозненного сообщества появляется почтенный миссионер из Дельф, вдыхает в умы людей новые импульсы и нетерпение избавиться от старого социального и политического Адама и убеждает богатых, добровольно отказавшихся от своих временных преимуществ, с удовлетворением принять новую систему, в которой не будет признано никаких различий, кроме доброй или злой пустыни.[701] Возродив таким образом национальный разум, он делит территорию Лаконии на равные участки, не оставляя преимущества ни за кем. Братская гармония становится господствующим чувством, а грядущие урожаи представляют собой отрадное зрелище недавно распределенного отцовского наследства с довольным, скромным и покорным братством. Такова картина, которой "озорной Онейр" обманывает воображение патриота Агиса, нашептывая ему коварную весть о том, что боги обещали ему успех в подобной попытке, и тем самым соблазняя его на роковой революционный курс, которому суждено привести его самого, его жену и его престарелую мать в темницу и на веревку палача[702].

То, что описанный золотой сон снился некоторым спартанским патриотам, несомненно, поскольку он записан у Плутарха; то, что он не снился авторам веков, предшествующих Агису, я уже постарался показать; Что искренние чувства, тоска по настоящему и жажда лучшего будущего под цветами восстановленного прошлого, наполнявшие душу этого царя и его братьев-реформаторов,

- в сочетании с тенденцией к выравниванию отношений между богатыми и бедными, которая действительно была присуща ликургской дисциплине, - были вполне достаточны, чтобы породить такую мечту и обеспечить ей место среди великих деяний старого законодателя, столь почитаемого и столь мало известного, - это я тоже считаю неоспоримым. Если бы существовали какие-либо доказательства того, что Ликург вмешивался в частную собственность в той ограниченной степени, которую представляют себе д-р Тирлуолл и другие компетентные критики, - что он вернул некоторые земли, несправедливо отнятые богачами у ахейцев, - я был бы рад записать их; но, не найдя таких доказательств, я не могу считать необходимым предполагать этот факт только для того, чтобы объяснить рассказ Плутарха[703].

Различные элементы этой истории связаны между собой и должны пониматься как части одного и того же всеобъемлющего факта или всеобъемлющей фантазии. Фиксированная сумма в девять тысяч спартанских и тридцать тысяч лаконских участков,[704] равенство между ними, и рента, получаемая с каждого, представленная определенным количеством влажной и сухой продукции, - все эти сведения в равной степени верны или в равной степени не подтверждены. На основе приведенных здесь различных цифр многие авторы произвели расчеты населения и продукции Лаконии, которые кажутся мне лишены всякого надежного основания. Те, кто принимает историю, что Ликург составлял вышеупомянутое число как граждан, так и земельных участков, и что он предполагал поддерживать оба числа в неизменной пропорции, озадачены определением средств, с помощью которых это регулирование оставалось ненарушенным. Не слишком помогает им в решении этой неловкой проблемы и заявление Плутарха, который говорит нам, что число оставалось неизменным само по себе и что преемственность переходила от отца к сыну, без консолидации или умножения участков, вплоть до того периода, когда в Спарту потекли иностранные богатства вследствие успешного завершения Пелопоннесской войны. Вскоре после этого (рассказывает он) эфором стал гражданин по имени Эпитадей - мстительный и злобный человек, который, поссорившись со своим сыном и желая отстранить его от наследования, ввел и получил санкцию на новую ретру, по которой каждый отец семейства получал право либо передать при жизни, либо завещать после смерти свой дом и свое имущество любому, кого он выберет.[705] Но очевидно, что эта история (какой бы ни была правда о семейной ссоре Эпитадея) не помогает нам выйти из затруднительного положения. От времени Ликурга до времени этого лишаящего наследства эфора прошло более четырех столетий: если бы существовали реальные причины, достаточные для сохранения в неприкосновенности одинакового числа жребиев и семей в течение этого долгого периода, мы не видим причин, по которым его новый закон, просто разрешающий и не более того, должен был бы его отменить. Плутарх не сообщает нам, каков был закон о наследовании до Эпитадея. Если все имущество по закону переходило к одному сыну в семье, то как быть с другими сыновьями, для которых трудолюбивое приобретение в любой форме было не только отвратительным, но и запрещенным? Если же, с другой стороны, имение делилось между сыновьями поровну (как это было по закону о наследовании в Афинах), как мы можем защищать сохранение неизменным общего количества участков?

Доктор Тирлуолл, признав модифицированное вмешательство Ликурга в частную собственность, чтобы потребовать от богатых определенной жертвы, чтобы создать участки для бедных и добиться чего-то, приближающегося к уравнительному производству участков для всех, замечает: "Средняя сумма ренты, которую платили обрабатывающие землю гелоты с каждого участка, была, по-видимому, не больше, чем требовалось для экономного содержания семьи из шести человек. Право передачи было так же строго ограничено, как и право пользования; вотчина была неделимой, неотчуждаемой и переходила по наследству к старшему сыну, а при отсутствии наследника мужского пола - к старшей дочери. По-видимому, после установления числа наделов было решено, что каждый из них должен быть постоянно представлен одним главой семьи. Но

характер средств, используемых для достижения этой цели, является одним из самых неясных моментов спартанской системы..... В лучшие времена содружества это, по-видимому, осуществлялось главным образом путем усыновления и браков с наследницами, что обеспечивало браки младших сыновей в семьях, слишком многочисленных, чтобы содержать их за счет собственного наследственного имущества. Тогда, вероятно, редко требовалось вмешательство государства, чтобы направить бездетного владельца поместья или отца богатой наследницы к правильному выбору. Но поскольку любое усыновление требовало санкции королей, а они также распоряжались рукой наследниц-сирот, можно не сомневаться, что магистрат имел право вмешиваться в таких случаях, даже вопреки желанию отдельных лиц, чтобы облегчить бедность и остановить накопление богатства". (Hist. Gr. ch. 8, vol. i. p. 367).

Я не могу согласиться с мнением, которое доктор Тирлуолл высказывает о состоянии собственности или о порядке ее передачи в древней Спарте. Нельзя доказать, что среди учеников Ликурга никогда не было ни той скромности владения, которую он предполагает, ни мер предосторожности для его сохранения. Наши самые ранние сведения указывают на существование богатых людей в Спарте: история царя Аристо и Агета, приведенная Геродотом, показывает нам последнего как человека, который, как можно предположить, имел только "достаточно, чтобы экономно содержать шесть человек, " - в то время как его прекрасная жена, которую Аристо выманил у него, прямо описывается как дочь богатых родителей. Спертиес и Булис, Талтибиады, принадлежат к знатному роду и входят в число самых богатых людей Спарты.[Демарат был единственным царем Спарты во времена Геродота, который одержал победу на колеснице в Олимпийских играх; но мы знаем, что во время Пелопоннесской войны Лихас, Эвагор и другие спартанцы были столь же успешны;[707] и на одного спартанца, выигравшего приз, должно было приходиться множество тех, кто разводил лошадей и неудачно запрягал колесницы. Нет нужды напоминать, что состязания колесниц в Олимпии были одним из самых значительных свидетельств богатого дома: не было и тех спартанцев, которые держали лошадей и собак без всякой цели участвовать в играх. Мы знаем от Ксенофонта, что во время битвы при Лектре "очень богатые спартанцы" предоставляли лошадей для государственной кавалерии. 708] Эти и другие доказательства существования богатых людей в Спарте не согласуются с идеей о том, что у каждого из граждан было достаточно средств для экономного содержания шести человек, не более.

Как мы не находим, что на практике в спартанской общине было именно такое положение дел с имуществом, так же мы не можем обнаружить, что законодатель когда-либо пытался сделать или сохранить его таким. Он лишь установил строгую общественную дисциплину, простую одежду и питание, обязательные как для богатых, так и для бедных (это был его особый подарок Греции, по словам Фукидида,[709] и его большая точка соприкосновения с демократией, по словам Аристотеля); но он не позаботился ни о том, чтобы сдержать обогащение первых, ни о том, чтобы предотвратить обеднение вторых. Он мало занимался распределением собственности, и такое пренебрежение - один из главных недостатков, за который его порицает Аристотель. Этот философ, правда, рассказывает, что спартанский закон сделал бесчестным (он не говорит, императивно запретил) покупку или продажу земельной собственности, но была полная свобода дарения и завещания: и те же результаты, справедливо замечает он, вытекали из терпимой практики, что и из практики, которой пренебрегали, - поскольку легко было замаскировать настоящую продажу под мнимое дарение. Он обращает внимание на тенденцию к сосредоточению собственности в Спарте в меньшем количестве рук, чему не препятствовали никакие юридические преграды: отцы выдавали своих дочерей замуж за кого хотели и давали приданое по своему усмотрению, как правило, очень большое: богатые семьи, кроме того, постоянно и без ограничений вступали в браки между собой. Все это Аристотель называет случаями, в которых закон мог бы вмешаться, должен был вмешаться, но не вмешался, - с великой

целью распространить преимущества земельной собственности как можно шире среди массы граждан. Опять же, он говорит нам, что закон поощрял размножение потомства и предоставлял льготы тем гражданам, у которых было трое или четверо детей, - но не подумал о том, как будут жить многочисленные семьи более бедных граждан или поддерживать их квалификацию за общественными столами, поскольку большая часть земель государства находилась в руках богатых. [Его внимание и осуждение закона, который ставил право голоса спартанского гражданина в зависимость от того, будет ли он продолжать вносить свою долю на общественный стол, уже упоминалось; также как и сильная любовь к деньгам [711], которую он отмечает в спартанском характере, и которая должна была постоянно поддерживать богатые семьи между собой: в то время как среди сообщества, где промышленность была неизвестна, ни один бедный гражданин никогда не мог стать богатым.

Если мы должным образом взвесим эти свидетельства, то увидим, что равенство владений не существовало на самом деле и никогда не входило в планы и тенденции законодателя в Спарте. И картина, которую доктор Тирлуолл [712] нарисовал в своей книге "Законы Спарты". Тирлуолл [712] нарисовал картину совокупности граждан, каждый которых владел участком земли, достаточным для экономного содержания шести человек, - усыновлений и браков наследниц, устроенных с намеренной целью обеспечить младших детей многочисленных семей, - вмешательство королей, чтобы обеспечить эту цель, - фиксированное количество земельных участков, каждый из которых представлен одним главой семьи, - вот одна из картин, реальность которой следует искать не на берегах Евротаса. Лучшие времена содружества", на которые он ссылается, , возможно, и существовали в светлой ретроспективе Агиса, но не признаются в трезвой оценке Аристотеля. Философ говорит нам, что в ранние времена граждане были гораздо многочисленнее, и что в его время власть общины сильно упала, мы также знаем: в этом смысле времена Спарты, несомненно, когда-то были лучше. Мы можем даже допустить, что в течение трех столетий после Ликурга, когда они постоянно приобретали новые территории и когда, по словам Аристотеля, они время от времени принимали новых граждан, так что общее число граждан однажды достигло десяти тысяч, - мы можем допустить, что в эти предыдущие столетия распределение земли было менее неравномерным, так что диспропорция между огромными размерами территории и малым числом граждан не была столь заметной, как в период, который философ наблюдал лично; Ибо причины, ведущие к усилению неравенства, действовали постоянно и непрерывно. Но это признание все равно оставляет нас далеко от эскиза, нарисованного доктором Тирлуоллом, который изображает ликургскую Спарту как начало новой аграрной схемы, недалекой от равенства земельной собственности, - граждан как спонтанно настроенных поддерживать это равенство, предоставляя необеспеченным мужчинам преимущества усыновления и браков с наследницами, - и магистрат как вмешивающийся для обеспечения этой последней цели, даже в тех случаях, когда граждане сами не желали этого. Все наши свидетельства показывают нам как решительное неравенство владений, так и склонности богатых людей, обратные тем, на которые указывает доктор Тирлуолл; и полномочия вмешательства, которые он приписывает магистрату, не могут быть поддержаны главой Геродота, на которую он, кажется, опирается. [713]

Итак, чтобы правильно представить себе ликургскую систему, насколько это позволяет неясность и отсутствие доказательств, мне кажется, что есть два существующих заблуждения, которые необходимо отбросить. Одно из них заключается в том, что эта система включала в себя передел земельной собственности на принципах точного или приблизительного равенства (в отличие от того присвоения, которое принадлежало дорийскому завоеванию и поселению) и положения о сохранении числа отдельных и равных участков. Другое дело, что впервые он был применен, когда спартанцы были хозяевами всей Лаконии. Иллюзии, созданные старой легендой, изображающей Лаконию единой страной, завоеванной одним махом, сохраняются и после того, как сама легенда была отброшена как плохое доказательство: мы не можем представить себе

Спарту существующей самой по себе, без владычества над Лаконией; ни Амиклею, ни Фарис, ни Геронтру, как действительно независимые от Спарты города. Однако если эти города были независимы во времена Ликурга, то с гораздо большей уверенностью можно утверждать, что такая же независимость была и у тех частей Лаконии, которые лежат ниже Амиклеи по долине Евротаса, а также у восточного побережья, которое, по словам Геродота, было первоначально связано с Аргосом.

Отбросив эти два предположения, мы должны рассматривать ликургову систему как примененную к Спарте и непосредственно прилегающему к ней району, отдельно от остальной Лаконии, и как не вмешивающуюся систематически в раздел имущества, каким бы он ни был, который дорийские завоеватели установили в своем первоначальном поселении. Ликург не пытается сделать бедных богатыми, а богатых - бедными; но он навязывает и тем, и другим одинаковые поработавшие учения,<sup>[714]</sup> одинаковые привычки жизни, джентльменскую праздность и неграмотную силу, одинаковые питание, одежду, труд, лишения, выносливость, наказания и подчинение. Это, по крайней мере, поучительный, хотя и неудовлетворительный, урок для студентов-политологов: при всем этом равенстве в делах он приводит к созданию сообщества, в котором не только любовь к власти, но даже любовь к деньгам получает мощное и особое развитие<sup>[715]</sup>.

Насколько далеко простирались особенности первобытной Спарты, мы не можем определить; но ее пределы в долине Евротаса, несомненно, были узкими, так как она не доходила до Амиклеи. Мы также не можем сказать, какими принципами руководствовались дорийские завоеватели при первоначальном распределении земель в пределах этого своеобразного государства. Равное распределение маловероятно, поскольку все люди в завоевательной группе редко считаются обладателями равных прав; но каким бы ни было первоначальное распределение, оно оставалось без каких-либо общих или явных нарушений до времен Агиса Третьего и Клеоменеса Третьего. Итак, перед нами первобытная Спарта, включающая дорийских воинов с их хелотскими подданными, но без периеков. И именно на этих спартанцев отдельно, возможно, после периода обострения беспорядка и беззакония, отмеченного Геродотом и Фукидидом, должна была быть первоначально наложена болезненная, но бодрящая дисциплина, о которой говорилось выше.

Постепенное завоевание Лаконии с приобретением дополнительных земель и новых гелотов, а также формирование ордена периеков, которое было следствием этого, следует рассматривать как результат введения ликургской системы в Спарте и как частичное следствие увеличения силы, которую эта система придавала. Завоевательная карьера продолжалась, начиная с Телеклуса, почти три столетия, - правда, с некоторыми перерывами, а в случае Мессенской войны - с отчаянной и даже шаткой борьбой, - так что во времена Фукидида и некоторое время до этого спартанцы владели двумя пятыми Пелопоннеса. И эта череда новых приобретений и побед маскировала действительно слабое место спартанской системы, позволяя либо поселить более бедных граждан в качестве периеков в завоеванном городе, либо снабдить их участками земли, с которых они могли получать продукцию, не покидая города, - таким образом, предотвращая сокращение их численности и военной силы. Аристотель даже утверждает,<sup>[716]</sup> что в эти ранние времена они увеличивали число своих граждан за счет нового приема, что, конечно же, подразумевало приобретение дополнительных участков земли. Но успешная война, если воспользоваться выражением, заимствованным у того же философа, была необходима для их спасения: за установлением их господства и максимальной территории последовали, через не очень большой промежуток времени, симптомы упадка.<sup>[717]</sup> Далее будет показано, что в



период заговора Кинадона (395 г. до н. э.) полноправные граждане (называемые *Нотоіοі*, или *Peers*) значительно уступали в численности *Нуротеіϝνες*, или спартамцам, которые уже не могли обеспечить свою квалификацию и стали бесправными. Потеря, понесенная таким образом, была очень слабо исправлена признанной практикой, к которой иногда прибегали богатые люди, объединяя со своими собственными детьми детей более бедных граждан и выплачивая за них взнос на общественные столы, чтобы дать им возможность пройти предписанный курс образования и дисциплины, - и таким образом они становились (под титулом или прозвищем *Μοθᾱκες*<sup>[718]</sup>) гражданами, с некоторым оттенком неполноценности, но иногда назначались на почетные должности.

Лакония, государство и территория лакедемонян, как утверждалось, во времена своего наибольшего расширения включала в себя сто городов<sup>[719]</sup> - это после завоевания Мессении; так что она включала в себя всю южную часть Пелопоннеса, от Тиреи, на Арголическом заливе, до южного берега реки Недон, впадающей в Ионическое море. Но Лакония, более строго называемая так, отличалась от Мессении и обозначала ту часть вышеупомянутой территории, которая лежала к востоку от горы Тайгет. Завоевание Мессении спартамцами мы сейчас затронем, но о завоевании собственно Лаконии мы знаем очень плохо. До правления Телеклуса, как уже отмечалось, Амikleя, Фарис и Геронтра оставались ахейцами: в правление этого царя они были впервые завоеваны, а ахейцы либо изгнаны, либо покорены. Нельзя сомневаться, что Амikleя и раньше была значимым местом: по героической древности и памятникам этот город, как и Ферарны, кажется, превосходил Спарту. И война спартамцев против него представлена как борьба, имеющая определенное значение, - ведь в те времена захват любого города, обнесенного стеной, был утомительным и трудным. Тимомах, эгеид из Фив,<sup>[720]</sup> во главе отряда своих соотечественников, как говорят, оказал спартамцам существенную услугу в завоевании ахейцев Амikleи; и храброе сопротивление последних было отмечено памятником, воздвигнутым Зевсу Трофею в Спарте, который еще можно было увидеть во времена Павсания.<sup>[721]</sup> Ахейцы Фариса и Геронтры, встревоженные судьбой Амikleи, как говорят, сдали свои города почти без сопротивления, после чего жители всех трех городов, полностью или частично, ушли в изгнание за море, уступив место колонистам из Спарты.<sup>[722]</sup> С этого времени, согласно Павсанию, Амikleя продолжала оставаться деревней.<sup>723</sup> Но поскольку амиклейские гоплиты составляли ценную часть спартанской армии, она должна была быть причислена к городам Периеки, как один из ста;<sup>724</sup> различие между зависимым городом и деревней не было очень строго проведено. Праздник Гиацинтов, отмечавшийся в большом храме Амikleи Аполлона, был одним из самых торжественных и почитаемых в спартанском календаре.

Именно во времена Алкаменеса, сына Телекла, спартамцы завоевали Гелус, приморский город на левом берегу Евротаса, и обратили его жителей в рабство, от названия которого,<sup>[725]</sup> по мнению разных авторов, произошло общее название "*гелоты*", принадлежащее всем крепостным Лаконии. Но о завоевании других городов Лаконии - Гитея, Акрии, Ферарны и т. д., - или восточных земель на побережье Арголического залива, включая Брасию и Эпидавр-Лимеру, или острова Кифа, которые в свое время принадлежали Аргейской конфедерации, у нас нет никаких сведений.

Как ни скудны наши сведения, они позволяют лишь констатировать постепенное увеличение силы и владычества спартамцев в результате организации Ликурга. Дальнейшее проявление этого прогресса, помимо завоевания ахейцев на юге Телеклом и Алкаменесом, мы находим в их успешном противостоянии огромной силе Фидона Аргейского, о котором говорилось в

предыдущей главе. Теперь мы подходим к долгим и трудным усилиям, с помощью которых они подчинили себе своих братьев - мессенских дорийцев.

---

## ГЛАВА VII. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ МЕССЕНСКИЕ ВОЙНЫ.

То, что между лакедемонянами и мессенцами было два длительных противостояния, и в обоих первые одержали полную победу, - факт, достаточно подтвержденный. И если бы мы могли доверять утверждениям Павсания - нашего главного и почти единственного авторитета в этом вопросе, - мы могли бы изложить историю обеих этих войн во всех подробностях. Но, к сожалению, происшествия, о которых повествует этот писатель, были собраны из источников, которые, даже по его собственному признанию, не заслуживают доверия, - от Риана, поэта из Бэнка в Крете, который написал эпическую поэму об Аристоменесе и второй Мессенской войне около 220 года до н. э., и от Мирона из Приэнки, автора прозы, чья дата точно не известна, но относящегося к александрийской эпохе, а не ранее третьего века до христианской эры. От Риана мы не вправе ожидать достоверной информации, а точность Мирона сильно преуменьшена самим Павсанием - в некоторых моментах даже слишком сильно, как будет показано далее. Но если не принимать во внимание умственные привычки прозаика или поэта, не похоже, что кому-то из них были доступны какие-либо хорошие средства познания, за исключением поэм Тиртея, к которым мы ни в коем случае не уверены, что они когда-либо обращались. Рассказ о двух войнах, полученный Павсанием от этих двух авторов, представляет собой набор *таблиц*, некоторые из которых, действительно, очень поэтичны, но лишены исторической связности или достаточности: О. Мюллер справедливо заметил, что "в них не приводится абсолютно никакой причины для подчинения Мессении"[726] Это рассказы, недостойные того, чтобы быть подробно переписанными на страницы подлинной истории, и мы не можем претендовать на что-то большее, чем проверка нескольких основных фактов войны.

Поэт Тиртеус сам участвовал на стороне спартанцев во второй войне, и именно от него мы узнаем несколько неоспоримых фактов, касающихся как первой, так и второй. Если бы мессенцы никогда не были вновь основаны в Пелопоннесе, мы, вероятно, никогда бы не услышали никаких дальнейших подробностей об этих ранних столкновениях. Это восстановление, а также первое основание города под названием Мессен на горе Истоме, было одной из главных ран, нанесенных Спарте Эпаминондом в 369 году до н. э. - между тремястами и двумястами пятьюдесятью годами после окончания второй Мессенской войны. Потомки старых мессенцев, которые в течение столь долгого времени оставались без какого-либо постоянного места в Греции, были включены в новый город вместе с различными гелотами и другими переселенцами, не имевшими права на подобную генеалогию. Боги и герои мессенской расы были благоговейно призваны на этой великой церемонии, особенно великий герой Аристоменес;[727] а место на горе Итоте, пыл новообразованных граждан, ненависть и опасения Спарты, действующие как мощный стимул к созданию и умножению того, что называется *традициями*, достаточно, чтобы расширить немногие известные факты о борьбе старых мессенцев до множества деталей. Почти во всех этих историях мы обнаруживаем неблагоприятную для Спарты окраску, что резко контрастирует с рассказом Исократеса в его "Рассуждениях Архидамы", где мы читаем взгляд, который спартанец мог бы принять о древних завоеваниях своих предков. Но ясным доказательством того, что эти мессенские истории не имели реальной основы традиции, служат противоречивые

утверждения относительно главного героя Аристоменеса; одни относят его к первой, другие - ко второй из двух войн. Диодор и Мирон поместили его в первую, а Риап - во вторую. Хотя Павсаний считает, что рассказ последнего предпочтительнее и что Аристоменес действительно относится ко второй Мессенской войне, мне кажется, что одно утверждение заслуживает доверия в той же степени, что и другое, и что нет достаточных доказательств, чтобы решить между ними, - вывод, который в основном совпадает с мнением Весселинга, который считает, что было два человека по имени Аристоменес, один в первой, а другой во второй войне.[728] Эта неразрешимая путаница в отношении величайшего имени в мессенской древности показывает, насколько мало здесь можно распознать подлинный поток традиции.

Павсаний считает, что первая Мессенская война началась в 743 г. до н. э. и продолжалась до 724 г. до н. э., а вторая - началась в 685 г. до н. э. и продолжалась до 668 г. до н. э. Ни одна из этих дат не опирается на другие. Ни одна из этих дат не опирается на какой-либо положительный авторитет; но время, назначенное для первой войны, кажется вероятным, в то время как время второй, очевидно, слишком раннее. Тиртеус подтверждает как продолжительность первой войны - двадцать лет, так и выдающиеся заслуги спартанского царя Теопомпа.[729] Кроме того, он говорит, что во время второй войны "отцы наших отцов завоевали Мессену"; таким образом, нечетко указывая на относительную дату этих двух войн.

Спартанцы (как мы узнаем от Исократы, чьи слова относятся к тому времени, когда город Мессен был основан совсем недавно) утверждали, что захватили эту территорию отчасти в отместку за нечестивость мессенцев, убивших своего собственного царя, Гераклида Кресфонтеса, чей родственник обратился за помощью к Спарте, - отчасти по приговору дельфийского оракула. Таковы были причины, побудившие их сначала вторгнуться в страну, и они завоевали ее после двадцатилетней борьбы.[730] Объяснения лакедемонян, приведенные Павсанием, по большей части представляются контрпримерами, составленными после того, как стала распространяться мессенская версия, очевидно, интересная и популярная.

Уже говорилось, что у лакедемонян и мессенцев был совместный пограничный храм и жертвоприношение в честь Артемиды Лимнатис, восходящие к самым ранним временам их обоснования в Пелопоннесе. Место расположения этого храма, близ верхнего течения реки Недона, в гористой местности к северо-востоку от Каламаты, но к западу от самого высокого хребта Тайгета, недавно было точно установлено, и, похоже, в эти ранние дни принадлежал Спарте. То, что ссора началась на одном из этих пограничных жертвоприношений, утверждают обе стороны, лакедемоняне и мессенцы. По версии последних, лакедемонский царь Телекл заманил мессенцев в ловушку, нарядив нескольких молодых спартанцев девственницами и дав им кинжалы; после этого начался поединок, в котором спартанцы были побеждены, а Телекл убит. О том, что Телекл был убит в храме мессенцами, рассказывали и спартанцы, но они утверждали, что он был убит при попытке защитить лакедемонских девушек, приносивших жертву в храме, от возмутительного насилия со стороны мессенской молодежи.[731] Несмотря на смерть этого царя, война началась только спустя некоторое время, когда Алкаменес и Теопомп были царями в Спарте, а Антиох и Андроклес, сыновья Финтаса, царями в Мессении. Непосредственной причиной стала частная ссора между мессенцем Полихаресом (победителем на четвертой Олимпиаде 764 года до н. э.) и спартанцем Евфнусом. Полихарх, получив от Евфнуса грубую обиду и отвергнув в Спарте его требование о возмещении ущерба, стал мстить, нападая на других лакедемонян; мессенцы отказались выдать его, хотя один из двух царей, Андроклес,

решительно настаивал на этом и так настойчиво отстаивал свое мнение против противоположного мнения большинства и своего брата Антиоха, что поднялись волнения, и он был убит. Лакедемоняне, решив начать войну, нанесли первый удар без всякого официального заявления, захватив пограничный город Амфию и предав его защитников мечу. Далее они вторглись на территорию Мессении и напали на некоторые другие города, но безуспешно. Евфес, сменивший на посту мессенского царя своего отца Антиоха, собрал все силы страны и энергично и смело начал войну против них. Первые четыре года войны лакедемоняне не продвигались вперед и даже вызывали насмешки стариков своего народа как слабые воины; на пятый год, однако, они предприняли более энергичное вторжение под руководством двух своих царей, Теопомпа и Полидоруса, которые были встречены Эвфазом со всеми силами мессенцев. Завязалась отчаянная битва, в которой, похоже, ни одна из сторон не получила большого преимущества: тем не менее, мессенцы оказались настолько ослаблены ею, что были вынуждены укрыться на укрепленной горе Итоме, покинув остальную часть страны. В бедственном положении они послали просить совета и защиты в Дельфы, но их гонец принес ужасающий ответ, что для их спасения необходимо принести в жертву девственницу из царского рода Эпитуса: в последующей трагической сцене Аристодем предает смерти собственную дочь, не удовлетворив при этом требования оракула. Война продолжалась, и на тринадцатом году произошла еще одна ожесточенная битва, в которой был убит храбрый Евфес, но результат снова оказался нерешительным. Аристомем, избранный царем вместо него, упорно продолжал войну: пятый год его правления ознаменовался третьей битвой, в которой спартам помогали коринфяне, а аркадяне и сикионцы выступили на стороне Мессении; победа была одержана на стороне Аристодема, и лакедемоняне были изгнаны на свою собственную территорию.[732] Теперь настала их очередь отправлять посланников и просить совета у дельфийского оракула; остальные события войны представляют собой ряд, частично, хитроумных уловок для выполнения предписаний жрицы, частично - чудес, в которых божественный гнев проявляется против мессенцев. Царь Аристомем, мучимый мыслью о том, что он убил собственную дочь, не спасая свою страну, покончил с жизнью.[733] На двадцатом году войны мессенцы оставили Итомок, который лакедемоняне разрушили до основания; остальная часть страны была быстро завоевана, а те жители, которые не бежали ни в Аркадию, ни в Элевсис, были приведены к полной покорности.

Таково сокращенное изложение того, что Павсаний[734] дает как рассказ о первой Мессенской войне. Большинство его деталей несут на себе явную печать позднего романа; легко заметить, что последовательность событий не дает правдоподобного объяснения тому, что действительно неоспоримо, - результату. Двадцатилетняя война и окончательное оставление Итама засвидетельствованы Тиртеем вне всяких сомнений, равно как и суровое обращение с побежденными. "Как ослы, изможденные тяжелой ношей", [735] говорит спартанский поэт, "они были вынуждены отдавать своим хозяевам целую половину урожая своих полей и приходиться в одежде скорби в Спарту, сами и их жены, как плакальщики при кончине царей и главных лиц". Восстание их потомков против столь деспотичного ига получило название второй Мессенской войны.

Если бы мы располагали рассказом о первой Мессенской войне в изложении Мирона и Диодора, он, очевидно, сильно отличался бы от приведенного выше, поскольку они включили в него Аристоменеса, и ему были бы приписаны главные роли. В том виде, в каком повествование ведется у Павсания, мы знакомимся с этим великим мессенским героем - Ахиллом из эпоса Риана[736] - только во время второй войны, в которой его гигантские размеры заметно выдаются вперед. Он - великий защитник своей страны в трех сражениях, которые представлены как происходящие во время этой войны: первое - с нерешительным

результатом при Дерэ; второе - значительная победа мессенцев при Кабаньей могиле; третье - столь же значительное поражение, вследствие предательского бегства Аристократа, царя аркадского Орхомена, который, якобы приняв союз с мессенцами, получил взятку от Спарты. Трижды Аристоменес приносил Зевсу-Итоматесу жертву, называемую Гекатомфонией,<sup>[737]</sup> предназначенную для тех, кто своими руками убил в бою сто врагов. Во главе отборного отряда он не раз совершал вылазки в самое сердце лакедемонской территории, заставлял врасплох Амиклею и Фарис, а ночью даже проникал в неукрепленные пределы самой Спарты, где в знак неповиновения вешал свой щит в храме Афины Халкии. Трижды его брали в плен, но в двух случаях он чудесным образом спасся, прежде чем его успели доставить в Спарту; третий случай был более фатальным, и по приказу спартанцев его бросили в Кеады, глубокую скалистую впадину в горе Тайгет, в которую они имели обыкновение сбрасывать преступников. Но даже в этой чрезвычайной ситуации божественная помощь<sup>[738]</sup> не помешала ему. В то время как пятьдесят мессенцев, разделивших его наказание, погибли от удара, он один был поддержан богами, чтобы достичь дна неведимым, и смог найти неожиданное средство спасения. Когда, потеряв всякую надежду, он завернулся в свой плащ, чтобы умереть, он заметил лису, ползавшую среди мертвых тел; дождавшись, пока животное приблизится к нему, он схватил его за хвост, защищаясь от его укусов, как мог, с помощью своего плаща; и, найдя таким образом отверстие, через которое вошла лиса, расширил его настолько, что смог вылезти сам. К удивлению друзей и врагов, он снова появился в Эйре, живой и энергичный. Эту укрепленную гору на берегу реки Недон и недалеко от Ионического моря заняли мессенцы после битвы, в которой их предал аркадянин Аристократес; именно там они сосредоточили все свои силы, как и в прежней войне при Итоме, оставив остальные районы страны. Под руководством Аристоменеса и при содействии пророка Феокла они удерживали эту сильную позицию в течение одиннадцати лет. В конце концов, они были вынуждены оставить ее; но, как и в случае с Итомеком, решающими обстоятельствами стали не храбрость или организованность лакедемонян, а вероломное предательство и уловки, ставшие продолжением рокового указа богов. Не в силах дольше удерживать Эйру, Аристоменес с сыновьями и соотечественниками пробился через нападавших и покинул страну, некоторые из них ушли в Аркадию и Элиду, а в конце концов переселились в Регий. Сам он провел остаток своих дней на Родосе, где жил вместе со своим зятем Дамагетом, родоначальником знатного родосского рода Диагоридов, прославившегося многочисленными олимпийскими победами.

Таковы основные черты того, что Павсаний называет<sup>[739]</sup> второй Мессенской войной, или того, что скорее следовало бы назвать Аристоменею поэта Риана. То, что после основания Мессены и отъезда изгнанников Эпаминондом благосклонность и доверие вызвали многочисленные рассказы о доблести древнего героя, которого они призывали<sup>[740]</sup> в своих возлияниях, - рассказы, рассчитанные на то, чтобы заинтересовать воображение, оживить патриотизм и разжечь антиспартанские антипатии новых жителей, - не подлежит сомнению. И мессенские девы того времени вполне могли петь во время своих публичных жертвоприношений,<sup>[741]</sup> как "Аристоменес преследовал летающих лакедемонян до середины равнины Стениклёра и до самой вершины горы". Риан, несомненно, заимствовал из таких рассказов, которые не следует называть *традициями*; но если бы требовалось доказательство того, насколько полно он рассматривал свои материалы с точки зрения поэта, а не историка, мы должны были бы найти его в замечательном факте, отмеченном Павсанием. Риан представляет Леотихида как царя Спарты во время второй Мессенской войны; Леотихид же, как замечает Павсаний, воцарился лишь спустя полтора столетия после этого, во время персидского нашествия<sup>[742]</sup>.



Великому защитнику Мессении в этой войне на стороне Спарты мы можем противопоставить другую замечательную личность, менее яркую как романтический персонаж, но более интересную во многих отношениях для историка, - я имею в виду поэта Тиртея, уроженца Офидны в Аттике, неопределимого союзника лакедемонян на протяжении большей части этой второй борьбы. Согласно одной из историй, которая, однако, отчасти похожа на хвастовство поздних аттических ораторов, спартанцы, удрученные первыми успехами мессенцев, обратились к дельфийскому оракулу, и им было велено попросить вождя у Афин. Афиняне согласились и послали Тиртея, которого Павсаний и Юстин представляют как хромого и школьного учителя, отправленного с целью номинально повиноваться оракулу, но не оказавшего реальной помощи.<sup>[743]</sup> Это, похоже, окраска, приданная этой истории более поздними авторами, но вмешательство афинян в это дело в любом случае заслуживает мало доверия.<sup>[744]</sup> Более вероятным представляется, что легендарная связь Диоскуров с Афидной, воспетая в то время или около того поэтом Алкманом, привела к тому, что через дельфийский оракул в Спарте появился афиднейский поэт. О хромоте Тиртея мы ничего не можем сказать, но то, что он был школьным учителем (если мы вынуждены использовать неподходящий термин), весьма вероятно, поскольку в те времена менестрели, которые сочиняли и пели стихи, были единственными людьми, от которых молодежь получала хоть какое-то обучение. Кроме того, его влияние на юношеский ум особенно заметно в комплименте, который впоследствии сделал ему царь Леонид: "Тиртеус был искусен в щекотании душ молодежи". "Мы видим достаточно, чтобы убедиться, что по рождению он был чужеземцем, хотя и стал спартанцем благодаря полученному впоследствии гражданству, - что он был послан через дельфийский оракул, - что он был впечатляющим и эффективным менестрелем, и что, кроме того, у него хватало проницательности, чтобы использовать свои таланты для текущих целей и различных нужд; он мог не только оживить угасающее мужество побежденного воина, но и успокоить недовольство мятежников. В том, что его песни, долгое время сохранявшие популярность среди спартанцев,<sup>[746]</sup> во многом способствовали окончательному исходу этой войны, нет причин сомневаться; и не только его имя свидетельствует о восприимчивости спартанского ума в те времена к музыке и поэзии. Первое учреждение карнейского праздника с его музыкальными состязаниями в Спарте приходится на период, отнесенный Павсанием ко второй Мессенской войне: лесбийский арфист Терпандер, получивший первый зафиксированный приз на этом празднике, как утверждается, был послан спартанцами по поручению дельфийского оракула и стал средством умирения мятежа. Таким же образом критянин Талетас был приглашен сюда во время моровой язвы, которую его искусство, как утверждается, способствовало излечению (около 620 года до н. э.); а Алкман, Ксенокрит, Полимнаст и Сакадас, все иностранцы по происхождению, нашли благоприятный прием и приобрели популярность благодаря своей музыке и поэзии. За исключением Сакадаса, который появился немного позже, все эти имена относятся к одному веку с Тиртеем, между 660 г. до н. э. и 610 г. до н. э. Мода, которую долго сохраняла спартанская музыка, приписывается главным образом гению Терпандра<sup>[747]</sup>.

Обучение, в котором спартанец проходил всю свою жизнь, состояло из воинских, общественных и религиозных упражнений, смешанных воедино. Пока отдельный человек, укрепленный гимнастикой, проходил свои болезненные уроки усталости, выносливости и агрессии, граждане в целом находились в постоянной привычке к одновременному и упорядоченному движению в военном марше, в религиозном танце и в общественной процессии. Музыка и песни, постоянно используемые для того, чтобы направлять и поддерживать дух<sup>[748]</sup> этих многочисленных движений, стали ассоциироваться с самыми сильными чувствами, которые привычное самообеспечение спартанца позволяло вызывать, и особенно с теми симпатиями, которые сразу же передаются собравшейся толпе;

действительно, музыкант и менестрель были единственными людьми, которые когда-либо обращались к чувствам лакедемонского собрания. Более того, простая музыка того раннего времени, хотя и лишенная художественных достоинств и вытесненная впоследствии более сложными комбинациями, имела, тем не менее, ярко выраженный этический характер; она гораздо сильнее воздействовала на импульсы и решения слушателей, хотя и щекотала слух менее благодарно, чем научные композиции последующих дней. Кроме того, каждый конкретный музыкальный стиль оказывал соответствующее воздействие на психику: фригийский лад вызывал дикие и безумные порывы; дорийский лад создавал устоявшееся и обдуманное решение, освобождающее как от уныния, так и от бурных чувств.<sup>[749]</sup> То, что называют дорийским ладом, в действительности, по-видимому, является старым исконно греческим ладом, в отличие от фригийского и лидийского, - трех примитивных ладов, разделенных и объединенных только в более поздние времена, с которыми познакомились первые греческие музыканты. Название "дорийский" он, вероятно, получил благодаря музыкальной славе Спарты и Аргоса в седьмом и шестом веках до христианской эры; но он в равной степени принадлежал аркадянам и ахейцам, а также спартамцам и аргейцам. И выраженные этические эффекты, производимые как дорийским, так и фригийским ладами в древние времена, являются фактами, прекрасно подтвержденными, как бы трудно их ни было объяснить в рамках общей теории музыки.

Поэтому впечатление, произведенное Тиртеем в Спарте его боевой музыкой и категорическими призывами к храбрости в поле, а также к единению дома, должно было быть очень значительным, что вполне соответствует характеру эпохи и народа; тем более, что он, как представляется, появился в соответствии с предписанием Дельфийского оракула. Однако из сохранившихся скудных фрагментов его элегий и анапест мы можем убедиться только в двух фактах: во-первых, что война была долгой, упорной и опасной как для Спарты, так и для мессенцев; во-вторых, что другие партии в Пелопоннесе принимали участие с обеих сторон, особенно на стороне мессенцев. Нападения последних на спартанскую территорию были столь частыми и изнурительными, что значительная часть пограничных земель осталась невозделанной: наступила нехватка, и владельцы опустевших ферм, доведенные до отчаяния, потребовали передела земельной собственности в государстве. Именно для успокоения этих недовольств и пригодилась поэма Тиртея, названная Эвномией, "Правовой порядок".<sup>[750]</sup> Кажется несомненным, что значительная часть аркадян, вместе с пизатами и трифилийцами, участвовала в войне с мессенцами; есть также некоторые утверждения, причисляющие элейцев к их союзникам, но это не представляется вероятным. Скорее всего, дело обстоит так, что старая ссора между элейцами и пизатами за право председательствовать на Олимпийских играх, вспыхнувшая еще в предыдущем веке, в правление аргейца Фидона, продолжалась. Пизанцы и трифилийцы, не желая быть зависимыми от Элиды, участвовали вместе с подвластными им мессенцами, а властители Элиды и Спарты вели общее дело, как и прежде против Фидона.<sup>[751]</sup> Панталеон, пизанский царь, восставший из Элиды, выступил в качестве командира своих соотечественников в сотрудничестве с мессенцами; он также известен тем, что в период 34-й Олимпиады (644 г. до н. э.) отправил в поход тело, которое было в состоянии управлять Олимпийскими играми. Этот праздник, а также 8-я Олимпиада, в которую вмешался Фидон, и 104-я Олимпиада, на которую пришли аркадяне, всегда отмечались в элейском реестре как неолимпиады, или неофициальные праздники. Мы можем обоснованно связать этот временный триумф пизанцев с Мессенской войной, поскольку они не могли сравниться с элейцами в одиночку, а братство Спарты с Элидой полностью соответствует схеме пелопоннесской политики, которая, по нашим наблюдениям, была распространена еще до и во времена Фидона.<sup>[752]</sup> Таким образом, вторая Мессенская война начинается где-то около 33-й Олимпиады, или 648 года до н. э., между семьюдесятью и восемьдесятью годами после окончания первой, и

продолжалась, согласно Павсанию, семнадцать лет; согласно Плутарху, более двадцати лет[753].

Многие мессенцы, покинувшие свою страну после этого второго завоевания, как говорят, нашли приют и сочувствие у аркадян, которые приняли их в новом доме и отдали им своих дочерей в жены; кроме того, они жестоко наказали измену Аристократа, царя Орхомена, бросившего мессенцев в битве при Траншеях. Этот вероломный вождь был предан смерти, а его род свергнут с престола, а преступление и наказание было отмечено надписью, которую можно увидеть возле алтаря Зевса Ликейского в Аркадии. Надпись, несомненно, существовала во времена Каллистенеса, в поколение после восстановления Мессены. Но существовала ли она до этого события, и какова доля правды в рассказе Аристократа, мы не можем определить:[754] сын Аристократа, по имени Аристодем, как утверждается в другом источнике, царствовал после этого в Орхомене.[755] Что ярко выражено, так это симпатии аркадян и мессенцев против Спарты, - настроения, которые были в полной силе во время восстановления Мессены.

Таким образом, вторая Мессенская война завершилась полным покорением мессенцев. Те из них, кто остался в стране, попали в рабство, вероятно, не менее тяжелое, чем то, которое, по описанию Тиртея, они перенесли между первой и второй войной. Впоследствии вся территория, которая на карте обозначена как Мессения, - к югу от реки Недон и к западу от вершины Тайгета - появляется как подчиненная Спарте и как западная часть Лаконии; она распределяется, в какой пропорции, мы не знаем, между перизкийскими городами и гелотскими деревнями. Каким путем или после какого сопротивления спартанцы завоевали эту страну, мы не знаем; но нам говорят, что они передали Асинк изгнанным дриопам с Арголического полуострова, а Мотонк - беглецам из Науплии.[756] Мы не слышим ни о каком серьезном восстании против Спарты на этой территории до сто пятьдесят лет спустя,[757] после вторжения персов, - восстания, которое Спарте, после серьезных усилий, удалось подавить. Таким образом, эта территория оставалась в ее власти вплоть до поражения при Лейктре, которое привело к основанию Мессены Эпаминондасом. Плодородие равнин, особенно центральной части у реки Памис, столь восхваляемое наблюдателями, как современными, так и древними, делало ее очень ценным приобретением. В то или иное время она, конечно, должна была быть официально разделена между спартанцами, но вполне вероятно, что различные и последовательные распределения происходили по мере завоевания различных частей территории, как к востоку, так и к западу от Тайгета. Обо всем этом у нас нет никаких сведений[758].

Поскольку эти две мессенские войны известны нам в несовершенном виде, мы можем увидеть достаточно, чтобы сделать два замечания. Обе они были утомительными, затяжными и болезненными, показывающими, как медленно подводились итоги войны, и служащими дополнительной иллюстрацией, доказывающей, насколько быстрое и мгновенное завоевание Лаконии и Мессении дорийцами, о котором рассказывает легенда о Гераклиде, противоречит историческим аналогиям. Оба случая характеризовались схожими оборонительными действиями стороны мессенцев - занятием труднодоступной горы и укреплением ее для специальной цели и сопротивления, - Итоме (на которой, как говорят, уже был небольшой город) в первой войне, Эйре во второй. Отсюда можно сделать вывод, что ни их главный город Стениклер, ни какой-либо другой город в их стране не был сильно укреплен, чтобы выдержать осаду; что среди них не было городов, обнесенных стенами, аналогичных Микенам и Тирину в восточной части Пелопоннеса; и что, возможно, то, что называлось городами, было, как и сама Спарта, скоплением неукрепленных деревень.

Последующее состояние гелотизма, в которое они перешли, согласуется с этим рассеянным деревенским проживанием в период их свободы.

Отношения Пизы и Элиды являются подходящим аналогом и продолжением отношений Мессении и Спарты. Не желая быть подданными, пизанцы оказали помощь мессенцам, и их царь Панталеон, один из предводителей объединенных сил, добился столь значительного временного успеха, что лишил элейцев агонотесии или управления играми на одну олимпийскую церемонию в 34-й Олимпиаде. Хотя они снова были низведены до состояния подданных, они проявили склонность возобновить свое восстание в 48-й Олимпиаде, при Дамофоне, сыне Панталеона, и элейцы отправились в их страну, чтобы усмирить их, но были убеждены отступить протестами о покорности. Вскоре после этого при Пирре, брате Дамофона, вспыхнуло серьезное восстание. Жители Диспентия и других деревень в Пизатиде, при поддержке жителей Макиста, Скилла и других городов Трифилии, взялись за оружие, чтобы сбросить иго Элиды; но их силы оказались недостаточными для этого дела. Они были полностью покорены; Диспантиум был разрушен, а его жители вынуждены были бежать из страны, откуда большинство из них эмигрировало в колонии Эпидамн и Аполлония в Эпире. Жители Макистуса и Скиллуса также были изгнаны из своих мест, а территория стала подчиняться Элису более основательно, чем раньше. Эти события, по-видимому, произошли около 50-й Олимпиады, или 580 г. до н. э.; таким образом, господство Элиды над ее перизкийской территорией было так же надежно обеспечено, как и Спарты.<sup>[759]</sup> Отдельные названия Пизы и Трифилии все больше и больше сливались с суверенным именем Элиса: один только город Лепреум в Трифилии, кажется, сохранял отдельное название и своего рода полуавтономию вплоть до Пелопоннесской войны, не без вечной борьбы с элейцами.<sup>[760]</sup> Но к периоду Пелопоннесской войны политические интересы Лакедемонии значительно изменились, и ей было выгодно поддерживать независимость подчиненных государств от вышестоящих: соответственно, в это время мы видим, что она поддерживает автономию Лепреума. По какой причине произошло опустошение трифилийских городов Элидой, о котором упоминает Геродот, как о случившемся в его время, мы не знаем; Факт, по-видимому, указывает на постоянную тоску по их первоначальной независимости, которая все еще отмечалась, вплоть до гораздо более позднего периода, древней Амфиктионией в Самикуме, в Трифилии, в честь Посейдона, - общего религиозного праздника, посещаемого всеми трифилийскими городами и отмечаемого жителями Макиста, которые разослали вокруг прокламацию о формальном перемирии на священный период.<sup>[761]</sup> Лакедемоняне, после окончания Пелопоннесской войны, оставившей их бесспорными главами Греции, официально поддерживали независимость трифилийских городов от Элиса и, похоже, поощряли их стремление присоединиться к аркадской совокупности, которое, однако, так и не было доведено до конца. Их зависимость от Элиды стала слабой и неопределенной, но так и не была полностью снята<sup>[762]</sup>.

---

## ГЛАВА VIII.

### ЗАВОЕВАНИЯ СПАРТЫ В АРКАДИИ И АРГОЛИДЕ.

В последних двух главах я описал, насколько позволяют наши несовершенные свидетельства, как Спарта овладела южной частью Лаконии вдоль побережья Евротаса до

его устья и Мессенией на запад. Теперь следует описать ее продвижение к Аркадии и Арголиде, чтобы привести ее к тому положению, которое она занимала во время правления Пейсистрата в Афинах, или около 560-540 гг. до н. э., - время, когда она достигла максимума своих территориальных владений и когда она, по общему признанию, была главенствующим государством в Элладе.

Центральная область Пелопоннеса, называемая Аркадией, никогда не принимала эмигрантов извне. Ее коренные жители - сильная и выносливая раса горцев, самое многочисленное эллинское племя на полуострове и постоянный приют для наемных войск,[763] - были одними из самых грубых и бедных греков, сохраняя в течение долгого времени свое первоначальное деление на ряд мелких деревушек, каждая из которых была независима от другой; В то время как союз всех, кто носил аркадское имя, - хотя у них были некоторые общие жертвоприношения, такие как праздник ликейского Зевса, Деспоины, дочери Посейдона и Деметры, и Артемиды Гимнии,[764] - был более свободным и неэффективным, чем у греков вообще, как в Пелопоннесе, так и за его пределами. Жители аркадских деревень обычно обозначались названиями областей, совпадающих с определенными этническими подразделениями, - Азаны, Паррасии, Мæналии (прилегающие к горе Мæналус), Эвтресии, Эгитæ, Скиритæ и т. д.[765] Однако существовали и значительные города - скопления деревень или демов, которые когда-то были автономными. Главными из них были Тегея и Мантинея, граничившие с Лаконией и Арголидой, Орхомен, Феней и Стимфал на северо-востоке, на границе с Ахайей и Флием, Клейтор и Герцея на западе, где страна отделена от Элиды и Трифилии лесистыми горами Фолоэ и Эриманф, и Фигалея на юго-западной границе близ Мессении. Самыми мощными из всех были Тегея и Мантинея,[766] сопредельные города, почти равные по силе, разделявшие между собой холодную и высокую равнину Триполицы и разделенные одним из тех капризных потоков, которые уходят только через катаботру. Регулировать сток этой воды было непростой задачей, требовавшей дружеского сотрудничества обоих городов: и когда их частые ревности приводили к ссорам, более агрессивный из них в качестве одного из средств раздражения затоплял территорию своего соседа. Власть Тегеи, выросшей из девяти составляющих ее поселений, первоначально отдельных,[767] была, по-видимому, более древней, чем у ее соперника; об этом можно судить по ее великолепным героическим притязаниям, связанным с именем Эхеа, и по должности, предоставленной ее гоплитам в совместном пелопоннесском вооружении, которая по своему значению уступала только лакедемонянам.[Если верно утверждение Страбона,[769] что город Мантинея, состоящий из пяти отдельных владений, был создан аргейцами, то можно предположить, что последние предприняли это как средство сдерживания своих могущественных соседей из Тегеи. Равнина, общая для Тегеи и Мантинеи, была ограничена на западе ветреными высотами Менала,[770] за которыми, вплоть до границ Лаконии, Мессении и Трифилии, в Аркадии не было ничего, кроме маленьких и неважных поселков или деревень - без какого-либо значительного города, до важного шага, предпринятого Эпаминондасом по основанию Мегалополя через некоторое время после битвы при Лектре. Горцы этих областей, присоединившиеся к Эпаминондасу перед битвой при Мантинее, в то время, когда Мантинея и большинство городов Аркадии были против него, настолько уступали остальным грекам в снаряжении, что до сих пор носили в качестве главного оружия, вместо копья, не что иное, как древнюю дубину[771].

И Тегея, и Мантинея держали в своего рода зависимости несколько из этих небольших аркадских городков и стремились распространить свою империю на другие: во время



Пелопоннесской войны мы видим, что мантинейцы основали и гарнизонировали крепость Кипсела среди паррасиев, недалеко от места, где впоследствии был построен Мегалополь.[772] Но в этот период Спарта, как политический глава Эллады, будучи сильно заинтересованной в том, чтобы все греческие города, малые и большие, были как можно более изолированы друг от друга и пресекали все планы по созданию местных конфедераций, выступила в качестве защитницы автономии этих небольших аркадийцев и оттеснила мантинейцев в их собственные пределы.[773] Несколько позже, во время акме своей власти, за несколько лет до битвы при Лейктре, она даже пошла на крайнюю меру - разрушила единство самой Мантинеи, снесла стены, а жителей снова разделила на пять первоначальных владений, - насильственное решение, которое поворот политических событий очень скоро изменил на противоположное.[Только после битвы при Лейктре и падения Спарты были приняты меры по созданию аркадской политической конфедерации;[775] и даже тогда ревность отдельных городов сделала ее неполной и недолговечной. Великое постоянное изменение, основание Мегалополя, было осуществлено приходом к власти Эпаминонда. Сорок мелких аркадских поселений, расположенных к западу от горы Менал, были объединены в новый город: ревность Тегеи, Мантинеи и Клейтора была на время приостановлена, и экисты прибыли из всех них, а также из районов Меналии и Паррасии, чтобы придать новому учреждению подлинный общеаркадский характер.[776] Так впервые возник мощный город на границе Лаконии и Мессении, избавивший аркадские поселения от зависимости от Спарты и придавший им собственные политические интересы, что сделало их одновременно сдерживающим фактором для их прежнего вождя и опорой для восстановленных мессенцев.

Таким образом, необходимо на минуту привлечь внимание читателя к событиям, давно прошедшим по времени (Мегалополь был основан в 370 году до н. э.), чтобы по контрасту понять общий ход тех происшествий более раннего времени, о которых отсутствуют прямые свидетельства. Северная граница спартанской территории проходила по многим небольшим аркадским поселениям или округам, несколько из которых были последовательно завоеваны спартанцами и включены в их владения, хотя в какое именно время, мы не можем сказать. Нам рассказывают, что Харилай, предполагаемый племянник и подопечный Ликурга, взял Эгис, а также вторгся на территорию Тегеи, но с необычным успехом, так как был разбит и взят в плен:[777] мы также слышали, что спартанцы захватили Фигалею врасплох на 30-й Олимпиаде, но были снова изгнаны соседними аркадянами Орестхасианами.[778] Во время второй Мессенской войны аркадяне представлены как сердечно поддерживающие мессенцев: и может показаться необычным, что, хотя ни Мантинея, ни Тегея не упоминаются в этой войне, более отдаленный город Орхомен с его царем Аристократом занимает лидирующие позиции. Но факты поединка предстают перед нами в столь поэтической окраске, что мы не можем решиться сделать какой-либо положительный вывод о времени, к которому они относятся.

Судя по всему, СЕnus[779] и Karystus принадлежали спартанцам во времена Алкмана: Более того, район под названием Скиритис, граничащий с территорией Тегеи, - а также Белемина и Малеатис к западу и Кары к востоку и юго-востоку от Скиритиса, - составляющие в целом всю северную границу Спарты и все занятые аркадянами, - были завоеваны и стали частью спартанской территории[780] еще до 600 г. до н.э. Геродот рассказывает, что в этот период спартанские цари Леон и Гегесикл задумали не что иное, как завоевание всей Аркадии, и послали просить благословения на свое предприятие у дельфийского оракула[781] Жрица отклонила их пожелания как экстравагантные в отношении всей Аркадии, но призвала их, хотя и с обычными языковыми двусмысленностями, испытать удачу против Тегеи. Окрыленные предыдущим успехом, а также благоприятным толкованием слов оракула,

лакедемоняне выступили в поход на Тегею с такой полной уверенностью в успехе, что взяли с собой цепи, чтобы связать ожидаемых пленников. Но результатом стало разочарование и поражение. Они были отбиты с потерями, а оставленные ими пленники, закованные в те самые цепи, которые принесла их собственная армия, были вынуждены заниматься подневольным трудом на равнине Тегеи, - слова оракула исполнились буквально, хотя и в другом смысле, чем тот, в котором лакедемоняне поняли их сначала.[782]

В течение целого поколения, как нам говорят, они постоянно терпели неудачи в своих походах против тегейцев, и это упорное сопротивление, вероятно, не позволило им распространить свои завоевания дальше среди мелких государств Аркадии.

Наконец, в царствование Анаксандрида и Аристо, преемников Леона и Гегесикла (около 560 г. до н. э.), дельфийский оракул в ответ на вопрос спартанцев, кого из богов им следует умиловить для победы, велел им найти и доставить в Спарту кости Орестека, сына Агамемнона. После тщетных поисков, так как они не знали, где можно найти тело Орестека, они обратились к оракулу за более конкретными указаниями, и им было сказано, что сын Агамемнона похоронен в самой Тегее, в месте, "где два взрыва дуют под мощным напором, где есть удар и контрудар, и разрушение за разрушением". Эти загадочные слова были разъяснены счастливой случайностью. Во время перемирия с Тегеей Лихас, один из вождей трехсот спартанских отборных юношей, выполнявших при эфорах функции подвижной полиции страны, посетил это место и вошел в кузницу кузнеца, который в разговоре с ним упомянул, что, прорывая колодец во внешнем дворе, он недавно обнаружил гроб с телом длиной в семь локтей; пораженный этим зрелищем, он оставил его там нетронутым. Лихасу пришло в голову, что гигантская реликвия, найденная когда-то, не может быть ничем иным, как трупом Орестеза, и он убедился в этом, когда подумал, насколько точно подтвердились указания оракула; ведь в двух мехи кузнеца были "два взрыва, дующие по принуждению": здесь были "удар и контрудар" в его молоте и наковальне, а также "разрушение на разрушение" в убийственных орудиях, которые он ковал. Лихас ничего не сказал, но вернулся в Спарту со своим открытием, о котором сообщил властям, которые, сговорившись, изгнали его под предлогом уголовного обвинения. Затем он снова вернулся в Тегею под видом изгнанника, уговорил кузнеца сдать ему помещение, а когда оказался в его владении, выкопал и увез в Спарту кости почитаемого героя[783].

С этого удачного приобретения и после него характер борьбы изменился; спартанцы постоянно побеждали тегейцев. Но не похоже, что эти победы привели к какому-либо положительному результату, хотя, возможно, и послужили практическому укреплению убеждения в превосходстве спартанцев; ведь территория Тегеи оставалась неповрежденной, а ее автономия ни в коей мере не была ограничена. Во время персидского вторжения Тегея предстает как добровольный союзник Лакедемонии и как вторая военная держава в Пелопоннесе;[784] и мы можем справедливо предположить, что только упорное сопротивление тегейцев не позволило лакедемонянам распространить свою империю на большую часть аркадских общин. Последние всегда сохраняли свою независимость, хотя и признавали Спарту главенствующей силой в Пелопоннесе и беспрекословно подчинялись ее приказам в отношении распоряжения своими военными силами. Влияние Спарты на всю Аркадию было одним из главных элементов ее власти, которая никогда не была серьезно поколеблена до битвы при Лейктре, отнявшей у нее прежние средства обеспечения успеха и грабежа для ее мелких сторонников[785].

Рассказав таким образом о расширении власти Спарты на ее северной или аркадской границе, остается упомянуть о ее приобретениях на восточной и северо-восточной стороне, в направлении Аргоса. Первоначально, как уже говорилось, не только провинция Кинурия и

Тиреатис, но и все побережье вплоть до мыса Малей было либо частью территории Аргоса, либо принадлежало аргейской конфедерации. Из Геродота[786] мы узнаем, что до того времени, когда посольство от Крёза, царя Лидии, прибыло просить помощи в Греции (около 547 г. до н. э.), вся эта территория перешла под власть Спарты; но как давно это произошло и в какую именно эпоху, мы не знаем. Говорят, что аргейцы одержали значительную победу над спартамцами в 27-ю Олимпиаду или в 669 году до н. э., В это время Кинурия вряд ли могла находиться во владении спартанцев, поэтому мы должны отнести это приобретение к какому-то периоду следующего столетия; хотя Павсаний относит его к гораздо более раннему периоду, ко времени правления Феопомпа,[788] а Евсевий связывает его с первым учреждением фестиваля под названием Гимнопедия в Спарте в 678 году до н. э.

Около 547 года до н. э. аргейцы предприняли попытку отвоевать у Спарты Тирею, что привело к сражению, надолго запечатленному в летописи греческого героизма. Между двумя державами было решено, что обладание этой территорией должно быть определено боем трехсот отборных чемпионов с каждой стороны; армии обеих держав отступили, чтобы оставить поле свободным. Так неустрашима и равна была доблесть этих двух избранных, что битва закончилась тем, что в живых осталось только трое: Алкенор и Хромий у аргейцев, Отриадес у спартанцев. Два аргейских воина поспешили домой, чтобы сообщить о своей победе, а Отриадес остался на поле, унес оружие убитых врагов в спартанский лагерь и занимал свою позицию, пока на следующее утро к нему не присоединились его соотечественники. И Аргос, и Спарта претендовали на победу для своих чемпионов, и спор в конце концов решился в общем столкновении, в котором спартанцы оказались победителями, хотя и не без большой резни с обеих сторон. Храбрый Отриадес, устыдившись возвращаться домой единственным выжившим из трехсот человек, пал от собственного меча на поле боя[789].

Это поражение решило вопрос о владении Тиреей, которая не снова перешла под власть Аргоса до очень позднего периода греческой истории. Предварительный поединок трехсот человек с неопределенным исходом, хотя и хорошо установленный в общих чертах, был представлен аргейцами совершенно иначе, чем в приведенном выше рассказе, который, по-видимому, был распространен среди лакедемонян.[790] Но самым примечательным обстоятельством является то, что более века спустя, когда две державы вели переговоры о возобновлении истекающего перемирия, аргейцы, все еще желая заполучить эту древнюю территорию, попросили лакедемонян передать вопрос в арбитраж; получив отказ, они оговорили привилегию решать спорный вопрос на поединке, подобном первому, в любое время, кроме периода войны или эпидемической болезни. Историк говорит нам, что лакедемоняне согласились с этим предложением, хотя и считали его абсурдным,[791] так как стремились к тому, чтобы их отношения с Аргосом в то время оставались ровными и мирными. Но нет никаких оснований полагать, что реальный поединок, в котором участвовал Отриадес, считался абсурдным в то время, когда он состоялся, или в эпоху, непосредственно следовавшую за ним. Он вписывался в некую рыцарскую драку, которую можно заметить среди атрибутов ранних греков,[792] а также в различные легендарные подвиги, такие как одиночный бой Эхема и Хилла, Меланфа и Ксанфа, Менелая и Париса и т.д. Более того, героизм Отриадеса и его соотечественников был популярной темой для поэтов не только в спартанской Гимнопедии[793], но и в других местах, и, судя по всему, часто воспевался. Абсурдность этого предложения во время Пелопоннесской войны - в умах даже спартанцев, самых старомодных и неизменных людей в Греции, - следует приписать изменениям в греческом политическом сознании во время и после Персидской войны. Привычка к политическим расчетам достигла среди них столь значительного прогресса, что ведущие государства, особенно в их составе, стали понимать что-то вроде государственного взгляда

на свои ресурсы, опасности и обязательства. Насколько прискорбным был недостаток такого рода проницательности во время персидского вторжения, станет ясно, когда мы перейдем к описанию того неминуемого кризиса греческой независимости: но события тех дней были хорошо рассчитаны, чтобы отточить ее на будущее, и греки Пелопоннесской войны стали гораздо более утонченными политическими интриганами, чем их предки. Так и получилось, что предложение решить территориальный спор поединком избранных чемпионов, приемлемое и даже ставшее популярным за столетие до этого, впоследствии стало вызывать насмешки как ребячество.

Геродот утверждает, что жители Кинурии были ионийцами, но полностью дорисовались из-за долгого подчинения Аргосу, которым они управлялись как периэки. Павсаний дает другое описание их расы, которую он возводит к одноименному герою Кинуру, сыну Персея, но он не связывает их с кинурийцами, которых он упоминает в другом месте как часть жителей Аркадии.<sup>[794]</sup> Очевидно, что даже во времена Геродота следы их первобытного происхождения были почти стерты. Он говорит, что они были "орнеатами и периэками" для Аргоса; и, похоже, что жители Орнеи, которых Аргос привел в такое же зависимое состояние, проследили в своем одноименном герое ионический род, - Орней был сыном аттического Эрехтея.<sup>[795]</sup> Страбон, похоже, считал, что кинурийцы первоначально занимали не только пограничный район Аргolidы и Лаконии, где находится Тирея, но и северо-западную часть Аргolidы, под хребтом Лиркея, который отделяет последнюю от аркадской территории Стимфала.<sup>[796]</sup> Этот хребет находился недалеко от города Орнея, который лежал на границе Аргolidы у границ Флиуса; таким образом, Страбон подтверждает утверждение Геродота, что орнеаты были частью кинурийцев, которых Аргос держал вместе с другими кинурийцами на положении зависимых союзников и периэков, и, весьма вероятно, также ионийского происхождения.

Завоевание Тиреи (района, ценного для лакедемонян, как мы можем предположить по большой добыче, которую аргейцы получили из него во время Пелопоннесской войны)<sup>[797]</sup> было последним территориальным приобретением Спарты. Теперь она обладала непрерывным владением, включавшим всю южную часть Пелопоннеса, от южного берега реки Недон на западном побережье до северной границы Тиреатиса на восточном побережье. Площадь ее территории, включавшей Лаконию и Мессению, равнялась двум пятым всего полуострова, и все это управлялось из одного города и служило исключительно целям и интересам граждан Спарты. На всей этой обширной территории не было ни одной общины, претендующей на самостоятельность. Поселки периэков и деревни гелотов, каждый в отдельности, не имели никакого значения; мы не слышим, чтобы кто-то из них осмелился вступить в отношения с иностранным государством: и те, и другие считали себя лишь подданными спартанских эфоров и подчиненных им офицеров. Это действительно недовольные подданные, ненавидящие и боящиеся своих хозяев, которым нельзя доверять, если представится благоприятная возможность для безопасного восстания. Но ни одна отдельная волость или округ не достаточно сильны, чтобы постоять за себя, а комбинации среди них предотвращаются привычной бдительностью и беспринципными мерами предосторожности эфоров, особенно ревливой тайной полицией под названием Криптия, на которую уже было сделано упоминание.

Таким образом, спартанская территория была не только больше, а население многочисленнее, чем в любом другом государстве Эллады, но и правительство было более централизованным и строго подчинялось. Источником его слабости было недовольство периэков и гелотов, последние из которых были не рабами, как в других государствах, - импортированными варварами из разных стран и говорившими на ломаном греческом, - а

настоящими эллинами, принадлежавшими к одному диалекту и роду, симпатизировавшими друг другу и имевшими такое же право на защиту Зевса Эллады, как и их хозяева, - от которых они, действительно, не отличались ничем, кроме совершенного воспитания, индивидуального и коллективного, свойственного спартам. В период, на котором мы сейчас останавливаемся, это недовольство, по-видимому, не проявляется; но после Персидской и Пелопоннесской войн мы будем наблюдать его проявления очень отчетливо.

К таким вспомогательным причинам спартанского преобладания следует добавить еще одну - прекрасное военное положение Спарты и неприступный характер Лаконии в целом. С трех сторон эта территория омывается морем,<sup>[798]</sup> берег очень опасен и лишен гаваней; поэтому Спарте нечего было опасаться с этой стороны до персидского вторжения и его последствий, одним из самых примечательных из которых было поразительное развитие афинских военно-морских сил. Город Спарта, удаленный от моря, был прекрасно защищен почти непроходимой северной границей, состоящей из тех районов, которые, как мы уже отмечали выше, были отвоеваны у Аркадии, - Карьятис, Скиритис, Малеатис и Белеминатис. Трудность и опасность похода в Лаконию через эти горные перевалы, отмеченные Еврипидом, остро ощущались каждым врагом лакедемонян и были убедительно изложены первоклассным современным наблюдателем, полковником Ликом.<sup>[799]</sup> Для удержания ключа от всех проходов не было лучшего места, чем Спарта. Эта хорошо защищенная граница была более чем достаточной заменой укреплений для самой Спарты, которая до времен деспота Набиса всегда сохраняла свой примитивный вид группы прилегающих друг к другу холмистых деревень, а не регулярного города.

Если наряду с такими территориальными преимуществами мы подумаем о личной подготовке, свойственной спартанским гражданам, которые до сих пор не уменьшились в своем количестве, - в сочетании с влиянием этой подготовки на греческие чувства, внушающие благоговение и восхищение, - мы не удивимся, обнаружив, что за полвека, прошедшие между 600 годом до н. э. и окончательным отвоеванием Тиреатиса у Аргоса, Спарта приобрела и начала осуществлять признанное превосходство над всеми греческими государствами. Ее военная сила в то время превосходила силу всех остальных, причем в гораздо большей степени, чем это стало возможным впоследствии; ведь другие государства еще не достигли своего максимума, а Афины, в частности, не дотягивали до той высоты, которой они достигли впоследствии. В отношении дисциплины и численности спартанские военные силы уже в этот ранний период достигли того уровня, который впоследствии не был превзойден; в то время как в Афинах, Фивах, Аргосе, Аркадии и даже Элиде (как будет показано далее) военной подготовке в более поздние времена уделялось больше внимания, и она значительно улучшилась. Спартамцы (отмечает Аристотель)<sup>[800]</sup> довели до совершенства гимнастическую подготовку и военную дисциплину в то время, когда другие греки пренебрегали как одним, так и другим: их раннее превосходство обученных людей над необученными прекратилось в последующие времена, когда другие государства стали подвергать своих граждан систематическим упражнениям аналогичного характера или направленности. Этот факт - ранний период, когда Спарта достигла своего максимума в дисциплине, силе и территории, - важно иметь в виду, когда мы объясняем всеобщее одобрение, с которым ее восхождение было встречено в Греции, и которое ее последующие действия, конечно, не позволили бы ей заслужить. Это согласие впервые началось и стало привычным для греческого ума в то время, когда у Спарты не было соперников, которые могли бы приблизиться к ней, - когда она полностью ли опережала Аргос, - и когда сила ликуржской дисциплины проявилась в длинной серии завоеваний, сделанных в период неподвижности других государств, и закончилась только, по несколько преувеличенному выражению Геродота, когда она покорила большую часть Пелопоннеса<sup>[801]</sup>.



Наши сведения о памятной военной организации Спарты скудны и недостаточны, чтобы ясно представить нам ее детали. Вооружение спартанцев во всех существенных отношениях не отличалось от вооружения других греческих гоплитов. Но одна грандиозная особенность заметна с самого начала, как элемент ликургских институтов. Этот законодатель установил военные подразделения, совершенно отличные от гражданских, в то время как в других государствах Греции до периода, гораздо более позднего, чем тот, которого мы достигли сейчас, эти два понятия были смешаны, - гоплиты или всадники одного племени или рода собирались вместе на поле боя. Каждый лакедемонянин был обязан нести военную службу с двадцати до шестидесяти лет, и эфоры, отправляя экспедицию, призывали к оружию всех мужчин в пределах определенного возраста. Геродот рассказывает, что Ликург учредил сисситии, или общественные собрания, а также эномотии и триакады, или военные подразделения, характерные для Спарты.[802] Триакады больше нигде не упоминаются, и мы не можем четко определить, что они собой представляли; но эномотии были особой характеристикой системы и стержнем, на котором держались все ее механизмы. Это была небольшая рота мужчин, численность которой была различной: двадцать пять, тридцать два или тридцать шесть человек; они вместе обучались военным упражнениям и были связаны друг с другом общей клятвой.[803] У каждой эномотии был свой капитан, или эномотарх, самый сильный и умелый солдат роты, который всегда занимал переднюю шеренгу и возглавлял эномотию, когда она маршировала в одном строю, отдавая приказ о марше, а также подавая пример. Если эномотия выстраивалась в три, или четыре, или шесть шеренг, эномотарх обычно занимал передний пост слева, и заботился о том, чтобы и передние, и задние шеренги каждой шеренги были воинами с особыми заслугами[804].

Именно на эти небольшие роты было возложено действие постоянного и сурового лакедемонского обучения. Их учили маршировать слаженно, быстро переходить из шеренги в шеренгу, поворачивать направо или налево таким образом, чтобы эномотарх и другие протостаты, или люди переднего ряда, всегда находились в непосредственной близости от противника.[805] Их шаг регулировался фифой, которая играла в боевых порядках, свойственных Спарте, и использовалась как в реальном бою, так и в военной практике; и они настолько хорошо привыкли к движениям эномотии, что, если их порядок был нарушен какой-либо неблагоприятной случайностью, разрозненные солдаты могли спонтанно сформироваться в тот же порядок, каждый человек прекрасно знал обязанности, относящиеся к месту, на которое его забросил случай.[Над эномотией располагалось несколько более крупных подразделений - пентекосты, лохусы и моры,[807] которых, как кажется, было *шесть*. Относительно численности каждого подразделения и пропорции большего к меньшему мы находим совершенно разные утверждения, но каждое из них опирается на веские основания, так что мы вынуждены предположить, что не существовало какого-либо императивного стандарта, и что эномоты состояли из двадцати пяти, тридцати двух или тридцати шести человек; пентекосты - два или четыре эномотия; лохи - два или четыре пентекоста, а мора - четыреста, пятьсот, шестьсот или девятьсот человек, - в разное время или в соответствии с возрастными рамками, которые эфоры могли установить для тех, кого они призывали в поле.[808]

Что осталось неизменным в этой системе, так это, во-первых, небольшое число, хотя и варьирующееся в определенных пределах, начальной роты, называемой эномоти, обученной действовать вместе и состоящей из людей почти одного возраста,[809] в которой каждый человек знал свое место; во-вторых, шкала подразделений и иерархия офицеров, каждый из которых возвышался над другим: эномотарх, пентеконтер, лохаг и полемарх, или командир мора, - каждый из которых отвечал за свои соответствующие подразделения. Приказы передавались от короля, как главнокомандующего, через полемархов к лохагам, от

лохагов к пентеконтерам, а от последних к эномотархам, каждый из которых приводил их в исполнение своим эномотом. Поскольку все эти люди были заранее обучены обязанностям, которые они выполняли, спартанская пехота обладала всеми качествами и способностями постоянной армии. Первоначально у них, похоже, вообще не было кавалерии,[810] а когда кавалерия была введена в их систему, она была очень низкого качества, поскольку в ликургском обучении она не была предусмотрена. Но военные силы других городов Греции, вплоть до окончания Пелопоннесской войны, практически не проходили специальной подготовки, не имея ни небольшой роты, подобной эномотии, состоящей из определенных людей, обученных действовать вместе, ни постоянных и дисциплинированных офицеров, ни тройной шкалы подчинения и подразделения. Гимнастика и владение оружием были частью образования повсюду, и можно предположить, что ни один греческий гоплит не был полностью лишен некоторой практики марширования в строю и военных упражнений, поскольку обязанность служить была всеобщей и часто принудительной. Но такая практика была случайной и неравномерной, и ни один житель Аргоса или Афин не имел постоянного места службы и воинского долга. Гражданин брал оружие в своем племени, под началом таксиарха, выбранного из него для этого случая, и становился в шеренгу, где ни его место, ни его ближайших соседей не было предопределено. Племя, похоже, было единственной военной классификацией, известной Афинам,[811] а таксиарх - единственным офицером племени для пехоты, как и филарх для кавалерии, подчинявшийся главнокомандующему. Более того, приказы генерала объявлялись по всей линии громким глашатаем, а не доводились до сведения таксиарха, чтобы он отвечал за их надлежащее исполнение своим подразделением. При такой несистематизированной организации мы с удивлением обнаружим, насколько хорошо часто выполнялись военные обязанности: но каждый грек, который сравнивал ее с симметричной структурой лакедемонских вооруженных сил и кропотливой подготовкой каждого спартанца к выполнению своих обязанностей, испытывал внутреннее чувство неполноценности, которое заставляло его охотно принимать руководство "этих профессиональных художников военного дела"[812], как их часто называли.

Именно благодаря стечению различных обстоятельств добровольное признание Спарты в качестве ведущего государства Эллады стало частью привычных греческих настроений в период между 600 и 547 годами до н. э. В этот период Греция и ее колонии, главным образом, созревали до своего рода признанного и активного партнерства. Общие религиозные собрания, связывавшие части страны, не только приобрели большую формальность и более широкое развитие, но и стали более многочисленными и частыми, а Пифийские, Истмийские и Немейские игры возвысились до национального значения, приближаясь к Олимпийским. Таким образом, признанное превосходство Спарты стало неотъемлемой частью первого исторического объединения греческих государств. Примерно в 547 году до н.э, когда Крész Лидийский, под давлением Кира и персов, обратился за помощью к Греции, обращаясь к спартанцам как к признанным президентам всего эллинского тела.[813] И тенденции, которые тогда действовали, к определенной степени увеличения общения и сотрудничества между разрозненными членами эллинского имени, несомненно, были поддержаны существованием государства, признанного всеми как первое, - государства, чье превосходство было более легко признано, потому что оно было заработано болезненной и трудоемкой дисциплиной, которой все восхищались, но никто не решил копировать[814].

Правда ли, как полагают О. Мюллер и другие ученые, что гомеровский способ ведения боя был общепринятым в Пелопоннесе и остальной Греции до вторжения дорийцев, и что последние впервые ввели привычку сражаться в тесном строю с выставленными копьями, - этот вопрос не поддается определению. На протяжении всей нашей истории Греции

преобладающей практикой является тесная шеренга гоплитов с копьями в руках; хотя есть и исключения, когда копье бросают, когда войска бояться сближаться.<sup>[815]</sup> Также нет никакой уверенности в том, что гомеровская манера боя действительно когда-либо преобладала в Пелопоннесе, стране, крайне неудобной для использования боевых колесниц. Возможно, описания барда основывались главным образом на том, что он и его слушатели видели на побережье Малой Азии, где колесницы использовались чаще, а страна была гораздо более благоприятной для них.<sup>[816]</sup> У нас нет исторических сведений о какой-либо военной практике в Пелопоннесе до гоплитов с тесным строем и увенчанными копьями.

Было одно пелопоннесское государство, и только одно, которое не признавало превосходства или главенства Лакедемонии. Аргос никогда не забывал, что когда-то был главной державой полуострова, и относился к Спарте как к ревнивому, но бессильному конкуренту. Какими путями происходило падение ее могущества, мы не можем выяснить, как и проследить преемственность ее царей после Фидона. Уже говорилось, что около 669 г. до н. э. аргейцы одержали победу над спартанцами при Гисиеесе и изгнали из порта Науплии ее прежних жителей, которые нашли убежище, по милости лакедемонян, в порту Мотонка в Мессении:<sup>[817]</sup> Дамократида был тогда царем Аргоса. Павсаний рассказывает, что Мелтас, сын Лакидеса, был последним потомком Темена, которому удалось получить этот сан; он был осужден и свергнут народом. Плутарх, однако, утверждает, что род Гераклидов угас, и что другой царь по имени Эгон был избран народом по указанию дельфийского оракула.<sup>[818]</sup> Об этой истории Павсаний, похоже, ничего не знал. Его язык подразумевает, что царское достоинство прекратилось вместе с Мелтасом, в чем он, несомненно, ошибается, поскольку титул существовал, хотя, вероятно, с очень ограниченными функциями, во время персидской войны. Более того, есть некоторые основания предполагать, что царь Аргоса даже в то время был Гераклидом, поскольку спартанцы предложили ему третью часть командования эллинскими силами, а также двух своих собственных царей.<sup>[Завоевание спартанцами Тиреатиса лишило аргейцев ценной части их Перизекиса, или зависимой территории; но Орнея и оставшаяся часть Кинурии]</sup><sup>[820]</sup> все еще продолжали принадлежать им; равнина вокруг их города была очень плодородной; и, кроме Спарты, в Пелопоннесе не было другой державы, превосходящей их. Тем не менее Микенцы и Тиринс, похоже, были независимыми государствами во время персидской войны, поскольку оба послали войска в битву при Платее, в то время, когда Аргос держался в стороне и скорее благоволил персам. В какое время Клеон стал союзником или зависимым государством Аргоса, мы не можем точно сказать. Во время Пелопоннесской войны он числится в этом качестве вместе с Орнеей;<sup>[821]</sup> но, похоже, он не утратил своей автономии до 470 года до н. э., когда Пиндар представляет его в качестве города, В этот период Пиндар изображает клеонцев председателями и раздатчиками призов на Немейских играх.<sup>[822]</sup> Роща Немей находилась менее чем в двух милях от их города, и они были первоначальными председателями этого великого фестиваля - функции, которой их впоследствии лишили аргейцы, точно так же, как пизанцы лишили элейцев олимпийского Агона. Исчезновение автономии Клеона и приобретение Аргосом председательства на Немейском празднике, несомненно, были одновременными, но мы не можем точно определить время; ведь утверждение Евсевия, что аргейцы праздновали Немейский праздник уже в 53-ю Олимпиаду или в 568 году до н. э., опровергается более ценным свидетельством Пиндара<sup>[823]</sup>.

О Коринфе и Сикионе будет удобнее говорить, когда мы будем рассматривать то, что называется эпохой тиранов или деспотов; а о жителях Ахайи (которые занимали южное побережье Коринфского залива, к западу от Сикиона, вплоть до мыса Араксус, северо-западной точки Пелопоннеса) несколько слов исчерпывают все наши знания, вплоть до того времени, к которому мы пришли. Эти ахейцы представляются нам как дорийские жители

Лаконии, которые, как утверждает легенда, ушли под предводительством Тисамена в северные районы Пелопоннеса, откуда они изгнали существовавших до них ионийцев и заняли страну. Род их царей, как говорят, продолжался от Тисамена до Огигуса[824] - как долго, мы не знаем. После смерти последнего ахейские города образовали каждый свою республику, но с периодическими празднествами и жертвоприношениями в храме Зевса Гомария, дававшими возможность улаживать разногласия и устраивать общие дела. Двенадцать из этих городов известны Геродоту и Страбону: Пеллен, Эгира, Эге, Бура, Гелике, Эгиум, Рипы, Патр, Фар, Олен, Дымка, Тритæа.[825] Но первоначально, должно быть, существовали и другие автономные города, кроме этих двенадцати; ведь на 23-й Олимпиаде победителем был провозглашен Икар из Гиперезии, и есть все основания полагать, что Гиперезия, старый город гомеровского каталога, находилась в Ахайе.[826] Утверждается, что до захвата страны ахейцами ионийцы жили в независимых деревнях, некоторые из которых впоследствии были объединены в города: так, Патрæ образовался из семи деревень, Дымка - из восьми (одна из которых называлась Теутея), а Эгиум - из семи или восьми. Но все эти города были небольшими, и некоторые из них подверглись дальнейшему слиянию один с другим; так, Ægæ был соединен с Ægeira, а Olenus с Dymê.[827] Все авторы, похоже, склонны признавать в Ахайе двенадцать городов, не более; Полибий, придерживаясь этого числа, заменяет Леонтий и Керинею вместо Эгеиры и Рипса; Павсаний дает Керинею вместо Патр.[828] Мы не слышим никаких фактов об этих ахейских городах до самого начала Пелопоннесской войны, и даже тогда их роль была незначительной.

Большая часть территории под названием Ахайя была горной, составляя северный спуск тех высоких хребтов, проходимых только через очень сложные ущелья, которые отделяют страну от Аркадии на юге и которые выбрасывают различные отроги, подходящие вплотную к Коринфскому заливу. Полоса плоской земли с белой глинистой почвой, часто очень плодородной, между этими горами и морем, составляла *равнину* каждого из ахейских городов, которые были расположены большей частью на крутых выступах, нависающих над ним. С гор между Ахайей и Аркадией в Коринфский залив впадают многочисленные ручьи, но лишь немногие из них являются многолетними, и вся длина побережья представляется бесприютной[829].

---

## ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[1] Гесиод, Eoiai, Fragg. 58, p. 43, ed. Düntzer.

[2] Diodôr. iv. 37-60; Apollodôr. ii. 7, 7; Ephorus ap. Steph. Byz. Δυμᾶν, Fragg. 10, ed. Маркса.

Дорические учреждения Пиндар называет τεθροῖ Αἰγυμίου Δωρικοί (Pyth. i. 124).

Существовала древняя эпическая поэма, ныне утраченная, но упоминаемая в нескольких случаях сохранившимися авторами под названием Αἰγυμῖος; авторство иногда приписывается Гесиоду, иногда Керкопсу (Athenæ. xi. p. 503). Сохранившиеся фрагменты не дают нам возможности составить его схему, так как они охватывают различные мифические происшествия, лежащие очень далеко друг от друга, - Ио, аргонавты, Пелей, Фетида и т. д. Но название, которое она носит, по-видимому, подразумевает, что война Эгимия против лапифов и помощь, оказанная ему Гераклесом, были одной из главных тем. Как О. Мюллер (История дорийцев, т. i. b. 1, с. 8), так и Велькер (Der Epische Kyklus, p. 263), как мне кажется, выходят за рамки очень скудных свидетельств, которыми мы располагаем, в своем

определении этой последней поэмы; сравните Маркшеффель, Præfat. Hesiod. Fragm. cap. 5, p. 159.

[3] Что касается этого пророка, сравните Ctenomachus ap. Eusebium, Præparat. Evangel. v. p. 211. Согласно этому утверждению, и Клеодзей (здесь называемый *Αριδзей*), сын Хилла, и Аристомах, сын Клеодзея, предпринимали отдельные и последовательные попытки во главе Гераклидов проникнуть в Пелопоннес через перешеек: оба потерпели неудачу и погибли, неправильно поняв наставления дельфийского оракула. Ctenomachus мог ничего не знать об обещании, данном Hyllus'ом в качестве условия единоборства между Hyllus'ом и Echemus'ом (согласно Геродоту), что Herakleids не должны предпринимать новых испытаний в течение ста лет; если бы было понятно, что они дали и затем нарушили такое обещание, это нарушение, вероятно, было бы приведено в качестве причины их неудачи.

[4] Apollodôr. ii. 8, 3; Pausan. iii. 13. 3.

[5] Apollodôr. ii. 8, 3. Согласно рассказу Павсания, животное, на котором ехал Оксил, было мулом и лишилось одного глаза (Paus. v. 3, 5).

[6] Геродот отмечает, ссылаясь на рассказ лакедемонян о двух первых царях в Пелопоннесе (Эврисфене и Проклесе, сыновьях-близнецах Аристодема,), что лакедемоняне дали историю, не согласную ни с одним из поэтов, - *Λακεδαιμόνιοι γὰρ, ὁμολογέοντες οὐδενὶ ποιητῇ, λέγουσιν αὐτὸν Ἀριστόδημον .... βασιλεύοντα ἀγαγεῖν σφεας ἐς ταύτην τὴν χώραν τὴν νῦν ἐκτέαται, ἀλλ' οὐ τοὺς Ἀριστοδήμου παῖδας* (Herodot. vi. 52).

[7] Tyrtaeus, Fragm.-

Αὐτός γαρ Κρονίων, καλλιστεφάνου πόσις ἼΗρας,

Ζεὺς Ἡρακλείδαις τήνδε δέδωκε πόλιν-.

Οἱ σιν ἄμα, προλιπόντες Ἑρίεον ἠνεμόεντα,

Εὐρεῖαν Πέλοπος νῆσον ἀφικόμεθα.

Аналогичным образом Пиндар говорит, что Аполлон посадил сыновей Геракла вместе с сыновьями Эгимия в Спарте, Аргосе и Пилусе (Pyth. v. 93).

Исократес (Or. vi. *Archidamus*, p. 120), используя другую линию мифических рассуждений, создает хороший титул. По-видимому, существовали также истории, содержащие мифические причины, по которым Гераклиды не получили во владение Аркадию (Polyæn. i. 7).

[8] Plato, Legg. iii. 6-7, pp. 682-686.

[9] Pausan. vii. 1-3.

[10] Polyb. ii. 45; iv. 1; Strabo, viii. pp. 383-384. Этот Тисамен получил свое имя от памятного акта мести, приписываемого его отцу Орестезу. Так, в легенде об осаде Феба Терсандр, как один из эпигонов, отомстил за своего отца Полиника: сын Терсандра также назывался *Тисаменом* (Herodot. iv. 149). Сравните O. Müller, Dorians, i. p. 69, note 9, Eng. Trans.

[11] Diodôr. iv. 1. Историк Эфор включил в свой труд подробное повествование об этом грандиозном событии греческой легенды, возвращении Гераклидов, с которого он намеревался начать свою последовательную историю: из каких источников он заимствовал, мы не знаем.



[12] Strabo, viii. p. 389. Pausan. ii. 6, 2; 12, 1.

[13] Conôn, Nar. 36; Strabo, viii. p. 365.

[14] Strabo, viii. p. 359; Conôn, Narr. 39.

[15] Thucyd. iv. 42. Schol. Пиндар. Olymp. xiii. 17; и Nem. vii. 155. Conôn, Narrat. 26. Ephor. ap. Strab. viii. p. 389.

Фукидид называет дорийских жителей Коринфа эолийцами; Конон называет их ионийцами.

[16] Ephorus ap. Strabo, x. p. 463.

[17] Strabo, viii. p. 358; Pausan. v. 4, 1. Один из шести городов в Трифилии, упоминаемых Геродотом, называется Ἐπειον (Herodot. iv. 149).

[18] Herodot. viii. 73; Pausan. v. 1, 2. Гекатей утверждал, что эпейцы были совершенно чужды элейцам; Страбон, похоже, не смог убедиться ни в утвердительном, ни в отрицательном ответе (Hekataeus, Fr. 348, ed. Didot; Strabo, viii. p. 341).

[19] Ephorus ap. Strabo. viii. p. 358. Рассказ жителей Пизы, территории, более непосредственно граничащей с Олимпией, сильно отличается от этого.

[20] Agatharchides ap. Photium, Sect. 250, p. 1332. Ὁ δ' Εὐριπίδου κατηγορεῖ τῷ Ἀρχελάῳ περὶ τεθεικότος τὰς Τημενίδας πράξεις.

Сравните фрагменты Τημενίδας, Ἀρχέλαος и Κρεσφόντης в издании Диндорфа "Еврипида" с иллюстративными замечаниями Велькера, Griechische Tragödien, pp. 697, 708, 828.

Пролог Архелая, по-видимому, проходит через весь ряд родословной Гераклидов, от Египта и Даная вниз.

[21] Herodot. v. 72.

[22] Herodot. vii. 159.

[23] Herodot. i. 68; Pausan. vii. 1, 3.

[24] Pausan. v. 4, 2.

[25] Дата Фукидида вычисляется, μετὰ Ἰλίου ἄλωσιν (i. 13).

[26] Herod. vii. 176.

[27] См. эпиграмму, приписываемую Аристотелю (Antholog. Græc. t. i. p. 181, ed. Reisk; Velleius Patercul. i. 1).

В Схолии о Ликофроне (912 г.) приводится несколько иная история. Эфирка - это старое легендарное название города Краннон в Фессалии (Kineas, ap. Schol. Pindar. Pyth. x. 85), что создает путаницу с феспотийской Эфиркой.

[28] Herodot. vii. 176; Velleius Patercul. i. 2-3; Charax. ap. Stephan. Byz. v. Δώριον: Polyæn. viii. 44.

Однако существовало несколько различных утверждений о происхождении Фессала, а также о названии страны (Strabo, ix. p. 443 Stephan. Byz. v. Αἰμονία).

[29] См. K. O. Müller, *History of the Dorians*, Introduction, sect. 4.

[30] Pindar, *Pyth.* x. 2.

[31] Thucyd. i. 12. ἦν δὲ αὐτῶν καὶ ἀποδασμὸς πρότερον ἐν τῇ γῇ ταύτῃ ἀφ' ὧν καὶ ἐς Ἴλιον ἐστράτευσαν.

[32] Pausan. ix. 5, 8.

[33] Pausan. x. 8, 3.

[34] Ephor. *Fragm.* 30, ed. Маркс.; Страбон, ix. стр. 401-402. Рассказ о беотийцах в Арне, приведенный Полиэном (i. 12), вероятно, происходит от Эфора.

Диодор (xix. 53) дает краткое изложение легендарной истории Феба от Девкалиона и ниже: он говорит нам, что беотийцы были изгнаны из своей страны и вынуждены были вернуться в Фессалию во время Троянской войны из-за отсутствия многих их храбрых воинов в Трое; они не находили пути обратно в Беотию до четвертого поколения.

[35] Stephen. Byz. v. Ἄρνῃ, делает фессалийского Арнка ἄλοκος беотийским.

[36] Homer, *Iliad*, ii.; Strabo, ix. p. 413; Pausan. ix. 40, 3. Некоторые семьи в Херонее, даже во времена римского владычества в Греции, вели свое происхождение от пророка Периполтаса, который, как говорят, сопровождал Офельтаса в его захватническом походе из Фессалии (Плутарх, *Cimôn*, c. 1).

[37] Strabo, ix. 411-435; Гомер, *Илиада*, ii. 696; Hekataëus, *Fr.* 338, Didot.

Фрагмент из Алкея (приведенный Страбоном, но кратко и с искаженным текстом) служит только для идентификации реки и города.

По словам Меланиппа, Итон был сыном Амфиктиона, а Беотус - сыном Итона (Pausan. ix. 1, 1. 34, 1: ср. Steph. Byz. v. Βοιωτία). По другой легендарной генеалогии (возникшей, вероятно, после того, как имя *Æolic* закрепилось в качестве сословного имени у значительной части греков, но еще у поэта Асия, Олимпиада 30), одноименный герой Βœd̥tus был прикреплен к великому роду Эола через отцовство бога Посейдона либо с Меланиппой, либо с Арнэ, дочерью Эола (Asius, *Fr.* 8, ed. Düntzer; Strabo, vi. p. 265; Diodôr. v. 67; Hellanikus ap. Schol. *Iliad.* ii 494). Две утраченные пьесы Еврипида были основаны на злоключениях Меланиппы и ее детей-близнецов от Посейдона - Беота и Эола (Hygin. *Fab.* 186; см. фрагменты Μελανίππῃ Σοφῇ и Μελανίππῃ Δεσμῶτις в издании Диндорфа и поучительные комментарии Велькера; *Griech. Tragöd.* vol. ii. pp. 840-860).

[38] Пиндар, *Нем.* xi. 43; Hellanic. *Fragm.* 114, ed. Didot. Сравните Stephan. Byz. v. Πέρινθος.

[39] Kinæthon ap. Pausan. ii. 18, 5. Пентилиды существовали на Лесбосе в исторические времена (Aristot. *Polit.* v. 10, 2).

[40] Иногда предполагают, что страна, называемая здесь Фракией, означает место жительства фракийцев около Парнаса; но длина путешествия и количество лет, которые оно заняло, так специально отмечены, что я думаю, что должна иметься в виду Фракия в ее обычном и очевидном смысле.

[41] Strabo, xiii. p. 582. Элланик, по-видимому, рассказывал об этой задержке у горы Фрикий (см. Steph. Byz. v. Φρίκιον). В другом рассказе (xiii. p. 621), вероятно, скопированном с киммерийского Эфора, Страбон связывает основание этой колонии с последствиями Троянской войны: пеласги,

занимавшие эту территорию и бывшие союзниками Приама, были ослаблены поражением и не могли противостоять эмигрантам.

[42] Velleius Patercul. i. 4: сравните Antikleidês ap. Athenæ. xi. с. 3; Павсаний, iii. 2, 1.

[43] Strabo, ix. p. 401.

[44] Strabo, i. p. 10.

[45] Plutarch, Thêseus, с. 24, 25, 26.

[46] Plutarch, Thêseus, с. 34-35.

[47] Eusebius, Chronic. Can. pp. 228-229, ed. Scaliger; Pausan. ii. 18, 7.

[48] Ephorus ap. Harpocraton. v. Ἀπατούρια: "Εφορος ἐν δευτέρῳ, ὡς διὰ τὴν ὑπὲρ τῶν ὀρίων ἀπάτην γενομένην, ὅτι πολεμοῦντων Ἀθηναίων πρὸς Βοιωτοὺς ὑπὲρ τῆς τῶν Μελαίνων χώρας, Μέλανθος ὁ τῶν Ἀθηναίων βασιλεὺς Ξάνθον τὸν Θηβαίων μονομαχῶν ἀπέκτεινεν. Сравните Страбон, ix. p. 393.

Эфор выводит термин Ἀπατούρια из слов, означающих хитрость с границами, и предполагает, что название этого великого ионического праздника произошло от уловки Меланфа, описанной Кононом (Narrat. 39) и Полиэном (i. 19). Вся эта версия причудлива и ошибочна, а история представляет собой любопытный пример легенды, выросшей из этимологии.

[49] Оратор Ликург в своем панегирике Кодру упоминает дельфийского гражданина по имени Клеомант, который тайно сообщил оракул афинянам и был вознагражден ими за это σίτησις ἐν Πρυτανείῳ (Lycurg. cont. Leocrat. с. 20).

[50] Pherekydês, Fragm. 110, ed. Didot; Vell. Paterc. i. 2; Conôn, Narr. 26; Polyæn. i. с. 18.

Элланик проследил генеалогию Кодруса через десять поколений до Деукалиона (Фрагмент 10, изд. Дидо).

[51] Strabo, xiv. p. 653.

[52] Pausan. vii. 2, 1.

[53] Herodot. i. 146; Pausan. vii. 2, 3, 4. Исократес восхваляет своих афинских предков за то, что они обеспечили с помощью этой эмиграции поселения для столь большого числа бедствующих и нищих греков за счет варваров (Or. xii. Panathenaic. p. 241).

[54] Herodot. i. 146; vii. 95; viii 46. Vellei. Paterc. i. 4. Pherekydês Frag. 111, ed. Didot.

[55] Herodot. i. 147; Pausan. vi. 2, 7.

[56] Pausan. vii. 2, 2; vii. 3, 4.

[57] Pausan. vii. 4, 3.

[58] Herodot. iv. 145-149; Valer. Maxim. iv. с. 6; Polyæn. vii. 49, который, однако, излагает историю иначе, упоминая "тирренцев с Лемноса, помогавших Спарте во время Гелотской войны": другой рассказ в его сборнике (viii. 71), хотя и плохо сохранившийся, кажется более близким к Геродоту.

[59] Гомер, Илиада, xi. 721.

[60] Strabo, viii. p. 347. Месье Рауль Рошетт, который относится к легендам по большей части так, как если бы они были подлинной историей, очень недоволен Страбоном за признание такого

разнообразия историй ("Histoire des Colonies Grecques", t. iii. ch. 7, p. 54): "После столь ясных и позитивных подробностей, возможно ли, чтобы тот же Страбон, отбросив всю хронологию, прибыл в Миньены из Трифилии с помощью Хлорис, матери Нестора?"

История, которую мсье Рауль Рошетт таким образом отбрасывает, вполне равна по степени достоверности той, которую он принимает: на самом деле, к ней нельзя применить никакой меры достоверности.

[61] Conôn, Narrat. 36. Сравните с Плутархом, Quæstion. Græc. c. 21, где упоминаются тирренцы с Лемноса, как и в отрывке Полиэна, упомянутом в предыдущем примечании.

[62] Strabo, x. p. 481; Aristot. Polit. ii. 10.

[63] Herodot. vii. 171 (см. выше, Ch. xii. vol. i. p. 226). Диодор (ст. 80), как и Геродот, упоминает в целом крупные эмиграции в Крте из Лакедемана и Аргоса; но даже кропотливые исследования М. Рауля Рошетта (Histoire des Colonies Grecques, t. iii. c. 9, pp. 60-68) не смогли собрать о них сколько-нибудь внятных сведений.

[64] Steph. Byz. v. Δώριον.-Περὶ ὧν ἱστορεῖ Ἄνδρων, Κρητὸς ἐν τῇ νήσῳ βασιλεύοντος, Τέκταφον τὸν Δώρου τοῦ Ἑλλήνος, ὁρμήσαντα ἐκ τῆς ἐν Θερραλίᾳ τότε μὲν Δωρίδος, νῦν δὲ Ἰστιαιώτιδος καλουμένης, ἀφικέσθαι εἰς Κρήτην μετὰ Δωρίων τε καὶ Ἀχαιῶν καὶ Πελασγῶν, τῶν οὐκ ἀπαράντων εἰς Τυρρηνίαν. Сравните Страбон, x. стр. 475-476, из которых ясно, что эта история была приведена Андроном со специальной пояснительной ссылкой на отрывок из "Одиссеи" (xv. 175).

Возраст Андрона, одного из авторов "Atthidês", точно не установлен, но вряд ли его можно отнести к периоду ранее 300 г. до н. э.; см. предварительную диссертацию К. Мюллера к Fragmenta Historicorum Græcorum, ed. Didot, p. lxxii; и Prolusio de Atthidum Scriptoribus, предисловие к изданию Ленцем фрагментов Фанодема и Демона, p. xxviii. Липс. 1812.

[65] См. Diodôr, iv. 60; v. 80. Из Страбона (*l. c.*), однако, мы видим, что другие отвергали историю Андрона.

О. Мюллер ("История дорийцев", т. I, с. 1, § 9) принимает эту историю за достоверную, отбрасывая имя Дорус, и даже считает несомненным, что Минос из Кносса был дорийцем; но доказательства, которыми он подкрепляет это заключение, кажутся мне неубедительными и причудливыми.

[66] Conôn, Narrat. 47; Ephorus, Fragm. 62, ed. Marx.

[67] Diodôr. v. 59; Apollodôr. iii. 2, 2. В следующей главе, но предшествующей этой, Диодор прямо упоминает родосских мифологов, в частности, одного из них, по имени Зенон (с. 57).

Весселинг предполагает двух разных поселенцев на Родосе, обоих звали Althæmenês: это, конечно, необходимо, если мы хотим рассматривать оба повествования как исторические.

[68] Strabo, xiv. p. 653; Pausan. ii. 39, 3; Kallimachus apud Stephan. Byz. v. Ἀλικάρνασος.

Геродот (vii. 99) называет Галикарнас колонией Трѐзена; Помпоний Мела (i. 16,) - Аргоса. Витрувий называет и Аргос, и Трѐзен (ii. 8, 12); но два экиста, которых он упоминает, Мелас и Ареваний, не были так известны, как Антес; жители Галикарнаса назывались *Antheadæ* (см. Stephan. Byz. v. Ἀθήναι; и любопытную надпись в Corpus Inscriptionum Боеция, № 2655).

[69] "La période qui me seem la plus obscure et la plus remplie de difficultés n'est pas celle que je viens de parcourir: c'est celle qui sépare l'époque des Héraclides de l'institution des Olympiades. Утрата произведений Эфора и Теопомпа, несомненно, является причиной огромного видео, которое мы предлагаем в этот промежуток времени истории Греции. Если исключить создание колоний

Эолии, Доринии и Ионии в Минорной Азии, а также нескольких знаменитостей, относящихся к первому периоду этих эпох, Пространство длиной в четыре с лишним века, о котором идет речь, покрыто мраком, практически непроницаемым, и все время приходится констатировать, что древние музеи не предоставляют никаких гарантий для восполнения столь значительного пробела. Отсутствие парей заставляет нас судить о том, что в Греции прошло не так много великих событий, которые прочно запечатлелись в памяти людей: puisque, si les traces ne s'en étaient point conservées dans les écrits des contemporains, au moins le souvenir s'en seroit il perpétué par des monumens: or les monumens et l'histoire se taisent également. Итак, следует признать, что Греция, взбудораженная в течение столь длительного времени революциями всех видов, измученная своими последними эмиграциями, устремилась в сторону местных занятий и в течение столь длительного промежутка времени не могла не скрывать, в условиях покоя и изобилия, которые наступили после этого, глубокие страдания, от которых страдало ее население". (Raoul Rochette, Histoire des Colonies Grecques, t. ii. c. 16. p. 455).

С той же целью Гиллис (History of Greece, ch. iii. p. 67. quarto): "Непонятные операции Греции в течение четырех последующих веков плохо согласуются с великолепиям троянской или даже аргонавтической экспедиции" и т. д.

[70] Ларше и Рауль Рошетт, принимая хронологическую дату Геродота, фиксируют взятие Трои в 1270 году до н. э., а возвращение Гераклидов в 1190 году до н. э. Согласно схеме Эратосфена, эти два события относятся к 1184 и 1104 годам до н. э.

О. Мюллер в своих "Хронологических таблицах" (Приложение vi. к "Истории дорийцев", т. ii. с. 441, англ. перевод) не приводит никаких дат или расчетов лет, предшествующих взятию Трои и возвращению Гераклидов, которые он помещает вместе с Эратосфеном в 1184 и 1104 гг. до н. э.

С. Мюллер считает (в своей Annotatio ad Marmor Parium, приложенной к Fragmenta Historicorum Græcorum, ed. Didot, pp. 556, 568, 572; ср. его предисловие к фрагментам Элланика, р. xxviii. того же тома), что древние хронологи в своем расположении мифических событий как предшествующих и последующих руководствовались определенными числовыми привязанностями, особенно почитанием цикла из 63 лет, произведением священных чисел  $7 \times 9 = 63$ . Я не могу считать, что он удовлетворительно излагает свою гипотезу относительно конкретного цикла, которому следовал, хотя не исключено, что некоторые предвзятые числовые теории действительно направляли этих ранних калькуляторов. Он обращает внимание на то, что александрийское исчисление дат было лишь одним из ряда других, не соответствующих действительности, и что современные исследователи слишком склонны относиться к нему так, как будто оно стоит особняком или обладает неким высшим авторитетом (стр. 568-572; ср. Clemen. Alex. Stromat. i. p. 145, Sylb.) Например, О. Мюллер замечает (Appendix to Hist. of Dorians, p. 442), что "критика и отвержение Ларшером александрийских хронологов могут быть, вероятно, признаны столь же необоснованными, сколь и самонадеянными" - замечание, которое, по меньшей мере, приписывает Эратосфену гораздо более высокий авторитет, чем он имеет право.

[71] Дата Каллимаха для *Ифита* одобрена Клавье (Prem. Temps, tom. ii. p. 203), который считает ее недалекой от истины.

[72] Эти даты, отделенные от остальных скобками, предлагаются как простые предположения, основанные на вероятной продолжительности поколений.

[73] Карл Мюллер замечает (в упомянутой выше диссертации, приложенной к Fragmenta Historicorum Græcorum, p. 568): "Quod attinet æram Trojanam, tot obuium et tam diversis veterum scriptorum computationibus, ut singulas enumerare negotium sit tædii plenum, eas vel probare vel



improbare res vana nec vacua ab arrogantia. Nam nemo hodie nescit quænam fides his habenda sit omnibus."

[74] Различие, которое мистер Клинтон проводит между восходящей и нисходящей хронологией, я не могу понять. Его доктрина заключается в том, что восходящая хронология заслуживает доверия и практически осуществима до первой записанной Олимпиады; нисходящая хронология заслуживает доверия и практически осуществима от Форонея до ионийской миграции: неопределенной остается длина промежуточной линии, соединяющей ионийскую миграцию с первой записанной Олимпиадой, - нисходящей и восходящей конечной точкой. (См. *Fasti Hellenici*, vol. i. *Introduct.* p. ix. second edit. и p. 123, ch. vi.)

Всякая хронология должна начинаться с восходящего отсчета: когда в результате этого процесса мы приходим к определенной эпохе в более раннем времени, мы можем от этой даты отсчитывать вниз, если пожелаем. Мы должны быть в состоянии вести отсчет вверх от настоящего времени до христианской эры, прежде чем мы сможем использовать это событие в качестве фиксированной точки для хронологических определений в целом. Но если Эратосфенес мог правильно вести восходящий отсчет от своего времени до падения Трои, то он также мог вести восходящий отсчет до более близкой точки ионийского переселения. Правда, Эратосфенес ведет все свои расчеты времени от более древней точки к более новой (по крайней мере, насколько мы можем судить по *Clemens Alex. Strom.* 1, p. 336); он говорит: "От взятия Трои до возвращения Гераклидов - 80 лет; от этого момента до ионического переселения - 60 лет; затем, далее, до опеки Ликурга - 159 лет; затем до первого года первой Олимпиады - 108 лет; от этой Олимпиады до вторжения Ксеркса - 297 лет; от этого момента до начала Пелопоннесской войны - 48 лет" и т. д. Но здесь нет разницы между восходящим отсчетом до первой Олимпиады, а затем нисходящим отсчетом для промежутков времени выше нее. Эратосфенес сначала нашел или сделал некий восходящий отсчет до троянского взятия, либо от своего собственного времени, либо от какого-то времени на известном расстоянии от его собственного: затем он принимает взятие Трои за эру и дает утверждения об интервалах, идущих вниз до Пелопоннесской войны: среди прочих утверждений он четко выделяет тот интервал, который г-н Клинтон объявляет неразгаданным, а именно пространство времени между ионической эмиграцией и первой Олимпиадой, поместив между ними одну эпоху. Я отвергаю вычисления Эратосфена или любые другие вычисления для определения предполагаемой даты Троянской войны; но если бы я признал их, то без колебаний признал бы и пространство, которое он определяет между ионийским переселением и первой Олимпиадой. Евсевий (*Præp. Ev.* x. 9, p. 485) ведет отсчет от рождения Христа, делая различные остановки, но никогда не прерываясь, до начальных явлений греческой древности - потопа Девкалиона и пожара Фаэтона.

[75] См. ряд баснословных имен, помещенных в начале Галикарнасской надписи, претендующей на перечисление ряда жрецов Посейдона от основания города (*Inscript.* No. 2655, *Voelckh*), с комментарием ученого редактора: сравните также то, что он считает надписью генеалогии, частично баснословной, в Иерапытне в Крте (No. 2563).

Памятный парианский мрамор сам по себе является надписью, в которой легенда и история - боги, герои и люди - смешиваются в различных последовательных эпохах без какого-либо сознания перехода в сознании надписчика.

О том, что каталог жриц Геры в Аргосе восходит к крайним сказочным временам, мы можем судить по фрагментам Эланика (Фрагменты 45-53). Также как и регистры в Сикионе: они утверждали, что Амфион, сын Зевса и Антиопы, является изобретателем арфы (Плутарх, *De Musicâ*, c. 3, p. 1132).

На предыдущей странице я отметил, что г-н Клинтон ошибочно ссылается на К. О. Мюллера, который верит в хронологическую *достоверность* списков первых спартанских царей: он говорит (т. III. App. vi. p. 330): "Г-н Мюллер считает, что *достоверный* отчет о годах каждого лакедемонского царствования от возвращения Гераклидов до Олимпиады Корибуса сохранился до времен Эратосфена и Аполлодора". Но это ошибка, так как Мюллер прямо отказывается от веры в *подлинность* списков (Dorians, i. p. 146): он говорит: "Я не утверждаю, что хронологические записи в спартанских списках *представляют собой подлинный документ*, в большей степени, чем те, что содержатся в каталоге жриц Геры и в списке Галикарнассских жрецов. Хронологические записи в спартанских списках могли быть составлены на основе несовершенных памятников: но александрийские хронологи должны были найти такие таблицы в существовании" и т. д.

Расхождения, замеченные Геродотом (vi. 52), сами по себе достаточны, чтобы доказать, что непрерывные реестры имен лакедемонских царей начали вестись только спустя долгое время после даты, указанной г-ном Клинтоном.

Ксенофонт (Агесилай, viii. 7) соглашается с тем, что, по словам Геродота, было исконно лакедемонской историей, - что Аристодекм (а не его сыновья) был царем, который привел дорийских захватчиков в Спарту. Что еще более примечательно, так это то, что Ксенофонт называет его Ἀριστόδημος ὁ Ἡρακλέους. Разумный вывод состоит в том, что Ксенофонт считал Аристодама *сыном* Гераклеса, и что это была одна из различных генеалогических историй. Но тут в дело вступают критики: "ὁ Ἡρακλέους (замечает Шнайдер) не παῖς, sed ἀπόγονος, ut ex Herodoto, viii. 131, admonuit Weiske." Конечно, если бы Ксенофонт имел в виду это, он бы сказал ὁ ἄφ' Ἡρακλέους.

Возможно, можно привести конкретные исключительные случаи, когда очень распространенная фраза ὁ, за которой следует генитив, означает "*потомок*", а не "*сын*". Но если допустить какие-либо сомнения по этому поводу, то хронологические вычисления, основанные на генеалогиях, будут подвергнуты серьезному дополнительному подозрению. Почему мы должны считать, что Ксенофонт *должен* рассказывать ту же историю, что и Геродот, если его слова сами собой не говорят нам об этом?

[76] См. работу г-на Клинтона, стр. 32, 40, 100.

[77] "От этих трех" (Хилла, Памфила и Димаса), говорит г-н Клинтон, т. i. гл. 5, с. 109, "три дорийских племени получили свои имена".

[78] Pomponius Mela, iii. 7.

[79] См. предыдущий том этой истории, гл. ii. с. 66.

[80] Larcher, Chronologie d'Hérodote, chap. xiv. pp. 352-401.

От взятия Трои до перехода Александра с его армией в Азию (последняя известная дата - 334 год до н. э.), были сделаны следующие различные подсчеты: - Фаний

|              |     |      |      |
|--------------|-----|------|------|
| Фаний        | дал | 715  | лет. |
| Эфор         | "   | 735  | "    |
| Eratosthenês | "   | 774  | "    |
| Timæus       | "   | 820  | "    |
| Клейтарх     |     |      |      |
| Duris        | "   | 1000 | "    |

(Clemens Alexand. Strom. i. p. 337.)

Демокрит оценивает промежуток в семьсот тридцать лет между составлением Μικρὸς Διάκοσμος и взятием Трои (Diogen. Laërt. ix. 41). Исократес считал, что лакедемоняне обосновались в Пелопоннесе семьсот лет назад, и повторяет это в трех разных отрывках (Archidam. p. 118; Panathen. p. 275; De Pace, p. 178). Сами даты этих трех ораций различаются на двадцать четыре года, Архидам старше Панафиней на этот промежуток времени; однако он использует одинаковое количество лет для каждой из них при расчете в обратном направлении до Троянской войны (см. Clinton, vol. i. Introd. p. v.) В круглых числах его расчет почти совпадает с восемьюстами годами, указанными Геродотом в предшествующем веке.

Замечания Бёкха о парианском мраморе в целом в его Corpus Inscriptionum Græc. t. ii. pp. 322-336, чрезвычайно ценны, но особенно его критические замечания по эпохе Троянской войны, которая стоит двадцать четвертой в мраморе. Древние хронологи, начиная с Дамаста и Элланика, утверждали, что они установили не только точный год, но и точный месяц, день и час, когда произошло это знаменитое взятие. [Мистер Клинтон утверждает не более чем возможность определить это событие в течение пятидесяти лет, Introd. p. vi]. Бёкх иллюстрирует манеру их аргументации.

О. Мюллер замечает (History of the Dorians, t. ii. p. 442, Eng. Tr.): "Отсчитывая время от переселения Гераклидов вниз, мы следуем александрийской хронологии, о которой следует заметить, что наши материалы позволяют нам лишь восстановить ее в первоначальном виде, *а не проверять ее правильность*".

Но я не вижу, на основании каких доказательств это можно сделать. Мистер Клинтон, признавая, что Эратосфенес определил свою дату по предположению, полагает, что он выбрал "среднюю точку между более длинными и более короткими вычислениями своих предшественников". Бёкх считает это объяснение неудовлетворительным (l. c. p. 328).

[81] Καὶ τοὺς θεοὺς δὲ διὰ τοῦτο πάντες φασὶ βασιλεύεσθαι, ὅτι καὶ αὐτοὶ, οἱ μὲν ἔτι καὶ νῦν, οἱ δὲ τὸ ἀρχαῖον, ἐβασίλευοντο. Ὡσπερ δὲ καὶ τὰ εἶδη ἑαυτοῖς ἀφομοιοῦσιν οἱ ἄνθρωποι, οὕτω καὶ τοὺς βίους τῶν θεῶν (Aristot. Politic. i. 1. 7).

[82] В изображениях гомеровских героев нет существенных различий в характере между одной расой греков и другой, - или даже между греками и троянцами. См. Helbig, Die Sittlichen Zustände des Griechischen Heldenalters, part ii. p. 53.

[83] Niebuhr, Römische Geschichte, vol. i. p. 55, 2d edit. "Erkennt man aber, dass aller Ursprung jenseits unserer nur Entwicklung und Fortgang fassenden Begriffe liegt; und beschränkt sich von Stufe auf Stufe im Umfang der Geschichte zurückzugehen, so wird man Völker eines Stammes (das heisst, durch eigenthümliche Art und Sprache identisch) vielfach eben an sich entgegenliegenden Küstenländern antreffen ... ohne dass irgend etwas die Voraussetzung erheischte, eine von diesen getrennten Landschaften sei die ursprüngliche Heimath gewesen von wo ein Theil nach der andern gewandert wäre.... Dies ist der Geographie der Thiergeschlechter und der Vegetation analog: deren grosse Bezirke durch Gebürge geschieden werden, and beschränkte Meere einschliessen."

"Когда мы однажды признаем, однако, что *абсолютное начало лежит вне пределов наших умственных представлений, которые не понимают ничего, кроме развития и прогресса*, и когда мы попытаемся лишь вернуться от более поздних к более ранним стадиям истории, мы часто будем находить на противоположных берегах одного и того же моря людей одного происхождения (то есть с одинаковыми обычаями и языком), не имея оснований предполагать, что один из этих отдельных берегов был первобытным домом, откуда эмигранты переправились

на другой. Это аналогично географии животных и растений, чьи обширные области разделены горами и закрыты внутренними морями".

[84] Греческое название τύραννος не может быть правильно переведено как *тиран*; ведь многие из τύραννοι ни в коем случае не заслуживали такого названия, и говорить о мягком и благонамеренном тиране не соответствует правилам языка. Ближе всего к этому подходит слово "*деспот*", поскольку оно подразумевает, что человек получил больше власти, чем ему положено, но при этом не исключает благотворного использования этой власти некоторыми людьми. Тем не менее, оно очень неадекватно, чтобы выразить всю силу греческого чувства, которое вызывало первоначальное слово.

[85] Фейкийский царь Алкиной (Odys. vii. 55-65): есть двенадцать других фейкийских Βασιλῆες, он сам тринадцатый (viii. 391).

Главные мужчины в "Илиаде" и ухажеры Пенелопы в "Одиссее" называются обычно и без разбора как Βασιλῆες, так и Ἄνακτες; Последнее слово, однако, обозначает их как имущественных людей и хозяев рабов (по аналогии с последующим словом δεσπότης, которое не встречается у Гомера, хотя δέσποινα встречается в Одиссее), в то время как первое слово обозначает их как лиц, занимающих видное положение в племени (см. Odys. i. 393-401; xiv. 63). Вождь мог быть Βασιλεύς только из свободных людей; но он мог быть Ἄναξ как из свободных, так и из рабов.

Агамемнон и Менелай принадлежат к самому царственному роду (γένος βασιλεύτερον: ср. Tyrtæus, Fragm. ix. v. 8, p. 9, ed. Schneidewin) Пелопидов, которым Гермес передал скипетр, первоначально сделанный для Зевса (Илиада, ii. 101; ix. 160; x. 239); ср. Odys. xv. 539. Раса дарданов - любимое потомство Зевса, βασιλεύατον у троянцев (Илиада, xx. 304). Эти расы являются параллелями царских *просапиев*, называемых Амали, Асдинги, Гунгинги и Литинги, у готов, вандалов и лангобардов (Jornandes, De Rebus Geticis, c. 14-22; Paul Warnefrid, Gest. Langob. c. 14-21); и ἀρχικὸν γένος среди хаонийских эпиротов (Thucyd. ii. 80).

[86] Odys. i. 392; xi. 184; xiii. 14; xix. 109.

Οὐ μὲν γάρ τι κακὸν βασιλεύεμεν- αἴψά τέ οἱ δῶ

Ἄφνειον πέλεται, καὶ τιμῆστερος αὐτός.

Илиада, ix. 154-297 (когда Агамемнон обещает Ахиллу семь городов в качестве средства умиротворения его гнева):-.

Ἐν δ' ἄνδρες ναίουσι πολυρῥῆνες, πολυβοῦται,

Οἳ κέ σε δωτίνῃσι θεὸν ὦς, τιμήσουσι,

Καί σοι ὑπὸ σκήπτρῳ λιπαρὰς τελέουσι θέμιστας.

См. Илиада, xii. 312; и упреки Терситеса (ii. 226) - βασιλῆας δωροφάγους (Гесиод, Opp. Di. 38-264).

Римские цари имели большой τέμενος, выделенный им, - "agri, arva, et arbusta et pascui læti atque uberes" (Cicero, De Republ. v. 2): германские цари получали подарки: "Mos est civitatibus (замечает Тацит по поводу германцев, которых он описывает, M. G. 15) ultro ac viritim conferre principibus, vel armentorum vel frugum, quod pro honore acceptum etiam necessitatibus subvenit."

Доходы персидских царей до Дария состояли только из того, что называлось δῶρα, или подарками (Herod. iii. 89): Дарий впервые ввел в обиход как название "дань", так и определенную

оценку. Царь Полидектес в Серифосе приглашает своих друзей на праздник, условием которого является внесение каждым гостем ἔρανος в свою пользу (Pherekydês, Fragm. 26, ed. Didot); случай, которому фракийский банкет, подготовленный Сеутесом, дает точную параллель (Xenophôn, Anab. vii. 3, 16-32: ср. Thucyd. ii. 97, и Welcker, Æschyl. Trilogie, p. 381). Такая помощь или благодеяния, даже если они изначально были добровольными, в конце концов стали обязательными. В европейских монархиях Средневековья так называемые свободные дары были более древними, чем государственные налоги: "Феодальные подати (замечает мистер Халлам) являются началом налогообложения, которому они долгое время отвечали". (Middle Ages, ch. ii. part i. p. 189.) Так и о податях в старой французской монархии: "La Cour des Aides avoit été instituée, and sa jurisdiction s'étoit formée, lorsque le domaine des Rois suffisoit à toutes les dépenses de l'Etat, les droits d'Aides étoient alors des supplémens peu considérables et toujours temporaires. В дальнейшем домен роев стал анеантичным: помощники, напротив, стали постоянными и формировали почти всю совокупность ресурсов трезора". (Histoire de la Fronde, par M. de St. Aulaire, ch. iii. p. 124.)

[87] Ἐπὶ ῥήτοϊς γέρασι πατρικαὶ βασιλεῖαι, - таково описание, которое дает Фукидид этим героическим правительствам (i. 13).

Язык Аристотеля (Polit. iii. 10, 1) во многом аналогичен: Ἡ βασιλεία-ἡ περὶ τοὺς ἡρωικοὺς χρόνους-αὐτὴ δ' ἦν ἐκόντων μὲν, ἐπὶ τισὶ δ' ὠρισμένοις- στρατηγὸς δ' ἦν καὶ δικαστὴς ὁ βασιλεὺς, καὶ τῶν πρὸς τοὺς θεοὺς κύριος.

Однако вряд ли можно правильно сказать, что власть царя была *определенной*: ничто не может быть более неопределенным.

Агамемнон имел или принял на себя право предать смерти непокорного солдата (Aristot. Polit. iii. 9, 2). Слова, которые Аристотель читает в речи Агамемнона в Илиаде - Πὰρ γὰρ ἐμοὶ θάνατος - отсутствуют в наших современных копиях: александрийские критики стерли многие следы старой манеры.

[88] Поразительные фразы на эту тему вложены в уста Сарпедона (Илиада, xii. 310-322).

Царей называет и назначает Зевс, Ἴεκ δὲ Διὸς βασιλῆες (Hesiod, Theogon. 96; Callimach. Hymn. ad Jov. 79): кратέρῳ θεράποντε Διὸς - своего рода парафраз царского достоинства в случае Пелия и Нелея (Odys. xi. 255; ср. Iliad, ii. 204).

[89] Одиссей сам строит себе постель и спальню, а также плот (Odys. xxiii. 188; v. 246-255): он хвастается тем, что отлично косит и пашет (xviii. 365-375): о его поразительном мастерстве в атлетических состязаниях см. viii. 180-230. Парис принял участие в строительстве его собственного дома (Илиада, vi. 314).

[90] Odys. xi. 496; xxiv. 136-248.

[91] См. это выдающееся значение слов ἀγαθός, ἐσθλός, κακός и т. д., обильно проиллюстрированное в превосходных "Пролегоменах к "Теогнису"" Велькера, разд. 9-16. Камерарий в своих заметках об этом поэте (ст. 19) уже ясно представил себе смысл, в котором употребляются эти слова. Илиада, xv. 323. Οἷα τε τοῖς ἀγαθοῖσι παραδρῶσι χέρηες. Сравните Гесиод, Opp. Di. 216, и строку в Athenæus, v. p. 178, Αὐτόματοι δ' ἀγαθοὶ δειλῶν ἐπὶ δαΐτας ἴασιν.

"Moralis illarum vocum vis, et civilis-quarum hæc a lexicographis et commentatoribus plurimis fere neglecta est-probe discernendæ erunt. Quod quo facilius fieret, nescio an ubi posterior intellectus valet, majusculâ scribendum fuisset Ἀγαθοὶ et Κακοὶ".



Если бы этому совету Велькера можно было последовать, то многие заблуждения были бы устранены. Отнесение этих слов к власти, а не к достоинству, является их примитивным значением в греческом языке, восходящим к Илиаде и определяющим привычное обозначение партий в период активных политических споров. Этическое значение слова едва ли появляется до дискуссий, поднятых Сократом и продолженных его учениками; но примитивное значение все еще продолжало оставаться параллельным.

У меня будет повод более подробно коснуться этой темы, когда я перейду к описанию греческих политических партий. Сейчас же достаточно отметить, что эпитеты "*хорошие люди*", "*лучшие люди*", привычно применяемые впоследствии к аристократическим партиям, восходят к самому грубому периоду греческого общества.

[92] Aristot. Polit. i. 1, 7.

[93] Καὶ διὰ τοῦτ' ἴσως ἐβασιλεύοντο πρότερον, ὅτι σπάνιον ἦν εὐρεῖν ἄνδρας διαφέροντας κατ' ἀρετὴν, ἄλλως τε καὶ τότε μικρὰς οἰκοῦντας πόλεις (Polit. iii. 10, 7); также тот же трактат, ст. 8, 5 и ст. 8, 22. Οὐ γίνονται δ' ἔτι βασιλεῖαι νῦν и т. д.

Аристотель касается монархии гораздо менее подробно, чем олигархии или демократии: десятая и одиннадцатая главы его третьей книги, в которых он ее обсуждает, тем не менее, очень интересны для изучения.

В концепции Платона царское правление, если оно должно хорошо работать, предполагает, что скипетр будет принадлежать роду, превосходящему человечество (Legg. iv. 6. p. 713).

Афинские драматические поэты (особенно Еврипид) часто вкладывали в уста своих героических персонажей популярные настроения, адаптированные к демократической атмосфере Афин - совсем не такие, какие мы находим у Гомера.

[94] Βουλὴν δὲ πρῶτον μεγαθύμων ἴζε γερόντων (Iliad, ii. 53): ср. х. 195-415. Ἰλου, παλαιοῦ δημογέροντος (xi. 371).

[95] Iliad, xviii. 313.-

Ἑκτορι μὲν γὰρ ἐπήνησαν κακὰ μητιόωντι,

Πουλυδάμαντι δ' ἄρ' οὔτις, ὃς ἐσθλὴν φράζετο βουλὴν.

Также, xii. 213, где Полидамас говорит Гектору

... ἐπεὶ οὐδὲ μὲν οὐδὲ ἔοικε

Δῆμον ἐόντα παρὲς ἀγορεύεμεν, οὔτ' ἐνὶ βουλῇ,

Οὔτε ποτ' ἐν πολέμῳ, σὸν δὲ κράτος αἰὲν ἀέξειν.

[96] Iliad, ix. 95-101.

[97] Iliad, vii. 126, Πηλεὺς-Ἑσθλὸς Μυρμιδόνων βουλευφόρος ἢ δ' ἀγορήτης.

[98] Значительное внимание уделяется необходимости того, чтобы люди на агоре *сидели* (Илиада, ii. 96): *стоячая* агора - симптом беспорядков или ужаса (Илиада, xviii, 246); вечерняя агора, на которую люди приходят возвышенными от вина, также является предвестником несчастья (Одиссея, iii. 138).

Такие свидетельства регулярных формальностей, соблюдаемых на агоре, не лишены интереса.

[99] Iliad, ii. 100.-

... εἴποτ' αὐτῆς

Σχοίατ', ἀκούσειαν δὲ διοτρεφέων βασιλῆων.

Ницш (ad Odyss. ii. 14) оспаривает это ограничение индивидуального проявления вождями: мнение О. Мюллера (Hist. Dorians, b. iii. с. 3) представляется мне более правильным: таково было и мнение Аристотеля-φησὶ τοίνυν Ἀριστοτέλης ὅτι ὁ μὲν δῆμος μόνου τοῦ ἀκοῦσαι κύριος ἦν, οἱ δὲ ἡγεμόνες καὶ τοῦ πράξει (Schol. Iliad, ix. 17): сравните то же утверждение в его Никомаховой этике, iii. 5.

[100] См. Илиада, ix. 635; Odyss. xi. 419.

[101] Odyss. ii. 25-40.

[102] Odyss. ii. 43, 77, 145.

Νήποιοί κεν ἔπειτα δόμων ἔντοσθεν ὀλοισθε.

[103] Аналогичный характер носят общественные собрания ранних франков и лангобардов (Pfeffel, Histoire du Droit Public en Allemagne, t. i. p. 18; Sismondi, Histoire des Républiques Italiennes, t. i. с. 2, p. 71).

Дионисий Галикарнасский (ii. 12) делает слишком большой комплимент умеренности греческих царей-героев.

Римские цари, как и греческие героические цари, начинали с ἀρχὴ ἀνυπεύθυνος: слова Помпония (De Origine Juris, i. 2), возможно, более точно применимы к последним, чем к первым: "Initio civitatis nostræ Populus sine certâ lege, sine jure certo, primum agere instituit: omniaque manu a Regibus gubernabantur." Тацит говорит (Ann. iii. 26), "Nobis Romulus, ut libitum, imperitaverat: dein Numa religionibus et divino jure populum devinxit, repertaque quædam a Tullo et Anco: sed præcipuus Servius Tullius sanctorum legum fuit, quis etiam Reges obtemperarent." Назначение диктатора при Республике было воспроизведением, на короткий и определенный промежуток времени, этой старой неограниченной власти (Cicero, De Repub. ii. 32; Zonaras, Ann. vii. 13; Dionys. Hal. v. 75).

См. Rubino, Untersuchungen über Römische Verfassung und Geschichte, Cassel, 1839, buch i. abschnitt 2, pp. 112-132; и Wachsmuth, Hellenische Alterthumskunde, i. sect. 18, pp. 81-91.

[104] Илиада, ii. 204. Агамемнон обещает передать Ахиллу семь хорошо населенных городов с богатыми жителями (Iliad, ix. 153); а Менелай, если бы он мог убедить Одиссея покинуть Итаку и поселиться рядом с ним в Аргосе, обезлюдил бы один из соседних городов, чтобы освободить для него место (Odyss. iv. 176).

Мансо (Sparta, i. 1, p. 34) и Ницш (ad Odyss. iv. 171) склонны исключить эти отрывки как поддельные, - что, на мой взгляд, недопустимо без более прямых оснований, чем те, которые они могут привести.

[105] Илиада, ii. 74. Πρῶτα δ' ἐγὼν ἔπεισιν πειρήσομαι, etc.

[106] Iliad, ii. 188-196.

Ὅντινα μὲν βασιλῆα καὶ ἑξοχὸν ἄνδρα κιχείη,

Τόνδ' ἀγανοῖς ἐπέεσσιν ἐρητύσασκε παραστάς....

“Ὀν δ’ αὖ δῆμου τ’ ἄνδρα ἴδοι, βοόωντά τ’ ἐφεύροι,  
Τὸν σκήπτρῳ ἐλάσασκεν, ὁμοκλήσασκέ τε μύθῳ, etc.

[107] Iliad, ii. 213-277.

[108] Iliad, ii. 284-340. В своей обвинительной речи против Агамемнона Терситес также никак не затрагивает этот аномальный момент, хотя в обстоятельствах, при которых он произносит речь, он кажется самым естественным из всех остальных - и самым резким выпадом против главнокомандующего.

[109] См. иллюстрацию этого в речи Тесея, Eurip. Supplic. 349-352.

Δόξαι δὲ χρήζω καὶ πόλει πάσῃ τάδε-

Δόξει δ’, ἐμοῦ θέλοντος- ἀλλὰ τοῦ λόγου

Προσδοῦς, ἔχοιμ’ ἂν δῆμον εὐμενέστερον.

[110] Xenophôn, Memorab. i. 2, 9.

[111] Aristot. Polit. vii. 6, 1; Hippocrat. De Aëre, Loc. et Aq. v. 85-86; Herodot. vii. 135.

[112] σκήπτρον, θέμιστες, или θέμις, и ἀγορῇ, идут вместе, под председательством богов. Богиня Фемида и созывает, и распускает агору (см. Илиада, xi. 806; Одиссея, ii. 67; Илиада, xx. 4).

θέμιστες, заповеди и наказания, принадлежат Зевсу (Odys. xvi. 403); от него они передаются земным царям вместе со скипетром (Iliad, i. 238; ii. 206).

Комментаторы Гомера признавали θέμις, довольно строго, как ἀγορᾶς καὶ βουλῆς λέξιν (см. Eustath. ad Odys. xvi. 403).

Подарки и λυπαράι θέμιστες (Iliad, ix. 156).

[113] Hesiod, Theogon. 85; кажется, упоминается единственный судящий человек (Odys. xii. 439).

Следует отметить, что в Спарте обвинения в убийстве решал сенат (Aristot. Polit. iii. 1, 7): в исторических Афинах сенат Арейопага первоначально делал то же самое и сохранил, даже когда его полномочия были значительно сокращены, рассмотрение обвинений в умышленном убийстве и нанесении ран.

Что касается судебных функций ранних римских царей, то Dionys. Hal. A. R. x. 1. Τὸ μὲν ἀρχαῖον οἱ βασιλεῖς ἐφ’ αὐτῶν ἔταπτον τοῖς δεομένοις τὰς δίκας, καὶ τὸ δικαιοθὲν ὑπ’ ἐκείνων, τοῦτο νόμος ἦν (ср. iv. 25; и Цицерон, Republic. v. 2; Rubino, Untersuchungen, i. 2, p. 122).

[114] Iliad, xviii. 504.-

Οἱ δὲ γέροντες

Εἴατ’ ἐπὶ ξεστοῖσι λίθοις, ἱερῷ ἐνὶ κύκλῳ.

В некоторых старых северных сагах старики, собравшиеся для суда, изображены сидящими на больших камнях в кругу, называемом Уртхейльсринг, или Герихтсринг (Leitfaden der Nördischen Alterthümer, p. 31, Copenhag. 1837).

[115] Гомер, Илиада, xviii. 497-510.

[116] Hesiod, Opp. Di. 37.

[117] Hesiod, Opp. Di. 27-33.

[118] Hesiod, Opp. Di. 250-263; Гомер, Илиада, xvi. 387.

[119] Титтманн (Darstellung der Griechischen Staatsverfassungen, book ii. p. 63) дает слишком возвышенное, на мой взгляд, представление о состоянии и функциях гомеровской агоры.

[120] Илиада, i. 520-527; iv. 14-56; особенно агора богов (хх. 16).

[121] Odyss. ix. 114.-

Τοῖσιν δ' (циклопы) οὐτ' ἀγοραὶ βουλευφόροι, οὔτε θέμιστες.

Ἄλλ' οἷγ' ὑψηλῶν ὀρέων ναίουσι κάρηνα

Ἐν σπέσσι γλαφυροῖσι- θεμιστεύει δὲ ἕκαστος

Παιδῶν ἢ δ' ἀλόχων- οὐδ' ἀλλήλων ἀλέγουσι.

Эти строки иллюстрируют значение θέμις.

[122] См. об этом в пролитических рассуждениях Аристеиды, Περί Ῥητορικῆς (Or. xlv. vol. ii. p. 99): Ἡσίοδος ... ταῦτ' ἀντικρὺς Ὀμήρῳ λέγων ... ὅτι τε ἡ ῥητορικὴ σύνεδρος τῆς βασιλικῆς, etc.

[123] *Péleus*, king of the Myrmidons, is called (Iliad, vii. 126) Ἑσθλὸς Μυρμιδόνων βουλευφόρος ἢ δ' ἀγορητῆς-*Diomedes*, ἀγορῇ δέ τ' ἀμείνω (iv. 400)-*Нестор*, λιγὺς Πυλίων ἀγορητῆς-*Сарпедон*, Λυκίων βουλευφόρε (v. 633); и *Идомене́й*, Κρητῶν βουλευφόρε (xiii. 219).

Гесиод (Theogon. 80-96) еще более наглядно иллюстрирует *идею* царя, правящего путем убеждения и вдохновляемого Музами.

[124] См. поразительную картину в Фукидиде (ii. 65). Ксенофонт в "Киропедии" вкладывает в уста своего героя гомеровское сравнение между добрым царем и добрым пастухом, подразумевая при этом огромное превосходство в организации, морали и интеллекте (Cyropæd. viii. p. 450, Hutchinson).

Вольней замечает, говоря об эмирах друзов в Сирии: "Все зависит от обстоятельств: если правитель - человек способный, он абсолютен; если слабый - он шифровальщик. Это происходит от недостатка твердых законов; недостаток, общий для всей Азии". (Путешествия по Египту и Сирии, т. ii. с. 66.) Таково было положение царя в первобытной Греции.

[125] Тем не менее, вопрос, заданный Леотихидом свергнутому спартанскому царю Демарату, - ὅκοιόν τι εἶη τὸ ἄρχειν μετὰ τὸ βασιλεῦειν (Herodot. vi. 65), и острое оскорбление, нанесенное этими словами, являются одним из многих других доказательств высокой оценки царского достоинства, существующей в Спарте, которую Аристотель в "Политике", кажется, не принял во внимание.

[126] О. Мюллер (Hist. Dorians, book iii. i. 3) утверждает, что основные черты царской власти сохранились в дорийских государствах и были стерты только в ионийских и демократических. В этом вопросе ему следовали и другие авторы (см. Helbig, Die Sittlich. Zustände des Heldenalters, p. 73), но его позиция кажется мне в значительной степени неверной даже в отношении Спарты; и поразительно неверной - в отношении других дорийских государств.

[127] Cæsar, Bell. Gallic. vi. 12.

[128] Seneca, Epist. xc.; Tacitus. Annal. iii. 26. "Vetustissimi mortalium (говорит последний), nullâ adhuc malâ libidine, sine probro, scelere, eoque sine pœnâ aut coërcitione, agebant: neque præmiis

opus erat, cum honesta suoapte ingenio peterentur; et ubi nihil contra morem cuperent, nihil per metum vetabantur. At postquam exui æqualitas, et pro modestiâ et pudore ambitio et vis incedebat, proveniêre dominationes, multosque apud populos æternum mansere," etc. Сравните Страбон, vii. p. 301.

Это те же самые фантазии, которые так красноречиво излагал Руссо в прошлом веке. Гораздо более мудрая критика пронизывает предисловие Фукидида.

[129] Сеутес в "Анабасисе" Ксенофонта (vii. 2, 33) рассказывает, как, будучи сиротой, он просил фракийского царя Мёдокоса дать ему отряд последователей, чтобы он мог вернуть свои утраченные владения, ἐκαθεζόμεν ἐνδΐφριος αὐτῷ ἰκέτης δοῦναί μοι ἄνδρας.

Фукидид дает интересное описание прибытия изгнанника Фемистоклеса, которого греки тогда горячо преследовали по подозрению в измене, в дом Адмета, царя эпиротийских молоссов. Жена Адмета сама проинструктировала беглеца, как следует обращаться к мужу с мольбами: ему положили на руки ребенка Адмета и велели сесть в таком виде рядом с освященным очагом, который был похож на алтарь. Сидя так, он обратился к Адмету с настоятельной просьбой о защите: тот поднял его с земли и пообещал то, о чем его просили. "Это (говорит историк) была самая мощная форма мольбы". Адмет, ἀκούσας ἀνίστησί τε αὐτὸν μετὰ τοῦ ἑαυτοῦ υἱέος, ὥσπερ καὶ ἔχων αὐτὸν ἐκαθέζετο, καὶ μέγιστον ἰκέτευμα ἦν τοῦτο (Thuc. i. 136). Так и Теф в утраченной драме Эсхила под названием "Μυσοὶ" берет на руки ребенка Орестеза. См. Bothe's Fragm. 44; Schol. Aristoph. Ach. 305.

В "Одиссее" и Наусикаа, и богиня Атене наставляют Одиссея в правильной форме обращения к Алкиносу: сначала он бросается в ноги царице Арте, обнимает ее колени и обращается к ней со своей молитвой, а затем, не дожидаясь ответа, садится среди золы на очаге, - ὡς εἰπὼν, κατ' ἄρ' ἔζेत' ἐπ' ἐσχάρῃ ἐν κονίῃσι, - Алкиной ужинает в большой компании: Некоторое время и он, и гости молчат: в конце концов древний Эхеней упрекает его в том, что он опоздал воскресить незнакомца из пепла. Фейкийский царь берет Одиссея за руку и, подняв его, сажает на стул рядом с собой; затем он велит герольдам смешать чашу вина и подать ее всем присутствующим, чтобы все могли вознести возлияния Зевсу Гикетесию. Эта церемония наделяет чужеземца всеми правами и характером просителя (Odys. vi. 310; vii. 75, 141, 166): κατὰ νόμους ἀφικτόρων, Æschyl. Supplic. 242.

Мы видим, что форма имеет большое значение: но, конечно, к мольбе часто обращаются, и успешно, в обстоятельствах, когда эта форма не может быть соблюдена.

Трудно согласиться с доктриной Евстафия (ad Odys. xvi. 424), что ἰκέτης - это *vox media* (как и ξεῖνος), применимое как к ἰκετάδοχος, так и к ἰκέτης, называемому так правильно: Но слово ἀλλήλοισιν в процитированном отрывке, кажется, оправдывает его замечание: все же нет прямых оснований для такого использования этого слова у Гомера.

Обращение Феоклимена, когда он впервые обращается с просьбой к Телемаху, характерно для этой практики (Odys. xv. 260); сравните также Iliad, xvi. 574, и Hesiod. Scut. Hercul. 12-85.

Идея ξεῖνος и ἰκέτης очень близки друг другу. Мне трудно убедить себя в том, что чтение ἰκέτευσε (Odys. xi. 520) является истинно гомеровским: подразумевая идею жалкого страдальца, оно совершенно неуместно, когда относится к гордому и стремительному Неоптолему: мы скорее должны были бы ожидать ἐκέλευσε. (См. Odys. x. 15.)

Сковывающая сила особых формальностей прошения у скифов убедительно показана в "Токсарисе" Лукиана: проситель сидит на бычьей шкуре, со связанными за спиной руками (Lucian, Toxaris c. 48, vol. iii. p. 69, Tauchn.) - μεγίστη ἰκετηρία среди этого народа.



[130] Iliad, xxiii. 142.

[131] Odyss. xiv. 389.

Οὐ γὰρ τοῦνεκ' ἐγὼ σ' αἰδέσσομαι, οὐδὲ φιλήσω,

Ἀλλὰ Δία ξένιον δείσας, αὐτὸν δ' ἐλεαίρων.

[132] Nägelsbach (Homerische Theologie, Abschn. v. s. 23) дает справедливый и обоснованный взгляд на гомеровскую этику: "Es ist der charakteristische Standpunkt der Homerischen Ethik, dass die Sphären des Rechts, der Sittlichkeit, und Religiosität, bey dem Dichter, durchaus noch nicht auseinander fallen, so dass der Mensch z. B. δίκαιος seyn konnte ohne θεουδής zu seyn-sondern in unentwickelter Einheit beysammen sind."

[133] Νόμοι, законы, не является гомеровским словом; νόμος, закон, в единственном числе, встречается дважды в гесиодовских "Трудах и днях" (276, 388).

Употребление слов δίκη, δίκαι, θέμις, θέμιστες у Гомера любопытно как иллюстрация ранних моральных ассоциаций, но потребовало бы гораздо больше места, чем можно уделить в примечании; мы видим, что смысл каждого из этих слов был существенно изменчив. *Фемида* у Гомера - это иногда определенно человек, который выполняет важную функцию открытия и закрытия агоры, как для богов, так и для людей (Илиада, xx. 4: Одиссея, ii. 68), и который, кроме того, действует и говорит (Илиада, xiv. 87-93): всегда соратник и спутник Зевса, высшего бога. У Гесиода (Theog. 901) она - жена Зевса; у Эсхила (Prometh. 209) она то же, что и Γαῖα; даже у Платона (Legg. xi. p. 936) свидетели клянутся (в незнании допрашиваемых вопросов) Зевсом, Аполлоном и Фемидой. *Фемида как лицо*, вероятно, является самым древним значением этого слова: затем мы имеем множественное число θέμιστες (связанное с глаголом τίθεμι, как θεσμός и τεθμός), которые являются (не лицами, а) особыми принадлежностями или эманациями верховного бога или царя, действующего под его началом, аналогичными скипетру и соединенными с ним. Скипетр и θέμιστες или δίκαι постоянно встречаются вместе (Илиада, ii. 209; ix. 99): Зевс или царь - судья, а не законодатель; он издает указы или особые распоряжения, чтобы разрешить конкретные споры или сдержать конкретных людей; и, в соответствии с конкретными формами древнего языка, указы трактуются так, как если бы они были собранием готовых предметных вещей, фактически находящихся в его распоряжении, как скипетр, и готовых к выдаче при возникновении соответствующего случая: δικασπόλοι, οἵτε θέμιστας Πρὸς Διὸς εἰρύαται (Il. i. 238), по сравнению с двумя приведенными отрывками: Ἄφρονα τοῦτον ἀνέντας, ὃς οὔτινα οἷδε θέμιστα (Il. v. 761), Ἄγριον, οὔτε δίκας εὔ εἰδότα οὔτε θέμιστας (Odyss. ix. 215). Множественное число δίκαι употребляется у Гомера чаще, чем единственное: δίκη редко используется для обозначения справедливости, абстрактного понятия; чаще оно обозначает особое притязание на право со стороны какого-то конкретного человека (Il. xviii. 508). Иногда оно также обозначает просто установившийся обычай или известный жребий, -δμῶν δίκη, γερόντων, θείων βασιλῶν, θεῶν (см. Damm's Lexicon, ad voc.) θέμις используется таким же образом.

См. по этому вопросу Платнер, De Notione Juris ap. Homerum, p. 81, и O. Müller, Prolegg. Mythol. p. 121.

[134] Οὐδὲ τοκεῦσι Θρέπτρα φίλοις ἀπέδωκε (Il. iv. 477): θρέπτρα или θρεπτήρια (cp. Il. ix. 454; Odyss. ii. 134; Hesiod, Opp. Di. 186).

[135] Aristot. Polit. ii. 5, 11. Ο ἔδνα, или подарке, который жених преподносит отцу в качестве побуждения выдать дочь замуж, говорят как об очень ценном, -ἀπερείσια ἔδνα (Il. xi. 244; xvi. 178; xxii. 472): выдать дочь без ἔδνα было высокой похвалой для предполагаемого зятя (Il. ix. 141: cp. xiii. 366). У древних германцев Тацита муж дарил подарки не отцу жены, а ей самой (Tacit. Germ. c.

18): обычаи ранних евреев были в этом отношении совершенно гомеровскими; см. случай с Сихемом и Диной (Бытие, xxxiv. 12) и др.

Греческое ἔδνα в точности соответствует *mundium* в лангобардских и алеманнских законах, что объясняет г-н Прайс (Заметки о законах короля Этельберта в "Древних законах и институтах Англии", переведенных и опубликованных г-ном Торпом, т. I, с. 20): "Лонгобардский закон - самый подробный из всех варварских кодексов в своих положениях, касающихся брака, и особенно в отношении Mund. Из этого закона следует, что мундий был суммой, выплачиваемой семье невесты за передачу опеки, которой они обладали над ней, семье мужа: "Si quis pro muliere liberâ aut puellâ mundium dederit et ei tradita fuerit ad uxorem," etc. (В том же значении, в котором этот термин встречается в этих доумах, он также встречается в алеманнском праве: он также был распространен в Дании и Швеции, где невесту называли mund-bought или mund-given woman".

Согласно 77-му закону короля Этельберта (стр. 23), этот мунд часто выплачивался скотом: саксонские дочери были πάρθενοι ἀλφεσίβοιαι (Илиада, xviii. 593).

[136] Odyss. i. 430: Iliad, ix. 450: см. также Terpstra, *Antiquitas Homerica*, capp. 17 и 18.

Полигамия, по-видимому, приписывается Приаму, но никому другому (Илиада, xxi. 88).

[137] Odyss. xiv. 202-215: сравните Iliad, xi. 102. В первобытном германском наследственном праве отцовское наследство делилось между сыновьями умершего отца под подразумеваемым обязательством содержать и наделять своих сестер (Eichhorn, *Deutsches Privat-Recht*. sect. 330).

[138] Iliad, ii. 362.

Ἀφρήτωρ, ἀθέμιτος, ἀνέστιός ἐστιν ἐκεῖνος,

Ὅς πολέμου ἔραται и т. д. (Il. ix. 63.).

Эти три эпитета включают три различных класса личных симпатий и обязательств: 1. Фратрия, в которой человек связан с отцом, матерью, братьями, кузенами, шуринами, сородичами и т. д.; 2. θέμιτες, в которой он связан со своими товарищами, посещающими ту же агору; 3. его Гестия, или Очаг, в котором он становится доступным для ξεῖνος и ἱκέτης:-.

Τῷ δ' Ὀδυσσεὺς ξίφος ὅξυ καὶ ἄλκιμον ἔγχος ἔδωκεν,

Ἀρχὴν ξεινοσύνης προσκηδέος- οὐδὲ τραπέζην

Γνώτην ἀλλήλοιν. (Odyss. xxi. 34.)

[139] Следует, однако, отметить, что когда вождь принимал чужеземца и делал ему подарки, он возмещал себе их стоимость сборами среди народа (Odyss. xiii. 14; xix. 197): ἀργαλέον γὰρ ἔνα προικὸς χάρισασθαι, говорит Алкиной.

[140] Odyss. i. 123; iii. 70, etc.

[141] Odyss. xvii. 383.-

Τίς γὰρ δὴ ξεῖνον καλεῖ ἄλλοθεν αὐτὸς ἐπελθὼν

Ἄλλον γ' εἰ μὴ τῶνδ', οἳ δημιόεργοι ἔασιν и т.д.;

которая дышит откровенной пронизательностью гесиодовских "Трудов и дней", ст. 355.

[142] См. показательный случай с Ликаоном, тщетно просящим пощады у Ахилла. (Илиада, xxi. 64-97. Ἀντί τοι εἴμι' ἱκέταο и т. д.).

Менелай собирается пощадить жизнь троянца Адраста, который падает на колени и просит пощады, предлагая большой выкуп, - когда Агамемнон отвергает мысль о пощаде и убивает Адраста собственной рукой: его речь к Менелаю демонстрирует крайнюю степень жестокой вражды, но поэт говорит:...

Ὡς εἰπὼν, παρέπεισεν ἀδελφεῖου φρένας ἥρως,

*Αἶσμα παρειπὼν* и т. д.

Адраст не называется *ikétēs*, и это выражение не употребляется ни в отношении Долона (II. x. 456), ни в столь же поразительном случае с Одиссеем (Odys. xiv. 279), когда он умолял о жизни.

[143] Odys. ix. 112-275.

[144] Тацит. German. c. 21. "Quemeunque mortalium arcere tecto, nefas habetur: pro fortunâ quisque apparatis epulis excipit: cum defecêre qui modo hospes fuerat, monstratur hospitii et comes, proximam domum non invitati adeunt: nec interest-pari humanitate accipiuntur. Notum ignotumque, quantum ad jus hospitii, nemo discernit." Сравните Cæsar, B. G. vi. 22.

См. о друзьях и аравийцах: Volney, Travels in Egypt and Syria, vol. ii. p. 76, англ. перевод; Niebuhr, Beschreibung von Arabien, Copenh. 1772, pp. 46-49.

Помпонию Мелу описывает древних германцев языком, неприменимым к гомеровским грекам: "Jus in viribus habent, adeo ut ne latrocinii quidem pudeat: *tantum* hospitibus boni, mitesque supplicibus." (iii. 3.)

"Гостеприимство индейцев хорошо известно. Оно распространяется даже на чужеземцев, которые находят среди них убежище. Они считают это самым священным долгом, от которого никто не освобождается. Тот, кто отказывает кому-либо в помощи, совершает тяжкое преступление и не только вызывает всеобщую ненависть и отвращение, но и подвергается мести со стороны обиженного. В своем поведении по отношению к врагам они жестоки и неумолимы, а когда разгневаны, не жаждут ничего, кроме убийства и кровопролития. Однако они умеют скрывать свои страсти и ждать удобного случая для их удовлетворения. Но тогда их ярость не знает границ. Если они не могут удовлетворить свое негодование, они даже призывают к этому своих друзей и потомков. Самый долгий промежуток времени не может охладить их гнев, а самое отдаленное убежище - обезопасить их врага". (Лоскиэль, История миссии Объединенных Братьев среди североамериканских индейцев, часть I. гл. 2, с. 15).

"Шарлевуа замечает (пишет д-р Фергюсон, "Очерк гражданского общества", часть II, § 2, с. 145), что народы, среди которых он путешествовал по Северной Америке, никогда не упоминали об актах щедрости или доброты под понятием долга. Они действовали из привязанности, как действуют из аппетита, не обращая внимания на последствия. Сделав добро, они удовлетворяли свое желание: дело было закончено, и оно уходило из памяти. Дух, с которым они дарят или принимают подарки, тот же, что и у древних германцев, о которых Тацит говорит: "Gaudent muneribus, sed nec data imputant, nec acceptis obligantur". Такие подарки не имеют особого значения, за исключением случаев, когда они служат печатью сделки или договора".

Что касается морлаков (иллирийских склавонцев), аббат Фортис говорит (Путешествия по Далмации, стр. 55-58):- "Гостеприимство морлаков - это не просто гостеприимство.

"Гостеприимство морлаков одинаково заметно как среди бедных, так и среди богатых. Богатый готовит жареного ягненка или барана, а бедный с таким же радушием отдает свою индейку, молоко, мед - все, что у него есть. Их щедрость не ограничивается чужаками, а, как правило,

распространяется на всех, кто находится в нужде..... Дружба среди морлаков прочна. Они даже возвели ее в ранг религии и скрепляют священные узы у подножия алтаря. Славонский ритуал содержит особое благословение для торжественного союза двух друзей-мужчин или двух друзей-женщин в присутствии всей общины. Соединившиеся таким образом друзья-мужчины называются *Pobratimi*, а женщины - *Posestrema*, что означает сводные братья и сводные сестры. Обязанности *Pobratimi* - помогать друг другу в случае нужды и опасности, мстить за взаимные обиды и т. д.: их энтузиазм часто доходит до того, что они рискуют и даже теряют жизнь..... Но как дружба Морлаков крепка и священна, так и ссоры их обычно неистребимы. Они переходят от отца к сыну, и матери не перестают напоминать детям об их долге отомстить за отца, если он имел несчастье быть убитым, и часто показывать им окровавленную рубашку покойного..... Морлаки непримиримы, если его обидели или оскорбили. Для него месть и справедливость имеют совершенно одинаковое значение, и это действительно первобытная идея, и мне говорили, что в Албании последствия мести еще более жестоки и более продолжительны. Там человек с самым мягким характером способен на самую варварскую месть, считая ее своим непереносимым долгом..... Морлаки, убивший другого представителя могущественной семьи, обычно вынужден спасаться бегством и держаться в стороне в течение нескольких лет. Если за это время ему посчастливилось избежать поисков своих преследователей и получить небольшую сумму денег, он старается добиться помилования и мира..... В некоторых местах существует обычай, когда обиженная сторона угрожает преступнику, приставляя к его горлу всевозможное оружие, и в конце концов соглашается принять выкуп".

О влиянии этих двух различных тенденций - преданной личной дружбы и непримиримой вражды - среди иллирико-славонского населения см. в Cyprien Robert, *Les Slaves de la Turquie*, ch. vii. pp. 42-46, и Dr. Joseph Müller, *Albanien, Rumelien, und die Oesterreichisch-Montenegrinische Gränze*, Prag. 1844, pp. 24-25.

"Именно за добродетель гостеприимства (замечает Гогет, "Происхождение законов" и т. д., т. I, кн. VI, гл. IV) прославились в первую очередь первобытные времена. Но, на мой взгляд, гостеприимство тогда проявлялось не столько от щедрости и величия души, сколько по необходимости. Вероятно, общий интерес породил этот обычай. В далекой древности общественных трактиров было мало или не было вовсе: они принимали незнакомцев, чтобы оказать им ту же услугу, если те случайно забредут в их страну. Гостеприимство было взаимным. Когда они принимали незнакомцев в своих домах, те получали право быть принятыми в их домах. Это право считалось древними священным и неприкосновенным и распространялось не только на тех, кто его приобрел, но и на их детей и потомков. Кроме того, гостеприимство в те времена не требовало больших затрат: люди мало путешествовали. Одним словом, современные арабийцы доказывают, что гостеприимство может сочетаться с самыми большими пороками и что этот вид щедрости не является решающим доказательством доброты сердца или правильности нравов".

В книге Бытия, наряду со многими другими чертами сходства с гомеровскими нравами, представлена готовность и пышное гостеприимство по отношению к чужестранцу.

[145] Что касается фракийцев, сравните Herodot. v. 11; Thucyd. vii. 29-30. Выражение последнего историка замечательно: -τὸ δὲ γένος τῶν Θρακῶν, ὁμοῖα τοῖς μάλιστα τοῦ βαρβαρικοῦ, ἐν ᾧ ἂν θάρσῃ, φονικώτατόν ἐστι.

Сравните Herodot. viii. 116; жестокость фракийского царя Бисалта по отношению к собственным сыновьям.

Рассказ Одиссея Эвмею в "Одиссее" (xiv. 210-226) служит ценным сравнением для этого хищнического нрава фракийцев. Там Одиссей относится к любви жить войной и грабежом как к своему собственному вкусу: ему не нравился регулярный труд, но последний не рассматривается как нечто подлое или неподобающее свободным людям:...

ἔργον δέ μοι οὐ φίλον ἦεν

Οὐδ' οἰκωφελίη, ἣ τε τρέφει ἀγλαὰ τέκνα, etc.

[146] Ilias Minor, Fragg. 7, p. 18, ed. Düntzer; Iliad, xxiii. 175. Один раз упоминается, что Одиссей добыл яд для своих стрел (Odys. i. 160), но отравленные стрелы не используются ни в одной из двух поэм.

Анекдоты, рассказанные скифом Токсарисом в работе Лукиана под таким названием (т. ii. с. 36, p. 544, *seqq.* ed. Hemst.), дают яркое представление о сочетании напряженной и преданной дружбы между людьми с самой отвратительной жестокостью нравов. "Вы, греки, живете в мире и спокойствии, - замечает скиф, - παρ' ἡμῖν δὲ συνεχεῖς οἱ πόλεμοι, καὶ ἡ ἐπελαύνομεν ἄλλοις, ἣ ὑποχωροῦμεν ἐπιόντας, ἣ συμπεσόντες ὑπὲρ νομῆς ἢ λείας μαχόμεθα- ἐνθα μάλιστα δεῖ φίλων ἀγαθῶν, etc.

[147] Odys. xxi. 397; Pherekydês, Fragg. 63, ed. Didot; Autolykus, πλεῖστα κλέπτων ἐθησαύριζεν. Гомеровский гимн Гермесу (великому богу-покровителю Автоликуса) - еще один пример восхищения, которое может вызвать ловкое воровство.

ἡμερόκοιτος ἀνὴρ, способный ограбить ферму, - один из главных врагов, против которого Гесиод советует принимать меры предосторожности, - острозубая собака, хорошо откормленная, чтобы служить охраной (Opp. Di. 604).

[148] Iliad, xi. 624; xx. 189. Odys. iv. 81-90; ix. 40; xiv. 230; и косвенное откровение (Odys. xix. 284), соединенное с комплиментом ловкости Одиссея.

[149] Даже в столетие, предшествующее Фукидиду, неразборчивый грабеж на море, совершенный греческими кораблями против негреческих кораблей, похоже, не считался позорным. Фокейский Дионисий после неудачного восстания ионийцев отправляется со своими тремя военными кораблями в Сицилию и оттуда грабит тирренцев и карфагенян (Herod. vi. 17). -ληϊστῆς κατεστήκεε, Ἑλλήνων μὲν οὐδενός, Καρχηδονίων δὲ καὶ Τυρσηνῶν. Сравните поведение фокейских поселенцев в Алалии на Корсике после завоевания Ионии Гарпагом (Herodot. i. 166).

В договоре между римлянами и карфагенянами, заключенном в период после 509 года до н. э, говорится: -Τοῦ Καλοῦ Ἀκρωτηρίου, Μαστίας, Ταρσηίου, μὴ ληϊζεσθαι ἐπέκεινα Ῥωμαίους μηδ' ἐμπορεῦεσθαι, μηδὲ πόλιν κτίζειν (Polyb. iii. 24, 4). Грабеж, торговля и колонизация - вот три цели, которые преследовали бы римские корабли, если бы на них не лежала особая обязанность воздерживаться в отношении иностранцев. Эта мораль ближе к гомеровской эпохе, чем к тому состоянию чувств, которое Фукидид называет актуальным в его время среди греков.

[150] См. интересную хвастливость Нестора, Илиада, xi. 670-700; также Odys. xxi. 18; Odys. iii. 71; Thucyd. i. 5.

[151] Odys. iv. 165, среди многих других отрывков. Телемах сетует на несчастье своего рода в том отношении, что он сам, Одиссей и Лаэртский были только сыновьями своих отцов: не было братьев, которые могли бы служить взаимными помощниками (Odys. xvi. 118).

[152] Opp. Di. 182-199:-



Οὐδὲ πατὴρ παίδεσσιν ὁμοῖος, οὐδέ τι παῖδες,  
Οὐδὲ ξεῖνος ξεινοδόκῳ, καὶ ἑταῖρος ἑταίρῳ,  
Οὐδὲ κασίγνητος φίλος ἔσσεται, ὥς τὸ πάρος περ,  
Αἴψα δὲ γηράσκοντας ἀτιμήσουσι τοκῆας и т. д.

[153] Iliad, xxii. 487-500. Однако Гесиод говорит об оскорблении детей-сирот как о чудовищном преступлении (Opp. Di. 330).

[154] Iliad, xxii. 371. οὐδ' ἄρα οἷ τις ἀνοούτῃ γέ παρέστη. Аргумент из Илиады. Minor. ap. Düntzer, Epp. Fragm. p. 17; Вергилий, Энеида, vi. 520.

И Агамемнон, и оилиадский Аякс отрубая головы убитым воинам и отправляют их катиться, как мяч или как ступка, среди толпы воинов (Илиада, xi. 147; xiii. 102).

Этическая норма, проповедуемая Одиссеем в "Одиссее", - не произносить хвастливых криков над убитым врагом (Οὐκ ὁσίη, κταμένοισιν ἐπ' ἀνδράσιν εὐχετάσθαι, xxii. 412), обильно нарушается в Илиаде.

[155] Herodot. ix. 78-79. Противопоставьте это сильное выражение Павсания поведению карфагенян в конце Пелопоннесской войны, после взятия Селина в Сицилии, где, предав смерти 16 000 человек, они изуродовали мертвые тела, -κατὰ τὸ πατριὸν ἔθος (Diodôr. xiii. 57-86).

[156] Моисеев закон признает эту привычку и обязанность со стороны родственников убитого и предоставляет города-убежища для укрытия преступника в определенных случаях (Deuteron. xxxv. 13-14; Bauer, Handbuch der Hebräischen Alterthümer, sect. 51-52).

Родственник, унаследовавший имущество убитого, был обязан отомстить за его смерть (H. Leo, Vorlesungen über die Geschichte des Jüdischen Staats.-Vorl. iii. p. 35).

[157] "Suscipere tam inimicitias, seu patris, seu propinqui, quam amicitias, necesse est. Nec implacabiles durant: luitur enim etiam homicidium certo pecorum armentorumque numero, recipitque satisfactionem universa domus." (Tacit. German. 21.) Niebuhr, Beschreibung von Arabien, p. 32.

"Индейский пир (говорит Лоскиэль, миссия Объединенных Братьев в Северной Америке) редко завершается без кровопролития. За убийство мужчины убийца должен заплатить сто ярдов вампуна, а за убийство женщины - двести ярдов. Если он слишком беден, что обычно случается, а его друзья не могут или не хотят помочь ему, он должен бежать от обиды родственников".

Porre (Gerichtswesen der Germanen, capp. 1, 2, 3), Гримм (Deutsche Rechtsalterthümer, book v. cap. 1-2) и Айххорн (Deutsches Privat-Recht. sect. 48) изложили эту идею и вытекающие из нее последствия у древних германцев.

Аристотель в качестве иллюстрации крайней глупости древнегреческих обычаев (εὐήθη πάμπαν) ссылается на обычай, который, по его словам, все еще сохранялся в эолийском Кимке в случаях убийства. Если обвинитель приводил в поддержку своего обвинения определенное число свидетелей из своего рода, то человек считался безусловно виновным, -οἷον ἐν Κύμῃ περὶ τὰ φονικὰ νόμος ἔστιν, ἂν πλῆθος τι παράσχηται μαρτύρων ὁ διώκων τὸν φόνον τῶν αὐτοῦ συγγενῶν, ἔνοχον εἶναι τῷ φόνῳ τὸν φεύγοντα (Polit. ii. 5, 12). Это представляет собой любопытную параллель со старым германским институтом Eideshelfern, или фокусников, которые, хотя чаще всего требовались и приводились в поддержку обвиняемой стороны, все же приводились и обвиняющей стороной. См. Porre, разд. 36, p. 186; Grimm, p. 862.

[158] Слово *ποινὴ* указывает на это *удовлетворение ценной платой* за причиненное зло, особенно за убийство: то, что латинское слово *pœna* первоначально означало то же самое, можно заключить из старых фраз *dare pœnas, pendere pœnas*. Наиболее показательным в "Илиаде" является отрывок, в котором Аякс в посольстве, предпринятом для примирения Ахилла, порицает в сравнении неумолимое упорство последнего в сведении на нет предложенных Агамемноном подарков (Il. ix. 627):-

Νηλῆς- καὶ μὲν τίς τε κασιγνήτοιο φόνοι

Ποινὴν, ἣ οὐ παιδὸς ἐδέξατο τεθνεῶτος-.

Καὶ ῥ' ὁ μὲν ἐν δῆμῳ μένει αὐτοῦ, πολλ' ἀποτίσας-

Τοῦ δέ τ' ἐρητύεται κραδίη καὶ θυμός ἀγήνωρ,

Ποινὴν δεξαμένου....

*ποινὴ* - это, в первобытном смысле, подлинная плата ценными товарами, служащая компенсацией (Илиада, iii. 290; v. 266; xiii. 659): но по естественной метафоре она стала обозначать смерть одного или нескольких троянцев в качестве компенсации за смерть только что павшего греческого воина (или *наоборот*, Илиада, xiv. 483; xvi. 398); иногда даже понятие компенсации вообще (xvii. 207). В изображении на щите Ахилла четко прослеживается подлинное разбирательство по поводу *ποινὴ*: Вопрос, который там ставится, заключается в том, действительно ли выплата, предусмотренная как удовлетворение за убитого, была произведена или нет, - δύο δ' ἄνδρες ἐνείκεον εἵνεκα ποινῆς Ἀνδρὸς ἀποφθιμένου, и т. д. (xviii. 498.)

Опасность убийства пропорциональна числу и силе оставшихся в живых родственников убитого; но даже небольшого их числа достаточно для бегства (Odys. xxiii. 120): с другой стороны, большое число родственников было главным источником поощрения наглого преступника (Odys. xviii. 141).

Старый закон Тралла в Лидии, предписывающий номинальное вознаграждение в размере *ποινὴ* медимна бобов родственникам убитого, принадлежащим к презренному классу граждан, отмечает Плутарх, Quæst. Græc. c. 46, p. 302. Еще в веке, предшествовавшем Геродоту, дельфийцы дали *ποινὴ* в качестве компенсации за убийство баснописца Эзопа; этот *ποινὴ* был востребован и получен внуком хозяина Эзопа (Herodot. ii. 134. Plutarch. Ser. Num. Vind. p. 556).

[159] См. Lysias, De Cæde Eratosthen. Orat. i. p. 94; Plutarch. Solon, c. 23; Demosthen. cont. Aristokrat. pp. 632-637.

Платон (De Legg. ix. pp. 871-874) в своих многочисленных предложениях по наказанию за убийство, как умышленное, так и случайное, в целом согласен со старым аттическим правом (см. Matthiæ, Miscellanea Philologica, vol. i. p. 151): и поскольку он достаточно четко излагает основания своих предложений, мы видим, насколько полностью отсутствует в его сознании идея права на частную или семейную месть. В одном конкретном случае он предоставляет родственникам привилегию отомстить за убитого родственника (p. 871), но в целом он скорее стремится строго навязать им обязанность предать подозреваемого убийцу суду. По аттическому праву, только родственники умершего имели право преследовать за убийство, - или хозяин, если умерший был οἰκέτης (Demosthen. cont. Euerg. et Mnesibul. c. 18); они могли прощением сократить срок изгнания для неумышленного убийцы (Demosth. cont. Makart. p. 1069). По-видимому, в целом они

считались религиозно обязанными, но не юридически принужденными к выполнению этой обязанности; ср. Платон, Эвтифро, сс. 4 и 5.

[160] Lysias, cont. Agorat. Or. xiii. p. 137. Антифонт. Tetralog. i. 1, p. 629. Ἀσύμφορον δ' ὑμῖν ἐστὶ τόνδε, μιὰρὸν καὶ ἀναγνον ὄντα, εἰς τὰ τεμένη τῶν θεῶν εἰσιόντα μιαίνειν τὴν ἄγνειαν αὐτῶν, ἐπὶ δὲ τὰς αὐτὰς τραπέζας ἰόντα συγκαταπιπλάναι τοὺς ἀναίτιους- ἐκ γὰρ τούτων αἱ τε ἀφορίαι γίνονται, δυστυχεῖς θ' αἱ πράξεις καθίστανται.

Три тетралогии Антифона весьма поучительны в отношении юридической процедуры в случаях предполагаемого убийства: также как и оратория De Cæde Herodis (см. сарр. 1 и 2) - τοῦ νόμου κεϊμένου, τὸν ἀποκτείναντα ἀνταποθανεῖν и т. д.

Случай со спартанцем Драконтием, одним из десяти тысяч греков, служивших Киру Младшему, и навсегда изгнанным из своей страны вследствие невольного убийства, совершенного в детстве, представляет довольно точную параллель с роковой ссорой Патрокла в кости, когда он был еще мальчиком, с сыном Амфидамаса, вследствие чего он был вынужден искать убежища под кровом Пелея (ср. Илиада, xxiii. 85, с Ксеноф. Анабас. iv. 8, 25).

[161] Odyss. xvii. 384; xix. 135. Илиада, iv. 187; vii. 221. Я не знаю ничего, что лучше иллюстрировало бы идею гомеровских δημοεργοί, - вестника, пророка, плотника, пиявки, барда и т. д., - чем следующее описание структуры восточноиндийской деревни (Mill's History of British India, b. ii. c. 5, p. 266): "В политическом отношении деревня напоминает корпорацию или поселок. Ее надлежащий *штат чиновников и слуг* состоит из следующих лиц: потаил, или главный житель, который решает споры, собирает доходы и т.д.; курнум, который ведет счета по выращиванию и т.д. тальер; межевщик; смотритель резервуаров и водотоков; брахман, совершающий деревенские обряды; школьный учитель; календарный брахман, или астролог, который объявляет удачные или неблагоприятные периоды для посева или молотбы; кузнец и плотник; гончар; мойщик; цирюльник; коровник; врач; танцовщица, которая присутствует на праздниках; музыкант и поэт".

Каждый из этих чиновников и слуг (δημοεργοί) получает определенное вознаграждение - столько-то земельной продукции из общего урожая деревни (с. 264).

[162] Iliad, xii. 421; xxi. 405.

[163] Iliad, i. 155; ix. 154; xiv. 122.

[164] У Одиссея и других вождей Итаки на континенте и в Пелопоннесе были волы, овцы, мулы и т. д. под присмотром пастухов (Odyss. iv. 636; xiv. 100).

Леуканор, царь Боспора, спрашивает скифа Арсакома - Πόσα δὲ βοσκήματα, ἢ πόσας ἀμάξας ἔχεις, ταῦτα γὰρ ὑμεῖς πλουτεῖτε; (Lucian, Toxaris, c. 45.) Перечисление имущества Одиссея поставило бы βοσκήματα в первые ряды.

[165] Δμῶαί δ' ἄς Ἀχιλεὺς ληΐσατο (Iliad, xviii. 28: ср. также Odyss. i. 397; xxiii. 357; особенно xvii. 441).

[166] Odyss. xiv. 64; xv. 412; см. также xix. 78: Эвриклея также была достойного происхождения (i. 429). Вопросы, заданные Одиссеем Эвмею, ответом на которые является вышеупомянутая речь, указывают на ближайшие причины рабства: "Был ли разграблен город твоего отца? Или тебя схватили пираты, когда ты был один со своими овцами и волами?" (Odyss. xv. (Odyss. xv. 385.)

Евмей купил для себя раба (Odyss. xiv. 448).

[167] Tacitus, Mor. Germ. 21. "Dominum ac servum nullis educationis deliciis dignoscas: inter eadem pecora, in eadem humo, degunt," etc. (Juvenal, Sat. xiv. 167.)

[168] Odyss. vii. 104; xx. 116; Iliad vi. 457; сравните Книгу Бытия, гл. xi. 5. Выражение Телемаха, когда он собирается повесить женщин-рабынь, которые плохо себя вели, горько презрительно:...

Μὴ μὲν δὴ καθαρῶ θανάτῳ ἀπὸ θυμὸν ἐλοίμην

Τάων и т.д. (Odyss. xxii. 464.)

В скромном жилище земледельца Гесиода нет мельницы; у него есть только деревянный пестик и ступка для измельчения или толчения кукурузы; и то, и другое он сооружает сам, а древесину срезают с деревьев (Opp. Di. 423), хотя, похоже, для изготовления плуга требуется профессиональный плотник ("слуга Athênê") (ст. 430). Вергилиева поэма "Моретум" (ст. 24) приписывает ручную мельницу даже самому скромному сельскому учреждению. В поучительной статье "Кукурузные мельницы" в "Истории изобретений" Бекмана (т. I, стр. 227, англ. перев.) собрана вся доступная информация по этому вопросу.

[169] См. Lysias, Or. 1, p. 93 (De Cæde Eratosthenis). Плутарх (Non posse suaviter vivi secundum Epicurum, с. 21, p. 1101), -Παχυσκελῆς ἀλετρίς πρὸς μύλην κινουμένη, - и Каллимах, (Hymn. ad Delum, 242,) -μηδ' ὅθι δειλαὶ Δυστοκέες μογέουσιν ἀλετρίδες, - отмечают переутомленное состояние этих женщин.

Рабыни-мельничихи" (ἀλετρίδες) прямо названы в одном из законов Этельберта, короля Кента, и составляют второй по значимости класс среди женщин-рабов (закон xi. Thorpe's Ancient Laws and Institutes of England, vol. i. p. 7).

[170] Odyss. iv. 131; xix. 235.

[171] Odyss. vi. 96; Hymn, ad Dēmêtr. 105.

[172] Herodot. viii. 137.

[173] Odyss. iv. 643.

[174] Odyss. xiv. 64.

[175] Сравните Odyss. xi. 490, с xviii. 358. Клитемнестра в "Агамемноне" Эсхила проповедует Кассандру нечто подобное - о том, что ἀρχαίόπλουτοι δεσποταὶ были гораздо добрее к своим рабам, чем господа, возвысившиеся благодаря неожиданному процветанию (Agamemn. 1042).

[176] Thucyd. i. 5, ἐτράποντο πρὸς λήσθειαν, ἡγουμένων ἀνδρῶν οὐ τῶν ἀδυνατωτάτων, κέρδους τοῦ σφετέρου αὐτῶν ἕνεκα, καὶ τοῖς ἀσθενέσι τροφῆς.

[177] Hesiod, Opp. Di. 459-ἐφορμηθῆναι, ὁμῶς δμῶές τε καὶ αὐτὸς-и 603:-.

... Αὐτὰρ ἐπὴν δὴ

Πάντα βίον κατάρθαι ἐπὴρμενον ἔνδοθι οἴκου,

Θῆτά τ' ἄοικον ποιεῖσθαι, καὶ ἄτεκνον ἔριθον

Δίξεσθαι κέλομαι- χαλεπὴ δ' ὑπόπορτις ἔριθος.

Два слова ἄοικον ποιεῖσθαι, по-видимому, должны быть взяты вместе в смысле "уволить фета" или "сделать его бездомным", так как, выселившись из дома своего работодателя, он не имел собственного жилья. Гетлинг (ad loc.), Ницш (ad Odyss. iv. 643) и Лерс (Quæst. Epic. p. 205) трактуют

ᾠοίκον с θῆτα и представляют Гесиода как советника, который советует *взять* бездомного Тхета в этот момент, как раз в то время, когда летние работы были закончены. Лерс (и, по-видимому, Гетлинг), понимая, что это никогда не могло быть истинным смыслом поэта, отбрасывает эти две строки как поддельные. Далее я могу заметить, что перевод θῆς, приведенный Гётлингом, - *villicus* - не подходит: он включает идею надзора за другими работниками, которая, похоже, не относится к Thête в любом случае.

Существовал класс бедных свободных женщин, которые зарабатывали на жизнь тем, что сдавали шерсть для прядения и, возможно, для ткачества: о точности их действий, а также о скудной прибыли, которую они получали, свидетельствует трогательное гомеровское уподобление (Илиада, xiii. 434). См. Илиада, vi. 289; xxiii. 742. Odyss. xv. 414.

[178] Herodot. iv. 151. Сравните Ukert, Geographie der Griechen und Römer, part i. pp. 16-19.

[179] Odyss. xx. 383; xxiv. 210. Идентичность гомеровской Схерии с Коркирой и гомеровской Тринакии с Сицилией представляется мне не совсем обоснованной. И Велькер, и Клаузен считают фейкийцев чисто мифическими личностями (см. W. C. Müller, De Corcyraeorum Republicâ, Götting. 1835, p. 9).

[180] Herodot. i. 163.

[181] Nitzsch. ad Odyss. i. 181; Strabo, i. p. 6. Положение Темезы, следует ли ее поместить в Италию или на Кипр, было спорным моментом среди критиков, как древних, так и современных.

[182] Odyss. xv. 426. Τάφιοι, ληϊστορες ἄνδρες; и xvi. 426. Гимн Деметре, т. 123.

[183] Hesiod. Opp. Di. 615-684; Thucyd. i. 13.

[184] Odyss. xiv. 290; xv. 416.-

Φοίνιξ ἦλθεν ἀνὴρ, ἀπατήλια εἰδώς,

Τρώκτης, ὃς δὴ πολλὰ κάκ' ἀνθρώποισιν ἑώρχει.

Интересный рассказ Евмея о том, как он попал в рабство, представляет собой яркую картину финикийского поведения (ср. Геродот. i. 2-4. Илиада, vi. 290; xxiii. 743). Сообщается, что Парис посетил Сидон и привез оттуда женщин, отличавшихся мастерством работы на ткацком станке. В "Кипрских стихах" (см. Argument. ap. Düntzer, p. 17) утверждается, что Парис высадился в Сидоне, напал на город и захватил его. Тафийские корсары похищали рабов в Сидоне (Odyss. xv. 424).

Украшения или безделушки (ἄθύρματα), которые финикийский купец носит с собой, по-видимому, те же, что и δαίδαλα πολλὰ, Πόρπας τε γυναιπτάς θ' ἔλικας и др. которые Гефест был занят изготовлением (Илиада, xviii. 400) под защитой Фетиды.

"Fallacissimum esse genus Phoenicum omnia monumenta vetustatis atque omnes historiae nobis prodiderunt." (Cicero, Orat. Trium. partes ineditae, ed. Maii, 1815, p. 13.)

[185] Слоновая кость часто упоминается у Гомера, который использует слово ἐλέφας исключительно для обозначения этого вещества, а не для обозначения животного.

Искусство окрашивания, особенно различными оттенками пурпура, было в последующие времена одним из особых достижений финикийцев: однако Гомер, когда он упоминает в сходстве с окрашиванием или пятнами, представляет в качестве исполнителя процесса мейонскую или карийскую женщину, а не финикийку (Илиада, iv. 141).



Что на самом деле представляет собой *электрум*, названный в гомеровских поэмах, точно установить невозможно. В древности это слово означало две разные вещи: 1 - янтарь; 2 - нечистое золото, содержащее до одной пятой или более серебра (Плиний, Н. Н. xxxiii. 4). Отрывки, в которых мы читаем это слово в "Одиссее", не исключают ни одного из этих значений; но они представляют нам электрум настолько сопоставленным с золотом и серебром по отдельности, что, возможно, второе значение более вероятно, чем первое. Геродот понимает его как *янтарь* (iii. 115): Софокл, напротив, использует его для обозначения металла, родственного золоту ("Антигона", 1033).

См. диссертацию Бутманна, приложенную к его собранию сочинений под названием *Mythologus*, vol. ii. p. 337; также Бекманн, История изобретений, vol. iv. p. 12, англ. перевод: "Древние (замечает последний) использовали в качестве особого металла смесь золота и серебра, поскольку не были знакомы с искусством их разделения, и дали ей название *электрум*". Доктор Тирлуолл (Hist. of Greece, vol. i. p. 241) считает, что гомеровский *электрум* - это янтарь; Хюльман, напротив, полагает, что это было металлическое вещество (Handels, Geschichte der Griechen, pp. 63-81).

Бекман сомневается, что древнейший *κασσίτερος* греков действительно был *оловом*: он скорее думает, что это был "*stannum* римлян, *werk* наших плавильных печей, - то есть смесь свинца, серебра и других случайных металлов". (*Ibid.* p. 20). Греки из Массалии получали олово из Британии через Галлию по Сене, Саоне и Роне (Diodôr. v. 22).

[186] Herodot. ii. 44; vi. 47. Archiloch. Fragm. 21-22, ed. Gaisf. Ænomaus ap. Euseb. Præp. Ev. vi. 7. Thucyd. i. 12.

Греки связывали это финикийское поселение на Тасусе с легендой о Кадме и его сестре Европе: Тас, эпоним острова, был братом Кадма. (Herod. ib.)

[187] Разгневанный Лаомедон угрожает, когда Посейдон и Аполлон требуют от него (по истечении срока рабства) оговоренную плату за свой труд, отрезать им уши и отослать на далекие острова (Илиада, xxi. 454). Сравните xxiv. 752. Odys. xx. 383; xviii. 83.

[188] Odys. iv. 73; vii. 85; xxi. 61. Илиада, ii. 226; vi. 47.

[189] См. Millin, Minéralogie Homérique, p. 74. То, что существуют способы закалки меди, позволяющие придать ей твердость стали, было доказано экспериментами графа де Кайлюса.

Массагеты использовали для своего оружия только медь - никакого железа (Herodot. i. 215).

[190] Гесиод, Opp. Di. 150-420. Исследование различных предметов древности, обнаруженных на севере Европы, опубликованное Антикварным обществом Копенгагена, признает различие трех последовательных эпох: 1. Орудия и оружие из камня, кости, дерева и т.д.: мало или совсем не использовались металлы; одежда из шкур. 2. Орудия и оружие из меди и золота, или, скорее, бронзы и золота; серебра и железа почти нет. Найдены изделия из золота и электрума, относящиеся к этой эпохе, но ни одного из серебра, ни одного свидетельства письменности. 3. Следующая за ней эпоха имеет железное оружие, серебряные изделия и несколько рунических надписей: это последняя эпоха северного язычества, непосредственно предшествующая введению христианства (Leitfaden zur Nördischen Alterthumskunde, pp. 31, 57, 63, Copenhagen, 1837).

Гомеровская эпоха совпадает со вторым из этих двух периодов. Серебро сравнительно мало упоминается у Гомера, в то время как бронза и золото являются привычными металлами. Железо также встречается редко и, кажется, используется только в сельскохозяйственных целях - Χρυσόν

τε, χαλκόν τε ἄλις, ἐσθῆτα θ' ὑφαντήν (Iliad, vi. 48; Odys. ii. 338; xiii. 136). У Гомера упоминаются χρυσοχόος и χαλκεύς, но работники по серебру и железу не известны под каким-либо особым именем (Odys. iii. 425-436).

"Топор, вимбл, рубанок и уровень - вот инструменты, упомянутые Гомером, который, похоже, не был знаком с пилой, квадратом и компасом". (Gillies, Hist. of Greece, chap. ii. p. 61.)

Галлы, известные Полибию, кажется, только цизальпийские галлы, имели все свое имущество в скоте и золоте, - θρέμματα καὶ χρυσὸς, - по причине легкой транспортабельности того и другого (Polyb. ii. 17).

[191] Тиртеус в своих военных выражениях, кажется, представляет себе гомеровский способ метания копья как все еще распространенный, - δόρυ δ' εὐτόλμως βάλλοντες (Fragm. ix. Gaisford). Либо у него в голове был гомеровский строй, либо тесный порядок и соединенные копья гоплитов еще не были введены во время второй Мессенской войны.

Тирш и Шнейдевин заменили бы πάλλοντες на βάλλοντες. У Еврипида (Androm. 695) есть похожее выражение, но оно плохо применимо к гоплитам; ведь одна из добродетелей гоплита состояла в том, что он устойчиво нес свое копье: δорάτων κίνησις обозначает беспорядочный марш, отсутствие мужества и самообладания. См. замечания Брасида о рядах афинян при Клеоне в Амфиполе (Thucyd. v. 6).

[192] Euripid. Андромаха. 696.

[193] Ἡ παλαιὰ πόλις в Эгине (Herodot. vi. 88); Ἀστυπάλεια в Самусе (Polyæn. i. 23. 2; Etymol. Magn. v. Ἀστυπάλεια): он стал, кажется, акрополем последующего города.

О заброшенных местах в возвышенных районах Крте см. Theophrastus, De Ventis, v. 13, ed. Schneider, p. 762.

Место Παλαίσκηψις на горе Ида, -ἐπάνω Κέβρηνος κατὰ τὸ μετεωρότατον τῆς Ἰδῆς (Strabo, xiii. p. 607); ὕστερον δὲ κατωτέρω σταδίοις ἐξήκοντα εἰς τὴν νῦν Σκῆψιν μετεκίσθησαν. Пафос на Кипре находился на таком же расстоянии ниже древнего Пале-Пафоса (Strabo, xiv. p. 683).

Недалеко от Мантинеи в Аркадии находился ὄρος ἐν τῷ πεδίῳ, τὰ ἐρείπια ἔτι Μαντινείας ἔχον τῆς ἀρχαίας- καλεῖται δὲ τὸ χωρίον ἐφ' ἡμῶν Πτόλις (Pausan. viii. 12, 4). См. аналогичное утверждение о возвышенных местах древнего города Орхомен (в Аркадии) (Paus. viii. 13, 2), Нонакриса (viii. 17, 5), Луси (viii. 18, 3), Ликореи на Парнасе (Paus. x. 6, 2; Strabo, ix. p. 418).

Сравните также Платона, Legg. iii. 2, pp. 678-679, который относит эти возвышенные и скалистые жилища, общие для самых ранних греческих поселений, к началу человеческого общества после обширного потопа, который покрыл все нижние земли и оставил лишь немногих выживших.

[194] Thucyd. i. 2. Φαίνεται γὰρ ἡ νῦν Ἑλλὰς καλουμένη, οὐ πάλαι βεβαίως οἰκουμένη, ἀλλὰ μεταναστάσεις τε οὔσαι τὰ πρότερα, καὶ ῥαδίως ἕκαστοι τὴν ἑαυτῶν ἀπολείποντες, βιαζόμενοι ὑπὸ τινῶν ἀεὶ πλειόνων- τῆς γὰρ ἐμπορίας οὐκ οὔσης, οὐδ' ἐπιμινύντες ἀδεῶς ἀλλήλοις, οὔτε κατὰ γῆν οὔτε διὰ θαλάσσης, νεμόμενοι δὲ τὰ αὐτῶν ἕκαστοι ὅσον ἀποζῆν, καὶ περιουσίαν χρημάτων οὐκ ἔχοντες οὐδὲ γῆν φυτεύοντες, ἀδηλον ὃν ὅποτε τις ἐπελθὼν, καὶ ἀτειχίστων ἅμα ὄντων, ἄλλος ἀφαιρήσεται, τῆς τε καθ' ἡμέραν ἀναγκαίου τροφῆς πανταχοῦ ἂν ἡγούμενοι ἐπικρατεῖν, οὐ χαλεπῶς ἀπανίσταντο, καὶ δι' αὐτὸ οὔτε μεγέθει πόλεων ἴσχυον, οὔτε τῇ ἄλλῃ παρασκευῇ.

Об отдаленных и неукрепленных деревнях и грубых обычаях этолийцев и локрийцев см. Thucyd. iii. 94; Pausan. x. 38, 3: также о цизальпийских галлах - Polyb. ii. 17.

И Фукидид, и Аристотель, похоже, считали гомеровский период в основном аналогичным βάρβαροι их собственного времени -Λύει δ' Ἀριστοτέλης λέγων, ὅτι τοιαῦτα ἀεὶ ποιεῖ Ὅμηρος οἷα ἦν τότε- ἦν δὲ τοιαῦτα τὰ παλαιὰ οἷάπερ καὶ νῦν ἐν τοῖς βαρβάροις (Schol. Iliad. x. 151).

[195] Odys. vi. 10; ο Навситусе, прошлом царе феакийцев:

Ἀμφὶ δὲ τεῖχος ἔλασσε πόλει, καὶ ἐδείματο οἴκους,

Καὶ νηοὺς ποίησε θεῶν, καὶ ἐδάσσατ' ἀρούρας.

Виноградник, оливковое поле и сад Лаэрта - образец тщательного возделывания (Odys. xxiv. 245); см. также щит Ахилла (Iliad, xvii. 541-580) и Калидонскую равнину (Iliad, ix. 575).

[196] Odys. x. 106-115; Iliad, xx. 216.

[197] Thucyd. i. 10. Καὶ ὅτι μὲν Μυκῆναι μικρὸν ἦν, ἢ εἴ τι τῶν τότε πόλισμα νῦν μὴ ἀξιόχρεων δοκεῖ εἶναι, etc.

[198] Nägelsbach, Homerische Theologie, Abschn. v. sect. 54. Гесиод резко осуждает грабеж, -Δὼς ἀγαθὴ, ἄρπαξ δὲ κακὴ, θανάτοιο δότειρα (Opp. Di. 356, comp. 320); но настроения греческой героической поэзии, кажется, не идут против этого, - это рассматривается как естественное применение превосходящей силы, -Αὐτόματοι δ' ἀγαθοὶ δειλῶν ἐπὶ δαΐτας ἴασιν (Athenæ. v. p. 178; ср. Пиндар, Fragm. 48, ed. Dissen.): длинное копье, меч и нагрудник критского Гибреаса составляют его богатство (Skolion 27, p. 877; Poet. Lyric. ed. Bergk), которым он пашет и жнет, - а невоинственные, которые не умеют или не могут владеть этим оружием, падают к его ногам и называют его Великим Царем. В более позднюю эпоху Деметрия Полиоркета (около 310 г. до н. э.) ощущения были иными: в "Ифифальной оде", обращенной к нему при въезде в Афины, грабеж рассматривается как достойный только эйтолийцев

Αἰτωλικὸν γὰρ ἀρπάσαι τὰ τῶν πέλας,

Νυνὶ δὲ, καὶ τὰ πόρρω.-

(Poet. Lyr. xxv. p. 453, ed. Schneid.)

Грабежи влиятельных людей и даже разбой на дорогах в целом находили одобрительное отношение в Средние века. "Вся Европа (замечает г-н Халлам, Hist. Mid. Ag. ch. viii. part 3, p. 247) была сценой кишечной анархии в Средние века: и хотя Англия была гораздо меньше подвержена бедствиям частных войн, чем большинство наций на континенте, мы должны найти, если бы мы могли восстановить местные анналы каждой страны, такое накопление мелких насилий и беспорядков, которое почти отвратило бы нас от свободы, которая служила для ее порождения..... Разбой на дорогах с древнейших времен был своего рода национальным преступлением.... Мы знаем, как долго жили в традиции разбойники из Шервуда; люди, которым, подобно некоторым из их предшественников, было позволено искупить несколькими актами великодушия справедливое бесчестие обширных преступлений. Это были герои вульгарных аплодисментов; но когда такой судья, как сэр Джон Фортескью, мог ликовать, что за один год за грабеж было повешено больше англичан, чем французов за семь, и что, *если англичанин беден и видит у другого богатство, которое может быть отнято у него силой, он не пожалеет сделать это*, можно понять, насколько глубоко эти чувства проникли в общественное сознание".

Грабежи, которые обычно совершали дворяне Франции и Германии в Средние века, гораздо хуже, чем в Англии, - а также грабежи горских вождей даже в более поздние времена, - слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в упоминаниях: что касается Франции, то обширный каталог приведен в книге Дюлора "История дворянства" (Париж, 1792). Конфедерации немецких городов

возникли, главным образом, из-за необходимости держать дороги и реки открытыми для транзита людей и товаров против дворян, которые заполнили большие дороги. Скалигер мог бы найти параллель ληστοὶ героических веков в дворянстве Ла Руэрга, как оно существовало даже в XVI веке, которое он описывает следующим образом: "In Comitatu Rodez pessimi sunt; nobilitas ibi latrocinatur: nec possunt reprimi." (ap. Dulaure, с. 9.)

[199] Thucyd. i. 4-8. τῆς νῦν Ἑλληνικῆς θαλάσσης.

[200] Herodot. i. 171; Thucyd. i. 4-8. Исократес (Panathenaic. p. 241) ставит в заслугу Афинам то, что они окончательно изгнали карийцев с этих островов во времена ионийской эмиграции.

[201] Thucyd. i. 4. τό τε ληστικὸν, ὡς εἰκὸς, καθήρει ἐκ τῆς θαλάσσης ἐφ' ὅσον ἡδύνατο, τοῦ τὰς προσόδους μᾶλλον ἰέναι αὐτῷ.

[202] См. предыдущий том этой истории, гл. xii. с. 227.

[203] Thucyd. i. 10. τῷ παλαιῷ τρόπῳ ληστικώτερον παρεσκευασμένα.

[204] Thucyd. i. 13.

[205] См. Voelcker, Homerische Geographie, ch. iii. sect. 55-63. Он приложил немало знаний и изобретательности, чтобы отождествить места, посещенные Одиссеем, с реальными землями, но попытка не увенчалась успехом. Сравните также Укерт, Hom. Geog. vol. i. p. 14, и ценные труды Й. Х. Фосса, *Alte Weltkunde*, приложенные ко второму тому его *Kritische Blätter* (Штутгарт, 1828), pp. 245-413. Восс - отец справедливых взглядов на гомеровскую географию.

[206] Гесиод. Theog. 338-340.

[207] Hesiod. Theogon. 1016; Hesiod. Fragm. 190-194, ed. Göttling; Strabo, i. p. 16; vii. p. 300. Сравните Ukert, Geographie der Griechen und Römer, i. p. 37.

[208] Греки научились у вавилонян, πόλον μὲν γὰρ καὶ γνῶμονα καὶ τὰ δυωκαίδεκα μέρεα τῆς ἡμέρης (Herodot. ii. 109). В моем первом издании я ошибочно интерпретировал слово πόλον у Геродота. Теперь я считаю, что оно означает то же самое, что и *horologium* - круглая пластина, на которую вертикальный гномон проецировал свою тень, отмечая таким образом час дня - двенадцать часов между восходом и заходом солнца: см. Ideler, Handbuch der Chronologie, vol. i. p. 233. О мнениях Фалеса см. ту же работу, часть ii. с. 18-57; Плутарх. de Placit. Philosophor. ii. с. 12; Aristot. de Cœlo, ii. 13. Costard, Rise and Progress of Astronomy among the Ancients, p. 99.

[209] У нас очень мало информации о раннем греческом способе исчисления времени, и мы знаем, что, хотя все различные государства исчисляли время по лунным периодам, большинство из них, если не все, имели различные названия месяцев, а также различные дни начала и окончания месяцев. Однако все их непосредственные расчеты велись по месяцам: лунный период был их непосредственным эталоном для определения праздников и для других целей, к солнечному периоду прибегали только в качестве корректирующего средства, чтобы постоянно приводить одни и те же месяцы к одним и тем же сезонам года. Их первоначальный месяц состоял из тридцати дней и был разделен на три декады, как это продолжалось и во времена исторических Афин (Гесиод. Opp. Di. 766). Чтобы привести этот лунный период в более близкое соответствие с солнечным, они каждый год откладывали дополнительный месяц: таким образом, их годы включали попеременно двенадцать и тринадцать месяцев, каждый из которых состоял из тридцати дней. Этот период назывался дитерис, иногда тритерис. Считается, что Солон впервые ввел моду на месяцы разной длины, варьирующиеся попеременно от тридцати до двадцати

девяти дней. Однако, судя по всему, Геродот представлял себе именно дитерический цикл, или годы, чередующиеся между тринадцатью и двенадцатью месяцами (каждый месяц - тридцать дней), и никакой другой (Herodot. i. 32; ср. ii. 104). По мере совершенствования астрономических знаний вычислялись более длинные и более сложные периоды, демонстрирующие более близкое соответствие между целым числом лун и целым числом солнечных лет. Во-первых, мы находим период в четыре года; далее - октаэтерис, или период в восемь лет, или семьдесят девять лунных месяцев; наконец, метонический период в девятнадцать лет, или 235 лунных месяцев. Насколько какой-либо из этих больших периодов был когда-либо юридически санкционирован или введен в гражданский обиход даже в Афинах, вызывает большие сомнения. См. Ideler, *Über die Astronomischen Beobachtungen der Alten*, pp. 175-195; Macrobius, *Saturnal.* i. 13.

[210] Herodot. i. 74; Aristot. *Polit.* i. 4, 5.

[211] *Odyss.* iii. 173.

Ἦτέομεν δὲ θεὸν φαίνειν τέρας- αὐτὰρ ὄγ' ἡμῖν

Δεῖξε, καὶ ἠνώγει πέλαγος μέσον εἰς Εὐβοίαν

Τέμνειν и т. д.

Сравните *Odyss.* xx. 100; *Илиада*, i. 62; Eurip. *Suppl.* 216-230.

[212] σήματα λυγρὰ, упомянутые в *Илиаде*, vi. 168, если и доказывают что-либо, то скорее против, чем за существование алфавитного письма в те времена, когда была написана "*Илиада*".

[213] Aristot. *Poet.* c. 17-37. Он указывает и объясняет превосходную структуру *Илиады* и *Одиссеи* по сравнению с полугомерическими и биографическими поэмами: но он не обращает внимания на гесиодовские, или генеалогические.

[214] Аристотель. *Поэтика*. с. 41. Он считает гекзаметр *естественной* мерой повествовательной поэзии: любая другая была бы неприличной.

[215] Ulrici, *Geschichte des Griechischen Epos*, 5te Vorlesung, pp. 96-108; G. Hermann, *Ueber Homer und Sappho*, in his *Opuscula*, tom. vi. p. 89.

Превосходная древность Орфея по сравнению с Гомером была принята классическими римлянами (Horat. *Art. Poet.* 392).

[216] Относительно этих утраченных эпосов см. Düntzer, *Collection of the Fragmenta Epicorum Græcorum*; Wüllner, *De Cyclo Epico*, pp. 43-66; и Хронология г-на Файнса Клинтона, том iii. pp. 349-359.

[217] Welcker, *Der Epische Kyklus*, pp. 256-266; Apollodôr. ii. 7, 7; Diodôr. iv. 37; O. Müller, *Dorians*, i. 28.

[218] Welcker (*Der Epische Kyklus*, p. 209) считает Alkmæônis тем же, что и Эпигоны, а Atthis Гегесинуса тем же, что и Амазония: в Suidas (v. "Ὀμηρος") последняя входит в число поэм, приписываемых Гомеру.

Лейч (*Thebaidos Cyclicæ Reliquiæ*, pp. 12-14) рассматривает "Фебаи" и "Эпигоны" как разные части одной поэмы.

[219] См. фрагменты Гесиода, Эвмела, Кинетона и Асия в сборниках Марктшеффеля, Дюнцера, Гетлинга и Гейсфорда.



Я уже ссылался на все эти утраченные поэмы в соответствующих местах, рассматривая основу греческой легенды.

[220] Pausan. ix. 38, 6; Плутарх, Sept. Sap. Conv. p. 156.

[221] См. Fasti Hellenici г-на Клинтона, о дате Арктина, т. I. с. 350.

[222] Возможно, Зенодот, заведующий Александрийской библиотекой при Птолемеи Филадельфе в третьем веке до н. э.: есть Схолион о Плавте, опубликованный не так много лет назад Осанном, а затем более полно Ричлем: "Cæcius in commento Comœdiarum Aristophanis in Pluto, -Alexander Ætolus, et Lycophron Chalcidensis, et Zenodotus Ephesius, impulsu regis Ptolemæi, Philadelphi cognomento, artis poetices libros in unum collegerunt et in ordinem redegerunt. Alexander tragœdias, Lycophron comœdias, Zenodotus vero Homeri poemata et reliquorum illustrium poetarum." См. Lange, Ueber die Kyklischen Dichter, p. 56 (Mainz. 1837); Welcker, Der Epische Kyklus, p. 8; Ritschl, Die Alexandrinischen Bibliotheken, p. 3 (Breslau, 1838).

Ланге оспаривает достаточность этого отрывка как доказательства того, что Зенодот был создателем эпического цикла: его доводы, однако, мне кажутся неудовлетворительными.

[223] То, что существовала циклическая копия или издание Одиссеи (ἡ κυκλική), доказывается двумя отрывками в Схолиях (xvi. 195; xvii. 25), с замечанием Бозция в издании Буттмана: это была Одиссея, переписанная или отредактированная вместе с другими поэмами цикла.

Слово "редактирование" - или "издание" - *наводит на мысли*, не совсем подходящие к работе Александрийской библиотеки, в которой мы не можем ожидать найти ничего похожего на то, что сейчас называется *публикацией*. Это великолепное учреждение, обладающее большим собранием эпических рукописей и достаточным количеством всевозможных средств, естественно, желало, чтобы эти сочинения были приведены в порядок и исправлены умелыми руками, а затем тщательно скопированы для использования в библиотеке. Такая копия составляет циклическое *издание*: возможно, они могли бы сделать или разрешить сделать дубликаты, но ἑκδοῖς или издание было полным без них.

[224] Относительно большой путаницы, в которую вовлечен эпический цикл, см. поразительное заявление Буттмана, Addenda ad Scholia in Odysseum, p. 575: сравните мнения различных критиков, перечисленные в конце трактата Велькера, Episch. Kyk. pp. 420-453.

[225] Наши сведения об эпическом цикле получены от Евтихия Прокла, литератора из Сикки во втором веке христианской эры и воспитателя Марка Антонина (Jul. Capitolin. Vit. Marc. c. 2), - а не от Прокла, называемого Диадохом, неоплатонического философа пятого века, как полагают Хейн, мистер Клинтон и другие. Фрагменты из его работы под названием "Хрестоматия" приводят аргументы нескольких утраченных циклических поэм, связанных с осадой Трои, сообщая тот важный факт, что "Илиада" и "Одиссея" были включены в цикл, и давая следующее описание принципа, по которому он был устроен: Διαλαμβάνει δὲ περὶ τοῦ λεγομένου ἐπικοῦ κύκλου, ὃς ἄρχεται μὲν ἐκ τῆς Οὐράνου καὶ Γῆς ὁμολογουμένης μίξεως .... καὶ περατοῦται ὁ ἐπικός κύκλος, ἐκ διαφόρων ποιητῶν συμπληρούμενος, μέχρι τῆς ἀποβάσεως Ὀδυσσεύς.... Λέγει δὲ ὡς τοῦ ἐπικοῦ κύκλου τὰ ποιήματα διασώζεται καὶ σπουδάζεται τοῖς πολλοῖς, οὐχ οὕτω διὰ τὴν ἀρετὴν, ὡς διὰ τὴν ἀκολουθίαν τῶν ἐν αὐτῇ πραγμάτων (ар. Photium, cod. 239).

Этот многокомментируемый отрывок, хотя в нем четко обозначен кардинальный принцип эпического цикла (ἀκολουθία πραγμάτων), ничего не утверждает и не отрицает в отношении совершенства составляющих его поэм. Прокл говорит о вкусе, распространенном в его время (σπουδάζεται τοῖς πολλοῖς): в его время не было особого пристрастия к этим поэмам как таковым, но люди были очень заинтересованы в последовательности эпических событий. Выдержки,

которые он сам составил в виде аргументов из нескольких поэм, показывают, что он приспособился к этому вкусу. Из его слов мы не можем заключить, что он намеревался выразить какое-либо собственное мнение относительно хорошеи или плохости циклических поэм.

[226] Постепенный рост презрительного чувства к *скриптору-циклику* (Horat. Ars. Poetic. 136), которое первоначально не подразумевалось под этим именем, хорошо изложен Ланге (Ueber die Kyklisch. Dicht. pp. 53-56).

Однако и Ланге (стр. 36-41), и Ульрици (Geschichte des Griech. Epos, 9te Vorles. p. 418) придерживаются другого мнения относительно цикла, которое я считаю необоснованным и неприемлемым, - что несколько составных стихотворений не были включены в него целиком (*то есть* с изменениями, необходимыми для исправления текста), а были сокращены и урезаны таким образом, чтобы создать *точную* непрерывность повествования. Ланге даже предполагает, что таким образом была обработана циклическая "Одиссея". Но, похоже, нет никаких доказательств в пользу этой теории, которая превратила бы александрийских литераторов из критиков в логографов. О том, что циклические Илиада и Одиссея были в основном теми же (с учетом исправлений текста), что и обычные Илиада и Одиссея, свидетельствует тот факт, что Прокл просто называет их в серии, не давая никакой аннотации к их содержанию: они были слишком хорошо известны, чтобы сделать такой процесс необходимым. Ни язык Прокла, ни язык Сесия в отношении Зенодота не указывают на какие-либо преобразования, применяемые к поэтам, чьи произведения, согласно описанию, были собраны вместе и приведены в определенный порядок.

Гипотеза Ланге основана на идее, что преемственность (ἀκολουθία πραγμάτων) событий, о которых повествуется, обязательно должна была быть точной и непрерывной, как если бы все это составляло одно произведение. Но это было бы невозможно, пусть бы составители делали все, что могли: более того, при попытке это сделать индивидуальность всех составляющих поэтов должна была быть принесена в жертву, причем так, что было бы абсурдно обсуждать их отдельные достоинства.

Непрерывность повествования в эпическом цикле не могла быть более чем приблизительной - настолько полной, насколько это допускают составляющие его поэмы: тем не менее, было бы правильно сказать, что поэмы были расположены в серии по этому принципу и ни по какому другому. Библиотекари могли бы подобным образом расположить огромную массу трагедий, имевшихся в их распоряжении (если бы они решили это сделать), по принципу последовательности сюжетов: если бы они так поступили, серия образовала бы *Трагический цикл*.

[227] Welcker, Der Epische Kyklus, pp. 37-41; Wuellner, De Cyclo Epico, p. 43, *seq.*; Lange, Ueber die Kyklischen Dichter, p. 47; Clinton, Fasti Hellenici, vol. i. p. 349.

[228] Schol. Pindar. Olymp. vi. 26; Athenæ. xi. p. 465.

[229] Памятной иллюстрацией той горечи, которая так портила споры литераторов во все века (боюсь, мы не можем сделать исключение), является высказывание Павсания о том, что он самым тщательным образом исследовал эпохи Гесиода и Гомера, но слишком хорошо знал клеветнические настроения современных критиков и поэтов, чтобы объявить, к какому выводу он пришел (Paus. ix. 30, 2): Περὶ δὲ Ὡσιόδου τε ἡλικίας καὶ Ὀμήρου, πολυπραγμονήσαντι ἐς τὸ ἀκριβέστατον οὐ μοι γράφειν ἤδὲ ἦν, ἐπισταμένῳ τὸ φιλαίτιον ἄλλων τε καὶ οὐχ ἥκιστα ὅσοι κατ' ἐμὲ ἐπὶ ποιήσει τῶν ἐπῶν καθεστήκεσαν.

[230] См. выдержку из Прокла в Photius Cod. 239.

[231] Suidas, v. Ὀμηρος; Eustath. ad Iliad. ii. p. 330.

[232] Pausan. ix. 9, 3. Имя Каллина в этом отрывке кажется безусловно правильным: Τὰ δὲ ἔπη ταῦτα (Thebais) Καλλῖνος, ἀφικόμενος αὐτῶν ἐς μνήμην, ἔφησεν Ὅμηρον τὸν ποιήσαντα εἶναι- Καλλίνω δὲ πολλοὶ τε καὶ ἄξιοι λόγου κατὰ ταῦτα ἔγνωσαν. Ἐγὼ δὲ τὴν ποιήσιν ταύτην μετὰ γε Ἰλιάδα καὶ Ὀδύσειαν ἐπαινῶ μάλιστα.

С этой же целью автор "Чертамен" Гесиода и Гомера, а также псевдо-Геродот (Vit. Homer, с. 9). Ἀμφιάρεω ἔξελασία, упоминаемая Суидасом как произведение Гомера, может быть обоснованно отождествлена с Фебаисами (Suidas, v. Ὅμηρος).

Циклограф Дионисий, утверждавший, что Гомер жил и во время фиванской, и во время троянской войн, должен был признать этого поэта автором "Фив", а также "Илиады" (ap. Procl. ad Hesiod. p. 3).

[233] Herodot. v. 67. Κλεισθένης γὰρ Ἀργείοισι πολεμήσας-τοῦτο μὲν, ῥαψωδοὺς ἔπαυσε ἐν Σικυῶνι ἀγωνίζεσθαι, τῶν Ὀμηρείων ἐπέων εἶνεκα, ὅτι Ἀργεῖοί τε καὶ Ἄργος τὰ πολλὰ πάντα ὑμνέεται-τοῦτο δὲ, ἡρώων γὰρ ἦν καὶ ἔστι ἐν αὐτῇ τῇ ἀγορᾷ τῶν Σικυωνίων Ἀδρήστου τοῦ Ταλαοῦ, τοῦτον ἐπεθύμησε ὁ Κλεισθένης, ἐόντα Ἀργεῖον, ἐκβαλεῖν ἐκ τῆς χώρας. Далее Геродот рассказывает о том, как Клейстенес осуществил свою цель - изгнать героя Адраста: сначала он обратился к дельфийскому Аполлону за разрешением сделать это прямо и открыто; затем, получив отказ, он обратился к фиванцам, чтобы они позволили ему ввести в Сикион их героя Меланиппа, злейшего врага Адраста в старой фиванской легенде; С их согласия он освятил Меланиппу часовню в самой главной части сикионской агоры, а затем передал новопривезенному герою обряды и праздники, которые до этого были отданы Адрасту.

Принимая во внимание все моменты этого любопытного рассказа, я осмелюсь предположить, что рапсоды навлекли на себя неудовольствие Клейстенеса, читая не гомеровскую "Илиаду", а *гомеровские "Фебаи" и "Эпигоны"*. Первый вариант не отвечает условиям повествования, а второй точно их выполняет.

1. Нельзя сказать, даже с предельной широтой слова, что в "Илиаде" "мало что воспевается, кроме Аргоса и аргивян" ("in illis ubique fere nonnisi Argos et Argivi celebrantur") - это перевод Швейгхойзера: Аргос в ней упоминается редко и никогда не возвышается до первостепенной важности: аргейцы, как жители Аргоса в отдельности, вообще не замечаются: это название применяется в "Илиаде", совместно с *ахейцами* и *данайцами*, только к общей массе греков, и даже применяется к ним гораздо реже, чем название *ахейцев*.

2. Адраст дважды, и только дважды, упоминается в "Илиаде" как хозяин чудесного коня Арейона и как тесть Тидея; но он не играет никакой роли в поэме и не вызывает интереса.

Поэтому, хотя Клейстенес мог быть так сильно разгневан на Аргос и Адраста, кажется, нет причин, по которым он должен был запретить рапсодам читать "Илиаду". С другой стороны, "Фебаи" и "Эпигоны" не могли не спровоцировать его особенно сильно. Ибо,

1. Аргос и его жители были главной темой поэмы, а также провозглашенными нападающими в экспедиции против Феба. Хотя сама поэма утрачена, первая строка ее сохранилась (Leutsch, Theb. Cycl. Reliq. p. 5; сравните Sophoclès, Œd. Col. 380 с Scholia),-

Ἄργος ἄειδε, θεᾶ, πολυδίψιον, ἔνθεν ἄνακτες, etc.

2. Адраст был царем Аргоса и начальником экспедиции. Поэтому буквально верно, что Аргос и аргейцы были "бременем песни" в этих двух поэмах.

К этому можно добавить.

1. У рапсодов был бы самый сильный мотив декламировать Фебаи и Эпигоны в Сикионе, где Адрасту поклонялись и он пользовался такой огромной популярностью, и где он даже привлекал к себе хорические торжества, которые в других городах посвящались Дионису.

2. Средства, которые предпринял Клейстенес, чтобы избавиться от Адраста, указывают на особую связь с Фебами: в этой же поэме он приглашает из Феб героя Меланиппа, *Гектора* Фебского.

По этим причинам, я думаю, мы можем заключить, что Ὀμῆρεα ἔπῃ, упомянутые в этом очень показательном рассказе Геродота, - это Фивы и Эпигоны, а не Илиада.

[234] Herodot. ii. 117; iv. 32. Слова, в которых Геродот намекает на свое несогласие с господствующим мнением, рассматриваются Ф. А. Вольфом как подделка и подтверждаются Швайгхойзером: независимо от того, признаются они или нет, общая актуальность упомянутого мнения столь же очевидна.

[235] Жизнь Гомера, которая проходит под ложным именем Геродота, содержит собрание этих различных историй: предполагается, что она была написана около второго века после христианской эры, но утверждения, которые в ней приводятся, вероятно, несколько древнее, чем у Эфора (сравните также Proclus ap. Photium, с. 239).

Вера в слепоту Гомера, несомненно, гораздо древнее, поскольку это обстоятельство упоминается в гомеровском гимне Делийскому Аполлону, где хиосский бард в нескольких очень трогательных строках рекомендует себя и свои песни благосклонности делийских дев, занятых в поклонении Аполлону. Этот гимн цитируется Фукидидом как несомненно подлинный, и он, несомненно, принял эти строки за описание личного состояния и отношений автора "Илиады" и "Одиссеи" (Thucyd. iii. 104): Симонид из Кеоса также называет Гомера хианом (Frag. 69, Schneidewin).

Существовали также рассказы, в которых Гомер представлялся современником, двоюродным братом и соперником Гесиода в декламации, который (как утверждалось) победил его. См. Certamen Homeri et Hesiodi, приложенный к трудам последнего (р. 314, ed. Göttling; и Плутарх, Conviv. Sept. Sapient. с. 10), в котором также разбросаны различные истории, касающиеся жизни Гомера. Император Адриан обратился к дельфийскому оракулу, чтобы узнать, кто такой Гомер: ответ жрицы сообщил, что он уроженец Итаки, сын Телемаха и Эпикасты, дочери Нестора (Certamen Hom. et Hes. р. 314). Автор "Сертамена" говорит нам, что авторитет дельфийского оракула заслуживает безусловного доверия.

Элланик, Дамаст и Ферекидес проследили как Гомера, так и Гесиода до Орфея, через родословную из десяти поколений (см. Sturz, Fragment. Hellanic. fr. 75-144; сравните также замечания Лобека - *Aglaophamus*, р. 322 - по поводу этих генеалогий). Вычисления этих авторов, более ранних, чем Геродот, представляют ценность, поскольку они иллюстрируют привычки ума, с которых началась греческая хронология: генеалогию можно было легко продолжить назад на любую длину в прошлое. Однако проследить Гомера вплоть до Орфея было бы несовместимо с верой гомеридов.

Споры различных городов, которые оспаривали рождение Гомера, а также все легендарные анекдоты, распространенные в древности о поэте, подробно рассмотрены в Welcker, Der Epische Kyklos (pp. 194-199).

[236] Даже Аристотель приписывает Гомеру божественное происхождение: девица с острова Иос, беременная от какого-то бога, была унесена пиратами в Смирну во времена ионийской эмиграции и там родила поэта (Aristotel. ap. Plutarch. Vit. Homer. р. 1059).

Платон, по-видимому, считал Гомера странствующим рапсодом, бедным и почти бездомным (Republ. p. 600).

[237] Пиндар, Нем. ii. 1, и Схолии; Акусилай, Фрагм. 31, Didot; Harpokration, v. Ὀμήριδα; Hellenic. Fr. 55, Didot; Strabo, xiv. p. 645.

Судя по отрывку из Платона (Phædrus, p. 252), гомериды утверждали, что обладают неопубликованными стихами своего родового поэта-ἔπη ἀποθέα. Сравните Платон, Республика, с. 599, и Исократ. Helen, p. 218.

[238] Ницш (De Historiâ Homeri, Fascic. 1, p. 128, Fascic. 2, p. 71) и Ульрици (Geschichte der Episch. Poesie, vol. i. pp. 240-381) ставят под сомнение древность гомерических гентов и ограничивают их функции простыми декламаторами, отрицая, что они когда-либо сочиняли собственные песни или стихи. Тем не менее, эти *генты*, такие как Евнеиды, Ликомиды, Бутады, Талтибиады, потомки Чейрона в Пелионе и др, Хесикиды (Schol. Sophocl. Œdip. Col. 489), (признанные параллели Гомеридов), могут, несомненно, рассматриваться как принадлежащие к самым ранним известным элементам греческой истории: редко, по крайней мере, если вообще когда-либо, можно показать, что такие роды, с их тройственным характером - гражданским, религиозным и профессиональным - возникли в какой-либо недавний период. И в ранние времена композитор и певец были одним человеком: часто, по крайней мере, хотя, возможно, и не всегда, бард совмещал обе функции. Гомеровский αἰὸς поет свои собственные композиции; и можно предположить, что многие из ранних гомеридов делали то же самое.

См. Niebuhr, Römisch. Gesch. vol. i. p. 324; и трактат "Ueber die Sikeler in der Odyssee" в Рейнском музее, 1828, p. 257; и Боэкс, в оглавлении к его лекциям 1834 года.

"Мудрец Вьяса (замечает профессор Уилсон, "Система индуистской мифологии", Int. p. lxii.) представлен не как автор, а как организатор и составитель Вед и Пуран. Его имя обозначает его характер, означающий *устроителя или распространителя* (Велькер придает такое же значение имени *Гомер*); и в повторении многих Вьяс, многих личностей, которые по-новому составили индуистские писания, нет ничего невероятного, кроме сказочных интервалов, которыми разделены их труды". Индивидуальное авторство и жажда личного отличия в этом случае также погребены под одним большим и общим именем, как в случае с Гомером.

[239] Thucyd. i. 3.

[240] См. утверждения и цитаты о возрасте Гомера, собранные в "Хронологии" г-на Клинтона, т. I, с. 146. Он предпочитает точку зрения Аристотеля и помещает "Илиаду" и "Одиссею" на столетие раньше, чем я склонен это делать, - 940-927 гг. до н. э.

Кратес, вероятно, поместил поэта до Возвращения Гераклидов, потому что в "Илиаде" нет упоминания о дорийцах в Пелопоннесе: Можно предположить, что Эратосфенес основывал свою дату на отрывке из "Илиады", где упоминаются три рода, происходящие от Энея. Мы были бы рады узнать, на чем основывается очень низкая дата, установленная Теопомпом и Эвфорионом.

Псевдо-Геродот в своей жизни Гомера помещает рождение поэта через сто шестьдесят восемь лет после Троянской войны.

[241] Herodot. ii. 53. Гераклид Понтийский утверждал, что Ликург привез в Пелопоннес гомеровские поэмы, которые до этого были неизвестны в Ионии. Предполагаемая эпоха Ликурга иногда используется для поддержания даты, которую здесь приписывают гомеровским поэмам; но все, что касается Ликурга, слишком сомнительно, чтобы служить доказательством в других исследованиях.



[242] Гомеровские гимны - это проэмы такого рода, некоторые очень короткие, состоящие всего из нескольких строк, другие - значительной длины. Гимн (или, скорее, один из двух гимнов) Аполлону цитируется Фукидидом как "Проэма Аполлона".

Гимны Афродите, Аполлону, Гермесу, Деметру и Дионису представляют собой подлинные эпические повествования. Герман (Præf. ad Hymn. p. lxxxix.) считает гимн Афродите самым древним и подлинным: части гимна Аполлону (Herm. p. xx.) также очень древние, но и этот гимн, и другие в значительной степени интерполированы. Его мнение относительно этих интерполяций, однако, оспаривается Франке (Præfat. ad Hymn. Homeric. p. ix-xix.); и различие между подлинным и поддельным зависит от критериев, не очень четко поддающихся определению. Сравните Ulrici, Gesch. der Ep. Poes. pp. 385-391.

[243] Фемий, Демодок и безымянный бард, охранявший верность Клитемнестры, подтверждают это положение (Odys. i. 155; iii. 267; viii. 490; xxi. 330; Achilles in Iliad, ix. 190).

Личность барда, как и герольда, кажется, обладает определенной степенью неприкосновенности (Odys. xxii. 355-357).

[244] Spartian. Vit. Hadrian. p. 8; Dio Cass. lxi. 4; Plut. Tim. c. 36.

Есть несколько хороших замечаний по этому поводу в комментариях Няке к Choerilus, ch. viii. p. 59:

"Habet hoc epica poesis, vera illa, cujus perfectissimam normam agnoscimus Homericam-habet hoc proprium, ut non in possessione virorum eruditorum, sed quasi viva sit et coram populo recitanda: ut cum populo crescat, et si populus Deorum et antiquorum heroum facinora, quod præcipuum est epicæ poeseos argumentum, audire et secum repetere dediderit, obmutescat. Id vero tum factum est in Græciâ, quum populus eâ ætate, quam pueritiam dicere possis, peractâ, partim ad res serias tristesque, politicas maxime-easque multo, quam antea, impeditiores-abstrahebatur: partim epicæ poeseos pertæsus, ex aliis poeseos generibus, quæ tum nascebantur, novum et diversum oblectamenti genus primo præagire, sibi, deinde haurire, cœpit."

Няке также замечает, что "великолепные и собственные гомеровские стихи, написанные quæ sponte quasi suâ inter populum et quasi cum populo viveret", не достигли уровня ниже Пейсистрата. Я думаю, что она не достигла даже такого низкого уровня, как в этот период.

[245] Ксеноф. Memorab. iv. 2, 10; и Sympos. iii. 6. Οἷσθ' ὅτι οὖν ἔθνος ἡλιθιώτερον ῥαψῳδῶν; ... Δῆλον γὰρ ὅτι τὰς ὑπονοίας οὐκ ἐπίστανται. Σὺ δὲ Στησιμβρότῳ τε καὶ Ἀναξιμάνδρῳ καὶ ἄλλοις πολλοῖς πολὺ δέδωκας ἀργύριον, ὥστε οὐδέν σε τῶν πολλοῦ ἀξίῳ λέληθε.

Эти ὑπονοῖαι - скрытые смыслы, или аллегории, которые определенная группа философов взялась обнаружить в Гомере, и которые рапсоды никак не были призваны изучать.

Платоновский диалог, называемый "Ион", приписывает Иону двойную функцию рапсода, или впечатляющего декламатора, и критического толкователя поэта (Исократес также указывает на тот же двойной характер рапсодов своего времени, - Панафиней, стр. 240); но он не дает твердых оснований для средней оценки класса рапсодов, хотя и свидетельствует о поразительном эффекте, производимом их декламацией (с. 6, р. 535). То, что этот класс людей стал сочетать привычку давать комментарии к поэту со своим первоначальным занятием - декламацией, доказывает тенденции эпохи; вероятно, это также привело их к соперничеству с философами.

Доводы Аристотеля (Problem. xxx. 10; ср. Aul. Gellius, xx. 14) против актеров, певцов, музыкантов и т. д. его времени более серьезны и имеют больше воздуха правды.

Если Лепс (De Studiis Aristarchi, Diss. ii. p. 46) правильно отождествляет тех ранних глоссографов Гомера, чьи объяснения александрийские критики так сурово осуждали, с рапсодами, то это лишь доказывает, что рапсоды стали выполнять двойную обязанность, о которой их предшественники до Солона и не мечтали.

[246] Plato, Apolog. Socrat. p. 22, с. 7.

[247] Аристотель. Poetic. с. 47; Welcker, Der Episch. Kyklos; Ueber den Vortrag der Homerischen Gedichte, pp. 340-406, где собраны все факты, касающиеся аэдов и рапсодов. К сожалению, установленных моментов очень мало.

Лавровая ветвь в руке певца или чтеца (поскольку эти два выражения часто путают), по-видимому, была характерна для декламации Гомера и Гесиода (Hesiod, Theog. 30: Schol. ad Aristophan. Nub. 1367. Pausan. x. 7, 2). "Poemata omne genus (говорит Апулей, Florid. p. 122, Bipont.) apta *virgæ*, *lyræ*, *socco*, *cothurno*".

Рапсоды декламировали не только Гомера и Гесиода, но и Архилоха (Athenæ, xii. 620; также Платон, Legg. ii. p. 658). См. также Nitzsch, De Historiâ Homeri, Fascic. 2, p. 114, *seq.*, относительно рапсодов; и О. Мюллер, История литературы Древней Греции, гл. iv. s. 3.

Идеи пения и речи, однако, часто смешиваются, когда речь идет о каком-либо стихе, произнесенном торжественно и выразительно (Thucyd. ii. 53) - *φάσκοντες οἱ πρεσβύτεροι πάλαι ᾄδεσθαι*, "Ἦξει Δωριακὸς πόλεμος καὶ λοιπὸς ἅμ' αὐτῷ. А рапсоды, как говорят, *поют* Гомера (Платон, Эриксий, с. 13; Hesych. v. Βραυρωνίους); у Страбона (i. p. 18) есть хороший отрывок о песне и речи.

Вильгельм Гримм (Deutsche Heldensage, p. 373) предполагает, что древнегерманские героические романы читались или декламировались подобным образом под простой аккомпанемент арфы, как и в наше время звучат сервские героические сказания.

Фориэль также говорит о французском эпосе Карловингов (Romans de Chevalerie, Revue des Deux Mondes, xiii. p. 559): "Романсы XII и XIII веков действительно пелись: *жонглер* приглашал своих слушателей послушать *прекрасную историческую песнь*, - "мотив *chanter* не встречается нигде в начальной форме", - и это следует понимать буквально: Музыка была простой и прерывистой, скорее похожей на речитатив; жонглер носил с собой ребек, или скрипку с тремя струнами, арабский инструмент; когда он хотел отдохнуть, он играл на ней воздух или ритурнель; он ходил таким образом из места в место, и романсы не существовали в народе, кроме как благодаря помощи и декламации этих жонглеров."

Похоже, что на праздниках Диониса когда-то устраивались рапсодические представления, но они были прекращены (Klearchus ap. Athenæ. vii. p. 275) - вероятно, их вытеснили дифирамбы и трагедии.

Этимология *ῥαψῳδός* является спорным моментом: Велькер восходит к *ῥάβδος*, большинство критиков выводят его из *ῥάπτειν αἰοδῆν*, которое О. Мюллер объясняет "для обозначения соединения стихов без каких-либо значительных разделений или пауз, - ровное, непрерывное, непрерывное течение эпической поэмы", в отличие от строфических или хореических периодов (*l. c.*).

[248] Гомер, Гимн Аполлону. 170. В этом гимне постоянно встречаются *κίθαρς*, *αἰοδῆ*, *ὄρχηθμός*: очевидно, инструментальное сопровождение было необходимым для гимнов на ионическом празднике. Сравните также Гимн Гермесу (430), где функция, приписываемая музам, вряд ли

может включать немзыкальную декламацию. Гимн Гермесу более поздний, чем Терпандр, поскольку в нем упоминаются семь струн лиры, ст. 50.

[249] Терпандр - см. Плутарх, de Musicâ, с. 3-4; факты о нем собраны в Plehn's Lesbiaca, pp. 140-160; но очень мало можно подтвердить.

Стесандр на пифийских праздниках пел гомеровские битвы под аккомпанемент арфы собственного сочинения (Athenæ. xiv. p. 638).

Основными свидетельствами рапсодизации гомеровских поэм в Афинах, главным образом на Панафинейском празднике, являются Исократес, Панегирик. с. 74; Ликург против Леократа. с. 161; Платон, Гиппарх. с. 228; Диоген. Laërt. Vit. Solon. i. 57.

Надписи свидетельствуют о том, что рапсодизм был в большом почете вплоть до позднего периода исторической эпохи как на Хиосе, так и в Теосе, особенно на первом: он был предметом состязаний обученной молодежи и призов для победителя на периодических религиозных торжествах: см. Corp. Инскрипт. Bœschh, No. 2214-3088.

[250] Knight, Prolegom. Hom. с. xxxviii-xl. "Haud tamen ullum Homericorum carminum exemplar Pisistrati seculo antiquius extitisse, aut sexcentesimo prius anno ante C. N. scriptum fuisse, facile credam: rara enim et perdifficilis erat iis temporibus scriptura ob penuriam materiæ scribendo idoneæ, quum literas aut lapidibus exarare, aut tabulis ligneis aut laminis metalli alicujus insculpere oporteret..... Atque ideo memoriter retenta sunt, et hæc et alia veterum poetarum carmina, et per urbes et vicos et in principum virorum ædibus, decantata a rhapsodis. Neque mirandum est, ea per tot sæcula sic integra conservata esse, quoniam-per eos tradita erant, qui ab omnibus Græciæ et coloniarum regibus et civitatibus mercede satis amplâ conducti, omnia sua studia in iis ediscendis, retinendis, et rite recitandis, conferebant." Сравните Вольф, Прологомены. xxiv-xxv.

Свидетельства ранней письменности у греков и письменных поэм еще до Гомера можно найти у Крейзера (Vorfragen ueber Homeros, pp. 127-159, Frankfort, 1828). Его доказательства кажутся мне совершенно неубедительными. Нитцш придерживается того же мнения (Histor. Homeri, Fasc. i. sect. xi. xvii. xviii.), - на мой взгляд, не более успешно: и Франц (Epigraphicê Græc. Introd. s. iv.) не приводит никаких новых аргументов.

Я не совсем согласен с мнением г-на Найта, когда он говорит, что в длительном сохранении гомеровских поэм *в ненаписанном виде нет ничего удивительного*. Достаточно сказать, что существование и практическое использование длинных рукописей всеми рапсодами в условиях и обстоятельствах VIII и IX веков среди греков было бы большим чудом".

[251] См. этот аргумент, выдвинутый Ницшем в предисловии в начале второго тома его комментариев к "Одиссее" (стр. x-xxix). Он прилагает большие усилия, чтобы отбросить всякую мысль о том, что поэмы были написаны для того, чтобы их читали. С той же целью Франц (Epigraphicê Græc. Introd. p. 32), который принимает позицию Ницша, - "Audituris enim, non lecturis, carmina parabant."

[252] Odyss. viii. 65; Hymn. ad Apoll. 172: Pseudo-Herodot. Vit. Homer. с. 3; Thucyd. iii. 104.

Различные комментаторы Гомера полагали, что под несчастьем Демодока поэт в действительности описал свое собственное (Schol. ad Odyss. 1. 1; Maxim. Tyr. xxxviii. 1).

[253] Xenoph. Sympos. iii. 5. Сравните, относительно трудоемкой дисциплины галльских друидов и количества ненаписанных стихов, которые они сохранили в своей памяти, Cæsar, B. G. vi. 14; Mela.

iii. 2; также Wolf, Prolegg. s. xxiv. и Herod. ii. 77, о невероятной памяти египетских жрецов в Гелиополе.

Я переписываю из интересных "Рассуждений" М. Фориэля (приложенных к его "Современным народным песням", Париж, 1824) несколько сведений о количестве, мнемонической силе и популярности тех странствующих певцов или рапсодов, которые часто выступают на праздниках или *панегирисах* современной Греции: любопытно узнать, что этой профессией обычно занимаются *слепые* (р. xc. seq.).

"Les aveugles exercent en Grèce une profession qui les rendes non seulement agréables, mais nécessaires; le caractère, l'imagination, et la condition du peuple, étant ce qu'ils sont: c'est la profession de chanteurs ambulans..... Они используют, как на континенте, так и на островах, Грецию для того, чтобы изучить на слух наибольшее количество шансонов, популярных в любом жанре и в любую эпоху. Quelques uns finissent par en savoir une quantité prodigieuse, et tous en savent beaucoup. С этим трезором в памяти они постоянно находятся в движении, пересекают Грецию во всех смыслах; Они идут из деревни в деревню, из деревни в деревню, распевая под аккомпанемент, который формируется вокруг них, везде, где они монтируют, те из своих песнопений, которые они считают более подходящими, так что в местностях, так что в местностях, и получают небольшое вознаграждение, которое составляет весь их доход. Они предпочитают искать в любом месте ту часть населения, которая всегда более любопытна, более склонна к впечатлениям и менее затруднительна в выборе тех, кого им предлагают. Сами турки не могут не смотреть. На больших собраниях, на деревенских праздниках, называемых *Панегирис*, эти певцы собираются с большим желанием. Они поют под аккомпанемент одного инструмента с кордами, который трогают дугой, и который в точности является древней лирой греков, сохранившей свое название и форму.

"Эта лира, чтобы быть целой, должна иметь девять шнуров: но чаще всего их бывает не более двух или трех, а сыновья, как мы уже говорили, не имеют ни одной гармоничной струны. Les chanteurs aveugles vont ordinairement isolés, et chacun d'eux chante à part des autres: mais quelquefois aussi ils se réunissent par groupes de deux ou de trois, pour dire ensemble les mêmes chansons..... Современные рапсоды должны быть разделены на два класса. Неизвестные (а их, судя по всему, больше всего) рождаются из функции переработать, освоить и пустить в оборот те произведения, которые они еще не сочинили. Другие (и это те, кто составляет порядок, наиболее отличительный в их корпусе), в рамках этой функции репетиторов и авторов поэзии, присоединяются к поэтам и добавляют к массе шансонов, которые они исполняют, другие шансы, которые они исполняют. Эти рапсоды - нувеллисты и историки, в одно время с поэтами народа, и в этом они очень похожи на древних рапсодов Греции".

Перейдем к другой стране - Персии, некогда великой сопернице Греции: "Курроглийские рапсоды называются *курроглоу-ханами*, от *khaunden* - петь. Их обязанность - знать наизусть все *меджлисы* (собрания) Курроглу, рассказывать их или петь под аккомпанемент любимого инструмента Курроглу, чунгура, или ситара, трехструнной гитары. У Фердауси также есть свои *Шах-нама-ханы*, а у пророка Мухаммеда - свои *Коран-ханы*. Память этих певцов поистине поразительна. По любой просьбе они читают на одном дыхании в течение нескольких часов, не заикаясь, начиная рассказ с отрывка или стиха, на который указывают слушатели". (Образцы народной поэзии Персии, приведенные в "Приключениях и импровизациях Курроглу, менестреля-разбойника из Северной Персии" Александра Ходзько: London 1842, Introd. p. 13)

"Одна из песен калмукских национальных бардов иногда длится целый день". (*Ibid.* p. 372.)

[254] Справедливы замечания г-на Митфорда о возможности того, что гомеровские поэмы могли сохраниться без письменности (History of Greece, vol. i. pp. 135-137).

[255] Villosion, Prolegomen. pp. xxxiv-lvi; Wolf, Prolegomen. p. 37. Дюнцер, в Epicor. Græc. Fragm. pp. 27-29, приводит значительный список гомеровских отрывков, цитируемых древними авторами, но не встречающихся ни в "Илиаде", ни в "Одиссее". Однако вряд ли стоит сомневаться, что многие из этих отрывков принадлежали другим эпическим поэмам, которые проходили под именем Гомера. Велькер (Der Episch. Kyklus, pp. 20-133) обосновывает это мнение весьма справедливо, и оно гармонирует с его взглядом на имя Гомера как на созвучное всему эпическому циклу.

[256] См. этот аргумент у Гизе (Ueber den Æolischen Dialekt, sect. 14. p. 160, *seqq.*). Он отмечает и некоторые другие особенности гомеровского языка: обилие и разнообразие взаимозаменяемых грамматических форм, многочисленные метрические обороты, закрепленные соответствующими устными интонациями, - которые указывают на то, что язык еще не был скован неподвижностью письменного авторитета.

Той же линии аргументации придерживается О. Мюллер (История литературы Древней Греции, гл. iv. с. 5).

В той же главе Гизе показал, что все рукописи Гомера, упомянутые в Схолиях, были написаны ионическим алфавитом (с Н и Ω в качестве знаков для долгих гласных и без специального знака для грубого дыхания), насколько нам позволяют проверить специальные цитаты из них.

[Ницш и Велькер утверждают, что, поскольку гомеровские поэмы *слушались* с большим восторгом и интересом, для их записи использовались первые зачатки искусства письма, даже если они были сопряжены с тысячей механических трудностей. Я не могу согласиться с этим мнением, которое кажется мне правдоподобным благодаря нашему нынешнему знакомству с чтением и письмом. Первый шаг от декламируемого стихотворения к написанному - это, действительно, большая жестокость, а также бесполезность для удовлетворения любой потребности, которая тогда действительно ощущалась. Я гораздо больше согласен с Вольфом, когда он говорит: "Diu enim illorum hominum vita et simplicitas nihil admodum habuit, quod scripturâ dignum videretur: in aliis omnibus occupati agunt illi, quæ posterī scribunt, vel (ut de quibusdam populis accepimus) etiam monstratam operam hanc spernunt tanquam indecori otii: carmina autem quæ pangunt, longo usu sic ore fundere et excipere consueverunt, ut cantu et recitatione cum maxime vigentia deducere ad mutas notas, ex illius ætatis sensu nihil aliud esset, quam perimere ea et vitali vi ac spiritu privare." (Prolegom. s. xv. p. 59.)

Несколько хороших замечаний на эту тему можно найти во "Введении" Вильгельма Гумбольдта к его тщательно продуманному трактату "*Учение о Кави-Спраке*", посвященному устным преданиям, бытующим среди басков. Он также отмечает, насколько это великое и отталкивающее действие - переходить сначала от стихов, спетых или прочитанных, к стихам написанным; подразумевается, что слова задумываются в отрыве *от вортрага*, сопровождающей музыки и окружающего и сочувствующего собрания. Баскские сказки не имеют очарования для самого народа, когда их перекладывают на испанские слова и читают (Введение, раздел xx. с. 258-259).

О неписанных прозаических сказках, сохраняющихся в памяти и, как говорят, повторяющихся почти теми же словами из века в век, упоминает Маринер на островах Тонга (Mariner's Account, vol. ii. p. 377).

Друидические поэмы оставались ненаписанными по собственной воле, после того как письменность стала использоваться для других целей (Cæsar, B. G. vi. 13).



[258] Г-н Файнс Клинтон (*Fasti Hellenici*, vol. i. pp. 368-373) считает *несомненным*, что Архилох и Алкман *написали* свои поэмы. Я не знаю никаких доказательств, чтобы объявить это достоверно известным, - за исключением, правда, признания Вольфа, которое, несомненно, хорошо как *argumentum ad hominem*, но не должно быть принято как доказательство (Wolf, Proleg. p. 50). Свидетельства, упомянутые г-ном Клинтоном (p. 368), конечно, не могут рассматриваться как доказательство чего-либо в этом вопросе.

Гизе (*Ueber den Æolischen Dialekt*, p. 172) относит первое написание отдельных рапсодий, составляющих "Илиаду", к седьмому веку до нашей эры.

[259] Песни исландских скальдов сохранялись в устной форме на протяжении более двух столетий, - Р. А. Мюллер считает, что гораздо дольше, - до того, как они были собраны или воплощены в письменной истории Сноппо и Сэмундом (*Lange, Untersuchungen über die Gesch. der Nördischen Heldensage*. p. 98; также, *Introduct.* pp. xx-xxviii). Он, однако, часто путает сохранение песен с давних времен с вопросом, имеют ли они историческую основу или нет.

И, несомненно, в Древней Греции было много старых бардов и рапсодов, о которых можно сказать то же самое, что Саксо Грамматик утверждает об англичанине по имени Лукас, что он был "literis quidem tenuiter instructus, sed historiarum scientiâ apprime eruditus." (*Dahlmann, Historische Forschungen*, vol. ii. p. 176.)

[260] "Гомер написал целый ряд песен и рапсодий, которые пел сам для небольшого заработка и хорошего настроения, на праздниках и в другие дни веселья; "Илиаду" он создал для мужчин, "Одиссею" - для другого пола. Эти свободные песни были собраны в форму эпической поэмы только через 500 лет".

Таков голый язык, на котором основная гипотеза Вольфа была ранее изложена Бентли в его "Замечаниях на поздний дискурс о свободомыслии Филелевтера Липсианского", опубликованных в 1713 году: этот отрывок остался неизменным в седьмом издании трактата, опубликованном в 1737 году. См. Wolf's Proleg. xxvii. p. 115.

Эту же гипотезу можно увидеть более подробно развитой, частично в работе ученика и поклонника Вольфа, Вильгельма Мюллера, "*Гомерическая воршула*" (второе издание которой было опубликовано в Лейпсике в 1836 году, с прекрасным введением и примечаниями Баумгартена-Крузиуса, значительно повышающими ценность оригинальной работы благодаря беспристрастному рассмотрению всего спора), частично в двух ценных диссертациях Лахмана, опубликованных в "Филологических трудах Берлинской академии" за 1837 и 1841 годы.

[261] Иосиф, cont. Apion. i. 2; Cicero de Orator, iii. 34; Pausan. vii. 26, 6: сравните Scholion о Plautus в Ritschl, Die Alexandrin. Bibliothek, p. 4. Илиан (V. II. xiii. 14), который упоминает как введение гомеровских поэм в Пелопоннес Ликургом, так и их компиляцию Пейсistrатом, вряд ли может считаться добавлением к ценности свидетельства: тем более, Либаний и Суидас. Мы узнаем, что некоторые литераторы и критики александрийской эпохи (больше или меньше, в зависимости от обстоятельств; но Вольф преувеличивает, когда говорит о *единодушном* убеждении) говорили о Пейсistrате как о том, кто первым собрал дробные части Илиады и Одиссеи в целые поэмы.

[262] Plato, Hipparch. p. 228.

[263] "Doch ich komme mir bald lächerlich vor, wenn ich noch immer die Möglichkeit gelten lasse, dass unsere Ilias in dem gegenwärtigen Zusammenhange der bedeutenden Theile, und nicht blos der wenigen bedeutendsten, jemals vor der Arbeit des Pisistratus gedacht worden sey." (Lachmann, Fernere Betrachtungen über die Ilias, sect. xxviii. p. 32; Abhandlungen Berlin. Academ. 1841.) Насколько далеко простирается это признание - что в *нескольких наиболее важных частях* "Илиады" *действительно*

существовал установленный порядок престолонаследия до Пейсистрата - я не знаю; но язык Лахманна идет дальше, чем у Вольфа или Вильгельма Мюллера. (См. Wolf, Prolegomen. pp. cxli-cxlii, и W. Müller, Homerische Vorschule, Abschnitt vii. pp. 96, 98, 100, 102.) Последний признает, что ни Писистрат, ни диаскевасты не могли внести в "Илиаду" и "Одиссею" никаких существенных изменений, ни в виде добавлений, ни в виде переложений; поэмы как совокупность слишком хорошо известны, а гомеровская изобретательская жилка слишком полностью угасла, чтобы допускать подобные новшества.

Признаюсь, я не вижу, как эти последние признания можно примирить с основной доктриной Вольфа в том, что касается Пейсистрата.

[264] Diogen. Laërt. i. 57.-Τὰ τε Ὅμηρου ἐξ ὑποβολῆς γέγραφε (Σόλων) ῥαψωδεῖσθαι, οἷον ὅπου ὁ πρῶτος ἔληξεν, ἔκειθεν ἄρχεσθαι τὸν ἀρχόμενον, ὡς φησι Διευχίδας ἐν τοῖς Μεγαρίκοις.

О Гиппархе, сыне Пейсистрата, Псевдо-Платон говорит нам (в так называемом диалоге, с. 228),-καὶ τὰ Ὅμηρου ἔπη πρῶτος ἐκόμισεν εἰς τὴν γῆν ταυτηνὴ, καὶ ἠνάγκασε τοὺς ῥαψωδοὺς Παναθηναίοις ἐξ ὑπολήψεως ἐφεξῆς αὐτὰ διῆναι, ὥσπερ νῦν ἔτι οἶδε ποιοῦσι.

Эти слова вызвали множество критических замечаний со стороны всех ученых людей, которые касались теории гомеровских поэм, - чтобы определить, какова была практика, которую Солон нашел существующей, и каковы были изменения, которые он ввел. Наши сведения слишком скудны, чтобы претендовать на определенность, но я считаю объяснение Германа наиболее удовлетворительным ("Quid sit ὑποβολή et ὑποβλήδεν."-*Opuscula*, tom. v. p. 300, tom. vii. p. 162).

ὑποβoλεὺς - технический термин, обозначающий суфлера на театральном представлении (Плутарх, Præsept. gerend. Reip. p. 813); ὑποβολή и ὑποβάλλειν имеют соответствующие значения, помогая памяти оратора и поддерживая его в соответствии с определенным стандартом, в распоряжении суфлера: см. слова ἐξ ὑποβολῆς, Xenophon. Sympotæd. iii. 3, 37. ὑποβολή, таким образом, не имеет необходимой связи с серией рапсодов, но в равной степени относится и к одному; хотя в данном случае он применяется к нескольким последовательно. ὑπόληψις, опять же, означает "последовательное исполнение одного рапсода другим": хотя эти два слова, таким образом, имеют не одинаковое значение, тем не менее, процедура, описанная в этих двух отрывках, в отношении и Солона, и Гиппарха, кажется, по существу одна и та же, - т.е. обеспечение, путем принудительного надзора, правильной и упорядоченной декламации последовательными рапсодами, которые проходили через различные части поэмы.

Из этого отрывка можно сделать вывод, что рапсоды до Солона были виновны как в небрежности, так и в упущениях при пересказе Гомера, но нет оснований полагать, что они переставляли книги или что законный порядок не был признан ранее.

Назначение систематического ὑποβoλεὺς, или суфлера, явно указывает на существование полных рукописей.

Указание Солона, чтобы Гомера рапсодировали под охраной суфлера с его рукописью, выглядит так же, как и указание оратора Ликурга в отношении Эсхила, Софокла и Эврипида (Pseudo-Plutarch. Vit. x. Rhetor. Lycurgi Vit.)-εἰσήνευκε δὲ καὶ νόμους-ὡς χαλκᾶς εἰκόνας ἀναθεῖναι τῶν ποιητῶν Αἰσχύλου, Σοφοκλέους, Εὐριπίδου, καὶ τὰς τραγωδίας αὐτῶν ἐν κοινῷ γραψαμένους φυλάττειν, καὶ τὸν τῆς πόλεως γραμματέα παραναγινώσκειν τοῖς ὑποκρινομένοις- οὐ γὰρ ἐξῆν αὐτὰς (ἄλλως) ὑποκρίνεσθαι. Слово ἄλλως, встречающееся предпоследним, введено по предположению Грисара, который привел и объяснил вышеприведенный отрывок Псевдо-Плутарха в ценной диссертации "De Græcorum Tragœdiâ, qualis fuit circa tempora Demosthenis" (Кёльн, 1830). Все критики признают текст в его нынешнем виде невразумительным, и были предложены различные исправления,

среди которых лучшим представляется исправление Грисара. Из его "Диссертации" я привожу следующий отрывок, который иллюстрирует рапсодизацию Гомера ἐξ ὑποβολῆς:-

"Quum histriones fabulis interpolandis ægre abstinere, Lycurgus legem supra indicatam eo tulit consilio, ut recitationes histrionum cum publico illo exemplo omnino congruas redderet. Quod ut assequeretur, constituit, ut dum fabulæ in scenâ recitarentur, scriba publicus simul exemplum civitatis inspiceret, juxta sive in theatro sive in postscenio sedens. Hæc enim verbi παραναγινώσκειν est significatio, posita præcipue in præpositione παρὰ, ut idem sit, quod *contra* sive *juxta* legere; id quod faciunt ii, qui lecta ab altero vel recitata cum suis conferre cupiunt." (Grysar, p. 7.)

[265] То, что "Илиада" или "Одиссея" когда-либо читались целиком, в любое время до Солона, отрицает Ричль (Die Alexandrin. Bibliothek, pp. 67-70). Он считает, что до Солона они всегда читались по частям, причем без какого-либо определенного порядка между частями. Солон также не определял (как он думает) порядок частей: он только проверял разрешение рапсодов на чтение отдельных книг: именно Песистрат, с помощью Ономакрита и других, впервые установил порядок частей и связал каждую поэму в единое целое, с некоторыми исправлениями и интерполяциями. Тем не менее, он признает, что изначально части были написаны одним и тем же поэтом и приспособлены друг для друга, чтобы составлять единое целое: но эта первобытная целостность (утверждает он) сохранялась лишь как своего рода традиционная вера, никогда не реализованная при чтении и не сведенная к очевидному, однозначному и постоянному факту, - вплоть до времени Песистрата.

Я думаю, что нет достаточных оснований для отрицания всей декламации до Солона, и мы только создаем новую трудность, как серьезную, так и необоснованную, делая это.

[266] Эфиопис Арктина содержал девять тысяч сто стихов, как мы узнаем из Tabula Iliaca: однако Прокл приписывает ему только четыре книги. Малая Илиада состояла из *четырех* книг, Кипрские стихи - из *одиннадцати*, хотя мы не знаем количества строк ни в той, ни в другой.

Ницш утверждает, что Арктин читал свою поэму *в одиночку*, хотя она была слишком длинной, чтобы можно было делать это без перерыва. (См. его Vorrede ко второму тому "Одиссеи", p. xxiv.) Этому утверждению нет никаких доказательств, и оно кажется мне крайне неправдоподобным.

Что касается романов Средневековья, относящихся к циклу Круглого стола, М. Фориэль говорит нам, что немецкий *Персеваль* насчитывает почти двадцать пять тысяч стихов (более чем в два раза длиннее Илиады); *Персеваль* Кристиана из Труа, вероятно, больше; немецкий *Тристан* Годфри Страсбургского насчитывает более двадцати трех тысяч; иногда поэма начинается одним автором, а продолжается другим. (Fauriel, Romans de Chevalerie, Revue des Deux Mondes, t. xiii. pp. 695-697.)

Древние ненаписанные поэмы исландских скальдов в равной степени лиричны и эпичны: самая длинная из них не превышает восьмисот строк, а по большей части они гораздо короче (Untersuchungen über die Geschichte der Nördischen Heldensage, aus P. A. Müller's Sagabibliothek von G. Lange, Frankf. 1832, Introduct. p. xlii.).

[267] Plutarch, Solôn, 10.

[268] Гомеровский схолиаст ссылается на Квинта Калабера ἐν τῇ Ἀμαζονομαχίᾳ, который был только одной частью его длинной поэмы (Schol. ad Iliad. ii. 220).

[269] Knight, Prolegg. Homer, xxxii. xxxvi. xxxvii. В то, что Песистрат поручил подготовить исправленный вариант "Илиады", есть все основания верить, и в "Схолии о Плавте" под

редакцией Ритшля (см. Die Alexandrinische Bibliothek, p. 4) указаны четыре человека (один из них - Ономакрит), занятые этой работой. Ричль полагает, что она служила своего рода Вульгатой для текста александрийских критиков, которые специально называли другие MSS (из Хиоса, Синопа, Массалии и т. д.) только тогда, когда они расходились с этой Вульгатой: он также думает, что она была оригиналом, с которого впервые были взяты эти другие MSS, которые называются в Гомеровских Схолиях αἱ κοινὰ, κοινότεραι (стр. 59-60).

Велькер полагает, что Пеисистратский MS. был либо потерян, либо унесен при взятии Афин Ксерксом (Der Epische Kyklus, pp. 382-388).

Сравните Нитцш, Histor. Homer. Fasc. i. pp. 165-167; также его комментарий к Odys. xi. 604, предполагаемая интерполяция Ономакрита; и Ulrici, Geschichte der Hellen. Poes. Часть i. s. vii. pp. 252-255.

Основные факты, относящиеся к писистратовскому переложению, собраны и обсуждены Графенханом, Geschichte der Philologie, sect. 54-64, vol. i. pp. 266-311. К сожалению, мы не можем выйти за рамки предположений и возможностей.

[270] Вольф допускает и однородность окраски, и древность колорита, которыми проникнуты гомеровские поэмы; также сильную линию, которой они отличаются от других греческих поэтов: "Immo congruunt in iis omnia ferme in idem ingenium, in eosdem mores, in eandem formam sentiendi et loquendi." (Prolegom. p. cclxv; ср. p. cxxxviii.)

Он считает, что эта гармония была *восстановлена* благодаря умению и заботе Аристарха ("mirificum illum concentum revocatum Aristarcho imprimis debemus.") Это очень преувеличенная оценка вмешательства Аристарха: но, во всяком случае, сам *концентр* был древним и оригинальным, и Аристарх только *восстановил* его, когда он был испорчен вмешавшимися случайностями; по крайней мере, если мы будем строго толковать *revocatum*, что, возможно, едва ли согласуется с основной теорией Вольфа.

[271] См. Wolf, Prolegg. c. xii. p. xliii. "Nondum enim prorsus ejecta et explosa est eorum ratio, qui Homerum et Callimachum et Virgilium et Nonnum et Miltonum eodem animo legunt, nec quid uniuscujusque ætas ferat, expendere legendo et computare laborant," etc.

Аналогичную и более раннюю попытку истолковать гомеровские поэмы с учетом их возраста можно увидеть в трактате Вико под названием *Il Vero Omero*, отмеченном большим количеством оригинальных мыслей, но не сильной эрудицией (Opere di Vico, ed. Milan, vol. v. pp. 437-497).

[272] В сорок шестом томе собрания его сочинений, в небольшом трактате "*Гомер, нох эйнмаль*": ср. G. Lange, Ueber die Kyklischen Dichter (Mainz, 1837), Preface, p. vi.

[273] "Non esse totam Iliadem aut Odysseam unius poetæ opus, ita extra dubitationem positam puto, ut qui secus sentiat, eum non satis lectitasse illa carmina contendam." (Godf. Hermann, Præfat. ad Odysseam, Lips. 1825, p. iv.) См. высказывания того же выдающегося критика в его трактате "Ueber Homer und Sappho", Opuscula, vol. v. p. 74.

Лахман, расчленив две тысячи двести строк "Илиады" между началом одиннадцатой книги и пятьюстами девяносто строками пятнадцатой, на четыре песни, "в высшей степени различные по своему духу" ("ihrem Geiste nach höchst verschiedene Lieder"), говорит нам, что тот, кто считает это различие духа незначительным, - кто не почувствует ее сразу, когда ему укажут на нее, - кто сможет поверить, что части в их нынешнем виде принадлежат к одному художественно построенному эпосу, - "лучше не утруждать себя больше ни моей критикой, ни эпической поэзией, потому что он

слишком слаб, чтобы что-нибудь в ней понять" ("weil er zu schwach ist etwas darin zu verstehen:")  
Fernere Betrachtungen Ueber die Ilias: Abhandl. Berlin. Acad. 1841, p. 18, § xxiii.

Напротив, Ульрици, показав (или попытавшись показать), что композиция Гомера в основном полностью удовлетворяет всем требованиям художественного эпоса, добавляет, что это сразу же станет очевидным для всех, кто обладает хоть каким-то чувством художественной симметрии; но что для тех, кому этого чувства не хватает, не может быть дано убедительной демонстрации. Однако он предупреждает последних, что они не должны отрицать существование того, что их близорукое зрение не в состоянии различить, ибо нельзя объяснить детям все то, что зрелый человек видит с первого взгляда (Ulrici, Geschichte des Griechischen Epos, Part i. ch. vii. pp. 260-261). Читайте также Payne Knight, Proleg. с. xxvii, о безумии вольфианской школы, очевидном даже для "homunculus e trivio".

Я имею несчастье не согласиться ни с Лахманом, ни с Ульрици; ибо мне кажется ошибкой ставить "Илиаду" и "Одиссею" на одну ступень, как это делает Ульрици и как это слишком часто делают другие.

[274] Платон, Аристотель и их современники в целом читали самые подозрительные части гомеровских поэм как подлинные (Nitzsch, Plan und Gang der Odyssee, в Предисловии ко второму тому Комментариев к Одиссее, pp. lx-lxiv).

Фукидид принимает "Гимн Аполлону" как сочинение автора "Илиады".

[275] Bernhard Thiersch, Ueber das Zeitalter und Vaterland des Homer (Halberstadt, 1832), Einleitung, pp. 4-18.

[276] Сравните i, 295; ii. 145 (νήποινοί κεν ἔπειτα δόμων ἔντοσθεν ὀλοισθε); xi. 118; xiii. 395; xv. 178; также xiv. 162.

[277] Nitzsch, Plan und Gang der Odyssee, p. xliii, предисловие ко второму тому его Комментария к "Одиссее".

"At carminum primi auditores non adeo curiosi erant (замечает г-н Пейн Найт, Proleg. с. xxiii.), ut ejusmodi rerum rationes aut exquirerent aut expenderent; neque eorum fides e subtilioribus congruentiis omnino pendebat. Monendi enim sunt etiam atque etiam Homericorum studiosi, veteres illos αἰδοῦς non linguâ professoriâ inter viros criticos et grammaticos, aut alios quoscunque argutiarum captatores, carmina cantitasse, sed inter eos qui sensibus animorum libere, incaute, et effuse indulgerent," etc. Главы xxii-xxvii. "Прологомены" г-на Найта ценны для той же цели, показывая "homines rudes et agrestes" того времени как отличных судей того, что попадало под их чувства и наблюдения, но беспечных, доверчивых и не замечающих противоречий, в вопросах, которые попадали только в поле зрения разума.

[В. Мюллер не прав, утверждая, что в первом собрании богов Зевс обещает то, чего не исполняет: В первой книге Зевс не *обещает* послать Гермеса вестником к Калипсо, хотя Атене призывает его сделать это. Зевс, правда, требует, чтобы его дважды убеждали, прежде чем он продикует Калипсо освобождение Одиссея, но он уже намекнул в первой книге, что ему очень трудно защитить героя из-за гнева, проявленного против него Посейдоном.

[279] Odyss. ix. 534.-

Ὅψ' ἔκ' ἄλλοι, ὀλέσας ἀπὸ πάντας ἑταίρους,

Νηὸς ἐπ' ἄλλοτρίης, εὖροι δ' ἐν πῆματα οἴκῳ-.



“Ὡς ἔφατ’ εὐχόμενος- (циклоп к Посейдону) τοῦ δ’ ἔκλυε Κυανοχαίτης.

[280] Вольф самым недвусмысленным образом признает компактную и искусную структуру "Одиссеи". Против этого положительного внутреннего свидетельства он выдвигает общее предположение, что такое конструктивное искусство не могло принадлежать поэту эпохи Гомера: "De Odysseâ maxime, cujus admirabilis summa et compages pro præclarissimo monumento Græci ingenii habenda est..... Unde fit ut Odysseam nemo, cui omnino priscus vates placeat, nisi perlectam e manu deponere queat. At illa ars id ipsum est, quod *vix ac ne vix quidem cadere* videtur in vatem, singulas tantum rhapsodias decantantem," etc. (Prolegomen. pp. cxviii-cxx; compare cxii.)

[281] Лахман, кажется, допускает один случай, когда автор одной песни проявляет осведомленность о другой песне и готовность дать то, что станет ее продолжением. Его пятнадцатая песнь (Патроклея) длится с xv. 592 до конца 17-й книги: шестнадцатая песнь (включая четыре следующие книги, с восемнадцатой по двадцать вторую включительно) является продолжением пятнадцатой, но написана другим поэтом. (Fernere Betrachtungen über die Ilias, Abhandl. Berlin. Acad. 1841, sect. xxvi. xxviii. xxix. pp. 24, 34, 42.)

Это признание преднамеренной адаптации в определенной степени разрушает целостность вольфианской гипотезы.

[282] Сторонники вольфианской теории, похоже, чувствуют трудности, с которыми она сопряжена; ведь их язык колеблется в отношении этих предполагаемых первичных составных атомов. Иногда Лахманн говорит нам, что первоначальные произведения были гораздо более тонкой поэзией, чем "Илиада", как мы ее сейчас читаем; в другой раз - что сейчас невозможно выяснить, какими они были изначально: более того, он допускает (как отмечено в предыдущем примечании), что поэт шестнадцатой песни был знаком с пятнадцатой.

Но если допустить, что первоначальные песни были так составлены, хотя и разными поэтами, что более поздние были адаптированы к более ранним с большей или меньшей ловкостью и успехом, это приводит нас к совершенно иным условиям проблемы. Это фактическая капитуляция вольфианской гипотезы, которую, однако, Лахманн и намеревается защищать, и защищает с умением; хотя его обоснование ее, на мой взгляд, имеет лишь эффект разоблачения присущей ей слабости путем проведения ее в нечто подробное и позитивное. К его "Диссертации", столь поучительной, как микроскопическое исследование поэмы, я добавлю: 1. Что я постоянно не согласен с тем критическим чувством, на основании которого он вычеркивает части как интерполяции и обнаруживает следы руки разных поэтов; 2. Что его возражения против непрерывности повествования часто основаны на строках, которые древние схолиасты и мистер Пейн Найт уже объявили интерполяциями; 3. Что те из его возражений, которые основаны на строках, не вызывающих сомнений, во многих случаях допускают полный и удовлетворительный ответ".

[283] Ланге, в его Письме к Гете, Ueber die Einheit der Iliade, p. 33 (1826); Nitzsch, Historia Homeri, Fasciculus 2, Præfat. p. x.

[284] Даже Аристотель, великий строитель знаменитости Гомера в отношении эпической совокупности, находил некоторые случаи (кажется), когда он был вынужден довольствоваться простым оправданием, не восхищаясь поэтом (Poet. 44 τοῖς ἄλλοις ἀγαθοῖς ὁ ποιητὴς ἡδύνων ἀφάνιζει τὸ ἄτοπον).

И Герман справедливо замечает в своем остроумном трактате De Interpolationibus Homeri (Opuscula, tom. v. p. 53): "Nisi admirabilis illa Homericorum carminum suavitas lectorum animos quasi

incantationibus quibusdam captos teneret, non tam facile delitescerent, quæ accuratius considerata, et multo minus apte quam quis jure postulet composita esse apparere necesse est".

В этом трактате содержится много критических замечаний по поводу структуры "Илиады", некоторые из них весьма обоснованы, хотя есть и такие, с которыми я не согласен.

[285] В отношении книг со второй по седьмую включительно я согласен с замечаниями Вильгельма Мюллера, *Homerische Vorschule, Abschnitt viii*. pp. 116-118.

[286] Lachmann, *Fernere Betrachtungen über die Ilias, Abhandlungen Berlin. Acad.* 1841, p. 4.

Указав на некоторые расхождения, которые, по его мнению, доказывают разные руки составителей, он добавляет: "Тем не менее, мы должны быть осторожны, чтобы не считать отдельные песни, составляющие эту часть поэмы, отдельными и раздельными в той же степени, что и песни первой половины; ибо все они единодушно гармонируют в одном конкретном обстоятельстве, которое, применительно к истории Илиады, не менее важно, чем гнев Ахилла, а именно: что три самых выдающихся героя, Агамемнон, Одиссей и Диомедес, становятся инвалидами в течение всего времени сражений".

Это важно для истории "*Ахиллеса*", я бы сказал, но не для истории "*Илиады*". Это замечание Лахманна весьма показательно в плане различия между оригиналом и расширенной поэмой.

[287] Я признаюсь в своем изумлении, что человек такого гения и силы мысли, как М. Бенжамен Констан, должен был представить, что оригинальная "Илиада" заканчивается смертью Патрокла, на том основании, что Ахилл после этого примиряется с Агамемноном. См. рецензию на работу Б. Констан "*De la Religion, etc.*" О. Мюллера в *Kleine Schriften* последнего, vol. ii. p. 74.

[288] Он выступает в качестве посредника между оскорбленным Ахиллом и греками, проявляя добрые симпатии к последним, но не отказываясь от верности первым. Раненый Махаон, представляющий интерес для всего лагеря, уносится Нестором с поля боя, и Ахилл, наблюдая за ним со своего далекого корабля, посылает Патрокла узнать, действительно ли это Махаон; это позволяет Нестору изложить Патроклу плачевное состояние греческого войска, чтобы побудить его и Ахилла снова взяться за оружие. Затронув сострадание Патрокла, он спешит внушить Ахиллу необходимость срочной помощи, когда встречает Эврипила, ползущего по полю, беспомощного, с тяжелой раной, и умоляющего его о помощи. Он переносит раненого воина в свой шатер и принимает меры к его страданиям, но прежде чем эта операция была полностью завершена, греческое войско было полностью отброшено назад, а троянцы были готовы поджечь корабли: Патрокл спешит к Ахиллу, чтобы возвестить об отчаянной опасности, нависшей над всеми, и добивается его разрешения выйти на поле боя во главе мирмидонов. То, как Патрокл представлен слушателю в качестве прелюдии к его блестящему, но недолговечному выступлению, когда он выходит на арену с оружием в руках, - контраст между его характерной мягкостью и свирепостью Ахилла, и естественное стечение обстоятельств, в результате которого он становится средством примирения своего оскорбленного друга и спасения своих погибших соотечественников, - все это демонстрирует степень эпического мастерства автора примитивного "Ахиллеса", которому нет параллели в добавленных книгах "Илиады".

[289] Обратите внимание, например, на следующие отрывки: - 1.

1. Ахилл, стоя на носу своего корабля, видит, как общее войско греков терпит поражение от троянцев, а также видит Нестора, везущего на своей колеснице раненого воина с поля боя. Он посылает Патрокла узнать, кто этот раненый: вызывая Патрокла, он говорит (xi. 607), что...

Δῖε Μενoitιάδῃ τῷ ᾿μῷ κῆχαρισμένε θυμῷ,

Nūn oĩw perì yóunat' éma stήσεσθαι Ἀχαιοὺς

Λισσομένους- χρεῖω γὰρ ικάνεται οὔκετ' ἀνεκτός.

Хейн в своем комментарии не без основания задает вопрос: "Poenituerat igitur asperitatis erga priorem legationem, an homo arrogans expectaverat alteram ad se missam iri?". Я отвечаю: ни то, ни другое: слова подразумевают, что он вообще *не* получал *никакого посольства*. Он все тот же Ахилл, который в первой книге в одиночестве бродил по берегу моря, пожирая собственную душу от чувства горькой обиды и моля Фетиду помочь ему отомстить: теперь эта месть должна свершиться, и он с восторгом приветствует ее приближение. Но если допустить, что в дело вмешалось посольство из девятой книги, отрывок становится вопиюще непоследовательным, ибо то, что Ахилл предвидит как будущее и даже как условное, *на самом деле произошло* накануне вечером; греки молились у его ног, *возвещали* о своей нестерпимой нужде, а он отверг их. Схолиаст в своем объяснении этих строк, после того как он привел простой смысл, что "Ахилл показывает то, чего он давно желал, - увидеть греков в состоянии мольбы к нему", - кажется, вспоминает, что это противоречит девятой книге, и пытается устранить противоречие, говоря, "что он был прежде успокоен беседой с Финиксом", - ἤδη δὲ προμαλαχθεὶς ἦν ἐκ τῶν Φοίνικος λόγων, - предположение, не подтвержденное ничем в поэте, ни достаточное для устранения затруднения.

2. Речь Посейдона (xiii. 115), призванная ободрить удрученных греческих героев, в которой он, признав рану, нанесенную Ахиллу Агамемноном, рекомендует попытаться залечить ее, и намекает, что "умы добрых людей допускают этот процесс исцеления" (Ἀλλ' ἀκεώμεθα θᾶσσον ἀκεσταί τε φρένες ἐσθλῶν,), конечно, не очень согласуется с предположением, что эта попытка исцеления *была предпринята* наилучшим образом, и что Ахилл накануне вечером проявил крайне непримиримый ум, - в то время как ум Агамемнона был уже доведен до провозглашенного унижения и не нуждался в дальнейшем исцелении.

3. А что мы скажем о языке Ахилла и Патрокла в начале шестнадцатой книги, как раз в тот момент, когда опасность достигла своего максимума и когда Ахилл собирается послать своего друга?

Ни Нестор, когда он призывает и наставляет Патрокла как заступника Ахилла (xi. 654-790), ни сам Патрокл, хотя и в крайнем стремлении подействовать на разум Ахилла и упрекая его в черствости сердца, не вспоминают о достаточном искуплении, которое было ему предложено; в то время как сам Ахилл повторяет первоначальную причину ссоры - обиду, нанесенную ему при отнятии Брисеиса, продолжая язык первой книги; Затем, без малейшего намека на искупление и возмещение ущерба, он уступает предложению друга, подобно человеку, чья обида осталась незаглаженной, но который, тем не менее, вынужден был взять в руки оружие в силу необходимости (xvi. 60-63):-

Ἀλλὰ τὰ μὲν προτετύχθαι ἑάσομεν, οὔδ' ἄρα πῶς ἦν

Ἀσπερχὲς κεχολῶσθαι ἐνὶ φρεσίν- ἦτοι ἔφην γε

Οὐ πρὶν μηνιθμὸν καταπαύσεμεν, ἀλλ' ὁπότεν δῆ

Νῆας ἐμὰς ἀφίκηται αὐτὴ τε πτόλεμός τε.

Я согласен со Схолиастом и Хейном в толковании ἔφην γε как эквивалента διενοήθην, а не как относящегося к какому-либо явному предшествующему заявлению.

И снова, далее в той же речи: "Троянцы (говорит Ахилл) теперь смело идут вперед на корабли, потому что они больше не видят блеска моего шлема; но если бы Агамемнон *был благосклонен ко мне*, они бы сейчас убежали и засыпали рвы своими трупами" (71):-.

... τάχα κεν φεύγοντες ἐναύλους

Πλήσειαν νεκύων, εἴ μοι κρείων Ἀγαμέμνων

Ἦπια εἰδείη- νῦν δὲ στράτον ἀμφιμάχονται.

И опять-таки, если мы начнем с первой книги, опустив девятую, то настроение будет совершенно справедливым. Но если взять девятую книгу, то оно становится ложным и неуместным; ведь Агамемнон в этом случае предстает перед читателем распростертым и раскаявшимся человеком, не просто "благосклонным" к Ахиллу, но готовым заплатить любую цену за то, чтобы умиротворить его.

4. И снова, несколькими строками дальше, в той же речи, Ахилл разрешает Патроклу отправиться в путь, принимая во внимание крайнюю опасность для флота, но ограничивает его лишь тем, чтобы предотвратить эту опасность и ничего больше не делать: "Слушайся моих слов, чтобы *мне* честь и славу добыть у *греков*, и чтобы они мне девицу отослали, дав, кроме того, обильные подарки: когда ты троянцев от кораблей отгонишь, возвращайся":-.

Ὡς ἄν μοι τιμὴν μεγάλην καὶ κῦδος ἄροιο

Πρὸς πάντων Δαναῶν- ἀτὰρ οἱ περικαλλέα κούρην

Ἄψ ἀπονάσσωσι, προτὶ δ' ἄγλαα δῶρα πόρωσιν-

Ἐκ νηῶν ἐλάσας, ἰέναι πάλιν (84-87).

Как мы можем согласовать это с девятой книгой, где Ахилл заявляет, что ему безразличны почести греков, ix. 604? В устах оскорбленного Ахилла из первой книги такие слова звучат вполне уместно: он окажет помощь, но только в той мере, в какой это необходимо в чрезвычайных обстоятельствах, и так, чтобы обеспечить возмещение своей собственной вины, - а у него пока нет оснований полагать, что Агамемнон готов ее предоставить. Но в девятой книге ему *фактически* предложено все, что он требует здесь, и даже больше (дочь Агамемнона в жены, без той цены, которую обычно платят за невесту, и т. д.): Брисеис, которой он теперь так хочет завладеть, была предложена ему в качестве компенсации, но он отверг это предложение. Мистер Найт, по сути, вычеркивает эти строки как поддельные; отчасти потому, что они противоречат девятой книге, где Ахилл фактически отверг то, чего он здесь жаждет ("Dona cum puellâ jam antea oblata aspernatus erat,"), отчасти потому, что он считает, что они выражают чувства, недостойные Ахилла; с последней критикой я не согласен.

5. Далее мы переходим к обращению Патрокла к мирмидонам, когда он ведет их на битву: "Сражайтесь храбро, мирмидоны, чтобы мы воздали честь Ахиллу, и чтобы властвующий Агамемнон узнал, какое безумное безрассудство он совершил, обесчестив храбрейшего из греков".

Внушать Агамемнону эти знания больше не было необходимости. В девятой книге записано его унижительное признание в этом, сопровождаемое искуплением и возмещением ущерба. Преподать ему урок во второй раз - значит сломать надломленную тростинку, зарубить убитого. Но опустим девятую книгу, и мотив будет естественным - и для Патрокла, и для мирмидонов, которые должны были повиноваться: Ахилл все еще остается обещанным человеком, и смирить обесчестившего его соперника - первая из целей, как для его друзей, так и для него самого.

6. Наконец, наступает время, когда Ахилл, глубоко переживая смерть Патрокла, с отвращением и раскаянием оглядывается на прошлое. К чему, по нашему мнению, должно быть обращено его

раскаяние? Не к его первичной ссоре с Агамемноном, в которой он был бесспорно несправедлив, - а к сцене в девятой книге, где ему предлагают максимальное искупление за предыдущую обиду и презрительно отвергают его. Однако когда мы обращаемся к xviii. 108, и xix. 55, 68, 270, мы видим, что он возвращается к примитивной ссоре в первой книге, как будто это был последний инцидент в его отношениях с Агамемноном: более того, Агамемнон (xix. 86) в *своей* речи примирения относится к прошлому точно так же, - сожалеет о своем первоначальном безумии, когда он обидел Ахилла.

7. Если мы обратимся к молитвам Ахилла и Фетиды, обращенным к Зевсу в первой книге, то увидим, что завершение, о котором молятся, - это честь для Ахилла, воздаяние за нанесенную ему обиду, победа над троянцами, пока Агамемнон и греки не осознают, как горько они поступили с их храбрейшим воином (i. 409-509). В девятой книге наступает кульминация. Ахилл не может добиться большего, и в конечном итоге он не добьется большего ни в виде возмещения ущерба себе, ни в виде раскаянного унижения Агамемнона, чем то, что здесь предложено. Поражение, которое греки терпят в битве восьмой книги (Κόλος Μάχη), стало завершающим. Последующие и гораздо более разрушительные поражения, которые они терпят, не имеют причины: Зевс изображается как наносящий их неохотно и только потому, что они необходимы, чтобы воздать должное Ахиллу (xiii. 350; xv. 75, 235, 598; ср. также viii. 372 и 475).

Если мы задумаемся в структуру поэмы, то увидим, что основная последовательность идей в ней такова: ряд несчастий греков, навлеченных Зевсом с особой целью искупить вину Ахилла и унижить Агамемнона; введение Патрокла добавляет новые мотивы, представляющие огромный интерес, но наиболее гармонично вписывается в основную последовательность. Вторжение девятой книги нарушает схему поэмы, разрывая последовательность: Агамемнон стоит на коленях перед Ахиллом, прося прощения и предлагая возместить ущерб, а бедствия греков становятся все более ужасными. Искупление в девятой книге происходит не вовремя и не тем способом.

Есть четыре отрывка (и только четыре, насколько мне известно), в которых посольство из девятой книги упоминается в последующих книгах: один в xviii. 444-456, который был исключен Аристархом как поддельный (см. Схолии и комментарий Найта, *ad loc.*); и три других в следующей книге, где подарки, ранее врученные Одиссеею как посланнику Агамемнона, отмечены как идентичные подаркам, фактически врученным в девятнадцатой книге. Я убежден, что эти отрывки (ст. 140-141, 192-195 и 243) специально вставлены для того, чтобы установить связь между девятой книгой и девятнадцатой. Четыре строки (192-195) явно лучше убрать: первые две строки (140-141) ни к чему; а слово χθιζός (встречающееся в обоих отрывках) становится допустимым только в том случае, если его растянуть до значения *nudius tertius* (Heyne, *ad loc.*).

В отношении девятой книги я отмечу лишь, что речь Агамемнона (17-28), тема для упреков Диомеда и неясного просторечия Нестора, взята дословно из его речи во второй книге, где предложение покинуть место и бежать сделано не всерьез, а как стратагема (ii. 110, 118, 140).

Объем этого примечания может быть оправдан только тем, что оно имеет прямое отношение к структуре "Илиады". Показать, что книги с одиннадцатой и ниже написаны поэтом, не знавшим девятой книги, - это, на мой взгляд, очень важное доказательство, помогающее нам понять, каким был первоначальный Ахиллес. Книги со второй по седьмую включительно являются вставками в "Ахиллес" и лежат отдельно от его сюжета, но не противоречат ему, за исключением агоры богов в начале четвертой книги и почти смертельной раны Сарпедона в битве с Тлеполемом. Но девятая книга ниспровергает основную схему поэмы.



[290] Хельбиг (Sittl. Zustände des Heldenalters, p. 30) говорит: "Сознание в груди Агамемнона, что он принес искупление Ахиллу, укрепляет его уверенность и доблесть" и т. д. Это идея критика, а не поэта. В "Илиаде" ее нет, хотя критик неестественно воображает, что она *должна* быть. Агамемнон никогда не говорит: "Я был неправ, провоцируя Ахилла, но вы видите, что я сделал все, что мог сделать человек, чтобы попросить у него прощения". Если предположить, что девятая книга является частью первоначального замысла, то это чувство настолько естественно, что мы вряд ли могли бы не найти его в начале одиннадцатой книги среди мотивов Агамемнона.

[291] Илиада, xi. 659; xiv. 128; xvi. 25.

[292] Вмешательство Онейра скорее должно быть непосредственным предварением к книге viii, чем к книге ii. Первые сорок семь строк книги II вписываются в начало книги viii и читаются последовательно, события этой книги являются надлежащим продолжением миссии Онейра.

[293] О. Мюллер (История греческой литературы, гл. v. § 8) сомневается, было ли начало второй книги написано "древним Гомером или одним из поздних Гомеридов": он считает, что речь Агамемнона, в которой он разыгрывает обман своего войска, является "обильной пародией (на те же слова, которые используются в девятой книге), сочиненной поздним Гомеридом и вставленной в помещение первоначально более короткого рассказа о вооружении греков". Он рассматривает сцену на греческой агоре как "целую мифическую комедию, полную тонкой иронии и с забавным сюжетом, в которой главным героем является обманывающий и обманутый Агамемнон".

Комический или иронический характер, который здесь приписывается второй книге, кажется мне причудливым и неверным; но Мюллер, очевидно, почувствовал неловкость начального инцидента, хотя его способ объяснить это не удачен. Вторая книга кажется мне столь же серьезной, как и любая другая часть поэмы.

Я также думаю, что слова, упомянутые О. Мюллером в девятой книге, являются расшифровкой слов второй, а не наоборот, как он считает, - поскольку кажется вероятным, что девятая книга является дополнением к поэме после того, как книги между первой и восьмой уже были вставлены, - она, безусловно, введена после того, как рассказ об укреплении, содержащийся в седьмой книге, стал частью поэмы: см. ix. 349. Автору посольства к Ахиллу показалось, что этот герой слишком долго был вне поля зрения и ума, - предположение, для которого не было места в оригинальном Ахиллесе, когда восьмая и одиннадцатая книги следовали сразу за первой, но которое естественно возникает у любого при чтении нашей современной Илиады.

[294] Илиада, vii. 327.

[295] Хейне рассматривает восьмую книгу как отдельную песнь, или эпос; предположение, которое язык Зевса и агора богов в начале, по моему мнению, достаточно для опровержения (Excursus 1, ad lib. xi. vol. vi. p. 269). Этот экскурс, описывая последовательность событий в "Илиаде", сразу и естественно переходит от восьмой книги к одиннадцатой.

А мистер Пейн Найт, защищая одиннадцатую книгу от Хейна, говорит: "Quæ in undecimâ rhapsodiâ Iliadis narrata sunt, haud minus ex ante narratis pendent: neque rationem pugnae commissæ, neque rerum in eâ gestarum nexum atque ordinem, quisquam intelligere posset, nisi *iram et secessum* Achillis, et *victoriam* quam Trojani inde consecuti erant, antea cognosset." (Prolegom. c. xxix.)

Совершенно верно: чтобы понять одиннадцатую книгу, мы должны иметь перед собой первую и восьмую (те, которые описывают гнев и уход Ахилла и поражение, которое греки испытывают в результате этого); мы можем обойтись без остального.

[296] О. Мюллер (Hist. Greek Literat. ch. v. § 6) говорит об этой стене: "И только после того, как греки *на опыте первого дня сражения убедились*, что троянцы могут противостоять им в открытом бою, греки строят стену вокруг своих кораблей..... Это показалось Фукидиду настолько мало соответствующим исторической вероятности, что, не обращая внимания на авторитет Гомера, он поместил строительство этих стен сразу после высадки".

Я думаю, следует сожалеть, что Фукидид вообще взялся определить этот момент как вопрос истории; но когда он взялся за это, рассказ в "Илиаде" был не такого характера, чтобы доставить ему большое удовлетворение, и причина, приведенная Мюллером, не делает его лучше. Мюллер считает, что до первого дня битвы греки не верили, что троянцы *смогут* противостоять им в открытом бою: троянцы (по его словам) никогда не держались на поле боя, пока Ахилл был на греческой стороне, и поэтому греки были поражены, впервые обнаружив, что они *могут* это сделать.

Ничто не может так противоречить характеру второй и последующих книг, как это предположение. Троянцы выходят вперед и сражаются галантно; ни Агамемнон, ни Нестор, ни Одиссей не считают их врагами, которые не могут удержать фронт; а схема увещевания Агамемнона (Εἰρῶλῆσις), так ярко описанная в четвертой книге, доказывает, что *он* не ожидает очень легкой победы. Нестор, предлагая построить стену, также не дает ни малейшего намека на то, что способность троянцев сопротивляться в открытом поле была для греков неожиданным открытием.

Причина, которую приводит Мюллер, является его собственной выдумкой, исходящей из того же источника ошибок, что и другие его замечания; потому что он пытается найти в книгах между первой и восьмой руководящую ссылку на Ахилла (точка зрения ахиллесидов), которую эти книги явно отвергают. Ахиллес" - это поэма о греческих бедствиях до того момента, когда Ахилл отправил Патрокла; и во время этих бедствий поэт мог бы сослаться на прошлое время, когда Ахилл был активен, и сказать, что *тогда* троянцы не осмеливались даже выйти в боевом порядке на поле, тогда как *сейчас* они нападают на корабли. Но у автора книг ii-Vii нет желания прославлять Ахилла: он дает нам картину Троянской войны в целом и описывает троянцев не только как храбрых и равных врагов, но и хорошо известных самим грекам.

Строительство греческой стены, как оно сейчас описано, является необъяснимым действием, которое изобретательность Мюллера не делает последовательным.

[297] Schol. ad Iliad. x. 1.

[298] Агамемнон, выразив сожаление по поводу дурного влияния Атека, побудившего его совершить первоначальную ошибку по отношению к Ахиллу, говорит (xix. 88-137)

Ἄλλ' ἐπεὶ ἀασάμην καὶ μευ φρένας ἐξέλετο Ζεὺς,

Ἄψ ἐθέλω ἄρέσαι, δόμεναί τ' ἄπερείσι' ἄποινα и др.

[299] Предположение об уменьшенной первоначальной Илиаде, увеличенной последовательными добавлениями до нынешних размеров и более или менее интерполированной (мы должны отличать *увеличение* от *интерполяции*, - вставки новой рапсодии от вставки новой строки), кажется своего рода промежуточным компромиссом, к которому сходятся противоположные мнения Вольфа, Й. Х. Восса, Ницша, Германа и Бёкха. Баумгартен-Крузиус называет эту меньшую поэму "Ахиллесом".

Вольф, Предисловие к Гёшенскому изданию Илиады, стр. xii-xxiii; Восс, Антисимволика, часть ii. стр. 234; Нитцш, Histor. Homer, Fasciculus i. p. 112; и Vorrede ко второму тому его Комментариев к

Одиссее, р. xxvi: "В Илиаде (говорит он там) многие отдельные части могут быть очень легко представлены как части другого целого, или как когда-то отдельно воспетые". (См. Баумгартен-Крузиус, Предисловие к его изданию "Гомеровской книги" В. Мюллера, стр. xlv-xlix).

Нитцш отличает "Одиссею" от "Илиады", и я думаю, справедливо, в отношении этого предполагаемого расширения. Причины, которые заставляют нас применять эту теорию к "Илиаде", не имеют никакого отношения к "Одиссее". Если Ур-Одиссея когда-либо существовала, у нас нет возможности определить, что она содержала".

[300] Замечания О. Мюллера по поводу "Илиады" (в его "Истории греческой литературы") заслуживают внимания: со многим из них я согласен, но есть и многое, что кажется мне необоснованным. Ряд комбинаций и надуманные повествовательные уловки, которые он приписывает первобытному автору, на мой взгляд, недопустимы (гл. v. § 5-11): - "Внутренняя связь Илиады.

"Внутренняя связь "Илиады" (замечает он, § 6) покоится на соединении некоторых частей; и ни интересное вступление, описывающее поражение греков вплоть до сожжения корабля Протесилая, ни поворот дел, вызванный смертью Патрокла, ни окончательное умиротворение гнева Ахилла, не могли быть исключены из "Илиады", когда плодотворное семя такой поэмы было однажды посеяно в душе Гомера и начало развивать свой рост. Но план "Илиады", несомненно, сильно расширен сверх того, что было действительно необходимо; и в частности, подготовительная часть, состоящая из *попыток других героев компенсировать отсутствие Ахилла*, была, надо признать, непропорционально длинной, так что подозрение, что были поздние вставки, имеющие важное значение, относится с большей вероятностью к первой, чем к последней книге..... В ранний период проявился замысел сделать эту поэму законченной, чтобы все сюжеты, описания и действия, которые только и могли придать интерес поэме *о всей войне*, нашли место в пределах ее композиции. Не исключено, что для этой цели были переработаны многие песни прежних бардов, воспевавших отдельные приключения Троянской войны, и лучшие их части вошли в новую поэму".

Эти замечания О. Мюллера свидетельствуют о том, что (по моему мнению) является правильным взглядом, поскольку они признают расширение плана поэмы за ее первоначальный предел, проявляющееся во вставках в первой половине; и следует отметить, что в его перечислении тех частей, объединение которых необходимо для внутренней связи "Илиады", ничего не упоминается, кроме того, что входит в книги i. Но его описание "*подготовительной части*" как "*попыток других героев компенсировать отсутствие Ахилла*" нисколько не подтверждается самим поэтом. Со второй по седьмую книгу Ахилл почти не упоминается; более того, греки прекрасно обходятся без него. Эта часть поэмы демонстрирует не "*недостаточность* всех остальных героев без Ахилла", как заметил Мюллер в предыдущем разделе, а совершенную *достаточность* греков под началом Диомедеса, Агамемнона и т. д., чтобы выступить против Трои; только в восьмой книге начинается проявляться их *недостаточность*, и только в одиннадцатой книге она завершается ранениями трех великих героев. Диомедес, по сути, возвышается до такой славы в состязаниях с богами, какой впоследствии не достигает даже сам Ахилл, а троянец Геленус ставит его выше Ахилла (vi. 99) в потрясающей доблести. Ахилл упоминается два или три раза как отсутствующий, и Агамемнон в своей речи на греческой агоре сожалеет о ссоре (ii. 377), но мы никогда не слышим такого увещевания, как "Давайте сделаем все возможное, чтобы компенсировать отсутствие Ахилла", даже в Эпифолксисе Агамемнона, где это было бы наиболее естественно найти. "Попытки компенсировать отсутствие Ахилла", следовательно, должны рассматриваться как идея критика, а не поэта.

Хотя О. Мюллер и обратил внимание на различие между двумя частями поэмы (оригинальной, относящейся в первую очередь к *Ахиллу и грекам*, и сверхиндуцированной, относящейся ко *всей войне*), он не задумал его четко и не провел последовательно. Если мы вообще хотим разграничить эти две точки зрения, нам следует провести границы между концом первой книги и началом восьмой, рассматривая таким образом промежуточные шесть книг как принадлежащие к картине *всей войны* (или Илиады в отличие от Ахиллесовой): точка зрения Ахиллеса, отброшенная в конце первой книги, возобновляется в начале восьмой. Естественное соответствие этих двух частей отмечается в комментарии Хейна, ad viii. 1: "Cæterum *nunc* Jupiter aperte solvit Thetidi promissa, dum reddit causam Trojanorum bello superiorem, ut Achillis desiderium Achivos, et poenitentia injuriæ ei illatæ Agamemnonem incessat (cf. i. 5). Nam quæ *adhuc* narrata sunt, partim continebantur in fortunâ belli utrinque tentatâ... partim valebant ad narrationem variandam" и т. д. Первая и восьмая книги принадлежат к одной и той же точке зрения, а все промежуточные книги - к другой. Но О. Мюллер пытается доказать, что часть этих промежуточных книг принадлежит к одной общей точке зрения с первой и восьмой, хотя и признает, что они были расширены за счет вставок. Здесь, как мне кажется, он ошибается. Вычеркните из книг между первой и восьмой все, что можно разумно допустить для расширения, и та же трудность останется в отношении оставшейся части; ведь все происшествия между этими двумя точками изложены в духе, совершенно безразличном к Ахиллу или его гневу. Зевс четвертой книги, в отличие от Зевса первой или восьмой, обозначает разницу; и это описание Зевса совершенно необходимо как связующее звено между книгой iii, с одной стороны, и книгами iv и v, с другой. Более того, попытка О. Мюллера навязать ахиллесовой точке зрения большую часть того, что находится между первой и восьмой книгами, никогда не увенчается успехом: поэт показывает в этих книгах не "недостаточные усилия других героев, чтобы компенсировать отсутствие Ахилла", а общую и очень интересную картину Троянской войны, с заметным указанием на первоначальную причину ссоры. В этой картине поединок Париса и Менелая, естественно, занимает главное место, но как надуманны рассуждения, с помощью которых О. Мюллер подводит этот поразительный рассказ под схему "Ахиллеса"! "Греки и троянцы впервые поражены идеей, которая могла бы возникнуть за предыдущие девять лет, если бы греки, когда им помогал Ахилл, не считали недостойным любой компромисс, исходя из уверенности в своей превосходной силе, - а именно, решить войну одним боем между ее авторами". Здесь Ахиллес притягивает к себе основную силу, не подкрепленную ни фактическим утверждением в поэме, ни разумным предположением; ведь именно *троянцы* предлагают единоборство, и нам не говорят, что они когда-либо предлагали его раньше, хотя у них были бы более веские причины предложить его в присутствии Ахиллеса, чем в его отсутствие.

О. Мюллер сам отмечает (§ 7), "что со второй по седьмую книгу Зевс как бы забывает о своем решении и обещании, данном Фетиде". Другими словами, поэт в этой части поэмы отбрасывает точку зрения Ахиллеса, чтобы занять точку зрения более всеобъемлющей Илиады: Ахиллес снова появляется в книге viii, снова исчезает в книге x, и возобновляется с книги xi. до конца поэмы.

[301] Эту тенденцию вставлять новую однородную материю новыми поэтами в уже существующие поэмы отмечает М. Фориель, говоря о *римлянах* Средневековья: "...

"C'est un phénomène remarquable dans l'histoire de la poésie épique, que cette disposition, cette tendance constante du goût populaire à amalgamer, à lier en une seule et même composition le plus possible des compositions diverses, - cette disposition persiste chez un peuple, tant que la poésie conserve un reste de vie; поскольку она передается по традиции и циркулирует с помощью пения или публичных речитативов. Она отказывается от того, чтобы поэзия была зафиксирована в книгах, а не только в лекциях, - эта последняя эпоха является, если можно так выразиться, эпохой поэтической собственности, когда каждый поэт претендует на существование, на мир, на

личность; И если поэзия не перестает быть неким общим достоянием, которым народ живет и распоряжается по своему усмотрению, не спрашивая у людей, которые его на это настроили." (Fauriel, Sur les Romans Chevaleresques, leçon 5<sup>me</sup>, Revue des Deux Mondes, vol. xiii. p. 707.)

М. Фориэль считает, что "Шах-наме" Фердуси представляет собой объединение эпических поэм, изначально разрозненных, и что, вероятно, "Махабхарат" также был таковым (ib. 708).

[302] Замечания Бёкха о возможности такого сотрудничества поэтов в рамках одной и той же схемы совершенно справедливы: - "Atqui quomodo

"Atqui quomodo componi a variis auctoribus successu temporum rhapsodiæ potuerint, quæ post prima initia directæ jam ad idem consilium et quam vocant unitatem carminis sint ... missis istorum declamationibus qui populi universi opus Homerum esse jactant ... tum potissimum intelligetur, ubi gentis civilis Homeridarum propriam et peculiarem Homericam poesin fuisse, veteribus ipsis si non testibus, at certe ducibus, concedetur.... Quæ quum ita sint, non erit adeo difficile ad intelligendum, quomodo, post prima initia ab egregio vate facta, in gente sacrorum et artis communione sociatâ, multæ rhapsodiæ ad unum potuerint consilium dirigi." (Index Lection. 1834, p. 12.)

Я переписываю этот отрывок из Гизе (Ueber den Æolischen Dialekt, p. 157), не имея возможности ознакомиться с сочинением, частью которого он является.

[303] Wolf, Prolegom. p. cxxxviii. "Quippe *in universum* idem sonus est omnibus libris; idem habitus sententiarum, orationis, numerorum," etc.

[304] Wolf, Prolegomen. p. cxxxvii. "Equidem certe quoties in continenti lectione ad istas partes (*m. e.* последние шесть книг) deveni, nunquam non in iis talia quædam sensi, quæ nisi illæ tam mature cum ceteris coaluissent, quovis pignore contendam, dudum ab eruditis detecta et animadversa fuisse, immo multa ejus generis, ut cum nunc Ὀμηρικώτατα habeantur, si tantummodo in Hymnis legerentur, ipsa sola eos suspicionibus νοθείας adspersura essent." Сравните продолжение, p. cxxxviii: "ubi nervi deficient et spiritus Homericus, -jejunum et frigidum in locis multis," etc.

[305] Iliad, xx. 25. Зевс обращается к агоре богов

Ἀμφότεροισι δ' ἀρήγεται, ὅπη νόος ἐστὶν ἐκάστου-

Εἰ γὰρ Ἀχιλλεὺς οἷος ἐπὶ Τρώεσσι μαχεῖται,

Οὐδὲ μίνυνθ' ἔξουσι ποδώκεα Πηλεΐωνα.

Καὶ δέ τέ μιν καὶ πρόσθεν ὑποτρομέεσκον ὀρῶντες-

Νῦν δ' ὅτε δὴ καὶ θυμὸν ἐταίρου χῶεται αἰνῶς,

Δεῖδω μὴ καὶ τεῖχος ὑπὲρ μόνον ἐξαλαπάξῃ.

Формальное ограничение, наложенное Зевсом на богов в начале восьмой книги, и снятие этого ограничения в начале двадцатой, очевидно, являются частями одной задуманной схемы.

Трудно определить, следует ли исключить битву богов и богинь в книге xxi. (385-520) как подделку или только порицать ее за низкие достоинства ("improbanda tantum, non resecanda-hoc enim est illud, quo plerumque summa criseôs Homericæ redit", как замечает Хейн в другом месте, Obs. Iliad. xviii. 444). Возражения по поводу не гомеровских выражений не убедительны (см. P. Knight, *ad loc.*), и сцена принадлежит к той жилке замысла, которая оживляет поэта в заключительном акте его "Ахиллеи".



[306] Признавая, что последние книги "Илиады" не равны по интересности тем, что написаны между одиннадцатой и восемнадцатой, мы можем добавить, что в них много поразительных красот, как по замыслу, так и по исполнению, и одну из них можно особенно отметить как пример счастливого эпического приспособления. Троянцы уже собираются похитить у греков мертвое тело Патрокла, когда Ахилл (по вдохновению Геры и Ириды) появляется безоружным на греческом кургане и одной лишь своей фигурой и голосом наводит такой ужас на троянцев, что они отказываются от мертвого тела. Как только наступает ночь, Полидамас предлагает на троянской агоре, чтобы троянцы без промедления ушли с кораблей в город и укрылись в стенах, не дожидаясь нападения вооруженного Ахилла на следующее утро. Гектор отвергает этот совет Полидама, выражая не только чрезмерную уверенность в своих силах, даже против Ахилла, но и крайнее презрение и грубость по отношению к его автору; мудрость которого, однако, доказывается полным поражением троянцев на следующий день. Об этом гневном поведении и ошибке Гектора ярко говорится в двадцать второй книге, незадолго до его смерти. Он еще не успел отойти от стен и таким образом укрыться от близкого приближения неодолимого врага, но его постигает воспоминание о том роковом мгновении, когда он отверг совет, который мог бы спасти его соотечественников: "Если я войду в город, Полидамас первым упрекнет меня, что я навлек гибель на Трои в ту роковую ночь, когда вышел Ахилл и когда я воспротивился его лучшему совету". (Сравните xviii. 250-315; xxii. 100-110; и Aristot. Ethic. iii. 8.)

В дискуссии о структуре "Илиады" и в связи с аргументами, отрицающими всякое продуманное соединение частей, не лишним будет заметить этот трогательный поэтический штрих, принадлежащий к тем книгам, которые упрекают в слабости.

[307] Последняя часть седьмой книги испорчена очень неудовлетворительным дополнением, введенным для объяснения строительства стены и рва: все остальные происшествия (агора и посольство троянцев, перемирие на время погребения, прибытие винных кораблей с Лемноса и т. д.) прекрасно согласуются с планом поэта этих книг, изображающим Троянскую войну в целом.

[308] Если, конечно, не считать, что бой между Тлеполомом и Сарпедоном и бой между Глауком и Диомедесом - это отдельные песни; а они - одни из немногих отрывков в "Илиаде", которые полностью разделимы, не подразумевая никаких особых предшественников.

[309] Сравните также Heyne, Excursus ii. sect. ii. ad Iliad. xxiv. vol. viii. p. 783.

[310] Последующие поэты, видимо, считая, что голая история (о Диомеде, убивающем во сне Рхеса и его спутников) в том виде, в каком она сейчас представлена в "Илиаде", слишком неприятна, использовали различные способы ее приукрашивания. Так, согласно Пиндару (Ar. Schol. Iliad. x. 435), Ракс сражался один день в качестве союзника Трои и нанес такой страшный урон, что у греков не было другого средства предотвратить полное уничтожение от его руки на следующий день, кроме как убить его ночью. А в еврипидовской драме под названием "Рхес", хотя последний и представлен как новоприбывший, но в уста Athênê вложены такие же ошеломляющие предсказания того, что он сделает на следующий день, если останется в живых; так что убить его ночью - единственный способ спасти греков (Eurip. Rhês. 602): более того, сам Рхесус там представлен как говорящий с такой непомерной дерзостью, что симпатии людей и зависть богов обращены против него (ib. 458).

Но лучше всего эта история известна в той форме и с тем дополнением (столь же неизвестным в "Илиаде"), которые принял Вергилий. Судьбой было предрешиено, что если великолепным коням Рэса будет позволено хоть раз отведать троянской еды или испить воды из реки Ксанф, ничто не сможет уберечь греков от гибели (*Aeneid*, i. 468, с Servius, *ad loc.*):- "Nec procul hinc Rhesus".

"Nec procul hinc Rhesi niveis tentoria velis

Agnoscit lacrymans: primo quæ prodita somno

Tydides multâ vastabat cæde cruentus:

Ardentesque avertit equos in castra, priusquam

Pabula gustassent Trojæ, Xanthumque bibissent."

Все эти версии, безусловно, являются улучшением истории в том виде, в каком она представлена в "Илиаде".

[311] Г-н Найт помещает "Илиаду" примерно на два века, а "Одиссею" - на один век раньше Гесиода: между этими двумя поэмами - столетие (Prolegg. с. lxi.).

[312] Hermann, Præfat. ad Odyss. p. vii.

[313] Knight, Prolegg. 1, с. Odyss. xxii. 465-478.

[314] Аргументы, на основании которых Пейн Найт и другие критики утверждали, что Одиссея моложе Илиады, хорошо изложены и рассмотрены Бернардом Тиршем, -Quæstio de Diversâ Iliadis et Odysseæ Ætate, - в Анганге (стр. 306) к его работе Ueber das Zeitalter und Vaterland des Homer.

Он показывает, что все подобные аргументы весьма неубедительны; хотя основания, на которых он сам утверждает идентичность возраста этих двух людей, кажутся мне ничуть не более удовлетворительными (р. 327): из упоминания Телемаха в "Илиаде" мы не можем сделать никакого вывода.

Велькер считает, что между двумя поэмами существует большая разница в возрасте и очевидная разница в авторстве (Der Episch. Cyclus, p. 295).

О. Мюллер признает более позднюю дату создания "Одиссеи", но считает "трудным и опасным делать на этом основании какие-либо определенные выводы относительно личности и возраста поэта". (История литературы Древней Греции, гл. V, с. 13.)

[315] Доктор Тирлуолл добавил ко второму изданию своей "Истории Греции" ценное приложение, посвященное ранней истории гомеровских поэм (т. i. с. 500-516); оно содержит обширную информацию о расхождениях во мнениях немецких критиков с кратким сравнительным анализом их доводов. Я мог бы пожелать, чтобы столь превосходный судья дополнил свое перечисление чужих мнений более подробным изложением своих собственных. Доктор Тирлуолл, кажется, твердо убежден в том, что представляется мне наиболее важным моментом в гомеровском споре: "Что до появления самой ранней из поэм эпического цикла, Илиада и Одиссея, даже если они не существовали точно в своей нынешней форме, по крайней мере, достигли своего нынешнего объема, и рассматривались каждая как законченное и четко определенное целое, а не как колеблющаяся совокупность беглых фрагментов". (р. 509.)

Это говорит о том, что гомеровские поэмы являются древними как по частям, так и в целом, и опровергает теорию Вольфа и Лахмана, которые утверждают, что в целом они относятся только к эпохе Пеисистрата. Тогда можно смело рассматривать поэмы как неоспоримые свидетельства греческой древности (имеется в виду 776 год до н. э.), чего мы не могли бы сделать, если бы считали, что все совпадения частей в поэмах возникли в результате переделок Пеисистрата и его друзей.

Есть также очень справедливое замечание д-ра Тирлуолла (стр. 516) о трудности определения степени расхождения или неточности, которая могла или не могла ускользнуть от внимания поэта в эпоху, столь несовершенно известную нам.

[316] По этому поводу есть справедливые замечания в "Экскурсе" Хейна, ii. sect. 2 и 4, ad ll. xxiv. vol. viii. pp. 771-800.

[317] "Wenig Deutsche, und vielleicht nur wenige Menschen aller *neuern* Nationen, haben Gefühl für ein ästhetisches Ganzes: sie loben und tadeln nur stellenweise, sie entzücken sich nur stellenweise." (Гете, Вильгельм Мейстер: Я перевел это из книги Велькера "Æschyl. Trilogie, p. 306.)

Какое основание есть для ограничения этого предложения *современными*, в отличие от *древних* народов, я не могу себе представить.

[318] Гомеровские κινούμενα ὀνόματα восхвалялись Аристотелем; см. Schol. ad Iliad. i. 481; ср. Dionys. Halicarn. De Compos. Verbor. c. 20. ὥστε μηδὲν ἡμῖν διαφέρειν γινόμενα τὰ πράγματα ἢ λεγόμενα ὀρᾶν. Относительно нескрываемой вспышки чувств героев схолиаст ad Iliad, i. 349 говорит нам: -ἔτοίμον τὸ ἡπώϊκον πρὸς δάκρυα, - сравните Euripid. Helen. 959, и суровые порицания Платона, Republ. ii. p. 388.

Гомеровские поэмы были самыми понятными и популярными из всех греческих произведений, даже среди наименее образованных людей, таких как (например) полуварвары, которые приобрели греческий язык в дополнение к своему родному языку. (Dio Chrysost. Or. xviii. vol. i. p. 478; Or. liii. vol. ii. p. 277, Reisk.) Относительно простоты и доходчивости стиля повествования, подразумеваемых в этой широкой популярности, Порфирий сделал необычное замечание: он сказал, что предложения Гомера *действительно* представляют много трудностей и неясностей, но обычным читателям кажется, что они понимают его, "из-за общей ясности, *которая, кажется*, проходит через стихи". (См. Пролегомены к изданию "Илиады" Виллуазона, стр. xli.) Это замечание дает ключ к большому количеству гомеровской критики. Несомненно, в поэмах были реальные неясности, возникшие из-за изменившихся ассоциаций, обычаев, религии, языка и т. д., а также из-за испорченного текста; но хотя критики оказали хорошую услугу, прояснив эти трудности, они также искусственно ввели множество других, полностью созданных ими самими. Отказываясь довольствоваться простым и очевидным смыслом, они искали у Гомера скрытые цели, изощренные намеки, скрытые мотивы даже в мелочах, глубоко запрятанные риторические приемы (см. пример в Dionys. Hal. Ars Rhetor. c. 15, p. 316, Reiske; даже Аристотель не свободен от подобных тенденций, Schol. ad Iliad. iii. 441, x. 198), а также аллегоризация философского субстрата. Неудивительно, что отрывки, вполне понятные вульгарному читателю, казались им сложными.

Не может быть такого верного способа упустить настоящего Гомера, как искать его в этих хитросплетениях. По сути, он - поэт широких дорог и рыночных площадей, затрагивающий общие симпатии и удовлетворяющий душевные аппетиты своих соотечественников с непревзойденным эффектом; но свободный от скрытых взглядов, эгоистических или дидактических, и погруженный в ту же среду практической жизни и опыта, религиозно истолкованного, что и его слушатели. Ни один народ еще не имел столь совершенного и трогательного изложения своего раннего общественного сознания, как "Илиада" и "Одиссея".

В словесной критике Гомера александрийские литераторы, похоже, добились очень большого прогресса по сравнению с предшествующими им глоссографами. (См. Lehrs, De Studiis Aristarchi, Dissert. ii. p. 42.)

[319] Horat. Epist. i. 2, v. 1-26: - "Sirenum voces".

"Sirenum voces, et Circes pocula nosti:

Quæ si cum sociis stultus cupidusque bibisset,

Vixisset canis immundus, vel amica luto sus".

Гораций противопоставляет глупость и жадность спутников Улисса, принявших угощение, предложенное им Цирцеей, и самообладание самого Улисса, отказавшегося от него. Но в инциденте, описанном в оригинале поэмы, ни похвала, ни порицание, которые здесь подразумеваются, не находят оправдания. Спутники Улисса следуют общепринятой практике, принимая гостеприимство незнакомцев, о фатальных последствиях которого в их конкретном случае они не имели оснований подозревать; в то время как Улисс спасся от подобной участи не по собственной воле, а благодаря предыдущему божественному предупреждению и особому противоядию, которое не было предоставлено остальным (см. *Odyss.* x. 285). И случай с сиренами, если его можно принять за доказательство чего-либо, указывает скорее на отсутствие, чем на наличие самообладания у Улисса.

Из насильственных изменений текста, с помощью которых *грамматики* или критики пытались вытравить из Гомера дурные этические тенденции (мы должны помнить, что многие из этих людей были лекторами для молодежи), замечательный пример дает Venet. Schol. ad *Iliad.* ix. 453; сравните с Плутархом, *de Audiendis Poetis*, p. 95. Финикс описывает бедственную семейную трагедию, в которой он сам был отчасти виновником, отчасти жертвой. То, что гомеровский герой должен признаваться в виновных действиях и еще более виновных замыслах без какого-либо выражения стыда или раскаяния, было невыносимо для чувств критиков. Один из них, Аристодем, вставил в одну из строк две отрицательные частицы; И хотя тем самым он испортил не только смысл, но и метр, его исправление вызвало всеобщее одобрение, потому что он сохранил невиновность героя (*καὶ οὐ μόνον ἠὲδοκίμησεν, ἀλλὰ καὶ ἐτιμήθη, ὡς εὐσεβῆ τῆρήσας τὸν ἥρωα*). А Аристарх счел дело настолько тревожным, что вычеркнул из текста четыре строки, которые сохранились до нас только у Плутарха (*Ὁ μὲν Ἀρίσταρχος ἔξειλε τὰ ἔπη ταῦτα, φοβηθεὶς*). См. фрагмент Диоскорида (*περὶ τῶν παρ' Ὀμήρῳ Νόμων*) во "Фрагментах исторических" Дидо. *Græcor.* vol. ii. p. 193.

[320] "C'est un tableau idéal, à coup sûr, que celui de la société Grecque dans les chants qui portent le nom d'Homère: и, тем не менее, это общество полностью воспроизведено, с рустицизмом, фeroцитом своих матерей, своих добрых и своих дурных страстей, без необходимости особенно подробно описывать, восхвалять те или иные свои достоинства, свои преимущества, или оставлять в тени свои пороки и свои недостатки. Это смешение доброго и злого, сильного и слабого, это одновременность идей и чувств, противоположных друг другу, это вариативность, некогерентность, это неравномерное развитие природы и предназначения человека, - это именно то, что еще более поэтично, потому что это основа всех вещей, это правда о человеке и мире: *et dans les peintures idéales qu'en veulent faire la poésie, le roman et même l'histoire, cet ensemble, si divers et pourtant si harmonieux, doit se retrouver: sans quoi l'idéal véritable y manque aussi bien que la réalité.*" (Guizot, *Cours d'Histoire Moderne; Leçon 7<sup>me</sup>*, vol. i. p. 285.)

[321] Сравните Strong, *Statistics of the Kingdom of Greece*, p. 2; и Kruse, *Hellas*, vol. i. ch. 3, p. 196.

[322] *Dikæarch*, 31, p. 460, ed. Fuhr:-.

Ἦ δ' Ἑλλὰς ἀπὸ τῆς Ἀμβρακίας εἶναι δοκεῖ

Μάλιστα συνεχῆς τὸ πέρας- αὐτὴ δ' ἔρχεται

Ἐπὶ τὸν πόταμον Πηνειὸν, ὡς Φιλέας γράφει,

Ὅρος τε Μαγνήτων Ὀμόλην κεκλημένον.

Skylax, с. 35. -Ἀμβρακία-έντεῦθεν ἄρχεται ἡ Ἑλλάς συνεχῆς εἶναι μέχρι Πηνείου ποτάμου, καὶ Ὀμόλιου Μαγνητικῆς πόλεως, ἥ ἔστι παρὰ τὸν πόταμον.

[323] Herod. i. 146: ii. 56. Молосский Алкон выдается за элина (Herod. vi. 127).

[324] Горные системы в древней Македонии и Иллирикуме, к северу от Олимпа, еще недостаточно изучены: см. Dr. Griesebach, Reise durch Rumelien und nach Brussa im Jahre 1839, vol. ii. ch. 13, p. 112, *seqq.* (Götting. 1841), где содержится много указаний относительно реальных отношений этих гор по сравнению с различными идеями и представлениями о них. Слова Страбона (lib. vii. Excerpt. 3, ed. Tzschucke) о том, что Скардус, Орбелус, Родопек и Хемус простираются по прямой линии от Адриатики до Эвксинского моря, неверны.

См. Leake's Travels in Northern Greece, vol. i. p. 335: проход Tschangon, около Кастории (через который река Девол проходит с востока, чтобы впасть в Адриатику на западе), является единственной расщелиной в этой длинной цепи от реки Дрин на севере до центра Греции.

[325] Общий очерк горной системы Эллады см. в Kruse, Hellas, vol. i. ch. 4, pp. 280-290; Dr. Cramer, Geog. of An. Greece, vol. i. pp. 3-8.

Что касается северных областей, Эпира, Иллирии и Македонии, можно с пользой проконсультироваться с О. Мюллером в его коротком, но ценном трактате Ueber die Makedoner, p. 7 (Берлин, 1825). Этот трактат прилагается к английскому переводу "Истории дорийцев", выполненному г-ном Г. К. Льюисом.

[326] Из 47 600 000 стрем (= 12 000 000 английских акров), входящих в состав нынешнего королевства Греция, 26 500 000 приходится на горы, скалы, реки, озера и леса, а 21 000 000 - на пахотные земли, виноградники, оливковые и смородиновые плантации и т. д. Под пахотной землей подразумевается земля, пригодная для возделывания, так как в настоящее время обрабатывается сравнительно небольшая ее часть (Strong, Statistics of Greece, p. 2, London, 1842).

Современное королевство Греция не включает Фессалию. Эпитет κοιλὸς (полюй) применяется к нескольким главным греческим государствам, -κοιλὴ Ἥλις, κοιλὴ Λακεδαίμων, κοιλὸν Ἄργος и т. д.

Κόρινθος ὀφρὺα τε καὶ κοιλáινεται, Strabo, viii. p. 381.

Плодородие Беотии отмечено у Страбона, ix. p. 400, и в ценном фрагменте Дикеарха, Βίος Ἑλλάδος, p. 140, ed. Fuhr.

[327] О геологическом и минералогическом характере Греции см. исследование, предпринятое доктором Фидлером по распоряжению нынешнего правительства Греции в 1834 и последующих годах (Reise durch alle Theile des Königreichs Griechenland in Auftrag der K. G. Regierung in den Jahren 1834 bis 1837, особенно т. ii. с. 512-530).

Профессор Росс отмечает, что характер греческого известняка - твердого и неподатливого для каменщика, зубчатого и нерегулярного в изломе - впервые определил в ранние времена многоугольный стиль архитектуры, который был назван (по его словам) циклопическим и пеласгическим, без малейших оснований для того или иного обозначения (Reise auf den Griech. Inseln, vol. i. p. 15).

[328] Griesebach, Reisen durch Rumelien, vol. ii. ch. 13, p. 124.

[329] Проезжая по долине между Сета и Парнасом, направляясь к Элатье, Фидлер отмечает поразительное изменение характера страны. "Ромелия (т. е. Акарнания, Итолия, Озолийский Локрис и т. д.), лесистая, хорошо поливаемая и покрытая хорошей почвой, сразу и резко



обрывается: в то время как скалистые известняковые горы бело-серого цвета демонстрируют холодный характер Аттики и Мореи". (Fiedler, Reise, i. p. 213.)

В гомеровском "Гимне Аполлону" даже πεδίον πυρῖφόρων Фив в своем первобытном состоянии представляется покрытым деревом (ст. 227).

Лучшая древесина, используемая древними греками, поступала из Македонии, Эвксинского моря и Пропонтиды: древесина горы Парнас и Эвбеи считалась очень плохой, а Аркадии - лучшей (Theophrast. v. 2, 1; iii. 9).

[330] См. Fiedler, Reise, etc. vol. i. pp. 84, 219, 362, etc.

И Фидлер, и Стронг (Statistics of Greece, p. 169) с большим основанием говорят о неоценимой ценности артезианских колодцев для страны.

[331] Ross, Reise auf den Griechischen Inseln, vol. i. letter 2, p. 12.

[332] В греческом языке выражение χεῖρα ῥοῦς, по-видимому, единственное в своем роде, - *вады* Аравии демонстрируют такое же чередование крайней временной полноты и насилия с абсолютной сухостью (Kriegk, Schriften zur allgemeinen Erdkunde, p. 201, Leipzig, 1840).

[333] Thucyd. ii. 102.

[334] Strabo, ix. p. 407.

[335] Полковник Лик замечает (Путешествия по Морее, т. iii. с. 45, 153-155): "Равнина Триполица (древняя равнина Тегеи и Мантинеи) - самая большая из этого скопления долин в центре Пелопоннеса, каждая из которых так тесно закрыта пересекающимися горами, что для вод нет другого выхода, кроме как через сами горы" и т. д. Об аркадском Орхомене и его замкнутом озере с Катаботрой см. ту же работу, с. 103; о горных равнинах близ Коринфа - с. 263.

Это временное исчезновение рек было знакомо древним наблюдателям -οἱ καταπινόμενοι τῶν ποταμῶν. (Aristot. Meteorolog. i. 13. Diodor. xv. 49. Страбон, vi. p. 271; viii. p. 389 и т. д.).

Их знакомство с этим явлением отчасти послужило источником некоторых географических предположений, которые сейчас кажутся нам экстравагантными, относительно длинного подземного и подводного течения некоторых рек и их повторного появления в очень отдаленных точках. Софокл говорил, что Инах из Акарнании соединяется с Инахом из Арголиды: Поэт Ибикус утверждал, что Асопус, протекающий близ Сикиона, берет начало во Фригии; река Инопус на маленьком острове Делос, как утверждали другие, является стоком могучего Нила; а ритор Зоил в своей панегирической оратории, обращенной к жителям Тенедоса, долго уверял их, что Алфея в Элисе берет начало на их острове (Strabo, vi. p. 271). Не только Пиндар и другие поэты (Antigon. Caryst. с. 155), но и историк Тимей (Timæi Frag. 127, ed. Göller), и Павсаний, также с величайшей уверенностью (v. 7, 2), считали, что фонтан Аретузы в Сиракузах - не что иное, как повторное появление реки Алфея из Пелопоннеса: Это подтверждалось фактом, что кубок или чаша (φιάλη), брошенная в Алфею, всплыла в сиракузском фонтане, который, как утверждает Тимей, был проверен, - но даже аргументы, которыми Страбон оправдывает свое неверие в эту историю, показывают, насколько сильно действовали на его разум явления греческих рек. "Если бы (говорит он, / с.) Алфея, вместо того чтобы впадать в море, впадала в какую-нибудь пропасть в земле, то было бы правдоподобно предположить, что она продолжала свое подземное течение вплоть до Сицилии, не смешиваясь с морем: но поскольку ее соединение с морем является предметом наблюдения, и поскольку у берега не видно никакого отверстия, чтобы поглотить воду реки

(στόμα τὸ καταπῖνον τὸ ῥεῖμα τοῦ ποταμοῦ), то ясно, что вода не может сохранить свое разделение и свою сладость, тогда как источник Аретузы совершенно хорош для питья." Я перевел здесь смысл, а не слова Страбона; но явление, когда "реки падают в пропасти и на некоторое время напиваются водой", - это именно то, что происходит в Греции. Страбону не казалось невозможным, что Алфей мог пройти такое огромное расстояние под землей; и мы не удивляемся этому, когда узнаем, что более способный географ, чем он (Эратосфенес), предполагал, что болота Риноколура, между Средиземным и Красным морем, были образованы Евфратом и Тигром, которые текли под землей на протяжении 6000 стадий или фарлонгов (Strabo, xvi. p. 741: Seidel; Fragm. Eratosth. p. 194): сравните историю о том, как Евфрат ушел под землю и вновь появился в Эфиопии в виде реки Нил (Pausan. ii. 5, 3). Это исчезновение и повторное появление рек связывалось в сознании древних философов-физиков с предположением об огромных резервуарах воды в недрах земли, которые под действием некой газообразной силы вырывались на поверхность (см. Seneca, Nat. Quæst. vi. 8). Помпоний Мела упоминает идею некоторых писателей, согласно которой исток Нила находился не в нашей (οἰκουμένη) обитаемой части земного шара, а в Антихтоне, или южном континенте, и что он протекал под океаном, чтобы подняться в Эфиопии (Mela, i. 9, 55).

Эти взгляды древних, явно основанные на аналогии с греческими реками, хорошо изложены М. Летронном в работе о положении земного рая, как его представляют отцы Церкви; цитируется по изданию: A. von Humboldt, Examen Critique de l'Histoire de la Géographie, etc., vol. iii. pp. 118-130.

[336] "По прибытии короля и регентства в 1833 году (замечает г-н Стронг), в Греции не существовало никаких каретных дорог; да они и не были особо нужны, поскольку до этого периода во всей стране не было ни одной кареты, повозки, телеги или любого другого транспортного средства. Перевозки в целом осуществлялись с помощью лодок, для которых длинная изрезанная линия греческого побережья и его многочисленные острова предоставляли все возможности. Между морскими портами и внутренними районами королевства сообщение осуществлялось с помощью тягловых животных - мулов, лошадей и верблюдов". (Статистика Греции, стр. 33.)

Это свидетельствует о ретроградном марше в более низкую точку, чем в описании Одиссея, где Телемах и Пейсистрат едут на своих колесницах из Пилуса в Спарту. Остатки древних дорог до сих пор можно увидеть во многих частях Греции (Strong, p. 34).

[337] Описание доктора Кларка заслуживает внимания, хотя его теплые хвалебные отзывы о плодородии почвы, взятые в целом, не подтверждаются более поздними наблюдателями: "Физические явления Греции, отличающиеся от явлений любой другой страны, представляют собой ряд прекрасных равнин, последовательно окруженных горами из известняка; напоминают, хотя и в большем масштабе, и редко сопровождаются вулканическими продуктами, кратеры Флегрейских полей. Повсюду на их ровных поверхностях, похоже, отложилась вода, постепенно ушедшая или испарившаяся; они состоят по большей части из богатейшей почвы, а их продукция, по преданию, изобилует. Так возникли города Аргос, Сикион, Коринф, Мегара, Элевсис, Афины, Фивы, Амфисса, Орхомен, Херонея, Лебадея, Лариса, Пелла и многие другие". (Путешествия д-ра Кларка, т. ii. гл. 4, с. 74).

[338] Сэр У. Гелл обнаружил в марте лето на низких равнинах Мессении, весну в Лаконии, зиму в Аркадии ("Путешествие по Греции", с. 355-359).

[339] Холодная центральная область (или горная равнина, -ὄροπέδιον) Триполица, отличается по климату от приморских областей Пелопоннеса, так же как юг Англии от юга Франции..... В окрестностях Теги, хотя она находится не более чем в двадцати четырех милях от Аргоса, весна не проявляется. Отсюда каждую зиму отправляют скот на приморские равнины Элоса в Лаконии

(Leake, Trav. in Morea, vol. i. pp. 88, 98, 197). Пастбища на горе Олоно (граница Элиды, Аркадии и Ахайи) становятся здоровыми только в июне (Leake, vol. ii. p. 119); сравните p. 348 и Fiedler, Reise, i. p. 314.

См. также поучительную надпись из Орхомена в Boeckh, Staatshaushaltung der Athener, t. ii. p. 380.

Передача скота, принадлежащего владельцам в одном государстве, для временного выпаса в другом, так же стара, как и Одиссея, и отмечена различными показательными случаями: см. причину первой Мессенской войны (Diodor. Fragm. viii. vol. iv. p. 23, ed. Wess; Pausan. iv. 4, 2).

[340] "Universa autem (Peloponnesus), velut pensante æquorum incursus naturâ, in montes 76 extollitur." (Plin. H. N. iv. 6.)

Страбон в поразительном отрывке (ii. pp. 121-122), о влиянии моря в определении формы и границ суши: его замечания о большом превосходстве Европы над Азией и Африкой в отношении пересечения и взаимопроникновения суши с морской водой замечательны: ἡ μὲν οὖν Εὐρώπη πολυσχημονεοτάτη παῶν ἐστὶ и т. д. Он специально не называет побережье Греции, хотя его замечания относятся к ней более точно, чем к любой другой стране. И мы можем скопировать отрывок из Тацита (Agricol. c. 10), написанный в отношении Британии, который гораздо более точно относится к Греции: "nusquam latius dominari mare ... nec litore tenus accrescere aut resorberi, sed influere penitus et ambire, *et jugis etiam atque montibus inseri velut in suo.*"

[341] Xenophon, De Vectigal. c. 1; Ephor. Frag. 67, ed. Marx; Stephan. Byz. Βοιωτία.

[342] Плиний, H. N. iv. 5, о Коринфском перешейке: "Lechææ hinc, Cenchreæ illinc, angustiarum termini, longo et ancipiti navium ambitu (*m. e.* вокруг мыса Малеа), quas *magnitudo plaustris transvehi prohibet*: quam ob causam perfodere navigabili alveo angustias eas tentavere Demetrius rex, dictator Cæsar, Caius princeps, Domitius Nero, -infausto (ut omnium exitu patuit) incepto."

διολκὸς, менее четырех миль в поперечнике, по которому проходили корабли, если позволяли их размеры, простирался от Лехейма в Коринфском заливе до Схенуса, немного восточнее Кенхреи, в Сароническом заливе (Strabo, viii. p. 330). Страбон (viii. p. 335) считает ширину διολκὸς в сорок стадий (около 4¾ английских миль); в действительности, по мнению Лика, она составляет 3½ английских миль (Путешествия по Морее, т. iii. гл. xxix. p. 297).

[343] Северный ветер, этезианский ветер древних, дует в Эгейском море почти все лето и особенно опасен в трех местах - под Каристосом, на южном мысе Эвбеи, у мыса Малеа и в узком проливе между островами Тенос, Миконос и Делос (Ross, Reisen auf den Griechischen Inseln, vol. i. p. 20). См. также рассказ полковника Лика об ужасе греческих лодочников из-за штормов и течений вокруг горы Афон: канал, прорубленный Ксерксом через перешеек, был оправдан вескими причинами (Путешествия по Северной Греции, т. iii. с. 24, p. 145).

[344] Перипл Скилакса перечисляет все участки греческого названия, за незначительными исключениями, отмеченными в тексте, как относящиеся к линии побережья; он даже упоминает Аркадию (с. 45), потому что в то время Лепреум поколебал господство Элиса и был объединен с аркадиянами (около 360 г. до н. э.): Лепреум владел примерно двенадцатью милями побережья, которые поэтому считаются аркадскими.

[345] Цицерон (De Republicâ, ii. 2-4, во Фрагментах этого утраченного трактата, изд. Maii) подчеркивает как общую морскую доступность греческих городов, так и влияние этого обстоятельства на греческий характер: "Quod de Corintho dixi, id haud scio an liceat de cunctâ

Græciâ verissime dicere. Nam et ipsa Peloponnesus fere tota in mari est: nec prætor Phliuntios ulli sunt, quorum agri non contingant mare: et extra Peloponnesum Ænians et Dores et Dolopes soli absunt a mari. Quid dicam insulas Græciæ, quæ fluctibus cinctæ natant pæne ipsæ simul cum civitatum institutis et moribus? Atque hæc quidem, ut supra dixi, veteris sunt Græciæ. Coloniarum vero quæ est deducta a Graiis in Asiam, Thraciam, Italiam, Siciliam, Africam, præter unam Magnesiam, quam unda non alluat? Ita barbarorum agris quasi adtexta quædam videtur ora esse Græciæ."

Сравните Цицерона, Epistol. ad Attic. vi. 2, со ссылкой на Дикеарха, который в значительной степени соглашался с возражениями Платона против морского государства (De Legg. iv. p. 705; также, Aristot. Politic. vii. 5-6). Море (говорит Платон) действительно соленый и горький сосед (μάλα γε μὴν ὄντως ἀλμυρὸν καὶ πικρὸν γειτόνημα), хотя и удобный для целей повседневного использования.

[346] Hekataëus, Fragm. Ἀρκαδικὸν δεῖπνον ... μάζας καὶ ὕεια κρέα. Herodot. i. 66. Βαλανηφάγοι ἄνδρες. Theocrit. Id. vii. 106.

Κῆν μὲν ταῦθ' ἐρδῆς, ὦ Πᾶν φίλε, μή τί το παῖδες

Ἀρκαδιοὶ σκίλλαισιν ὑπὸ πλευράς τε καὶ ὠμούς

Τανίκα μαστίσδοιεν ὅτε κρέα τυτθὰ παρείη-

Εἰ δ' ἄλλως νεύσαις κατὰ μὲν χροά πάντ' ὀνύχεσσι

Δακνόμενος κνάσαιο и т.д.

Замена Χῖοι, явно неуместного в схолии на этот отрывок, на ἔνιοι, представляется несомненной.

[347] Skylax, Peripl. 59.

[348] Cicero, de Orator. i. 44. "Ithacam illam in asperrimis saxulis, sicut nidulum, affixam".

[349] Herodot. i. 52; iii. 57; vi. 46-125. Boeckh, Public Economy of Athens, b. i. ch. 3.

Золотые и серебряные подношения, отправляемые в Дельфийский храм, даже с гомеровских времен (Il. ix. 405) и ниже, были многочисленными и ценными; особенно те, которые были посвящены Крёзом, который (Herodot. i. 17-52), кажется, превзошел всех предшественников.

[350] Strabo, x. p. 447; xiv. pp. 680-684. Стефан. Byz. v. Αἰθῆρος, Λακεδαίμων. Kruse, Hellas, ch. iv. vol. i. p. 328. Fiedler, Reisen in Griechenland, vol. ii. pp. 118-559.

[351] *Примечание ко второму изданию.* В моем первом издании я утверждал, что хлопок рос в Греции во времена Павсания, - следуя, хотя и с некоторыми сомнениями, мнению некоторых критиков, что βυσσός означает хлопок. Теперь я считаю, что это была ошибка, и исключил этот отрывок.

[352] На трапезе, которую за государственный счет устраивали для тех, кто обедал в афинском Пританеи, Соломон предписывал ячменные лепешки для обычных дней, пшеничный хлеб для праздников (Athenæus, iv. p. 137).

Молоко овец и коз в Древней Греции предпочитали коровьему (Aristot. Hist. Animal. iii. 15, 5-7); в настоящее время коровье молоко и масло в Греции также считаются нездоровыми и употребляются редко или никогда (Kruse, Hellas, vol. i. ch. 4, p. 368).

[353] Theophrast. Caus. Pl. ix. 2; Demosthen. adv. Leptin. c. 9. То, что соленая рыба из Пропонтиса и Гадеса продавалась на рынках Афин во время Пелопоннесской войны, следует из фрагмента Марикаса из Эвполиса (Fr. 23, ed. Meineke; Stephan. Byz. v. Γάδειρα):-

Πότερ' ἦν τὸ τάριχος, Φρύγιον ἢ Γαδειρικόν;

Финикийские купцы, привозившие из Гадеса соленую рыбу, брали с собой аттическую керамику для продажи среди африканских племен на побережье Марокко (Skylax, Peripl. c. 109).

[354] Simonidês, Fragm. 109, Gaisford.

Πρόσθε μὲν ἀμφ' ὥμοισιν ἔχων τρηχεῖαν ἄσιναν

Ἰχθυὺς ἐξ Ἄργους εἰς Τεγέαν ἔφερον и т.д.

В "Одиссее" упоминаются некие жители материка, которые не знали ни моря, ни кораблей, ни вкуса соли: Павсаний ищет их в Эпире (Odys. xi. 121; Pausan. i. 12, 3).

[355] Αὐτουργοὶ τε γάρ εἰσι Πελοποννήσιοι (говорит Перикл, в своей речи к афинянам, в начале Пелопоннесской войны, Thucyd. i. 141) καὶ οὔτε ἰδίᾳ οὔτε ἐν κοινῷ χρήματά ἐστιν αὐτοῖς и т. д., - ἄνδρες γεωργοὶ καὶ οὐ θαλάσσιοι и т. д. (ib. c. 142.)

[356] В Египте мужчины сидели дома и ткали, а женщины занимались делами на улице: как одно, так и другое вызывает удивление Геродота и Софокла (Herod. ii. 35; Soph. Œd. Col. 340).

О прядении и ткачестве современных греческих крестьянок см. в Leake, Trav. Morea, vol. i. pp. 13, 18, 223, etc.; Strong, Stat. p. 185.

[357] Herodot. i. 142; Hippocrat. De Aëre, Loc. et Aq. c. 12-13; Aristot. Polit. vii. 6, 1.

[358] Горцы Этолии в это время не могут спуститься в болотистую равнину Врахори, не заболев через несколько дней (Fiedler, Reise in Griech. i. p. 184).

[359] Dikæarch. Fragm. p. 145, ed. Fuhr-Βίος Ἑλλάδος. Ἱστοροῦσι δ' οἱ Βοιωτοὶ τὰ κατ' αὐτοὺς ὑπάρχοντα ἴδια ἀκληρήματα λέγοντες ταῦτα-Τὴν μὲν αἰσχροκέρδειαν κατοικεῖν ἐν Ὠρώπῳ, τὸν δὲ φθόρον ἐν Τανάγᾳ, τὴν φιλονεικίαν ἐν Θεσπιάει, τὴν ὕβριν ἐν Θήβαις, τὴν πλεονεξίαν ἐν Ἀνθήδονι, τὴν περιεργίαν ἐν Κορωνείᾳ, ἐν Πλαταίαις τὴν ἁλαζόνειαν, τὸν πυρετὸν ἐν Ὀγχήστῳ, τὴν ἀναισθησίαν ἐν Ἀλιάρτῳ.

О различии между Ἀθηναῖοι и Ἀττικοὶ см. ту же работу, с. 141.

[360] Strabo, vii. pp. 322, 324, 326; Thucyd. ii. 68. Теопомп (ар. Strab. l. c.) считал 14 эпиротов ἔθνη.

[361] Herodot. i. 140, ii. 56, vi. 127.

[362] Strabo, vii. p. 327.

Некоторые из эпирских племен были δίγλωσσοι - говорили по-гречески в дополнение к своему родному языку.

О всех жителях этих регионов см. цитированную выше превосходную диссертацию О. Мюллера "Ueber die Makedoner", приложенную к первому тому английского перевода его "Истории дорийцев".

[363] Herodot. i. 143-150.



[364] См. протест Эратосфена против продолжения классификации на греков и варваров, после того как последнее слово стало означать грубость (ар. Strabo. ii. p. 66; Eratosth. Fragm. Seidel. p. 85).

[365] Cato, Fragment. ed. Lion. p. 46; ар. Plin. H. N. xxii. 1. Примечательный отрывок из письма Катона к сыну, свидетельствующий о его сильной антипатии к грекам; он полностью запрещает их медицину и допускает лишь легкое пристрастие к их литературе: "Quod bonum sit eorum literas inspicere, non per discere.... Jurarunt inter se, Barbaros necare omnes medicinâ, sed hoc ipsum mercede faciunt, ut fides iis sit et facile disperdant. Nos quoque dictitant Barbaros et spurios, nosque magis quam alios, Opicos appellatione fœdant."

[366] Καρῶν ἡγήσατο βαρβαροφύωνων, Гомер, Илиада, ii. 867. Гомер не использует слово βάρβαροι или какие-либо слова, обозначающие эллина вообще или неэллина вообще (Thucyd. i. 3). Сравните Страбона, viii. p. 370; и xiv. p. 662.

Овидий воспроизводит примитивный смысл слова βάρβαρος, когда говорит о себе как об изгнаннике в Томи (Trist. v. 10-37): - "Barbarus hicgo sum".

"Barbarus hic ego sum, quia non intelligor ulli".

У египтян в языке было слово, точно эквивалентное βάρβαρος в этом смысле (Herod. ii. 158).

[367] Herod. viii. 144. ...τὸ Ἑλληνικὸν ἐδὼν ὄμαιμόν τε καὶ ὁμόγλωσσον, καὶ θεῶν ἰδρύματά τε κοινὰ καὶ θυσίαι, ἥθεα τε ὁμότροπα- τῶν προδότας γενέσθαι Ἀθηναίους οὐκ ἂν εὖ ἔχοι. (Ib. x. 7.) Ἡμεῖς δὲ, Δία τε Ἑλλήνιον αἰδεσθέντες, καὶ τὴν Ἑλλάδα δεινὸν ποιεύμενοι προδοῦναι, и т. д.

Сравните Dikæarch. Fragm. p. 147, ed. Fuhr; и Thucyd. iii. 59, -τὰ κοινὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα... θεοῦς τοὺς ὁμοβωμίους καὶ κοινοὺς τῶν Ἑλλήνων: также положение о κοινὰ ἱερὰ в договоре между Спартой и Афинами (Thuc. v. 18; Strabo, ix. p. 419).

Оно было частью торжественного провозглашения, сделанного эвмолпидцами перед празднованием Элевсинских мистерий: "Всем неэллинам держаться подальше" -εἴργεσθαι τῶν ἱερῶν (Исократ, Orat. iv. Panegyri. p. 74).

[368] Hekataë. Fragm. 356, ed. Klausen: ср. Strabo, vii. p. 321; Herod. i. 57; Thucyd. i. 3, -κατὰ πόλεις τε, ὅσοι ἀλλήλων συνίεσαν, etc.

[369] "Antiqui grammatici eas tantum dialectos spectabant, quibus scriptores usi essent: ceteras, quæ non vigeabant nisi in ore populi, non notabant." (Ahrens, De Dialecto Æolicâ, p. 2.) То же самое в значительной степени происходит даже в лингвистических исследованиях нового времени, хотя печать сейчас предоставляет такие большие возможности для регистрации народных диалектов.

[370] Herod. i. 142.

[371] О трех разновидностях эолийского диалекта, значительно отличающихся друг от друга, см. ценную работу Аренса, De Dial. Æol. sect. 2, 32, 50.

[372] Работа Альберта Гизе "Ueber den Æolischen Dialekt" (к сожалению, не законченная из-за ранней смерти автора) представляет собой гениальный образец такого анализа.

[373] См. интересные замечания Дио Хризостома о привязанности жителей Ольвии (или Бористена) к гомеровским поэмам: большинство из них, по его словам, могли повторить "Илиаду" наизусть, хотя их диалект был частично варваризирован, а город находился в печальном состоянии разрухи (Dio Chrysost. Orat. xxxvi. p. 78, Reisk).

[374] Plato, Legg. ii. 1, p. 653; Kratylus, p. 406; and Dionys. Hal. Ars Rhetoric. c. 1-2, p. 226, -Θεὸς μὲν γέ που πάντως πάσης ἡστίνοσοῦν πανηγύρεως ἡγεμῶν καὶ ἐπώνυμος- οἶον Ὀλυμπίων μὲν, Ὀλύμπιος Ζεὺς- τοῦ δ' ἐν Πυθοῖ, Ἀπολλῶν.

Аполлон, музы и Дионис - это ξυνεορτασταὶ καὶ ξυγχορευταί (Гомер, Гимн Аполлону, 146). Аналогичный взгляд на священные игры высказывает Ливий, говоря о римлянах и вольсках (ii. 36-37): "Se, ut consceleratos contaminatosque, ab *ludis, festis diebus, cœtu quodammodo hominum Deorumque*, abactos esse ... ideo nos ab sede piorum, cœtu, concilioque abigi". Любопытно сравнить это с неприятием и отвращением Тертуллиана: "Idolatria omnium ludorum mater est, -quod enim spectaculum sine idolo, quis ludus sine sacrificio?" (De Spectaculis, p. 369.)

[375] Iliad, xxiii. 630-679. Игры, устроенные Акастом в честь Пелиаса, прославлены в старом эпосе (Pausan. v. 17, 4; Apollodôr. i. 9, 28).

[376] Strabo, ix. p. 421; Pausan. x. 7, 3. Первые Пифийские игры, отпразднованные Амфикионами после Священной войны, сопровождалась значительной наградой победителю (ἀγῶν χρηματίτης); но на следующих, или вторых Пифийских играх, не давалось ничего, кроме почетной награды, или венка из лавровых листьев (ἀγῶν στεφανίτης): первое совпадает с Олимпиадой 48, 3; второе - с Олимпиадой 49, 3.

Сравните Schol. ad Pindar. Pyth. Argument: Pausan. x. 37, 4-5; Krause, Die Pythien, Nemeen, und Isthmien, sect. 3, 4, 5.

Гомеровский гимн Аполлону написан в более раннее время, чем Священная война, когда Крисса процветает; более раннее, чем Пифийские игры, отмечаемые Амфикионами.

[377] Плутарх, Solôn, 23. Истмийский Агон был в определенной степени праздником старого афинского происхождения; среди многочисленных легенд о его первом учреждении одна из самых известных представляет его как основанный Тесеем после его победы над Синисом на перешейке (см. Schol. ad Pindar. Isth. Argument.; Pausan. ii. 1, 4) или над Скироном (Plutarch, Theseus, c. 25). Плутарх говорит, что они были впервые установлены Тесеем как погребальные игры по Скейрону, и Плиний приводит ту же историю (H. N. vii. 57). Согласно Элланику, афинские тетивы на Истмийских играх занимали привилегированное место (Plutarch, l. c.).

Поэтому есть веские причины, чтобы Соломон выделил истмиоников как лиц, подлежащих особой награде, не упоминая пифиоников и немеоников, - Немейские и Пифийские игры тогда еще не приобрели эллинского значения. Диоген Лаэртский. (i. 55) говорит, что Соломон предоставлял награды не только за победы на Олимпийских и Истмийских играх, но и ἀνάλογον ἐπὶ τῶν ἄλλων, что Краузе (Pythien, Nemeen und Isthmien, sect. 3, p. 13) считает правдой: я думаю, очень маловероятно. Резкая инвектива Тимокреона против Фемистокла, обвиняющего его, среди прочего, в том, что он не давал ничего, кроме холодного мяса на Истмийских играх (Ἰσθμοῖ δ' ἐπ' ἀνδόκευε γελοίως ψυχρὰ κρέα παρέχων, Plutarch. Themistoc. c. 21), кажется, подразумевает, что афинские посетители, о которых Феоры были призваны заботиться на этих играх, были многочисленны.

[378] Во многих греческих государствах (например, в Игине, Мантинее, Трезене, Тасосе и т. д.) эти теоры составляли постоянную коллегия и, похоже, были наделены широкими функциями в отношении религиозных церемоний: в Афинах их выбирали для особого случая (см. Thucyd. v. 47; Aristotel. Polit. v. 8, 3; O. Müller, Æginetica, p. 135; Demosthen. de Fals. Leg. p. 380).

[379] О священном перемирии, олимпийском, истмийском и т. д., формально объявляемом двумя герольдами, увенчанными гирляндами, посланными из управляющего города, и в отношении которого разыгрывалось множество трюков, см. Thucyd. v. 49; Xenophon, Hellen. iv. 7, 1-7; Plutarch, Lycurg. 23; Пиндар, Isthm. ii. 35, -σπονδοφόροι-κάρυκες ὡρᾶν-Thucyd. viii. 9-10, также особенно поучительна в отношении практики и чувства.

[380] Пиндар, Isthm. iii. 26 (iv. 14); Nem. vi. 40.

[381] Strabo, viii. p. 374.

[382] Strabo, viii. p. 343; Pausan. v. 6, 1.

[383] В Иолкосе, на северном берегу Пагасского залива, на границе Магнетов, Фессалийцев и Ахейцев Фтиотиса, праздновался периодический религиозный праздник, или панегирис, название которого мы не можем разобрать из-за несовершенства текста Страбона (Strabo, ix. 436). В тексте, напечатанном в издании Цшуке, оно стоит так: Ἐνταῦθα δὲ καὶ τὴν Πυλαϊκὴν πανήγυριν, συνετέλου. Упоминание Πυλαϊκὴ πανήγυρις, которое ведет нас только к амфикионийским созывам в Фермопиле и Дельфах, здесь неуместно; и лучшая или парижская MS. Страбона представляет пробел (один из многих, которые смущают девятую книгу) на месте слова Πυλαϊκὴν. Дютнель предполагает τὴν Πελλιακὴν πανήγυριν, выводя название из знаменитых погребальных игр древнего эпоса, устроенных Акастом в честь своего отца Пелиаса. Гроскурд (в своем примечании к этому отрывку) одобряет эту догадку, но мне кажется маловероятным, чтобы греческий панегирик был назван в честь Пелиаса. Πηλῖακὴν, в связи с соседней горой и городом Пелион, возможно, менее возразительно (см. Dikæarch. Fragm. pp. 407-409, ed. Fuhr.), но мы не можем определить с уверенностью.

[384] Herod. i.; Dionys. Hal. iv. 25.

[385] Strabo, ix. p. 412; Homer. Hymn. Apoll. 232.

[386] Strabo, ix. p. 411.

[387] Thucyd. iii. 104; v. 55. Pausan. vii. 7, 1; 24, 3. Polyb. v. 8; ii. 54. Гомер. Гимн. Apoll. 146.

Согласно древней и священной традиции, весь месяц Карней был временем мира у дорийцев, хотя во время Пелопоннесской войны этим часто пренебрегали (Thuc. v. 54). Но можно усомниться в том, что Карнеи были общим праздником для всех дорийцев: Карнеи в Спарте, похоже, были лакедемонским праздником.

[388] Список амфикионийского округа по-разному приводится Эсхином, Гарпократом и Павсанием. Титтманн (Ueber den Amphiktyonischen Bund, sect. 3, 4, 5) анализирует и сравнивает их различные заявления, и получает каталог, приведенный в тексте.

[389] Aeschines, De Fals. Legat. p. 280, c. 36.-Κατηριθμησάμην δὲ ἔθνη δώδεκα, τὰ μετέχοντα τοῦ ἱεροῦ ... καὶ τούτων ἔδειξα ἕκαστον ἔθνος, ἰσόψηφον γενόμενον, τὸ μέγιστον τῷ ἐλάττω, etc.

[390] Aeschin. Fals. Legat. p. 279, c. 35: Ἄρα δ' ἐξ ἀρχῆς διεξῆλθον τὴν κτίσιν τοῦ ἱεροῦ, καὶ τὴν πρώτην σύνοδον γενομένην τῶν Ἀμφικτυόνων, καὶ τοὺς ὄρκους αὐτῶν ἀνέγνω, ἐν οἷς ἔνορκον ἦν τοῖς ἀρχαίοις μηδεμίαν πόλιν τῶν Ἀμφικτυονίδων ἀνάστατον ποιήσειν μηδ' ὑδάτων ναματιαίων εἶρξειν, и т. д.

[391] Homer, Iliad, vi. 457. Гомер, Гимн Деметре, 100, 107, 170. Геродот, vi. 137. Thucyd. ii. 15.

[392] Herodot. vii. 200; Livy, xxxi. 32.

[393] Праздник Амаринфа в Эвбее, проводившийся в храме Артемиды Амаринфской, посещался ионийскими Халкисом и Эретрией, а также дриопийским Карыстом. В бою, объявленном между Халкисом и Эретрией, чтобы решить вопрос о владении равниной Лелантум, было оговорено, что ни одна из сторон не должна использовать ракетное оружие; это соглашение было записано в храме Артемиды (Strabo x. p. 448; Livy, xxxv. 38).

[394] *Æschin*. De Fals. Legat. c. 35, p. 279: ср. Adv. Ktesiphont. c. 36, p. 406.

[395] См. обвинение, которое, как утверждает Эсхин, было выдвинуто локрийцами из Амфиссы против Афин на Амфиктионийском соборе (Adv. Ktesiphont. c. 38, p. 409). Демосфен опровергает своего соперника относительно факта выдвижения обвинения, говоря, что амфиссяне не уведомили о своем намерении выдвинуть его, как это обычно и требовалось: ответ, который допускает, что обвинение *могло* быть выдвинуто (Demosth. de Coronâ, c. 43, p. 277).

Амфиктионы предлагают награду за жизнь Эфиальта, предавшего греков при Фермопилах; они также воздвигают колонны в память о погибших греках в том памятном проливе, где они собираются раз в полгода (Herod. vii. 213-228).

[396] *Æschin*. adv. Ktesiph. 1, с. Плутарх, Solôn, с. xi, который ссылается на Аристотеля ἐν τῇ τῶν Πυθιονικῶν ἀναγραφῇ-Pausan. x. 37, 4; Schol. ad Pindar, Nem. ix. 2. Τὰς Ἀμφικτιονικὰς δίκας, ὅσαι πόλεσι πρὸς πόλεις εἰσὶν (Strabo, ix. p. 420). Эти амфиктионийские арбитражи, однако, редко встречаются в истории, и ими очень часто злоупотребляют.

[397] Herodot. ii. 180, v. 62.

[398] Thucyd. i. 112, iv. 118, v. 18. Фокийцы во время Священной войны (354 г. до н. э.) утверждали, что у них есть древнее и законное право на управление Дельфийским храмом под ответственность перед всем греческим народом за правильное использование его имущества, - таким образом, Амфиктионы были полностью отменены (Diodor. xvi. 27).

[399] *Æschin*. de Fals. Legat. p. 280, с. 36. О партийных интригах, которые двигали советом по поводу священной войны с фокийцами (355 г. до н. э.), можно узнать из Диодора, xvi. 23-28 и др.

[400] Цицерон, De Invention. ii. 23. Представление Дионисия Галикарнасского (Ant. Rom. iv. 25) еще больше искажает реальность.

Об общих праздниках и амфиктионах эллинского мира в целом см. Wachsmuth, Hellenische Alterthumskunde, vol. i. sect. 22, 24, 25; также C. F. Hermann, Lehrbuch der Griech. Staatsalterthümer, sect. 11-13.

[401] Плутарх, Sympos. vii. 5, 1.

[402] На этой ранней стадии пифийского праздника он, как говорят, отмечался каждые восемь лет, отмечая то, что мы должны называть Octaetêris, а ранние греки называли Ennaetêris (Censorinus, De Die Natali, с. 18). Этот период имеет большое значение для принципа греческого календаря, так как девяносто девять лунных месяцев очень точно совпадают с восемью солнечными годами. Открытие этого совпадения Цензорин приписывает Клеострату из Тенедоса, возраст которого прямо не известен: он должен быть раньше Метона, открывшего цикл из девятнадцати солнечных лет, но (как я полагаю) не намного раньше. Несмотря на авторитет Иделера, мне не кажется доказанным, и я не могу поверить, что этот восьмилетний период с его солнечным и лунным совпадением был

известен грекам в самые ранние времена их мифической древности или до 600 года до н. э. См. Ideler, Handbuch der Chronologie, vol. i. p. 366; vol. ii. p. 607. Практика элейцев праздновать Олимпийские игры поочередно через сорок девять и пятьдесят лунных месяцев, хотя и засвидетельствована более поздним временем Схолиастом о Пиндаре, не является древней. Тот факт, что существовали древние восьмилетние повторяющиеся праздники, не устанавливает знания свойств октаэтерического или эннеатерического периода: мне также не кажется, что детали беотийского δαφνηφορία, описанного в Proclus ap. Photium, sect. 239, являются очень древними. См. о старом мифическом Октаэтре О. Мюллер, Орхоменос, 218 и др., и Краузе, Пифий, Немины и Истмий, разд. 4, p. 22.

[403] См. аргументы Цицерона в пользу гадания в первой книге его ценного трактата De Divinatione. Хрисипп и самые искусные из стоических философов излагают правдоподобную теорию, демонстрирующую *априорную* вероятность пророческих предупреждений, вытекающих из существования и атрибутов богов: если полностью отрицать возникновение таких предупреждений, столь необходимых для благополучия человека, то придется отрицать либо существование, либо предвидение, либо благодеяние богов (с. 38). Истинность дельфийского оракула была доказана бесчисленными случаями, которые Хрисипп собрал в обширную коллекцию: на каком еще основании можно объяснить огромный авторитет оракула (с. 19)? "Collegit innumerabilia oracula Chrysippus, et nullum sine locuplete teste et auctore: quæ quia nota tibi sunt, relinquo. Defendo unum hoc: nunquam illud oraculum Delphis tam celebre clarumque fuisset, neque tantis donis refertum omnium populorum et regum, nisi omnis ætas oraculorum illorum veritatem esset experta.... Maneat id, quod negari non potest, nisi omnem historiam perverterimus, multis sæculis verax fuisse id oraculum." Цицерон признает, что в его время пророчество стало менее достоверным, и пытается объяснить этот упадок пророческой силы: сравните Плутарх, De Defect. Oracul.

[404] Ксенофонт, Anab. vii. 8, 20: 'Ο δὲ Ἀσιδάρης ἀκούσας, ὅτι πάλιν ἐπ' αὐτὸν τεθυμένος εἴη ὁ Ξενοφών, ἐξαυλίζεται, etc. Xenoph. Hellen. iii. 2, 22: μὴ χρηστηριάζεσθαι τοὺς Ἕλληνας ἐφ' Ἑλλήνων πολέμῳ, - ср. Илиада, vii. 450.

[405] Каллимах. Гимн. Apoll. 55, с примечанием Спанхейма; Цицерон, De Divinat. i. 1.

[406] См. этот момент в Платоне, Repub. v. pp. 470-471 (с. 16), и Исократ, Панегир. стр. 102.

[407] Относительно аркадской Кинæты см. замечательные наблюдения Полибия iv. 17-23.

[408] См. выше, т. i. гл. vi. с. 126 этой "Истории".

[409] Примеры и свидетельства такой практики см. в Herodot. ii. 162; ампутация носа и машин Патарбемиса Априсом, царем Египта (Ксенофонт, Anab. i. 9-13). В сатрапии Кира Младшего, который применял все эти суровые наказания для предотвращения преступлений, было много людей, лишенных рук, ног или зрения, - он не позволял (говорит Ксенофонт) преступникам насмехаться над ним (εἰς καταγέλῳ). В Сардах (Herodot. iii. 49) проводились ἑκτομή, - 500 παῖδες ἑκτόμῃαι составляли часть ежегодной дани, которую вавилоняне платили двору Суз (Herod. iii. 92). Продажа детей для вывоза фракийцами (Herod. v. 6); есть некоторые следы этого в Афинах, до солоновского законодательства (Плутарх, Solôn, 23), возникшие, вероятно, из-за жестокого состояния закона между должником и кредитором. О жертвоприношении детей Кронусу карфагенянами в смутные времена (по выражению Энния, "Pœni soliti suos sacrificare puellös") Диодор. xx. 14; xiii. 86. Porphy. de Abstin. ii. 56:



эта практика обильно проиллюстрирована в книге Мёвера "Die Religion der Phönizier", pp. 298-304.

Арриан порицает Александра за отрезание носа и ушей сатрапа Бэсса, говоря, что это был совершенно варварский (*т. е. неэллинский*) поступок (Exr. Al. iv. 7, 6.) Ο σεβασμὸς θεοπρεπῆς περὶ τὸν βασιλέα в Азии, см. Strabo, xi. p. 526.

[410] Thucyd. i. 6; Herodot. i. 10.

[411] Aristot. Polit. iii. 6, 12. Нет необходимости ссылаться на многочисленные надписи, которые наделяют какого-то отдельного несвободного человека правом ἐπιγαμία и ἔγκτησις.

[412] Skylax, Peripl. c. 28-33; Thucyd. ii. 80. См. Dio Chrysostom, Or. xlvii. p. 225, vol. ii. ed. Reisk, - μᾶλλον ἤροῦντο διοικεῖσθαι κατὰ κώμας, τοῖς βαρβάροις ὁμοίους, ἢ σχῆμα πόλεως καὶ ὄνομα ἔχειν.

[413] Strabo, viii. pp. 337, 342, 386; Pausan. viii. 45, 1; Плутарх, Quæst. Græc. c. 17-37.

[414] Pausan. viii. 27, 2-5; Diod. xv. 72: ср. Arist. Polit. ii. 1, 5.

Описание διοίσεις Мантинеи содержится в Xenophon, Hellen. v. 2, 6-8: это вопиющий пример его фило-лаконского уклона. Мы видим на примере фокийцев после Священной войны (Diodor. xvi. 60; Pausan. x. 3, 2), насколько тяжелым наказанием был этот διοίσεις. Сравните также поучительную речь акантийского посланника Клейгенаса в Спарте, когда он призвал лакедемонян вмешаться, чтобы подавить зарождающуюся федерацию, или объединение городов в общую политическую совокупность, которая росла вокруг Олинфа (Xen. Hellen. v. 2, 11-2). Здесь убедительно показано мудрое и достойное восхищения поведение Олинфа и нежелание соседних городов слиться в этом союзе, а также заинтересованность Спарты в том, чтобы все греческие города оставались разобщенными. Сравните описание обращения римлян с Капуей (Livy, xxvi. 16).

[415] Thucyd. i. 5; iii. 94. Ксеноф. Hellen. iv. 6, 5.

[416] Pausanias, x. 4, 1: его замечания о фокийском πόλις Panopeus показывают, что он включал в идею πόλις: εἶγε ὀνομάσαι τις πόλιν καὶ τούτους, οἷς γε οὐκ ἀρχεῖα, οὐ γυμνάσιον ἐστὶν- οὐ θέατρον, οὐκ ἀγορὰν ἔχουσιν, οὐχ ὕδωρ κατερχόμενον ἐς κρήνην- ἀλλὰ ἐν στέγαις κοίλαις κατὰ τὰς καλύβας μάλιστα τὰς ἐν τοῖς ὄρεσιν, ἐνταῦθα οἰκοῦσιν ἐπὶ χαράδρᾳ. ὅμως δὲ ὅροι γε τῆς χώρας εἰσὶν αὐτοῖς ἐς τοὺς ὁμούς, καὶ ἐς τὸν σύλλογον συνέδρους καὶ οὗτοι πέμπουσι τὸν Φωκικόν.

μικρὰ πολίσματα пеласгов на полуострове Афон (Thucyd. iv. 109), по-видимому, представляли собой нечто среднее между деревней и городом. Когда фокийцы после Священной войны были лишены своих городов и переселены в деревни амфикионами, было приказано, чтобы ни одна деревня не содержала более пятидесяти домов и чтобы ни одна деревня не находилась на расстоянии одного фурлонга от другой (Diodor. xvi. 60).

[417] Aristot. Polit. i. 1, 8. ἡ δ' ἐκ πλείωνων κωμῶν κοινωνία τέλειος πόλις ἡ δὴ πάσης ἔχουσα πέρας τῆς αὐταρθείας. Сравните также iii. 6, 14; и Платон, Legg. viii. p. 848.

[418] Thucyd. i. 10. οὔτε ξυνοικισθείσης πόλεως, οὔτε ἱεροῖς καὶ κατασκευαῖς πολυτελέσι χρησαμένης, κατὰ κώμας δὲ τῷ παλαιῷ τῆς Ἑλλάδος τρόπῳ οἰκισθείσης, φαίνοιτ' ἂν ὑποδεεστέρα.

[419] Xenophon, Hellen. iii. 2, 31.

[420] Larcher, Chronologie d'Hérodote, ch. viii. pp. 215, 274; Raoul Rochette, Histoire des Colonies Grecques, book i. ch. 5; Niebuhr, Römische Geschichte, vol. i. pp. 26-64, 2-е изд. (раздел, озаглавленный Die Oenotrer und Pelasger); O. Müller, Die Etrusker, vol. i. (Einleitung, ch. ii. pp. 75-100); Dr. Thirlwall, History of Greece, vol. i. ch. ii. pp. 36-64. Несогласные мнения Крузе и Маннерта можно найти в Kruse, Hellas, vol. i. pp. 398-425; Маннерт, Geographie der Griechen und Römer, часть viii. Introduct. p. 4, *seqq.*

Нибур собирает вместе все мифические и генеалогические следы, многие из которых в высшей степени туманны и двусмысленны, существования пеласгов в различных местностях; а затем, суммируя их совокупный эффект, утверждает ("не в качестве гипотезы, а с полной исторической убежденностью", стр. 54), "что было время, когда пеласги, возможно, самый многочисленный народ во всей Европе, были распространены от По и Арно до Риндакуса" (около Кизикуса) с перерывом только во Фракии. Что, пожалуй, наиболее примечательно, так это контраст между чувством отвращения, отчаяния и неприязни к предмету, когда он начинает исследование ("*имя Пеласги*, - говорит он, - *односно для историка, который ненавидит поддельную филологию, из которой возникают претензии на знание о таком вымершем народе*", стр. 28), и полной уверенностью и удовлетворением, с которыми он его завершает.

[421] Herodot. ii. 23: Ὁ δὲ περὶ τοῦ Ὠκεάνου εἶπας, ἐς ἀφανὲς τὸν μῦθον ἀνενείκας, οὐκ ἔχει ἔλεγχον.

[422] То, что Krêstôn является правильным чтением у Геродота, кажется, есть все основания полагать - не Krotôn, как Dionys. Hal. представляет его (Ant. Rom. i. 26) - несмотря на авторитет Niebuhr в пользу последнего.

[423] Thucyd. iv. 109. Сравните новые фрагменты Страбона, lib. vii., отредактированные из Ватиканского MS. Крамером, а затем Тафелем (Тюбинген, 1844), разд. 34, p. 26, - ὥκησαν δὲ τὴν Χερρόνησον ταύτην τῶν ἐκ Λήμνου Πελασγῶν τινες, εἰς πέντε διηρημένοι πολίσματα-Κλεωνὰς, Ὀλόφυχον, Ἀκροθώους, Δῖον, Θύσσον.

[424] Herod. i. 57. προσκεχωρηκότων αὐτῷ καὶ ἄλλων ἐθνέων βαρβάρων συχνῶν.

[425] Athenæ. vi. p. 271. Φίλιππος ἐν τῷ περὶ Καρῶν καὶ Λελέγων συγγράμματι, καταλέξας τοὺς Λακεδαιμονίων Εἰλωτας καὶ τοὺς Θετταλικοὺς πενέστας, καὶ Κᾶράς φησι τοῖς Λέλεξιν ὡς οἰκέταις χρήσασθαι πάλαι τε καὶ νῦν.

[426] Herod. i. 57. "Ἦντινα δὲ γλῶσσαν ἴεσαν οἱ Πελασγοὶ, οὐκ ἔχω ἀτρεκέως εἶπαι. εἰ δὲ χρεῶν ἐστὶ τεκμαιρόμενοις λέγειν τοῖσι νῦν ἔτι ἐοῦσι Πελασγῶν, τῶν ὑπὲρ Τυρσηνῶν Κρηστῶνα πόλιν οἰκεόντων ... καὶ τὴν Πλακίην τε καὶ Σκυλάκην Πελασγῶν οἰκισάντων ἐν Ἑλλησπόντῳ ... καὶ ὅσα ἄλλα Πελασγικὰ ἔοντα πολίσματα τὸ οὖνομα μετέβαλε- εἰ τοιούτοις δεῖ λέγειν, ἦσαν οἱ Πελασγοὶ βάρβαρον γλῶσσαν ἰέντες. Εἰ τοίνυν ἦν καὶ πᾶν τοιοῦτο τὸ Πελασγικόν, τὸ Ἀττικὸν ἔθνος, ἐὸν Πελασγικὸν ἅμα τῇ μεταβολῇ τῇ ἐς Ἑλληνας καὶ τὴν γλῶσσαν μετέμαθε- καὶ γὰρ δὴ οὔτε οἱ Κρηστωνιῆται οὐδ'άμοισι τῶν νῦν σφέας περιοικεόντων εἰσὶ ὁμόγλωσσοι, οὔτε οἱ Πλακιηνοί- σφίσι δὲ, ὁμόγλωσσοι. δηλοῦσι δὲ, ὅτι τὸν ἡνείκαντο γλώσσης *χαρακτῆρα* μεταβαίνοντες ἐς ταῦτα τὰ χωρία, τοῦτον ἔχουσι ἐν φυλακῇ.

В следующей главе Геродот снова называет пеласгов народом *βάρβαρον*.

Относительно этого языка, который Геродот слышал в Крестоне и Плакии, д-р Тирлуолл замечает (глава ii. с. 60): "Этот язык Геродот называет варварским, и именно на нем он основывает свое общее заключение о древности пеласгийского языка. Но он не вдаётся ни в какие подробности, которые могли бы помочь выяснить, как или в какой степени он

отличался от греческого. Тем не менее, используемые им выражения, казалось бы, подразумевают, что он был по сути чужим, если бы он не высказался столь же решительно в другом отрывке, где невозможно приписать его словам аналогичный смысл. Перечисляя диалекты, преобладавшие среди ионийских греков, он замечает, что ионийские города в Лидии совсем не похожи по своему языку на карийские; и он применяет к этим диалектам тот же термин, который ранее использовал, говоря об остатках пеласгийского языка. Этот отрывок дает нам возможность оценить силу слова "варвар" в первом случае. Из него нельзя сделать никакого другого вывода, кроме того, что пеласгийский язык, который Геродот слышал на Геллеспонте и в других местах, звучал для него как странный жаргон: как диалект Эфеса для милезийца и как болонский язык для флорентийца. Этот факт оставляет его реальную природу и отношение к греческому языку совершенно неопределенным; и нам тем более оправданно опираться на него, поскольку история пеласгийских поселений крайне туманна, а традиции, которые Геродот передает по этому вопросу, отнюдь не имеют равного веса с заявлениями, сделанными на основе его личных наблюдений". (Thirlwall, History of Greece, ch. ii. p. 60, 2d edit.)

В заявлении Геродота (на которое здесь ссылается д-р Тирлуолл) о языке, на котором говорили в ионических греческих городах, историк сказал (i. 142), - Γλῶσσαν δὲ οὐ τὴν αὐτὴν οὗτοι νενομίκασι, ἀλλὰ τρόπους τέσσερας παραγωγέων. Милет, Миус и Приен, - ἐν τῇ Καρίῃ κατοίκηνται κατὰ ταῦτὰ διαλεγόμεναί σφι. Эфес, Колофон и т. д., - αὐταὶ αἱ πόλεις τῇσι πρότερον λεχθείσῃσι ὁμολογέουσι κατὰ γλῶσσαν οὐδὲν, σφὶ δὲ ὁμοφώνεουσι. Кианы и эритрейцы, - κατὰ τὴν αὐτὴν διαλέγονται, Σάμιοι δὲ ἐπ' ἑωυτῶν μόνον. Οὗτοι χαρακτῆρες γλώσσης τέσσερες γίνονται.

Слова γλώσσης χαρακτήρ ("отличительный способ речи") являются общими для обоих этих отрывков, но их значение в одном и в другом случае следует оценивать по предмету, о котором говорит автор, а также по словам, которые их сопровождают, - особенно по слову βάρβαρος в первом отрывке. Я также не могу думать (вместе с д-ром Тирлуоллом), что значение слова βάρβαρος следует определять по двум другим словам: по моему мнению, правильное обратное. Βάρβαρος - термин определенный и однозначный, но γλώσσης χαρακτήρ варьируется в зависимости от сравнения, которое вы делаете в данный момент, и его значение здесь определяется его связью с βάρβαρος.

Когда Геродот рассказывал о двенадцати ионийских городах Азии, он мог бы правильно указать на различия в речи между ними как на множество разных χαρακτῆρες γλώσσης: границы различий были установлены знанием, которым его слушатели обладали о тех, о ком он говорил; ионийцы все были известными эллинами. Так автор, описывая Италию, может сказать, что болонцы, римляне, неаполитанцы, генуэзцы и т. д. имеют разные χαρακτῆρες γλώσσης; при этом подразумевается, что разница такова, что может существовать между всеми италийцами.

Но существует также χαρακτήρ γλώσσης греческого языка в целом (абстрагируясь от его различных диалектов и разнообразия), в отличие от персидского, финикийского или латинского, - и итальянского языка в целом, в отличие от немецкого или английского. Именно это сравнение проводит Геродот, когда описывает язык, на котором говорили жители Крестона и Плакии, и отмечает его словом βάρβαρον в противоположность Ἑλληνικόν: именно с учетом этого сравнения следует понимать χαρακτήρ γλώσσης в пятьдесят седьмой главе. Слово βάρβαρος является обычной и признанной антитезой Ἑλλήν или Ἑλληνικός.

Не менее примечательно утверждение Геродота, что язык, на котором говорили в Крестоне и в Плакии, был одним и тем же, хотя эти места находились так далеко друг от друга. Эта

идентичность сама по себе показывает, что он имел в виду основной язык, а не "странный жаргон".

Поэтому я считаю несомненным, что Геродот считает, что пеласги его времени говорили на языке, отличном от греческого; но отличался ли он от него в большей или меньшей степени (*например*, в степени латинского или финикийского), мы не имеем возможности решить.

[427] Aristotel. Meteorol. i. 14.

[428] Гомер, Илиада, xvi. 234; Гесиод, Фрагм. 149, ed. Marktscheffel; Sophokl. Trachin. 1174; Strabo, vii. p. 328.

[429] Stephan. Byz. v. Γραικός.-Γραῖκες δὲ παρὰ τῷ Ἀλκμᾶνι αἱ τῶν Ἑλλήνων μητέρες, καὶ παρὰ Σοφοκλεῖ ἐν Ποίμεσιν. ἐστὶ δὲ μεταπλασμός, ἢ τῆς Γραιξ εὐθείας κλίσις ἐστίν.

Слово Γραῖκες у Алкмана, означающее "матери эллинов", вполне может быть лишь диалектической разновидностью γρᾶες, аналогичной κλᾶξ и ὄρνιξ, ибо κλείς, ὄρνις и т. д. (Ahrens, De Dialecto Doricâ, sect. 11, p. 91; и sect. 31, p. 242), возможно, уменьшительное, как γυναῖκες.

Термин, использованный Софоклом, если верить Фотию, был не Γραικός, а Ραϊκός (Photius, p. 480, 15; Dindorf, Fragment. Soph. 933: ср. 455). Евстафий (стр. 890), кажется, не определился между ними.

[430] Xenophon, Hellen. vii. 5, 27; Demosthenes, De Coron. с. 7, p. 231-ἀλλά τις ἦν ἄκριτος καὶ παρὰ τοῦτοις καὶ παρὰ τοῖς ἄλλοις Ἕλλησιν ἔρις καὶ ταπαχή.

[431] Demosthen. de Coron. с. 21, p. 247.

[432] Xenophon, Anabas. iii. 2, 25-26.

[433] Ксенофонт, Hellen. vi. 1, 12; Исократ, Orat. ad Philipp., Orat. v. p. 107. Это рассуждение Исократа составлено специально для того, чтобы призвать Филиппа встать во главе объединенной Греции против персов: в Oratio iv, называемой Панегирикой, рекомендуется объединить всех греков для той же цели, но под гегемонией Афин, отбросив все внутренние разногласия: см. Orat. iv. pp. 45-68.

[434] Thucyd. iii. 93. Οἱ Θεσσαλοὶ ἐν δυνάμει ὄντες τῶν ταύτῃ χωρίων, καὶ ὧν ἐπὶ τῇ γῇ ἐκτίζετο (Herakleia) и т. д.

[435] Herodot. vii. 173; Strabo, ix. pp. 440-441. Геродот отмечает перевал через цепь Олимпа или Камбунских гор, по которому Ксеркс со своей армией прошел из Македонии в Перрхебию; см. описание перевала и прилегающей страны в Leake, Travels in Northern Greece, ch. xxviii. vol. iii. pp. 338-348; сравните Ливий, xlii. 53.

[436] Skylax, Periplus, с. 66; Herodot. vii. 183-188.

[437] Skylax, Periplus, с. 64; Strabo, ix. pp. 433-434. Софокл включил территорию Трахина в пределы Фтиотиса (Strabo, l. с.). Геродот считает, что Фтиотида заканчивается немного севернее реки Сперхей (vii. 198).

[438] См. описание Таумаки в Livy, xxxii. 4, и в "Путешествиях доктора Холланда", гл. xvii. т. ii. с. 112, - теперь Томоко.

[439] Skylax, Periplus, с. 65. Гесихий (v. Παγασίτης Ἀπόλλων), кажется, считает Παγасæ ахейцами.

О городах Фессалии и их различных положениях см. в Mannert, Geograph. der Gr. und Römer, part vii. book iii. ch. 8 and 9.

Существует древняя религиозная церемония, отмечаемая дельфийцами каждый девятый год (Ennaëtêris): из Дельф к перевалу Темпе отправлялась процессия, состоящая из хорошо воспитанных юношей под началом архи-театра, которые изображали действия, приписываемые старой легендой Аполлону; считалось, что этот бог отправился туда, чтобы получить оправдание после убийства змея Пифона; по крайней мере, это была одна из нескольких разноречивых легенд. Главный юноша срывал и приносил с собой ветку священного лавра в Темпе в знак того, что он выполнил свою миссию: он возвращался "священной дорогой" и нарушал пост в месте под названием Δειπνιάς, недалеко от Лариссы. По этому случаю в Темпе, в честь Аполлона Темпейтеса (Ἀπλοῦνι Τεμπείτῃ, на эолийском диалекте Фессалии: см. инскрипт в Воескh, Corp. Ins. No. 1767). Процессию сопровождал флейтист.

См. Плутарх, Quæst. Græc. ch. xi. p. 292; De Musicâ, ch. xiv. p. 1136, Ælian, V. II. iii. 1: Stephan. Byz. v. Δειπνιάς.

Важно отметить эти религиозные процессии как установление связи и симпатий между отдаленными друг от друга членами Эллады: но выводы, которые О. Мюллер (Dorians, b. ii. 1, p. 222) строит на них, относительно первоначального местонахождения дорийцев и поклонения Аполлону, не заслуживают доверия.

[440] Plato, Krito, c. 15, p. 53. ἐκεῖ γὰρ δὴ πλείστη ἀταξία καὶ ἀκολασία (ср. начало "Менона") - замечание тем более поразительное, что незадолго до этого он описывал беотийские Фивы как хорошо управляемый город, хотя и Дикеарх, и Полибий представляют его в свои времена как нечто прямо противоположное.

См. также Demosthen. Olynth. i. c. 9, p. 16, cont. Aristokrat. c. 29, p. 657; Schol. Eurip. Phœniss. 1466; Theopomp. Fragment. 34-178, ed. Didot; Aristophanês, Plut. 521.

О ходе политических дел в Фессалии можно судить по Xenoph. Hellen. vi. 1: сравните Anabas. i. 1, 10, и Thucyd. iv. 78.

[441] См. Цицерон, Orat. in Pison. c. 11; De Leg. Agrar. cont. Rullum, c. 34-35.

[442] Сравните фессалийскую конницу, описанную Полибием (Polybius. iv. 8), с македонской, описанной Фукидидом (Thucydides, ii. 100).

[443] Herodot. vii. 176; Thucyd. i. 12.

[444] Пиндар, Pyth. x. init. со схолиями и ценным комментарием Бёкха, касающимся алеуадов; Schneider ad Aristot. Polit. v. 5, 9; и сочинение Буттманна, Von dem Geschlecht der Aleuaden, art. xxii. vol. ii. p. 254, из коллекции под названием "Mythologus".

[445] Ahrens, De Dialect. Æolicâ, c. 1, 2.

[446] См. Aristot. Polit. ii. 6, 3; Thucyd. ii. 99-100.

[447] Слова, приписываемые Ксенофонтом (Hellen. vi. 1, 11) Иасону из Фере, а также Феокритом (xvi. 34), свидетельствуют о численности и силе фессалийских Пенесте, а также о большом богатстве Алеуадæ и Скопадæ. Обе эти семьи приобрели известность благодаря стихам Симонида: ему покровительствовали и к его музам обращались обе; см. Илиан, V. H.



xii. 1; Овидий, Ибис, 512; Квинтилиан, xi. 2, 15. Пиндар также хвастается своей дружбой с Тораксом Алеуадам (Pyth. x. 99).

Фессалийские ἀνδραποδισταί, о которых упоминает Аристофан (Plutus, 521), должно быть, продавали людей из страны в рабство, - либо непокорных пенестеев, либо перрских, магнетических и ахейских свободных, захваченных насилием: афинский комический поэт Мнесимах, подшучивая над жадностью фарсалийцев, восклицает, ap. Athenæ. x. p. 418-

ἄρά που

ὀππὴν κατεσθίουσι πόλιν Ἀχαϊκήν.

Пагасæ славился как место вывоза рабов (Hermippus ap. Athenæ, i. 49).

Менон из Фарсала помогал афинянам против Амфиполя с 200 или 300 "Пенесте, верхом, из своих" - (Πενέσταις ἰδίοις) Demosthen. περὶ Συνταξ. с. 9, p. 173, cont. Aristokrat. с. 51, p. 687.

[448] Archemachus ap. Athenæ. vi. p. 264; Платон, Legg. vi. p. 777; Aristot. Polit. ii. 6, 3; vii. 9, 9; Dionys. Halic. A. R. ii. 84.

И Платон, и Аристотель настаивают на крайней опасности иметь множество рабов, соотечественников и говорящих на одном языке - (ὁμόφυλοι, ὁμόφωνοι, πατρίωται ἀλλήλων).

[449] Aristot. Polit. vii. 11, 2.

[450] Theopompus and Archemachus ap. Athenæ. vi. pp. 264-266: ср. Thucyd. ii. 12; Steph. Byz. v. Ἄρνη - обратная сторона этой истории в Strabo, ix. pp. 401-411, о том, что фессалийские арны были переселены из Бётии. То, что злодеи или Penestæ были совершенно отличны от прилегающих к ним зависимых народов - ахейцев, магнатов, перребиев, - мы видим из Aristot. Polit. ii. 6, 3. У них был свой одноименный герой Пенестес, чье происхождение прослеживалось до Фессала, сына Гераклеса; таким образом, они были связаны с мифическим отцом народа (Schol. Aristoph. Vesp. 1271).

[451] Herodot. i. 57: сравните vii. 176.

[452] Hellanikus, Fragm. 28, ed. Didot; Harpocraton, v. Τетραρχία: четверичное деление было старше Гекатæуса (Steph. Byz. v. Κράννων).

Гекатæй связывал перрæбиев с родословием Эола через Тиро, дочь Салмоней: они проходили как Αἰολεῖς (Hekataeus, Frag. 334, ed. Didot; Stephan. Byz. v. Φάλαννα и Γόννοι).

Территория города Гистиея (в северной части острова Эвбея) также называлась Гистиеотис. Двойное употребление этого названия (нередкое явление в Древней Греции), по-видимому, послужило основанием для утверждения, что Перрæби покорили северные районы Эвбеи и увели жителей эвбейской Гистиеи в плен на северо-запад Фессалии (Страбон, ix. с. 437, x. с. 446).

[453] Плиний, Н. N. iv. 1; Страбон, ix. p. 440.

[454] Strabo, ix. p. 443.

[455] Diodor. xviii. 11; Thucyd. ii. 22.

[456] Надпись № 1770 в Воескh's Corpus Inscript. содержит письмо римского консула Тита Квинция Фламинина, адресованное городу Киретия (к северу от Атракса в Перрхебии). Письмо адресовано: Κυρετιέων τοῖς ταγοῖς καὶ τῇ πόλει, - титул Таги, по-видимому, таким

образом присваивался магистратам отдельных фессалийских городов. Надписи Таумаки (№ 1773-1774) имеют титул ἄρχοντες, а не ταῦοι. Титул ταῦος был свойственен Фессалии (Pollux, i. 128).

[457] Ксенофонт, Hellen. vi. 1, 9; Диодор. xiv. 82; Thucyd. i. 3. Ирод. vii. 6, называет алеуадцев Θεσσαλῆς βασιλῆς.

[458] Ксенофонт, Memorab. i. 2, 24; Hellenic. ii. 3, 37. Утрата комедии Евполиса под названием Πόλεις (см. Meineke, Fragm. Comicor. Græc. p. 513), вероятно, мешает нам понять сарказм Аристофана (Vesp. 1263) по поводу παραπρέσβεια Аминия среди пенестеев Фарсала; но инцидент, о котором там говорится, не может иметь ничего общего с процессом Крития, затронутым Ксенофонтom.

[459] Ксенофонт, Hellen. vi. 1, 9-12.

[460] Demosthen. Olynth. i. c. 3, p. 15; ii. c. 5. p. 21. Оратор имел случай обличить Филиппа, как завладевшего государственной властью Фессалийской конфедерации отчасти интригами, отчасти силой; поэтому мы слышим ο λικμένες и ἄγορα, которые составляли доход конфедерации.

[461] Ксенофонт (Hellen. vi. 1, 7) причисляет Μαράκοι к этим притокам вместе с долопами: мараки названы Плинием (H. N. iv. 3), также вместе с долопами, но мы не знаем, где они обитали.

[462] Ксенофонт, Hellen. vi. 1, 9; Пиндар, Pyth. iv. 80.

[463] Herodot. vii. 176; viii. 27-28.

[464] Рассказ о вторжении фессалийцев в Кересс, близ Лейктры в Беотии, (Pausan. ix. 13, 1,) совсем не вероятен.

[465] По одной из версий, эти ахейцы из Фтии пришли в Пелопоннес вместе с Пелопсом и поселились в Лаконии (Strabo, viii. p. 365).

[466] Aristoteles ap. Athenæ iv. p. 173 Conon, Narrat. 29; Strabo. xiv. p. 647.

Хок (Kreta, b. iii. vol. ii. p. 409) пытается (безуспешно, на мой взгляд) свести эти рассказы к форме содержательной истории.

[467] Thucyd. iii. 92. Различие, проведенное Скилаксом (с. 61) и Диодором (xviii. 11) между Μηλιεῖς и Μαλιεῖς - последний примыкает к первому на севере - кажется неприемлемым, хотя Летронн все еще защищает его (Périple de Marcien d'Héraclée, etc., Paris, 1839, p. 212).

Вместо Μαλιεῖς следует читать Λαμιεῖς, как замечает О. Мюллер (Dorians, i. 6, p. 48).

Примечательно, что важный город Ламия (современный Зейтун) не упоминается ни Геродотом, ни Фукидидом, ни Ксенофонтom; первым о нем упоминает Скилакс. Маршрут Ксеркса к Фермопилам пролегал вдоль побережья от Алоса.

Ламийцы (если предположить, что это правильное чтение) занимали северное побережье Малиакского залива, от северного берега Сперхей до города Эхинус: в этом месте д-р Крамер помещает Μηλιεῖς Παράλιοι - ошибка, как мне кажется (Geography of Greece, vol. i. p. 436).

Не исключено, что Ламия впервые приобрела значение в ходе тех событий к концу Пелопоннесской войны, когда лакедемоняне, защищая Гераклею, напали на ахейцев из Фтиотиса и даже изгнали на некоторое время Ἰετᾶνες с их мест (см. Thucyd. viii. 3; Diodor. xiv. 38).

[468] Aristot. Polit. iv. 10, 10.

[469] Plutarch, Quæstion. Græc. p. 294.

[470] Thucyd. iii. 92-97; viii. 3. Ксеноф. Hellen. i. 2, 18; в другом месте Ксенофонт четко различает Ἰετᾶναι и Ἰετᾶναι (Hellen. iii. 5. 6). Diodor. xiv. 38. Æschines, De Fals. Leg. c. 44, p. 290.

[471] О плодородии и красоте этой долины см. в "Путешествиях доктора Холланда", гл. xvii. т. ii. с. 108, и у Форххаммера ("Hellenika, Griechenland, im Neuen das Alte", Берлин, 1837). Я не согласен с последним в его попытках разложить мифы о Геракле, Ахиллесе и других на физические явления: но его описания местных пейзажей и атрибутов наиболее яркие и мастерские.

[472] Strabo, ix. p. 425; Forchhammer, Hellenika, pp. 11-12. О Кинусе иногда говорят как о гавани Опуса, но сам по себе он был городом еще в гомеровском каталоге и имел значение в поздних войнах Греции, когда военное положение стало цениться больше, чем легендарная известность (Livy, xxviii. 6; Pausan. x. 1, 1; Skylax. c. 61-62); последний считает Трония и Кнемиса или Кнемида фокейцами, а не локрийцами, каковыми они были в течение короткого времени, во время процветания фокейцев, в начале Священной войны, хотя и не постоянно (Æschin. Fals. Legat. c. 42, p. 46). Это служит одним из предположений о возрасте Перипла Скилакса (см. примечания Клаузена к Skyl. p. 269). Эти локрийские города лежали вдоль важной дороги из Фермопилеи в Элатею и Беотию (Pausan. vii. 15, 2; Livy, xxxiii. 3).

[473] Pausan. x. 33, 4.

[474] Pausan. x. 5, 1; Demosth. Fals. Leg. c. 22-28; Diodor. xvi. 60, с примечанием Весселинга.

Десятая книга Павсания, хотя большая ее половина посвящена Дельфам, рассказывает нам все, что мы знаем о менее важных городах Фокиса. Сравните также "Географию Греции" д-ра Крамера, т. ii. разд. 10; и Leake's Travels in Northern Greece, vol. ii. ch. 13.

Два погребальных памятника фокейскому герою Схедию (который командовал фокейскими войсками перед Троей и был убит в Илиаде) отмечают две оконечности Фокиса - один в Дафнусе на Эвбейском море, другой в Антикире на Коринфском заливе (Strabo, ix. p. 425; Pausan. x. 36, 4).

[475] Herodot. viii. 31, 43, 46; Diodor. iv. 57; Aristot. ap. Strabo, viii. p. 373.

О. Мюллер ("История дорийцев", кн. I, гл. II) привел все, что можно знать о Дорисе и Дриописе, а также некоторые сведения, которые кажутся мне недостаточно достоверными.

[476] Πόλις μικραὶ καὶ λυτρώωροι, Strabo, ix. p. 427.

[477] Herod. vii. 126; Thucyd. ii. 102.

[478] См. трудное путешествие Фидлера из Врахори на север через Карпениц, а затем через северо-западную часть гор древнего Эвритана (южное продолжение горы Тимфрест и Ἰετα), в верхнюю долину Сперхея (Fiedler's Reise in Griechenland, vol. i. pp. 177-191), часть более длинного пути из Миссолонги в Зейтун.

Скилакс (с. 35) считает, что Этолия простиралась вглубь страны до границ Энианов на Сперхее, что вполне правильно - Этолия Эпиктет -μέχρι τῆς Οἰταίας, Strabo, х. р. 450.

[479] Strabo, х. pp. 459-460. Однако существует большая неопределенность в отношении положения этих древних городов: сравните Kruse, Hellas, vol. iii. ch. xi. pp. 233-255, и Brandstätter, Geschichte des Ætolischen Landes, pp. 121-134.

[480] Ephorus, Fragm. 29, Marx. ap. Strabo, р. 463. Положение Терм, "акрополя всей Этолии" и расположенных на почти неприступном для армии месте, в определенной степени, хотя и не полностью, можно определить по описанию, которое дает Полибий о быстром марше Филиппа и македонской армии, чтобы застать его врасплох. Карты Крузе и Киперта помещают его слишком далеко к северу от озера Трихонис: карта Фидлера отмечает его, более правильно, к востоку от этого озера (Polyb. v. 7-8; ср. Brandstätter, Geschichte des Ætol. Landes, р. 133).

[481] Thucyd. iii. 102.-ἀγνωστότατοι δὲ γλῶσσάν εἰσι, καὶ ὠμόφαγοι ὥς λέγονται. Похоже, что Фукидид сам не видел их и не общался с ними, но он не называет их βάρβαροι.

[482] Ephorus, Fragment. 29, ed. Marx.; Skymn. Chius, v. 471; Strabo, х. р. 450.

[483] Thucyd. i. 6; iii. 94. Аристотель, однако, включил в свое большое собрание Πολιτεῖαι, Ἀκαρνάνων Πολιτεία, а также Αἰτωλῶν Πολιτεία (Aristotelis Rerum Publicarum Reliquiæ, ed. Neumann, р. 102; Strabo, vii. р. 321).

[484] Timæus, Fragm. xvii. ed. Göller; Polyb. xii. 6-7; Athenæus, vi. р. 264.

[485] Этот краткий фрагмент Παρθενεῖα Алкмана сохранился у Stephan. Byz. (Ερυσίχη), и на него ссылается Страбон, х. р. 460: см. Welcker Alkm. Fragm. xi. и Bergk, Alk. Fr. xii.

[486] Herodot. vi. 127.

[487] См. замечательное топографическое описание северной части Беотии - озера Копайс и его окрестностей - в "Hellenika" Форххаммера, pp. 159-186, с пояснительной картой. Два длинных и трудоемких туннеля, построенных старыми орхоменцами для осушения озера, в качестве помощи при недостаточности естественной Катаботры, очень ясно показаны: один идет к морю, другой - в соседнее озеро Хилика, которое окружено высокими скалистыми берегами и может принять больше воды, не переполняясь. Озеро Копайс представляет собой замкнутую котловину, принимающую всю воду из Дориса и Фокиса через Кефис. Копию карты Форххаммера можно найти в конце настоящего тома.

Форххаммер считает, что не что иное, как сходство названия Itônea (производное от ἰτέα, *ивовое дерево*), дало повод для рассказа об эмиграции людей из фессалийского в беотийский Itônê (р. 148).

В гомеровском каталоге Котæ, расположенный к северу от озера, представлен как бёотский, но не Орхомен и не Асплекдон (Илиада, ii. 502).

[488] См. O. Müller, Orchomenos, cap. xx. р. 418, seq.

[489] См. Demosthen. De Fals. Legat. с. 43-45. Другая часть этой узкой дороги, вероятно, подразумевается под перевалом Коронейя-τὰ περὶ Κορώνειαν στενὰ (Diodor. xv. 52; Xenoph. Hellen. iv. 3, 15), который Эпаминондас занял, чтобы предотвратить вторжение Клеомброта из Фокиса.

[490] Thucyd. ii. 2-κατὰ τὰ πατρία τῶν πάντων Βοιωτῶν: сравните речь фиванцев к лакедемонянам после взятия Платеи, iii. 61, 65, 66.

[491] Thucyd. iv. 91; C. F. Hermann, Griechische Staats Alterthümer, sect. 179; Herodot. v. 79; Boeckh, Commentat. ad. Inscript. Boeotic. ap. Corp. Ins. Gr. part v. p. 726.

[492] Herodot. viii. 135; ix. 15-43. Pausan ix. 13, 1; ix. 23, 3; ix. 24, 3; ix. 32, 1-4. Ксенофонт, Hellen. vi. 4, 3-4: ср. O. Müller, Orchomenos, cap. xx. p. 403.

[493] Aristot. Polit. ii. 9, 6-7. Νομοθέτης δ' αὐτοῖς (к фиванцам) ἐγένετο Φιλόλαος περί τ' ἄλλων τινῶν καὶ περὶ τῆς παιδοποιΐας, οὓς καλοῦσιν ἐκεῖνοι νόμους θετικούς- καὶ τοῦτ' ἐστὶν ἰδίως ὑπ' ἐκείνου νενομοθετημένον, ὅπως ὁ ἀριθμὸς σῶζεται τῶν κλήρων. Через три строки после этого следует недоуменный отрывок, -Φιλόλαου δὲ ἴδιον ἐστὶν ἡ τῶν οὐσιῶν ἀνομάλωσις, - который поднимает два вопроса: Во-первых, действительно ли Филолай может подразумеваться во втором отрывке, где говорится о том, что является ἴδιον для Филолая, в то время как в первом отрывке уже говорилось о чем-то ἰδίως νενομοθετημένον того же лица. Соответственно, Гетлинг и месье Бартеlemi Сент-Илер следуют одному из МСС, написав Φαλέου вместо Φιλόλαου. Далее, каково значение ἀνομάλωσις? О. Мюллер (Dorians, ch. x. 5, p. 209) считает, что оно означает "новое уравнивание, так же как ἀναδασμὸς означает новое разделение", принимая перевод Викториуса и Шлёссера.

Этот вопрос вряд ли может быть решен окончательно; но если этот перевод ἀνομάλωσις верен, есть все основания предпочесть слово Φαλέου слову Φιλόλαου, поскольку описанное действие лучше согласуется с идеями Фалея (Aristot. Pol. ii. 4, 3).

[494] Ælian, V. H. ii. 7.

[495] Aristot. Polit. ii. 3, 7. Этот Фидон, по-видимому, отличается от Фидона из Аргоса, насколько мы можем судить.

[496] Herodot. vi. 74; Pausan. viii. 18, 2. См. описание и изображение реки Стикс и соседних скал в книге Фидлера "Путешествие по Грихенланду", т. i. с. 400.

Он описывает сцену среди этих скал в 1826 году, когда войска Ибрагима-паши находились в Морее, которая воплощает в себе страшные картины войны на манер древних галлов или фракийцев. Толпа из пяти тысяч греков, всех возрастов и полов, нашла убежище в травянистом и кустарниковом месте среди этих скал, и лишь немногие из них были вооружены. Их преследовали пять тысяч египтян и аравийцев: небольшое сопротивление на такой местности могло бы сдержать войска, но бедняги либо не могли, либо не хотели его оказывать. Они были вынуждены сдаться: самые молодые и энергичные бросились вниз головой со скал и погибли: три тысячи пленников были уведены в плен и проданы в рабство в Коринфе, Патрах и Модоне: все, кто не годился для продажи, были истреблены на месте египетскими войсками.

[497] Это единственный способ примирить Геродота (viii. 73) с Фукидидом (iv. 56 и v. 41). Первоначальная протяженность кинурийской территории - это вопрос, по которому ни один из них не имел возможности получить очень точные сведения, но нет никаких оснований отвергать одно из них в пользу другого.

[498] Herod. viii. 73. Οἱ δὲ Κυνοῦριοι, αὐτόχθονες ἔόντες, δοκέουσι μοῦνοι εἶναι Ἴωνες- ἐκδεδωρίευνται δὲ, ὑπὸ τε Ἀργείων ἀρχόμενοι καὶ τοῦ χρόνου, ἔόντες Ὀρνεῖται καὶ περίοικοι.

[499] Herodot. iv. 145-146.



[500] Геродот опускает Соуса между Проклесом и Эврипоном, и вставляет Полидекта между Пританисом и Евномом: кроме того, рассказы лакедемонян, как он их излагает, представляют Ликурга, законодателя, как дядю и опекуна Лабета, из *дома Эврисфенидов*, - в то время как Симонидес делает его сыном Пританиса, а другие - сыном Евнома, из *рода Проклидов*: сравните Herod. i. 65; viii. 131. Плутарх, Ликург. с. 2.

Некоторые прекрасные замечания об этой ранней серии спартанских царей можно найти в статье г-на Г. К. Льюиса в "Филологическом музее", т. ii. стр. 42-48, в рецензии на статью д-ра Арнольда о спартанской конституции.

Сравните также Larcher, Chronologie d'Hérodote, ch. 13, pp. 484-514. Он значительно удлиняет многие царствования, чтобы соответствовать более ранней эпохе, которую он приписывает взятию Трои и возвращению Гераклидов.

[501] History of the Dorians, vol. ii. Append. p. 442.

[502] Эта история о том, что героический предок великих коринфских вакхиадов убил святого человека Карнуса и был наказан за это долгим изгнанием и лишениями, заставляет предположить, что коринфяне не праздновали праздник Карнея, общий для дорийцев в целом.

Геродот говорит нам об ионических городах, что все они праздновали праздник Апатурии, кроме Эфеса и Колофона; и что эти два города не праздновали его "по определенной причине совершенного убийства" - οὔτοι γὰρ μοῦνοι Ἰώνων οὐκ ἄγουσιν Ἀπατούρια· καὶ οὔτοι κατὰ φόνου τινὰ σκῆψιν (Herod. i. 147).

Убийство Карна Гиппотесом, вероятно, было тем φόνου σκῆψις, который запретил коринфянам праздновать Карнею; по крайней мере, это предположение придает легенде особую уместность, которой в других случаях ей не хватает. Относительно Карнея и Гиацинта см. Schoell De Origine Græci Dramatis, pp. 70-78. Тюбинген, 1828.

С греческими праздниками были связаны различные необычные обычаи, которые было принято объяснять какой-нибудь легендарной историей. Так, на Истмийских играх ни один уроженец Элиды никогда не участвовал в состязаниях и не боролся за приз. Легендарная причина этого заключалась в том, что Хераклес выследил и убил (в Клеоне) двух братьев Молионидов, когда они направлялись на Истмийские игры в качестве теоров или священных посланников от элейского царя Аугея. Тщетно требовали возмещения ущерба, и Молионка, мать убитых посланников, наложила проклятие на элейцев, если они когда-либо посетят истмийский праздник. Эта легенда - φόνου σκῆψις, объясняющая, почему ни один элейский бегун или борец не был известен как участник состязаний (Pausan. ii. 15, 1; v. 2, 1-4. Ister, Fragment. 46, ed. Didot).

[503] Diodor. Fragm. lib. vii. p. 14, с примечанием Весселинга. Страбон (viii. p. 378) утверждает, что олигархия Вакхидов просуществовала почти двести лет.

[504] Herodot. i. 82. Историк добавляет, кроме Киферы, καὶ αἱ λοιπαὶ τῶν νήσων. Какие еще острова имеются в виду, я отчетливо не понимаю".

[505] Так и Платон (Legg. iii. p. 692), ум которого полон старого мифа и тройственного распределения Пелопоннеса между Гераклидами, - ἡ δ' αὖ, πρῶτεύουσα ἐν τοῖς τότε χρόνοις τοῖς περὶ τὴν διανομήν, ἡ περὶ τὸ Ἄργος, etc.

[506] Pausan. ii. 38, 1; Strabo, viii. p. 368. Профессор Росс замечает по поводу береговой линии около Аргоса: "Морской берег совершенно плоский и большей частью болотистый; только в одном месте, где Аргос подходит ближе всего к побережью, - между устьем, теперь занесенным песком, соединенных Инаха и Харадра, и стоком Эрасина, заросшим сорняками и камышом, - возвышается возвышенность, сложенная из более твердой земли, на которой находился древний Теменион". (Reisen im Peloponnes, vol. i. sect. 5, p. 149, Berlin, 1841.)

[507] Thucyd. iv. 42.

[508] Thucyd. i. 122; iii. 85, vii. 18-27; viii. 38-40.

[509] Thucyd. iv. 42.

[510] Aristot. ap. Prov. Vatican, iv. 4, Μηλιακὸν πλοῖον, - а также Prov. Suidas, x. 2.

[511] Hist. of Dorians, ch. i. 9. Андрон положительно утверждает, что дорийцы пришли из Гистиеотиса в Крэт; но его утверждение не кажется мне дополнительным доказательством факта: это догадка, приспособленная к отрывку из Одиссеи (xix. 174), как явно показывает упоминание ахейцев и пеласгов.

Аристотель (ap. Strab. viii. p. 374), похоже, считал, что Гераклиды вернулись в Аргос из аттического Тетраполиса (где, согласно афинской легенде, они нашли убежище, преследуемые Эврисфеем), сопровождая ионийцев, которые тогда обосновались в Эпидавре. Поэтому он не может связывать захват Аргоса дорийцами с экспедицией из Наупакта.

[512] Herod. viii. 43-46; Diodor. iv. 37; Pausan. iv. 34, 6.

[513] Strabo, viii. p. 373; ix. p. 434. Herodot. viii. 43. Pherekydês, Fr. 23 и 38, ed. Didot. Steph. Byz. v. Δρυόπη. Аполлодор. ii. 7, 7. Schol. Apollon. Rhod. i. 1213.

[514] Herodot. i. 56. -ἐνθεῦτεν δὲ αὖτις ἐς τὴν Δρυοπίδα μετέβη, καὶ ἐκ τῆς Δρυοπίδος οὕτω ἐς Πελοπόννησον ἔλθον, Δωρικὸν ἐκλήθη,- с той же целью, viii. 31-43.

[515] См. Herodot. vii. 148. Аргеи говорят лакедемонянам, ссылаясь на главное повеление греков -καίτοι κατὰ γὰρ τὸ δίκαιον γίνεσθαι τὴν ἡγεμονίην ἐνούτων, и т. д. Швейгхойзер и другие объясняют это ссылкой на повеление Агамемнона; но это в лучшем случае лишь часть основания для их утверждения: они должны были также сослаться на более позднюю историческую реальность: сравните Strabo, viii. p. 376.

[516] Ἡμῶν κτισάντων (так звучит обвинение фиванских ораторов против пленных платейцев перед их лакедемонскими судьями, Thucyd. iii. 61.) Πλάταιαν ὕστερον τῆς ἄλλης Βοιωτίας-οὐκ ἠξίου αὐτοῖ, ὥσπερ ἐτάχθη τὸ πρῶτον, ἡγεμονεύεσθαι ὑφ' ἡμῶν, ἔξω δὲ τῶν ἄλλων Βοιωτῶν παραβαίνοντες τὰ πάτρια, ἐπειδὴ προσηναγκάζοντο, προσεχώρησαν πρὸς Ἀθηναίους καὶ μετ' αὐτῶν πολλὰ ἡμᾶς ἔβλαπτον.

[517] О Фидоне, царе Аргоса, Эфор говорит: -τὴν λῆξιν ὅλην ἀνέλαβε τὴν Τημένου διεσπασμένην εἰς πλείω μέρη (ap. Strabo. viii. p. 358).

[518] Поклонение Аполлону Пифею, принятое из Аргоса как в Гермione, так и в Асине, показывает связь между ними и Аргосом (Pausan. ii. 35, 2; ii. 36, 5): но Павсаний вряд ли может быть оправдан, говоря, что аргейцы действительно *доризовали* Гермionу: она была Дриопией во времена Геродота и, по-видимому, в течение долгого времени после этого (Herodot. viii. 43). Гермionская надпись № 1193 в коллекции Бозека указывает на их старую

дриопскую связь с Асином в Лаконии: этот город когда-то был соседом Гермионки, но был разрушен аргивянами, а его жители получили новый дом от спартанцев. Диалект гермионцев (вероятно, и дриопийцев в целом) был дорийским. См. Ahrens, *De Dialecto Doricâ*, pp. 2-12.

[519] Thucyd. v. 53. *Κυριώτατοι τοῦ ἱεροῦ ἦσαν οἱ Ἀργεῖοι*. Слово εἰσπραξις, которое историк использует в отношении притязаний Аргоса на Эпидавр, по-видимому, подразумевает удержание денег: сравните подношения, которые Афины требовали от Эпидавра (Herod. v. 82).

Об особой и тесной связи между аргейцами и Аполлоном с его фамилией Пифей говорит аргейская поэтесса Телесилла (Pausan. ii. 36, 2).

[520] Herodot. vi. 92. См. O. Müller, *History of the Dorians*, ch. 7, 13.

[521] Ephor. Fragm. 15, ed. Marx; ap. Strabo, viii. p. 358; Theopompus, Fragm. 30, ed. Didot; ap. Diodor. Fragm. lib. iv.

Парийский мрамор делает Фидона одиннадцатым от Геракла и помещает его в 895 г. до н. э.; Геродот, напротив (в отрывке, который дает значительные основания для дискуссии), помещает его в период, который не может быть намного выше 600 г. до н. э. (vi. 127.) Некоторые авторы подозревают, что текст Геродота неверен: во всяком случае, реальная эпоха Фидона определяется 8-й Олимпиадой. Некоторые критики предполагают *двух* Фидонов, каждый из которых был царем Аргоса, - в частности, О. Мюллер (*Dorians*, iii. 6, 10); но ничто не подтверждает этого, кроме невозможности согласовать Геродота с другими авторитетами. А Вейсенборн в своей пространной диссертации оправдывает предложенную некоторыми прежними критиками правку Павсания - изменение 8-й Олимпиады, которая сейчас стоит в тексте Павсания, на *двадцать восьмую*, как дату узурпации Фидона на Олимпийских играх. Вайсенборн пытается показать, что Фидон не мог процветать ранее 660 года до н. э.; но его аргументы не кажутся мне очень убедительными и уж точно недостаточными для оправдания столь серьезного изменения числа Павсания (*Beiträge zur Griechischen Alterthumskunde*, p. 18, Jena, 1844). Г-н Клинтон (*Fasti Hellenici*, vol. i. App. 1, p. 249) помещает Фейдона между 783 и 744 гг. до н. э.; также Boeckh. *ad Corp. Inscript.* No. 2374, p. 335, и Müller, *Æginetica*, p. 63.

[522] Pausan. ii. 36, 5; iv. 35, 2.

[523] Pausan. ii. 19, 1. Ἀργεῖοι δὲ, ἅτε ἰσχυροῖαν καὶ τὸ αὐτόνομον ἀγαπῶντες ἐκ παλαιότητος, τὰ τῆς ἐξουσίας τῶν βασιλέων ἐς ἐλάχιστον προήγαγον, ὡς Μήδωνι τῷ Κείσου καὶ τοῖς ἀπογόνοις τὸ ὄνομα λειφθῆναι τοῦ βασιλέως μόνον. Этот отрывок имеет все шансы перенестись к раннему правительству Аргоса, чувства, которые были присущи только *позднему*. Любопытно, что в этой главе, посвященной аргейской царской линии и правительству, Павсаний не упоминает Фидона: он упоминает его только в связи со спорной олимпийской церемонией.

[524] Ephorus, *ut supra*. Φεῖδωνα τὸν Ἀργεῖον, δέκατον ὄντα ἀπὸ Τημένου, δυνάμει δὲ ὑπερβεβλημένον τοὺς κατ' αὐτὸν, ἀφ' ἧς τὴν τε λῆξιν ὅλην ἀνέλαβε τὴν Τημένου διεσπασμένην εἰς πλείω μέρη, etc. Что подразумевается *под жребием Тесмена*, уже было объяснено.

[525] Plutarch, *Narrat. Amator.* p. 772; Schol. Apollon. Rhod. iv. 1212; cp. Didymus, ap. Schol. Pindar. Olymp. xiii. 27.

Я, однако, не могу поверить, что Фидон, древний коринфский законоучитель, о котором упоминает Аристотель, - это тот же человек, что и Фидон, царь Аргоса (Polit. ii. 6, 4).

[526] Ephor. *ut suprà*. Πρὸς τούτοις, ἐπιθέσθαι καὶ ταῖς ὑφ' Ἡρακλέους αἰρεθείσαις πόλεσι, καὶ τοὺς ἀγῶνας ἀξιοῦν τιθέναι αὐτὸν, οὐκ ἐκεῖνος ἔθηκε- τούτων δὲ εἶναι καὶ τὸν Ὀλυμπιακὸν, etc.

[527] Herodot. v. 43.

[528] Xenoph. Hellen. vii. 4, 28; Diodor. xv. 78.

[529] Strabo, viii. p. 354.

[530] Thucyd. iv. 98.

[531] Pausan. v. 22, 2; Strabo, viii. pp. 354-358; Herodot. vi. 127. Имя победителя (Антиклес Мессенский), однако, относящееся к 8-й Олимпиаде, должным образом фигурирует в списках; должно быть, оно было добавлено позже.

[532] Herodot. vi. 127; Ephor. ap. Strab. viii. pp. 358-376.

[533] Metrologische Untersuchungen über Gewichte, Münzfusse, und Masse des Alterthums in ihrem Zusammenhange dargestellt, von Aug. Boeckh; Berlin, 1838.

См. гл. 7, 1-3. Но я не могу согласиться с М. Бёкхом в том, что Фейдон, празднуя Олимпийские игры, вывел из Олимпийского стадиона и официально принял меру *стопы*, или что он вообще установил меры *длины*. В целом, я не думаю, что выводы М. Бёзка в отношении греческих мер *длины* и *вместимости* хорошо обоснованы. В своем обзоре этого высокоученого трактата (опубликованном в "Классическом музее", 1844, т. I) я попытался изложить как новые и интересные моменты, установленные автором, так и различные другие, в которых он, как мне кажется, потерпел неудачу.

[534] Я изменил это предложение в том виде, в каком оно было в моем первом издании. Говорить о египетской *денежной* чешуе некорректно: у египтян не было *чеканных денег*. См. ценную статью в рецензии на мою "Историю" в "Христианском реформаторе", написанную г-ном Кенриком, который указал на эту неточность.

[535] Thucyd. v. 31.

[536] Plutarch, Apophthegm. Laconic. p. 226; Dikæarchus ap. Athenæ. iv. p. 141.

Эгинейская мина, драхма и обол - номиналы, использовавшиеся при заключении договоров между пелопоннесскими государствами (Thucyd. v. 47).

[537] Herodot. vi. 127. Φείδωνος τοῦ Ἀργείων τυράννου-τοῦ ὑβρίσαντος μέγιστα δὴ Ἑλλήνων ἀπάντων. Павсаний (vi. 22, 2) копирует это выражение.

Аристотель цитирует Фидона как человека, который, будучи βασιλεὺς, сделал себя τύραννος (Politic. viii. 8, 5).

[538] Herodot. vii. 149.

[539] Pausan. iii. 22, 9; iii. 23, 4.

[540] Herodot. v. 83; Strabo, viii. p. 375.

[541] Родос, Кос, Книд и Галикарнас рассматриваются Страбоном (xiv. p. 653) как колонии Аргоса: Родос так описывает Фукидид (vii. 57), а Кос - Тацит (xii. 61). Кос, Калидна и Нисир описаны Геродотом как колонии Эпидавра (vii. 99): Галикарнас иногда выдается за колонию Трезена, иногда за Трезен и Аргос вместе взятые: "Cum Melas et Areuanius ab Argis et Trœzene

coloniam communem eo loco induxerunt, barbaros Caras et Leleges ejecerunt (Vitruv. ii. 8, 12: Steph. Byz. v. Ἀλικάρνασσος)." Сравните Страбон, х. р. 479; Конон, Narr. 47; Diodor. v. 80.

Рауль Рошетт (Histoire des Colonies Grecques, t. iii. ch. 9) и О. Мюллер (History of the Dorians, ch. 6) собрали факты об этих азиатских дорийцах.

Маленький городок Бёэ имел свой аналог того же названия в Крте (Steph. Byz. v. Βοῖον).

[542] Strabo, p. 374.

[543] Ephorus ap. Strabo, viii. p. 376; Boeckh, Metrologie, Abschn. 7, 1: см. также Marmor Parium, Epoch 30.

[544] Etymologicon Magn. Εὐβοϊκὸν νόμισμα.

[545] Pollux, Onomastic. x. 179. Εἴη δ' ἂν καὶ Φείδων τι ἀγγεῖον ἐλαιηρὸν, ἀπὸ τῶν Φειδωνίων μέτρων ὠνομασμένον, ὑπὲρ ὧν ἐν Ἀργείων πολιτεία Ἀριστοτέλης λέγει.

Также Ephorus ap. Strab. viii. p. 358. καὶ μέτρα ἐξεῦρε τὰ Φειδώνεια καλούμενα καὶ σταθμούς, καὶ νόμισμα κεχαράγμενον, etc.

[546] Это отличается от мнения Боэция: см. [примечание](#) на стр. 315.

[547] Theophrast. Character. c. 13; Pollux, x. 179.

[548] Odyss. xv. 297.

[549] Strabo, х. р. 479.

[550] Leake, Travels in Morea, vol. iii. ch. 23, p. 29; сравните Diodor. xv. 66.

Расстояние от Олимпии до Спарты, отмеченное на столбе, который Павсаний видел в Олимпии, составляло 660 стадий - около 77 английских миль (Pausan. vi. 16, 6).

[551] Strabo, viii. pp. 364, 365; Pausan. iii. 2, 5: сравните рассказ о Криусе, Pausan. iii. 13, 3.

[552] Pausan. iv. 3, 3; viii. 29, 4.

[553] Страбон (viii. p. 366) порицает Еврипида за то, что он назвал Мессену внутренней страной; но поэт, похоже, был совершенно прав.

[554] Pausan. iv. 2, 2. μετεῖχον δὲ αὐτοῦ μόνοι Δωρίων οἳ τε Μεσσήνιοι καὶ Λακεδαιμόνιοι.

[555] Pausan. iv. 3, 5-6.

[556] Гомер, Илиада, ii. 604.

Οἳ δ' ἔχον Ἀρκαδίην, ὑπὸ Κυλλήνης ὄρος αἰπὺ,

Αἰπύτιον παρὰ τύμβον.

Schol. *ad loc.* ὁ δ' Αἰπυτος ἀρχαιότατος ἥρως, Ἀρκὰς τὸ γένος.

[557] Сравните две цитаты из Эфора, Страбон, viii. стр. 361-365. К сожалению, часть последней цитаты неизлечимо искажена в тексте: О. Мюллер (История дорийцев, кн. I. гл. v. 13) предложил



гениальную догадку, которая, однако, не может считаться достоверной. Немецкий переводчик Гроскурд, обычно искусный в подобных реставрациях, оставил этот отрывок нетронутым.

Новую окраску смерти Кресфонтеза, подправленную Исократесом так, чтобы соответствовать цели обращения, которое он вкладывает в уста Архидама, царя Спарты, см. в его сочинениях, которые проходят под этим названием (Or. iv. pp. 120-122). Исократес рассказывает, что мессенские дорийцы убили Кресфонтеза, дети которого бежали в качестве сторонников в Спарту, умоляя отомстить за смерть отца и отдать территорию спартанцам. Дельфийский бог посоветовал им принять предложение, и они напали на мессенцев, отомстили за Кресфонтеза и присвоили территорию.

Исократес всегда начинает с основы старой легенды - тройного дорийского завоевания, совершенного сразу: сравните Panathenaic. Or. xii. pp. 270-287.

[558] Ephorus ap. Strabo, viii. p. 361. Д-р Тирлуолл замечает (History of Greece, ch. vii. p. 300, 2d edit.): "Мессенский Пилус, похоже, долго сохранял свою независимость и был занят в течение нескольких веков одной ветвью рода Нелея; потомки Нестора упоминаются как союзники мессенцев в их борьбе со Спартой во второй половине седьмого века до нашей эры".

В подтверждение этого утверждения доктор Тирлуолл ссылается на Страбона (viii. p. 355). Я согласен с ним в том, что касается фактов: я не вижу доказательств того, что дорийцы из Стениклера когда-либо правили тем, что называется Мессенским Пилусом; ведь, конечно, если они не правили им до второй Мессенской войны, то они вообще никогда его не приобретали. Но если обратиться к отрывку из Страбона, то окажется, что он ничего не доказывает; ведь Страбон говорит не о Мессенском, а о *Трифиллийском* Пилусе: он старается показать, что Нестор не имел никакого отношения к *Мессенскому Пилусу*, - Νέστορος ἀπόγονοι означает жителей Трифилии, близ Лепреума: ср. с. 350.

[559] Strabo, viii. p. 360. О положении Корон в Мессенском заливе см. Павсаний, iv. 34, 2; Страбон, viii. p. 361; и наблюдения полковника Лика, Путешествия в Морею, гл. x. т. i. стр. 439-448. Он помещает его рядом с современным Петалоди, по-видимому, на веских основаниях.

[560] См. Хронологические таблицы г-на Клинтона для 732 г. до н. э.; О. Мюллер (в Хронологической таблице, приложенной к его Истории дорийцев) называет этого победителя *Окситемисом из Короней*, в Беотии. Но это неприемлемо по двум причинам: 1. Появление беотийского участника на Олимпийских играх в те ранние времена. Первые одиннадцать победителей (я опускаю Окситемиса, поскольку он является предметом спора) - все из западного и южного Пелопоннеса; затем следуют победители из Коринфа, Мегары и Эпидавра; затем из Афин; в 41-й Олимпиаде есть один из Фив. Отсюда я делаю вывод, что известность и частота Олимпийских игр росли лишь постепенно и не вышли за пределы Пелопоннеса в VIII веке до н. э. 2. Имя Κορονᾶeus, Κορωνᾶϊος, является правильным и формальным титулом для гражданина Коронэ, а не для гражданина Коронэи: последний называет себя Κορωνεὺς. Этническое имя Κορωνεὺς, как принадлежащее Короней в Беотии, не вызывает сомнений благодаря нескольким надписям в коллекции Бёкха; особенно № 1583, в которой гражданин этого города провозглашается победителем на празднике Харитесия в Орхомене: сравните № 1587-1593, в которых встречается то же самое этническое имя. Беотийские надписи свидетельствуют о преобладании того же этимологического закона в образовании этнических названий для городов вблизи Коронэи: так, *Херанея* - Χαῖρωνεὺς; *Лебадея* - Λεβαθεὺς; *Элатея* - Ἐλατεὺς, или Ἐλατειεὺς.

Надписи дают совершенно решающее доказательство того, под каким этническим титулом гражданин Короней в Беотии должен был быть введен и провозглашен на Олимпийских играх; лучше, чем свидетельства Геродота и Фукидида, которые оба называют их Κορωνᾶϊοι (Herodot. v.

79; Thucyd. iv. 93): Полибий соглашается с надписью и говорит о Κορωνεῖς, Λεβαδεῖς, Χαίρωνεῖς (xxvii. 1). Сам О. Мюллер признает, в другом месте (Orchomenos, p. 480), что правильное этническое имя - Κορωνεύς. Чтение Страбона (ix. p. 411) не заслуживает доверия: см. Grosskurd, *ad loc.*; ср. Steph. Byz. Κορώνεια и Κορώνη.

Что касается образования этнических названий, то, как правило, город, оканчивающийся на η или αι, перед которым стоит согласный, имел этнический дериват на αιος; например, Σκίωνη, Τρωώνη, Κύμη, Θῆβαι, Ἀθῆναι; в то время как имена, оканчивающиеся на εια, имели свой этникон в ευς, как Ἀλεξάνδρεια, Ἀμάσεια, Σελεύκεια, Λυσιμάχεια (недавние города, основанные преемниками Александра, являются, возможно, лучшим доказательством аналогий в языке), Μελάμπεια, Μελίτεια, в дополнение к вышеупомянутым беотийским названиям городов. Однако в отдельных случаях наблюдаются большие погрешности, а количество городов, называемых одним и тем же именем, вызывает стремление варьировать этникон для каждого из них: см. Stephan. Byz. v. Ἡράκλεια.

[561] Полная нагота участников соревнований в Олимпии была перенята от спартанской практики, по-видимому, в 14-ю Олимпиаду, о чем свидетельствует эпиграмма на Орсиппа Мегарянина. До этого времени участники Олимпийских игр имели διαζώματα περὶ τὰ αἰδοῖα (Thucyd. i. 6).

[562] Thucyd. iii. 112: iv. 41: ср. vii. 44, об одинаковом звучании боевого крика, или ρᾶαν, произносимого разными дорийцами.

[563] Corpus Inscript. Boeckh, Nos. 1771, 1772, 1773; Ahrens, De Dialecto Doricâ, sect. i-ii. 48.

[564] Thucyd. iv. 42: Strabo, viii. p. 333.

[565] См. ценную работу Аренса, De Dialecto Æolicâ. sect. 51. Он отмечает, говоря о лесбийском, фессалийском и беотийском диалектах: "Tres illas dialectos, quæ optimo jure Æolicæ vocari videntur quia, qui illis usi sunt, Æoles erant-comparantem mirum habere oportet, quod Asianorum Æolum et Bœotorum dialecti tantum inter se distant, quantum vix ab aliâ quâvis Græcæ linguæ dialecto." Затем он перечисляет множество пунктов различий: "Contra tot tantasque differentias pauca reperiuntur eaque fere levia, quæ utrique dialecto, neque simul Doricæ, communia sint..... Vides his comparatis tantum interesse inter utramque dialectum, ut dubitare liceat, an Æoles Bœoti non magis cum Æolibus Asianis conjuncti fuerint, quam qui hodie miro quodam casu Saxones vocantur cum antiquis Saxonibus. Nihilominus Thessalicâ dialecto in comparationem vocata, diversissima quæ videntur aliquo vinculo conjungere licet. Quamvis enim pauca de eâ comperta habeamus, hoc tamen certum est, alia Thessalis cum Lesbiis, alia cum solis Bœotis communia esse." (P. 222-223.)

[566] Об эолийском диалекте перребийцев см. Stephanus Byz. v. Γόννος, и ap. Eustath. ad Iliad, p. 335.

Аттическое суждение при сравнении этих различных разновидностей греческой речи выражено в рассказе о том, как одного человека спросили: "Кто больше варвары - беотийцы или фессалийцы? Он ответил - элейцы (Eustath. ad Iliad. p. 304).

[567] См. Heeren, Dissertatio de Fontibus Plutarchi, pp. 19-25.

[568] Herodot. i. 65. Более того, Геродот приводит это как утверждение самих лакедемонян.

[569] Плутарх, Ликург. с. 1. Согласно Дионису. Халик. (Ant. Rom. ii. 49) Ликург был дядей, а не сыном Эвнома.

Аристотель считает Ликурга опекуном Харилая (Politic. ii. 7, 1): ср. ст. 10, 3. См. O. Müller (Hist. of Dorians, i. 7, 3).

[570] Флегон также добавляет Клеостенеса Пизанского (De Olympiis ap. Meursii Opp. vii. p. 128). Оказывается, в Олимпии существовал квіт, на котором была начертана формула олимпийского перемирия, а также имена Ифита и Ликурга как его совместных авторов и провозгласителей. Аристотель считал эту надпись подлинной и принимал ее как свидетельство того факта, который она удостоверяла: О. Мюллер также склонен признать ее подлинной, то есть *современной* тем временам, к которым она относится. Я пришел к другому выводу: в том, что квоит существовал, я не сомневаюсь; но то, что надпись на нем была действительно записана в письменном виде в 880 году до н. э. или около него, противоречило бы разумным вероятностям, вытекающим из греческой палеографии. Если бы этот древний и памятный инструмент существовал в Олимпии во времена Геродота, он вряд ли смог бы приписать Ликургу ту эпоху, о которой мы читаем в его трудах.

Утверждения в "Истории дорийцев" Мюллера (i. 7, 7) о том, что Ликург, Ифит и Клеостенес "составили основной закон олимпийского перемирия", не подкреплены никакими достаточными доказательствами. В более поздние времена установившегося величия олимпийского праздника элейцы, несомненно, осуществляли власть, которую он описывает; но связывать это с каким-либо преднамеренным регулированием со стороны Ифита и Ликурга, на мой взгляд, неверно. См. упоминание о подобном перемирии, объявленном по всей Трифилии макистийцами как председателями общего праздника в храме саамского Посейдона (Strabo, viii. p. 343).

[571] Thucyd. i. 18.

[572] Г-н Клинтон относит законодательство Ликурга, "в соответствии с Фукидидом", к 817 году до н. э., а его регентство - к 852 году до н. э., примерно за тридцать пять лет до этого (Fasti Hellen. v. i. c. 7, p. 141): он также помещает Олимпиаду Ифита в 828 году до н. э. (F. H. vol. ii. p. 410; App. c. 22).

В этой главе г-н Клинтон собирает и обсуждает различные утверждения относительно даты Ликурга: сравните также Larcher ad Herodot. i. 67 и Chronologie, pp. 486-492.

Различия в этих утверждениях, в конце концов, должны быть приняты такими, какие они есть, ибо их нельзя примирить иначе, как с помощью произвольных предположений, которые только вводят нас в заблуждение, создавая видимость согласия там, где его на самом деле нет. Я согласен с г-ном Клинтоном, считая, что утверждение Фукидида здесь должно быть принято как лучший авторитет. Но я совершенно не согласен с тем, что он (совместно с Ларшером, Весселингом, сэром Джоном Маршамом и другими) использует в отношении отрывка из Геродота, где этот автор называет Ликурга опекуном и дядей Лаботаса (из рода Эврисфенеид). Мистер Клинтон говорит: "Из того, что Ликург был приписан к другому дому (Проклидов), очевидно, что *этот отрывок должен быть испорчен*" (стр. 144); и далее он исправляет текст Геродота в соответствии с предложением сэра Дж. Маршама.

Этот шаг представляется мне неприемлемым. Текст Геродота прекрасно читается, и ему не противоречит ничего, что можно найти в других местах у *самого Геродота*: более того, у нас есть положительная гарантия его точности, поскольку сам мистер Клинтон признает, что во времена Павсания он был именно таким, каким мы его читаем сейчас (Pausan. iii. 2, 3). По какому же праву мы изменяем ее? И что мы получаем от этого? Наше единственное право делать это - предположение, что среди греков пятого и последующих веков должно было существовать единообразие убеждений и средств удовлетворительного установления (в отношении фактов и лиц девятого и десятого веков до христианской эры); предположение, которое я считаю неверным. И все, что мы получаем, - это иллюзорное единодушие, созданное путем беспричинного вложения слов в уста одного из наших свидетелей.

Если мы можем доказать, что Геродот был ошибочно информирован, это будет правильно; но у нас нет оснований для изменения его показаний. Оно служит ясным доказательством того, что существовали совершенно разные истории по одному лишь вопросу, к какой из двух линий Гераклидов принадлежал спартанский законодатель, и что существовала огромная разница в отношении времени, в которое он жил.

[573] History of the Dorians, i. 7, 6.

[574] History of the Dorians, iii. 1, 8. Альф. Копштадт признает это как ошибку в работе Мюллера: см. его недавнюю ценную диссертацию "De Rerum Laconicarum Constitutionis Lycurgeæ Origine et Indole", Gryphiæ, 1849, sect. 3, p. 18.

[575] Среди многих других доказательств этого, см. Аристотель, Ethic. x. 9; Ксенофонт, Republ. Laced. 10, 8.

[576] Herodot. i. 65-66; Thucyd. i. 18.

[577] Strabo, viii. p. 363.

[578] Plutarch, Lykurg. 3, 4, 5.

[579] Поучительный обзор текста, а также смысла этой древней риторики см. в Ulrichs, Ueber die Lycurgischen Rhetren, опубликованной после первого издания этой истории. Его опровержение опрометчивых обвинений Гетлинга кажется мне полным: но его собственные предположения не все одинаково правдоподобны; я также не могу согласиться с его объяснением ἀφίστασθαι.

[580] Плутарх, Ликург. с. 5-6. Гермипп, ученый Аристотель, утверждал, что назвал имена двадцати из этих тридцати преданных партизан.

Существует, однако, и другая история, согласно которой Ликург, вернувшись из путешествия, застал Харилая правящим как деспот (Heraclid. Pontic. с. 2).

[581] Слова старого Ретра-Διὸς Ἑλλανίου καὶ Ἀθηνᾶς Ἑλλανίας ἱερὸν ἰδρυσάμενον, φυλὰς φυλάξαντα, καὶ ὥρᾱς ὥβάξαντα, τριάκοντα, γερουσίαν σὺν ἀρχαγέταις, καταστήσαντα, ὥρας ἐξ ὥρας ἀπελλάζειν μεταξὺ Βαβύκας καὶ Κνακίωνος, οὕτως εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι- δάμω δ' ἄγορὰν εἶμεν καὶ κράτος. (Плутарх, ib.)

Чтение ἄγορὰν (последнее слово, кроме трех) - это чтение издания Корея: другие предложенные чтения - κυρίαν, ἀνωγὰν, ἀγορίαν и т. д. Однако, МСС неизлечимо испорчены, и ни одна из догадок не может быть высказана с уверенностью.

Ретра содержит различные замечательные архаизмы, -ἀπελλάζειν-ἀφίστασθαι, - последнее слово в смысле постановки вопроса для решения, что соответствует функции Ἀφεστῆρ у Книда (Плутарх, Quæst. Græc. с. 4; см. Schneider, Lexicon, *ad voc.*).

О. Мюллер связывает τριάκοντα с ὥρᾱς и утверждает, что в Спарте было тридцать обз: Я скорее согласен с теми критиками, которые ставят запятую после ὥβάξαντα и относят число тридцать к сенату. Урлихс в своей "Диссертации о ликургизме" (Dissertation Ueber Die Lykurgisch. Rhetren (опубликована в Рейнском музее за 1847 г., стр. 204), вводит слово πρεσβυγενέας после τριάκοντα; это кажется справедливой догадкой, если мы посмотрим на дополнение, сделанное впоследствии Теопомпом. Утверждения Мюллера об обсах, как мне кажется, не имеют под собой никаких оснований.

Слово Rhetra означает торжественный договор, либо изначально исходящий от богов, либо впоследствии санкционированный ими, которые всегда являются участниками таких соглашений:

см. старый договор между элейцами и геренцами, -Ἀ γράτρα, между ними, - отмеченный в ценной надписи, сохранившейся до сих пор, - такой древний, по мнению Боэция, как Olymp. 40-60, (Boeckh, Corp. Inscript. No. 2, p. 26, part i.) Слова Тиртея подразумевают такой договор между договаривающимися сторонами: сначала царями, затем сенатом, наконец, народом -εὐθείαις ῥήτραῖς ἀνταπαμειβομένους, где причастие, встречающееся в последний раз, относится не к одному только народу, а ко всем трем. Ретра Ликурга исходила от дельфийского бога; но цари, сенат и народ обязались подчиняться ей, как друг другу, так и богам. Объяснения этой фразы, данные Ницшем и Шеманном (в примечании д-ра Тирлуолла, гл. viii. с. 334), кажутся мне менее удовлетворительными, чем те, что приводятся у К. Ф. Германа (Lehrbuch der Griech. Staatsalterthümer, s. 23).

Ницш (Histor. Homer. sect. xiv. pp. 50-55) недостаточно учитывает различие между значением ῥήτρα в ранние и поздние времена. Во времена Эфора Эпитадея или Агиса Третьего он прав, говоря, что ῥήτρα эквивалентно *scitum*, - но все же с идеей большей торжественности и неизменности, чем подразумевается в слове νόμος, аналогично тому, что в современных представлениях понимается под фундаментальным или органическим постановлением. Старые представления о мандате дельфийского бога и договоре между царями и гражданами, которые когда-то были связаны с этим словом, постепенно ушли из него. Таким образом, в Плутархе нет противоречия, на которое ссылается Нитцш (стр. 54).

Диссертация Копштадта (стр. 22, 30) затрагивает ту же тему. Я согласен с Копштадтом (Dissert. pp. 28-30), считая вероятным, что Плутарх скопировал слова старого ликургского конституционного Ретра из рассказа Аристотеля о спартанском полисе.

Царь Феопомп, вероятно, привез из Дельф тот важный элемент, который он прикрепил к мандату, первоначально принесенному Ликург-οἱ βασιλεῖς Θεόπομπος καὶ Πολύδωρος τάδε τῇ ῥήτρᾳ παρενέγραψαν. Авторитет оракула, а также их собственное влияние позволили бы им добиться принятия этих слов народом.

[582] Αἱ δὲ σκολιὰν ὁ δ᾿ ἄμμος ἔλοιτο, τοὺς πρεσβυγενέας καὶ ἀρχαγέτας ἀποστατήρας εἶμεν. (Плутарх, ib.)

Плутарх говорит нам, что первобытная "Ретра", предшествовавшая этому добавлению, специально предписывала собравшимся гражданам либо принять, либо отвергнуть без изменений "Ретру", предложенную царями и сенатом, и что вставка была сделана потому, что собрание не подчинилось этому предписанию и приняло собственные поправки. Именно этот последний смысл он вкладывает в слово σκολιὰν. Урлихс (Ueber Lyc. Rhetr. p. 232) и Нитцш (Hist. Homer. p. 54) следуют за ним, и последний даже истолковывает эпитет Εὐθείαις ῥήτραῖς ἀνταπαμειβομένους Тиртеуса в соответствующем смысле: он говорит: "Populus iis (rhetris) εὐθείαις, i. *nihil inflexis*, suffragari jubetur: nam lex cujus Tyrtæus admonet, ita sanxerat-si populus rogationem *inflexam* (i. e. non nisi ad suum arbitrium immutatam) accipere voluerit, senatores et auctores abolento totam."

Прежде всего, представляется крайне маловероятным, чтобы первобытная "Ретра" с ее античной простотой содержала какие-либо такие заранее продуманные особенности ограничения компетенции собрания. Это ограничение получило свое формальное начало только с всадника, приложенного царем Теопомпом, что, очевидно, свидетельствует о предыдущем споре и несговорчивом поведении собрания.

Во-вторых, объяснение, которое эти авторы дают словам σκολιὰν и εὐθείαις, не соответствует древнегреческому, как мы находим его у Гомера и Гесиода: а эти ранние аналогии являются надлежащей проверкой, поскольку мы имеем дело с очень древним документом. У Гесиода ἰθὺς



и σκολιὸς используются в значении, которое почти точно соответствует *правильному* и *неправильному* (эти слова, действительно, в своей примитивной этимологии, возможно, восходят к значению *прямого* и *кривого*). См. Гесиод. Opp. Di. 36, 192, 218, 221, 226, 230, 250, 262, 264; также Theogon. 97, и Fragm. 217, ed. Göttling; где постоянно повторяются фразы: ἰθεῖαι δίκαι, σκολιαὶ δίκαι, σκολιοὶ μῦθοι. Есть также замечательное выражение, Opp. Di. 9. ῥεῖα δέ τ' ἰθύνει σκολιόν: ср. ст. 263. ἰθύνετε μύθους: также Гомер, Илиада, xvi. 387. Οἱ βίη εἰν ἀγορῇ σκολιάς κρίνωσι θέμιστας; и xxiii. 580. ἰθεῖα; xviii. 508. ὃς μετὰ τοῖσι δίκην ἰθύντατα εἴπη и т. д.

Если мы будем судить по этим аналогиям, то увидим, что слова Тиртея εὐθείαις ῥήτραις означают "*прямые, честные, уставы или конвенции*", а не *предложения, принятые без изменений*, как полагает Ницш. Так и слова σκολιὰν ἔλοιτο означают "*принять неправильное или нечестное решение*", а не решение, отличное от того, что было им предложено.

Эти слова давали царям и сенату право отменять любое решение общественного собрания, которое они не одобряли. Он сохранил за собой лишь право отказывать в согласии с некоторыми существенными предложениями властей, сначала царей и сената, а затем эфоров. И эту ограниченную власть она, похоже, сохраняла всегда.

Копштадт хорошо объясняет выражение σκολιὰν, как антитезу эпитету Тиртея, εὐθείαις ῥήτραις (Dissertat. sect. 15, p. 124).

[583] Herod. i. 65: ср. Plutarch, Lycurg. c. 7; Aristot. Polit. v. 9, 1 (где он приводит ответ царя Феопомпа).

Аристотель говорит нам, что эфоры выбирались, но не о *том, как* они выбирались; только о том, что это было в некотором роде чрезмерно грубо, - παιδαριώδης γάρ ἐστι λῖαν (ii. 6, 16).

М. Бартеlemi Сент-Илер в своем примечании к этому отрывку из Аристотеля предполагает, что они, конечно, выбирались таким же образом, как и сенаторы; но, похоже, у Аристотеля нет достаточных оснований для этого. Также нелегко согласовать слова Аристотеля о выборах сенаторов, где он приравнивает их к αἵρεσις δυναστευτική (Polit. v. 5, 8; ii. 6, 18), с описанием, которое дает Плутарх (Lycurg. 26) об этих выборах.

[584] Копштадт согласен с этим предположением, что число членов сената, вероятно, не было императивно установлено до ликургской реформы (Dissertat. ut sup. sect. 13, p. 109).

[585] Plato, Legg. iii. p. 691; Plato Epist. viii. p. 354, B.

[586] Plato, Legg. iii. p. 691; Aristot. Polit. ii. 6, 20.

[587] Заговор Павсания после отражения Ксеркса был направлен против свободы объединенной Эллады, чтобы сделать себя сатрапом Эллады под властью персидского монарха, а не против установленного лакедемонского правительства; хотя, несомненно, одной из частей его проекта было возбуждение гелотов к восстанию, и Аристотель рассматривает его как специально стремящегося сломить власть эфоров (Polit. v. 5, 6: ср. Thucyd. i. 128-134; Herodot. v. 32).

[588] Ксенофонт, Республика. Laced, c. 14.

[589] Плутарх, Агис, c. 12. Τοῦτο γάρ τὸ ἀρχεῖον (эфоры) ἰσχύειν ἐκ διαφορᾶς τῶν βασιλέων и др.

[590] Plutarch, Kleomenês, c. 10. σημεῖον δὲ τούτου, τὸ μέχρι νῦν, μεταπεμπομένων τὸν βασιλέα τῶν Ἐφόρων, etc.

[591] Ксенофонт, Республика. Лакедемон. c. 15. Καὶ ὄρκους μὲν ἀλλήλοις κατὰ μῆνα ποιοῦνται-Ἐφοροι μὲν ὑπὲρ τῆς πόλεως, βασιλεὺς δ' ὑπὲρ ἑαυτοῦ. Ὁ δὲ ὄρκος ἐστὶ, τῷ μὲν βασιλεῖ, κατὰ τοὺς τῆς

πόλεως κειμένους νόμους βασιλεύσειν- τῇ δὲ πόλει, ἐμπεδορκοῦντος ἐκείνου, ἀστυφέλικτον τὴν βασιλείαν παρέξειν.

[592] Herodot. vi. 57.

[593] Plato, Legg. iii. p. 692; Aristot. Polit. v. 11, 1; Cicero de Republic. Fragm. ii. 33, ed. Maii- "Ut contra consulare imperium tribuni plebis, sic illi (ephori) contra vim regiam constituti"; - также, De Legg. iii. 7. и Valer. Max. iv. 1.

Сравните Плутарх, Ликург. с. 7: Tittmann, Griechisch. Staatsverfassung, p. 108, *seqq.*

[594] Polyb. xxiv. 8.

[595] Aristot. Polit. ii. 6, 14-16; Ἐστὶ δὲ καὶ ἡ δίαίτα τῶν Ἐφόρων οὐχ ὁμολογουμένη τῷ βουλήματι τῆς πόλεως- αὐτὴ μὲν γὰρ ἀνειμένη λίαν ἐστί- ἐν δὲ τοῖς ἄλλοις μᾶλλον ὑπερβάλλει ἐπὶ τὸ σκληρόν, etc.

[596] Herodot. vi. 56.

[597] Aristot. ii. 7, 4; Xenoph. Republ. Laced. с. 13. Πausανίας, πείσας τῶν Ἐφόρων τρεῖς, ἐξάγει φρουρὰν, Xenoph. Hellen. ii. 4, 29; φρουρὰν ἔφηναν οἱ Ἐφοροί, iii. 2, 23.

Особое ограничение на функции царя как главнокомандующего было наложено в 417 году до н. э., после неудачно проведенной экспедиции Агиса, сына Архидама, против Аргоса. Тогда было установлено, что десять спартанских советников должны всегда сопровождать царя в каждом походе (Thucyd. v. 63).

[598] Деньги за шкуры (δερματικὸν), получаемые от многочисленных жертв, приносимых на общественных жертвоприношениях в Афинах, учитываются как особая статья государственного дохода в тщательной экономике этого города: см. Bockh, Public Econ. of Athens, iii. 7, p. 333; Eng. Trans. Corpus Inscription. No. 157.

[599] Tyrtæus, Fragm. 1, ed. Bergk; Strabo, xviii. p. 362:-.

Αὐτὸς γὰρ Κρονίων καλλιστεφάνου πόσις Ἦρης

Ζεὺς Ἡρακλείδαις τήνδε δέδωκε πόλιν-

Οἷσιν ἄμα προλιπόντες Ἑρίνεον ἠνεμόεντα

Εὐρεῖαν Πέλοπος νῆσον ἀφικόμεθα.

Сравните Thucyd. v. 16; Herodot. v. 39; Xenoph. Hellen. iii. 3, 3; Плутарх, Лисандр. с. 22.

[600] Herod, v. 72. См. рассказ Плутарха о неудачной уловке Лисандра сделать царское достоинство выборным, выдвинув юношу, который выдавал себя за сына Аполлона (Plutarch, Lysand. с. 25-26).

[601] Xenoph. Hellen. iii. 3, 1. Ἅγις-ἔτυχε σεμνοτέρας ἢ κατ' ἄνθρωπον ταφῆς.

[602] О привилегиях спартанских царей см. Herodot. vi. 56-57; Xenophon, Republ. Laced. с. 15; Plato, Alcib. i. p. 123.

[603] Herodot. vi. 66, и Thucyd. v. 16, приводят примеры этого.

[604] Ксенофонт, Republ. Laced. с. 8, 2, и Агесилай, сар. 7, 2.

[605] Xenoph. Rep. Laced. 8, 4; Thucyd. i. 131; Aristot. Polit. ii. 6,14-ἀρχὴν λίαν μεγάλην καὶ ἰσοτύραννον. Плутарх, Lycurg. с. 13.-μὴ χρῆσθαι νόμοις ἐγγράφοις.

Платон в своей "Республике" точно так же не одобряет никаких общих постановлений, заранее связывая усмотрение прекрасно образованных людей, таких как его опекуны, которые всегда будут поступать наилучшим образом в каждом отдельном случае (Republic, iv. p. 425).

[606] Кроме примитивных конституционных ретр, упомянутых выше, стр. 345, Ликургу приписываются и другие ретры: Плутарх выделяет три под названием "Три ретры", как будто они были либо единственными подлинными ликурговыми ретрами, либо, по крайней мере, отличались какой-то особой святостью от всех остальных (Плутарх, Quæst. Roman. с. 87. Agesilaus, с. 26).

Их было трое (Плутарх, Ликург. с. 13; ср. Aporphth. Lacon. p. 227): 1. Не прибегать к писаным законам. 2. Не использовать при строительстве дома никаких других инструментов, кроме топора и пилы. 3. Не предпринимать военных походов часто против одних и тех же врагов.

Я согласен с Нитчем (Histor. Homer. pp. 61-65), что эти Ретры, хотя, несомненно, и не являются собственно ликургскими, тем не менее, древние (то есть, вероятно, датируются где-то между 650-550 гг. до н. э.), а не просто выдумки недавних писателей, как полагают Шеманн (Ant. Jur. Pub. iv. 1; xiv. p. 132) и Урлихс (p. 241). И хотя Плутарх называет число *три*, их, по-видимому, было еще больше, о чем свидетельствует язык Тиртея: из них, по непонятным для нас причинам, три, которые выделяет Плутарх, требуют особого внимания.

Эти максимы или государственные предписания, вероятно, были сохранены вместе с диктами дельфийского оракула, из авторитета которого, несомненно, могли исходить многие из них, - такие как знаменитое древнее пророчество Ἀ φιλοχρηματία Σπάρταν ὀλεῖ, ἄλλο δὲ οὐδὲν (Krebs, Lectiones Diodoreæ, p. 140. Аристотель. Περὶ Πολιτειῶν, ap. Schol. ad Eurip. Andromach. 446. Schömann, Comm. ad Plutarch. Ag. et Cleomen. p. 123).

У Ницша есть хорошие замечания, объясняющие запрет на "использование писаных законов". Вероятно, этот запрет был вызван тем обстоятельством, что другие греческие государства нанимали таких законотворцев, как Залевк, Драко, Харондас или Солон, - чтобы сразу представить им ряд письменных постановлений или положений. Некоторые спартанцы, возможно, предложили выдвинуть аналогичного законодателя для Спарты: на это предложение отрицательный ответ был дан самым торжественным образом, официальной речью, возможно, принятой после совета из Дельф. Поэтому нет такого противоречия (когда мы представляем себе это событие), как представляют некоторые авторы, запрещающие использование писаных законов самой ретрой, изложенной в письменном виде. Если использовать фразу, более близкую к современным противоречиям, то "спартанцы, по указанию оракула, решили сохранить свое неписаное общее право и не кодифицировать его".

[607] "Ἐδοξε τοῖς Ἐφόροις καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ (Xen. Hellen. iii. 2, 23).

[608] Случай *Леотихида*, Herod. vi. 72; *Плейстоанакса*, Thucyd. ii. 21-v. 16; *Агис Второй*, Thucyd. v. 63; *Агис Третий*, Plutarch, Agis, с. 19: см. Plutarch, Agesilaus, с. 5.

Что касается эфоров в целом, см. Wachsmuth, Hellen. Alterthumskunde, v. 4, 42, vol. i. p. 223; Cragius, Rep. Lac. ii. 4, p. 121.

Аристотель четко обозначает эфоров как ἀνυπεύθυνοι: так что историю, кратко упомянутую в "Риторике" (iii. 18), нелегко понять.

[609] Thucyd. i. 67, 80, 87. ξύλλογον σφῶν αὐτῶν τὸν εἰωθότα.

[610] Thucyd. iv. 68. τῆς πολιτείας τὸ круптὸν: ср. iv. 74; также его замечательное выражение о таком выдающемся человеке, как Брасидас, ἧν δὲ οὐκ αἰδύνατος, ὡς Λακεδαιμόνιος, εἶπεῖν, и iv. 24, о лакедемонских посланниках в Афины. Сравните Schömann, Antiq. Jur. Pub. Græc. iv. 1, 10, p. 122. Аристотель. Polit. ii. 8, 3.

[611] Τὴν μικρὰν καλουμένην ἐκκλησίαν (Xenoph. Hellen. iii. 3, 8), что означает γέροντες, или сенат, и никого другого, кроме эфоров, которые его созывали. (См. Lachmann, Spart. Verfass. sect. 12, p. 216.) Что еще следует отметить, так это выражение οἱ ἐκκλητοὶ как эквивалент ἡ ἐκκλησία (ср. Hellen. v. 2, 11; vi. 3, 3), очевидно, указывая на особое и ограниченное число созванных лиц: см. также ii. 4, 38; iv. 6, 3; v. 2, 33; Thucyd. v. 77.

Выражение οἱ ἐκκλητοὶ никогда не могло войти в употребление в качестве эквивалента афинской экклесии.

[612] Xenoph. Republ. Laced. 10; Aristot. Polit. ii. 6, 17; iii. 1, 7; Demosthen. cont. Leptin. c. 23, p. 489; Isokratês, Or. xii. (Panathenaic.) p. 266. Язык Демосфена кажется особенно неточным.

Плутарх (Agesilaus, c. 32) по поводу некоторых подозреваемых заговорщиков, которые были преданы смерти Агесилаем и эфорами, когда Спарте угрожала опасность от нападения Эпаминондаса, утверждает, что это был первый случай, когда спартанца когда-либо предавали смерти без суда.

[613] Aristot. Polit. ii. 6, 18. Сравните, также, Thucydid. i. 131, о виновном Павсании, -πιστεύων χρήμασι διαλύσειν τὴν διαβολήν; Herodot. ст. 72; Фукид. ст. 16, - о царях Леотихиде и Плейстоанаксе; о храбром и способном Гилиппе, - Плутарх, Лисанд. с. 16.

[614] Эфоры иногда рассматриваются как демократический элемент, поскольку каждый спартанский гражданин имел шанс стать эфором; иногда как деспотический элемент, поскольку при осуществлении своей власти они были мало сдержаны и не несли никакой ответственности: см. Plato, Legg. iv. p. 712; Aristot. Polit. ii. 3, 10; iv. 7, 4, 5.

[615] Образец того, как превозносилась эта древность, можно увидеть в Isokratês, Or. xii. (Panathenaic.) p. 288.

[616] Herodot. v. 68; Stephan. Byz. Ὑλλέες и Δυμᾶν; O. Müller, Dorians, iii. 5, 2; Boeckh ad Corp. Inscript. No. 1123.

Thucyd. i. 24, о Фалии, Гераклиде, в Коринфе.

[617] См. Tyrtæus, Fragg. 8, 1, ed. Schneidewin, и Пиндар, Pyth. i. 61. v. 71, где выражение "потомки Гераклеи", очевидно, охватывает больше, чем два царских рода. Плутарх, Лисанд. с. 22; Диодор. xi. 58.

[618] Herodot. iv. 149; Pindar, Pyth. v. 67; Aristot. Λακων. Πολιτ. p. 127, Fragg. ed. Neuman. Тальтибиады, или глашатаи, в Спарте составляли отдельную семью или касту (Herod. vii. 134).

О. Мюллер предполагает, без каких-либо доказательств, что эгеиды *должны были* быть приняты в одно из трех дорийских племен; это одно из следствий из его основного предположения, что Спарта является типом чистого доризма (vol. ii. p. 78). Копштадт считает (Dissertat. p. 67), что я поступил несправедливо по отношению к О. Мюллеру, не согласившись с его доказательством: но, изучив этот вопрос еще раз, я не вижу причин для изменения того, что здесь изложено в тексте.

Раздел работы Шёмана (Antiq. Jur. Publ. Græc. iv. 1, 6, p. 115) по этому вопросу утверждает гораздо больше, чем может быть доказано.

[619] Herod. v. 68-92; Boeckh, Corp. Inscript. Nos. 1130, 1131; Stephan. Byz. v. Ὑρνίθιον; Pausan. ii. 28, 3.

[620] Фотий Πάντα ὀκτώ; также. Притча. Ватика. Suidas, xi. 64; ср. Hesychius, v. Κυνόφαλοι.

[621] Müller, Dorians, iii. 5, 3-7; Boeckh ad Corp. Inscription. part iv. sect. 3, p. 609.

[622] Pausan. iii. 16, 6; Herodot. iii. 55; Boeckh, Corp. Inscript. Nos. 1241, 1338, 1347, 1425; Steph. Byz. v. Μεσόα; Strabo, viii. p. 364; Hesych. v. Πιτάνη.

Существует много путаницы и расхождений во мнениях относительно спартанских племен. Крагий признает шесть (De Republ. Lacon. i. 6); Мерсий - восемь (Rep. Lacon. i. 7); Бартелеми (Voyage du Jeune Anacharsis, iv. p. 185) считает их пятью. Мансо подробно, но, как мне кажется, не очень удовлетворительно, обсудил этот вопрос в восьмом Бейлаге к первой книге своей "Истории Спарты" (т. ii. с. 125); а во втором Приложении д-ра Тирволла (т. i. с. 517) приведены все различные современные мнения по этому неясному вопросу и добавлено несколько полезных критических замечаний. Наш скудный запас оригинальных свидетельств оставляет много места для разноречивых гипотез и мало шансов на определенный вывод".

[623] Thucyd. i. 10.

[624] Один или два офицера-перизка появляются в военном командовании к концу Пелопоннесской войны (Thucyd. viii. 6, 22), но это редкие исключения, даже в отношении иностранной службы на море или на суше, в то время как перизки, как магистрат в Спарте, были неслыханны.

[625] Одну половину платили поработанные мессенцы (Tyrtæus, Frag. 4, Bergk): ἥμισυ πᾶν, ὅσον κάρπον ἄρουσα φέρει.

[626] Strabo, viii. p. 362. Стефан Византийский ссылается на это общее число ста волостей в своем замечании о нескольких различных пунктах среди них, - Ἀνθάνα-πόλις Λακωνικῇ μία τῶν ἑκατον; также, v. Ἀφροδισιάς, Βοῖαι, Διὺρῶχιον и т. д.: но он, вероятно, копировал Страбона и, следовательно, не может считаться самостоятельным авторитетом. Сто населенных пунктов - это максимум спартанской власти после завоевания и до отделения Мессении; к ним относятся Аулон, Бойе и Мефон (крайние места).

Г-н Клинтон (Fast. Hellen. ii. p. 401) собрал имена более шестидесяти из ста.

[627] Thucyd. iv. 53.

[628] Xenophon, Hellen. iv. 5, 11; Herod. ix. 7; Thucyd. v. 18-23. Амиклейский праздник Гиацинта и амиклейский храм Аполлона, по-видимому, занимают главное место в памяти спартанских властей. Αὐτοὶ καὶ οἱ ἐγγύτατα τῶν περὶοίκων (Thucyd. iv. 8), которые готовы раньше остальных и идут против афинян у Пилуса, вероятно, включают амиклеян.

Лакония вообще называется Фукидидом (iii. 16) как περὶοικίς Спарты.

[629] Слово περὶοικοί иногда используется для обозначения просто "окружающих соседних государств", в его естественном географическом смысле: см. Thucyd. i. 17, и Aristot. Polit. ii. 7, 1.

Но чаще всего оно используется для обозначения непривилегированных или менее привилегированных членов одной политической совокупности, живущих вне города, в отличие от полноправных мещан, живущих внутри него. Аристотель использует его для обозначения в Крите



класса, соответствующего лакедемонским гелотам (Pol. ii. 7, 3): в Крите не существовало класса, соответствующего лакедемонским перизкам. В Крите не было двух ступеней неполноценности - была только одна, и та обозначалась словом *περίοικοι*; в то время как у лакедемонского перизка ниже него стоял гелот. Для афинянина это слово несло в себе идею неопределенной деградации.

Чтобы лучше понять *статус* перизка, мы можем противопоставить его метэку, или метису. Последний проживает в городе, но это чужеземец, живущий по принуждению, а не местный житель: он платит особый налог, отстранен от всех политических функций и даже не может обращаться к магистрату иначе, как через дружественного гражданина, или простатека (*ἐπὶ προτάτων οἰκεῖν*-Lycurgus cont. Leocrat. с. 21-53): он носит оружие для защиты государства. Однако положение метиса в разных городах Греции было очень разным. В Афинах это сословие было хорошо защищено в личном и имущественном плане, было многочисленным и проживало в городах: в Спарте их поначалу не было - Ксенекласий исключал их; но это положение, должно быть, было ослаблено задолго до дней Агиса Третьего.

Перизкус отличается от метиса тем, что является уроженцем земли и по рождению подчиняется городскому закону.

М. Копштадт (в цитированной выше диссертации о лакедемонских делах, раздел 7, с. 60) выражает большое удивление тем, что я выдвигаю в этой заметке относительно Крета и Лакедемонии, - что в Крете не было класса людей, аналогичного лакедемонским перизкам, а только два класса, т. е. свободные граждане и гелоты. Он считает, что эта позиция "*prorsus falsum*".

Но я не выдвигаю здесь ничего более того, что ясно сказано Аристотелем, как признает и сам Копштадт (стр. 60, 71). Аристотель называет класс субъектов в Крете именем *Περίοικοι*. И в этом случае общие предположения далеко поддерживают авторитет Аристотеля. Ведь Спарта была господствующим или столичным городом, включавшим в свою зависимость не только значительную территорию, но и немалое число нижестоящих, отдельных, организованных поселений. В Крете, напротив, каждое автономное государство включало в себя только город с прилегающей к нему территорией, но без присоединенных волостей. Таким образом, не было никакой основы для промежуточного класса, называемого в Лаконии перизками, как сам Копштадт замечает (стр. 78) о дорийском городе Мегара. Существовали только два класса: свободные граждане Кретана и крепостные-земледельцы в различных модификациях и подразделениях.

Копштадт (вслед за Хоком, Krêta, b. iii. vol. iii. p. 23) говорит, что авторитет Аристотеля в этом вопросе преобладает над авторитетом Досиадаса и Сосикратеса, авторов, которые писали специально о критских делах. Если бы нам пришлось выбирать, то, признаюсь, я бы предпочел свидетельство Аристотеля, учитывая, что мы почти ничего не знаем о двух других. Но в данном случае я не думаю, что мы вынуждены делать выбор: Досиадас (ар. Athenæ. xiv. p. 143) не цитируется в терминах, так что мы не можем утверждать, что он противоречит Аристотелю: а Сосикратес (на которого опираются Хок и Копштадт) говорит нечто, что не обязательно противоречит ему, но может быть объяснено так, чтобы поставить обоих свидетелей в гармонию друг с другом.

Сосикратес говорит (ар. Athenæ. vi. p. 263), *Τὴν μὲν κοινὴν δουλείαν οἱ Κρήτες καλοῦσι μνοίαν, τὴν δὲ ἰδίαν ἀφαμίωτας, τοὺς δὲ περίοικους ὑπηκόους*. Слово *περίοίκους*, по-видимому, употреблено здесь так же, как его употребил бы Аристотель, для всеобщего охвата кратанских крепостных: оно не отличается от *μνώται* и *ἀφαμίωται*, но охватывает их обоих как различные виды под общим термином. Авторитет Аристотеля дает основание предпочесть такое толкование отрывка, и слова, как мне кажется, справедливо допускают его.

[630] На πόλεις лакедемонских перизков часто обращают внимание: см. Ксенофонт (Agesilaus, ii. 24; Laced. Repub. xv. 3; Hellenic. vi. 5, 21).

[631] Herod. viii. 73-135; Xenoph. Hellen. vi. 1, 8; Thucyd. iv. 76-94.

[632] Xenoph. Hellen. vi. 3, 5, 9, 19. Исократес, писавший во времена фиванского могущества, после битвы при Лейктре, характеризует беотийские города как περίοικοι Фив (Or. viii. De Pace, p. 182); ср. Orat. xiv. Plataic. pp. 299-303. Того же мнения придерживается Ксенофонт, Hellen. v. 4, 46: ср. Плутарх, Agesilaus, 28.

[633] Aristot. Polit. ii. 6, 23.

[634] Thucyd. i. 77-95; vi. 105. Isokratês (Panathenaic. Or. xii. p. 283), Σπαρτιάτας δὲ ὑπεροπτικούς καὶ πολεμικούς καὶ πλεονέκτας, οἷους περ αὐτοὺς εἶναι πάντες ὑπελήφασιν. Сравните его Oratio de Pace (Or. viii. pp. 180-181); Oratio Panegyri. (Or. iv. pp. 64-67).

[635] Isokratês, Panathenaic. Or. xii. p. 280. ὥστε οὐδεὶς ἂν αὐτοὺς διὰ γε τὴν ὁμόνοιαν δικαίως ἐπαινέσειεν, οὐδὲν μᾶλλον ἢ τοὺς καταποντιστὰς καὶ λήστας καὶ τοὺς περὶ τὰς ἄλλας ἀδικίας ὄντας· καὶ γὰρ ἐκεῖνοι σφίσιν αὐτοῖς ὁμονοοῦντες τοὺς ἄλλους ἀπολλύουσι.

[636] Isokratês, Orat. xii. (Panathenaic.) pp. 270-271. Заявление в той же оратории (стр. 246), что лакедемоняне "предали смерти без суда больше греков (πλείους τῶν Ἑλλήνων), чем когда-либо судили в Афинах с тех пор, как Афины были городом", относится к их союзникам или зависимым людям из Лаконии.

[637] Ephorus, Fragm. 18, ed. Маркса; ap. Strabo, viii. p. 365.

[638] Доктор Арнольд (в своей диссертации о спартанской конституции, приложенной к первому тому его Thucydidês, p. 643) больше доверяет исторической ценности этого рассказа об Исократесе, чем я склонен это делать. С другой стороны, г-н Г. К. Льюис в своей рецензии на диссертацию д-ра Арнольда (Philological Museum, vol. ii. p. 45) считает "рассказ об Исократесе совершенно несовместимым с рассказом Эфора", что, возможно, говорит гораздо больше, чем того требует их общий смысл. В превосходной статье г-на Льюиса большинство сложных моментов, касающихся спартанской конституции, будут подняты и обсуждены в весьма поучительной манере.

Другой момент в утверждении Исократеса заключается в том, что дорийцы во время первоначального завоевания Лаконии насчитывали всего две тысячи человек (Or. xii. Panath. p. 286). Мистер Клинтон отвергает эту оценку как слишком маленькую и замечает: "Я подозреваю, что Исократес, описывая численность дорийцев во время первоначального завоевания, приспособил к описанию фактическую численность спартанцев в свое время". (Fast. Hellen. ii. p. 408.)

Это кажется мне вероятным предположением, и оно иллюстрирует как отсутствие данных, в условиях которого работал Исократес или его информаторы, так и метод, который они использовали для восполнения недостатка.

[639] Schömann, Antiq. Jurisp. Græcorum, iv. 1, 5, p. 112.

[640] Pausan. iii. 2, 6; iii. 22, 5. Утверждение Мюллера можно найти (History of the Dorians, iii. 2, 1): он цитирует отрывок из Павсания, который ни в коей мере не относится к делу.

Г-н Г. К. Льюис (Philolog. Mus. ut. sup. p. 41) придерживается того же мнения, что и Мюллер.

[641] М. Копштадт (в научной диссертации, на которую я уже ссылался, *De Rerum Laconicarum Constitutionis Lycurgeæ Origine et Indole*, cap. ii. p. 31) оспаривает это положение относительно *Periœki*. Он, по-видимому, понимает его в смысле, который мои слова едва ли представляют, - по крайней мере, в смысле, которого я не предполагал: будто большинство жителей в *каждом* из ста периэкийских городов были дорийцами, - "*ut per centum Laconiae oppida distributi ubique majorem incolarum numerum efficerent*," (p. 32.) Я хотел лишь утверждать, что некоторые из периэкийских городов, например, Амikleя, были полностью или почти полностью дорийскими; многие другие - частично дорийскими. Но каково было сравнительное количество (вероятно, разное в каждом городе) дорийских и недорийских жителей, определить невозможно. М. Копштадт (стр. 35) допускает, что Амikleя, Фарис и Геронтраэ были периэкическими городами, населенными дорийцами; и если это правда, то это отрицает общую максиму, на основании которой он противоречит тому, что я утверждаю: его максима гласит: "*nunquam Dorienses à Doriensibus nisi bello victi erant, civitate æquoque jure privati sunt*" (стр. 31.) Очень небезопасно выдвигать такие большие положения относительно предполагаемого единообразия дорийских правил и практики. Высокий авторитет О. Мюллера вводит в заблуждение в этом отношении.

Совершенно очевидно, что Геродот (сравните его выражения, viii. 73 и i. 145) считал всех свободных жителей Лаконии не ахейцами, а дорийцами. Он верит в легенду о том, что ахейцы, изгнанные из Лаконии вторгшимися дорийцами и Гераклидами, заняли территорию на северо-западе Пелопоннеса, которая впоследствии называлась Ахей, - изгнав оттуда ионийцев. Какой бы ни была правда в этом легендарном утверждении, и какими бы ни были первоначальные пропорции дорийцев и ахейцев в Лаконии, эти две расы (в V веке до н. э.) смешались в одну неразличимую этническую и политическую совокупность под названием лаконцы, или лакедемоняне, - включающую и спартанцев, и периэков, хотя и с очень неравными политическими правами, и с очень существенными различиями в индивидуальном обучении и привычках. Иначе обстояло дело в Фессалии, где фессалийцы держали в зависимости магнатов, перреби и ахейцев: отдельная национальность этих последних никогда не была утрачена.

[642] Herod. vii. 234.

[643] Thucyd. viii. 6-22. Они, однако, не принимали участия в ликургской дисциплине; но они, кажется, назывались οἱ ἐκ τῆς χώρας παῖδες, в отличие от οἱ ἐκ τῆς ἀγῶγης (Sosibius ap. Athenæ. xv. p. 674).

[644] Aristot. Polit. ii. 6, 23. διὰ γὰρ τὸ τῶν Σπαρτιατῶν εἶναι τὴν πλείστην γῆν, οὐκ ἐξετάζουσιν ἀλλήλων τὰς εἰσφοράς.

Г-н Г. К. Льюис в статье, на которую мы уже ссылались (*Philolog. Mus.* ii. p. 54), говорит о периэках: "Они жили в деревне или в небольших городах на территории Лаконии и обрабатывали землю, которой не владели ни один отдельный гражданин, но платили за нее дань или ренту государству; они были точно в таком же состоянии, как и *владельцы* римских владений или риоты в Хиндостане до введения постоянного поселения". Я думаю, можно усомниться в том, что периэки платили какую-либо ренту или дань, подобную той, которую предполагает мистер Льюис. Только что процитированный отрывок из Аристотеля, кажется, показывает, что они платили прямой налог индивидуально и по тому же принципу, что и спартанские граждане, которые отличаются только тем, что являются более крупными землевладельцами. Но хотя принцип налогообложения был тот же, в способе его начисления, по мнению Аристотеля, была практическая несправедливость. "Спартанские граждане (замечает он), будучи самыми крупными землевладельцами, заботятся о том, чтобы не требовать друг от друга строгого *уплаты налога на имущество*", то есть взаимно подмигивают друг другу, уклоняясь от уплаты. Если бы спартанцы *были единственными*, кто платил εἰσφορά, или налог на имущество, это замечание Аристотеля не имело бы смысла. В

принципе, налог начислялся как на их большую собственность, так и на меньшую собственность периеков: на практике спартанцы помогали друг другу уклоняться от положенной доли.

[645] Деревенский характер гелотов отчетливо выражен Ливием, xxxiv. 27, при описании жестокостей деспота Набиса: "Ilotarum quidam (hi sunt jam inde antiquitus *castellani*, agreste genus) transfugere voluisse insimulati, per omnes *vicos* sub verberibus acti necantur."

[646] Herodot. i. 66. ἐχρηστηρίαζοντο ἐν Δέλφοις ἐπὶ πάσῃ τῇ Ἀρκάδων χώρῃ.

[647] См. O. Müller, Dorians, iii. 3, 1; Ephorus ap. Strabo, viii. p. 365: Harpocraton, v. Εἰλωτες.

[648] Клеомен Третий предложил манумиссию каждому гелоту, который сможет заплатить пять аттических мин: он испытывал острую нужду в деньгах и собрал таким образом пятьсот талантов. Таким образом, шесть тысяч гелотов должны были найти по пять мин, что составляло весьма значительную сумму (Плутарх, Клеомены, с. 23).

[649] Есть утверждение, что гелотов заставляли появляться в пьяном виде, чтобы возбудить в юношах чувство отвращения к опьянению (Плутарх, Ликург. с. 28; также *Adversus Stoicos de Commun. Notit.* с. 19, p. 1067).

[650] Herod. ix. 29. Спартанцы при Фермопилах, кажется, имели только по одной гелоте (vii. 229).

О. Мюллер, кажется, считает, что легковооруженные, которые сопровождали перийских гоплитов в Платее, не были гелотами (Dor. iii. 3, 6). Геродот точно не говорит, что они были таковыми, но я не вижу причин для признания двух разных классов легковооруженных в спартанских вооруженных силах.

Подсчеты Мюллера о численности периеков и гелотов в целом основываются на весьма ненадежных данных. Среди них следует отметить его предположение, что πολιτική χώρα означает район Спарты в отличие от Лаконии, что противоречит отрывку из Полибия (vi. 45): πολιτική χώρα у Полибия означает территорию государства в целом.

[651] Xenophon, Rep. Lac. с. 12, 4; Kritias, De Lacedæm. Repub. ap. Libanium, Orat. de Servitute, t. ii. p. 85, Reisk. ὡς ἀπιστίας εἵνεκα τῆς πρὸς τοὺς Εἰλωτας ἐξαιρεῖ μὲν Σπαρτιατῆς οἴκοι τῆς ἄσπιδος τὴν πόρπακα, etc.

[652] Thucyd. i. 101; iv. 80; v. 14-23.

[653] Thucyd. iv. 80. οἱ δὲ οὐ πολλῶ ὕστερον ἠφάνισάν τε αὐτοὺς, καὶ οὐδεὶς ἦσθετο ὅτῳ τρόπῳ ἕκαστος διεφθάρη.

[654] Plutarch, Lycurg. с. 28; Heraclides Pontic. p. 504, ed. Crag.

[655] Plato, Legg. i. p. 633: слова лакедемонянина Мегилла обозначают существующий спартанский обычай. Сравните тот же трактат, vi. p. 763, где Аст без оснований подозревает подлинность слова κρυπτοί.

[656] Myron, ap. Athenæ. xiv. p. 657. ἐπικόπτειν τοὺς ἀδρουμένους не означает строго "предать смерти".

[657] Thucyd. v. 34.

[658] Xenophon, Rep. Lac. с. 7.

[659] Плутарх, Ликург. с. 15; существенно подтверждается Ксенофонтom, Rep. Lac. с. 1, 5.

[660] См. авторов, цитируемых в Athenæus, iv. p. 141.

[661] Xenoph. Rep. Lac. 2-3, 3-5, 4-6. Аристотель (Politica, ii. 6, 5-16) особенно подчеркивает чрезвычайные усилия, предпринятые для обеспечения καρτερία (стойкости и выносливости) в спартанской системе; сравните Платон, De Legibus, i. p. 633; Ксенофонт, De Laced. Repub. ii. 9, со ссылками в примечании Шнайдера, - также Cragius, De Republica Laced. iii. 8, p. 325.

[662] Примечательно, что эти жестокие споры молодежи, в которых прибегали к пинкам, укусам, выкалыванию глаз друг другу, - а также διαμαστίγωσις, или бичевание-матч, перед алтарем Артемиды, - продолжались вплоть до последних дней Спарты, и их действительно видели Цицерон, Плутарх и даже Павсаний. Плутарх видел, как несколько человек умерли от страданий (Plutarch, Lykurg. c. 16, 18-30; и Instituta Laconica, p. 239; Pausan. iii. 14, 9, 16, 7; Cicero, Tuscul. Disp. ii. 15).

Добровольные пытки, которым подвергаются юноши из племени индейцев Мандан на ежегодном религиозном празднике в присутствии старейшин племени, служат яркой иллюстрацией тех же принципов и тенденций, что и этот спартанский διαμαστίγωσις. Они переносятся отчасти под влиянием религиозных чувств, как подношение Великому Духу, отчасти как предмет подражания и славы со стороны молодых людей, чтобы показать себя достойными и непобедимыми в глазах старших. Интенсивность этих пыток поистине ужасает, и в этом отношении они превосходят все, что когда-либо наблюдалось в Спарте. Это было бы невероятно, если бы не было подтверждено достоверными свидетельствами очевидцев.

См. "Письма г-на Кэтлина о североамериканских индейцах", Письмо 22, т. I. с. 157 и далее.

"Эти религиозные церемонии проводятся отчасти для того, чтобы провести всех молодых мужчин племени, когда они ежегодно достигают зрелости, через испытание лишениями и пытками; Это, как предполагается, закаляет их мышцы и готовит их к экстремальной выносливости, - позволяет вождям, которые являются зрителями этой сцены, определить их сравнительную телесную силу и способность переносить экстремальные лишения и страдания, которые часто выпадают на долю индейских воинов; и они могут решить, кто из них наиболее вынослив и способен возглавить военный отряд в случае чрезвычайной ситуации."-Again, p. 173, etc.

Сила καρτερία или выносливость (Aristot. Pol. ii. 6, 5-16), которая была одним из главных предметов обучения ликургов, уменьшается по сравнению с силой индейцев мандан.

[663] Ксенофонт, Anab. iv. 6, 14; и De Repub. Lac. c. 2, 6; Isokratês, Or. xii. (Panath.) p. 277. Именно на эти лицензированные воровские экспедиции, я полагаю, ссылается Исократес, когда говорит о τῆς παίδων αὐτονομίας в Спарте, что, в естественном смысле, было бы обратной правдой (p. 277).

[664] Aristot. Polit. viii. 3, 3, - замечание любопытное, - οὐκ αἱ μάλιστα δοκοῦσαι τῶν πόλεων ἐπιμελεῖσθαι τῶν παίδων αἱ μὲν ἀθλητικὴν ἔξιν ἐμποιοῦσι, λωβώμεναι τὰ τ' εἶδη καὶ τὴν αὔξησιν τῶν σωμάτων- οἱ δὲ Λάκωνες ταύτην μὲν οὐχ ἡμάρτον τὴν ἀμαρτίαν, и т. д. Сравните замечание в Plato, Protagor. p. 342.

[665] Aristot. Polit. ii. 6, 5; Плутарх, Agesilaus, c. 31. Аристотель ссылается на поведение спартанских женщин по случаю вторжения фиванцев в Лаконию в качестве подтверждения своего мнения о недостатке у них мужества. Его суждение в этом отношении кажется жестким, и, вероятно, он сформировал для себя преувеличенные представления о том, какой должна была быть их храбрость в подобных обстоятельствах, как результат их особого обучения. Мы можем добавить, что их бурные демонстрации по этому случаю вполне могли быть вызваны муками уязвленной чести, а не страхом, если учесть, каким событием было появление в Спарте армии завоевателей.



[666] Aristot. Polit. ii. 6, 5, 8, 11.

[667] Xenoph. Rep. Lac. i. 3-4; Плутарх, Lycurg. с. 13-14.

[668] Eurip. Androm. 598; Цицерон, Tuscul. Quæst. ii. 15. Эпитет φαίνομηρίδες, древний еще у поэта Ибикуса, показывает, что спартанские женщины не были непокрытыми (см. Julius Pollux, vii. 55).

Вряд ли стоит останавливаться на поэтических аллюзиях Овидия и Проперция.

Насколько полно Платон одобрял гимнастическую и военную подготовку молодых женщин, аналогичную той, которой занимались представители другого пола, можно судить по предписаниям, содержащимся в его "Республике".

[669] Aristot. Polit. vii. 14, 4.

[670] "Несомненно (замечает д-р Тирлуолл, говоря о спартанских незамужних женщинах), что в этом отношении спартанские нравы были столь же чисты, как нравы любого древнего, а возможно, и современного народа". (History of Greece, ch. viii. vol. i. p. 371.)

[671] Плутарх, Ликург. с. 15; Ксеноф. Rep. Lac. i. 5. Ксенофонт не делает никаких намеков на похищение как на общий обычай. Были случаи, когда оно было реальным и насильственным: см. Herod. v. 65. Демарат увез и женился на обрученной невесте Леотихида.

[672] Xenoph. Rep. Lac. i. 9. Εἰ δέ τις αὖ γυναικὶ μὲν συνοικεῖν μὴ βούλοιο, τέκνων δὲ ἀξιολόγων ἐπιθυμοίη, καὶ τούτῳ νόμον ἐποίησεν, ἥντινα ἂν εὐτεκνον καὶ γενναίαν ὀρώη, πείσαντα τὸν ἔχοντα, ἐκ ταύτης τεκνοποιεῖσθαι. Καὶ πολλὰ μὲν τοιαῦτα συνεχῶρει. Αἱ τε γὰρ γυναῖκες δίττους οἴκους βούλονται κατέχειν, οἳ τε ἄνδρες ἀδελφοὺς τοῖς παισὶ προσλαμβάνειν, οἳ τοῦ μὲν γένους καὶ τῆς δυνάμεως κοινωνοῦσι, τῶν δὲ χρημάτων οὐκ ἀντιποιοῦνται.

[673] Herodot. v. 39-40. Μετὰ δὲ ταῦτα, γυναῖκας ἔχων δύο, διξὰς ἰστίας οἴκεε, ποιέων οὐδαμᾶ Σπαρτητικά.

[674] Müller, Hist. of Dorians, iv. 4, 1. Истории, пересказанные Плутархом (Agis, с. 20; Kleomenês, с. 37-38) о поведении Агесистраты и Кратесиклеи, жен Агиса и Клеомена, и жены Пантея (которую он не называет) по случаю смерти их соответствующих мужей, убедительно показывают сильную супружескую привязанность спартанской женщины, ее преданность и стойкость, когда она разделяла с мужем последние страдания.

[675] См. орацию Лисия, De Cæde Eratosthenis, Orat. i. p. 94, seq.

[676] Плутарх, Агис, с. 4.

[677] Aristot. Polit. ii. 6, 6; Plutarch, Agis, с. 4. τοὺς Λακεδαιμονίους κατηκόους ὄντας ἀεὶ τῶν γυναικῶν, καὶ πλεῖον ἐκείναις τῶν δημοσίων, ἢ τῶν ιδίων αὐτοῖς, πολυπραγμονεῖν δίδοντας.

[678] Aristophan. Lysistr. 80.

[679] См. замечательный рассказ в Xenophon, Hellen. iv. 16; Plutarch, Agesilaus, с. 29; одно из самых поразительных происшествий в греческой истории. Сравните также ряд изречений, приписываемых лакедемонским женщинам, в Plutarch, Lac. Apophth. p. 241, seq.

[680] Насколько оскорбительной была в Греции лакедемонская ксеноклазия или изгнание чужаков, можно судить по речам Перикла в Фукидиде (i. 144; ii. 39). Сравните Ксенофонт, Rep. Lac. xiv. 4; Плутарх, Агис, с. 10; Ликург, с. 27; Платон, Протагор, p. 348.

Ни один спартанец не покидал страну без разрешения: Isokratês, Orat. xi. (Busiris), p. 225; Xenoph. *ut sup.*

Оба эти правила были значительно смягчены после окончания Пелопоннесской войны.

[681] Plutarch, Lykurg. c. 25.

[682] Плутарх справедливо замечает о Спарте под руководством Ликурга, что это была "не полития города, а жизнь обученного и умелого человека", "-οὐ πόλεως ἢ Σπάρτη πολιτείαν, ἀλλ' ἀνδρὸς ἀσκητοῦ καὶ σοφοῦ βίον ἔχουσα (Plutarch, Lyk. c. 30).

О совершенной привычке к послушанию в Спарте см. Ксенофонт, Memorab. iii. 5, 9, 15-iv. 4, 15, великие атрибуты Спарты в глазах ее поклонников (Isokratês, Panathen. Or. xii. pp. 256-278), πειθαρχία-σωφροσύνη-τα γυμνάσια τᾶκει καθεστῶτα καὶ πρὸς τὴν ἄσκησιν τῆς ἀνδρίας καὶ πρὸς τὴν ὁμόνοιαν καὶ συνόλως τὴν περὶ τὸν πόλεμον ἐμπειρίαν.

[683] Aristot. Polit. viii. 3, 3. Οἱ Λάκωνες ... θηριώδεις ἀπεργάζονται τοῖς πόνοις.

О том, что спартанцы совершенно не знали букв и не умели читать, прямо говорит Исократес (Panathen. Or. xii. p. 277). οὔτοι δὲ τοσοῦτον ἀπολελειμμένοι τῆς κοινῆς παιδείας καὶ φιλοσοφίας εἰσιν, ὥστ' οὐδὲ γράμματα μανθάνουσιν, etc.

Предпочтение риторики точности настолько очевидно в Исократесе, что мы должны понимать его выражения с некоторой осторожностью; но в данном случае очевидно, что он имеет в виду буквально то, что говорит, ибо в другой части того же рассуждения есть выражение, опущенное почти бессознательно, которое подтверждает это. "Самые разумные спартанцы (говорит он) оценят это рассуждение, если *найдут кого-нибудь, кто прочтет его им*" -ἢν λάβωσι τὸν ἀναγνώσόμενον (p. 285).

[684] Aristot. Polit. ii. 6, 22; vii. 13, 11; viii. 1, 3; viii. 3, 3. Платон, Legg. i. pp. 626-629. Плутарх, Solôn, c. 22.

[685] Thucyd. iv. 126. Οἷ γε μηδὲ ἀπὸ πολιτειῶν τοιούτων ἦκετε, ἐν αἷς οὐ πολλοὶ ὀλίγων ἄρχουσι, ἀλλὰ πλειόνων μᾶλλον ἐλάσσους- οὐκ ἄλλω τινὶ κτησάμενοι τὴν δυναστείαν ἢ τῷ μαχόμενοι κρατεῖν.

Самое примечательное обстоятельство заключается в том, что эти слова Брасидас адресует армии, состоящей в значительной степени из манумитированных гелотов (Thucyd. iv. 81).

[686] Платон рассматривает систему Ликурга как исходящую от дельфийского Аполлона и Ликурга как его миссионера (Legg. i. p. 632).

[687] Alcæi Fragment. 41, p. 279, ed. Schneidewin:-.

Ὡς γὰρ δήποτ' Ἀριστόδαμον φαιο' οὐκ ἀπάλαμνον ἐν Σπάρτᾳ λόγον

Εἰπῆν-Χρήματ' ἀνηρ- πενιχρὸς δ' οὐδεὶς πέλετ' ἐσθλὸς οὐδὲ τίμιος.

Сравните Schol. ad Pindar. Isthm. ii. 17, и Diogen. Laërt. i. 31.

[688] Thucyd. i. 6. μετρίᾳ δ' αὖ ἐσθῆτι καὶ ἐς τὸν νῦν τρόπον πρῶτοι Λακεδαιμόνιοι ἐχρήσαντο, καὶ ἐς τὰ ἄλλα πρὸς τοὺς πολλοὺς οἱ τὰ μείζω κεκτημένοι ἰσοδίατοι μάλιστα κατέστησαν. См. также Плутарх, Arrophthegm. Lacon. p. 210. A.-F.

[689] Xenoph. Republ. Laced. c. 7.

[690] Plato, Legg. iii. p. 684.

[691] Aristotel. Politic. ii. 2, 10. ὥσπερ τὰ περὶ τὰς κτήσεις ἐν Λακεδαίμονι καὶ Κρήτῃ τοῖς συσσιτίοις ὁ νομοθέτης ἐκοίνωσε.

[692] Aristot. Politic. ii. 4, 1, ο Φαλεях; а о Спарте и Кретах, вообще, вся шестая и седьмая главы второй книги; также, ст. 6, 2-7.

Теофраст (apud Plutarch, Lycurg. с. 10) делает аналогичное замечание, что общественный беспорядок и общая простота привычек, как правило, делали богатство малополезным для его обладателя: τὸν πλοῦτον ἄπλουτον ἀπεργάσασθαι τῇ κοινότητι τῶν δείπνων, καὶ τῇ περὶ τὴν δίαιταν εὐτελείᾳ. Сравните Плутарх. Arophthegm. Lacon. p. 226 E. Богатство, таким образом, не было формально отменено, по мнению Теофраста: не было положительного равенства владений.

Оба спартанских царя обедали в общественной столовой в одно и то же время (Плутарх, Агесилай, с. 30).

Гераклид Понтийский ничего не упоминает ни о равенстве спартанских жребиев, ни о новом разделе земель Ликургом (ad calcem Cragii, De Spartanorum Repub. p. 504), хотя он говорит о спартанских жребиях и праве наследования так же, как и о Ликурге.

[693] Isokratês, Panathen. Or. xii. pp. 266, 270, 278: οὐδὲ χρεῶν ἀποκοπὰς οὐδὲ γῆς ἀναδασμὸν οὐδ' ἄλλ' οὐδὲν τῶν ἀνηκέστων κακῶν.

[694] Plutarch, Agis, с. iv.

[695] Aristot. Polit. ii. 6, 21. Παρὰ δὲ τοῖς Λακῶσιν ἕκαστον δεῖ φέρειν, καὶ σφόδρα πενήτων ἐνίων ὄντων, καὶ τοῦτο τὸ ἀνάλωμα οὐ δυναμένων δαπανᾶν.... Ὅρος δὲ τῆς πολιτείας οὗτός ἐστιν ὁ πατριος, τὸν μὴ δυνάμενον τοῦτο τὸ τέλος φέρειν μὴ μετέχειν αὐτῆς. Также Ксенофонт, Rep. Lac. с. vii. ἴσα μὲν φέρειν εἰς τὰ ἐπιτήδεια, ὁμοίως δὲ διαιτᾶσθαι τάξας.

Существование этой оплачиваемой квалификации является главным фактом в истории спартанской конституции; особенно если мы объединим его с другим фактом, что ни один спартаец не приобрел ничего с помощью какой-либо промышленности.

[696] Herakleidês Ponticus, ad calcem Cragii De Repub. Laced. p. 504. Сравните Cragius, iii. 2, p. 196.

Аристотель (ii. 6, 10) утверждает, что покупать или продавать участок земли недостойно, но что участок может быть подарен или завещан по желанию. Он ничего не упоминает о запрете на раздел, и даже утверждает то, что противоречит ему, - что было принято давать большое приданое, когда дочь богатого человека выходила замуж (ii. 6, 11). Сестра Агесилая, Киниска, была человеком с большим имуществом, что, очевидно, подразумевает раздел имущества отца (Плутарх, Агесилай, 30).

Существовал ли когда-нибудь закон, запрещающий отцу делить имущество между детьми, можно только сомневаться. Ретры эфора Эпитадея (Плутарх, Агис, 5) предоставляли владельцу неограниченную власть завещательного распоряжения, так что он мог передать или завещать свою землю постороннему человеку, если пожелает. Этому закону приписывают большие последствия: но очевидно, что тенденция к накоплению собственности в немногих руках и тенденция к уменьшению числа квалифицированных граждан были сильно выражены до времени Эпитадея, который пришел после Лисандра. Плутарх, в другом месте, отмечает Гесиода, Ксенократа и Ликурга, которые соглашались с Платоном, считая, что следует оставить только одного единственного наследника (ἓνα μόνον κληρόνομον καταλιπεῖν) (Υπομνήματα εἰς Ἡσίοδον, Fragm. vol. v. p. 777, Wyttenb.). Но Гесиод не устанавливает это как необходимость или как универсальное правило; он только говорит, что человеку лучше иметь только одного сына (Opp.

Di. 374). И если бы Платон мог сослаться на Ликурга как на авторитет для той системы неизменного числа отдельных κλῆροι, или жребиев, которую он излагает в своем трактате De Legibus (p. 740), весьма вероятно, что он так бы и поступил. Тем более Аристотель не мог предположить, что Ликург или спартанская система гарантировали или намеревались гарантировать сохранение неизменного числа отдельных имущественных жребиев; ведь он прямо указывает на эту схему как на особенность Филолая Коринфского в его законах для фиванцев (Polit. ii. 9, 7).

[697] Polybius, Fragm. ap. Maii. Collect. Vett. Scrip. vol. ii. p. 384.

Возможно, как замечает О. Мюллер, это может означать только то, что никто, кроме старшего брата, не мог позволить себе жениться; но чувства спартанцев в отношении брака во многих других отношениях настолько отличались от наших, что мы вряд ли вправе отвергать буквальное утверждение (History of the Dorians, iii. 10, 2), - что, действительно, иллюстрирует и делает достоверным разрешение, данное в законах Солона ἐπὶ κληρῶν, на которого претендовал родственник в старости, - ἂν ὁ κρατῶν καὶ κύριος γεγὼνὼς κατὰ τὸν νόμον αὐτὸς μὴ δυνατός ᾤ πλησιάζειν ὑπὸ τῶν ἑγγύστα τοῦ ἀνδρὸς ὀπιείσθαι (Plutarch, Solōn, c. 20).

Я могу заметить, что из утверждений О. Мюллера, касающихся земельных участков в Спарте, некоторые не подтверждены, а некоторые неверны.

[698] Plutarch, Kleomenēs, cap. 2-11, с примечанием Schömann, p. 175; также, Lycurg. cap. 8; Athenæ. iv. p. 141.

Филарх также описал разбирательство дела Клеомена, похоже, с одобрением (Athenæ. ib.); сравните Плутарх, Агис, с. 9.

Полибий считал, что Ликург ввел равенство земельных владений как в районе Спарты, так и во всей Лаконии: его мнение, вероятно, заимствовано у тех же авторов третьего века до христианской эры. Ибо он выражает свое большое удивление, как наиболее осведомленные античные авторы (οἱ λογιώτατοι τῶν ἀρχαίων συγγραφέων), Платон, Ксенофонт, Эфор, Каллистенес, может сравнить критский полис со старым лакедемонским, основные черты которого (как он говорит) столь различны, - равенство имущества в Спарте, большое неравенство имущества в Крете, среди других различий (Polyb. vi. 45-48).

Это замечание Полибия демонстрирует разницу во взглядах ранних писателей по сравнению с теми, кто писал в третьем веке до христианской эры. Первые сравнивали спартанские и критские институты, поскольку не считали равенство земельной собственности характерной чертой старой Спарты.

[699] О Сфере см. Плутарх, Lycurg. c. 8; Kleomen. c. 2; Athenæ. v. p. 141; Diogen. Laërt. vii. sect. 137.

[700] Hist. of Greece, ch. viii. vol. i. pp. 344-347.

С. Ф. Герман, напротив, считает равный раздел Лаконии на неделимые и неотчуждаемые лоты "существенным условием" (eine wesentliche Bedingung) всей ликургской системы (Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer, sect. 28).

Титтманн (Griechische Staatsverfassungen, pp. 588-596) утверждает и, кажется, признает равный раздел как факт, без каких-либо комментариев.

Вахсмут (Hellenisch. Alterthumskunde, v. 4, 42, p. 217) предполагает, "что лучшие земли уже до Ликурга были разделены на участки равной величины, соответствующие числу спартанцев, которое впоследствии увеличилось до девяти тысяч". Для этого утверждения я не знаю никаких

доказательств: оно отходит от Плутарха, не заменяя ничего более достоверного или более правдоподобного. Вахсмут отмечает раздел Лаконии между перизками на тридцать тысяч равных жребиев, без каких-либо комментариев и, похоже, как будто в этом нет никаких сомнений (стр. 218).

Мансо также предполагает, что до Ликурга существовал равный раздел земли, который выродился в злоупотребление, и что Ликург исправил его, восстановив не абсолютное равенство, а нечто близкое к равенству (Manso, Sparta, vol. i. pp. 110-121). Это такое же необоснованное предположение, как и у Вахсмута.

О. Мюллер признает деление, указанное Плутархом, хотя и говорит, что все девять тысяч участков не могли быть выделены до Мессенской войны; он придерживается идеи равенства, содержащейся у Плутарха; но он говорит, что равенство заключалось в "равной оценке среднего урожая", а не в равных размерах акров земли. Он заходит так далеко, что говорит нам, что "участки спартанцев, на которых проживало вдвое больше людей, чем на участках перизков, в целом должны были быть вдвое обширнее (*то есть* в совокупности): каждый участок, следовательно, должен был быть в семь раз больше" (ср. История дорийцев, iii. 3, 6; iii. 10, 2.) Он также предполагает, что "подобные разделы земли были сделаны со времени первого занятия Лаконии дорийцами". Тот, кто сравнит его различные позиции с доказательствами, приведенными в их поддержку, обнаружит болезненную диспропорцию между базисом и надстройкой.

Взгляды Шеманна, насколько я могу судить по несколько расплывчатым выражениям, похоже, совпадают со взглядами доктора Тирлуолла. Однако он признает, что предполагаемое уравнивание Ликурга расходится с представлениями Платона (Schömann, Antiq. Jur. Pub. iv. 1, 7, note 4, p. 116).

[701] Plutarch, Lykurg. c. 8. συνέπεισε τὴν χώραν ἅπασαν εἰς μέσον θέντας, ἐξ ἀρχῆς ἀναδάσασθαι, καὶ ζῆν μετ' ἀλλήλων ἅπαντας, ὁμαλεῖς καὶ ἰσοκλήρους τοῖς βίοις γενομένους, τὸ δὲ πρῶτεϊον ἀρετῇ μετιόντας- ὡς ἄλλης ἐτέρῳ πρὸς ἕτερον οὐκ οὔσης διαφορᾶς, οὐδὲ ἀνισότητος, πλὴν ὅσην αἰσχυρῶν ψόγος ὀρίζει καὶ καλῶν ἔπαινος. Ἐπάγων δὲ τῷ λόγῳ τὸ ἔργον, διένειμε, etc.

[702] Плутарх, Агис, с. 19-20.

[703] Я с большим удовлетворением читаю в диссертации М. Копштадта, что общий вывод, который я пытался установить в отношении предполагаемого ликургского передела собственности, кажется ему успешно доказанным. (Dissert. De Rerum Laconic. Const. sect. 18, p. 138.)

Он полагает, с совершенной правдой, что в то время, когда вышло первое издание этих томов, я не знал о том, что Лахманн и Кортюм поставили под сомнение реальность ликургского передела. Что касается профессора Кортюма, то этот факт впервые стал мне известен благодаря его заметке об этих двух томах в Heidelberg Jahrbücher, 1846, No. 41, p. 649.

Со времени первого издания я прочитал трактат Лахмана (Die Spartanische Staats Verfassung in ihrer Entwicklung und ihrem Verfall, sect. 10, p. 170), в котором рассматривается редивизия, приписываемая Ликургу. Он также приписывает происхождение сказки, как части истории, социальным и политическим чувствам, царившим во времена Агиса Третьего и Клеоменеса Третьего. Он также замечает, что она противоречит Платону и Исократесу. Но значительная часть аргументов, которые он приводит для ее опровержения, связана с его собственными идеями относительно социальной и политической конституции Спарты, которые я считаю либо неправдивыми, либо неподтвержденными. Более того, он верит в неотчуждаемость и



неделимость отдельных участков земли, что, на мой взгляд, так же мало соответствует действительности, как и их предполагаемое равенство.

Копштадт (стр. 139) считает, что я зашел слишком далеко, отвергая все средние мнения. Он считает, что Ликург должен был сделать что-то, хотя и гораздо меньшее, чем утверждается, направленное на реализацию равенства индивидуальной собственности.

Я не буду говорить, что это невозможно. Если бы у нас было больше доказательств, возможно, такие факты могли бы появиться. Но в том виде, в каком доказательства существуют сейчас, нет ничего, что могло бы это показать. Мы также не вправе (по моему мнению) предполагать, что так оно и было, в отсутствие доказательств, просто для того, чтобы убедиться, что ликургский миф - лишь преувеличение, а не полный вымысел".

[704] Аристотель (Polit. ii. 6, 11) отмечает, что на территории спартанцев можно было содержать пятнадцать сотен всадников и тридцать тысяч гоплитов, в то время как число граждан, по сути, составляло менее тысячи человек. Д-р Тирлуолл, кажется, предпочитает чтение Гетлинга - три тысячи вместо тридцати тысяч; но последнее кажется лучше подтвержденным MSS и наиболее подходящим.

[705] Плутарх, Агис, с. 5.

[706] Herod. vi. 61. οἱ ἄνθρωποι τε ὀλβίων θυγατέρα, etc; vii. 134.

[707] Herod. vi. 70-103; Thucyd. v. 50.

[708] Xenoph. Hellen. vi. 4, 11; Xenoph. de Rep. Lac. v. 3; Molpis ap. Athenæ. iv. p. 141; Aristot. Polit. ii. 2, 5.

[709] Thucyd. i. 6; Aristot. Polit. iv. 7, 4, 5; viii. 1, 3.

[710] Aristot. Polit. ii. 6, 10-13; v. 6, 7.

[711] Панегирист Ксенофонт признает то же самое в отношении Спарты, свидетелем которой он был; но он утверждает, что в прежние времена она была лучше (Repub. Lac. с. 14).

[712] Мнение д-ра Тирлуолла в основном совпадает с мнением Мансо и О. Мюллера (Manso, Sparta, vol. i. pp. 118-128; and vol. ii. Beilage, 9, p. 129; и Мюллер, История дорийцев, т. ii. b. iii. с. 10, разд. 2, 3).

Оба этих автора поддерживают утверждение Плутарха (Agis с. 5, в его ссылке на эфора Эпитадея и новый закон, проведенный этим эфором), что число спартанских жребиев, почти равных и строго неделимых, оставалось почти без изменений со времени первоначального разделения, вплоть до возвращения Лисандра после победоносного завершения Пелопоннесской войны. Оба признают, что не могут понять, какими правилами поддерживалась эта долгая неизменность, столь невероятная сама по себе: но оба утверждают этот факт положительно. Период составит более четырехсот лет, если первоначальное разделение отнести к Ликургу: более трехсот лет, если девять тысяч лотов считать датой Мессенской войны.

Если этот предполагаемый факт действительно является фактом, то он почти не имеет аналогов в истории человечества: и прежде чем согласиться поверить в него, мы должны, по крайней мере, убедиться, что существует значительное количество положительных доказательств в его пользу и не так много против него. Но если рассмотреть Мансо и

Мюллера, то можно увидеть, что не только очень мало доказательств в ее пользу, но и решительный баланс доказательств против нее.

В качестве доказательства неделимости спартанского жребия приводится отрывок из Гераклида Понтийского, с. 2 (ad. calc. Cragii, p. 504), πωλεῖν δὲ γῆν Λακεδαιμονίοις αἰσχρὸν νενόμισται, -τῆς ἀρχαίας μοίρας ἀνανέμεσθαι (или νενεμήσθαι) οὐδὲν ἔξεστί. Первая часть этого утверждения подтверждается и, вероятно, заимствована у Аристотеля, который говорит то же самое, почти в тех же словах: вторая часть предложения должна, согласно всем разумным правилам построения, пониматься со ссылкой на первую часть, то есть на *продажу* первоначального участка. "Продавать землю считается позорным среди лакедемонян, и не разрешается отрезать какую-либо часть от первоначального участка", то есть *для продажи*. Ираклидес не говорит здесь о законе *наследования* имущества в Лакедемоне, и из его слов нельзя сделать вывод, что весь участок передавался целиком одному сыну. Мюллер и Мансо не приводят никаких доказательств, кроме этого ничего не значащего предложения, чтобы обосновать свое утверждение о том, что спартанский земельный участок был неделимым в отношении наследования.

Определив таким образом неделимость передачи участка одному сыну в семье, Мансо и Мюллер без всяких доказательств предполагают, что этот сын должен быть старшим: и Мюллер переходит к утверждению, столь же не подкрепленному доказательствами: "Объем его прав, однако, возможно, не простирался дальше того, что он считался хозяином дома и имущества; в то время как другие члены семьи имели равные права на пользование этим..... Поэтому хозяин семьи был обязан вносить за всех их в сисситию, без которой никто не допускался" - стр. 199, 200.

Все это совершенно безвозмездно и, как выясняется, создает столько же трудностей в одном случае, сколько и устраняет в другом.

Следующий закон, касающийся передачи имущества, который, по мнению Мансо, преобладал, заключается в том, что все дочери должны были выходить замуж, не получая никакого приданого, - случай единственной дочери здесь исключен. В поддержку этого утверждения он ссылается на Плутарха, Aporhtheg. Laconic. p. 227; Юстин, iii. 3; Илиан. V. H. vi. 6. Эти авторы, безусловно, утверждают, что такое постановление существовало, и Плутарх и Юстин называют причины этого, реальные или предполагаемые. "Ликург, когда его спросили, почему он предписал, чтобы девицы выходили замуж без приданого, ответил: "Чтобы девицы из бедных семей не оставались незамужними и чтобы при выборе жены обращали внимание исключительно на характер и добродетель". Такую же общую причину приводит Юстин. Приведенная здесь *причина* запрета на приданое косвенно доказывает, что не существовало такого закона общего наследования, как тот, о котором говорилось ранее, а именно священная неделимость первородного жребия. Ведь если бы это признавалось, то была бы очевидна причина, по которой дочери не могли получать приданое; вся земельная собственность отца (а спартанец не мог иметь никакой другой собственности, так как никогда ничего не приобретал своим трудом) переходила в строжайшую собственность старшего сына. Таким образом, Плутарх и Юстин, хотя и подтверждают утверждение Мансо о запрете приданого (об этом факте мы еще поговорим), но, по указанной ими причине, опровергают его прежнее предположение о неделимости первобытного семейного жребия.

В-третьих, Мансо понимает, что Аристотель (Polit. ii. 6, 11), используя наречие *vũv*, утверждает нечто, относящееся специально к его времени, и в то же время подразумевает, что древний обычай был обратным. Я не думаю, что наречие, как его использует Аристотель в

этом отрывке, допускает такое построение:  $\nu\upsilon\nu\ \delta\epsilon$ , там, означает не настоящее время в противоположность прошлому, а противопоставление между настоящим обычаем и тем, который Аристотель объявляет целесообразным. Аристотель не дает понять, что ему известно о каких-либо существенных изменениях в законах престолонаследия в Спарте: это одно из обстоятельств, за которое его порицают и Мансо, и Мюллер, верящие в необычайный переворот, вызванный разрешительным законом эфора Эпитадея.

Три другие позиции излагает Мансо относительно законов собственности в Спарте. 1. Человек мог отдать или завещать свою землю кому угодно. 2. Но никто, кроме бездетных, не мог этого сделать. 3. Они могли дарить или завещать ее только тем гражданам, у которых не было своей земли. Из этих трех положений первое четко подтверждено Аристотелем, и на него можно положиться: второе - ограничение, не замеченное Аристотелем, и не подкрепленное никакими доказательствами, кроме тех, что вытекают из истории эфора Эпитадея, который, как говорят, не мог лишить наследства своего сына без того, чтобы не был принят новый закон: третье - чистая фантазия.

Вот и все положительные свидетельства, на основании которых Мансо и Мюллер утверждают поразительный факт, что земельные участки в Спарте оставались отдельными, неделимыми и неизменными по количеству вплоть до окончания Пелопоннесской войны. Осмелюсь сказать, что такие положительные свидетельства слишком слабы, чтобы поддерживать утверждение, само по себе столь невероятное, даже если бы с другой стороны не было никаких доказательств для опровержения. Но в данном случае имеются мощные противоречивые доказательства.

Во-первых, утверждения этих авторов явно противоречат Аристотелю, чей авторитет они пытаются свести на нет, говоря, что он говорил исключительно о своем времени в Спарте и что он неправильно представлял себе первобытную ликургскую конституцию. Это могло бы послужить разумным основанием для предположения о компетентности Аристотеля, если бы свидетели, представленные противной стороной, были старше его. Но так получилось, что все свидетели, приведенные Мансо и Мюллером, *моложе* Аристотеля: Гераклид Понтийский, Плутарх, Юстин, Илиан и др. Не доказано также, что эти авторы копировали из какого-либо источника, более раннего, чем Аристотель, - ведь его показаниям не могут противоречить никакие выводы, сделанные на основе Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Платона, Исократы или Эфора. Ни один из этих писателей, ни до, ни после Аристотеля, не поддерживает фантазию о равном, неделимом, вечном жребии или запрете на приданое.

Дело в том, что Аристотель является не только лучшим, но и самым древним свидетелем законов о собственности в спартанском содружестве. Я, конечно, хотел бы, чтобы существовали более ранние свидетельства, и признаю, что даже самый проницательный наблюдатель 340-330 годов до н. э. может ошибаться, когда говорит об одном или двух веках до него. Но если Аристотель должен быть дискредитирован на основании поздней даты, что мы должны сказать Плутарху? Настаивать на интеллектуальном превосходстве Аристотеля было бы излишне: и в этом вопросе он является свидетелем тем более ценным, что он провел тщательное, кропотливое и личное расследование греческих правительств в целом, и Спарты в том числе, - великого *пункта трясины* для древних спекулятивных политиков.

Высказывания Аристотеля однозначно исключают идею равного, неделимого, неотъемлемого, вечного жребия, а также запрет на приданое. Он особо отмечает привычку давать очень большое приданое и постоянную тенденцию к тому, что земельные участки оказываются в руках все меньшего и меньшего числа людей. Он не говорит нам ничего по этому вопросу, что не было бы совершенно последовательным, понятным и не

опровергалось бы никакими известными утверждениями, относящимися к его собственным или более ранним временам. Но причина, по которой люди отказываются верить ему и либо отбрасывают, либо объясняют его доказательства, заключается в том, что они садятся за изучение, имея в голове картину раздела земельной собственности, приписываемую Плутархом Ликургу. Я охотно признаю, что в данном случае нам приходится выбирать между Плутархом и Аристотелем. Мы не можем примирить их иначе, как с помощью произвольных предположений, каждое из которых нарушает простоту, красоту и симметрию аграрной идеи Плутарха, - и каждое из которых все еще оставляет необъясненной неизменность первоначальных участков. И я без колебаний отдаю предпочтение авторитету Аристотеля (который находится в полном согласии с тем, что мы косвенно узнаем от других авторов, его современников и предшественников) как лучшему свидетелю на всех основаниях; отвергаю утверждение Плутарха и отвергаю его полностью, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но авторитет Аристотеля - не единственный аргумент, который можно привести, чтобы опровергнуть это предположение о том, что количество отдельных спартанских партий оставалось неизменным вплоть до времени Лисандра. Ведь если число отдельных жребиев не уменьшилось, то и число граждан не могло сильно уменьшиться. Заговор Кинадона происходит при жизни Лисандра, в течение первых десяти лет после окончания Пелопоннесской войны, и в рассказе Ксенофонта об этом заговоре недостаток числа граждан подчеркивается самым ясным и наглядным образом. И это должно быть до того времени, когда, как говорят, был принят новый закон Эпитадея, по крайней мере, до того, как этот закон успел произвести какие-либо ощутимые последствия. Если же древние девять тысяч лотов по-прежнему оставались разрозненными, без объединения или разделения, то как объяснить малое число граждан во время заговора Кинадона?

Это исследование доказательств, ради которого я был вынужден продлить настоящую заметку, показывает: 1. Что гипотеза о неделимых, неотчуждаемых лотах, сохранявшихся в Спарте в течение длительного периода в неизменном количестве, не только поддерживается самым минимумом утвердительных доказательств, но и опровергается очень хорошими отрицательными доказательствами. 2. Гипотеза, согласно которой приданое дочерям запрещено законом, действительно подтверждается Плутархом, Илианом и Юстином, но опровергается более весомым авторитетом Аристотеля.

Недавнее издание "Гераклида Понтийского", опубликованное Шнейдевином в 1847 году, после моего первого издания, представляет измененный текст, который полностью подтверждает мою интерпретацию. Его текст, полученный в результате более полного сравнения существующих MSS, а также на основании лучшего критического суждения (см. его Prolegg. с. iii. p. liv.), гласит-Πωλεῖν δὲ γῆν Λακεδαιμονίους αἰσχροὺν νενόμισται- τῆς δὲ ἀρχαίας μοίρας οὐδὲ ἔστιν (стр. 7). Совершенно очевидно, что весь этот отрывок относится к продаже земли, а не к завещанию, или наследованию, или разделу. Так что многое *отрицательное* несомненно, и Шнейдевин в своем примечании (стр. 53) отмечает, что это противоречит Мюллеру, Герману и Шеманну, добавляя, что различие проводится между землей, унаследованной от первоначального семейного лота, и землей, приобретенной иным способом, путем дарения, завещания и т. д. Продажа первых была абсолютно незаконной: продажа вторых была дискредитирующей, но не абсолютно незаконной. Аристотель в "Политике" (ii. 6, 10) не замечает никакого подобного различия между землей, унаследованной от первобытных участков, и землей, приобретенной иным способом. Возможно, в стране неписаных обычаев, как Спарта, также не существовало четко определенной линии разграничения между тем, что было просто позорным, и тем, что было

абсолютно незаконным. Шнейдевин в своем примечании, однако, предполагает изначальное равенство лотов как несомненное само по себе и как причину запрета: ни то, ни другое не представляется мне верным.

Я говорю об этой запутанной компиляции все еще под именем Herakleidês Ponticus, под которым она обычно известна: хотя Шнейдевин во второй главе своих Prolegomena показал достаточные основания полагать, что нет никаких оснований связывать ее с именем Herakleidês. Он пытается установить, что работа состоит из Excerpta из потерянного трактата Аристотеля περὶ Πολιτειῶν: это хорошо сделано в отношении некоторых частей, но недостаточно, чтобы оправдать его вывод в отношении целого. Статья, в которой Велькер обосновывает приписывание этого произведения одному из изгнанников Гераклида, неудовлетворительна (Kleine Schriften, p. 451).

Кроме этого не относящегося к делу отрывка из "Гераклида Понтийского", Мюллер и Мансо не приводят больше никаких доказательств в пользу своего утверждения, что спартанский участок земли был неделимым в отношении наследования.

[713] Ирод. vi. 57, при перечислении привилегий и льгот царей-δικάζειν δὲ μόνους τοὺς βασιλῆας τόσαδε μοῦνα- πατρούχου τε παρθένου πέρι, ἐς τὸν ἰκνέεται ἔχειν, ἣν μὴ περ ὁ πατὴρ αὐτὴν ἐγγυήσῃ- καὶ ὁδῶν δημοσιέων πέρι- καὶ ἣν τις θετὸν παῖδα ποιέεσθαι ἐθέλῃ, βασιλῆων ἐνάντιον ποιέεσθαι.

Кажется любопытным, что πατρούχος παρθένος должен означать девицу, у которой *нет отца* (буквально, *lucus a non lucendo*): но я полагаю, что мы должны принять это на основании авторитета Юлия Поллукса и Тимеуса. Исходя из этого толкования, Валькенаер дает смысл отрывка очень справедливо: "Orbæ nuptias, necdum a patre desponsatæ, si plures sibi vindicarent, fieretque ἡ ἐπίκληρος, ut Athenis loquebantur, ἐπίδικος, Spartæ lis ista dirimebatur a regibus solis."

Описанная здесь судебная функция сильно отличается от формулировки д-ра Тирлуолла о том, что "короли распоряжались руками наследниц-сирот в тех случаях, когда отец не выражал своей воли". Такое распоряжение в какой-то мере приближалось бы к тому всемогуществу, на которое Аристофан (Весп. 585) заставляет старика Филоклеона претендовать в отношении афинских дикастов (преувеличение, хорошо рассчитанное на то, чтобы заставить поэта представить дикастов чудовищами каприза и несправедливости), и было бы аналогично той власти, которой английские короли пользовались три века назад в качестве феодальных опекунов над подопечными. Но язык Геродота не согласуется с идеей о том, что цари *выбирали* мужа для наследницы-сироты. На нее претендовали по праву лица, состоящие с ней в определенной степени родства. Был ли закон о ἀρχίστεια, родстве, несущем юридические права, таким же, как в Афинах, мы не можем сказать; но вопрос, вынесенный на решение в Спарте царям, а в Афинах - дикастериям, был, несомненно, тем же, согласно вышеприведенной заметке Валькенаера, - а именно, кому из различных претендентов на брак действительно принадлежал лучший юридический титул. Действительно, достаточно вероятно, что два царственных потомка Гераклеса могли злоупотреблять своей судебной функцией, поскольку известны различные случаи, когда они брали взятки; но они вряд ли стали бы злоупотреблять ею в пользу необеспеченного юноши.

Далее, что касается усыновления: Геродот говорит нам, что церемония усыновления совершалась перед царями: вполне вероятно, что за это взималась какая-то плата. Но это не дает оснований полагать, что они принимали участие в определении *того, кого* должен был



усыновить бездетный отец. Согласно аттическому закону об усыновлении, должны были быть выполнены условия, получено согласие, проверено отсутствие дисквалифицирующих обстоятельств и т. д.; и обязательно должен был быть какой-то орган, перед которым это должно было быть сделано (см. Meier und Schömann, Attisch. Prozess, b. iii. ch. ii. p. 436). В Спарте такой властью по древнему обычаю обладал царь: но нам не говорят, да и не представляется вероятным, "что он мог вмешиваться, вопреки желаниям отдельных лиц, чтобы облегчить бедность", как полагает д-р Тирлуолл.

[714] Σπάρτα δαμασίμβροτος, Simonidês, apud Plutarch. Agesilaus, c. 1.

[715] Aristotel. Polit. ii. 6, 9, 19, 23. τὸ φιλότιμον-τὸ φιλοχρήματον.

[716] Aristot. Polit. ii. 6, 12.

[717] Aristot. Polit. ii. 6, 22. Τοιγαροῦν ἐσῳζοντο μὲν πολεμοῦντες, ἀπώλοντο δὲ ἄρξαντες и т. д. Сравните также vii. 13, 15.

[718] Plutarch, Kleomen. c. 8; Phylarch. ap. Athenæ. vi. p. 271.

Чужеземцы, называемые Τρόφιμοι, и незаконнорожденные сыновья спартанцев, которых Ксенофонт упоминает с хвалебными словами, как "принявших участие в почетном обучении города", вероятно, были введены таким же образом, благодаря частной поддержке богачей (Xenoph. Hellen. v. 3, 9). Тогда ксендзы, должно быть, практически значительно ослабли, если не исчезли.

[719] Strabo, viii. p. 362; Steph. Byz. Αἴθαια.

Если толковать слово πόλεις широко, чтобы включить в него как небольшие, так и значительные поселения, то эта оценка, вероятно, ниже истины; поскольку даже в депрессивные времена современной Греции часть древней Лаконии (включая в это понятие Мессению) насчитывала гораздо больше ста *бургов*.

Что касается только территории под названием Ла-Магна, между Каламатой в Мессенском заливе и Капо-ди-Магна, нижней частью полуострова Тенара, см. любопытное письмо, адресованное герцогу де Неверу в 1618 году (по случаю планируемого движения за освобождение Мореи от турок и для обеспечения ему суверенитета над ней, как потомку Палеологов) конфиденциальным агентом, которого он туда отправил, - М. Шаторено, который присылает ему "некую статистическую таблицу Магны, где перечислены 125 бургов или деревень, в которых проживает 4913 человек, и которые могут дать 10 000 бойцов, в том числе 4000 вооруженных и 6000 без оружия (между Каламатой и Капо ди Магна)". (Mémoires de l'Académie des Inscriptions, tom. xv. 1842, p. 329. Mémoire de M. Berger Xivrey.)

Эта оценка не так уж далека от оценки полковника Лика, сделанной в начале нынешнего века, который считает, что в Мани (на той же территории) тогда было сто тридцать городов и деревень; и это при том состоянии общества, которое было крайне беспокойным и небезопасным, - где частная вражда и частные башни, или пирги, для обороны были повсеместными, и в некоторых районах которого, говорит полковник Лик, "я вижу людей, готовящих землю для хлопка, с кинжалом и пистолетами у пояса". Это, похоже, обычное вооружение земледельца, когда нет особых подозрений в опасности: пастух почти всегда вооружен мушкетом". ... "Маниоты считают, что их население составляет тридцать тысяч человек, а их мушкеты - десять тысяч". (Leake, Travels in Morea, vol. i. ch. vii. pp. 243, 263-266).

Теперь, под властью Спарты, вся Лакония, несомненно, пользовалась полной внутренней безопасностью, так что мысль о том, чтобы земледelec обрабатывал свою землю с оружием в руках, была неслыханной. Если исходить из того, что только что было сказано о численности населения Маниоты и количестве волостей, то сто πόλεις для всей Лаконии - это очень умеренное исчисление.

[720] Aristot. Λακων. Πολιτεία, ap. Schol. Pindar. Isthm. vii. 18.

Я согласен с М. Боэком, что сам Пиндар отождествляет этот поход эгеидов в Амиклею с первоначальным завоеванием Гераклидами Пелопоннеса. (Notæ Criticæ ad Pindar. Pyth. v. 74, p. 479.)

[721] Pausan. iii. 2, 6; iii. 12, 7.

[722] Pausan. iii. 22, 5.

[723] Pausan. iii. 19, 5.

[724] Xenoph. Hellen. iv. 5, 11.

[725] Pausan. iii. 2, 7; iii. 20, 6. Strabo, viii. p. 363.

Если верно, как утверждает Павсаний, что аргейцы помогали Гелусу сопротивляться, то их помощь, вероятно, была оказана по морю; возможно, из Эпидавра-Лимеры или Прасии, когда они входили в состав Аргейской федерации.

[726] История дорийцев, i. 7, 10 (примечание). Похоже, что Диодор довольно подробно изложил историю мессенских войн, если судить по фрагменту последней седьмой книги, содержащему дебаты между Клеоннисом и Аристоменесом. Очень вероятно, что он был заимствован у Эфора, хотя это нам неизвестно.

О высказываниях Павсания относительно Мирона и Риана см. iv. 6. Однако, помимо Мирона и Риана, он, по-видимому, получил устные сообщения от современных мессенцев и лакедемонян; по крайней мере, в некоторых случаях он излагает и противопоставляет две противоречивые истории (iv. 4, 4; iv. 5, 1).

[727] Pausan. iv. 27, 2-3: Diodor. xv. 77.

[728] См. Diodor. Fragm. lib. viii. vol. iv. p. 30: в своем кратком изложении мессенских событий (xv. 66) он представляет это как вопрос, по которому авторы расходятся во мнениях, относится ли Аристомен к первой или второй войне. Клеменс Александр. (Prot. p. 36) относит его к *первой*, той же, что и Мирон, упоминая, что он убил Теопомпа.

Весселинг замечает (ad Diod. l. c.): "Duo fuerunt Aristomenes, uterque in Messeniorum contra Spartanos bello illustrissimus, alter posteriore, priore alter bello."

Если это дублирование одноименных лиц не будет доказано какими-то побочными доказательствами, я считаю это равносильным признанию неразрешимости проблемы.

Павсаний сдержан в своей манере выносить суждения, -ὁ μὲντοι Ἀριστομένης δόξη γε ἐμῇ γέγονεν ἐπὶ τοῦ πολέμου τοῦ ὑστέρου (iv. 6). Мюллер (Dorians, i. 7, 9) заходит слишком далеко, когда утверждает, что заявление Мирона "противоречит всем традициям". Мюллер неверно приводит цитату из Плутарха, Agis, c. 21 (см. его примечание h). Плутарх ничего не говорит о *Тиртее*: он говорит, что мессенцы утверждали, что их герой Аристоменес *убил* спартанского царя Теопомпа, тогда как лакедемоняне говорили, что он только *ранил* царя. Таким образом,

согласно *обеим* версиям, Аристоменес относится к *первой* Мессенской войне, а не ко *второй*.

[729] Tyrtaeus, Fragm. 6, Gaisford. Но Тиртея не следует понимать так, что он утверждает однозначно (как Павсаний, г-н Клинтон и Мюллер). Клинтон и Мюллер), что Теопомп выжил и положил конец войне: его язык мог бы соответствовать предположению, что Теопомп был убит на войне, - "Ὁν δ' ἴα (Theopompus), Μεσσήνην εἵλομεν εὐρύχορον.

Ибо мы, конечно, можем с полным правом сказать: "Это благодаря Эпаминондасу спартанцы были покорены и смиренны; или это благодаря лорду Нельсону французский флот был уничтожен в последней войне", хотя оба они погибли в результате свершения.

Таким образом, Тиртэй не противоречит утверждению, что Теопомп был убит Аристоменесом, и не может быть приведен в качестве свидетеля, доказывающего, что Аристоменес не жил во время *первой* Мессенской войны; именно с этой целью Павсаний цитирует его (iv. 6).

[730] Isokratês (Archidamus), Or. vi. pp. 121-122.

[731] Страбон (vi. p. 257) приводит аналогичный рассказ о святотатстве и убийственном поведении мессенских юношей в храме Артемиды Лимнатис. Его версия, в значительной степени совпадающая с лакедемонской, кажется заимствованной у Антиоха, современника Фукидида, и, следовательно, является более ранней, чем основание Мессены Эпаминондом, от которого берут начало фило-мессенские высказывания. Антиох, писавший в период расцвета лакедемонской власти, естественно, рассматривал мессенцев как безвозвратно павших, и нечестие, о котором здесь рассказывается, было в его понимании естественной причиной того, что божественные суды настигли их. Эфор приводит аналогичный рассказ (ap. Strabo. vi. p. 280).

Сравните Гераклида Понтийского (ad calcem Cragii De Rep. Laced. p. 528) и Юстина, iii. 4.

Владение этим храмом Артемиды Лимнатис и округом Агер Дентелиатс, в котором он находился, было предметом постоянных споров между лакедемонянами и мессенцами после основания города Мессены, вплоть до времени римского императора Тиберия (Tacit. Annal. iv. 43). См. Stephan. Byz. v. Δελθάνιοι; Pausan. iii. 2, 6; iv. 4, 2; iv. 31, 3. Strabo, viii. p. 362.

О расположении храма Артемиды Лимнатис и описание Агера Дентелиата см. в книге профессора Росса "Reisen im Peloponnes", i. pp. 5-11. Он обнаружил два межевых камня с надписями, относящимися ко времени первых римских императоров и обозначающими границы Лакедемона и Мессены; оба они находятся на линии самого высокого хребта Тайгета, где воды разделяют восток и запад, и значительно восточнее храма Артемиды Лимнатис, так что в то время Агер-Дентелиаты считались частью Мессении.

Теперь я узнал, что полковник Лик (Пелопоннесиака, стр. 181) считает эти надписи, обнаруженные профессором Россом, не доказывающими, что храм Артемиды Лимнатис находился рядом с местом, где они были найдены. Его авторитет имеет для меня большое значение в этом вопросе, хотя аргументы, которые он здесь использует, не кажутся мне убедительными.

[732] Возможно, именно к этому случаю относится история Эпеунакти, приведенная Теопомпом (ap. Athenæ. vi. p. 271), - гелоты, принятые на место сна своих хозяев, убитых на войне и впоследствии получивших право голоса.

История Парфения, неясная и непонятная, относится к основанию колонии Тараса, или Тарентума (Strabo, vi. p. 279).

[733] См. Плутарх, De Superstitione, p. 168.

[734] См. Pausan. iv. 6-14.

Подробное обсуждение можно найти в книге Мансо "Спарта", посвященной авторитетам, которым следовал Павсаний в своей "Истории Мессенских войн", 18<sup>е</sup> Beilage, tom. ii. p. 264.

"Очевидно, было бы глупо (замечает он, стр. 270) полагать, что в истории мессенских войн, как ее излагает Павсаний, мы имеем *подлинную* историю этих событий".

[735] Tyrtæus, Fragm. 5, 6 (Schneidewin).

С. Ф. Герман считает обращение с мессенцами после первой войны мягким по сравнению с тем, каким оно стало после второй (Lehrbuch der Griech. Staatsalterthümer, sect. 31), предположение, которое подчеркивающие слова Тиртея делают неприемлемым.

[736] Это прямое сравнение, введенное Павсанием, iv. 5, 2.

[737] Плутарх, Sept. Sapient. Convivium, p. 159.

[738] Pausan. iv. 18, 4. Ἀριστομένην δὲ ἕξ τε τὰ ἄλλα θεῶν τις, καὶ δὴ καὶ τότε ἐφύλασσε.

Плутарх (De Herodot. Malignitat. p. 856) утверждает, что Геродот упоминал об Аристоменесе как о пленнике лакедемонян, но Плутарх, должно быть, обманул свою память, так как Геродот не упоминает об Аристоменесе.

[739] Повествование в Павсании, iv. 15-24.

Согласно случайному упоминанию в Геродоте, саамийцы утверждали, что они помогали Лакедемону в войне против Мессенка, - в какой период, мы не знаем (Herodot. iii. 56).

[740] Τοὺς δὲ Μεσσηνίους οἷδα αὐτὸς ἐπὶ ταῖς σπονδαῖς Ἀριστομένην Νικομηδους καλοῦντας (Pausan. ii. 14, 5). Эта практика продолжалась и в его время.

Сравните также Pausan. iv. 27, 3; iv. 32, 3-4.

[741] Павсаний сам слышал эту песню (iv. 16, 4) - Ἐπέλεγον ᾄσμα τὸ καὶ ἐς ἡμᾶς ἔτι ἀδόμενον:-.

Ἦς τε μέσον πεδίων Στενυκλήριον ἕς τ' ὄρος ἄκρον

Εἶπετ' Ἀριστομένης τοῖς Λακεδαιμονίοις.

Согласно одному рассказу, лакедемоняне, как говорят, завладели личностью Аристоменеса и убили его: они нашли в нем волосатое сердце (Steph. Byz. v. Ἀνδανία).

[742] Pausan. iv. 15, 1.

Возможно, Леотихид был царем во время последнего восстания гелотов, или мессенцев, в 464 году до н. э., которое называют третьей мессенской войной. Похоже, что тогда он был в изгнании из-за своей продажности во время фессалийской экспедиции, но еще не умер (Herodot. vi. 72). Реальность того, что г-н Клинтон называет *третьей* Мессенской войной в 490 году до н. э., я не вижу достаточных доказательств (см. Fast. Hell. vol. i. p. 257).

Поэма Риана называлась Μεσσηνιακά. Он также написал Θεσσαλικά, Ἡλιακά, Ἀχαϊκά. См. фрагменты - их очень мало - в сборнике Дюнцера, с. 67-77.

Кажется, он упоминает Никотелею, мать Аристоменеса (Fr. ii. p. 73): сравните Pausan. iv. 14, 5.

Я могу заметить, что Павсаний на протяжении всего своего рассказа о второй Мессенской войне называет царя Анаксандра предводителем лакедемонских войск; но у него нет для этого никаких оснований, как мы видим из iv. 15, 1. Это его собственный расчет, основанный на πατέρων πατέρες Тиртея.

[743] Pausan. iv. 15, 3; Justin. iii, 5, 4. Сравни Платон, Legg. ii. p. 630, Diodor. xv. 66; Lycurg. cont. Leokrat. p. 162. Филохор и Каллистенес также представляли его уроженцем Афидны в Аттике, что Страбон оспаривает на слабых основаниях (viii. p. 362); Philochor. Fr. 56 (Didot).

[744] Плутарх, Тесей, с. 33; Pausan. i. 41, 5; Welcker, Alkman. Fragm. p. 20.

[745] Plutarch, Kleomen. с. 2. Ἀγαθὸς νέων ψυχὰς αἰκάλλειν.

[746] Philochorus, Frag. 56, ed. Didot; Lycurgus cont. Leokrat. p. 163.

[747] См. Плутарх, De Musicâ, pp. 1134, 1142, 1146.

[748] Thucyd. v. 69; Xenoph. Rep. Laced. с. 13.

[749] См. трактат Плутарха, De Musicâ, passim, особенно с. 17, p. 1136 и т. д.; 33, p. 1143. Plato, Republ. iii. p. 399; Aristot. Polit. viii. 6, 5-8.

Прекрасный трактат "De Metris Pindari", приложенный М. Бёкхом к его изданию Пиндара, полон наставлений как по этому, так и по всем другим вопросам, связанным с греческой музыкой (см. lib. iii. с. 8, p. 238).

[750] Aristot. Polit. v. 7, 1; Pausan. iv. 18, 2.

[751] Pausan. vi. 12, 2; Strabo viii. p. 355, где Νέστωρος ἀπόγονοι означает пилийцев из Трифилии.

[752] Что касается положения элейцев и пизатов во время второй Мессенской войны, то здесь наблюдается путаница в различных утверждениях: поскольку все они не могут быть согласованы, мы вынуждены сделать выбор.

То, что элейцы были союзниками Спарты, а пизанцы - Мессении, и что состязания Спарты и Мессении были смешаны с состязаниями Элиса и Пизы по поводу агонотесии Олимпийских игр, соответствует одному отчетливому утверждению Страбона (viii. pp. 355, 358), а также отрывку из Phavorinus v. Αὐγείας, и, кроме того, косвенно подтверждается мнением Павсания об отношениях между Элидой и Пизой (vi. 22, 2), из которого ясно следует, что агонотесия была предметом постоянного спора между ними, пока пизанцы не были окончательно подавлены элейцами во времена Пирра, сына Панталеона. Кроме того, этому же мнению действительно соответствует другой отрывок из Страбона, который, как кажется, противоречит ему, но который Мюллер и другие признают нуждающимся в исправлении, хотя исправление, которое они предлагают, кажется мне не самым лучшим. Отрывок (viii. p. 362) выглядит следующим образом: Πλεονάκις δ' ἐπολέμησαν (мессенцы и лакедемоняне) διὰ τὰς ἀποστάσεις τῶν Μεσσηνίων. Τὴν μὲν οὖν πρώτην κατάκτησιν αὐτῶν φησὶ Τυρταῖος ἐν τοῖς ποιήμασι κατὰ τοὺς τῶν πατέρων πατέρας γενέσθαι- τὴν δὲ δευτέραν, καθ' ἣν ἐλόμενοι συμμάχους Ἠλείους καὶ Ἀργεῖους καὶ Πισατὰς ἀπέστησαν, Ἀρκάδων μὲν Ἀριστοκράτην τὸν Ὀρχομένου βασιλέα παρεχομένων στρατηγὸν, Πισατῶν δὲ Πανταλέοντα τὸν Ὀμφαλίωτος- ἥνικα φησὶν αὐτὸς



στρατηγῆσαι τὸν πόλεμον τοῖς Λακεδαιμονίοις, и т.д. Здесь очевидно, что в перечисление союзников должны были быть включены аркадяне; соответственно, и О. Мюллер, и г-н Клинтон (ad annum 672 до н. э.) согласны изменить отрывок таким образом: они вставляют слова καὶ Ἀρκαδας после слова Ἠλείους, так что и элейцы, и пизанцы сразу же оказываются союзниками Мессении. Я утверждаю, что это само по себе неправдоподобно и не согласуется с ранее приведенным отрывком Страбона: правильным способом изменения отрывка, по моему мнению, является замена слова Ἀρκαδας на слово Ἠλείους, что делает оба отрывка Страбона согласованными друг с другом и едва ли наносит тексту большее насилие.

Против принятой здесь точки зрения, несомненно, выступает отрывок Павсания (iv. 15, 4), который причисляет элейцев к союзникам Мессении и не упоминает пизатов. Утверждение Юлия Африкана (ар. Eusebium Chronic. i. p. 145, что пизаты восстали из Элиды в 30-ю Олимпиаду и сами праздновали Олимпийские игры до Ol. 52, в течение двадцати двух последовательных церемоний) противоречит, во-первых, Павсанию (vi. 22, 2), который представляется мне ясным и ценным утверждением, исходя из его конкретной ссылки на три неолимпиады, во-вторых, Павсанию (v. 9, 4), когда элейцы в 50-й олимпиаде определяют число элладотиков. Я согласен с Корсини (Fasti Attici, t. iii. p. 47) в отклонении этого отрывка Юлия Африкана: Г-н Клинтон (F. H. p. 253) недоволен Корсини за это подозрение, но сам он фактически делает то же самое; ибо, чтобы примирить Юлия Африканского с Пансанием, он вводит предположение, совершенно отличное от того, что утверждает каждый из них; *то есть* совместную агонотезию элейцев и пизанцев вместе. Эта гипотеза г-на Клинтона кажется мне необоснованной и неприемлемой: Сам Африкан хотел сказать нечто совершенно иное, и я полагаю, что он был введен в заблуждение ошибочным авторитетом. См. г-н Клинтон, F. H. ad. ann. 660 до н. э. - 580 до н. э.

[753] Plutarch, De Serâ Num. Vind. p. 548; Pausan. iv. 15, 1; iv. 17, 3; iv. 23, 2.

Дата второй Мессенской войны и промежуток между второй и первой - вопросы, в отношении которых также существуют непримиримые расхождения в утверждениях; мы можем лишь выбрать наиболее вероятное: см. отрывки, собранные и рассмотренные О. Мюллером (Dorians, i. 7, 11, и г-ном Клинтоном, Fast. Hellen. vol. i. Appendix 2, p. 257).

Согласно Павсанию, вторая война длилась с 685 по 668 год до н. э., а интервал между первой и второй войной составлял тридцать девять лет. Юстин (iii. 5) считает интервал в восемьдесят лет, Евсевий - в девяносто лет. Главным доказательством является отрывок из Тиртея, где поэт, говоря о второй войне, говорит: "Отцы наших отцов завоевали Мессену".

Мистер Клинтон придерживается мнения Павсания; он полагает, что реальная дата всего на шесть лет ниже (679-662). Но я согласен с Клавье (Histoire des Premiers Temps de la Grèce, t. ii. p. 233) и О. Мюллером (l. c.) в том, что интервал в тридцать девять лет слишком мал, чтобы соответствовать фразе *отцов об отцах*. Говоря о нынешнем годе (1846), было бы неправильно сказать: "Отцы наших отцов вели войну между 1793 годом и Амьенским миром": мы должны скорее сказать: "Отцы наших отцов вели американскую войну и Семилетнюю войну". Эпоха характеризуется зрелыми и даже пожилыми членами - теми, кому от тридцати пяти до пятидесяти пяти лет.

Соглашаясь здесь с О. Мюллером против г-на Клинтона, я также согласен с ним в том, что лучшим признаком даты второй Мессенской войны является утверждение о Панталеоне: 34-я Олимпиада, которую праздновал Панталеон, вероятно, пришлась на время войны; таким образом, она была бы перенесена намного позже времени, указанного Павсанием, но не так далеко, как Евсевий и Юстин: точный год ее начала, однако, у нас нет возможности установить.

Кребс в своих рассуждениях о фрагментах утраченных книг Диодора считает, что этот историк поместил начало второй Мессенской войны в 35-ю Олимпиаду (640 г. до н. э.) (Krebs, *Lectiones Diodoreæ*, pp. 254-260).

[754] Diodor. xv. 66; Polyb. iv. 33, который цитирует Kallisthenês; Paus. viii. 5, 8. Ни надпись, приведенная Полибием, ни ссылка в Плутархе (*De Serâ Numin. Vindictâ*, p. 548) не соответствуют рассказу Павсания, поскольку обе они подразумевают тайную и долго скрываемую измену, которая была поздно обнаружена благодаря вмешательству богов; в то время как Павсаний описывает измену Аристократа в битве при Траншеи как явную и очевидную.

[755] Herakleid. Pontic. ap. Diog. Laërt. i. 94.

[756] Pausan. iv. 24, 2; iv. 34, 6; iv. 35, 2.

[757] Thucyd. i. 101.

[758] Павсаний говорит: τὴν μὲν ἄλλην Μεσσηνίαν, πλὴν τῆς Ἀσιναίων, αὐτοῖς διελάχον, etc. (iv. 24, 2.)

В апофтегме, приписываемой царю Полидору, вождю спартанцев во время первой Мессенской войны, его спрашивают, действительно ли он берет оружие против своих братьев, на что он отвечает: "Нет; я только иду в поход на нераспределенную часть территории". (Plutarch, *Apophthegm. Lakonic.* p. 231.) -ἐπὶ τὴν ἀκλήρωτον χώραν.

[759] Pausan. vi. 22, 2; v. 6, 3; v. 10, 2; Strabo, viii. pp. 355-357.

Храм в честь Зевса в Олимпии был впервые возведен элейцами из трофеев этой экспедиции (Pausan. v. 10, 2).

[760] Thucyd. v. 31. Однако даже Лепреум характеризуется как элейский (Aristoph. *Aves*, 149): сравните также Steph. Byz. v. Τριφυλία, ἡ Ἱλιδ.

Даже на 6-й Олимпиаде житель Диспонтия провозглашается победителем на стадионе под именем "элейца из Диспонтия"; провозглашают его, конечно, элейцы, - как и на 27-й Олимпиаде: см. Стефан. Byz. v. Δυσπόντιον, который показывает, что жители Писатиды не могли стать независимыми от Элиса в 26-ю Олимпиаду, как утверждает Страбон (viii. p. 355).

[761] Herodot. iv. 149; Strabo, viii. p. 343.

[762] Diodor. xiv. 17; xv. 77; Xenoph. *Hellen.* iii. 2, 23, 26.

Вероятно, примерно в этот период впервые появилась идея местного эпонима Трифила, сына Аркаса (Polyb. iv. 77).

[763] Hermippus ap. Athenæ. i. p. 27. Ἀνδράποδ' ἐκ Φρυγίας, ἀπὸ δ' Ἀρκαδίας ἐπικούρους. Также, Ксеноф. *Hellen.* vii. 1, 23. πλεῖστον δὲ φύλον τῶν Ἑλληνικῶν τὸ Ἀρκαδικὸν εἶη и т. д.

[764] Pausan. viii. 6, 7; viii. 37, 6; viii. 38, 2. Ксений, один из военачальников греческих наемников на службе Кира Младшего, уроженец Паррасийского округа в Аркадии, с большой торжественностью отмечает во время похода вверх праздник и игры Ликеи (Xenoph. *Anab.* i. 2 10; ср. Pindar, *Olymp.* ix. 142).

Во многих лесах Аркадии во времена Павсания водились не только кабаны, но и медведи (viii. 23, 4).

[765] Pausan. viii. 26, 5; Strabo, viii. p. 388.

Некоторые географы разделяли аркадян на три подразделения: азанов, паррасов и трапезунтов. Азан происходил от сына Аркаса, и его жребий при разделе отцовского наследства, как говорят, содержал семнадцать городов (ὅς ἔλαχεν Ἀζήν). Стефан. Byz. v. Ἀζανία-Παρρασία. Клейтор кажется главным местом в Азании, насколько мы можем судить по родословной (Pausan. viii. 4, 2, 3). Пэус, или Пяос, откуда явился азанскому жениху дочери Клейстенеса, находился между Клейтором и Псофисом (Herod. vi. 127; Paus. viii. 23, 6). Однако дельфийский оракул причисляет жителей Фигалеи, расположенной в юго-западном углу Аркадии, к азанам (Paus. viii. 42, 3).

Место погребения Арея предположительно находилось на горе Меналус (Paus. viii. 9, 2).

[766] Thucyd. v. 65. Сравните описание местности у профессора Росса (Reisen im Peloponnes. iv. 7).

[767] Strabo. viii. p. 337.

[768] Herodot. ix. 27.

[769] Strabo, 1. с. Мантинея причисляется к древнейшим городам Аркадии (Polyb. ii. 54). И Мантинея, и Орхомен первоначально занимали очень возвышенные места на холмах, а затем были перестроены в более крупных масштабах, ниже, ближе к равнине (Pausan. viii. 8, 3; 12, 4; 13, 2).

Что касается отношений в ранний исторический период между Спартой, Аргосом и Аркадией, есть новый фрагмент Диодора (среди тех, что недавно опубликовал Дидо из "Экзерптов" в Эскуриальской библиотеке, Fragment. Historic. Græcor. vol. ii. p. viii.). Аргеицы выступили на стороне аркадян против Спарты и ценой значительных потерь и страданий вернули себе завоеванные части Аркадии. Аргосский царь вернул аркадянам отвоеванную территорию, но аргеицы были возмущены тем, что он не оставил ее у себя и не распределил между ними в качестве награды за потери в борьбе. Они подняли восстание против царя, который был вынужден бежать и укрыться в Тегее.

У нас нет ничего, что иллюстрировало бы этот фрагмент, и мы не знаем, к какому царю, дате или событиям он относится.

[770] Μαῖναλὶν δυσχεΐμερος (Дельфийский оракул, ар. Paus. viii. 9, 2).

[771] Ксенофонт, описывая пыл, с которым Эпаминондас вдохновлял своих солдат перед этой последней битвой, говорит (vii. 5, 20), προθύμως μὲν ἔλευκοῦντο οἱ ἰππεῖς τὰ κράνη, κελεύοντος ἐκείνου- ἐπεγράφοντο δὲ καὶ τῶν Ἀρκάδων ὀπλίται, ῥόπαλα ἔχοντες, ὡς Θηβαῖοι ὄντες- πάντες δὲ ἤκονῶντο καὶ λόγχας καὶ μαχαίρας, καὶ ἐλαμπρύνοντο τὰς ἀσπίδας.

Вряд ли можно представить себе, что эти аркадские копьеносцы должны были обладать щитом и полным снаряжением. Язык Ксенофонта, называющего их гоплитами, и термин ἐπεγράφοντο, относящийся к надписи на щите, кажется, были задуманы в духе презрительной насмешки, исходящей из мизо-фиванских наклонностей Ксенофонта: "Аркадские гоплиты со своими дубинами выставляют себя не хуже фиванцев". О том, что эти наклонности Ксенофонта проявляются в выражениях, весьма неподобающих достоинству истории (хотя и любопытных как свидетельства времени), можно судить по vii. 5, 12, где он говорит о фиванцах: -ἐνταῦθα δὲ οἱ πῦρ πνέοντες, οἱ νενικηκότες τοὺς Λακεδαιμονίους, οἱ τῷ παντὶ πλέονες, etc.

[772] Thucyd. v. 33, 47, 81.

[773] Thucyd. 1. с. Сравните поучительную речь Клейгенеса, посланника из Аканта, обращенную к лакедемонянам в 382 г. до н. э. (Xen. Hellen. v. 2, 15-16).

[774] Xenoph. Hellen. v. 2, 1-6; Diodor. xv. 19.

[775] Xenoph. Hellen. vi. 5, 10-11; vii. 1, 23-25.

[776] Pausan. viii. 27, 5. Ни один экист не упоминается из Орхомена, хотя три из мелких волостей, *вносивших вклад* (συντελοῦντα) в Орхомен, были включены в новый город. Вражда между соседними городами Орхоменом и Мантинеей была ожесточенной (Xen. Hellen. vi. 5, 11-22). Орхомен и Герая выступали против политической конфедерации Аркадии.

Орация Демосфена, ὑπὲρ Μεγαλοπολιτῶν, убедительно свидетельствует о важности этого города, особенно в 10-й главе, -ἐὰν μὲν ἀναιρεθῶσι καὶ διοικισθῶσιν, ἰσχυροῖς Λακεδαιμόνιοις εὐθύς ἐστιν εἶναι и др.

[777] Pausan. iii. 2, 6; iii. 7, 3; viii. 48, 3.

[778] Pausan. viii. 39, 2.

[779] Alkman, Fr. 15, Welcker; Strabo, x. p. 446.

[780] То, что скириты были аркадянами, хорошо известно (Thuc. v. 47; Steph. Byz. v. Σκίρος); владение Белеминой оспаривалось у Спарты, в дни ее сравнительного унижения, аркадянами: см. Плутарх, Kleomenês, 4; Pausan. viii. 35, 4.

О Кари (пограничном городе Спарты, где приносились жертвы διαβατήρια, Thuc. v. 55) см. у Фотия *Καρυάτεια-ἐορτὴ Ἀρτέμιδος*- τὰς δὲ Καρύας Ἀρκάδων οὔσας ἀπετέμοντο Λακεδαιμόνιοι.

Готовность, с которой карийцы и малеаты восстали против Спарты после битвы при Лейктре, еще до вторжения фиванцев в Лаконию, показывает их, по-видимому, как завоеванные чужеземные зависимости Спарты, не имеющие никакого родства (Xenoph. Hellen. vi. 5, 24-26; vii. 1, 28). Лейктрон, в Малеатисе, кажется, составлял часть территории Мегалополя во времена Клеомена Третьего (Плутарх, Клеоменес, 6); во время Пелопоннесской войны это был пограничный город Спарты в направлении горы Ликей (Thuc. v. 53).

[781] Herod. i. 66. καταφρονήσαντες Ἀρκάδων κρέσσονες εἶναι, ἐχρηστηρίαζοντο ἐν Δέλφοις ἐπὶ πάσῃ τῇ Ἀρκάδων χωρῇ.

[782] Herod. i. 67; Pausan. iii. 3, 5; vii. 45, 2.

Геродот видел такие же цепи, подвешенные в храме Athênê Alea в Tereë.

[783] Herod. i. 69-70.

[784] Herod. ix. 26.

[785] Xenoph. Hellen. v. 2, 19. Ὡςπερ Ἀρκάδες, ὅταν μεθ' ὑμῶν ἴωσι, τὰ τε αὐτῶν σώζουσι καὶ τὰ ἀλλότρια ἀρπάζουσι и т. д.

Это было сказано лакедемонянам примерно за десять лет до битвы при Лейктре.

[786] Herod. i. 82.

[787] Pausan. ii. 25, 1.

[788] Pausan. iii. 7, 5.

[789] Herod. i. 82; Strabo, viii. p. 376.

[790] Аргейцы показывали в Аргосе статую Перилая, сына Алкенора, убивающего Отриадеса (Pausan. ii. 20, 6; ii. 38, 5: сравните х. 9, 6 и ссылки в Larcher ad Herodot. i. 82). Рассказ Хризерма, ἐν τρίτῳ Πελοποννησιακῶν (приводится у Плутарха, Parallel. Hellenic. p. 306), отличается во многих отношениях.

Павсаний нашел Тиреатис у аргейцев (ii. 38, 5). Они сказали ему, что вернули его по решению суда; когда и кем, мы не знаем: похоже, он перешел обратно в Аргос до конца правления Клеомена Третьего в Спарте (220 г. до н. э.), Polyb. iv. 36.

Страбон даже относит Прасиес к аргейцам, к югу от Кинурии (viii. p. 368), хотя в другом своем отрывке (p. 374), похоже, цитируемом Эфором, он рассматривается как лакедемонянин. Сравните Мансо, Спарта, т. II. Beilage i. p. 48.

Евсевий, помещая этот поединок в гораздо более ранний период (Ol. 27, 3, 678 г. до н. э.), приписывает первое основание Гимнопедии в Спарте желанию увековечить это событие. Павсаний (iii. 7, 3) относит его еще дальше - к царствованию Теопомпа.

[791] Thucyd. v. 41. Τοῖς δὲ Λακεδαιμονίοις τὸ μὲν πρῶτον ἐδόκει μωρία εἶναι ταῦτα, ἔπειτα (ἐπεθύμουν γὰρ πάντως τὸ Ἄργος φίλιον ἔχειν) συνεχώρησαν ἐφ' οἷς ἡξίου, καὶ συνεγράψαντο.

[792] Herodot. vii. 9. Сравните вызов, который, как утверждает Геродот, был брошен спартанцам Мардоном через глашатая незадолго до битвы при Платее (ix. 48).

[793] Athenæ. xv. p. 678.

[794] Herod. viii. 73; Pausan. iii. 2, 2; viii. 27, 3.

[795] Pausan. ii. 25, 5. Маннепт (Geographie der Griechen und Römer Griechenland, book ii. ch. xix. p. 618) связывает кинурийцев с Аркадией и Арголидой, хотя Геродот говорит нам, что последние были ионийцами: он придает этому имени гораздо большее значение и расширение, чем свидетельствуют факты.

[796] Strabo, viii. p. 370-ὁ Ἰναχος ἔχων τὰς πηγὰς ἐκ Λυρκείου τοῦ κατὰ Κυνοῦριαν ὄρους τῆς Ἀρκαδίας. Корей и Гроскурд ничего не выигрывают от предположительного чтения Ἀργείας вместо Ἀρκαδίας, так как хребет Лиркея проходит между ними, и, следовательно, может быть связан с любым из них без неуместности.

[797] Thucyd. vi. 95.

[798] Xenophon, Hellen. iv. 8, 7: φοβούμενος τὴν ἀλγεμένην τῆς χώρας.

[799] Xenoph. Hellen. v. 5. 10; Eurip. ap. Strabo, viii. p. 366; Leake, Travels in Morea, vol. iii. c. xxii. p. 25.

"Именно в прочности границ и сравнительно большой территории, заключенной в них, мы должны искать главную причину лакедемонского могущества. Они позволили народу, укрепленному жесткой военной дисциплиной и воодушевленному честолюбивым духом, сначала одержать победу над своими более слабыми соседями из Мессении, с помощью этой дополнительной силы одолеть разобщенные республики Аркадии и в конце концов на



протяжении веков удерживать признанное военное превосходство над всеми другими государствами Греции.

"Примечательно, что все главные проходы в Лаконию ведут к одной точке: эта точка - Спарта; факт, который сразу показывает, насколько удачно было выбрано положение этого города для обороны провинции и насколько хорошо он был приспособлен, особенно пока оставался необорудованным, для поддержания постоянной бдительности и готовности к обороне, которые являются самыми верными средствами для наступательного успеха.

"Естественных отверстий в равнину Спарты всего два: одно - у верховьев Евротаса, как можно назвать течение этой реки выше Спарты; другое - у ее единственного крупного рукава *Ἰσπυς*, ныне Келефина, который, как я уже говорил, соединяется с Евротасом напротив северо-восточной оконечности Спарты. Все естественные подходы к Спарте с севера ведут в одну или другую из этих двух долин. Со стороны Мессении северное продолжение горы Тайгетум, которая соединяется с горой Ликей у перевала Андания, ныне перевал Макриплай, представляет собой непрерывную преграду самого высокого рода, допускающую только легко обороняемые пути; И все они, будь то из Аркадийского Кромитиса к юго-западу от современного Лондари, со Стениклерской равнины, с равнины Памиса или из Фере, ныне Каламата, спускаются в долину верхнего Евротаса и ведут в Спарту через Пеллану. Действительно, существовало ответвление последнего из упомянутых путей, которое спускалось на спартанскую равнину у современной Мистры, и которое, должно быть, было очень частым сообщением между Спартой и нижней частью Мессении; но, как и другие прямые пути через Тайгетум, оно было гораздо более трудным и защищенным, чем те, которые я назвал естественными входами в провинцию."

[800] Aristot. Polit. viii. 3, 4. "Ἐτι δ' αὐτοὺς τοὺς Λάκωνας ἴσμεν, ἕως μὲν αὐτοῖς προσήδρευον ταῖς φιλοπονίαις, ὑπερέχοντας τῶν ἄλλων- νῦν δὲ, καὶ τοῖς γυμνασίοις καὶ τοῖς πολεμικοῖς ἀγῶσι, λειπομένους ἐτέρων: οὐ γὰρ τῷ τοὺς νέους γυμνάζειν τὸν τρόπον τοῦτον διέφερον, ἀλλὰ τῷ μόνον μὴ πρὸς ἀσκοῦντας ἀσκεῖν.... Ἀνταγωνιστὰς γὰρ τῆς παιδείας νῦν ἔχουσι- πρότερον δὲ οὐκ εἶχον.

[801] Herodot. i. 68. ἤδη δὲ σφί καὶ ἡ πολλὴ τῆς Πελοποννήσου ἦν κατεστραμμένη.

[802] Herodot. i. 67; ср. примечание Ларше.

О неясном и трудном предмете военного устройства Спарты см. Cragius, Repub. Laced. iv. 4; Manso, Sparta, ii. Beilage 18, p. 224; O. Müller, Hist. Dorians, iii. 12; заметку д-ра Арнольда о Thucydides, v. 68; и д-ра Тирлволла, История Греции, т. I. Приложение 3, с. 520.

[803] Pollux, i. 10, 129. Ἰδίως μέντοι τῶν Λακεδαιμονίων, ἐνωμοτία, καὶ μόρα: ср. Suidas и Hesych. v. Ἐνωμοτία; Xenoph. Rep. Lacon. c. 11; Thucyd. v. 67-68; Xenoph. Hellen. vi. 4, 12.

Суидас называет численность эномотии в двадцать пять человек: в лакедемонской армии, сражавшейся в первой битве при Мантинее (418 г. до н. э.), она, по-видимому, состояла из тридцати двух человек (Thuc. l. c.): в битве при Лейктре - из тридцати шести человек (Xen. Hellen. l. c.). Но из языка Ксенофонта и Фукидида не следует, что численность каждого эномотия была одинаковой.

[804] О. Мюллер утверждает, что эномотарх после παραγωγή, или развертывания в фалангу, вставал *по правую* руку, что противоречит Ксенофону. Rep. Lac. 11, 9. "Ὅτε δὲ ὁ ἄρχων εὐώνυμος γίγνεται, οὐδ' ἐν τούτῳ μειονεκτεῖν ἡγοῦνται, ἀλλ' ἔστιν ὅτε καὶ πλεονεκτεῖν, - ἄρχων был первым эномотархом лоха, πρωτοστάτης (как явствует из 11, 5), когда эномотия маршировала в одном строю. Постановка ἡγεμῶν на правом фланге делалась *иногда* по особой причине, - ἦν δὲ ποτε ἐνεκά τινος δοκῇ συμφέρειν, τὸν ἡγεμόνα δέξιον κέρας ἔχειν и т. д. Я понимаю

описание Ксенофонтom παραωυγή, или развертывания, иначе, чем Мюллер, - скорее кажется, что эномотии, стоявшие первыми, сделали боковое движение влево, так что первый эномотарх все еще сохранял свое место слева, в то же время создавалась возможность для эномотий, стоявших сзади, подняться и образовать равный фронт, τῷ ἐνωμοτάρχῃ παραεγγύηται εἰς μέτωπον παρ' ὁπίδα καθίστασθαι, - слова παρ' ὁπίδα относятся, как мне кажется, к действиям первого эномотарха, который подал пример бокового движения на левую руку, как это видно из следующих слов: -καὶ διὰ παντὸς οὗτος ἔστ' ἂν ἡ φάλαγξ ἐναντία καταστῇ. Фаланга формировалась, когда все *лохи* образовывали равный и непрерывный фронт, независимо от того, были ли шестнадцать эномотий, из которых состоял каждый лох, в одной шеренге, в трех шеренгах или в шести шеренгах.

[805] См. Ксеноф. Anab. iv. 8, 10, о преимуществе нападения на врага с ὄρθιοι λόχοι, в этом случае самые сильные и лучшие солдаты вступали в бой первыми. Следует, однако, помнить, что практика киреевских войск не может быть с уверенностью приведена в качестве авторитета для практики Спарты. Ксенофонт и его коллеги установили в кирейской армии лохи, пентекосты и эномотии: лохи состояли из ста человек, но численность двух других подразделений не указана (Anab. iii. 4, 21; iv. 3, 26: ср. Arrian, Tactic. cap. 6).

[806] Слова Фукидида свидетельствуют об особом построении лакедемонян, которые отличались как от своих врагов, так и от союзников в битве при Мантинее, -καὶ εὐθὺς ὑπὸ σπουδῆς καθίσταντο ἐς κόσμον τὸν ἑαυτῶν, Ἄγιδος τοῦ βασιλέως ἕκαστα ἐξηγουμένου κατὰ νόμον: еще раз, с. 68.

О музыке флейты или фифы, Thucyd. v. 69; Xen. Rep. Lac. 13, 9; Плутарх, Ликург. с. 22.

[807] Meursius, Dr. Arnold и Rachetti (Della Milizia dei Greci Antichi, Milan, 1807, p. 166) считают, что lochus и mora были разными названиями для одного и того же подразделения; но если это должно быть согласовано с заявлением Ксенофонта в Repub. Lac. с. 11, мы должны предположить фактическое изменение номенклатуры после Пелопоннесской войны, что, по-видимому, является мнением д-ра Арнольда, - однако это нелегко объяснить.

В Приложении д-ра Тирлуолла есть один момент, который имеет некоторое значение, и в котором я не могу не согласиться с его мнением. После изложения номенклатуры и классификации спартанских вооруженных сил, приведенной Ксенофонтom, он говорит: "Ксенофонт говорит только о спартанцах, как видно из эпитета πολιτικῶν", стр. 521: слова Ксенофонта: Ἐκάστη δὲ τῶν πολιτικῶν μορῶν ἔχει πολέμαρχον ἓνα и т. д. (Rep. Lac. 11.).

Мне кажется, что Ксенофонт говорит здесь о совокупности лакедемонских тяжеловооруженных сил, включая спартанцев и периеков, а не только о спартанцах. Слово πολιτικῶν означает не спартанцев в отличие от периеков, а лакедемонян в отличие от союзников. Так, когда Агесилай возвращается домой после блокады Флиуса, Ксенофонт говорит нам, что ταῦτα ποιήσας τοὺς μὲν συμμάχους ἀφῆκε, τὸ δὲ πολιτικὸν οἴκαδε ἀπήγαγε (Hellen. v. 3, 25).

О. Мюллер также считает, что все пять тысяч семьсот сорок человек, сражавшихся в первой битве при Мантинее на тринадцатом году Пелопоннесской войны, были предоставлены самой Спартой (Hist. of Dorians, iii. 12, 2): в доказательство этого он ссылается на только что приведенный отрывок из "Эллиники" Ксенофонта, который, насколько он что-то доказывает, свидетельствует о противоположности его позиции. Он не приводит никаких других доказательств в ее поддержку, и я считаю ее в высшей степени неправдоподобной. Я уже отмечал, что он понимает выражение πολιτικῇ χώρᾳ (в Polybius, vi. 45) как означающее район

самой Спарты в отличие от Лаконии, - конструкция, которая кажется мне не оправданной отрывком из Polybius.

[808] Аристотель, Λακωνίων Πολιτεία, Fragm. 5-6, ed. Neumann: Photius v. Λόχος. Harpokration, Μόρα. Etymologic. Mag. Μόρα. Утверждение Аристотеля передано настолько несовершенно, что мы не можем четко определить, в чем оно заключалось. Ксенофонт говорит, что всего было шесть *moræ*, охватывавших всех граждан военного времени (Rep. Lac. 11, 3). Но Эфор считает, что *moræ* состояла из пятисот человек, Каллистен - из семисот, а Полибий - из девятисот (Плутарх, Пелопид. 17; Диодор. xv. 32). Если все граждане, способные носить оружие, состояли в шести морах, то численность каждой морахи, конечно, должна была варьироваться. В битве при Мантинее было семь лакедемонских лохий, каждая лохия содержала четыре пентекостии, а каждая пентекостия - четыре эномотии: Фукидид, как я уже отмечал, считает, что каждом эномотии было тридцать два человека. Но Ксенофонт говорит нам, что в каждой море было четыре лохии, в каждой лохии - две пентекостии, а в каждой пентекостии - две эномотии (Rep. Lac. 11, 4). Названия этих подразделений остались прежними, но их количество изменилось.

[809] Это подразумевается в том факте, что мужчины моложе тридцати или моложе тридцати пяти лет часто отделялись в битве, чтобы преследовать легкие войска противника (Xen. Hellen. iv. 5, 15-16).

[810] Xenoph. Hellen. vi. 4, 12.

[811] Herodot. vi. 111; Thucyd. vi. 98; Xenoph. Hellen. iv. 2, 19.

Такое же распределение гоплитов по гражданским племенам, к которым они принадлежали, наблюдается у жителей Мессены в Сицилии, а также Сиракуз (Thucyd. iii. 90; vi. 100).

В Аргосе была тысяча гоплитов, которые во время Пелопоннесской войны обучались военным маневрам за счет города (Thucyd. v. 67), но есть основания полагать, что этот порядок был введен только во время Никиасова мира на десятом или одиннадцатом году Пелопоннесской войны, когда перемирие между Аргосом и Спартой только истекло и когда первый начал вынашивать честолюбивые планы. Эпариты в Аркадии начались гораздо позже, после битвы при Лейктре (Xenoph. Hellen. vii. 4, 33).

Об афинских таксиархах, по одному на каждое племя, см. Æschines de Fals. Leg. c. 53, p. 300 R.; Lysias, pro Mantitheo, Or. xvi. p. 147; Demosth. adv. Bæotum pro nomine, p. 999 R. Philippic, i. p. 47.

См. совет Ксенофонта (в его трактате De Officio Magistri Equitum) по перестройке афинской кавалерии и введению небольших подразделений, каждое со своим командиром. Разделение на племена - это все, что он находит признанным (Off. M. E. C. ii. 2-iv. 9); он настоятельно рекомендует отдавать приказы, - διὰ παραγγέλσεως, а не ἀπὸ κήρυκος.

[812] Plutarch, Pelopid. c. 23. Πάντων ἄκροι τεχνῖται καὶ σοφισταὶ τῶν πολεμικῶν ὄντες οἱ Σπαρτιᾶται, etc. (Xenoph. Rep. Lac. c. 14) ἡγήσαίῃ ἄν, τοὺς μὲν ἄλλους αὐτοσχεδιαστὰς εἶναι τῶν στρατιωτικῶν, Λακεδαιμονίους δὲ μόνους τῷ ὄντι τεχνίτας τῶν πολεμικῶν.... Ὡστε τῶν δεομένων γίγνεσθαι οὐδὲν ἀπορεῖται- οὐδὲν γὰρ ἀπρόσχεπτόν ἐστιν.

[813] Ὑμέας γὰρ πυνθάνομαι προεστάναι τῆς Ἑλλάδος (Herodot. i. 69): ср. i. 152; v. 49; vi. 84, о спартанской гегемонии.

[814] Xenoph. Repub. Lac. 10, 8. ἐπαινοῦσι μὲν πάντες τὰ τοιαῦτα ἐπιτηδεύματα, μιμεῖσθαι δὲ αὐτὰ οὐδεμία πόλις ἐθέλει.

Великолепная погребальная речь, произнесенная Периклесом в начале Пелопоннесской войны над погибшими афинскими воинами, содержит замечательный контраст безудержного патриотизма и храбрости афинян со строгим, отталкивающим и показным обучением, которому спартанцы подвергались с ранней юности; в то же время она свидетельствует о сильном влиянии, которое это обучение произвело на умы Греции (Thucyd. ii. 37-39). πιστεύοντες οὐ ταῖς παρασκευαῖς τὸ πλεον καὶ ἀπάταις, ἢ τῷ ἀφ' ἡμῶν αὐτῶν ἐς τὰ ἔργα εὐψύχῳ- καὶ ἐν ταῖς παιδείαις οἱ μὲν (спартанцы) ἐπιπόνῳ ἀσκήσει εὐθύς νέοι ὄντες τὸ ἀνδρεῖον μετέρχονται и т. д.

Впечатление, произведенное на легкие войска, когда они впервые начали нападать на лакедемонских гоплитов на острове Сфактерия, сильно выражено Фукидидом (iv. 34), -τῇ γνῶμῃ δεδουλωμένοι ὥς ἐπὶ Λακεδαιμονίους и т. д.

[815] Xenoph. Hellen. v. 4, 52: ср. iii. 5, 20.

[816] Xenoph. Hellen. iii. 4, 19.

[817] Pausan. iv. 24, 2; iv. 35, 2.

[818] Pausan. ii. 19, 2; Плутарх (Cur Pythia nunc non reddat oracula, etc. c. 5, p. 396; De Fortunâ Alexandri, c. 8, p. 340). Лакидес, царь Аргоса, также назван Плутархом роскошным и женоподобным (De capiendâ ab hostibus utilitate, c. 6, p. 89).

О. Мюллер (Hist. of Dorians, iii. 6, 10) отождествляет Лакидеса, сына Мелтаса, названного Павсанием, с Леокедесом, сыном Фидона, названным Геродотом одним из женихов на дочери сикионца Клейстенеса (vi. 127); таким образом он делает вывод, что Мелтас должен был быть свергнут и сменен Айгоном около 560 года до н. э. Это предположение кажется мне не слишком достоверным.

[819] Herodot. vii. 149.

[820] Herodot. viii. 73.

Страбон различает два места, называемых Орнеæ; одно - деревня на территории Аргей, другое - город между Коринфом и Сикионом; но я сомневаюсь, что когда-либо существовало два места с таким названием: город или деревня, зависящая от Аргоса, кажется единственным местом (Strabo. viii. p. 376).

[821] Thucyd. v. 67-vi. 95.

Клеонцы, как говорят, вместе с тегейцами помогали аргейцам в разрушении Микенеса: из этого, однако, нельзя сделать вывод об их зависимости в то время (Strabo, viii. p. 377).

[822] Пиндар, Нем. x. 42. Κλεωναίων πρὸς ἀνδρῶν τετράκις (ср. Нем. iv. 17). Κλεωναίου τ' ἀπ' ἀγῶνος и т. д.

[823] См. Corsini Dissertation. Agonicæ, iii. 2.

Десятая Немейская ода Пиндара является в этом отношении особенно хорошим доказательством, поскольку она написана для Тезея, уроженца Аргоса, и предположительно была им спета. Если бы в то время между Аргосом и Клеоной существовала ревность по

поводу председательствования на этом празднике, Пиндар никогда бы не стал по такому случаю прямо упоминать клеонцев в качестве председателей.

Утверждения Схолии о Пиндаре, что коринфяне в свое время праздновали Немейские игры или что они издревле проводились в Сикионе, кажутся необоснованными (Schol. Pind. Arg. Nem., и Nem. x. 49).

[824] Polyb. ii. 41.

[825] Herodot. i. 145; Strabo, viii. p. 385.

[826] Pausan. iv. 15, 1; Strabo, viii. p. 383; Homer, Iliad, ii. 573. Павсаний, по-видимому, забыл об этом утверждении, когда рассказывает, что название Гипересия было заменено на название Эгейра во время ионийской оккупации страны (vii. 26, 1; Steph. Byz. copies him, v. Αἴγειρα). Сомнительно, что эти два названия обозначают одно и то же место, да и Страбон не считает, что это так.

[827] Strabo, viii. pp. 337, 342, 386.

[828] Polyb. ii. 41.

[829] См. Leake's Travels in Morea, с. xxvii. and xxxi.

---

#### Примечание транскриптора

- Изображение обложки книги было создано транскриптором и является общественным достоянием.
  - Сноски были перенумерованы и перенесены в конец книги.
  - Пустые страницы пропущены.
  - Очевидные типографские ошибки были беззвучно исправлены после сравнения с более поздним изданием этой работы. Греческий текст также исправлен после сверки с этим более поздним изданием и с Персеем, когда была найдена ссылка.
  - Оригинальная орфография, дефис и пунктуация сохранены, но варианты написания приведены в соответствие, если было обнаружено преобладающее употребление.
  - Кроме того, не было предпринято никаких попыток нормализовать имена собственные (например, Xenophon и Xenophôn, Ægæan и Ægean, Laërtês и Laërtes, Corœbus и Korœbus и т. д.). В начале первого тома этой работы автор установил некоторые правила транскрипции имен собственных, но ни он, ни его издатель не следуют им последовательно.
  - В некоторых устройствах для просмотра таблиц во всю ширину необходимо повернуть страницу.
-